

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

М О В А

НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНИЙ ЧАСОПИС З МОВОЗНАВСТВА

№ 17

*Випуск присвячений пам'яті
члена-кореспондента НАН України,
доктора філологічних наук,
професора
Юрія Олександровича КАРПЕНКА
(1929 — 2009)*

О д е с а
«АСТРОПРИНТ»
2012

Головний редактор
Главный редактор
Editor-in-chief

Дмитро Семенович ПЩЕНКО
Дмитрий Семёнович Ищенко
Dmytro S. Ishchenko

Заступники головного редактора
Заместители главного редактора
Vice-editors

Олександр Іванович БОНДАР
Александр Иванович Бондарь
Oleksandr I. Bondar

Ірина Михайлівна КОЛЕГАЄВА
Ирина Михайловна Колегаева
Iryna M. Kolehajeva

Відповідальний секретар
Ответственный секретарь
Secretary

Євгеній Миколайович СТЕПАНОВ
Евгений Николаевич Степанов
Yevgeniy N. Stepanov

Редакційна колегія

Редакционная коллегия

Н. В. Бардіна, Л. М. Голубенко, В. В. Горбань, Л. М. Гукова, Д. Дзевановська, М. І. Зубов, Н. Г. Іванова, Т. Ю. Ковалевська, В. О. Колесник, Л. О. Петрова, С. В. Плотницька, Л. Ф. Фоміна
Н. В. Бардина, Л. Н. Голубенко, В. В. Горбань, Л. Н. Гукова, Д. Дзевановска, Н. И. Зубов, Н. Г. Иванова, Т. Ю. Ковалевская, В. А. Колесник, Л. А. Петрова, С. В. Плотницкая, Л. Ф. Фомина

Часопис засновано в 1993 році. Свідоцтво про реєстрацію в Державному комітеті телебачення і радіомовлення України КВ №8932 від 6 липня 2004 р.

Часопис «Мова» Постановою президії ВАК України № 1-05/6 від 12 червня 2002 р. включено до переліку № 10 наукових фахових видань України. Перереєстровано Постановою президії ВАК України № 1-05/8 від 22.12.2010 р.

Рекомендовано до друку вченою радою ОНУ.

Збірник присвячено пам'яті члена-кореспондента НАН України Ю. О. Карпенка. У збірнику представлені дослідження актуальних теоретичних і прикладних проблем лінгвістики на матеріалі різних мов: української, російської, білоруської, англійської, французької, польської, казахської. Адресовано широкому колу філологів: науковцям, вчителям, методистам, студентам.

Адреса редакції / Адрес редакции / Address: Французький бульвар, 24/26, кімн. 111, 113
Одеса, Україна, 65058
Телефон / Phone: +38 (048) 776-22-77; Факс / Fax: +38 (048) 746-51-14
E-mail: sfsg701j@tm.odessa.ua; nlla@mail.ru; odessarusyaz@rambler.ru

Юрій Олександрович КАРПЕНКО
Юрий Александрович КАРПЕНКО
(1929 — 2009)

<i>Ищенко Д. С.</i> Слово об учёном	7
---	---

ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА І СОЦІОЛІНГВІСТИКИ

<i>Каиржанов А. К.</i> Древние тюрки и славяне: аспект аккультурации	10
<i>Степанов Е. Н.</i> Город в контексте научной лингвистической парадигмы	14
<i>Плотницкая С. В.</i> Корпусная лингвистика: национальный корпус языка	23
<i>Габидуллина А. Р.</i> Парадокс в научно-популярном лингвистическом тексте	26
<i>Сенніков А. О., Белоусова Н. Б.</i> Використання лінгвістичного методу побудови семантичної площини при аналізі лобістської діяльності	29
<i>Дмитрієв С. В.</i> Номінація особи у лінгвокультурній картині світу носіїв українського кримінально-злочинного соціолекту	32

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

<i>Морозова И. Б.</i> Коммуникативно-прагматическая роль авторской ремарки в художественном диалоге	36
<i>Бигунова Н. А.</i> Дифференциальные признаки речевых актов комплимента и лесты (на материале современного английского языка)	42
<i>Євдокимова І. О.</i> Просодичні засоби відображення мовленнєвої маски дружнього порадики у телевізійній рекламі ..	46
<i>Антоненко Ю. М.</i> Отрицательные оценочные суждения в жанре научной рецензии	50
<i>Ивасюк О. В.</i> Языковое отражение особенностей восприятия (на материале русских и английских глагольных визуализмов)	55
<i>Мурадян И. В., Шумарина Т. Ф.</i> Когнитивный потенциал номинаций персонажей, представляющих Петербург, в романе А. Н. Толстого «Сёстры»	58

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

<i>Ненашева Л. В.</i> Сочетания редуцированных с плавными в старорусских памятниках XV века	61
<i>Бондар О. І.</i> Словник українських говорів Одещини на тлі розвитку української діалектної лексикографії в ХХІ столітті	63
<i>Швец А. И.</i> Диалектные лексические различия как маркеры культурных процессов (на материале русских говоров Одесской области)	68
<i>Баранник Л. Ф.</i> Традиционная южнорусская лексика придунайских старообрядческих говоров Одесской области ..	72

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ І ПРАГМАТИКИ

<i>Петров А. В.</i> Этимолого-семантические микрополя в русском языке	79
<i>Труба Г. М.</i> Структура функціонально-семантичної категорії становості	84
<i>Совтис Н. М.</i> Роль польських письменників з етнічних українських земель у формуванні лексичного складу польської мови ХІХ ст.	89
<i>Дробышева Н. Л.</i> «Профессиональное» в бытовой лексике	92
<i>Романченко А. П.</i> Спостереження над мовою «Мисливських усмішок» Остапа Вишні	95
<i>Федотова Ю. С.</i> Метафорический потенциал зоонима 'собака' (на материале русского, украинского и немецкого языков)	99

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ

<i>Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф.</i> О типологическом статусе словаря «Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина»	103
<i>Иванова Н. Г.</i> Метафорическое наименование в эпистолярном наследии А. С. Пушкина	107
<i>Немировська О. Ф.</i> Заголовок як актуалізатор художнього часу і простору (на матеріалі роману О. Т. Гончара «Собор»)	109
<i>Карпенко М. Ю.</i> Виокремлення базової одиниці Інтернет-ономастикону	113
<i>Скляренко О. М.</i> Гумористично-конотативні та іронічні утворення в топонімічних сферах України та США	116

З М І С Т

<i>Горлачѐва В. В.</i> Топонимы в рекламной колористической номинации.....	120
<i>Деріж І. М.</i> До проблеми перекладу українських топонімів на германські мови (<i>на матеріалі української, англійської та німецької мов</i>).....	123
<i>Долбіна К. Д.</i> Мотиваційна структура україномовного зоонімікону.....	128

ПИТАННЯ ТЕРМІНОЗНАВСТВА

<i>Арискина О. Л., Ребрушкина И. А.</i> Логико-семантический метод исследования терминологической ориентации... 132	
<i>Філюк Л. М.</i> Функціональні параметри термінів інформатики в науковому стилі.....	134
<i>Мар'янюк Я. Г.</i> Особливості афіксального творення українських термінів дизайну.....	140

ПИТАННЯ СЛОВОТВОРУ

<i>Дьячок Н. В.</i> Этапы формирования явления универбации в русском языке.....	144
<i>Ирлицына И. Б.</i> О некоторых словообразовательных и семантических особенностях глаголов в современной русской молодёжной речи.....	148

ПИТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ

<i>Лангина А. Н.</i> Семантический анализ устойчивых сравнительных оборотов с зоосемизмами в русском и немецком языках.....	152
<i>Антонюк Т. О.</i> «Вклинивание» как приём авторского преобразования устойчивых сравнений (<i>на материале русскоязычной прозы В. В. Набокова</i>).....	157
<i>Перепелица М. С.</i> Основные способы трансформации фразеологизмов в русскоязычной глянцевої пресі в Україні... 160	

ПИТАННЯ МОРФОЛОГІЇ

<i>Телецкая Т. В., Панченко И. В.</i> Недискретные средства выражения объективной модальности в современных украинском и русском языках.....	165
<i>Колесников А. О.</i> Коефіцієнт некомплектності як спосіб виміру парадигматичної дефектності.....	169
<i>Бровкина И. В.</i> Функционирование неопределённых местоимений в рассказе В. Г. Короленко «Без языка».....	175

ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ, ТЕКСТИКИ, ДИСКУРСОЛОГІЇ

<i>Шацкая М. Ф.</i> Диктема — единица текста или дискурса?.....	179
<i>Абашина В. Н.</i> Специфика заголовочных конструкций с парцелляцией (на материале газет).....	182
<i>Валипур Алиреза.</i> Структура текста в диалогическом пространстве.....	186
<i>Меньшиков И. И.</i> Эллипсис в респонсивных предложениях современного русского языка.....	189
<i>Приходько А. М., Лимаренко О. А.</i> Синтаксична деривація в контрадикторному реченні: інтенсивний тип.....	193
<i>Хомула Н. А.</i> Семантические позиции аргументных субстантивов с формантами <i>микро-</i> и <i>мини-</i> в смысловой структуре русского предложения.....	198
<i>Куварова Е. К.</i> Функционально-семантические типы заключительных этикетных формул русского письма.....	202
<i>Яковлева О. В.</i> Специфіка обрядового тексту як об'єкта філологічних досліджень.....	206
<i>Гейна О. В.</i> К вопросу о классификации субъектно-объектных детерминантов в современных русском и украинском языках.....	209

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ І МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

<i>Гренарова Р.</i> Новые образовательные информационные технологии в обучении русскому языку.....	213
<i>Мэн Ся.</i> Лингводидактические особенности обучения русской видовременной системе в китайской аудитории... 217	
<i>Цзя Юннин.</i> Стилистическая и пунктуационная интерференция в русской письменной речи китайских студентов.. 220	
<i>Юхимець С. Ю.</i> Підготовка майбутніх викладачів англійської мови до просодичного оформлення модальних значень.. 223	
<i>Миракьян И. Г., Овчаренко Л. Г., Змиевская Н. П.</i> Роль куратора в современных условиях обучения иностранных студентов.....	226

НАШІ АВТОРИ

Наші автори.....	230
Наши авторы.....	232

Д. С. ИЩЕНКО

СЛОВО ОБ УЧЁНОМ

В Одесском национальном университете имени И. И. Мечникова на протяжении всех 146 лет его существования работали видные учёные, обогатившие весьма существенно науку и составившие гордость университета и страны. В ряду таких учёных достойное место занимает доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент НАНУ **Юрий Александрович КАРПЕНКО**.

Ю. А. Карпенко родился 29 сентября 1929 г. в г. Малине Житомирской области. Уже в школьные годы проявилась разносторонность его интересов: его увлекали и математика, и филология. Окончив в 1948 г. среднюю школу с серебряной медалью, он решил поступать во Львовский университет имени И. Франко, но факультет будущего обучения, математический или филологический, выбирал с помощью жребия, и это оказался филологический, русское отделение. Вполне вероятно, что, посвятив себя математике, Ю. А. Карпенко и там достиг бы значительных успехов, но мы, языковеды, должны благодарить судьбу за то, что он стал филологом. Заметим, однако, что математический склад ума ярко проявился в его языковедческих работах: это чёткость, логическая стройность мышления, строгая последовательность изложения, умение чётко структурировать и обобщать материал так, что выводы действительно являются итогом предшествующего анализа фактов. Он всегда учил других такому построению исследования, чтобы последующее вытекало из предыдущего и получало логическое завершение.

В университете Ю. А. Карпенко увлекался творчеством В. Маяковского; подчеркнём, что внимание и интерес к текстам художественных произведений характерны и для всей его научной деятельности. Также он изучал китайский язык, знал более 700 иероглифов и наслаждался их своеобразной эстетикой.

Ю. А. Карпенко окончил университет с красным дипломом в 1953 г. и поступил в аспирантуру при кафедре украинского языка Черновицкого университета (теперь им. Ю. Федьковича). Его наставниками были вначале профессор А. Н. Савченко, потом доцент И. Г. Чередниченко. Кандидатскую диссертацию на тему «История форм количественных числительных в украинском языке» он защитил в Харьковском университете в 1956 г. за полгода до окончания срока аспирантуры — случай, как все мы знаем, совсем не частый. После защиты он работал в Черновицком университете на кафедре украинского языка, потом общего языкознания и уже с 1958 г. заведовал кафедрой (в возрасте 29 лет), а с 1963 г. был деканом филологического факультета. Так были уже тогда замечены и оценены его незаурядные организаторские способности. Всего Ю. А. Карпенко отдал Черновицкому университету 15 лет жизни и работы. Он неуклонно искал свой дальнейший путь в науке, публикуя ряд статей на различные темы, а в 1958 г. вышли две его статьи о названиях буковинских рек. Это было началом его триумфального вхождения в ономастику, начиная с топонимики. Он правильно определил научную потребность изучения буковинской топонимии, недостаточно исследованной к тому времени. В 60-х гг. выходят 4 его книжки общим объёмом 235 стр. о месте топонимии в лексическом составе языка и о топонимии горных, восточных и центральных районов Черновицкой области. В 1967 г. Ю. А. Карпенко защитил в АН Украины докторскую диссертацию «Топонимия Буковины» и стал самым молодым доктором филологических наук в Украине. Позже под этим названием вышла монография, расширенная и дополненная. Была показана славянская основа гидронимов и оронимов Буковины, что выводит работу за рамки чисто лингвистические. Здесь уже вполне проявился свойственный Ю. А. Карпенко скрупулёзный учёт фактов, умение их обобщать и правильно интерпретировать, т. е. то, что характеризует всё его научное творчество.

В 1968 г. Ю. А. Карпенко был приглашён в ОГУ для заведования новообразованной кафедрой общего и славянского языкознания. В Одессе он проработал 41 год. Именно здесь он создал свои наиболее значительные труды, здесь полностью раскрылся его талант учёного как исследователя и генератора идей, так и организатора науки и учебного процесса. Ю. А. Карпенко явился создателем и вдохновителем широко известной ныне и авторитетной далеко за пределами Украины Одесской ономастической школы. Он всегда был центром притяжения для многих и молодых, начинающих, и опытных учёных, которых он буквально зажигал и вдохновлял плодотворными идеями и собственным примером неустанного труженика науки.

Кафедрой общего и славянского языкознания Ю. А. Карпенко заведовал 10 лет. Основной научной тематикой кафедры была ономастика. Вокруг Ю. А. Карпенко быстро сложился коллек-

тив исследователей — преподавателей кафедры, аспирантов, соискателей, занявшихся изучением топонимии Одесской области. Здесь тоже был во многом непочатый край работы. Блестящим результатом этих изысканий стали три коллективные монографии (ответственный редактор Ю. А. Карпенко): «Топонімія північно-східної Одещини» (1975), «Топонімія південно-східної Одещини» (1978), «Гідронімі Нижнього Подністров'я» (1981). Их материал убеждает в значительной роли славянского элемента в формировании топонимии нашего края.

В 1978 г. Ю. А. Карпенко стал заведовать кафедрой русского языка и заведовал ею 14 лет. Это были годы расцвета кафедры: ежегодный набор студентов составлял 3 академические группы, много лет подряд каждый семестр приезжали на включённое обучение около 150 студентов-русистов из Германии, и на кафедре работали более 20 преподавателей. В короткие сроки было создано методическое обеспечение учебных дисциплин. Ономастической проблематикой занялось ещё большее количество преподавателей и аспирантов, наряду с топонимией стала изучаться и антропонимия. Росло количество защищённых диссертаций, выполненных под руководством Ю. А. Карпенко, а это связано и с диссертательностью тематики, безошибочно определявшейся научным руководителем.

Он всегда умел зажечь аспирантов любовью к научному творчеству, найти индивидуальный подход. У него была сакраментальная фраза, магически действовавшая на диссертантов: «Где текст диссертации?» — и текст создавался. Забегая вперёд, скажем, что всего под его руководством было написано и защищено более 60 кандидатских диссертаций, 5 докторских диссертаций он консультировал, а собственных научных публикаций у него почти 500. Эти впечатляющие цифры ярко показывают, каким мощным научным потенциалом обладал Ю. А. Карпенко, какова была его научная продуктивность.

В 70-е гг. Ю. А. Карпенко обратился к изучению русских и украинских астрономов (космонимов). После публикации ряда статей по этой тематике в Москве, в издательстве «Наука» вышла его знаменитая книга «Названия звёздного неба» (три издания: 1981, 1985 и позднее). Книга поражает огромным количеством фактического материала — наименований космических объектов (звёзд, планет, комет, созвездий, метеоритов и др.), скрупулёзным анализом этих наименований, убедительностью и обоснованностью суждений, полнотой учёта литературы вопроса на разных языках (и это в отсутствие Интернета). Как всегда у Ю. А. Карпенко, выводы очень глубоки. Приведём лишь один пример. Рассуждая о названии созвездия Большой Медведицы, которое совсем не похоже на медведя, Ю. А. Карпенко указывает, что так называют это созвездие многие народы, от европейцев до американских индейцев, так что о заимствовании друг у друга не может идти речь. Но данные астрономии говорят, что 100 тысяч лет назад это созвездие выглядело по-другому и действительно напоминало медведя. Следовательно, 100 тысяч лет назад у людей уже существовал язык и в нём было название медведя. Это уже выход из астрономии в глоттогенез.

Заметное место в творческом наследии Ю. А. Карпенко и его последователей занимает литературная ономастика, т. е. изучение особенностей функционирования собственных имён в текстах художественных произведений. И хотя он начал заниматься этой проблематикой ещё в 60-е гг., о чём свидетельствует итоговый сборник его статей «Літературна ономастика» (2008), даже в 1992 г. в предисловии редактора к сборнику «Літературна ономастика української та російської мов: взаємодія, взаємозв'язки» он писал, что есть разделы ономастики, где серьёзные исследования только начинаются или обдумываются, как богатейшая и перспективная литературная ономастика. Этот пробел заполнили, в частности, многие публикации одесских и других учёных в сборниках «Язык и стиль произведений В. П. Катаева, К. Г. Паустовского, Л. И. Славина» (1987), «Язык и стиль произведений И. Э. Бабея, Ю. К. Олеси, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова» (1991), «Мова та стиль І. О. Буніна, М. Г. Куліша, Ю. І. Яновського» (1994). Сам же Ю. А. Карпенко, помимо серии статей, написал (совместно со своей ученицей Мирославой Мельник) монографию «Літературна ономастика Ліни Костенко» (2004), высоко оцененную рецензентами.

В 1992 г. Ю. А. Карпенко стал заведовать кафедрой украинского языка и заведовал ею 9 лет, после чего работал профессором этой кафедры. Таким образом, он последовательно заведовал тремя языковедческими кафедрами факультета. На кафедре украинского языка Ю. А. Карпенко занимался изучением антропонимов казацких реестров XVII в., исследованием происхождения украинского языка, этногенеза славян и украинцев. В это же время он продолжал руководство проводимой на кафедре русского языка многолетней работой по собиранию материалов и изданию «Словаря русских говоров Одещины». Этот словарь вышел в двух томах под его редакцией в 2000—2001 гг. и явился первым дифференциальным словарём, отражающим особенности речи жителей 36 русских сёл Одесской области; многие слова этих говоров получили здесь первую лексикографическую фиксацию. Это заметный вклад в русскую диалектную лексикографию.

В 90-х гг. Ю. А. Карпенко издал учебник «Фонетика і фонологія сучасної української літературної мови» (1996), а ещё раньше выпустил учебник «Вступ до мовознавства» (вышли

три издания: 1983, 1991, 2006, каждое следующее из которых гораздо полнее предыдущего). Заслуживает упоминания прекрасный литературный язык его трудов (и украинский, и русский) — это образец научного стиля; его работы читаются легко и с интересом, без всякой псевдонаучной зауми.

Ю. А. Карпенко основал и был первым редактором периодических изданий «Записки з ономастики» и «Мова», которые регулярно выходят на факультете, имеют статус специализированных изданий и ощутимо помогают многим и многих диссертантам.

Вспомним также глубокую человечность Юрия Александровича, неоценимую помощь, которую он всегда оказывал своим ученикам и коллегам в их профессиональной, да и жизненной судьбе.

Выдающиеся заслуги Юрия Александровича в научной, учебной и общественной деятельности получили достойное признание: в 1996 г. он стал академиком Академии наук высшей школы Украины, а в мае 2006 г. был избран членом-корреспондентом НАНУ (единственный филолог на юге Украины). В 2009 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники Украины. О чём бы он ни писал, он всегда говорил новое слово, видел ранее незамеченное.

Господь сподобил его встретить своё 80-летие в кругу семьи, коллег, учеников и почитателей, имя которым — легион. К сожалению, он прожил после этого лишь 2 месяца и 10 дней, так и не написав задуманной книги «Заголовок как ономастическая единица».

Юрий Александрович был и остаётся гордостью нашего факультета и университета, всей Одесской ономастической школы, всей украинской науки и Украины, большим патриотом которой он был.

Светлая ему память!

А. К. КАИРЖАНОВ**ДРЕВНИЕ ТЮРКИ И СЛАВЯНЕ: АСПЕКТ АККУЛЬТУРАЦИИ**

В статье освещаются проблемы аккультурации между древними тюрками и восточными славянами. Раскрываются эквивалентные мировоззренческие парадигмы исследуемых этносов, образовавшиеся в древнюю эпоху.

Ключевые слова: тюрко-восточнославянские контакты, аккультурация, древняя Евразия, троeverие, тригlossия, солярные божества.

При длительном и постоянном контакте одной этнической группы с другой происходит процесс, изменяющий культурные парадигмы обеих групп. Именно это явление Франц Боас и Маргарет Мид назвали аккультурацией [1]. Отталкиваясь от этой идеи, рассмотрим культурно-исторические связи восточных славян и древних тюрков. Отметим, что каждая культура имеет своё, самобытное, основанное на определённом историческом развитии, функциональное единство. Однако в процессе аккультурации это единство нарушается, и только спустя некоторое время устанавливается новый баланс. Речь пойдёт об этом «новом балансе» образовавшемся как у восточных славян, так и у древних тюрков ещё в начале первого тысячелетия и проявившем себя ярко и полно как в начале второго тысячелетия н. э., так и в последующее время.

Эквивалентные мировоззренческие парадигмы культуры древних тюрков и восточных славян

Подробными сведениями о том, как протекали события до 988 г. н. э. на территории евразийских степей, наука, к сожалению, не располагает. Об этом сохранились крайне дискретные свидетельства. Кроме того, абберация дальности ушедшего времени затрудняет возможность рассеять плотную дымку, скрывающую подлинные события, имевшие место в отношениях между народами. В этих условиях следует обращаться к анализу письменных источников и материалов археологических разысканий, а при необходимости прибегать и к приёмам интерполяции, помогающим заполнить некоторые лакуны в процессе сложившейся аккультурации. Понимаю, что некоторые обобщения гипотетичны, но, по-видимому, другого пути у нас нет, так как многие нарративные источники ушедшей эпохи канули в Лету.

В традиционной ортодоксальной науке существует представление, что в Киевской Руси (*Киевском каганате*: первый русский митрополит Иларион в своём ораторском сочинении «Слово о законе и благодати» (XI в.) называет киевского правителя *каганом*) уже в начале X века сложилась система «двоеверия». Однако так ли было на самом деле? Н. И. Толстой и С. М. Толстая, выступая на VIII Международном съезде славистов, утверждали, что здесь уместно вести разговор не о «двоеверии», а о «троeverии»: «Средневековая и традиционная духовная культура у славян состояла из трёх генетически различных компонентов: 1) христианства, связанного с церковной догматикой, привнесённого извне из греческой Византии (...); 2) язычества, унаследованного от праславянского периода, исконного для его носителей, и 3) «антихристианства» (...), чаще всего опять-таки язычества, но неславянского происхождения» [12, с. 366—367]. Отметим, что первый и третий компоненты проникли в духовную сферу славян в процессе аккультурации. Рассмотрим более подробно третий компонент «троeverия», который является результатом изменившейся культурной парадигмы разных этнических образований, входивших в состав более крупного суперэтнического объединения в так называемое гуннское время.

В начале II в. н. э. хунны вынуждены были спастись от беспощадной орды сяньбийцев (древних монголов). Их вождь, выдающийся полководец Танышхай, вкупе с южными хуннами (кстати, последние воевали с северными хуннами на стороне Китая) нанесли поражение северянам. Они за три года, ведя кровопролитные бои, преодолели более 3-х тысяч километров и оказались на западных склонах Алтая, позже — на юге Урала. В эти места они прорывались налегке, оставив на милость победителям свои кибитки с домочадцами. На западных отрогах Алтая и в Минусинской котловине обитали кыпчаки (китайцы их называли «динлинами»). Это были белокурые синеокие европеоиды особой ветви. На севере современного Казахстана и на юге Урала находились финно-угры (или угро-финны). По своему антропологическому типу их можно отнести к широколицым монголоидам. В этих условиях начался активный процесс метисации и ассимиляции. Новая популяция вышла на историческую арену спустя 200 лет, когда

зимой они перешли реку Ра и стали известны благодаря византийским хронистам под именем гуннов. Они создали мощную конфедерацию племенных союзов (по-видимому, «эль»), разгромив аланов и рассеяв их по белу свету. Отметим, что Птолемей в итинерарии упоминает о крупнейшей реке, впадающей в Каспийское море с севера: Ра. В названии угадывается имя одного из скифских вождей Rhadalus. Птолемей пользовался картой Агриппы. Кочевники-ариане и другие тюркоязычные народы эту реку именовали Едил. Вследствие ряда фонетических изменений реку стали называть Итиль [11, с. 55, 177, 284]. В состав конфедерации вошли не только остготы, но и многочисленное славянское племя **анты**. По-видимому, с этого времени начались прямые и длительные контакты этих народов, а может быть, и ещё раньше, когда анты на рубеже двух эр находились на своей «первой» прародине в западных отрогах Тянь-Шаня [4].

Наряду с этими природными процессами, обозначенными В. И. Вернадским и Л. Н. Гумилёвым «пассионарной» энергией, были другие явления историко-социального и природного характера: 1) образование орды (лат. *ordus* — «порядок») — института раннефеодальной военно-демократической организации; 2) изменение ландшафта, диктовавшее свои жёсткие условия для успешного ведения экстенсивного кочевого скотоводства. В это время в течение 1—2 вв. н. э. в Евразийских степях наступила Великая засуха из-за резкого перемещения атлантических циклонов далеко на север. Перед кочевниками стояла дилемма: обречь себя в этих условиях на жалкое существование или продвинуться на Запад, чтобы выжить. Второе было возможно при условии победы над сильными соседями и присвоения их земель силой оружия. Этот путь оказался успешным благодаря третьему компоненту: вероисповеданию — тенгрианству, послужившему цементирующей основой объединения многих этносов в одну суперэтническую целостность.

Попытаемся проследить пути аккультурации в сложившихся условиях. Хунны привнесли свою культуру обитателям Южной Сибири, но и аборигены, в свою очередь, оказывали такое же влияние на них. Археологическими исследованиями установлено, что аборигены Южной Сибири приносили человеческие жертвы духам предков. А. П. Окладников приходит к знаменательному выводу, что в глазковскую эпоху появился новый похоронный обряд, обусловленный идеей о существовании потустороннего мира, в который ведёт река мёртвых, и в результате произошла замена старой обрядности на совершенно новый ритуал [9, с. 328]. Исходя из этого, считаем, что здесь лунная религия уступила своё место солнечному культу. Однако эта смена не означает аннигиляции старой сакральности, наоборот, возникает дуалистическая система: *Тенгри (Голубое Небо) — отец — добро* и *Умай (Земля) — мать — смерть*. Отметим, что эта дуалистическая система сохранилась в последующих культурах славянских и тюркоязычных народов в качестве рудиментов. Например, обнаруживаем такие рудименты в языке древних тюрков и кыпчаков (половцев, куманов). В Енисейских рунических памятниках письменности находим высокую частотность следующей паремии: «*Ālim qanīm sizä bökmädīm, kün-aī ölürtīm* (Второй памятник из Кызыл-Чира) — «*Моё государство и мой хан, я вами не наслаждался, я не стал ощущать солнце и луну, увь!*».

Отметим, что «солнце» как символ Тенгри обозначалось при помощи «дисков» и «колец» с изображением точки в центре. Подобные изображения обнаружены археологами в разных местах Евразии. Например, в степях Украины найдены многочисленные наконечники копий с древнетюркскими рунами. Рассмотрим один из таких наконечников, относящийся к IV в. н. э.

Вверху: ☉

Внизу: Z□↘Λ1

Транскрипция с транслитерацией: вверху: **Tägrī**; внизу: **küš šančī**.

Перевод: «Бог — Солнце (Голубое Небо) [помогает] пробить [пронзить] силой [насквозь]» (перевод автора).

В IV в. н. э. ставка гуннской орды находилась в Северном Причерноморье. В гуннской конфедерации (суперэтническом объединении) языком войны и общения был тюркский. Тюркский компонент в этом полиэтническом образовании был преобладающим. Обращает внимание верхняя надпись наконечника копья — изображение солярного символа ☉ — это «Бог-Солнце». Эта логограмма была символом Тенгри и восходит по своей форме и содержанию к шумерской логограмме. Крестом и кругом древние обитатели Алтая (Минусинской котловины) изображали вечное движение, крест и круг являли собой солярные символы «Бога-Солнца», которые в дальнейшей эволюции превратились в символ Тенгри. Круг с точкой в середине или изображения креста ставились на оружии или высекались на скалах. Эти символы были составными элементами оберегов того или иного тюркского племени, рода. Многие из них являются тамгой некоторых казахских родов, оставивших заметный след в истории Великой степи. Например, у западных куба-кыпчаков обнаруживаем изображение квадратного стяга с крестом — ☐, у кереев — крест +, у уйсуней — квадрат с крестом ☐, у аргынов — два кольца ○○, у дулатов — одно кольцо ○, у шектинцев — свастику ☸.

Тенгри приносили в жертву белого оленя (или белого коня в оленьей маске), чтобы половая потенция жертвенного животного перешла верховному божеству, обладающему мощной

космической энергией. Ведь сообществу, опоздавшему с жертвоприношением, Тенгри насылает на Землю (Умай) засуху, голод и смерть. Отрывочные свидетельства об этой солярной религии мы обнаруживаем у Геродота, который указывал, что «из богов [саки арийцы] чтят только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» [3]. По-видимому, смысл этой жертвы не был понят отцом истории Геродотом. Подлинный смысл, конечно, в другом: приносят в жертву не любую лошадь, а белого жеребца, так как Солнце — это не просто дневное светило, а Бог-Тенгри, по-славянски — Белобог, дающий жизнь, это его главная суть. Он податель жизни, обладающий космической потенцией для этого. Сравните значение рунической лексемы *sīq* («оплодотворяющий семя»; «олень», «белый жеребец»), высеченной на поверхности костяной бляшки (курган вблизи села Бобровое Восточно-Казахстанской области). Вероятно, ещё в арийскую эпоху жертвенный белый олень был уже заменён на белого коня-производителя. Ареал распространения арийцев можно представить следующим образом: северное нагорье современного Ирана, бассейн рек Окса и Яксарта, Притяньшанье, Памир и Алтай.

Следы общей сакральности древних тюрков и славян обнаруживаем в Минусинской котловине Алтая. Это древнейшие наскальные рисунки и рунические к ним надписи, датируемые первым тысячелетием до н. э. Например, на одном камне с синеватым отливом высечена сцена облавной охоты на оленей, где два всадника с обеих сторон окружают кольцом четырёх оленей. На переднем плане изображена смертельно раненная стрелой олениха, другая поражена копьём. Двум оленям самцам удаётся прорвать кольцо окружения, они мчатся по дороге и, по-видимому, угодят в расставленные сети и будут принесены в жертву Богу-Солнцу.

Приведём транскрипцию с транслитерацией: [maŋ sīq jol].

Эта надпись демонстрирует, что ещё в первом тысячелетии до н. э. язык одного из прототюркских диалектов находился на инкорпорирующем уровне своей эволюции. Об этом свидетельствует буквальный перевод этой надписи: «Бег + олень + дорога», что означает «Бегущие олени по дороге». Эта руническая надпись демонстрирует нам, что каменная летопись Великой степи во временном параметре укладывается в три тысячелетия [см. подробнее: 7, с. 50]).

Перманентная борьба и поочерёдная победа светлых и тёмных сил природы наиболее зримо отражается в древнейших представлениях славян о круговороте времён года. Сравните, например, тюркскую печать «Баба-Аты», по окружности которой изображены 12 животных, служащих символами двенадцатилетнего цикла. Бога-Солнце славяне называли Купалой, Ярилой и Костромой. В день весеннего равноденствия водили хоровод, имитируя круговое движение Солнца. При археологических раскопках найдены и идентифицированы сосуды, использовавшиеся для обрядов, проводившихся у родников и связанных с богиней-девой, покровительницей плодородия. Сравните с древнетюркским женским плодоносящим началом — богиней Умай, символизировавшей плодородие и тем самым вобравшей в себя концепт <биосфера>.

Рудименты солярного символа обнаруживаем и в произведениях древнерусской литературы, например, в «Слове о полку Игореве», где повествуется о затмении Солнца. С этим можно сравнить те места из «Памятника в честь Кюль-тегина», где Тенгри и Умай отказывают в помощи воинам тюркютов, погрязшим в бесконечных междоусобных войнах.

В эпоху Великого переселения народов славяне стали обозначать солярные божества другими именами — **Дажьбогъ** и **Хорсь**.

На мой взгляд, Ф. Е. Корш и А. Л. Погодин были близки к истине в определении происхождения имени Дажьбогъ. Как известно, членами гуннской конфедерации были гунны, остготы, россы (россомоны). Россы могли быть посредниками при заимствовании этого имени славянами. Ф. Е. Корш и А. Л. Погодин выводили первую часть этого слова из древнегерманского **dags* ('день') [8]. Сравните древнеарийскую праформу **dāhas* ('пожар, жара'). Мы считаем, что первая часть этого слова является русской семантической калькой с древнетюркской лексемы **Тенгри** (буквально обозначает 'дневное светило'), которая, в свою очередь, идентична по форме и содержанию шумерскому слову *Dingir*. М. Фасмер, Вяч. Иванов и В. Н. Топоров склоняются к тому, что первая часть этого слова произошла из древнерусского повелительного наклонения глагола «дай» + богъ ('счастье, благосостояние') [13, I, с. 482; 6]. Однако мнения вышеуказанных учёных, к сожалению, не убеждают нас по одной простой причине: германо-язычное *dag-* в славянских языках дало **дажь**, что стало основой для образования этого имени (палатализация заднеязычного перед кратким гласным переднего образования).

Итак, слово *Белобог* образовано благодаря семантическому калькированию слова *dag-*, которое, в свою очередь, через арийско-тюркское посредство образовано от шумерского термина *Dingir*. Поэтому *Белобог* и *Дажьбог* находятся в одном синонимическом ряду.

В представлениях древних людей человек осмысливался как потомок Солнца (Тенгри; люди — «внуки Дажьбога»). Эта сакральная идея возникла ещё в арийскую эпоху, а затем она перешла к гуннам, тюркоязычным народам, славянам, россам, остготам и др. Ведь в мифологии арийцев люди появились в результате союза Солнца (Тенгри, Дажьбога) и Земли (Умай у древних тюрков, мать-сыра земля и богиня-дева у славян). Итак, языческие божества как у

древних тюркоязычных народов, так и у славян обладали одной глобальной сутью, и по-другому быть не могло. Поэтому попытки этимологизирования имени Бога Солнца даже из «Ригведы» сомнительны, так как ведийские тексты были созданы тогда, когда долина Инда была уже захвачена воинственными арийскими кочевыми племенами. Аборигены долины Инда вынуждены были бежать к берегам Ганга, а пришельцы заложили ту основу, на которой и возникла сложная разветвлённая ведийская сакральная доктрина. В доарийской цивилизации долины Инда была письменность, но, к сожалению, до сих пор надписи на табличках не расшифрованы [2].

И последнее, что касается славянского солярного символа Хорсь. Известно, что Хорсь (Хърсь) впервые упоминается в Повести временных лет под 980 г. Он был введён Никоном, который узнал об этом божестве в Тьмутаракани. В древнерусской традиции Хорсь стоит рядом с Дажьбогом. По-видимому, он связан не с солнцем, а с луной. Об этом свидетельствует отрывок из Повести временных лет, где повествуется о князе Всеславе, который «(...) самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Києва дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше» [10].

Некоторые современные исследователи славянского язычества продолжают в этом вопросе традицию Вяч. Иванова и В. Н. Топорова [6]. Так, И. Данилевский считает, что Хорсь был сугубо природным, солнечным божеством, притом явно неславянского происхождения [5]. Однако Хорсь восходит к арийской основе и означает 'сияющую луну', но не солнце.

Используя метод палиндрома, можно восстановить эволюцию этого слова: ○ > 』 [st-'r] (иероглиф Изиды) > : *st-'or > >> 'or-st (придыхательная гласная ['o] в русском дало [h]) > hor-st, в русском языке hors (kros) обозначает 'крест'.

Итак, перед нами солярный символ луны, который восточные славяне заимствуют через русское посредство у древних кочевников Великой Степи. Древние тюркоязычные народы, в свою очередь, заимствовали у древних ариан путём семантического калькирования лексемы хурšēt ('сияющее солнце'). К евразийским арийцам эта идея проникла из Древней Месопотамии. Вероятно, в древности эту лексему использовали для обозначения лунного божества. Это было божество духов предков, которое впоследствии было смещено у древних тюрков Тенгри, а у славян Белобогом (Дажьбогом). Однако сочетание с солнцем сохранилось в устойчивом и высокоидиоматичном сочетании kün aï kör ('видеть солнце и луну', то есть 'жить').

Тенгрианство мифологического сознания проявило себя ярко и полно в различных образах: в мифологеме союза Неба и Земли. У древних славян Небо (Бог-Солнце) — это Белобог (Дажьбог), у древних тюркоязычных народов — Тенгри. Славянская «Мать-сыра земля» и тюркская Умай являлись женским плодоносящим началом, и эта Земля орошалась идущим от Тенгри (Белобога (Дажьбога) дождём. Это явление воспринималось как акт переноса космической потенции верховного божества в производящее лоно Земли, за чем следовала жизнь, а затем и смерть. Это сознание демонстрировало, с одной стороны, антропоморфное единство природы и человека, а с другой, — в отношениях людей формировались такие изоморфные связи, которые сплачивали племена в мощные союзы (эль) и великие конфедерации. Образовавшаяся целостность на суперэтническом уровне, оформившись общей сакральностью, пыталась решить прежде всего прагматические задачи: расширить ареал обитания. Поэтому поклонение Богу-Солнцу не только осмыслялось как источник энергии и жизни, но в первую очередь, имело великий мировоззренческий смысл.

Итак, результаты тысячелетней аккумуляции, имевшие место между славянами и тюркоязычными народами, демонстрируют нам, что мировоззренческие парадигмы у них были эквивалентными. Это продолжалось до тех пор, пока не произошло резкого поворота в их судьбах и истории, пока они не начали ориентироваться на новые сакральные системы. У славян этот процесс начался в X веке (с 988 года) при Владимире I. При смене мировоззренческих парадигм отношения между славянскими и тюркскими народами перешли в оппозитивное состояние. Об этом свидетельствуют древнерусские летописные изводы, повествующие об отношениях, например, между славянами и половцами. Однако это уже другая история, которая выходит за пределы данной статьи.

1. Боас Ф. Ум первобытного человека / Франц Боас. — М., 1926.
2. Варга Д. Древний Восток: у начал истории письменности / Домокош Варга. — Будапешт, 1985.
3. Геродот. Страна скифов / Геродот. — Алматы: ИД «Кочевники», 2003.
4. Гумилёв Л. Н. История народа хунну / Л. Н. Гумилёв. — М., 1998.
5. Данилевский И. Языческие традиции и христианство в Древней Руси / И. Данилевский. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Article/dan_jaztrad.php
6. Иванов Вяч. Вс. Дажьбог / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифологический словарь. — М., 1990. — С. 169—170.
7. Каиржанов А. К. Млечный путь Евразии / А. К. Каиржанов. — Астана: ЕНУ, 2004.
8. Корш Ф. Е. Слово о полку Игореве / Ф. Е. Корш. — СПб., 1909.
9. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. — М.-Л., 1955. — Ч. 3.
10. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. — М.-Л., 1926.

11. Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции / И. В. Пьянков. — М., 1997.
12. Толстой Н. И. К реконструкции древнеславянской духовной культуры: (лингвоэтнографический аспект) / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г. — М., 1978. — С. 364—385.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. — Т. 1. — М., 1967.

А. К. Каїржанов

ДАВНІ ТЮРКИ ТА СЛОВ'ЯНИ: АСПЕКТ АКУЛЬТУРАЦІЇ

У статті висвітлено проблеми акультурації між давніми тюрками та східними слов'янами. Розкрито еквіполентні між досліджуваними етносами світоглядні парадигми, утворені в давні часи.

Ключові слова: тюрко-слов'янські контакти, акультурація, давня Європа, тривір'я, триглосія, солярні божества.

A. K. Kairzhanov

ANCIENT TURKS AND SLAVS IN THE LIGHT OF ACCULTURATION

In the article acculturation problems between ancient Turks and east Slavs are illustrated. The author investigates the equipolent world outlook paradigms of ethnoses appeared in ancient world.

Key words: Turk-Slav contacts, acculturation, three-religions, three-languages, solar deities.

УДК 81—13'27:911.375.4:001.51

Е. Н. СТЕПАНОВ

ГОРОД В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье дан анализ урбанолингвистических исследований нового и новейшего времени, осуществлённых в рамках диалектически взаимообусловленных научных парадигм: сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической. Определено место урбанолингвистики среди других направлений урбанолингвистики в мировых исследованиях языка города.

Ключевые слова: русское городское койне, урбанолингвистика, научная парадигма, сравнительно-историческая парадигма, системно-структурная парадигма, антропоцентрическая парадигма.

Город и село (деревня) — исторически сложившиеся, территориально локализованные специфические формы организации жизнедеятельности общества, которые представляют в современной картине мира компоненты бинарной оппозиции, различающиеся количественным, формальным, функциональным, аксиологическим параметрами социально-пространственной структуры. В современной научной парадигме *город* феноменологически противопоставит *деревне*. Исследования в области языка города указывают на множественность подсистем технической и социальной городской инфраструктуры, обеспечивающих витальные и социально-личностные потребности горожан (геолого-архитектурная подсистема, энергоснабжение, водоснабжение и водоотведение, экономика, транспорт, связь, административно-территориальное устройство, управление и самоуправление, защита жизни, здоровья и имущества жителей, социально-стратификационная подсистема, этносоциальная и этноязыковая подсистемы, наука, образование, культура и искусство).

Механизмы взаимосвязанного функционирования этих подсистем, интегративная междисциплинарность урбанолингвистики и *урбанолингвистики* обуславливают полипарадигмальный подход к научному исследованию *вопросов языка* города.

Смена научных парадигм представляет историю науки. В языкознании имеются разные подходы к выделению научных лингвистических парадигм. Нам представляется, что наиболее оптимальной является система парадигм, соответствующая общим исследовательским тенденциям и закономерностям в истории научного познания. В лингвистике это расширяющаяся система, состоящая на данном этапе из трёх равнозначных парадигм: *сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической*. «Каждая из существующих парадигм содержит своё рациональное зерно, свои открытия и взлёты, но охватить все “лики” языка, все его аспекты ни одна из них пока не в состоянии» [50, с. 18]. Именно поэтому всякая новая па-

радика не отменяет предыдущую, а лишь на определённое время становится приоритетной благодаря получению возможности для исследователей изучить грани языка, недоступные либо малодоступные при использовании научного инструментария предыдущих / иных парадигм.

История научного исследования проблем языка города приводит нас к выводу о том, что на любом этапе научного познания мира эти проблемы не могли рассматриваться вне антропоцентрической парадигмы, без изучения горожанина как субъекта речевой деятельности. Однако общая направленность исследований в области урбанолингвистики на этапах приоритетного использования методологии и инструментария других парадигм была подчинена тем задачам, которые были наиболее актуальными в науке в целом.

Первые попытки научного осмысления генезиса и развития городов появились на рубеже XIX—XX вв. Основатель геополитики Ф. Ратцель, определяя рамки географии человека, назвал городом «долговременное скопление людей и их жилищ, занимающее значительное пространство и расположенное в центре крупных коммуникаций». Учёный выделил три признака, по которым город отличается от села и которые обычно упоминаются в последующих определениях феномена города: 1) специфика основных видов деятельности (промышленность и торговля); 2) плотность жилой застройки (плотное «скопление жилищ»); 3) численность населения (минимальный предел 2 тыс. жителей) [57]. Определение Ф. Ратцеля отражает технократический подход к изучению проблем города и свидетельствует о преобладании в науке того времени предметно-ориентированной пространственно-временной рефлексии бинарного объектно-субъектного кода данного феномена. В этот период город обычно изучался в рамках сравнительно-исторической научной парадигмы. Сравнительно-исторически рассматриваются вопросы экономической, военно-политической, демографической, научной, культурной, духовно-психологической жизни городов, их роли в цивилизационном процессе, в этноязыковой эволюции общества, в эволюции биосистемы. Для выяснения причин современной урбанизации исследователи часто обращаются к сравнению тех или иных процессов с подобными процессами и их причинами в древнем Египте, Междуречье, Греции, Риме, средневековой Европе [напр.: 9; 85; 21]. Хронологический признак является ключевым в исследовании истории города И. М. Гревсом, который образно трактует город как центр «культурного притяжения» и «лучеиспускания», высший показатель цивилизованности, «прекраснейший путеводитель хода истории и её судеб» [19]. В связи с этим М. М. Бахтин заметил, что древний город воспринимается наукой не как «мертвенная руина, лишённая всякой связи с окружающей современностью и всякого влияния на неё», а как «существенный и живой след прошлого в настоящем» [6, с. 224]. В современных урбанолингвистических исследованиях продолжают широко использовать сравнительно-исторический подход.

Своеобразие отечественных урбанолингвистических исследований периода господства сравнительно-исторической научной парадигмы заключается в том, что российские лингвисты на этом этапе систематизируют языковой материал на основе сравнения его использования в городе и деревне, а также пытаются установить особенности русской речи в разных городах, исходя из истории их создания и заселения разными этническими группами. На этом этапе развития лингвистики складывается учение о диалектах русского языка как языковых образованиях, противопоставленных литературному языку — наддиалектной форме существования языка, генетически связанной с городом [44, с. 189]. Русская речевая литературная норма к середине XIX века ориентируется на городскую речь, как правило, Москвы и Санкт-Петербурга [14, с. 48—54, 355; 37, с. 8—10, 112—116; 23, с. 646—702; 16, с. 9].

В XIX в. некоторые исследователи указывают на существование ряда фонетических, лексических и грамматических особенностей русской речи в нестоличных городах Российской империи. Раньше других к изучению этой проблемы с научной точки зрения обратился К. П. Зеленецкий, профессор Ришельевского лицея в Одессе. Особенности русской речи жителей городов Новороссийского края: Одессы, Таганрога, Бердянска, Николаева — он связывает с влиянием других этнических языков и русской диалектной речи: «...В Новороссийском крае, при большом числе обруселых инородцев, нет единства в составе русского народонаселения» [29, с. 9]. Фонетические, лексические, грамматические особенности русской речи Одессы и прилегающего к Одессе региона пытается выявить, систематизировать и проанализировать в конце XIX в. В. Долопчев [22]. В середине XIX в. разгорается полемика между москвичами и петербуржцами о том, кто правильнее говорит по-русски. Эта полемика носит публицистический характер и находит отражение на страницах журнала «Современник» (1859). Вот, например, строки о Петербурге из «Московского стихотворения» (1859) Н. А. Некрасова: *В употреблении там гнусный рижский квас, / С немецким языком там перемешан русский, / И над обоими господствует французский, / А речи истинно народный оборот / Там редок столько же, как честный патриот!*

Об особенностях речи жителей разных городов делают замечания писатели на страницах художественных произведений. Например, о большом количестве заимствований в речи петербуржцев у А. С. Пушкина: *Но панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет; / А вижу я, винюсь пред вами, / Что уж и так мой бедный слог / Пестреть гораздо б*

меньше мог / Иноплеменными словами... («Евгений Онегин», 1, XXVI). У Ф. М. Достоевского в «Скверном анекдоте» (1862) находим: «Есть два существенные и незыблемые признака, по которым вы тотчас же отличите настоящего русского от петербургского русского. Первый признак состоит в том, что все петербургские русские, все без исключения, никогда не говорят: „Петербургские ведомости“, а всегда говорят: „Академические ведомости“. Второй, одинаково существенный, признак состоит в том, что петербургский русский никогда не употребляет слово „завтрак“, а всегда говорит: „фрыштик“, особенно напирая на звук фры». С научной точки зрения причины речевых различий москвичей и петербуржцев стали рассматриваться значительно позже.

В произведениях О. Рабиновича, А. Куприна, В. Катаева, К. Паустовского, В. Жаботинского и многих других писателей, писавших в Одессе либо об Одессе XIX — начала XX в., находим немало метаязыковых замечаний, в которых толкуются используемые в речи героев одессизмы. Например: *Двое из его помощников рыскали по городу, а третий взвешивал на скáндале какой-то продукт* (О. Рабинович. «Мориц Сефарди»). В примечании автор толкует слово *скáндал*: «От итал. „*scandaglio*“, поверка, испытание. Так называется небольшой металлический аппарат, по которому узнаётся вес в четверти зернового хлеба» [56, с. 88]. *В Одессе «занять денег» значит не брать займы, а дать займы* (В. М. Дорошевич «Одесский язык»). *Одесситы приняли меня так хорошо, что я, со своей стороны, был бы не против того, чтобы отблагодарить их небольшим подарком: поднести им в вечно и постоянно пользование букву «Ы»* (А. Аверченко. «Одесса»). *Ну а что касается митральез, то они не имели ничего общего со знаменитыми митральезами Парижской коммуны. Это были толстые картонные трубочки, заклеенные с одной стороны папиросной бумагой, в то время как с другой стороны, из глухого картонного кружка, торчала верёвочка, за которую нужно было дёрнуть, и тогда из митральезы с лёгким и нестрашным выстрелом вылетал заряд: пороховой дымок и пригоршня бумажных конфетти...* (В. Катаев. «Разбитая жизнь, или волшебный рог Оберона»). *...Нужно было двумя пальцами взять грецкий орех — иногда у нас в городе его называли волошский...* (Там же). *...Малхамузы — маленькие жидовские повозочки без рессор, кучера которых на козлах сидели чуть не голые. Их брали студенты и другая небогатая публика...* (К. Скальковский. «Воспоминания молодости: По морю житейскому, 1843—1869»).

Таким образом, сравнительно-историческая парадигма в изучении языка города используется для выявления собственно городских концептов и их отделения от тех, которые являются общими для языка. Эта парадигма используется также для наблюдения за процессами влияния на речь горожан диалектной речи определённого региона и иноязычной речи, для изучения особенностей развития городских койне либо региолектов. С помощью этой парадигмы прослеживаются процессы изменения цивилизационных и этноязыковых приоритетов в речи жителей разных городов.

С конца XIX в. в градovedческие исследования проникают приёмы **структурной (системно-структурной) научной парадигмы**, которая становится основной при приоритетном использовании технократического подхода. Структурные исследования в урбанографии обусловлены прежде всего необходимостью решать острые задачи научно-технической революции и потребностями обеспечения безопасности жизни горожан в условиях стремительно растущих промышленных мегаполисов. Город в урбанографических исследованиях, выполненных в рамках структурной парадигмы, обычно представлен как некая структурированная целостность и / или как часть более сложной структуры. Однако в основании исследуемой структуры город как пространственно-временной объект неизменно изучается во взаимодействии с населяющими его жителями, городом-субъектом. Для периода приоритетного использования инструментария системно-структурной научной парадигмы характерны дефиниции города, подчёркивающие его структурную моделируемость, систематизированную комплексность, целостность. Так, американский урбанист Рэймонд Мерфи заключает, что «обычно под городом имеют в виду целостную территориальную единицу с высокой плотностью населения, значительным числом жителей» [51, с. 5], считая определяющими при изучении города как объекта географический и административный признаки, а при изучении города как субъекта — демографический признак. Н. А. Аитов, рассматривая город как «определённую пространственную форму организации жизни людей, социальную ячейку общества, ...которая охватывает все виды и этапы человеческой жизни» [1, с. 60—61], по сути, признаёт определяющими географический, социовитальный и хронологический признаки. Здесь чётко проявляется взаимосвязь подходов приоритетной структурной парадигмы с подходами уступившей ей сравнительно-исторической и остающейся на периферии антропоцентрической парадигм. Близкой к данной позиции является точка зрения А. С. Синявского, ставящего на первое место историко-хронологический признак: «Город — это исторически определённая форма социально-территориальной организации, а также форма поселения, элемент территориально-поселенческой структуры, социально-экономическая сторона которого обусловлена природой существующих в обществе отношений» [63, с. 33]. Как тер-

риториальное образование со специфической экологической (естественная среда), технической (инфраструктура) и демографической системами представляет город Л. А. Зеленов [30]. Методы и приёмы структурной парадигмы сочетаются с методами и приёмами антропоцентрической и сравнительно-исторической парадигм в исследовании Льюиса Мамфорда (Lewis Mumford). Распространяя теорию эмерджентной эволюции (скачкообразного развития) на феномен города, Л. Мамфорд представляет город как эмерджент, возникновение которого в древнем обществе стало одним из цивилизационных скачков, так как вызвало всеобъемлющее изменение структуры экономической, духовной и культурной жизни социума и обусловило развитие человеческих способностей во всех направлениях [87].

Приоритет системно-структурной научной парадигмы своеобразно отразился на проблематике отечественных и зарубежных урбанолингвистических исследований. Их основной целью стало создание лингвистически ориентированных моделей города. В процессе осуществления этой цели исследователи изучали фонетические, лексические, фразеологические, грамматические, идеографические особенности речи разных этнических, профессиональных и других социальных групп городского населения, представляя городскую речь как совокупность субкодов (подсистем) единого языкового кода [7, с. 24—25], используемых горожанами, как реализацию поликомпонентной языковой ситуации. Так, в 1920—1930-е годы ведущие отечественные учёные начали активно исследовать многие проблемы языка города: вопрос о влиянии на формирование и развитие норм русского литературного языка, начиная с XVII века, *городского просторечия*, разных *стилей городского обиходного языка*, *просторечия демократических масс города* [см., напр.: 14, с. 49—54, 478—482]; вопросы теории и практики *городского языкового быта*; систему *городских арго, жаргонов, специальных профессиональных языков, городских говоров*, механизмы их взаимодействия и воздействия на литературный язык; *билингвизм и полилингвизм/полиглоти́зм горожан*; *языковая политика* государства в многоязычном городе); вопросы фонетической и грамматической *ассимиляции* и идеографической *дифференциации* компонентов *языковой ситуации города* [см., напр.: 44; 45; 28; 35; 17].

Советская школа урбанолингвистики была одной из первых в мире. Уже в 1926 г. Б. А. Ларин видел причины кризиса лингвистических исследований в игнорировании изучения языка города: «Если картографически представить лингвистическую разработку ... современной Европы, то самыми поразительными пробелами на ней оказались бы не отдалённые и неприступные уголки, а именно большие города. Из всего языкового богатства этих сложных конгломератов изучались только литературные языки. Но, развиваясь на языковой почве города, они давно стали экстерриториальными и, в своей теперешней функции, как бы «не помнящими родства». Оттого и их изучение как-то обходилось без обращения к их непосредственному лингвистическому окружению. Но именно оттого, что изучение «языка города» не сложилось до сих пор, так шатки и неполны у нас и исторические и стилистические объяснения литературных языков. Городской фольклор, неканонизированные виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения — оказывают непосредственное и огромное воздействие на нормализуемый литературный язык, на «высокие» его формы» [45, с. 175—176]. Данное замечание фактически констатирует смену научной парадигмы: методы и приёмы сравнительно-исторической парадигмы уже не справлялись с объёмом задач, поставленных обществом перед языкознанием. Первостепенным в этом процессе усматривалось изучение социолингвистической структуры языкового кода, в первую очередь, путём рассмотрения социальных диалектов и других идиомов городского языкового быта. Разумеется, на новый уровень необходимо было поднять и исследования собственно лингвистической (формальной) структуры языка и всех его субкодов. Таким образом, необходимость изучить язык города стала в первой трети XX в. одним из основных факторов утверждения в языкознании приоритета структурной парадигмы.

В середине 1930-х годов урбанолингвистические исследования в СССР пришлось свернуть по идеологическим соображениям. ВКП(б) взяла курс на социальное равенство советских граждан, стирание границ между городом и деревней, активное этнокультурное и языковое взаимодействие народов СССР с целью создания единого советского народа. Особенности же каждого из языковых субкодов подчёркивали социальные различия, а не единство их носителей. Методы и приёмы структурной парадигмы в русистике до конца 1960-х годов стали использоваться односторонне: без социолингвистической составляющей. С собственно лингвистической стороны рассматривался, в первую очередь, русский литературный язык. Изучение территориальных диалектов было подчинено исследованию истории языка, а практическая деятельность учителей-русистов была направлена на воспитание культуры устной и письменной речи на основе единой литературной нормы, практически не предусматривавшей региональной вариативности (за исключением немногих различий в литературном произношении жителей Москвы и Ленинграда).

В языковедческих центрах Европы и Америки изучением языка города долгое время пренебрегали, считая городскую речь «нечистой», «смешанной» в результате беспорядочного соединения в «языковом котле» города разных языков, стилей, литературного языка и диалектов и под. Преобладала отрицательная оценка понятия «язык города». Этот взгляд на язык города

нельзя признать научным. В отечественном гуманитарном пространстве он обычно характерен для журналистов, артистов эстрады, писателей, публицистов. Так, эту точку зрения высказали одесские журналисты А. Стецюченко и А. Осташко в предисловии к своему популярному изданию: «Характерная черта законов одесского языка состоит в том, что их просто не существует» [77, с. 7]).

Американские и европейские лингвисты серьёзно начали изучать язык города лишь в 1960-е годы. Исследуя систему фонетических, синтаксических, морфологических средств английского и некоторых других языков США, Европы и Азии, учёные столкнулись с необходимостью научной интерпретации вариативных явлений собственно лингвистической и социолингвистической структуры, которые были замечены в речи постоянных жителей некоторых городов, даже городских районов. В США это было связано также с разработкой государственных программ социальной адаптации афроамериканцев, пуэрториканцев, мексиканцев, которые вели обособленный образ жизни и, как правило, находились за чертой бедности. В этот период были проведены исследования социальной стратификации английской речи городов Нью-Йорка (W. Labov 1961, 1964, 1966), Детройта (R. Shuy, W. Wolfram, W. K. Riley 1967), Чикаго, Кливленда, Лафайетта, Чарлстона, Гринвилла (J. A. Drake 1961; H. Kurath, R. I. McDavid, Jr 1961, 1964; L. Pederson 1964) негритянских гетто некоторых других городов (W. Labov, P. Cohen, C. Robins, J. Lewis 1968) на основе её фонологических, грамматических и лексических вариантов, исследование испанско-английского двуязычия в пуэрториканских общинах городов Нью-Йорка и Джерси-Сити (J. J. Gumperz, J. Fishman, R. L. Cooper, R. Ma и др. 1968) и некоторые другие [42, с. 117—128; 43; 48]. Использование структурных методов исследования даёт возможность детально систематизировать общественные отношения в городе, показать его пространство как определяющую символические и культурные смыслы мастерски сконструированную социальную систему [88, р. 49].

Изучение языковой ситуации города, где на небольшой территории, как правило, мозаично расселяются и взаимодействуют представители разных социальных групп и конфессий, носители разных языков, диалектов, культур, во многом способствовало разработке ко второй половине XX в. основ социолингвистики как самостоятельной дисциплины, развившейся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии. Мы выделяем урбанолингвистику как одно из ведущих направлений современной социолингвистики, в рамках которого в период господства структурной научной парадигмы возникли и развивались разнообразные научные проблемы: языковое и диалектное контактирование в городе; языковая практика и социальные роли горожан; язык города и политические процессы; идиомы города и их место в языковом пространстве мира, страны, региона; языковое портретирование городов на определённых хронологических срезах (в том числе перспективное); язык города и его роль в литературе и искусстве; семиотика городского текста и городские прецедентные феномены; городская топонимия и антропонимия.

Успешное использование методики структурных исследований в социологии заставило научную общественность осознать тот факт, что именно город явился в истории человечества «создателем нового типа пространства — социального, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру общества, основанную на осознании глубоких различий и противоречий между ними, социальных, политических, экономических и этнических неравновесий» [79, с. 20—21]. Город представляет собой социально упорядоченную структуру. Язык города коррелирует с его социальной структурой. Следовательно, структурная парадигма языка города включает пересекающиеся и взаимодействующие собственно лингвистические и экстралингвистические структуры. Так, в городах, значительная часть населения которых непосредственно или через родственников связана с каким-либо одним видом профессиональной деятельности, обязательно имеется профессиональное арго, где многие единицы изменяют свой функциональный статус, предусмотренный общеязыковыми нормами. Многие единицы профессионального арго функционируют как единицы городского койне, то есть общегородского просторечия, а часто проникают и в региональную литературную речь. Это явление нетрудно обнаружить в речи жителей городов, которые принято называть шахтёрскими, портовыми, курортными, городами нефтяников, металлургов, химиков, военных. В речи жителей таких городов как литературные функционируют метафоры, образованные на базе терминов и профессионализмов. Например, в портовых городах: *сойти на берег* = «уйти в отставку», «уйти на пенсию»; *табанить* — «двигаться назад», «выполнять манёвр заднего хода»; в Одессе *лёгкий бриз* — «освежающий массаж»; *круиз в один конец* — в начале XX в. «рейс с каторжниками на Сахалин» и др. Профессионально обусловленные регионализмы нередко имплантируются в общеупотребительное просторечие и даже в литературный язык: из речи жителей шахтёрских городов пришли фразеологизмы *выдать на гора* = «произвести (о продукции)» (выдать на гора тысячи сверхплановых пар обуви, десятки тонн мяса, сотни литров молока и т. д.); *пустая (беспользная) порода* = «некачественное изделие», «несерьёзный человек», «безрезультатное дело».

Исследования в области языка города возобновились в СССР лишь в 1970-е годы. Одними из первых появились работы о региональных особенностях речи жителей Перми [24], Томска [4] и о русских арго досоветской, а затем и советской эпохи [10; 11]. Язык города вновь становится объектом исследования академических учреждений [18; 31]. В советском языкознании появляются работы, в которых систематизируются разные аспекты городской речи. В. В. Колесов на примере городской речи С.-Петербурга показывает её особенности, характерные для разных городских сословий, некоторых этнических групп, сравнивает речь Петербурга с образцовой старомосковской речью XIX в. [37]. В ряде работ рассматривается вопрос о языковых ситуациях в Саратове [64], Киеве [83; 39], Одессе [67], городах Крыма [8], Донбасса [38] и др. Широко понимая текст, Ю. М. Лотман и В. В. Иванов [46; 32; 33] семиотически моделируют город, сравнивая его структуру со структурой текста. Город, по мнению Ю. М. Лотмана, является гипертекстом, в котором в социальных знаках закреплена информация о многообразии жизни, который объединяет всю совокупность артефактов, зафиксированных в определённое время на определённом пространстве и описанных с помощью разных семиотических кодов. Город — «котёл текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [46, с. 35]. Во многих работах исследуются фонетические, лексические, лексикографические, фразеологические, грамматические особенности речи жителей ряда городов, возникающие под влиянием диалектной либо иноязычной речи, в разных ситуациях социальной коммуникации, в результате следования историко-культурным традициям города и региона, в котором он находится [напр.: 27; 54; 79; 34; 15]. Подобные исследования появляются в этот период не только в русистике, но и в украинистике, полонистике, болгаристике, словенистике, германистике и т. д. [напр.: 89; 91; 90; 3]

Одним из достижений русской урбанолингвистики в период преимущественного использования в языкознании методов и приёмов структурной научной парадигмы является начавшийся процесс инвентаризации территориально и/или социально ориентированных лексических, фразеологических, словообразовательных, фонетических, грамматических средств разных русских городских койне и частичный лингвистический анализ этих средств. Наиболее ярко эта работа выразилась в систематизации лексических средств в словарях. Уже проведена лексикографическая обработка местных особенностей русской речи некоторых социальных слоёв жителей Москвы, С.-Петербурга, Омска, Магнитогорска, Уфы, Киева, Пскова, Одессы, Бердянска и некоторых других городов [23; 62; 65; 49; 12; 40; 53]. Кроме учёных, составлением словарей городской речи начали заниматься и художники слова, журналисты [напр.: 66; 5].

Таким образом, основными достижениями в изучении языка города в период господства в языкознании структурной парадигмы является признание языка города упорядоченной структурой; стратификационное, функциональное, ситуативное, семиотическое, идеографическое структурирование речи горожан; разработка способов обнаружения, систематизации и инвентаризации фонетических, лексических, словообразовательных, фразеологических, грамматических особенностей разных городских койне; анализ собственно лингвистических и экстралингвистических причин, порождающих эти особенности; моделирование городского текста.

Уже в первой трети XX века, когда сравнительно-историческая парадигма в научных исследованиях уступала место системно-структурной парадигме, в отечественной урбанологии город как объект исследования мыслился только в связи со своим субъектом — горожанами. Так, Н. П. Анциферов характеризовал город как сложный социальный организм, основное место развития культуры (в широком, цивилизационно-ценностном понимании), сильнейший и выразительнейший носитель культурно-творческого труда человечества [2]. Интегративно, как «сгусток культуры, её кристалл», «высеченные из камня формы человеческой культуры, выразительный памятник человеческой истории», город оценивает О. М. Рындина [61, с. 148—149].

1990—2000-е годы — время новых изменений в исследовательских приоритетах. В урбанологии, как и в других гуманитарных и интегративных науках, приоритетными становятся органический подход к исследованиям и антропоцентрическая парадигма. Интерес исследователей переключается с основного объекта познания (города и его структурных составляющих) на субъект — горожан, их экономические, политические, социальные, культурные, образовательные, рекреационные и другие потребности. В градovedческих исследованиях конца XX — начала XXI в. правила и приёмы антропоцентрической парадигмы органично сочетаются с правилами и приёмами сравнительно-исторической и системно-структурной парадигм. Это находит отражение в определениях понятия «город». Так, А. А. Сванидзе и М. В. Никитин считают, что «город не просто тип поселения или занятий, но образ жизни со своим бытом, производственным и общественным укладом, формами общежития, значительной и влиятельной субкультурой» [52, с. 263]. Н. А. Гайдамак полагает, что онтологически современный город представляет собой «особое коммуникативно-культурное пространство, сложившееся исторически, вырабатывающее социальные и поведенческие стандарты существования и общения» [15, с. 38]. М. Н. Веселова рассматривает город как сложное образование, обладающее своей структурой и целостностью, связанностью, знаковостью, отграниченностью и диалогичностью [13, с. 48].

Накопив определённую сумму исторических, формальных и социальных знаний о языке, лингвистическая наука получила возможность в центр своих исследований поставить человека как модус существования языка, как создателя и интерпретатора языка в процессе своей коммуникативной деятельности. Антропоцентризм новейших лингвистических исследований открывает пути развития идей В. Гумбольдта о языке как посреднике между внешним миром явлений и внутренним миром человека, И. А. Бодуэна де Куртенэ — о существовании языка только в индивидуальной психике его носителей, составляющих языковое сообщество, Э. Бенвениста — о каналах «присвоения языка говорящим», Ю. С. Степанова — о лингвистике как науке о языке в человеке и о человеке в языке, Б. А. Серебренникова — о роли человеческого фактора в языке. Всё активнее интересы учёных переключаются с объектов познания на его субъект. Вслед за требованиями изучать систему и структуру языка выдвигаются новые задачи: изучать языковую способность, зафиксированные в языке знания о мире, языковую компетенцию носителя языка [50, с. 12—19, 50]. Лингвистика на первый план выдвигает проблемы, успешное решение которых невозможно без использования инструментария антропоцентрической научной парадигмы.

В центре урбанолингвистических исследований в связи со сменой исследовательских приоритетов оказываются когнитивные, психолингвистические, лингвокультурологические, этнолингвистические проблемы языковой практики человека в городе, вопросы изучения языковой личности горожанина, его языковой картины мира; открываются новые горизонты исследования городского текста и идиостилистики его создателей, процессов порождения новых смыслов и форм в индивидуальном сознании и их закрепления либо затухания в коллективном коммуникативном пространстве города, в том числе в его топонимиконе и антропонимиконе.

В русской урбанолингвистике рассмотрение многих научных проблем в прежние периоды сдерживалось неразработанностью антропоцентрического исследовательского инструментария. Широкий круг вопросов не мог быть решён в рамках системно-структурного и сравнительно-исторического подходов. Думается, что новые подходы будут способствовать более активному исследованию языка города. Первые удачные попытки уже сделаны. Представители уральской и московской лингвистических школ стали первыми, кто серьёзно начал исследовать языковую личность горожанина в коммуникативном, когнитивном, лингвокультурологическом, концептуальном, психо- и менталингвистическом аспектах. Так, в работах И. В. Шалиной и Н. А. Купиной описаны разные лингвокультурные сценарии и типы горожан-уральцев [напр.: 80; 81; 82; 41], М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова исследуют лингвокоммуникативный и лингвокультурный аспекты русской речи москвичей [36], вопросы коммуникативной и психолингвистической специфики речевого портрета горожанина изучают Л. А. Грузберг, Т. И. Ерофеева и некоторые другие исследователи [напр.: 20; 25; 26], специфика коммуникативного поведения жителя полилингвистического и полиэтничного города рассматривается в работах Е. А. Яковлевой [84]. Эту научную проблематику дополняют исследования лингвоментальности жителей современного города [55], индивидуальной картины мира горожанина и формирования на её основе идиолекта [47]. Последнее исследование во многом может способствовать изучению идиостилистики поэтов и писателей города. В некоторых наших работах и работах наших учеников также использованы элементы антропоцентрической научной парадигмы. Это касается изучения вопросов формирования и реализации языковой и концептуальной картины мира горожанина в повседневной, профессиональной, межэтнической коммуникации, вопросов влияния лингвокультурных пространств Одессы, Санкт-Петербурга, некоторых других городов на специфику возникающих и фиксирующихся в речи их жителей городских прецедентных феноменов, влияния этнолингвокультурного пространства Одессы на формирование языковой картины мира А. С. Пушкина, некоторых других писателей [напр.: 60; 68; 69; 70; 72; 73; 74; 75; 76; 58; 59].

В целом, проблем в области урбанолингвистики, которые нуждаются в осмыслении и описании, намного больше, чем тех, которые уже осмыслены и описаны. Современная урбанолингвистика нуждается в разработке комплексной интегративной методики исследования. Использование подходов и средств антропоцентрической парадигмы в сочетании с подходами и средствами диалектически взаимообусловленных с ней системно-структурной и сравнительно-исторической парадигм в урбанолингвистике должно привести к новым открытиям не только в области языковедения, но и в области других гуманитарных и естественных наук, имеющих точки соприкосновения с языком города.

1. Аитов Н. А. Социальное развитие городов: сущность и перспективы / Н. А. Аитов // Новое в жизни, науке и технике. Сер. Научный коммунизм. — М.: Знание, 1979. — № 5. — 64 с.

2. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. — 2-е изд. / Николай Павлович Анциферов. — Л.: Сеятель, 1926. — 140 с.

3. Байчев Б. Велико-Търновският език: Социолінгвістическо проучване на великотърновската градска реч / Б. Байчев, М. Виденов. — Велико Търново: Абагар, 1999. — 388 с.

4. *Банкова Т. Б.* Лексика томского городского просторечия (типология описания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. — Томск, 1987. — 192 с.
5. *Баранов В.* Словарь толкового бердянского языка / Валерий Баранов. — Бердянск, 2002. — 222 с.
6. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
7. *Беликов В. И.* Социолінгвістика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — М.: РГГУ, 2001. — 448 с.
8. *Богданович Г. Ю.* Русский язык в мультикультурной языковой ситуации (по данным социолінгвістических исследований) // Наука и образование Крыма. — Симферополь, 2002. — № 2. — С. 11—26.
9. *Большие города*, их общественное, политическое и экономическое значение: сборник / Под ред. К. Бюхера; [пер. с нем.]. — СПб.: Просвещение, 1905. — 208 с.
10. *Бондалетов В. Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев: Словопроизводство / В. Д. Бондалетов. — Рязань, 1980. — 105 с.
11. *Бондалетов В. Д.* Типология и генезис русских аргос / В. Д. Бондалетов. — Рязань: РГПИ, 1987. — 82 с.
12. *Вахитов С. В.* Словарь уфимского сленга / С. В. Вахитов. — Уфа: Вагант, 2004. — 236 с.
13. *Веселова М. Н.* Исторический город как текст русской культуры: Дисс. ... канд. культурологи: 24.00.01 — Теория и история культуры / Мария Николаевна Веселова. — СПб., 2009. — 192 с.
14. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. — 3-е изд. / В. В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1982. — 529 с.
15. *Гайдамак Н. А.* Диалектизмы как составная часть народно-разговорной речи современного города: На материале речи жителей г. Омска: дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.01 — русский язык. — Омск, 2003. — 271 с.
16. *Гойхман О. Я.* Речевая коммуникация / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ixbook.net/read_rechevaaya_kommunikaciya_id33906.html — 70 с. Время доступа: 10.10.2011.
17. *Горбач О.* Аргос в Україні / Олександра Горбач. — Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2006. — 688 с. (Діалектологічна скриня)
18. *Городское просторечие*. Проблемы изучения / [ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв; АН СССР. Ин-т русского языка]. — М.: Наука, 1984. — С. 5—12.
19. *Гревс И. М.* Монументальный город и исторические экскурсии / И. М. Гревс // Экскурсионное дело. — 1922. — № 1. — С. 11—32.
20. *Грузберг Л. А.* Что такое реальная речь современного горожанина? / Л. А. Грузберг // Языковой облик уральского города. — Свердловск, 1990. — С. 8—15.
21. *Даркевич В. П.* Происхождение и развитие городов Древней Руси (X—XIII века) / В. П. Даркевич // Вопросы истории. — 1994. — № 10. — С. 43—60.
22. *Долопчев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России) / Владимир Долопчев. — Одесса: Типография «Одесский Вестник», 1886. — 180 с.
23. *Елистратов В. С.* Язык старой Москвы: лингвоэнциклопедический словарь / В. С. Елистратов. — М.: Русские словари, 1997. — 704 с.
24. *Ерофеева Т. И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи горожан: учеб. пособие / Т. И. Ерофеева. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1979. — 91 с.
25. *Ерофеева Т. И.* «Речевой портрет» говорящего / Т. И. Ерофеева // Языковой облик уральского города: сб. научн. тр. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990.
26. *Ерофеева Т. И.* Опыт исследования речи горожан: территориальный, социальный и психолінгвістический аспекты / Т. И. Ерофеева. — Свердловск, 1991.
27. *Жильцова Т. П.* Локальные особенности предупредительного вокализма в речи жителей г. Красноярск // Сибирские говоры: Функционирование и взаимодействие диалектной речи и литературного языка. — Красноярск, 1988. — С. 3—9.
28. *Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. — Л.: Худож. лит., 1936. — 300 с.
29. *Зеленецкий К. П.* О русском языке в Новороссийском крае / К. П. Зеленецкий. — Одесса: Францов и Нитче, 1855. — 34 с.
30. *Зеленов Л. А.* Социология города / Л. А. Зеленов. — М.: Владос, 2000. — 192 с.
31. *Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи её изучения // Разновидности городской устной речи. — М., 1988. — С. 5—44.
32. *Иванов Вяч. Вс.* К семиотическому изучению культурной истории большого города / Вяч. Вс. Иванов // Семиотика пространства и пространство семиотики: труды по знаковым системам. — Т. 19 / Учёные записки [Тартуского ун-та]. — Тарту, 1986. — Вып. 720. — С. 7—24.
33. *Иванов Вяч. Вс.* Языки большого города / Лингвистика третьего тысячелетия / Вяч. Вс. Иванов. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 106—122.
34. *Исмагилова Н. В.* Язык города Уфы: функционирование различных языковых подсистем и билингвизма: дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.19 — теория языка / Нурия Винаеровна Исмагилова. — Уфа, 2007. — 299 с.
35. *Каринский Н. М.* Язык образованной части населения города Вятки и вятские говоры // Ученые записки Института русского языка и литературы. — М., 1929.
36. *Китайгородская М. В.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — М., 1999. — 253 с.
37. *Колесов В. В.* Язык города / В. В. Колесов. — М.: Высшая школа, 1991. — 192 с.
38. *Кудрейко И. О.* Мовна ситуація на території міст Донеччини: синхронний і діахронний аспекти / І. О. Кудрейко // Соціолінгвістичні студії / Ін-т укр. мови НАН України. — К.: ВД Дм. Бураго, 2010. — С. 44—51.
39. *Кудрявцева Л. А.* Русское городское просторечие: Киев — 2000 / Л. А. Кудрявцева // Русистика: научн. сб. / [Киевский нац. ун-т им. Т. Г. Шевченко]. — Киев: КНУ, 2001. — Вып. 1. — С. 4—8.
40. *Кудрявцева Л. А.* Словарь молодёжного сленга города Киева / Л. А. Кудрявцева, И. Г. Приходько. — Киев, 2006. — 192 с.
41. *Купина Н. А.* Отражение русского типа в мужской речи горожан-провинциалов / Н. А. Купина, И. В. Шапина // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. — Красноярск; Ачинск, 1998. — Вып. 6. — С. 48—56.
42. *Лабов У.* Исследование языка в его социальном контексте / Уильям Лабов; [пер. с англ. Ю. Д. Апресян] // Новое в лингвистике. Социолінгвістика. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. VII. — С. 96—181.
43. *Лабов У.* Отражение социальных процессов в языковых структурах / Уильям Лабов; [пер. с англ. Ю. Д. Апресян] // Там же. — С. 320—335.
44. *Ларин Б. А.* К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкознание (избранные работы) / Б. А. Ларин. — М.: Просвещение, 1977. — С. 189—199.

45. *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города / Там же. — С. 175—189.
46. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Петербург: труды по знаковым системам. — Т. 18 / Учёные записки [Тартуского ун-та]. — Тарту, 1984. — Вып. 664. — С. 30—45.
47. *Лютикова В. Д.* Языковая личность и идиолект / В. Д. Лютикова. — Тюмень, 1999.
48. *Макдэвид Р. И.* Дialeктные и социальные различия в городском обществе / Р. И. Макдэвид; [пер. с англ. Г. С. Шур] // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. VII: Социолингвистика. — С. 363—381.
49. *Максимов Б. Б.* Фильтруй базар: Словарь молодёжного жаргона г. Магнитогорска / Б. Б. Максимов. — Магнитогорск, 2002. — 506 с.
50. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. / В. А. Маслова. — Минск: ТетраСистемс, 2008. — 272 с.
51. *Мерфи Р.* Американский город / Пер. с англ. В. Ковалевский / Рэймонд Мерфи. — М.: Прогресс, 1972. — 320 с.
52. *Никитин М. В.* Отражение тематики города в мифологических словарях / М. В. Никитин // IV Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографических научных исследований. — Челябинск, 2000. — Ч. 1. — С. 262—267.
53. *Никитина Т. Г.* Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область) / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва. — М.: ЭЛПИС, 2006. — 384 с.
54. *Осипов Б. И.* Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: теоретические аспекты / Б. И. Осипов, Г. А. Боброва, Н. А. Имедадзе, Г. А. Кривоzubова, М. Л. Одинцова, А. А. Юнаковская. — Омск, 1994. — 144 с.
55. *Прокуровская Н. А.* Система просторечной предикации и отражённая в ней ментальность современного горожанина. Основные стили общения / Н. А. Прокуровская // Городская разговорная речь и проблемы её изучения. — Омск: Изд-во ОмГУ, 1997.
56. *Рабинович О.* Мориц Сефарди: [повесть] / Осип Рабинович // Литературные вечера. — Одесса: Н. Фумели, 1850. — Ч. 2. — С. 5—154.
57. *Ратцель Ф.* Земля и жизнь. Сравнительное землеведение: в 2 т.; [пер. с нем.] / Фридрих Ратцель. — СПб.: Просвещение, 1905. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.boengo.com/Problema-nauchnogo-oredeleleniya-ponyatiya-gorod.html>. Время доступа: 10.12.2011.
58. *Романец Л. А.* Прецедентные феномены в стихотворениях Измаила Гордона об Одессе / Л. А. Романец // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса: Астропринт, 2009. — № 14. — С. 47—52.
59. *Романец Л. А.* Характеристика концепта <Одесса> в поэтическом военно-историческом дискурсе Великой Отечественной войны / Л. А. Романец // Наукові записки Кіровоградського пед. ун-ту. — Сер. Філологічні науки (мовознавство): У 2 ч. — Кіровоград: РВВ КПДУ ім. В. Винниченка, 2011. — Вип. 95. — Ч. 1. — С. 265—270.
60. *Рымарь Н. Н.* Одесса и Северное Причерноморье в жизни и творчестве польских писателей (по материалам Одесского государственного литературного музея) / Н. Н. Рымарь, Е. Н. Степанов // Stosunki kulturowo-literackie polsko-wschodniosłowiańskie. — Rzeszów: Wyd-wo WSP, 1995. — S. 231—240.
61. *Рындина О. М.* Город как центр культуры / О. М. Рындина // По очагам культуры: Новые темы для экскурсий по городу: методический сборник / Под ред. И. М. Гревса. — Л.: Сейтель, 1926. — С. 148—167.
62. *Синдаловский Н. А.* Словарь петербуржца / Н. А. Синдаловский. — СПб.: Норинт, 2003. — 320 с.
63. *Синяевский А. С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе / А. С. Синяевский. — М.: Наука, 2003. — 286 с.
64. *Сиротинина О. Б.* Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи. — М.: Наука, 1988. — С. 247—253.
65. *Словарь современного русского города.* Около 11 000 слов. Около 1000 идиоматических выражений / Под ред. Б. И. Осипова. — М.: Русские словари, Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003. — 564 с.
66. *Смирнов В. П.* Таки да большой полутолковый словарь одесского языка: в 4 т. — Одесса, 2005.
67. *Степанов Є. М.* Мовна ситуація в Одесі напередодні 2000 року / Є. М. Степанов // Четвертий міжнародний конгрес українців: Доповіді та повідомлення. Південь України. Одеса. — Одеса: Астропринт, 1999. — С. 293—297.
68. *Степанов Е. Н.* Торгово-финансовая деятельность одесситов и городское койне / Е. Н. Степанов // Вісник Черкаського університету. — Черкаси, 2003. — Вип. 46. — С. 17—25. (Сер. Філологічні науки).
69. *Степанов Е. Н.* Влияние многоязычия Одессы на языковую картину мира А. С. Пушкина (к постановке проблемы) / Е. Н. Степанов // А. С. Пушкин и мировой литературный процесс: сб. науч. статей по мат-лам Междунар. науч. конф., посв. памяти проф. А. А. Слосаря. — Одесса: Астропринт, 2005. — С. 409—412.
70. *Степанов Є. М.* Російське мовлення Одеси: [монографія] / [ред. Ю. О. Карпенко; ОНУ ім. І. І. Мечникова]; Є. М. Степанов. — Одеса: Астропринт, 2004. — 496 с.
71. *Степанов Е. Н.* Язык города в социальном и цивилизационном процессе / Е. Н. Степанов // Мова. — Одеса: Астропринт, 2006. — № 11. — С. 44—54.
72. *Степанов Е. Н.* Особенности концептуальной и языковой картины мира горожанина: факторы порождения и зоны проявления (на материале русской речи одесситов) / Е. Н. Степанов // Русистика. — Киев: ВПЦ Київський ун-т, 2006. — Вып. 5—6. — С. 49—58.
73. *Степанов Е. Н.* Об Одессе серьёзно: размышления по поводу романа Валерия Смирнова «Гроб из Одессы» / Е. Н. Степанов // В. П. Смирнов. Пятый угол. — Одесса: Полиграф, 2007. — С. 304—318.
74. *Степанов Е. Н.* Фразеология города как лингвокультурное пространство / Е. Н. Степанов // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного ун-ту. — Ізмаїл, 2008. — Вип. 25. — С. 130—135.
75. *Степанов Е. Н.* Факторы формирования городских прецедентных феноменов: к постановке проблемы / Е. Н. Степанов // Коммуникативные аспекты грамматики и текста / Под ред. А. Чапиги и З. Чапиги. — Rzeszów: Wyd. Uniw. Rzeszowskiego, 2009. — С. 359—366.
76. *Степанов Е. Н.* Городская фразеология Одессы и Санкт-Петербурга как отражение их лингвокультурологических пространств / Е. Н. Степанов // Слово есть Дело: Юбилейный сб. научных трудов в честь проф. И. П. Лысаковой. — С. Пб.: Сударыня, 2010. — Т. 1. — С. 112—122.
77. *Стецюченко А.* Самоучитель полуживого одесского языка с комментариями, дополнениями, толковым словарём / А. Стецюченко, А. Осташко. — М.-Одесса: Новое время, 1999. — 92 с.
78. *Федянина О. Н.* Некодифицированная лексика языка города Кирова: На материале просторечия и жаргона: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01 — русский язык. — Калуга: КГУ, 1997. — 285 с.
79. *Тыхеева Ю. Ц.* Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии) / Ю. Ц. Тыхеева. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva>. Время доступа: 15.03.2010.

80. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: лингвокультурные типажи / И. В. Шалина // Известия Урал. ун-та. — 2009. — № 4 (70). — С. 144—150. (Серия 2. Гуманитарные науки. Филология. Языкознание).
81. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии: монография / И. В. Шалина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 444 с.
82. Шалина И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен: автореф. дисс. ... доктора филол. н.: 10.02.01 — русский язык / Ирина Владимировна Шалина. — Екатеринбург, 2010. — 43 с.
83. Шумарова Н. П. Про розвиток мовної ситуації в Києві / Н. П. Шумарова // Язык и культура: IV междунар. конф.: материалы. — Киев: Collegium, 1996. — Ч. 2. — С. 183—197.
84. Яковлева Е. А. Особенности русского речевого поведения горожанина в полиэтнической среде / Е. А. Яковлева // Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 188—196.
85. Geddes P. Cities in evolution / Patrick Geddes. — London: Williams & Norgate, 1915. — 117 p.
86. Gruchmanowa M. Mowa mieszkańców Poznania / Gruchmanowa M., Witaczek-Samborska M., Żak-Święcicka M. — Poznań: Wyd. Poznańskie, 1986. — 176 s.
87. Mumford L. The city in history. Its Origins, its Transformations, and its Prospects / Lewis Mumford. — London: Harcourt, 1961. — 568 p.
88. Saunders P. Social Theory and the Urban Question / Peter Robert Saunders. — London: Hutchinson, 1981. — 234 p.
89. Seiffert-Nauka I. Dawny dialekt miejski Lwowa / I. Seiffert-Nauka. — Wrocław: Wyd. Univ. Wrocławskiego, 1993. — Cz. 1: Gramatyka. — 172 s.
90. Wedel E. «Одессит» — Bemerkungen zum heutigen Russisch von Odessa / Erwin Wedel // Ars transferendi Sprache, Übersetzung, Interkulturalität: Festschrift für Nikolai Salnikow zum 65: Geburtstag. — Sonderdruck, 1997. — S. 247—259.
91. Wiczorkiewicz B. Gwara warszawska dawniej i dziś / Bronisław Wiczorkiewicz. — Warszawa, 1974.

Г. М. Степанов

МІСТО В КОНТЕКСТІ НАУКОВОЇ ЛІНГВІСТИЧНОЇ ПАРАДИГМИ

У статті подано аналіз урбанолінгвістичних досліджень нової та новітньої доби, виконаних у межах діалектично взаємозумовлених наукових парадигм: порівняльно-історичної, системно-структурної й антропоцентричної. Визначено місце урбанолінгвістики серед інших напрямів урбанології та місце російської урбанолінгвістики у світових дослідженнях мови міста.

Ключові слова: російське міське койне, урбанолінгвістика, наукова парадигма, порівняльно-історична парадигма, системно-структурна парадигма, антропоцентрична парадигма.

Ye. N. Stepanov

CITY IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC RESEARCH PARADIGMS

The article analyzes the urbanolinguistic studies of modern and contemporary periods, carried out under the dialectically interrelated scientific paradigms: comparative and historical, systemic and structural, anthropocentric. The place of urbanolinguistics among other areas of urbanology and the place of Russian urbanolinguistics among the world researches of city dwellers' speech is defined.

Keywords: Russian urban, urbanolinguistics, scientific paradigm, comparative and historical paradigm, systemic and structural paradigm, anthropocentric paradigm.

УДК 81'26'271.12'42'322.2

С. В. ПЛОТНИЦКАЯ

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС ЯЗЫКА

Статья посвящена вопросам возникновения корпусной лингвистики, её участия в процессе развития языка нации и изучения различных аспектов функционирования языковой системы.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, национальный корпус текстов.

С оптимизацией гносеологической функции языка связана корпусная лингвистика, разрабатывающая общие принципы построения лингвистических корпусов с использованием современных компьютерных технологий. В настоящее время в научном словаре лингвистов появляются очень близкие понятия: «электронные библиотеки», «массив текстов», «коллекция текстов», «электронный архив», «полнотекстовая база данных». Среди них можно выделить лингвистические, или языковые, корпусы. По мнению А. Н. Баранова, корпус текстов — это вид корпуса данных, единицами которого являются тексты, включающие полные фрагменты макроструктуры

текстов проблемной области. Корпус текстов характеризуется четырьмя основными параметрами: 1) он должен быть достаточно большого объёма; 2) корпус должен быть структурированным или размеченным; 3) тексты, составляющие определённый корпус, должны быть в электронном варианте; 4) в понятие “электронный корпус” входит, как правило, специальное программное обеспечение для работы с этим корпусом.

Корпусная лингвистика основана на использовании корпуса, то есть большого объёма живого языкового материала, который можно извлечь из различных источников и ввести в компьютер. Она исследует как речь, так и язык в новом ракурсе, открывая огромный исследовательский словарь. Все это требует особого осмысления, ибо в рамках корпусной лингвистики изучаются вопросы распределения лингвистических явлений в разных языках и объективным путём получают новые лингвистические данные. Преимущества этого направления в том, что оно избегает субъективизма, неизбежного в традиционном языкознании, и опирается на объективные сведения.

Корпус — это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на определённом языке в электронной форме, т. е. это большой массив текстов, специально обработанный для целей лингвистического исследования. Национальный корпус представляет данный язык на определённом этапе его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов. Национальный корпус создаётся лингвистами для научных исследований. Большинство крупных языков мира уже имеет свои национальные корпуса, различающиеся по полноте и уровню научной обработки текстов. Общеизвестным образцом является, в частности, Британский национальный корпус (BNC): на него ориентированы многие другие современные корпуса. Британский национальный корпус (БНК) включает 100 млн примеров словоупотреблений письменного и устного языка последнего периода XX века. Письменная часть БНК (90 %) включает выдержки из региональных и национальных газет и журналов. Разговорная речь (10 %) состоит из орфографической транскрипции неформальных разговоров и разговорной речи — от правительственных встреч до радио-шоу.

Работа над составлением BNC велась с 1991 по 1994 г. Не было добавлено новых текстов, но корпус был обновлён во 2-м издании: BNC World (2001), — и в 3-м издании: — BNC XML Edition (2007). Британский национальный корпус включает только современный английский, т. е. язык-эталон. Однако слова небританского английского иногда появляются в корпусе. Этот проект был осуществлён BNC Консорциумом, включающим Oxford University Computing Services, British Library's Research и др. Создание корпуса началось со стадии планирования и разработки основных принципов, включающих критерии отбора текстов (как письменных, так и устных). Если было получено разрешение использовать необходимый текст, его переводили в электронную версию, затем итоговый текст переводили в закодированный формат проектного стандарта, где проверялась точность и соответствие внутреннему содержанию. Затем текст переходил в UCREL (Университетский центр по компьютерному исследованию корпусной лингвистики) в Ланкастере, где автоматически происходила морфологическая разметка класса слов — tagging: каждое слово получало морфологическую характеристику (род, число, падеж — у существительных; у глаголов — залог, время). Затем текст возвращался в Компьютерный центр Оксфорда для документирования и введения в Корпус. Каждая стадия процесса записывалась в базу данных Оксфордского Компьютерного Центра. Британцы ввели паспорт текста, т. е. внешние и внутренние параметры. Внешние параметры: автор (возраст, пол), год издания, место, название. Внутренние параметры: морфологическая разметка (tagging). Британский национальный корпус стал образцом для национальных корпусов других языков.

Среди корпусов славянских языков выделяется Чешский национальный корпус, созданный в Карловом университете Праги. Национальный корпус имеет две важные особенности. Во-первых, он характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов. Это означает, что корпус содержит, по возможности, все типы письменных и устных текстов, представленных в данном языке: художественные тексты разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. д. — и что все эти тексты входят в корпус пропорционально их доле в языке соответствующего периода. Следует иметь в виду, что хорошая представительность достигается только при значительном объёме корпуса, а именно — десятки и сотни миллионов словоупотреблений. Планируемый составителями объём Национального корпуса русского языка — 200 млн слов.

Национальный корпус предназначен, в первую очередь, для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов: от одного до двух столетий. Другая задача корпуса — предоставление всевозможных справок, относящихся к указанным областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка). Современные компьютерные технологии многократно упрощают и ускоряют процедуры лингвистической обработки больших массивов текстов. Раньше исследователь мог лишь просматривать тексты и вручную

выписывать из них нужные примеры; эта предварительная (но абсолютно неизбежная) деятельность была очень трудоёмкой и не позволяла обрабатывать большие массивы материала. Теперь ограничений по объёму анализируемого материала и скорости поиска информации в нём, по существу, нет, а это означает, что в распоряжении исследователя оказываются колоссальные массивы текстов самого разного типа.

Корпусная лингвистика занимается созданием компьютерных инструментов, предназначенных для обработки текстов. В качестве единиц выступают тексты или их достаточно значительные фрагменты. Среди корпусов текстов выделяются «исследовательские корпусы» и «иллюстративные корпусы». Первые предназначены преимущественно для изучения различных аспектов функционирования языковой системы; они строятся до проведения какого-либо исследования. Иллюстративные корпусы создаются после проведения научного исследования; их цель не столько выявить новые факты, сколько подтвердить и обосновать уже полученные результаты. Такие корпусы не являются слепком, правильным (с точки зрения статистики) отображением проблемной области. Второе важное разграничение касается динамических (мониторных) и статических корпусов. Первоначально корпусы текстов создавались как статические образования, отражающие определённый временной срез языковой системы. Типичными представителями этого вида корпусов являются авторские корпусы — коллекции текстов писателей, например, Корпус художественных текстов Ф. М. Достоевского (Институт русского языка РАН). Однако значительная часть чисто лингвистических и не только лингвистических задач требует выявления исторических изменений в функционировании языковых явлений, например, изменений значения слов, частоты использования тех или иных синтаксических конструкций и т. д. Для этого была разработана специальная технология построения и эксплуатации динамического корпуса текстов. В имеющейся литературе такие корпусы получили название мониторных. Особенность сборки мониторных корпусов заключается в том, что они не предполагают раз и навсегда заданного набора текстов. В течение заранее фиксированного промежутка времени происходит обновление и дополнение множества текстов корпуса. К числу мониторных относится, например, Бирмингемский корпус, созданный под руководством Дж. Синклера. С точки зрения пользователя, к корпусам текстов предъявляются требования репрезентативности, полноты и экономичности.

Некоторые положения корпусной лингвистики были известны достаточно давно, например, дистрибутивная методика, составление конкордансов и пр. Однако как цельное лингвистическое направление она сформировалась сравнительно недавно. Язык, особенно его лексика, постоянно развивается. Слова приобретают новые значения, старые значения исчезают. Кроме того, появляются и совершенно новые слова. В подавляющем большинстве случаев новые слова — это термины, отражающие новые концепты науки, техники, социальных отношений, политики и экономики. Количество терминов в каждом языке исчисляется миллионами, включая словосочетания. Современная языковая ситуация, характеризующаяся информатизацией общества и так называемым «информационным взрывом», резким расширением каналов языковых коммуникаций, заставляет обращать особое внимание на расширение лексических значений и роль терминов и терминологии в современных языках. Слово и проблемы его анализа — основная тема современной лингвистики. Термин — это, прежде всего, слово. Являясь главным носителем семантической информации, слово выступает основным элементом высказывания. Современные теоретические и прикладные исследования исходят из формы и содержания именно слова, поскольку никакая другая языковая единица не обладает таким единством формы и содержания, не играет в высказывании такой важной конструирующей роли, как слово. Инструментом исследования может и должен быть не только словарь как регистратор значения слова в его парадигматике и синтагматике, но и конкорданс, составленный на основе представительной выборки текстов, как регистратор синтагматики и парадигматики слова уже в речи. Несмотря на то, что изменения в значениях только одного слова уже представляют собой самостоятельную проблему, можно представить совокупность слов определённой предметной области в виде некоторой системы значения слов.

Существуют слова с широкой понятийной основой, которые, являясь терминами, одновременно входят в пласт общеупотребительной лексики. В современном языковом общении большую роль играет терминология, которая функционирует как в общеупотребительном пласте, так и в виде достаточно узких специальных обозначений, вошедших, тем не менее, в язык: (*компьютер, файл, база данных* — *computer, file, data base* и т. д.). В рамках корпусной лингвистики появляется возможность по-новому описать такую важную единицу современной лексики, как термин.

1. Захаров В. П. Информационные системы (документальный поиск). — СПб., 2002.
2. Баранов А. Н. Корпусная лингвистика / Введение в прикладную лингвистику. — М., 2001. — С. 112—137.
3. Kennedy G. An Introduction to Corpus Linguistics. — London, 1998.

С. В. Плотницька

КОРПУСНА ЛІНГВІСТИКА: НАЦІОНАЛЬНИЙ КОРПУС МОВИ

Статтю присвячено проблемі розвитку корпусної лінгвістики, її участі у процесі розвитку мови нації та вивченню різноманітних аспектів функціонування мовної системи.

Ключові слова: корпусна лінгвістика, національний корпус текстів.

S. V. Plotnitskaya

CORPUS LINGUISTICS: NATIONAL LANGUAGE CORPUS

The article is devoted to the question of Corpus Linguistics origin, its partaking in the process of nation language development and linguistic system different aspects study.

Key words: corpus linguistics, national corpus of texts.

УДК 811.161.1'42:162.5:[82-96+087.5/.6]

А. Р. ГАБИДУЛЛИНА

ПАРАДОКС В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЛІНГВІСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статті описані способи створення семантичного парадокса в научно-популярному тексті. Охарактеризовані мовні засоби реалізації парадокса. Названі його ознаки.

Ключевые слова: парадокс, алогизм, антитеза, оксюморон, катахреза.

Основная задача авторов научно-популярного текста — показать лингвистическое явление с непривычной, неожиданной стороны. Одним из эффективных приёмов популяризации научного знания является парадокс. Цель статьи — показать приёмы его создания в энциклопедии для детей «Языкознание. Русский язык».

С помощью парадоксальных заголовков создатели энциклопедии привлекают внимание адресата к явлениям, которые, на первый взгляд, кажутся противоречащими здравому смыслу: так, в статье *Лень — двигатель прогресса* [7, с. 643] речь идёт о фонетических процессах как результате экономии произносительных усилий.

В научной литературе парадокс понимается как отклонение или противопоставление здравому смыслу (БСЭ), странное, необычное мнение, расходящееся с традиционным (Е. Ihrig), неразрешимое противоречие (Г. А. Брутян), разрушение некоей презумпции, принимаемой как нечто парадоксальное (В. А. Успенский), суждение, в котором сказуемое противоречит подлежащему или определению противоречит определяемому (В. Я. Пропп), суждение, которое расходится с общепринятым представлением, отрицание того, что есть безусловно правильным (Д. П. Горский, Е. А. Селиванова), следствие изъятия логических или событийных звеньев из цепи суждений (Т. Г. Миролюбова), «алогическая связь двух частей предложения или нескольких предложений, в которых объединяются противоречивые понятия, опровергаются общепринятые мнения и штампы» [5]. Таким образом, в логике парадокс рассматривается в широком и узком смысле. В широком смысле это утверждение, которое резко расходится с общепринятыми мнениями, правилами, традициями. В узком смысле парадокс — это два противоположных утверждения, для каждого из которых имеются убедительные аргументы.

В отличие от логики, в языке научно-популярной литературы парадокс может означать «просто какую-то органическую несогласованность, несоответствие, <...> но такую несогласованность, которая не может быть устранена» [1, с. 198]. Речевой парадокс тяготеет к сублимированным формам языкового комизма. В нём «осуществляется транспозиция признаков, причём какой-либо признак становится антитезой общепринятого суждения» [3].

В лингвистической литературе характеризуются, как правило, три вида парадокса: логический, семантический и прагматический. При этом отмечается, что в речи резкой границы между первыми двумя не существует, «поскольку логические парадоксы иногда используют семантику языковых знаков, а семантические являются столкновением логики правды/неправды с семантикой предложения. Языковые парадоксы, как кажется, основываются на функциональных особенностях языка и не связаны с научной картиной мира, а только с опытом говорящего»

[4, с. 186]. По мнению Б. Т. Ганеева, «между логическими и семантическими парадоксами существует тесная связь, так как первые относятся к понятиям, а вторые — к их именам» [2, с. 89]. В научно-популярном тексте детской энциклопедии используется преимущественно семантический парадокс.

В семантическом парадоксе, используемом в детской энциклопедии, пресуппозиция (фоновые знания) и предикат, на первый взгляд, взаимоисключают друг друга, но затем анализ лингвистических фактов противоречие снимает. Так, в статье «Умнее ещё не значит умный» авторы предлагают юному читателю ответить на вопрос: «У какого человека больше ума — у того, кого назвали умным, или у того, о ком сказано, что он умнее кого-то?» [7, с. 177]. И затем доказывают, что формы степеней сравнения представляют признак не безотносительно, а в сопоставлении, что «форма умнее не приписывает тому, к кому она отнесена, непременное наличие ума» [6, с. 177]. В другом заголовке парадокс основан на противопоставлении фразеологически связанного и прямого значений прилагательного «мягкий»: Когда мягкий знак не мягкий [7, с. 114]. Речь идёт о «ролях» мягкого знака: разделительной и грамматической.

Основная функция парадокса в научно-популярном тексте — показать новые аспекты лингвистического явления через метафоризацию высказывания, через заключённое в нём противоречие. Так, статья о категории одушевлённости / неодушевлённости имён существительных называется «*О живых куклах и неживой толпе*». Она написана в живой, увлекательной форме и представляет собой текст-исследование. В роли тезиса выступает проблемная ситуация: ... *при определении рода или падежа мы заранее знаем, какой вопрос задавать. Откуда? Первое предположение — по значению: живое или неживое. Действительно, волк живой — «кто?», дом неживой — «что?». Но дуб — «что?», хотя растения вообще-то живые. Дальше ещё удивительнее: мертвец — «кто?» (какой же он живой?!), снеговик — «кто?», а народ — «что?», хотя он из живых людей состоит* [7, с. 173].

Основным признаком парадокса в текстах детской энциклопедии является, на наш взгляд, алогизм как сопоставление несопоставимых понятий. Он заключается в намеренном и прагматически мотивированном отклонении от логических норм, под которыми понимаются основные законы формальной логики и вытекающие из них частные правила (например, правила деления понятий).

К приёмам, в организации которых участвует алогизм (иногда в сочетании с другими конструктивными принципами), в научно-популярном тексте могут быть отнесены некоторые разновидности антитезы, оксюморон, катахреза и фрактата (искажённая цитата).

Среди разных типов антитезы в научно-популярном тексте активно используются следующие:

а) по структуре: простая (*мужественный дом и женственная изба* — с. 168; *о живых куклах и неживой толпе* — с. 173) и б) сложная антитеза (аллойзис): *Двуличным быть не похвально. Но слово двулично в хорошем смысле слова: оно обращено одним своим значением к миру, который оно как знак отражает, воплощает, создаёт, а другим своим значением обращено к самому языку* (с. 20); *Язык необыкновенно прост. Ребёнок овладевает им в три-четыре года. Язык необыкновенно сложен, неисчислимо богат, предельно выразителен, многообразно связан с жизнью каждого человека и всего общества. И вряд ли кто может сказать: «Уф, я позавчера полностью овладел языком!» Язык — неисчерпаем* [7, с. 50]. В последних двух примерах нарушен закон непротиворечия, который утверждает: два противоположных суждения не могут быть одновременно истинными: по крайней мере, одно из них необходимо ложно (неверно, что А и не-А одновременно истинны);

б) акротеза как утверждение, усиленное отрицанием противоположного; компоненты служат для того, чтобы «ярче, нагляднее представить один из них, выделив его на фоне другого» [6, с. 195: *Псалом псами пиши, а пса псами не пиши* [7, с. 283]. В статье с таким заглавием речь идёт о вкладе Константина Костнеческого (создателя первого свода орфографических правил — книги «О письменах») в развитие восточнославянской графики и орфографии, в том числе в написание заимствованных из греческого языка слов в соответствии с греческим алфавитом (буквы «кси», «пси», «фита» и т. п.).

Алогизм, создаваемый за счёт оксюморона, вытекает из того, что связь между его семантическими компонентами минимальна, они противопоставлены и отрицают друг друга, но вместе с тем составляют единое целое, поскольку направлены на создание единого образа. Противоречивость и необычность противопоставляемых в оксюмороне лексических единиц обеспечивает неоднозначность его трактовки, что отражает столкновение противоположных точек зрения и способствует выработке нового неординарного подхода в восприятии лингвистического явления.

Выделяются оксюмороны с разнокорневой антонимией (*плохая хорошая погода* — с. 262, *чужой родной язык* — с. 423, *знаменитые лингвистические преступления* — с. 690) и оксюмороны с аффиксальной антонимией компонентов (*несомнительные*

сомнительные — с. 117, *знакомый незнакомец* — с. 56, *ровная неровнина* — с. 122).

Катахреза (троп, заключающийся в сочетании противоречивых, но не контрастных по природе слов в переносном значении, которые представляют своеобразное смысловое единство и создают образ) служит для выбора, акцентирования и связывания в систему признаков, важных для раскрытия сути лингвистического явления. Основной чертой этого стилистического приёма выступает аллофрония, т. е. смещение референта относительно понятия, предназначенного для его обозначения: *орфографическая экзотика* (с. 127), *учтивая ложь* (с. 453), *зеленый Чехов* (с. 494), *пороссячья латынь* (с. 564), *лингвистические преступления* (с. 690), *категория «горбатости»* (с. 359), *лучший троечник* (с. 262) и мн. др. Так, в последнем примере речь идёт не о нерадивом школьнике, а об 'извозчике, ямщике, сидящем на тройке'.

Способов «искажения» цитаты (фрактата), т. е. трансформации прецедентных высказываний, в энциклопедии немного. Как правило, происходит замена лексического компонента: «*Авторская пунктуация, или кто в тексте хозяин?*» (с. 239), «*надеж надежу рознь*» (с. 357). Может происходить расширение состава фразеологической единицы: *вдоль и поперек языка* (с. 48); *Он жил на широкую босую ногу* (с. 80); *из ряда вон выходящее слово* (с. 121). Возможна контаминация фразеологизмов: *Шапочное знакомство в калашном ряду* (с. 81). Имеет место «реализация метафоры», т. е. буквализация устойчивого выражения: *Пожарный всегда работает с огоньком* (с. 80). Меняется и грамматическая форма компонентов фразеологической единицы: *скрипя сердцем* [7, с. 80]. Подобный приём создания парадокса построен на нарушении логического закона тождества: всякая мысль тождественна самой себе (A = A). Это значит, что используемые в процессе рассуждения понятия не должны менять своего содержания, не должны подменяться и смешиваться. Из-за намеренной трансформации устойчивых выражений мы встречаемся с постоянным нарушением этого закона.

Таким образом, признаками парадокса в «Энциклопедии для детей» являются: 1) противоречивость; соединение противоречивых понятий; 2) наличие алогизма; 3) единство объекта характеристики; 4) одновременная реализация отношений контраста и тождества; 5) неожиданная, необычная трактовка известного и привычного.

1. Библер В. С. Век Просвещения и критика способности суждения. Дидро и Кант / В. С. Библер // Западно-европейская художественная культура 18 века. — М.: Наука, 1980. — С. 151—249.
2. Ганеев Б. Т. Парадокс: парадоксальные высказывания / Б. Т. Ганеев. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. — 400 с.
3. Овсянников В. В. Сублимированные формы языкового комизма / В. В. Овсянников // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. — Л.: ЛГУ, 1981. — С. 64—71.
4. Селіванова О. О. Пареміологічні парадокси в українській мові / О. О. Селіванова // Нариси з української філології (психологічний та етнокультурний аспекти). — К.—Черкаси: Брама, 2004. — С. 183—201.
5. Семен Г. Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приёма парадокса (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Г. Я. Семен. — Одесса, 1986. — 16 с.
6. Хазагеров Т. Г. Общая риторика: курс лекций; Словарь риторических приёмов / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширин. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 320 с.
7. *Энциклопедия для детей*. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Гл. ред. М. Д. Аксёнова. — М.: Аванта+, 1998. — 704 с.

А. Р. Габідулліна

ПАРАДОКС У НАУКОВО-ПОПУЛЯРНОМУ ЛІНГВІСТИЧНОМУ ТЕКСТІ

У статті описано способи створення семантичного парадоксу в науково-популярному тексті. Охарактеризовано мовні засоби реалізації парадоксу. Названо його ознаки.

Ключові слова: парадокс, алогізм, антитеза, оксюморон, катахреза.

A. R. Gabidullina

PARADOX IN A POPULAR SCIENTIFIC TEXT LINGUISTICS

The article is devoted to description of the ways of a semantic paradox creation in a popular scientific text. Linguistic means of the paradox realization are characterized. Its features are named.

Key words: paradox, illogic, antithesis, oxymoron, catachresis.

УДК 81'27'42'32'37:65.011:553(470+571)

А. О. СЕННІКОВ, Н. Б. БЕЛОУСОВА

ВИКОРИСТАННЯ ЛІНГВІСТИЧНОГО МЕТОДУ ПОБУДОВИ СЕМАНТИЧНОЇ ПЛОЩИНИ ПРИ АНАЛІЗІ ЛОБІСТСЬКОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Стаття присвячена лінгвістичним методам аналізу різних процесів та тенденцій у політичній, економічній, соціальної та інших сферах людського буття на прикладі застосування семантичної площини для аналізу лобістської законотворчості у Російській Федерації.

Ключові слова: семантична площина, семантична шкала, математичні методи гуманітарних досліджень, юридична лінгвістика, політекономічний дискурс.

Наша робота представляє собою елемент структурного підходу до формування первинних аналізуючих методів у галузі лобістських законопроектів. Для вирішення широкого спектру питань у даній галузі на основі друкованого матеріалу ми використаємо спеціальний метод — метод побудови семантичних шкал. Даний метод формувався у структурі контент-аналізу, проте згодом набув самостійних властивостей та отримав назву семантичного диференціалу. Метод семантичного диференціалу — це вимірвальна техніка, що заснована на факторному аналізі при аналізі значень. В нашому випадку цей метод є одним з найбільш придатних для сприйняття та узагальнення інформації про соціальні системи.

Історична довідка. Техніка семантичного диференціала була вперше запропонована групою американських вчених на чолі з Ч. Осгудом. В основу цієї техніки було покладено методи соціологічних досліджень. На думку Осгуда, семантичний диференціал є, в основному, комбінацією методу асоціацій, що контролюються, та процедур шкалювання. Вчений зазначав, що фактор, який формується сукупністю шкал, є змістовним інваріантом, в якому поєднані знання про об'єкт та ставлення до нього. Саме тому метод семантичного диференціалу дозволяє оцінити суб'єктивний аспект значення, що пов'язаний з особистісним змістом, соціальними стереотипами, установками та іншими емоційно насиченими, слабо структурованими та малоприйнятними формами спілкування. Семантичну шкалу часто визначають як алгоритм, за допомогою якого виконуються виміри у тих випадках, коли вони є відображенням об'єктів, що вивчаються, у числовій математичній системі. За допомогою семантичної шкали кожному поняттю ставиться у відповідність число, яке називається шкальним значенням об'єкта. Використання двох або більше моделей у дослідженні дає змогу побудувати семантичну площину [1; 4; 5].

Для вирішення поставленого завдання ми вирішили проаналізувати лобістську законотворчість у чотирьох основних бюджетотворюючих галузях економіки Російської Федерації: нафтовій, металургійній, золотовидобувній та вугільній — за 2005—2007 роки. Оскільки в основу дослідження покладено вивчення елементів цивілізаційного підходу лобістської діяльності, шкали будуть формуватися у відповідності до інституціонального лобізму.

Відповідно до поставленого завдання — сформувати шкали на основі вхідних даних — було використано ряд аналітичних публікацій, експертні оцінки, контент-аналіз газетної та журнальної періодики. Аналіз здійснювався на основі текстів [2] ряду законопроектів [див. у списку джерел].

Утворені шкали мають такий вигляд:

Нафтова галузь (Лукойл, Газпромнефть, Роснефть)

Показники	5	4	3	2	1	0	-1	-2	-3	-4	-5
Ефективність лобістської діяльності	вигідно	успішність	швидко	зацікавленість	підтримка		відсутність підтримки	відсутність зацікавленості	повільно	неуспішність	невигідно
Відносини з владою	ефективні	постійні	вплив	зв'язки	відкриті		таємні	відсутність зв'язків	немає впливу	тимчасові	неефективні

Аналогічно будують таблиці шкал для металургійної галузі (Северсталь, НЛМК, Мечел), вугільної (Северсталь-ресурс), золотовидобувної (адміністрація Магаданської області та Хаба-

ровського краю, асоціація «Союз золотопромисленників и старателей»). Наведемо приклад текстового уривку політекономічного дискурсу, що тематично пов'язаний з семантичною площиною лобістської діяльності і є одним із джерел побудови семантичної шкали в лобістській діяльності:

«Регионы Центрального федерального округа не имеют ярко выраженной сырьевой направленности, поэтому лоббистские устремления крупных добывающих корпораций (Газпром, Роснефть, Норильский никель и др.) достаточно пассивны. Однако, несмотря на это, крупные компании вынуждены для решения своих локальных задач выстраивать отношения с властями в регионах. Круг проблем, вокруг которых строится лоббистская деятельность, определяется профилем компании.

Так, в РАО «ЕЭС» основная задача взаимодействия с местными властями — подготовка проектов тарифов на электроэнергию для утверждения в Федеральной службе по тарифам. Так как повышение тарифов на электроэнергию в регионах ЦФО является болезненным явлением для местного населения и способствует социальной напряженности, то для продвижения своих интересов энергетическая компания вынуждена использовать большое количество ресурсов (в том числе лоббистских). Для этого в региональные отделения энергетической компании вводятся специалисты по выстраиванию отношений с органами государственной власти.

На территории Рязанской области («Рязанская нефтеперерабатывающая компания», ЗАО «Промышленные катализаторы», «ТНК Смазочные материалы» и «Рязанский завод нефтехимпродуктов») и Ярославской области («Ярославский НПЗ», владение совместно с «Газпром-нефть») расположены ряд активов компании ТНК-ВР. Благодаря развитой системе региональных фондов, оставшейся еще от СИДАНКО, компания имеет богатый опыт выстраивания отношений с местными властями.

Среди крупных игроков, имеющих активы в субъектах Федерации в ЦФО, можно выделить: «Объединенную металлургическую компанию», группу «Металлоинвест», компанию «ФосАгро», группу «Энергомаш», ОАО «ЕВРОЦЕМЕНТ групп», «Вимм-Билль-Данн», «Трансмашихолдинг», «УГМК», «Русские машины», ЗАО «Комплексные энергетические системы», АФК «Система», «Сибур Холдинг» и др. Имея зачастую локальные интересы в ЦФО, компании предпочитают основные усилия сосредотачивать на лоббировании в федеральной власти» [3].

Здійснивши обробку інформації за всіма галузевими законопроектами, ми змогли виокремити дві факторні структури та знайти навантаження по факторам. Багатомірність оцінки кожної компанії засвідчує достатню незалежність даних факторів. Отримавши дві шкали: «**Ефективність лобістської діяльності**» та «**Відносини з владою**», ми отримали такі результати: по-перше, у шкалі ефективності утворилася така вісь факторів (1) — «вигідно — не вигідно — успішність — неуспішність — зацікавленість — відсутність зацікавленості», що були найбільш важливими для оцінювання поточних даних; по-друге, у шкалі відносин з владою було виокремлено таку вісь факторів (2) — «постійні — тимчасові — вплив — відсутність впливу — відкриті — таємні». Саме на ці фактори припадає найбільше навантаження [1]. Отримані вісі показують, що, за *першою шкалою*, законопроекти побудовані виключно на раціональній, технократичній основі з максимальною поларизацією вбік окремих компаній-монополістів. Такий стан речей свідчить про високий потенціал монополій та міцне становище їх на ринку, а також про повний перехід на методи та технології цивілізаційного лобізму. За *другою шкалою*, найбільше значення надається тривалості зв'язків із владою. Це оформлюється оцінкою впливовості тих чи інших компаній у владних структурах та ступенем таємності у прийнятті рішень. Спостерігається нерівномірність підтримки різних компаній у різних галузях економіки, наявність «улюбленців» влади та монополізацію певними компаніями доступу до владних структур.

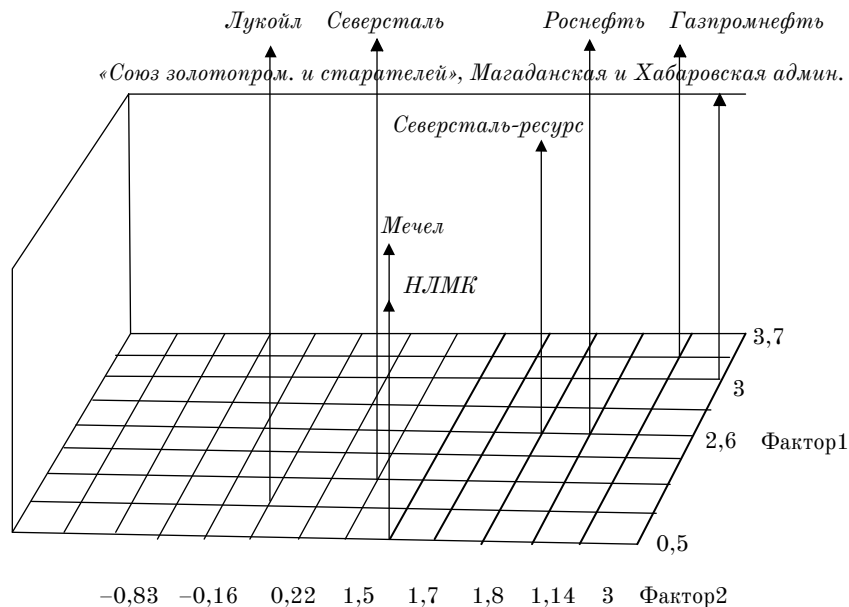
Проведений аналіз по галузям виявив такі результати: у нафтовій галузі безперечним лідером за всіма факторами та за двома шкалами є дві держкомпанії «Газпромнефть» та «Роснефть» (ефективність лобістської діяльності — 3,7 і 1,14; владні відносини — 2,9 і 2,6 відповідно), причому ці компанії не отримали практично жодного від'ємного балу (всього одна «-5» у Роснефті). Безперечним аутсайдером тут є компанія «Лукойл» — 0,5 та 0,22 при найбільшій кількості негативних балів. Дані свідчать, що у нафтовій галузі найширшими лобістськими можливостями оперують державні корпорації, — і це не дивно, оскільки стратегія розвитку галузі, що є життєво важливою не тільки для економіки країни, а й для її політичного істеблшменту, базується на державному контролі над нафтовидобувними та переробними підприємствами. В даному випадку лобіювання певних законопроектів є формальністю, про що свідчить абсолютна більшість повністю позитивних оцінок такої діяльності з боку ЗМІ та підтверджує тенденції щодо тісної взаємодії та зрощення держкорпорацій та влади. Приватна компанія у такій ситуації може розраховувати на «хвилинні» та «маленькі» перемоги, що не дають розгорнутися на повну силу. Це свідчить про те, що нинішня російська політична еліта стала приділяти більшу увагу контролю над умовно «незалежними» приватними нафтовими компаніями.

У металургійній галузі склалася дещо інша ситуація. Маємо: «Северсталь» — 1 та 1,5; НЛМК — -0,16 та 1,7; «Мечел» — -0,83 та 1,7. На відміну від нафтової галузі, у металургійній спостерігається наявність сильних приватних лобістів, що представляють потужні металургійні групи. Традиційно металургійна галузь має напрацьовані роками лобістські важелі для прийняття певних законопроектів ще з радянських часів. Тому не дивно, що новим власникам галузі у спадок лишилися старі зв'язки. Відповідно зв'язки із владними структурами більш-менш рівні (1,5; 1,7; 1,7). Цікавими є результати за шкалою ефективності: тут абсолютним лідером є «Северсталь», яка єдина з трьох компаній має плюсовий коефіцієнт — 1. Результати НЛМК (-0,16) та «Мечела» (-0,83) говорять про провал ефективної лобістської діяльності цих двох компаній, особливо «Мечела», який потерпає від перевірок контрольно-ревізійних органів, спричинених звітом прем'єра Путіна про стан металургійної галузі.

У вугільній галузі активною лобістською діяльністю відзначилася одна з дочірніх структур «Северстали» — «Северсталь-ресурс», — отримавши оцінку 2,6 за ефективність лобістської діяльності та 1,8 за відносини з владою. Дані свідчать, що компанія «Северсталь» активно виступає в якості лобіста галузі, маючи при цьому у своєму активі доволі ефективно побудовану систему відносин з владою.

Золотовидобувна галузь є однією з найконсервативніших і найзакритіших галузей російської економіки. Вона постійно користується підтримкою держави, і, відповідно, її лобістська діяльність є найуспішнішою. У галузі представлені виключно державні інституції: «Союз золотопромисленников і старателів», адміністрації Магаданської області та Хабаровського краю. Тому цілком зрозуміло, що оцінки, отримані лобістами у цій галузі, є найвищими з-поміж інших галузей: 3, 3, 3, 3.

На основі даних, отриманих за допомогою факторного аналізу, та за наявності двох шкал ми можемо побудувати семантичний простір. Факторні вісі будемо розглядати як Фактор1 та Фактор2:

Побудована вище семантична площина за двома факторами засвідчує успішність великих державних корпорацій у лобюванні власних інтересів. Найвище місце на площині займають корпорації — представники нафтової та золотовидобувної галузей (причому «Роснефть» значно відстає від «Газпромнефти», яка є беззаперечним лідером за обома факторами). Другим серйозним лобістом на правовому полі РФ є вугільники, ефективність лобістської діяльності яких наближається до лобі другої за обсягом нафтової компанії Росії «Роснефти». На цьому рівні вугільників представляє єдина приватна компанія — «Северсталь-ресурс». Металурги та приватна нафтова компанія «Лукойл» за ефективністю лобістських законопроектів залишаються малоефективними. Аутсайдером у цій групі можна назвати «Лукойл», який за останні 3 роки не зміг пролобувати практично жоден важливий законопроект.

Побудова семантичної площини на основі багатофакторності, різнокомпонентності та багатомірності дає підстави вважати цю площину одним з найнеупередженіших методів вивчення певних тенденцій «у русі». Проведене вище дослідження дає підстави вважати, що цивілізаційний лобізм у Росії не спрацьовує в окремих галузях економіки. З іншого боку, саме високоприбуткові галузі найбільш успішні у лобюванні своїх інтересів, що цілком вкладається в концепцію

нинішньої політичної еліти Росії щодо модернізації економіки та збільшення темпів економічного росту. Тому внесення лобістських законопроектів щодо нафтової і золотовидобувної галузей є, по суті, формальністю. Однак така схема спрацьовує, коли треба прийняти певне стратегічне чи життєво необхідне рішення.

1. Степанова Л. А. Методика и техника социологических исследований: изучение экономического сознания методом семантического дифференциала / Л. А. Степанова // Социологические исследования. — М., 1992. — № 8. — С. 65—71.
2. Толстых А. П. Отраслевое лоббирование в России (наиболее актуальные экономические законопроекты на начало работы Государственной думы ФС РФ 5 созыва) / А. П. Толстых // Интернет-видання «Lobbying.ru — Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти» (розділ «Исследования»).
3. Махортов Е. А. Лоббизм в ЦФО. Анализ, мониторинг, информация. 2008 год / Е. А. Махортов // Интернет-видання «Lobbying.ru» (розділ «Исследования»).
4. Яковлев И. Г. Электоральные технологии и президентские выборы / И. Г. Яковлев. — Кишинёв: CAPTES, 2000.
5. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. — М.: Добросвет, 1998.

Список джерел

- Нафтова галузь: Законопроекти № 99045329-2 від 28.04.1999 р.; № 130858-4 від 18 січня 2005 р.; № 294445-4 від 02.03.2006 р.; № 493730-4 від 14.11.2007 р.
Металургійна галузь: Законопроект № 467706-4 від 04.09.2007 р.
Вугільна галузь: Законопроект № 432940-4 від 21.05.2007 р.
Золотовидобувна галузь: Законопроекти № 379925-4 від 26.12.2006 р.; № 465264-4 від 21.08.2007 р.

А. О. Сенников, Н. Б. Белоусова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПОСТРОЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЛОСКОСТИ ПРИ АНАЛИЗЕ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена использованию лингвистических методов анализа разных процессов и тенденций в политической, экономической, социальной и других сферах жизнедеятельности человека на примере применения семантической плоскости для анализа лоббистского законотворчества в Российской Федерации.

Ключевые слова: семантическая площадь, семантическая шкала, математические методы гуманитарных исследований, юридическая лингвистика, политэкономический дискурс.

A. O. Sennikov, N. B. Belousova

THE USAGE OF SEMANTIC AREA CONSTRUCTION METHOD IN ANALYSIS OF LOBBYING

The article is dedicated to the linguistic methods of analyzing different processes and tendencies in political, economic, social and other spheres of human life in global meaning. The purpose of this article is to make a semantic space aiming to value lobby legislative activities of different companies, which represent four main branches of Russia's economy, to understand which of their lobby is the most effective.

Key words: semantic area, semantic scale, mathematic methods of the humanities, legal linguistics, political-economical discourse.

УДК 811.161.2'276.45'373.23

С. В. ДМИТРИЇВ

НОМІНАЦІЯ ОСОБИ У ЛІНГВОКУЛЬТУРНІЙ КАРТИНІ СВІТУ НОСІЇВ УКРАЇНСЬКОГО КРИМІНАЛЬНО-ЗЛОЧИННОГО СОЦІОЛЕКТУ

У статті розглянуто проблему своєрідності лінгвокультурної картини світу носіїв українського кримінально-злочинного соціолекту. Особливу увагу приділено проблемі номінації особи у даній субкультурі.

Ключові слова: жаргон, арг, кримінально-злочинний соціолект, лінгвокультурна картина світу, номінація особи.

Картина світу носіїв арг або кримінально-злочинного жаргону — унікальна за своєю природою й різко відрізняється від субкультурних світів інших соціальних груп. Основна риса мови злочинців — самопротиставлення її носіїв решті представників спільноти з максимально чіткими

параметрами: «свій» — «чужий». Д. С. Лихачов зазначає: «Кастово замкнене, не дивлячись на свою зумовленість усією системою капіталістичного суспільства, злочинне середовище, його вороже ставлення до «легального» суспільства створює виключні, інкубаційні умови для розвитку цілого ряду елементів ідеології та мовлення» [1, с. 56].

На думку Л. О. Ставицької, «кримінально-тюремний соціум осягає два світи: світ злочинців і незлочинців. Перший світ — це світ своїх, натомість світ решти — ворожий, чужий, гідний того, щоб його обдурювали, кепкували з нього» [2, с. 182]. Ми вважаємо, що в основі ставлення до «легального» соціуму є не «кепкування» з нього, а ворожий цинізм у ставленні до його основних моральних і предметних цінностей. Методом гостро-їдкої насмішки, яка не має нічого спільного з гумором, тимчасова соціально редукційна намагається побудувати цілу філософію поведінки фізичної й, як її віддзеркалення, мовної культури. Створена в межах місць позбавлення волі субкультура, виходячи на терени вільного побутового життя, не лише адаптується серед її носіїв, але часто починає домінувати над «легальними» уявленнями про світ як більш агресивна, простіша й зрозуміліша. Особливо помітна дана тенденція в періоди тотального ослаблення моралі в суспільстві або ослаблення національної чи державної ідеології. «Легальний» соціум втрачає імунітет до такої агресії або й сам частково криміналізується (якщо не за психологією поведінки, то вимушено). Нав'язування ціннісної шкали кримінально-злочинної картини світу на сьогодні активно простежується в пісенній творчості російськомовного шансону. Пісенні тексти кримінального змісту або підтексту звучать з ефіру офіційних державних каналів, створено й узаконено державою канал «Радіо-шансон». На зміну міському шансону 20—30-х рр. ХХ ст. (О. Вертинський, В. Козін, П. Лещенко та ін.) прийшов кримінальний шансон (М. Круг, «Лісоповал», Г. Кричевський тощо). Через такі мас-медіа канали арготична свідомість та субкультура пропитує «легальне» суспільство найактивніше, привносячи разом із субкультурою й шар арготизмів, що, через відому експресивність, досить активно вживаються носіями міського сленгу, особливо — молодіжного. Результати наших досліджень свідчать про те, що в українському і в російському суспільствах відбувається спільний процес жаргонізації мовлення.

У центрі будь-якої субкультури та її мовної реалізації стоїть людина, індивід, особа, особистість. Така антропоцентричність зволікає до проєкції всіх перерахованих вище цінностей на світоглядні традиції представника тієї чи іншої соціальної групи: це або почуття, або ставлення одне до одного, або характеризування у ставленні до «свого» або «чужого»: «Злодії — це люди, незлодії — скотинка, фраєри; ті, кого легко обдурити — вівця, дятел, лох, пасажир. Сільський житель — суслик, сільська жінка — хрюшка» [2, с. 182]. Проте, існує ціла ієрархія не лише серед «своїх», але й серед «чужих» представників людства. Світ «чужих» очолюють представники правових органів: міліція, служба безпеки, слідчі, оперативники та інші. Центральним об'єктом специфічної соціально-групової антропофобії декласованих є, за словами В. В. Хіміка, вороги кримінального світу, його прями гонителі: міліціонери, полісмени, слідчі, охоронники, наглядачі, судді, прокурори та решта представників і помічників влади, закону й так званих правоохоронних органів: *лягавий/лігавий, мусор, мільтон, мент* тощо [3, с. 95].

До наступної групи осіб, які хоча й «чужі», але не чинять активного опору носіям кримінальних цінностей, належать представники «легального» світу, які є структурними складовими суспільства: «Погордою й зневагою злодій переймається до інтелігента (*олень фарширований, очкарік*), чесного робітника (*віл; віслюк*: назви незлочинних «професій супроводжуються ореолом зверхності: *абат* — священнослужитель» [2, с. 182]. За класифікацією В. В. Хіміка, дана група осіб називається «помірно засуджуваною», як «не є корінними «ідеологічними» противниками домінантів і заслужують не стільки непримиренної зневаги, скільки зневаги або презирства» [3, с. 98]. Таке ставлення активізує відповідну мовну реакцію, яка проєктується на номінації як осіб, так і дій, спрямованих на номінований об'єкт. Для метафоризації назв об'єктів кримінальної дії послідовно обираються образи з очевидним потенціалом пасивного сприйняття, підлеглості, покірності, тобто всього того, на що можна справляти вплив, причому, вплив безпечний для того, хто його чинить, відправника мовлення, так, наприклад, *пасажира й клієнта* «обслуговують», *хворого й пацієнта* «лікують», *карася й сазана* «ловлять» на його довірливості, *вівцю* «стрижуть», а *сюжет і штамп* (все ті ж модифікатори фрейма особи, об'єкта кримінального впливу) зовсім не можуть чинити опору, бо вони «неістоти».

Окреме ставлення носіїв кримінального аргто виявляється до людей, що володіють значними матеріальними цінностями — багатіїв. У кримінально-злочинній КС вони мають три семантичних поля, позначених відповідною конотацією: захоплення, ненависть, об'єкт пограбування. Вибір умов для метафоричної реномінації в цьому екстенсивному ряду слів фокусується навколо родової семи, загальний дифузний зміст якої умовно визначають як «великий» і такий, що диференціюється у видових семах: «повнота» (*повнокровний, пухлий, повний чайник*), «великий обсяг» (*шуба, бобер, гусак, кит, сазан*), «значущість або пихатість» (*боярин, мен, туз, грач*). «Усі ці денотативно-конотативні компоненти змісту фреймової рамки «багата людина» так чи інакше доповнюються специфічною семою схвалення, позитивної оцінки, але з яскраво визначе-

ною прагматичною орієнтацією: «багата людина» — найбільш придатний об'єкт для кримінальної вчинку (обману, шахрайства, пограбування, убивства). Відповідно до цього, позитивна оцінка, додана багатьма модифікаторами порівняння, набуває очевидного цинічного відтінку, що досить характерний для блатного стилю» [3, с. 99].

Другою за розміром групою досліджуваних нами номінацій є назви людей, що не вміють тримати секрети. Негативне ставлення до таких осіб виявляється як у «легальному», так і кримінальному світі. У середовищі носіїв аргю їх подекуди використовують як псевдо-інформаторів, людей, що відволікають увагу від істинного наміру злочинців [3, с. 102]. *Бовкуна* у кримінальному середовищі часто називають *вітряком* (натяк на занадто рухливий язик нестриманої людини), *порожняком* («дещо беззмістовне, порожнє»), *свистком* (малоцінний предмет, джерело порожніх звуків), *клизмою* (те, що призначене для певних процедур і подає характерні звуки). Але можливі й іронічні метафори з прихованою антитезою вдаваного схвалення, наприклад: *меліоратор* (бовкун, що нібито покращує справжнє положення справ), *фокусник* (бовкотня саркастично порівнюється з умінням фокусника), *форточка* (корисний предмет, з яким пов'язані певні зручності).

Близький до «бовкуна» у кримінальній КС образ «дурня». *Дурна людина, дурень* — універсальний суб'єкт метафористичної характеристики, який має найбільший, найінтенсивніший і найдифузніший ряд номінацій, що нескінченно варіює образність метафор та «градус» негативної оцінки: від поблажливо-зневажливої (*ваня, дунька, колгоспник, лопата, обушок, пенюк, робот*) до згрубілої й презирливої (*недороблений, дуб, копито, чушка, валянок*). «Показовим є те, що серед модифікаторів порівняння помітно переважають номінації сільського побуту, назви осіб і предметів сільської праці» [3, с. 102].

Особливе місце в КС носіїв аргю посідає жінка. У дослідженнях, присвячених даній проблематиці, розглядається, у переважній більшості, анти-образ, конотований зверхнім ставленням кримінального світу до осіб даного ґендеру як осередку, що протиставляє себе «легальному» суспільству, яке серед основних цінностей має сім'ю, рід, родину та інше, символом чого є жінка. Проте це не зовсім точно. Абсолютним винятком є образ «матері» як символу «вічного чекання», подекуди — «сестри», ще рідше — «жінки, дружини», яка вірно чекає (хоч і не з абсолютною довірою). Найсильніший іконічний символ «матері» (*Не забуду матір рідну*). У переважній більшості решти випадків жіноча ґендерна конотація носить негативний, а подекуди й обценний характер [3, с. 99]. «Жінка (дівчина, коханка)»: *кобила, корова, кішка, кошолка, мітла, шкура* — популярний суб'єкт метафоризації з негативною характеристикою. Л. О. Ставицька пропонує таку класифікацію «жінки» у КС кримінально-злочинного світу: жінка-повія (синонімічний ряд на її позначення — найпотужніший, віддзеркалює чітку ієрархію всередині цього соціуму: від найнижчого — повія, яка опустилась (*ящірка*), до аристократії найвищого ґатунку (*емануель, пугана*)); жінка як об'єкт задоволення сексуальних потреб чоловіка, як носій стереотипу легкої поведінки, розпусти; жінка як носій фізичних ознак: молода, молода симпатична, симпатична, вродлива, невродлива, огрядна, з повними стегнами; специфічно жіночих ознак-характеристик: вагітна, яка не має дітей, одинока жінка.

Виразно споживацьке ставлення до жінки акцентують номінації, що вказують на її матеріальну забезпеченість: самотня заможна — *гагара*, дівчина із забезпеченої сім'ї — *золотий дукат*. Високо оцінюється жінка, пов'язана зі злочинним світом, віддана йому: *своя, фартова* — надійна злодійка, *домашнячка* — має сім'ю, але пов'язана зі злочинцями; *жучка* — жінка-злодійка; *мурка* — інформантка злодіїв. Навпаки, негативно оцінюються такі жіночі риси, як ненадійність (*задрига, шкура*), зрадливість (*лярва*), обман чоловіків (*динамістка*)» [2, с. 182—183].

Такий інтенсивний негативний акцент конотації образу жінки позначається на параметрах загальнокримінальної картини світу, яка проектується на неприйнятність жінки як породження «ворожого світу»: «Незлочинний світ у своїх соціальних вимірах асоціюється з жінкою, негативний оцінний шлейф статевої приналежності в даному разі гармонує з негативною оцінністю всього незлодійського: *кухарка* — жінка-керівник, *раба* — жінка на будові, *трясогузка* — домашня господарка. ґендерно маркованими є також номінації, прямо чи опосередковано пов'язані зі злочинним світом: *кішка* — крадійка м'яса на базарі, *фраєрша* — жінка, яка ніде не працює» [2, с. 183]. Відповідного цинізму й зневаги зазнають і чоловіки, що мають тісний, або із семантикою залежності, зв'язок з жіночою статтю: «жавер», «мар'яжник», «молочні брати» (коханці); «м'якошанкерний», «шахніпринц» (чоловік, що взяв прізвище дружини)» [2, с. 183].

Родинні стосунки «чужого світу», яких позбавлена переважна більшість носіїв аргю, теж носять характер зниженої конотації щодо номінативних моделей: «Усі вони позбавлені пієтету: мати (*матка, махана, монтреза*), батько (*батар, кінь, пахан*); традиційно іронічною є номінація на позначення тещі (*агресор*). Старі люди і діти постають в іронічно-зневажливому емоційному ракурсі: старі люди (*цвіль, ерик*), діти (*коройди*, які є тягарем для батьків — *скорпіони*; маленька дитина — *спиногрис*)» [2, с. 186].

Отже, «чужий світ» людей (всіх вікових та діяльних груп) для КС кримінально-злочинного середовища є об'єктом згрубілого гумору та цинічної насмішки або відкрито ворожим, страшним

(через неприйнятність і незрозумілість його внутрішніх законів, які вступають у протиріччя з тим, до чого звикли носії кримінальної субкультури. Дані положення чітко простежуються на тлі номінації особи як однієї з центральних складових узуальної мовної картини світу будь-якої соціальної групи, а особливо, кримінально-злочинного середовища, яке, зі зрозумілих причин, потребує чіткої системи мовних сигналів, що характеризуються чіткістю, влучністю й емоційністю.

«Світ своїх» у КС кримінально-злочинного середовища має, здебільшого, позитивну конотацію, хоча й позначений дещо згрубілим особистісним (внутрішнім) ставленням. Його „закони” для носіїв непорушні й певним чином „сакральні”. Вершиною влади й поваги в даному середовищі є визнані ним лідери: «вори в законі» — недоторканні особи, які координують злочинні дії підлеглих — ворів різних «спеціалізацій» і «напрямів». Всі, хто знаходиться поза межами «злочинської спільноти», є або допоміжними «персонами», або зневаженими «нижчими кастами». Боротьба всередині злочинської спільноти, як правило, ведеться між більш та менш досвідченими. Реномінація поняття „ватажок” спирається на об’єкти порівняння, які мають семи „головний”, „провідний”, „сильний”: *пахан, папа, мама, коновод, матка, центровик, центровий, князь, вовк*. Поняття „молодий недосвідчений злодій”, навпаки, позначається зменшувальними номінаціями: *малютка, молодняк, гаврош, жушок, короїд* тощо і, як правило, супроводжується зневажливо-презирливою конотацією (віддзеркалення ворожоконкурентних стосунків у злочинській спільноті) [3, с. 103].

«Спеціалізація» злодія істотно впливає на його життєвий рівень, поведінку й зовнішній вигляд. Серед професійних злочинців високо цінується майстерність виконання злочину, яка містить специфічну для даної КС «естетику» професійної дії. Так, на «особливому рахунку» знаходяться *кишенькарі* — злодії, чия майстерність виконання вимагає не лише спритності й реакції, але й філіграної техніки, яка потребує тривалого наполегливого тренування. Метафоричні позначення злочинських спеціалізацій традиційно будуються на карнавальному принципі імітації нормального («законного») обивательського життя та його персонажів, пор.: злодій, який краде у різних містах, — *гастролер*; злодій, який обкрадає дачі, — *дачник*; злодій, що обкрадає квартири через вікна та квартирки за допомогою спеціального приладдя, на зразок риболовного, — *вудочник*. Імітація будується на зовнішній схожості суб’єктів, на порівнянні їх занять, за матеріальною суміжністю. У результаті загальноповживане слово виявляється своєрідною «маскою», під якою сховано зовсім інший зміст — кримінальний.

Деякі злочинські професії мають номінаційну модель, що відповідає агентивним номінаціям «законного» світу й служать засобом кримінального маскуванню: «Особливо часто під епатичну метафоричну імітацію підпадають назви осіб за різними видами трудової діяльності» [3, с. 104]. Так, *водопровідник* у кримінальному світі — це «квартирний злодій», який рекомендує себе господарям квартири як сантехнік; *верхолаз* — «злодій, що потрапляє до квартир через балкони та лоджії»; *десантник* — «злодій, що краде предмети із транспорту, що рухається»; *касир* — «злодій, який обкрадає сейфи».

Такого ж цинічно-бравадного походження є такі номінації: *пасічник* «сільський злодій»; *слюсар* — «квартирний крадій, який відкриває замки за допомогою спеціальних інструментів»; *скляр* — «злодій, який потрапляє до приміщення через розбиті або вичавлені вікна»; *ювелір* — «злодій, що краде дорогоцінні вироби» та ін. Проте перераховані вище класифікації не надають їх представникам особливого статусу. Це «чорнороби» злочинського цеху, що, власне, і передають номінації. На вершині майстерності стоять «спеціалізації», які вимагають не лише спритності та нахабства, а й відповідного рівня інтелекту, що віддзеркалюють номінації із семантикою «творчість»: *художник* — «шахрай-кишенькар»; *кармен* — «циганка-кишенькар»; *музикант* — «кишенькар, який працює, одночасно розмовляючи з жертвою»; *письменник* — «злодій, який удає з себе високоосвічену інтелігентну людину» та інші.

Поза межами злочинської спільноти в місцях позбавлення волі перебувають особи, які не входять до їх гурту й перебувають під владою як в’язничної адміністрації, так і під владою самих блатних. Це, здебільшого, тимчасові мешканці в’язниць і таборів, які потрапили з побутових, господарчих та решти причин і не мають прямого відношення до кримінального середовища. Вони, переважно, забезпечують побут та функціонування карного закладу. Кримінальна «еліта» ставиться до них зверхньо, а іноді — із цинічно-презирливим відтінком. Це виражається в породженні цілої серії метафоричних презирливих номінацій індивіда, який працює, — *віл, ішак, кінь, шкапа, трактор, пахар, роботяга*. Іронічне та принизливе ставлення до осіб за їх трудовими обов’язками на зоні виявляється через такі номінації: бригадир — *бугор* або *маршал*; каменяр — *архітектор*; художник — *богомаз*; могильщик — *ворон*; роздавальник їжі — *черпак*; прибиральник туалетів — *імператор* або *канцлер*; людина, яка знайшла «тепле місце» — *лорд* або *зубр*.

Існує й інша систематика найменувань осіб, що не належать до злочинської еліти: «Популярні засади для породження в’язнично-табірних номінацій — називання осіб у зв’язку зі скоєними ними злочинами. Це ще одне джерело традиційного мовного кепкування» [3, с. 106].

Наприклад: *біржевик* — особа, засуджена за розтрату; *карась* — засуджений за зґвалтування; *батько* — за зґвалтування дитини; *рікша* — за автомобільну аварію з людськими жертвами; *скотник* — засуджений за зоофілію; *грузчик* — особа, яка відбуває покарання за іншого, тобто за чужу вину.

Отже, результати нашого дослідження свідчать про те, що носії арготичної лексики мають визначено агресивну картину світу у ставленні до «законного» соціуму, який є для них чужим, ворожим, недолугим і незрозумілим. Це чітко простежується в номінаціях осіб, які мають безпосереднє контактування зі злочинним світом або перебувають у його ієрархічній структурі.

1. Лихачёв Д. С. Статьи ранних лет / Д. С. Лихачёв. — Тверь: Тверское отд. Российского фонда культуры, 1993. — 147 с.
2. Ставицька Л. О. Арго, жаргон, сленг / Л. О. Ставицька. — К.: Критика. — 462 с.
3. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. — 294 с.

С. В. Дмитриев

НОМИНАЦИЯ ЛИЦ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА НОСИТЕЛЕЙ УКРАИНСКОГО УГОЛОВНО-ПРЕСТУПНОГО СОЦИОЛЕКТА

В статье рассматривается проблема своеобразия лингвокультурной картины мира носителей украинского криминально-преступного социолекта. Особое внимание уделяется проблеме номинации лица в данной субкультуре.

Ключевые слова: жаргон, арго, уголовно-преступный социолект, лингвокультурная картина мира, наименование лица.

S. V. Dmytriev

NOMINATION OF PERSONS IN UKRAINIAN CRIMINALS' LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

The article deals with the problem of peculiarities of the Ukrainian criminals' linguistic and cultural picture of the world. Particular attention is given to nomination of persons in the criminal sociolect.

Key words: argot, jargon, slang, criminal sociolect, linguistic and cultural picture of the world, nomination of persons.

УДК 811.111:802.0-801.561.3

И. Б. МОРОЗОВА

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ АВТОРСКОЙ РЕМАРКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

Работа посвящена коммуникативному изучению прагматической функции ремарки в художественном диалоге. В процессе лингвистического анализа сделаны выводы относительно грамматического статуса ремарки, классификации и роли ремарок в тексте.

Ключевые слова: ремарка, паралингвистические факторы, диалог, паратекст, субъективная модальность.

Настоящая работа посвящена исследованию роли авторского комментария, или ремарки, в эпическом и драматургическом тексте для адекватного восприятия читателем персонажного диалога. Последний представляет собой фиктивную реальность, так или иначе отражающую один из «возможных» миров в предлагаемых автором обстоятельствах. Авторское видение ситуации общения находит свое естественное отражение в ремарках-пояснениях, которыми обычно сопровождается персонажный диалог, в основе которого — стилизация естественной разговорной речи.

В фокусе внимания находятся структурно-семантические средства, за счёт которых ремарка оказывает эмоционально-информационное воздействие на читателя и служит способом «визуализации» художественного диалога. В ряде работ с разных позиций интерпретируются отдельные особенности авторских ремарок. Вместе с тем, внимание исследователей сосредоточено исключительно на ремарках в драматургическом произведении [6; 14; 16]. Таким обра-

зом, в настоящее время отсутствует комплексное описание особенностей организации авторских ремарок в художественном произведении в целом и роли ремарки в восприятии диалога как такового.

Актуальность темы настоящего исследования мотивируется назревшей в лингвистике практической потребностью правильного интерпретирования ремарки, а также тем фактом, что авторская ремарка в диалоге не получила достаточного освещения в науке о языке.

Рассматривая ремарку как особый паратекст (термин М. М. Бахтина [2]), связанный с формированием у читателя определённого ценностного восприятия межличностной речевой коммуникации, работа преследует **цель** выявить и дать комплексный анализ средств и способов реализации диалогической стратегии автора посредством ремарки. Отсюда, **объектом** исследования является дискуссионное пространство в целом, включающее персонажный диалог и авторский комментарий к нему. **Предметом** исследования выступают семантико-структурные и функциональные особенности авторских ремарок. Материалом исследования послужили 3022 диалога, отобранные методом сплошной выборки из оригинального англоязычного художественного текста.

Очевидно, что авторский текст реализуется в двух плоскостях: в форме авторского повествования и художественного диалога персонажей. При этом последний выступает на фоне паратекста, создающего, по словам Ю. С. Степанова, «особую ментальность» повествования [15, с. 78] и общий контекст возможного виртуального мира произведения в условиях такой «расщепленной» референции. В ходе исследования проводилась верификация положения об особом статусе паратекста, реализующего авторскую установку (стратегию) на диалог и обеспечивающего визуализацию обстановки его протекания.

Поскольку любой коммуникативный акт представляет собой сложное функциональное взаимодействие вербальной и ряда невербальных знаковых систем различной природы, в авторской ремарке показывается невербальное общение героев глазами автора. В настоящей работе исследование авторской ремарки было подчинено возможной филологической интерпретации представленных в ней невербальных каналов информации.

Понимая ремарку, прежде всего, как «лаконичное авторское высказывание, характеризующее обстановку сценического действия, движения, жесты, мимику и отдельные реплики персонажей» [22, с. 85], в работе мы не рассматривали портретные характеристики героев, их состояние здоровья, погоду и прочие внешние компоненты ситуации общения. Анализу подлежали только те невербальные компоненты речевого взаимодействия, которые, вместе с вербальными способами коммуникации, передают смысловую информацию.

Впервые термин «невербальная коммуникация» (все сообщения, которыми обмениваются говорящие без слов) предложил Ю. Руш. После опубликования его совместной с В. Кисом работы по психотерапии, где новый термин использовался для описания процессов речевого взаимодействия [21], этот термин получил широкое распространение в лингвистике. В современном языкознании известен также и термин «паралингвистика», предложенный американским лингвистом А. Хиллом, который использует его для обозначения «невербальных способов общения в процессе речевой коммуникации» [23, с. 367]. По определению Г. В. Колшанского, «паралингвистика» как языковая дисциплина «занимается изучением факторов, сопровождающих речевое общение и принимающих участие в передаче информации» [8, с. 6].

Система невербального поведения характеризуется зарубежными учеными как «язык тела» («body language», «body communication», «bodily cues»), который подразумевает три формы: 1) вокальную экспрессию (все голосовые модуляции); 2) выражение лица и движения (кинетики); 3) проксеимичные элементы [24, с. 262—281].

Отсюда, невербальную коммуникацию можно охарактеризовать как «науку про знаковое нематериальное поведение человека в момент взаимодействия» [12, с. 12].

В аспекте знаковых систем коммуникацию определяем как процесс, в котором участники производят операции с информацией при помощи символических сообщений вербального и невербального уровней. Невербальными способами общения при этом являются элементы коммуникативного кода неязыковой, но знаковой природы, которые, вместе со знаками языкового кода, служат для создания, трансляции и приёма информации. Таким образом, невербальная коммуникативная деятельность человека и таковая вербальная (т. е. речь) выступают в речевом общении как сосуществующие системы передачи знаковой информации, что предполагает возможные вариации в понимании смысла сообщения.

По подсчётам О. Я. Гойхман и Т. М. Надеиной, коммуникативное взаимодействие осуществляется на 60—80 % за счёт невербальных средств и только на 20—40 % за счёт вербальных [7, с. 7—8]. Сами невербальные средства коммуникации при этом делятся на паралингвистические (интонация, темп, ритм, паузы, интенсивность) и кинетические (жесты, мимика, телодвижения).

Паралингвистические средства являются составляющей речевого действия, наряду с речевым актом, и выполняют важнейшую контактоустанавливающую функцию. Р. К. Потапова рассма-

триває речеву комунікацію як цепочку состояний, в якій виробництво, прийом і передача вербального повідомлення являються лише частиною процесу комунікації [11, с. 3].

На важливу роль паралингвізмів і кінетического мови в числі багатьох дослідників вказують Г. М. Андреева [1, с. 94], М. Н. Ночевник [10, с. 33], Я. Рейковский [13, с. 91], Т. Н. Ушакова [17, с. 21], А. Эллис [18, с. 129]. Вказані дослідники обмежуються тим, що відзначають смислопередаючу функцію невербальних засобів спілкування, однак не конкретизують її.

В художньому діалозі, як і в природному діалогічному дискурсі, відображається неопосередкований контакт комунікантів в процесі бесіди. Максимальне наближення художнього діалога до природного здійснюється шляхом включення в текст описання невербальних аспектів комунікації. Тут невербальна комунікативна діяльність людини в процесі міжособистісного спілкування репрезентується, перш за все, в авторських ремарках. Таким чином, роль ремарки як особливого виду паратекста в художньому творі заключається не в неопосередкованій характеристиці персонажа, а в моделюванні фонових знань ситуації шляхом описання кінетики, інтонації, манери спілкування персонажів.

Так, авторські ремарки, в числі інших факторів, роблять можливим використання персонажами мінімально коротких реплік, встановлюючи додатковий, невербальний канал інформації, присутній живому спілкуванню. Існування декількох каналів для обміну інформацією між персонажами, з однієї сторони, і для передачі інформації читачеві, з іншої, призводить до скорочень («економії») в мовному каналі.

Процес людського спілкування в цілому представляє собою складне взаємодія, нерозривну єдність власне мовних (вербальних) і немовних (невербальних) засобів. «Паралингвістическа і екстралінгвістическа системи знаків представляють собою «додатки» до вербальної комунікації» [1, с. 94]. Для уникнення перевантаженості мовного обміну, часто спостерігається висловлювання натяком і, відповідно цьому, — розуміння догадкою.

В наведеному дослідженні всі аналізовані авторські ремарки були класифіковані за групами в відповідності з їх прагматическою функцією в діалозі. Розглянемо конкретні мовні зразки в контексті невербальної ситуації.

1. *I looked around. Ted was talking to Mr. Davis. — I'm sure it [the car] will make sixty miles easily. (A wink in my direction): the car was almost a wreck.*

— *Why not? — I said cheerfully* [32, с. 72].

Очевидно, що репліка *Why not* прямо спровокована підмигиванням Теда. При відсутності невербального фактора, вираженого авторською ремаркою, вошедший во двор Джек міг легко розстроїти плановану угоду з містером Девісом.

2. — *Hello! he said.*

I saluted a hand [27, с. 21].

Тут ритуал привітання забезпечується взмахом руки.

За нашими даними, невербальна реакція на вербальний стимул має місце, в цілому, приблизно в 8 % випадків; вербальна реакція, підкріплена невербальним супроводженням, — в околі 20 %. При цьому приблизно в половині ситуацій (9,2 %) невербальний фактор змінює прагматическе значення вербального повідомлення, іноді на повністю протилежне.

Розглянемо наступний приклад:

Joby came in.

— *You're here again! Thousand welcomes! — He didn't look up, and his tone was evidently scornful* [29, с. 42].

Авторська ремарка, супроводжуюча слова привітання, дає зрозуміти, що присутність Джо-бі в офісі абсолютно небажано.

Таким чином, художній діалог представляє в двох основних проявленнях: «звучаюча» мов персонажа і авторські ремарки, які є паралельними емоційно-психіческому стану комунікантів і передають їх мимику, жести і др. По відношенню до них звучаюча мов являється то основою, то аккомпанементом, то поясненням.

Приймаючи до уваги сказане вище, вважаємо, що, досліджуючи вербальне взаємодія індивідів в контексті конкретної ситуації, для правильної інтерпретації реплік в діалозі необхідно вивчити авторський текст, неопосередковано супроводжуючий репліки персонажів.

Проаналізуємо значення немовних факторів для створення цілісного і зв'язного діалога. В наведеному дослідженні ремарки розглядаються як авторський коментарій, неопосередковано зв'язаний в причинному і смисловому аспектах з діалогом персонажів, обраних не обов'язково з драматических творів.

Незважаючи на складність і неоднорідність даного лінгвістического явища, вдалося виділити два основні класи ремарок в залежності від структурно-семантическої зв'язі з діалогіческими репліками персонажів:

I-й клас — це ремарки, займаючі незалежне положення по відношенню до репліки і маючі законченний зміст і структуру. До таких відносяться об'ємні авторські відступи-

ния и рассуждения. В отечественных и зарубежных драматургических произведениях уже давно наметилась тенденция увеличения количества подобных авторских реплик (см., например, пьесы Ф. Маркуса, Х. Леонарда). В отечественном литературоведении это явление получило название «беллетризованной ремарки».

II-й класс — ремарки, тесно связанные с репликами в структурно-семантическом и прагматическом планах и достигающие смыслового завершения только в совокупности с репликами персонажей.

Рассмотрим выделенные классы ремарок на конкретном лингвистическом материале. Например: *I went down the corridor and stopped at the door with a notice «Don't disturb». Hesitatingly, I knocked and touched the knob. — May I come in? — Do, please* [32, с. 72].

В приведённом примере предшествующий диалогической реплике отрезок текста является описанием речевой ситуации, мотивирующей синтаксическую организацию последующего диалога. Данная ремарка занимает независимое положение к последующей диалогической реплике и представляет собой законченное структурное и смысловое целое. В то же время иллюзия «видения» душевных колебаний персонажа очевидна.

а) — *Kitty!* — *He smiled at her.*

— *Well?* — *She smiled back* [там же, с. 40].

В данном примере реплика-стимул и реплика-реакция репрезентированы структурно-непредикатными предложениями. Беседа Китти и Марка воспринимается как дружелюбная только благодаря наличию сопровождающих её ремарок. Сравним приведённое выше диалогическое единство со следующим:

б) — *Abdul!* — *She said sharply.*

— *Well?* — *He murmured softly* [31, с. 71].

Реплики персонажей в структурном и грамматическом смысле в примере (б) являются тождественными примеру (а). Однако микроконтекст сопровождающих ремарок делает их коммуникативно различными. В разговоре коммуникантов ощущается напряжённость и недоверие между собеседниками.

Ремарки рассматриваемого класса прямо и непосредственно связаны с художественным диалогом, что и мотивирует их значение для его правильного восприятия читателем.

Во втором классе выделены следующие подклассы:

а) *информативные* ремарки (описывают место и время действия, внешний облик действующих лиц, возраст, черты характера);

б) *акциональные* ремарки (описание действий персонажа, их жестов, мимики, передвижений по сцене или месту действия);

в) ремарки, содержащие *просодические* характеристики говорения (описание речевых особенностей говорящего, интонаций, пауз, а также внешнего звукового сопровождения);

г) *указательные* ремарки (служат индикатором указания или переключения адресата речи).

Несмотря на ранее установленное отсутствие существенных различий в структурной организации эпического и драматического художественного диалога [9, с. 72], оформление диалога в рамках того или иного жанра может существенно различаться. Очевидно, что авторское описание, предваряющее диалог персонажей в эпическом произведении, и авторская ремарка в драматическом произведении не идентичны как по своей синтаксической структуре, так и по объёму. На необходимость учитывать различия, обусловленные функционированием диалога в различных типах текста, указывал ещё В. В. Виноградов, отмечая, что «...функции диалогической речи, приёмы построения и семантика окружающих её элементов может резко отличаться в словесной ткани разных литературных жанров» [4, с. 78].

В драматургических произведениях наиболее адекватно имитируется реальная обстановка функционирования диалогической речи и, на наш взгляд, находят наиболее чёткое разграничение факты вербальной и невербальной коммуникации в виде реплик персонажей и авторских ремарок, которые направлены на создание «иллюзии видения».

По определению словаря А. С. Хорнби и соавторов, ремарка — это слова, высказанные или написанные в виде комментария (*words spoken or written as a comment*) [25]. Известный исследователь драмы В. Волькенштейн рассматривает ремарку как средство, способное прояснить силу высказывания или то, как в единственном значении его следует воспринимать [5, с. 85]. В подобном же смысле рассматривают ремарку и Ч. Гудвин [19, с. 201—203], и Р. Лангакер [20, с. 210]. Отметим, что особенностью драматургических произведений является то, что они предназначены как для постановки на сцене, так и для чтения. Особую проблему представляет передача явлений невербальной коммуникации в письменном тексте. В процессе анализа во внимание принималась та роль ремарок, которую они выполняют для *читателя* драматического произведения, а не для указаний режиссёрам и актёрам при постановке на сцене. Кажущийся «второй план» ремарки в тексте драматургического произведения накладывает определённый отпечаток на её структуру, семантику и прагматическую направленность. В этом смысле структурно-семантические и прагматические особенности реплик обуславливаются в определённом

ной степени и факторами, лежащими за пределами словесного ряда. Фрагментарность, неполнота предложений, прерывистость диалогической речи в драматургическом произведении часто восполняются наличием «воображаемых» факторов несловесной коммуникации, находящихся описание в ремарке. При этом в драматическом произведении актёру предоставляется достаточная свобода действий для индивидуальной трактовки указаний драматурга.

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что если ремарки первого класса являются неотъемлемой частью эпического повествования и лишь эпизодически засвидетельствованы в драме, то ремарки второго класса употребляются в обоих жанрах с регулярной частотностью. Установлено, что для эпических произведений наибольшей частотностью обладают информативные ремарки (68,2 %) и ремарки, содержащие просодические характеристики (22,4 %). Для драматических произведений наибольшей частотностью обладают ремарки акционального (64,1 %) и указательного (18,5 %) характера.

Например:

1) *It sure is, — Anabel found herself smiling back.*

— *But where are they?*

The man responded to her change of mood.

— *That's the question* [27, с. 15]. — Выделенные ремарки являются информативными.

2) — *What is it? She asked suspiciously.*

— *It's that gambling, the «hellenique»* [28, с. 29]. — Выделенная ремарка содержит просодические характеристики.

3) — *Look here (pointing at the line in the book).*

— *What is it?* [33, с. 230] — в скобках приведена акциональная ремарка.

4) — *Hallo! (looking at the newcomer).*

— *Who are you?* [30, с. 187] — в скобках приведена указательная ремарка.

Что касается структурного оформления ремарок, то в процессе анализа сделаны следующие заключения. Ремарки первого класса, представляющие собой авторский монолог, представлены, в основном, сложными и осложнёнными типами предложений (более 60 %). Ремарки второго класса, связанные непосредственно с текстом диалога, репрезентированы тремя поверхностно-структурными видами предложений: 1) простыми неэллиптичными предложениями (53,2 %); 2) осложнёнными предложениями (28,3 %); и 3) сложными предложениями (18,5 %).

Например:

1) — *She had a cable, admitted the boy* [31, с. 42].

2) — *What are you doing here? He asked gloomily looking aside.*

— *Nothing* [30, с. 16].

3) — *Do you live here? asked Larry as they all walked up the path towards some big green houses.*

— *No* [26, с. 32].

Как показало проведённое исследование, первостепенное значение для восприятия информации, сообщаемой в диалоге, имеют ремарки, коммуникативно тесно связанные с репликами диалога персонажей. При этом сами реплики достигают своего структурно-семантического и прагматического завершения только в совокупности с авторским комментарием, образуя некое особое информационное пространство. Создавая с помощью ремарок виртуальное видение всех атрибутов диалога, автор позволяет читателю стать непосредственным, но скрытым участником речевой ситуации. Читатель, будучи вовлечённым в ситуацию общения, программируется на заданную автором оценку персонажных реплик именно посредством паратекста ремарки. Таким образом, прагматический статус ремарки в художественном диалоге заключается в *субъективно-модальной оценке* ситуации общения, переданной на уровне объективного транслирования персонажного диалога. Зафиксировав коммуникативную ситуацию в сознании читателя, автор изменяет угол видения ситуации, расширяя информационное пространство диалога и придавая ему субъективную модальность.

1. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 376 с.

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.

3. Викулова Л. Г. Прагматика посвящения в паратексте французской литературной волшебной сказки XVII века / Л. Г. Викулова // XVII век в диалоге эпох и культур: Материалы науч. конф. — Сер. «Symposium». — Вып. 8. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. — С. 50—52.

4. Виноградов В. В. Стилистика речи. Теория поэтической речи / В. В. Виноградов — М.: Просвещение, 1981. — 253 с.

5. Волькенштейн В. Драматургия / В. Волькенштейн — М.: Искусство, 1999. — 321 с.

6. Габидуллина А. Р. Отражение семиотических кодов театральной коммуникации в авторской ремарке: на примере американской драматургии первой половины XX века: Дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.04. — германские языки / Габидуллина Альфия Рафагатовна. — Уфа, 2009. — 210 с.

7. Гойхман О. Я. Речевая коммуникация / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. — М.: ИНФА, 2001. — 272 с.

8. Колианский Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колианский. — М.: Наука, 1974. — 80 с.

9. Морозова І. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові: монографія / І. Б. Морозова. — Одеса: Друкарський дім, 2009. — 384 с.
10. Ночевник М. Н. Человеческое общение / М. Н. Ночевник — М.: Политиздат, 1988. — 127 с.
11. Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика / Р. К. Потапова — М.: Наука, 1997. — 247 с.
12. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. — 656 с.
13. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский — М.: Просвещение, 1979. — 225 с.
14. Русанова О. Н. Мотивный комплекс как способ организации эпической драмы (на материале пьес Е. Шварца «Тень» и «Дракон»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08. — теория литературы, текстология / О. Н. Русанова. — Новосибирск, 2006. — 21 с.
15. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. — М.: Наука, 1975. — 312 с.
16. Топчий Н. В. О реализации авторской позиции в драматическом тексте. / Н. В. Топчий // Текстовый и синтаксический уровни стилистического анализа. — Л., 1987. — С. 134—145.
17. Ушакова Т. Н. Психологическое и психофизиологическое исследование речи / Т. Н. Ушакова. — М.: Просвещение, 1985. — 178 с.
18. Ellis A. The Psychology of Language and Communication / A. Ellis, G. Beattie. — London; N. Y.: The Guilford Press, 1986. — 148 p.
19. Goodwin Ch. Sentence Constitution within Interaction / Ch. Goodwin // Aspects of Oral Communication. — N. Y.: Academia, 1995. — P. 198—219.
20. Langacker R. W. Viewing in cognition and grammar / R. W. Langacker // Alternative Linguistics: Descriptive and Theoretical Modes / [ed. by Ph. W. Davis]. — Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1996. — P. 153—213.
21. Ruesch J. Nonverbal Communication: Notes on the Visual Perception of Human Relations / J. Ruesch, W. Kees. — Berkeley, California: University of California Press. — 192 p.

* * *

22. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / [под ред. проф. Горкина А. П.]. — М.: Росмэн, 2006. — 584 с.
23. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 673 с.
24. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics / [ed. by J. C. Richards, J. Platt, H. Platt]. — 2nd ed. — L: Longman, 1992. — 448 p.
25. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Hornby A. S. — [ed. by Sally Wehmeier]. — [7th ed., ster.]. — London: Oxford Univ. Press, 2005. — 1780 p.

* * *

26. Blyton E. The Mystery of the Disappearing Cat / E. Blyton — London: Egmont Books Ltd, 2003. — 224 p.
27. Clarke A. A Fall of Moondust / A. Clarke — London: Gollancz, 2002. — 224 p. — (S. F. Masterworks).
28. Crofts F. W. Fatal Venture / F. W. Crofts — Cornwall: House of Stratus, 2001. — 290 p.
29. Gray J. Garden of the Sun / J. Gray — Toronto, Winnipeg: Harlequin Books, 1983. — 191 p.
30. Holden J. Dangerous Legacy / J. Holden — N. Y.: Lancer Books, 1986. — 192 p.
31. Kendrick M. The Curse Of Set-Ra-Kahtep / M. Kendrick — London: G. Swan, 1988. — 200 p.
32. Lark J. A Crow on the Roof / J. Lark. — London: Penguin Books, 2004. — 195 p.
33. Marcus F. The Formation Danger / F. Marcus // Plays of the year. — N. Y.: Belmont Tower Books, 1985. — P. 218—327.

I. B. Morozova

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC FUNCTION OF THE AUTHOR'S COMMENTARIES IN THE LITERARY DIALOGUE

The presented work is dedicated to the communicative study of the pragmatic function of the author's commentaries in the literary dialogue. In the process of linguistic analysis the author made some conclusions concerning the grammatical status of the author's words, their classification and the role in the text.

Key words: author's commentaries, paralinguistic factors, dialogue, paratext, subjective modality.

I. B. Морозова

КОМУНІКАТИВНО-ПРАГМАТИЧНА РОЛЬ АВТОРСЬКОЇ РЕМАРКИ В ХУДОЖНЬОМУ ДІАЛОЗІ

Робота присвячена комунікативному дослідженню прагматичної функції ремарки в художньому діалозі. У процесі лінгвістичного аналізу зроблено висновки про граматичний статус ремарки, класифікацію та роль ремарок у тексті.

Ключові слова: ремарка, паралингвістичні фактори, діалог, паратекст, суб'єктивна модальність.

Н. А. БИГУНОВА

**ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ
КОМПЛИМЕНТА И ЛЕСТИ****(на материале современного английского языка)**

В статье сравниваются функционально-семантические признаки речевых актов комплимента и лести в английском диалогическом дискурсе. Исследована мотивация адресантов комплимента и лести, анализируются возможные виды реакций на высказывания комплимента и лести.

Ключевые слова: оценка, речевой акт, комплимент, лесть, речевая коммуникация.

Данное исследование выполнено в русле антропоцентрической лингвистики и посвящено функционально-семантическим и структурным особенностям речевых актов комплимента и лести. Актуальность работы определяется недостаточной изученностью взаимосвязи знаний, мотивов, интенций носителей языка и их словесного выражения, а также недостаточной расчленённостью феноменов комплимента и лести в речи современных носителей английского языка.

Объектом работы выступают феномены комплимента и лести в современном английском диалогическом дискурсе. Предмет исследования — сходства и различия функционально-семантической организации комплимента и лести.

Цель данного исследования заключается в выявлении дифференциальных функционально-семантических признаков речевых актов комплимента и лести в английском диалогическом дискурсе. В соответствии с поставленной целью в исследовании решаются следующие задачи:

1. Выявляются основные дифференциальные семантические признаки речевых актов комплимента и лести.
2. Исследуется мотивация адресантов комплимента и лести.
3. Описываются возможные виды реакций на высказывания, содержащие комплимент и лесть.
4. Выделяются лексические и синтаксические средства выражения комплимента и лести в английском диалогическом дискурсе.
5. Проводится сопоставительный анализ выделенных средств с целью выявления вероятных сходств и различий между ними.

Материалом исследования послужили современные английские художественные произведения, из которых были отобраны высказывания комплимента и лести. При выполнении поставленных задач в исследовании применяются следующие методы: гипотетико-дедуктивный метод; метод компонентного анализа; метод контекстуального анализа экстралингвистических феноменов (пресуппозиций, мотивов, интенций адресантов, статусных отношений коммуникантов); описательный метод.

Несмотря на многообразие понимания природы и цели высказываний комплимента и лести разными исследователями, данные феномены трактуются большинством авторов как речевые акты, связанные с проявлением в речи эмоций коммуникантов через оценку.

В нашей работе под оценкой понимается прагматическое значение, «которое слово (или высказывание) приобретает в ситуации речи» [1: 17]. Мы определяем речевые акты комплимента и лести как одобрительные высказывания, выполняющие функцию оценки в процессе коммуникации. В ходе восприятия действительности адресанты данных высказываний испытывают эмоции, на основе которых они оценивают объекты высказываний как положительные (комплимент) или псевдоположительные (лесть) и вербализуют свои оценки при помощи эмотивных языковых единиц.

По мнению В. Г. Гака, в структуре любого речевого акта выделяются шесть компонентов: 1) говорящий; 2) адресат речи; 3) исходный материал высказывания (пресуппозиции); 4) цель сообщения; 5) развитие, внутренняя организация речевого акта; 6) контекст и ситуация общения [2: 167]. Комплимент и лесть могут быть адресованы только слушающему. Речевые акты комплимента и лести представляют собой двусоставное речевое действие вида: реплика-стимул и реплика-реакция. Что касается основных интенций адресанта комплимента и лести, то адресант лести намеревается заставить адресата выполнить действие, в котором заинтересован только адресант, а адресант комплимента намерен польстить адресату или поощрить его, что продиктовано соображениями вежливости или желанием поддержать согласие в отношениях с ним.

Адресант комплимента говорит собеседнику приятные для него слова, предметом которых могут быть действия адресата, а также предметы его одежды, обстановка в его квартире, его внешность, положительно оцениваемые обоими собеседниками [9: 530]. Адресант может быть заинтересован в адресате, однако не с корыстными намерениями: функция комплимента состоит в создании и поддержании солидарности коммуникантов [8; 10; 12; 13].

В теории вежливости П. Браун и С. Левинсона комплимент рассматривается как речевой акт позитивной вежливости, уменьшающий социальную дистанцию между коммуникантами и проявляющий интересы адресантов [7: 61].

Под речевым актом комплимента в нашем исследовании понимается этикетный речевой акт, вербально представляющий собой в высшей степени структурированную формулу, которая может быть с минимальными усилиями применена во множестве ситуаций, требующих одобрительного толкования [12: 398].

По мнению А. Вежбицкой, иллокутивной целью высказывания комплимента является стремление сделать приятное адресату, как правило, испытывая реальное желание совершить подобное действие. Адресант не скрывает это желание от собеседника, представляя его как мотивацию для своего речевого поведения [11: 202]. С другой стороны, следует отметить этикетный, вежливый характер комплимента. Зачастую комплимент — это формальность, неизменный атрибут современного общения, который по своей сути не может быть искренним и воспринимается должным образом:

“Annie!” She walks across the office, bottom out, nose forward, head moving ever so lightly backwards and forwards like a peahen. She air-kisses me. “You look great!” — “Thanks,” I say warmly. Compliments on one’s physical appearance are the conversational means of greeting here. I have learned not to take it personally [20: 42].

Суммируя наблюдения разных исследователей, к интенциям адресанта комплимента относим: 1) стремление сделать приятное адресату, испытывая реальное желание совершить подобное действие; 2) намерение польстить адресату или поощрить его, продиктованное соображениями вежливости или желанием поддержать согласие в отношениях с ним; 3) намерение выразить благодарность адресату за его определённые действия; 4) намерение извиниться перед адресатом за действия, которые сам адресант считает неправильными по отношению к собеседнику. Все названные интенции направлены на создание или поддержание солидарности между коммуникантами, поэтому их следует считать положительными интенциями [11; 4; 3].

К функциям комплимента исследователи относят: 1) функцию поздравления (одобрения) [8; 9; 12]; 2) функцию выражения благодарности [9; 12]; 3) функцию выражения извинения [12]; 4) функцию приветствия [12; 13].

Основное отличие лести от комплимента для носителей английского языка заключается именно в интенциях адресантов данных высказываний. К основным интенциям адресантов комплиментов относится стремление польстить или поощрить адресатов, продиктованное соображениями вежливости или желанием поддержать согласие в отношениях с ним [14: 104].

По мнению В. В. Леонтьева, лесть — это речевое хвалебное неискреннее многословное действие, выполняемое субъектом, преследующим определённые корыстные цели, в связи с чем его речевое и невербальное поведение отличаются раболепством, заискиванием перед адресатом, стремлением ублажить и удовлетворить его тщеславию [4: 6]. В нашем исследовании, вслед за Е. С. Петелиной, мы трактуем высказывания лести как высказывания псевдоположительной оценки, как феномен, отрицательно оцениваемый обществом, нарушающий нормальный процесс коммуникативного общения и реализующий попытку адресанта убедить адресата-объекта лести в истинности информации, искажённой в личных целях самого адресанта [5: 153]. Высказывания лести всегда служат инструментом прагматических корыстных целей их адресанта, направленных на собеседника [3: 14].

В. В. Леонтьев рассматривает комплимент и лесть как эмоциональные концепты. Он определяет содержательный минимум концепта «лесть» как неискреннее угождающее выражение похвалы [4: 15]. В. В. Леонтьев описывает контекст и ситуацию общения речевого акта лести следующим образом: адресант А статусно зависит от адресата Б. Адресант А заинтересован или нуждается в чём-то, что он может получить только благодаря адресату Б — объекту лести. При этом он уверен в том, что адресат Б сможет выполнить искомое действие. Его уверенность может подкрепляться хорошими отношениями с адресатом Б — объектом лести. Адресант А также уверен в том, что при его правильном поведении адресат Б воспримет его неискренние слова как положительную оценку своих действий, намерений, умственных способностей, поведения и т. д. [4: 19].

Основным фактором материальной или моральной зависимости выступают ролевые отношения коммуникантов [5: 154]. Например, только знание читателем статусных отношений Алексис и Пиппы (Пиппа — начальник), а также авторский комментарий позволяют классифицировать данный речевой акт как выражение лести:

“Oh, my God, Pippa! You look totally amazing,” exudes Alexis.

Pippa doesn't look amazing. She looks expensive. She is wearing a tailored black shift dress encrusted with large chunks of coloured stone and crystal around the cuffs and neck. She smiles first at Alexis, then me [20: 191].

В работе В. В. Леонтьева дифференцируются два вида лести: а) лесть как инструмент достижения корыстной материальной выгоды для адресанта; б) лесть-извинение за прошлые проступки адресанта (достижение корыстной нематериальной выгоды) [4: 13]. Основными интенциями адресанта лести, испытывающего статусно-ролевую зависимость от адресата, являются: 1) неискреннее намерение доставить адресату (единственному объекту лести) удовольствие, улучшить его эмоциональное состояние, 2) намерение побудить адресата распознать первичное намерение как искреннее, 3) намерение не допустить распознавания адресатом первичного намерения как неискренного, 4) намерение «втереться в доверие» («вкрасться в милость») к адресату, 5) намерение извлечь искомую материальную и нематериальную корыстную выгоду [11; 4; 7].

Что касается успешности речевых актов лести и комплимента, то существенным условием успешности речевого акта комплимента является сходство прагматических пресуппозиций адресанта и адресата. Только совпадение предварительного знания коммуникантов в комплиментах позволит адресанту реализовать свои иллокутивные цели и не заставит адресата усомниться в его искренности [6: 165], как, например, в такой ситуации:

"You look nice in your red dress, Annie," she says approvingly. "Colour really suits you."

"Thanks, Belle!" I'm liking me in a dress right now [20: 88].

В следующем примере прагматические пресуппозиции адресанта и адресата различны: у них несхожие представления о красоте и гармонии, и поэтому комплимент воспринимается как антикомплимент, хотя адресат этого не показывает:

He turns to Georgia. "Anyway, you look better, George. Got a bit of flesh on your bones at last."

"Oh." Georgia looks gutted.

"A broken heart needs feeding, I've always said that," says Mum approvingly. "And now, well, look at you. You look quite ravishing."

"Thanks." Georgia doesn't touch the roasted peanuts again. I change the subject [20: 268].

Приведём комплимент, выполняющий функцию выражения извинения и не принимаемый адресатом, так как он всё ещё обижен и, следовательно, комплимент неуместен:

Don leans across the table and grips my hands. "Because of you, Annie. You're wonderful. I've always thought you were wonderful."

"But not wonderful enough to deserve honesty?" I stand up and grab my coat. "I can't do this, Don" [20: 272].

Анализ иллюстративного материала позволяет выделить следующие, наиболее типичные виды реакций на комплимент: а) полное принятие; б) зеркальное реагирование, т. е. высказывание ответного комплимента или похвалы, потенциально свидетельствующее о настороженном отношении реципиента к продуценту; в) неполное совпадение фреймов коммуникативной ситуации в сознании говорящего и слушающего, приводящее к неловкости и смене темы; г) отвод комплимента или его предполагаемых последствий в виде перлокутивного эффекта.

Приведём пример отвода комплимента, что вызвано не настороженным отношением адресанта, а его скромностью; в данной ситуации комплимент приятен адресату, и это ясно и даже предсказуемо:

Daniel looked at her for a second, and then shook Harry's hand and said, "Ah. Diocesan Board of Finance couldn't do without you, I hear, Colonel Richardson," and Harry said, as she knew he would, "It's nothing. Nothing at all. Like to do my bit" [18: 120].

Что касается успешности речевого акта лести, то реализация адресантом своих иллокутивных целей возможна в том случае, если лесть хорошо продумана, а объект лести тщеславен и убеждён в собственной исключительности.

"You recognize my voice?" — "It's very well known." It was always sensible to flatter a little, while playing for time. — "Well thank you, Walter. I liked your portrait of Lady Juliet. You do jewellery and fabrics so well". She had the same instinct, it seemed [19: 91].

В художественном диалоге тип одобрительного отношения помогают распознать глаголы "compliment", "flatter", которые присутствуют не в репликах коммуникантов, а в авторской речи. Например:

- *She was well aware that beautiful and fashionable young men do not talk to unfashionable women and flatter them unless there is some deeper agenda at work* [19: 47].

- *"You're a good storyteller," I complimented him, still staring into the waves* [17: 109].

- *Angela chose a pale pink dress that draped around her tall frame nicely and brought out honey tints in her light brown hair. I complimented them both generously and helped by returning the rejects to their racks* [17: 134].

К общим лексическим средствам выражения комплимента и лести относятся эмотивы *beautiful, divine, delightful, excellent, marvellous, nice, remarkable, sweet, tremendous, wonderful*, лексические интенсификаторы *absolutely, awfully, exactly, really, simply, totally, highly, perfectly, pretty, quite, so, such, too, very*, междометия *oh, ah*, междометное слово *God*, общеоценочные предикаты *good, well* и контекстуальное наведение эмосем на значения неэмотивных лексем, таких как *attractive, bright, fair, good-looking, young, unbelievable*.

К общим синтаксическим средствам выражения комплимента и лести относятся усиленный и синонимический повторы, параллельные конструкции, сравнительный оборот *as...as*, эмфатические конструкции *how* и *such*, риторические вопросы разделительного плана, отрицательно-вопросительные предложения.

Перспективой данного исследования является изучение роли интонации в дифференциации речевых актов комплимента и лести.

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 344 с.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
3. Зверева Е. В. Коммуникативно-речевая ситуация «комплимент» (на материале исп. языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Зверева. — М., 1995. — 15 с.
4. Леонтьев В. В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 / В. В. Леонтьев. — Волгоград, 1999. — 26 с.
5. Петелина Е. С. Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести // Синтагматический аспект коммуникативной семантики: Сб. науч. тр. — Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарск. ун-та, 1985. — С. 150—154.
6. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 151—169.
7. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — 346 p.
8. Holmes J. New Zealand Women Are Good to Talk to: An Analysis of Politeness Strategies in Interaction // Journal of Pragmatics. — 1993. — V. 20. — № 2. — P. 91—116.
9. Holmes J., Brown D. F. Teachers and Students Learning about Compliments // TESOL Quarterly. — 1987. — p V.21. — № 3. — P. 523—546.
10. Manes J. Compliments: A Mirror of Cultural Values // Sociolinguistics and Language Acquisition. N. Wolfson and E. Judd (Eds.). — Rowley, London: Newbury House Publishers, 1983. — P. 96—102.
11. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. — Sydney: Academic Press, 1987. — 398 p.
12. Wolfson N. An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English // Sociolinguistics and Language Acquisition. N. Wolfson and E. Judd (Eds.). — Rowley, London: Newbury House Publishers, 1983. — P. 82—95.
13. Wolfson N., Manes J. The Compliment as a Social Strategy // Papers in Linguistics. — 1980. — V. 13. — № 3. — P. 391—410.
14. Англо-русский синонимический словарь / Под ред. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. — М.: Русский язык, 1988. — 544 с. (АРСС).
15. Cassel's Modern Guide to Synonyms and Related Words. — London: Cassel, 1971. — 708 p. (CMOS).
16. The Oxford English Dictionary. V. 1—20. — 2nd ed. — Oxford: Clarendon Press, 1989. (OED).

* * *

17. Meyer S. Twilight. — London: Atom, 2009. — 434 p.
18. Trollope J. The Rector's Wife. — London: Black Swan, 1992. — 285 p.
19. Weldon Fay. The Bulgari connection. — Glasgow: Flamingo, 2001. — 220 p.
20. Williams Polly. A good girl comes undone. — London: Sphere, 2008. — 355 p.

Н. О. Бігунова

**ДИФЕРЕНЦІЙНІ ОЗНАКИ МОВЛЕННЕВИХ АКТИВ КОМПЛІМЕНТУ ТА ЛЕСТОЩІВ
(НА МАТЕРІАЛІ СУЧАСНОЇ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ)**

У статті порівнюються функціонально-семантичні ознаки мовленнєвих актив компліменту та лестощів в англійському діалогічному дискурсі. Досліджено мотивацію адресантів компліменту та лестощів, аналізуються можливі види реакцій на висловлення компліментів та лестощів.

Ключові слова: оцінка, мовленнєвий акт, комплімент, лестощі, мовленнєва комунікація.

N. A. Bigunova

**DIFFERENTIAL CHARACTERISTICS OF COMPLIMENT AND FLATTERY SPEECH ACTS
(ON MODERN ENGLISH SAMPLES)**

The article analyses functional-semantic characteristics of compliment and flattery speech acts in English dialogic discourse. The motivation of compliment and flattery speech acts addressers and possible types of respond to compliment and flattery have been explored.

Key words: evaluation, speech act, compliment, flattery, speech communication.

І. О. ЄВДОКИМОВА**ПРОСОДИЧНІ ЗАСОБИ ВІДОБРАЖЕННЯ МОВЛЕННЄВОЇ МАСКИ ДРУЖНЬОГО ПОРАДНИКА У ТЕЛЕВІЗІЙНІЙ РЕКЛАМІ**

У статті розглянуто рекламний дискурс, підходи до вивчення мовленнєвих масок, зокрема види мовленнєвих масок на телебаченні. Досліджуються просодичні засоби розповідних, питальних та спонукальних речень, які сприяють передачі мовленнєвої маски дружнього радника. Здійснено перцептивний аналіз темпу, тонального рівня, діапазону, перед'ядерного контуру, термінального тону.

Ключові слова: рекламний дискурс, мовленнєва маска, просодичний засіб, дружній радник.

Рекламний дискурс, як і інші дискурси масової комунікації, в останні десятиліття став об'єктом пильної уваги лінгвістів. По-перше, фахівців привертає надзвичайно висока концентрація виразних засобів на всіх мовних рівнях, що визначається прагматичною функцією рекламного дискурсу — необхідністю впливати на якомога ширшу аудиторію за якомога коротший час, тому в рекламі «всі засоби мовного вираження постають як би в гіпертрофованому вигляді» [5: 41]. По-друге, мова масової комунікації, в тому числі і реклами, є цікавим матеріалом для досліджень, що проводяться на перетині наук: в галузі психолінгвістики (О. О. Леонт'єв, Є. Ф. Тарасов, Л. С. Школьник та ін), соціолінгвістики (І. В. Четвертакова), лінгвокультурології (С. Г. Тер-Минасова, Н. В. Щербина).

У сучасній дискурсології рекламний дискурс, хоч і активно досліджується, однак має багато лакун, однією з яких є вивчення рекламних тактик, орієнтованих на максимальне сприйняття рекламного повідомлення.

Об'єктом даної роботи є усний телевізійний рекламний дискурс. Предмет дослідження — просодичні особливості рекламної маски дружнього радника. Актуальність теми зумовлена невивченістю просодичних засобів мовного впливу дискурсів масової комунікації на масову свідомість. Матеріалом дослідження слугували 50 сучасних телевізійних рекламних дискурсів, які були отримані методом запису з електронних носіїв Інтернету з сайтів The Best Commercials та Super Bowls.

Метою даної роботи є дослідження варіативності просодичних засобів, які реалізують рекламну мовленнєву маску дружнього радника. Поставлена мета зумовила такі завдання даної роботи: визначити поняття рекламного дискурсу, розглянути підходи до масок взагалі та мовленнєвих масок у телевізійному рекламному дискурсі, виявити просодичні особливості рекламної маски дружнього радника на основі перцептивного дослідження.

У даному дослідженні використовувалися інтегральний метод, метод лінгвістичного опису, метод компонентного аналізу.

Рекламний дискурс визначається як завершене повідомлення, що має певним чином орієнтовану прагматичну установку (залучення уваги до предмету реклами) та поєднує дистинктивні ознаки усного мовлення і письмового тексту з комплексом семіотичних (пара- і екстралінгвістичних) засобів [1]. Атрибутами рекламного дискурсу є номінація предмета реклами, проголошення його позитивних вирашних характеристик і планування позитивної відповідної дії [8].

Рекламний дискурс є специфічним мовним жанром з диференціальною ознакою смислової компресії, зумовленої механізмом реалізації комунікативно-прагматичної доміанти, що сприяє впливу на адресата. Для взаємодії адресанта, що характеризується анонімністю і корпоративністю (рекламодавець, автор тексту, який провіщає), і адресата, представленого численною аудиторією, важливим є передбачення інтерпретації адресатом змісту рекламного повідомлення, чому сприяє зокрема його просодичне оформлення [7].

Рекламний дискурс складається, як правило, не тільки з вербальних засобів: у його структурі взаємодіють, доповнюють і підсилюють один одного вербальні і невербальні компоненти, і ми можемо визначити його, слідом за Н. В. Чумічевою, як полікодовий (полімодальний) дискурс, що забезпечує комплексний вплив на сугеренда [11].

Таким чином, у даній роботі рекламний дискурс розглядається як зв'язний текст у сукупності з екстралінгвістичними, соціокультурними, психологічними та іншими факторами. Рекламний дискурс відображає функціональні особливості мови і має набір прагматичних, експресивних і когнітивних властивостей.

За твердженням римського письменника Петронія, «весь світ займається лицедійством» [13: 468], а рекламний дискурс є найяскравішим його проявом на телебаченні, де мовленнєва маска є засобом перевтілення.

Мовленнєва маска як філологічний феномен привертає увагу багатьох дослідників [2; 3; 4; 6; 9; 10; 12], проте наразі в сучасній філологічній науці немає єдиної позиції з приводу того, що вважати мовленнєвою маскою. У кожній роботі це явище розглядається з різних боків і визначається по-різному.

Так, В. В. Іванов розглядає маску як один з важливих елементів культури з точки зору теорії знаків — семіотики, виокремлюючи при цьому маски: похоронні, зооморфні, міфологічних істот, архаїчного театру, карнавальні, маскарадні, циркові і клоунські, прояв карнавальних масок у кіно [2].

М. В. Шпільман під «мовленнєвою маскою» розуміє перевтілення в іншу мовну особистість, де імітація чужої мовної поведінки включає іншу манеру мови, інший лексикон і передбачає іншу картину світу. Комунікативна стратегія «мовна маска» виконує такі функції: маніпулятивну, іміджеутворюючу, ігрову і функцію самовираження [12].

О. О. Кузнєцова розглядає ораторську маску як засіб маскування, перевтілення риторика й ототожнення його аудиторією з його маскою, яка характеризує соціокультурний тип, що є основою маски. Дослідник виявляє сім типів масок: «фактолог», «правознавець», «захисник», «оповідач», «громадянин», «проповідник», «обвинувач» [6].

К. С. Карчєвська доходить висновку, що сюжети архетипів, властиві міфологічним образам, широко використовуються на телебаченні, і розрізняє два види архетипів: домінуючий мотив Героя і Тіні (відповідає жанрам фільмів жахів, бойовиків, вестернів, детективів і комедій); домінуючий мотив Аніма-Анімус (актуалізується в основному в мелодрамі) [4].

О. С. Попова підходить до розгляду проблем маніпуляцій у рекламному тексті з розуміння тактик «Підміни цілей», «Надягання маски», «Ігри з мотивом», які характерні для будь-якого маніпулятивного рекламного дискурсу і виявляються пов'язаними з центральними фігурами рекламної комунікативної події (адресатом і адресантом) та їх відображенням у дискурсі. З точки зору риторики, «маска», на думку автора, рівнозначна позиції автора дискурсу [10].

Поведінка рекламіста будується на усуненні будь-якої (соціальної, психологічної і т. п.) дистанції у «спілкуванні» з адресатом. Рекламист за допомогою тактики «надягання маски» усуває з дискурсу свої особисті інтереси та цілі. При цьому роль дбайливого помічника може проіграватися адресантом через цілий ряд масок або позицій — інформатора, коментатора, співрозмовника, порадника, емоційного лідера, наставника, трибуна [9: 276—288].

У рекламному дискурсі рекламіст свідомо створює для себе ту або іншу «маску», тим самим усуваючи з тексту себе. Обрана рекламістом «маска» дозволяє не тільки приховати колективність творення дискурсу і справжні цілі адресанта, а й конкретизувати образ автора та його ставлення до адресата [10: 19—20].

Щодо класифікації усних рекламних масок на телебаченні, ми вважаємо доцільним спиратися на види масок або позицій, виокремлених Є. С. Поповою, до яких вона відносить маску інформатора, коментатора, співрозмовника, порадника, емоційного лідера, наставника, трибуна. На наш погляд, дані види мовленнєвих масок найближче передають мовленнєві образи героїв рекламних дискурсів, що існують на телебаченні.

Однією з найпоширеніших мовленнєвих масок, на наш погляд, виступає маска порадника, або дружнього порадника. Маска дружнього порадника — це маска, при якій автор намагається донести до адресата свою думку щодо купівлі того чи іншого товару, навести доводи на його користь, вказати причини покупки саме цього товару, його переваги та достоїнства, зацікавити адресата в покупці тощо. Він встановлює атмосферу невимушеного спілкування з адресатом, звертаючись до нього особисто, розмовляючи з ним «на рівних».

Композиція рекламного дискурсу, його тональність, оцінність та інші текстові категорії багато в чому визначаються образом автора. Носієм авторської мови може виступати безособове, неперсоніфіковане оповідання; в телевізійній рекламі — це «голос за кадром», тільки за інтонацією, оцінками адресат може уявити собі носія мови, його життєву позицію та умовний персоніфікований образ, що безпосередньо звертається до глядача з екрану і розповідає про себе, оточуючих, про події, в яких брав участь [10: 13]. Слід зазначити, що досліджені рекламні дискурси належать до неперсоніфікованого оповідання, звуковий образ якого здійснюється чоловічим голосом за кадром.

Аналіз просодичних засобів проводився на основі комунікативних типів, які превалюють у даному виді реклами. Тож першим кроком було встановити їх види. Результати, отримані у ході дослідження, відбиті у табл. 1.

Таблиця 1

Комунікативні види рекламної маски дружнього порадника (у %)

розповідні	спонукальні	питальні	окличні
70	15	14	1

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

Згідно з таблицею 1, основу даного рекламного виду складають розповідні речення (70 %) та у невеликій кількості спонукальні (15 %) та питальні (14 %) речення. Оклічні речення майже не вживаються (1 %) у дослідженому матеріалі, як правило, тільки при звертаннях, які не є численними, тому в нашому дослідженні вони вилучені з ретельного розгляду. Отже, предметом нашої роботи виступає рекламна маска дружнього порадики, яка реалізується розповідними, спонукальними та питальними реченнями.

На перцептивний аналіз були винесені: темп, діапазон, висотний рівень, перед'ядерний контур та термінальний тон. Почнемо розгляд просодичних засобів з дослідження такого компонента просодії як темп, який виявився достатньо важливим для утворення рекламної маски дружнього порадики. Отримані результати відбиті у таблиці 2.

Таблиця 2

Перцептивне дослідження темпу у комунікативних видах рекламної маски дружнього порадики (у %)

Види речень	Нормальний	Уповільнений	Прискорений
розповідні	40	34	26
спонукальні	38	24	38
питальні	57	7	36

Як ілюструє таблиця 2, нормальним темпом вимовляються переважно всі види речень у порівнянні з іншими видами темпу. Тож він є базовим темпом для загальної реалізації означеної рекламної маски. Найбільший процент реалізацій нормального темпу спостерігається у питальних реченнях (57 %), особливо тих, що мають значну кількість наголошених складів (3—4).

Уповільнений темп, згідно даної таблиці, значною мірою впливає на акцентуацію інформації у розповідних реченнях (34 %), але є незначним у питальних реченнях (7 %). Прискорений темп превалює у спонукальних (38 %) та питальних (36 %) реченнях.

Наступним компонентом просодії, який був досліджений, виступив діапазон рекламного дискурсу. Результати відбиті у таблиці 3.

Таблиця 3

Перцептивне дослідження тонального діапазону у комунікативних видах рекламної маски дружнього порадики (у %)

Види речень	Середній	Широкий	Вузький
розповідні	42	39	19
спонукальні	60	33	7
питальні	50	31	19

Як свідчать дані, отримані у таблиці 3, вузький діапазон не є значною ознакою формування рекламної маски дружнього порадики, тож у досліджених видах речень основна інформація передається середнім діапазоном (розповідні — 42 %, спонукальні — 60 %, питальні — 50 %), кількість якого переважає у спонукальних реченнях. Наприклад:

'How 'far would you 'go to \help someone?|| 'Would you 'go 'anywhere to 'drive /away?|| 'Would you 'cross the /street?|| 'Would you 'cross the /ocean?|| 'Would you 'place '6 'thousand 'miles from /home?||

Значну роль у формуванні маски дружнього порадики виконує широкий діапазон (35 % у середньому по всім видам речень), що сприяє акцентному виділенню найважливішої інформації. Наприклад:

'Which 'company pro'duces 'more 'oil than any \other?|| But is 'still 'concerned about 'what a 'few 'drops can 'do to the en\vironment?|| 'Which 'company 'manages today's 'largest pet'roleum re\serves?||

Наступним компонентом просодії, який був досліджений, є тональний рівень рекламних дискурсів. Результати відбиті у таблиці 4.

Таблиця 4

Перцептивне дослідження тонального рівня у комунікативних видах рекламної маски дружнього порадики (у %)

Види речень	Високий	Середній	Низький
розповідні	76	21	3
спонукальні	64	36	—
питальні	79	21	—

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

Як ілюструє таблиця 4, рекламна маска дружнього порадника реалізується на високому тональному рівні, тож цей компонент просодії виступає як один із значних засобів при створенні маски дружнього порадника. Високий тональний рівень спостерігається перш за все на першому наголошеному складі та всередині синтагм на найважливіших складах. Наведемо приклад:

The 'common \mayfly | has a 'life ex\pectancy| of just 'one \day. || But as he is 'miserable at /birth|| 'no one will \be.|| He' thinks he'll 'die with the 'things he \loves...||

Слід відзначити, що рекламна маска дружнього порадника не реалізується на низькому висотному рівні. Другорядна інформація оформлюється середнім тональним рівнем та складає 27 % у середньому по всіх типах речення.

Тональний рівень синтагм тісно пов'язаний з перед'ядерним контуром рекламних дискурсів, який був досліджений наступним. Результати спостережень відбиті у таблиці 5.

Таблиця 5

Перцептивне дослідження перед'ядерного контуру в комунікативних видах рекламної маски дружнього порадника (у %)

Види речень	Спадна	Плинна	Висхідна	Висока	Ламана
розповідні	30	1	1	55	13
спонукальні	46	3	—	51	—
питальні	65	2	—	26	7

Як показав проведений аналіз, вид шкали, який реалізується в рекламних дискурсах, залежить від виду речення. Однак слід зауважити, що в отриманому матеріалі не спостерігалися експресивні види шкал у великому об'ємі. У дослідженому матеріалі значною мірою були відбиті спадні шкали та висока рівна шкала. Так, згідно таблиці 5, розповідні та спонукальні речення вимовляються переважно високою шкалою (55 % та 51 % відповідно), питальні речення — спадною шкалою (65 %), що залежить від кількості наголошених складів. Наведемо приклад:

When'ever you 'buy a \car| you 'have to 'sign a \contract. || But 'what about the 'company \selling it to you?|| 'Where's \their signature?|| 'Introducing 'Hyundai As\surance...||

Наступним компонентом просодії, який був ретельно досліджений, виступає термінальний тон. Результати спостережень відбиті у таблиці 6.

Таблиця 6

Перцептивне дослідження термінальних тонів у комунікативних видах рекламної маски дружнього порадника (у %)

Види речень	LF	LR	FR	HF	HNR
розповідні	73	12	1	1	13
спонукальні	84	11	1	—	4
питальні	63	22	2	—	13

Як ілюструє таблиця 6, рекламна маска дружнього порадника оформлюється переважно низьким низхідним тоном, що складає у середньому 73 %. Вимовлення інформації даним термінальним тоном сприяє атмосфері дружньої поради, де адресант акцентує увагу на найважливішій інформації безапелятивним тоном, який не припускає сумніву. Наприклад:

'You and your 'home are uni\que.|| So 'direct \line| 'makes in'surance \policy| 'just for \you.||

У рекламних дискурсах спостерігається вживання висхідного тону, який виступає у двох формах: у формі низького низхідного тону, який більш усього притаманний питальним реченням (22 %), та у формі високого вузького висхідного тону, що у рівному співвідношенні (13 %) відзначений у розповідних та питальних реченнях. Як правило, цей тон має місце у середині фраз або при перерахуванні характеристик.

Отже, рекламна маска дружнього порадника характеризується надсинтаксичною просодією, яка виконує функцію логічного наголосу в досліджених рекламних дискурсах.

Проведене дослідження просодичних засобів рекламних дискурсів не є повним, його перспективою може бути дослідження ролі паузації та гучності у реалізації мовленнєвих масок у телевізійному рекламному дискурсі.

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита / Доценко Евгений Леонидович. — М., 1997. — 344 с.

2. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры / Иванов Вячеслав Всеволодович / Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. — М.: Языки славянских культур, 2007. — С. 333—344.

3. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Иссерс Оксана Сергеевна. — М.: Изд-во УРСС, 2003. — 228 с.
4. *Карчевская Е. С.* Архетипы в кинематографе: культурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Спец.: 10.00.01 / Карчевская Кристина Сергеевна. — С. Пб., 2010. — 25 с.
5. *Козырева М. Н.* Введение в изучение английского речевого голоса (голособразования) / Козырева Мария Николаевна. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — 97 с.
6. *Кузнецова Е. А.* «Ораторская маска в судебной защитительной речи» (на материале выступлений Ф. Н. Плевако): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кузнецова Евгения Алексеевна. — Барнаул, 2004. — 204 с.
7. *Лисичкина И. О.* Просодична організація англомовного дискурсу реклами (експериментально-фонетичне дослідження на матеріалі британської телевізійної реклами): Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Лисичкіна Ірина Олександрівна. — К., 2005. — 26 с.
8. *Никитина С. В.* Национальная специфика текста промышленной рекламы (на материале русскоязычных и англоязычных периодических изданий по вычислительной технике): Дис. ... канд. филол. наук / Никитина Светлана Валентиновна. — Воронеж, 1998. — 28 с.
9. *Попова Е. С.* Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Попова Елена Сергеевна // Известия Уральского государственного университета. — 2002. — № 24. — С. 276–288.
10. *Попова Е. С.* Рекламный текст и проблемы манипуляции: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Спец. 10.02.01 — русский язык / Попова Елена Сергеевна. — Екатеринбург, 2005. — 27 с.
11. *Чумичева Н. В.* Копирайтинг и рекламная суггестия: алгоритмизация творчества: Автореф. ... дис. канд. филол. наук / Чумичева Нелли Викторовна. — Ростов-на-Дону, 2009. — 22 с.
12. *Шпильман М. В.* Коммуникативная стратегия «речевая маска»: на материале произведений А. и Б. Стругацких: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Шпильман Марина Владимировна. — Новосибирск, 2006. — 229 с.
13. *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов / Бабичев Николай Тихонович, Боровский Яков Маркович. — М., 1998. — 468 с.

И. А. Евдокимова

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ МАСКИ ДРУЖЕСКОГО СОВЕТЧИКА В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ

В статье рассматривается рекламный дискурс, подходы к изучению речевых масок, в частности виды масок на телевидении. Исследуются просодические средства повествовательных, вопросительных и побудительных предложений, которые способствуют передаче маски дружеского советчика.

Ключевые слова: рекламный дискурс, маска дружеского советчика, просодические средства.

I. A. Yevdokimova

PROSODIC MEANS OF EXPRESSING OF FRIENDLY ADVISER SPEECH MASK IN TV ADVERTISEMENTS

The article deals with advertisement discourse, approaches to the analysis of speech masks, namely the speech masks on TV. The author analysis of prosodic means of statements, questions and commands forming the mask of a friendly adviser.

Key words: advertisement discourse, mask of friendly adviser, prosodic means.

УДК 81'276.6'367.32:62:82-991

Ю. М. АНТОНЕНКО

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ СУЖДЕНИЯ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ

В статье очерчена перспектива раскрытия специфики проявления и способов реализации отрицательной оценочности в жанре научной рецензии как составляющей процесса научной коммуникации. Отрицательные оценочные суждения в жанре научной рецензии рассматриваются с позиций коммуникативно-прагматического подхода к изучению речевых жанров.

Ключевые слова: отрицательные оценочные суждения, речевой жанр, научная рецензия, научная коммуникация, коммуникативно-прагматический подход.

Современный подход к изучению жанров речи как прагматически направленных форм речевого действия, представленный в жанроведении в работах таких ученых как Т. В. Шмелева, В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина, Ф. С. Бацевич, Ст. Гайда, М. Н. Кожина, Е. А. Селиванова, делает возможным рассмотрение вопроса о специфике использования вторичных речевых жанров научного общения в новом коммуникативном ключе.

Жанр научної рецензії грає важливу роль в процесі формування і розвитку научного дискурсу в значительній ступені завдяки своїй оціночній направленості, дозволяючій на основі глибокого аналізу не тільки висказати об'єктивну оцінку новому знанню, но і сприяти просуванню інформаційного явища до більш широкого адресату, а також сформувати обґрунтоване оціночне мнение про нього, що і є головною задачею рецензента [3, с. 561].

Дослідження даного мовного жанру в руслі жанрознавчого підходу надає можливість розглядати жанр научної рецензії як складну комунікативно-когнітивну модель, в межах якої для успішного виконання комунікативної мети жанру задіяється цілий комплекс прагматических установок і когнітивних засобів, направлених, в частині, на реалізацію в тексті рецензії категорії оціночності в формі оціночних суджень. Слід відзначити, що входять до складу рецензії інформативний компонент не тільки виконує репрезентативну функцію, але і сприяє досягненню комунікативної мети жанру — формуванню оціночного мнения про рецензуваний текст, так як саме на його основі виводяться оціночні судження.

Вопроси актуалізації категорії оціночності в мовній діяльності, а також способи її мовної експлікації представлені в ряду наукових робіт Н. Д. Арутюнової, Е. А. Баженової, Т. В. Бондарко, М. П. Брандес, Н. В. Данилевської, Е. М. Вольф, Т. А. Космеди. Дослідниця Н. В. Данилевська, предметно вивчивши проблематику, схильна розглядати категорію оціночності як складову всіх висказувань в науковому тексті, оскільки останній створюється на основі «сознательного вибору автором саме такого, а не іншого судження, яке як ніщо краще бере участь в обґрунтуванні якого-небудь компонента знання в даному фрагменті тексту» [2, с. 23].

Приведене твердження, орієнтоване на комунікативно-прагматический підхід до аналізу мовних явищ, дозволяє інтерпретувати категорію оціночності як предельно широке поняття, формуюче комунікативну мету адресанта і визначає жанрову специфіку научної рецензії. Слід відзначити, що категорія оціночності є не тільки жанрообразуючим фактором научної рецензії, але і основним способом експлікації мовної особистості мовця, так як комунікативна стратегія рецензента будується на основі категорії оціночності і тісно пов'язана з вибором оціночних засобів. В зв'язі з цим нами була поставлена *цель* — прослідкувати конкретні прояви негативної оціночності в текстах рецензій, опублікованих в журналі «Вопросы языкознания». Матеріал для дослідження був вибраний свідомо, так як дане видання є одним з найбільш авторитетних.

Написання научної рецензії є оціночним процесом перевірки відповідності наукового тексту визначеним стандартам форми і змісту робіт такого роду, прийнятим в даному науковому співтоваристві. Наукова рецензія призначена визначити місце рецензуваного тексту в науковому дискурсі на основі об'єктивного оцінювання новизни проведеного дослідження, можливості застосування отриманих в ході роботи результатів в науковій діяльності, дотримання правила преемственности наукового знання, відповідності даної роботи вимогам використовуваного жанру.

Поставлена перед автором научної рецензії задача вимагає реалізації в тексті рецензії як позитивних суджень про рецензувану роботу, так і наявності негативної оцінки, що корелюється з вимогою об'єктивності викладу. Використання негативної оціночності є частиною комунікативної стратегії рецензента і обумовлено жанровими особливостями научної рецензії.

Прийняті в науковому співтоваристві правила спілкування, тісно пов'язані з прагматическою установкою на «положительную вежливость», направленную на «смягчение отрицательного воздействия критических утверждений, обычно ассоциирующихся с данным жанром» (переклад автора — Ю. А.) [5, с. 145], обумовлюють специфіку реалізації негативної оціночності в жанрі научної рецензії.

Негативні оціночні судження можуть бути оформлені в розглянутих текстах як імпліцитно, так і експліцитно.

Для вираження негативної експліцитної оцінки в тексті рецензії використовуються спеціальні мовні засоби — слова з відповідним значенням, особливі типи речень, стилістическі ресурси, клішировані конструкції: *Подобный взгляд кажется в высшей степени искусственным* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 125); *Всё это делает книгу Клаксона сомнительной и в смысле её педагогической пользы* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 127); *Автор явно забывает об особом фонологическом положении закрытого слога в древних индоевропейских языках и не делает из этого никаких должных выводов* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 125); *Факты языка рассматриваются в основном сами по себе, без демонстрации какой бы то ни было филологической работы* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 127); *Помимо этого, книга Клаксона изобилует многими частными погрешностями, ошибками и*

опечатками (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 126); *На с. 204 без оговорок утверждается, что в русском языке есть слова золва и ятры. Вообще, знания, получаемые нами из книги Дж. Клаксона, выглядят какими-то уж слишком вторичными* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 127); *Читатель практически не найдёт мест, где бы автор внятно и доказательно высказывал свою позицию по тому или иному вопросу* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 127); *Грубым упрощением кажется отождествление балтославянского циркумфлекса с краткостью* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 143).

В процессе анализа фактического материала было замечено, что использование отрицательных оценочных суждений, выраженных в тексте рецензии эксплицитно, не носит системного характера, что обусловлено коммуникативными правилами, установленными в научном сообществе. Соблюдение правила кооперации, введенного в научный обиход Г. П. Грайсом [1], предполагает наличие в рецензии клишированных высказываний как сложного коммуникативного целого, содержащих общую положительную оценку и отрицательную характеристику отдельных положений текста, завершающих текст рецензии. Это помогает минимизировать воздействие отрицательной оценки, сохранить дипломатический тон рецензии. Вместе с тем важно признать, что «такие положительные комментарии, завершающие рецензию, не преобразовывают общую отрицательную оценку работы в положительную» (перевод автора. — Ю. А.) [4, с. 148]: *Несмотря на все высказанные возражения, следует признать, что книга в целом написана в образцовом стиле, прекрасно построена и предельно логична. Демонстрируемой в работе научной эрудиции автора можно только позавидовать* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 124); *Таким образом, замечаний можно высказать немало, но они не должны заслонять от нас то, что авторы подготовили действительно фундаментальный труд* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 138).

Проведённые наблюдения свидетельствуют, что при общей тенденции к использованию положительных оценочных суждений о рецензируемом тексте, представленных в заключительной части рецензии, встречаются и отрицательные суждения, состоящие из содержащего общую негативную оценку клишированного высказывания и положительной характеристики отдельных положений текста: *Надо сказать, что внимание Дж. Клаксона к проблемам ностратики выгодно выделяет его книгу на фоне многих других, однако внимание это оказывается чрезвычайно поверхностным* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 125).

В некоторых случаях в заключительной части рецензии, дающей положительную оценку работы в целом, может содержаться общий отрицательный вывод о значимости данного исследования для научной среды: *Они (сложившиеся специалисты. — Ю. А.) легко заметят ошибки и неточности, обратят внимание на то, что сведения, получаемые из книги, неполны, но также найдут и что-то новое для себя. Но будущим специалистам книга Клаксона, к сожалению, мало пригодна. Так получается, что она лишь отчасти оправдывает своё название* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 127).

Имплицитная оценка формируется автором в контексте высказывания, который, апеллируя к специальным и фоновым знаниям адресата, косвенно выражает оценочное суждение. К данной форме чаще всего прибегают в случаях необходимости выражения отрицательных суждений и заключений, что позволяет, с одной стороны, избегать категоричности изложения, а с другой, способствует выполнению основного требования, предъявляемого к текстам такого рода, — объективности изложения. Такие имплицитные средства делают возможным представить негативную оценку как личное мнение рецензента, которое может не совпадать с мнением других участников научного дискурса: *Сосредоточимся на той концепции, которую можно «реконструировать» при чтении рецензируемой монографии, отличающейся отмеченной нами свободой изложения и рыхлостью композиции* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 154); *На наш взгляд, для такой реконструкции нет достаточных оснований* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 159); *Тезис же о флексии как показателе отсутствия субъекта, на наш взгляд, недостаточно обоснован* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 159); *На наш взгляд, латинский имперфект здесь остался все же необъясненным* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 166); *Правда, примеры, приводимые автором на первую из этих стратегий, не кажутся мне убедительными* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 166); *Мы уже отмечали отсутствие ряда, на наш взгляд, важных и показательных статей* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 136).

Для жанра научной рецензии характерным является высказывание автором отрицательных оценочных суждений с рекомендациями и пожеланиями, оформленных конструкциями с модальностью сослагательности: *Вероятно, следовало бы специально оговорить критерии, которые кладутся в основу классификации семантических категорий* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 171); *Корректнее было бы говорить о прагматических формах* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 127); *Тем не менее, стоило бы дать краткий обзор*

(ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 131); *Поскольку в индоевропеистике уже 60—80 лет присутствует эта терминология, то желательно было бы использовать и эти характеристики в описании каждого деривата* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 132); *Иными словами, в словаре рассматриваемого типа хотелось бы видеть краткое описание индоевропейских суффиксов в их соотношении и развитии.* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 132); *Для корректности целесообразно было бы упомянуть и конкурирующие концепции* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 132); *Авторам рецензируемой книги можно бы порекомендовать высказать своё мнение по этому вопросу* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 134).

Отрицательные оценочные суждения часто используются в сочетании с суждениями, несущими положительную оценочность, что вызвано требованием избегать категоричности высказывания. Подобные конструкции располагаются в основной части рецензии: *Итак, оригинальный метод исследования Потье позволяет увидеть в новом свете многие языковые явления. Вместе с тем представляется, что роль ментальных операций в семантике языка несколько преувеличена* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 157); *Несмотря на спорность отдельных положений (отмеченных в нашей рецензии), строгий структурный метод реконструкции позволил автору сделать ряд ценных наблюдений и сформулировать свою концепцию глагола* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 163).

Авторами научных рецензий широко используются формы сравнительной степени имен прилагательных или их контекстуальные эквиваленты, позволяющие смягчить отрицательное суждение: *Отметим одну лёгкую непоследовательность в трактовке понятия контроля в разных разделах книги.* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 167); *Вместе с тем представляется, что роль ментальных операций в семантике языка несколько преувеличена* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 157).

При выражении имплицитной отрицательной оценочности важную роль играет использование вводных слов и противительных союзов: *Отметим, однако, спорность отнесения к парасинонимичным таким высказываний* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 156); *Однако есть факты, говорящие о том, что здесь были более сложные отношения.* (ВЯ. — № 1. — 1995. — С. 160); *Руководствуясь логикой Оландера, было бы естественно думать, что и производные ударялись либо на первом слоге, либо на окончании. Однако этому, конечно, противоречат факты* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 145); *Сразу замечу, что такой представительный корпус, безусловно, отвечает этой цели, но одновременно возникает вопрос о критериях и методологических основаниях отбора и интерпретации материала* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 129).

Отрицательная оценочность нередко может быть представлена в модальности недоумения: *Книга Шантрена есть в библиографии, странным и необъяснимым пропуском выглядит отсутствие классической работы Дебрунера* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 129); *В этой связи отметим и досадный пропуск в обсуждаемом словаре* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 131); *В этой связи досадно, что автор, видимо, не знаком с работой [Дыбо 2003], где довольно подробно говорится об этом* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 142).

Использование тех или иных средств выражения отрицательной оценочности, а также выбор способов и форм их сочетания находится в тесной взаимосвязи с поставленной перед рецензентом коммуникативной задачей и выбранной им коммуникативной стратегией: *Замечу в скобках, что мне совершенно неясно, что вдруг стало с подвижностью в атематических именах* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 144); *Неужели результаты «закона подвижности» совпали с результатами какого-то ещё (совершенно другого) «закона», определившего акцентную кривую атематических имен в индоевропейском? Если так, то это совпадение достойно удивления* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 144); *Более того, из текста Клаксона не следует даже того, что для работы компаративисту требуется знание древних языков; получается как раз наоборот, и даже набор греческих слов латиницей, причём не всегда последовательный, ещё более усиливает это впечатление* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 127); *Здесь же следует сказать, что список цитируемой в конце книги литературы вообще выглядит чрезмерно коротким и неполным (в сопоставлении, например, с [Семереньи 1980]), тогда как избранный автором подход требовал бы как раз обратного. Так получается, что заявленная «проблемность» служит скорее средством для оправдания пробелов в книге, нежели благородной цели* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 126); *Сразу оговорюсь, что такое категоричное утверждение (об исключительной архаичности греческого и древнеиндийского) на первой же странице не может не вызвать недоверия к дальнейшему изложению, т.к. содержит в виде посылки*

недоказанный тезис об исконной неподвижности ударения (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 141); *Вдобавок, следовало бы отметить и ту характерную особенность клаксоновского изложения, состоящую в том, что проблемы, рассматриваемые автором, далеко не всегда представляют собой сколько-нибудь строгую систему, оставаясь иной раз причудливой россыпью взаимопротиворечащих фактов* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 126); *Только во второй половине книги «дело дошло до дела»* (ВЯ. — № 2. — 2010. — С. 148).

В заключение необходимо подчеркнуть: жанр научной рецензии представляется перспективной областью для исследования категории оценочности в научном дискурсе с позиций современного жанроведения, так как является оценочным по своей прагматической направленности. Для научной рецензии характерно наличие оценочных суждений, содержащих в себе различную степень оценки рецензируемого текста с позиции автора. Задание такого рода, стоящее перед рецензентом, всегда предполагает наличие не только положительных суждений о научном труде, но и критических замечаний, что обусловлено экстралингвистическими требованиями объективности изложения. Подобные отрицательные суждения являются важной составляющей коммуникативной стратегии автора научной рецензии и в зависимости от выбора рецензентом степени воздействия на адресата могут быть выражены в тексте с помощью как имплицитных, так и эксплицитных языковых средств. При негативном оценивании положений рецензируемого текста автор чаще всего прибегает к смягчению категоричности высказывания, что продиктовано прагматической установкой на «положительную вежливость». При анализе научной рецензии категория оценочности выступает как предельно широкое понятие, так как является одним из жанрообразующих факторов. Она направлена на выражение объективного мнения о рецензируемой работе и реализуется в тексте рецензии в форме оценочных суждений. В то же время, в выборе средств для создания оценочных суждений, обусловленном коммуникативной целью и задачей, раскрывается языковая личность автора научной рецензии.

1. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: Пер. с разн. яз. / Общ. ред. Е. В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217—237.
2. *Данилевская Н. В.* Научный текст как динамика оценочных действий / Н. В. Данилевская // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. — № 2. — С. 20—28.
3. *Культура русской речи:* Энциклопедический словарь-справочник / Под. ред. Л. Ю. Иванова и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 840 с.
4. *Belcher D.* Academic Writing in a Second Language: Essays on Research and Pedagogy / D. Belcher, G. Braine. — Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation, 1995. — 410 p.
5. *Gea Valor M. L.* A Pragmatic Approach to Politeness and Modality in the Book Review / M. Lluïsa Gea Valor. — Valencia: Universitat de Valencia, 2000. — 170 p.

Ю. М. Антоненко

НЕГАТИВНІ ОЦІННІ СУДЖЕННЯ В ЖАНРІ НАУКОВОЇ РЕЦЕНЗІЇ

У статті окреслена перспектива розкриття специфіки виявлення і засобів реалізації негативного оцінювання в жанрі наукової рецензії як складової процесу наукової комунікації. Негативні оцінні судження в жанрі наукової рецензії розглядаються з позицій комунікативно-прагматичного підходу до вивчення мовленнєвих жанрів.

Ключові слова: негативні оцінні судження, мовленнєвий жанр, наукова рецензія, наукова комунікація, комунікативно-прагматичний підхід.

Yu. M. Antonenko

THE NEGATIVE VALUE JUDGMENTS IN GENRE OF SCIENTIFIC REVIEW

The author describes the way of negative evaluation data in genre of scientific review as a component of scientific communication process. The negative evaluative judgments are examined from the point of view of communicative-pragmatic approach to the speech genre.

Key words: negative value judgments, speech genre, scientific review, scientific communication, communicative-pragmatic approach.

О. В. ИВАСЮК

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ (на материале русских и английских глагольных визуализмов)

В статье рассматриваются особенности выражения перцептивной семантики посредством глаголов визуального восприятия в русском и английском языках.

Ключевые слова: глаголы физического восприятия, визуализмы, межъязыковая лексическая корреляция, фразовый глагол.

Восприятие наряду с процессами ощущения, представления, мышления лежит в основе всех систем знания и принимает участие в создании образа мира. Как сложный психофизиологический процесс, оно является одним из важнейших этапов деятельности человеческого сознания по освоению предметного мира и обладает таким свойством, как предметность, которая связана с целостностью, осмысленностью, константностью (А. В. Запорожец, А. Г. Зинченко), функциональностью (А. А. Леонтьев), субъектоцентричностью, полимодальностью (И. Г. Рузин). Как отмечает Харви Шиффман, «интерес к дискуссионным вопросам и проблемам, связанным с ощущением и восприятием, восходит к истокам интеллектуальной истории человечества. Ещё древнегреческие философы размышляли над тем, как именно мы познаём то, что находится вне наших тел, т. е. как мы познаём окружающий мир. Первым из древнегреческих философов, считавшим необходимыми тщательные наблюдения за природой и её описание, был Аристотель... <...> он создал просуществовавшую долгое время базовую классификацию, включившую пять чувств — зрение, слух, вкус, обоняние и осязание» [6: 28].

Восприятие, по мнению Е. С. Кубряковой, «имеет длительные традиции своего исследования, но не имеет общепринятого толкования. Оно охватывает широкий круг явлений и процессов, начиная от простого осознания человеком того, что с ним в тот или иной момент его бытия происходит..., до обобщения сенсорного или чувственного опыта в виде отражения окружающей нас объективной действительности и в образе мира и его отдельных фрагментов» [3: 17].

В языке единицы, отражающие восприятие, формируют функционально-семантическое полицентричное поле перцепции. Процессуальность восприятия обуславливает выбор преимущественных языковых средств его выражения — глаголов, соответствующая группа которых получила квалификацию перцептивных.

Перцептивные глаголы были предметом исследования с точки зрения их места в лексической системе (Васильев 1981; Падучева 2003), в том числе в диахронии (Клименко 1989; Бенке 1987; Глинка 2003; Слободян 2007; Сафонова 2008); рассматривалась их функция в современных художественных текстах (Попкова 1997; Федосюк 1988); они исследуются в плане взаимодействия с глаголами других лексических подсистем (Голайденко 2001), с точки зрения семантического наполнения (Муравьёва 2008), анализируются в словообразовательном аспекте (Яковенко 1987) и с учётом их роли в формировании языковой картины мира (Апресян 1995; Урысон 1998).

Универсальность этого способа познания мира делает возможным изучение языковых средств выражения перцепции в различных языках с целью выявления межъязыковой лексической корреляции. Проводилось исследование семантического поля глаголов восприятия в западно-романских языках (французском, испанском и итальянском) (Моисеева 2006), в германских языках — английском (Пудовкина 1981, Домбровская 2004) и немецком (Архипкина 1981, Тупикова 2005) и в их сопоставлении (Бабалова 1989). Исследовались глаголы этой группы в сопоставлении и неблизкородственных языков, например, русского и немецкого (Арутюнов, Израйловский 1974).

Настоящее изыскание направлено на выявление особенностей выражения перцептивной семантики посредством глаголов визуального восприятия в русском и английском языках. Выбор в качестве объекта исследования именно визуализмов определен тем, что «для человека зрение является доминантной, наиболее важной сенсорной системой. На биологическом уровне это подтверждается тем, что в обработке визуальной информации участвует примерно половина коры головного мозга» [6: 91].

В частности, рассмотрен глагол физического восприятия *смотреть* и его дериваты в соотношении с английским словом *look* (глагол — «смотреть», существительное — «взгляд»), которое передаёт соответствующие значения только в сочетании с другими словами, то есть в английском языке имеет место неоднословный аналог.

В русском языке лексема *смотреть* многозначна. Необходимо отметить, что в различных лексикографических изданиях количество семем у этого русского глагола варьируется. Например, в словаре В. И. Даля он зафиксирован только в 4 значениях, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова представлено 18 семем (с учётом возможной транспозиции данного слова в другие лексико-грамматические разряды), в словаре С. И. Ожегова — 10 значений, в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой — всего 6 лексико-семантических вариантов. «Большой толковый словарь» С. А. Кузнецова (далее БТС) фиксирует 8 значений этого слова: «1. (св. *посмотреть*). на кого-что, во что, с придат. дополнит. Направлять взгляд куда-л., чтобы увидеть. *С. в окно. <...> С. на улицу.* 2. (св. *посмотреть*). что. Осматривать, обозревать с целью ознакомления, проверки, выяснения чего-л. и т. п. *С. картины. <...> С. объявления.* 3. (св. *посмотреть*). кого-что. Воспринимать зрительно и интеллектуально. *С. балет...* 4. кого. Производить обследование. *С. больного.* 5. (св. *посмотреть*). на кого-что. Относиться каким-л. образом к кому-, чему-л.; иметь какую-л. точку зрения на что-л. *С. легко на жизнь. <...> С. с надеждой на кого-, что-л.* (возлагать надежды; не иметь собственного мнения). *С. новыми, другими, иными глазами* (по-другому, по-новому, изменив прежнее мнение). *С. сквозь розовые очки на что-л.* (представлять что-л. в приятном виде, не замечая плохо). *С. сквозь призму чего-л.* (оценивать что-л. под влиянием каких-л. факторов). 6. (св. *посмотреть*). за кем-чем или с союзом *чтобы*. Следить, заботиться, опекать. *С. за порядком. <...> С. в оба за кем-л.* (держат под постоянным наблюдением, надзором). 7. кем-чем или как. Разг. Иметь какой-л. вид, выглядеть каким-л. образом. *С. победителем.* 8. кого-что (с предлогом *в*). Разг. Стремиться, метить куда-л. *С. в начальники*» [1: 1219—1220].

В английском языке слово *look* тоже полисемично, его семантический объём также по-разному определяется в различных словарях. Например, согласно толковому словарю английского языка Macmillan dictionary, оно имеет значения: «1. Направлять, устремлять взгляд на кого-л., что-л. или куда-л., чтобы видеть. *If you look carefully you can see that the painting represents a human figure. Если посмотреть внимательно, то можно увидеть, что на картине изображена фигура человека.* 2. Искать кого-л. или что-л. *I looked everywhere but Jimmy was nowhere to be found. Я искал везде, но Джимми нигде не было.* 3. Иметь какой-л. вид, выглядеть каким-л. образом. *You look tired. You should go to bed. Ты выглядишь уставшим. Тебе следует лечь спать.* 4. Думать о чём-л. определенным образом. *John thinks that success is being rich, but I don't look at it like that. Джон думает, что успех — это быть богатым, но я так не считаю (думаю).* 5. Казаться, быть чем-л. *That new film looks good. Тот фильм показался хорошим.* 6. Используется для выражения мнения о вероятности происхождения чего-л. *He looks certain to win the competition. Он уверен (выглядит уверенно), что выиграет соревнования.* 7. Используется для выражения удивления кого-л. (исп. в императиве). *Look! There's John! Помотри! Здесь Джон.* 8. Здание или комната смотрит в определённую сторону. *My room looks south. — Моя комната выходит на юг*» [7]. Толковый словарь Longman (Dictionary of Contemporary English) выделяет 5 основных семем: «видеть (направлять взгляд)», «искать», «казаться», «выглядеть каким-л. образом», «быть обращённым в какую-л. сторону».

Виртуальная аппликация семантических структур лексем *смотреть* и *look* позволяет выделить различающиеся семантические компоненты и совпадающие, которые можно назвать кореферентными семемами разноязычных слов. К таким относится, в частности, основное значение «направлять взгляд куда-л., чтобы увидеть» [1: 1219] — «направлять, устремлять взгляд на кого-л., что-л. или куда-л., чтобы видеть» [7]. Оба глагола, по сути, называют процесс, результатом которого должно стать другое действие, обозначенное глаголом *видеть/увидеть*. Вероятно, в данном случае можно не учитывать различную степень целостности данного действия, отражённую в различных видовых формах. Кроме того, в обоих языках представлены значения «искать кого-л. или что-л.», «иметь какой-л. вид, выглядеть каким-л. образом», «думать о чём-л. определённым образом», «казаться, быть чем-л.», «быть обращённым в какую-л. сторону». В обеих языковых системах рассматриваемые слова используются также для выражения удивления кого-л.

Семантический потенциал русской лексемы *смотреть* реализуется не только в эпидигмах, но и в дериватах этого слова. Согласно «Словообразовательному словарю русского языка» А. Н. Тихонова, данный глагол является вершиной словообразовательного гнезда (СГ) веерно-цепочечного типа, в котором представлено 135 производных, из которых на первой ступени словопроизводства 20 глаголов образуют с исходным словом аспектуальные или акциональные пары. Недостатком существующих словарей словообразовательных гнёзд является то, что в них представлены СГ лексем, а не семем, что значительно усложняет работу переводчика. Например, глагол *смотреть* в его ЛСВ «следить, заботиться, опекать» не может иметь дериват *рассмотреть* в значении «внимательно всматриваясь, ознакомиться с кем-, чем-л.; разглядеть» [1: 1097], представленный в гнезде. Ещё одну сложность при переводе глаголов физического восприятия представляет формальная асимметрия языковых единиц данной семантики в русском и английском языках. В русском языке значение способа совершения действия передаётся с помощью девербативов, образованных аффиксальным способом (*просмотреть, высмотреть,*

осмотреть и др.). В английском языке для этого используется неоднословное наименование, что определило термин для обозначения данных единиц — фразовые глаголы. В ряде случаев такое наименование, по сути, эксплицирует сему, присутствующую в семантической структуре русского глагола имплицитно. Например, глагол *осмотреться* — «1. Посмотреть по сторонам вокруг себя. 2. Ознакомиться с окружающей обстановкой /с обстановкой вокруг — *И. О./*» [1: 730] (*Привалов только теперь осмотрелся в полутёмной комнате, заставленной самой сборной мебелью, какую только можно себе представить* [4: 56]), (*Наконец вдруг порвались нуты, и Иван Фёдорович вскочил на диване. Он дико осмотрелся* [2]), (*Войдя в кабинет, Рябинин осмотрелся по привычке, как бы отыскивая образ, но, найдя его, не перекрестился.* [5: 184]) переводится сочетанием *look around* (глагол *look* — «смотреть», наречие *around* — «вокруг, повсюду»), дословный перевод — «смотреть вокруг».

Глагол *просмотреть* (*просматривать*) — «1. Осматривая, смотря, ознакомиться с чем-л. 2. Бегло прочитать с целью ознакомления; проглядеть. 3. Смотря, следя за кем-, чем-л., не заметить, пропустить. 4. Смотреть в течение какого-л. времени» [1: 1026] (*Василий Назарыч сидел в своём кресле и просматривал последний номер газеты* [4: 151]), (*Старик сидел один за столом, в туфлях и в старом пальтишке, и просматривал для развлечения, без большого однако внимания, какие-то счёты.* [2]) — переводится фразовым глаголом *look through* («бегло проглядывать») (глагол *look* — «смотреть», наречие *through* — «насквозь, совершенно»), который дословно переводится — «просмотреть».

Глагол *пересмотреть* (*пересматривать*) — «1. Перебирая, осмотреть, просмотреть всё, многое. 2. Посмотреть, повидать 3. Рассмотреть, обсудить заново для изменения чего-л.» [1: 817] (*Несколько дней Привалов и Бахарев специально были заняты разными заводскими делами, причем пришлось пересмотреть кинь всевозможных бумаг, смет, отчётов и соображений* [4: 179]) переводится фразовым глаголом *look over* «тщательно изучать» (глагол *look* — «смотреть», наречие *over* — «снова, вновь, ещё раз»): англ.: *We must look the school over before sending our son there.* — русск.: *Мы должны тщательно изучить эту школу, прежде чем отдавать туда нашего сына;* дословный перевод — «пересмотреть».

Глагол *присмотреть* (*присматривать*) — «1. Проследить, понаблюдать с целью ухода, надзора. 2. Подыскать, наметить с целью приобретения, использования» [1: 989] (*Почему не отдадите, Марья Степановна? — Да так... Куда ты с ними? Дело твоё холостое, дома присмотреть некому* [4: 54]), (*Приходилось, как говорится, разрываться на части, чтобы везде поспеть: провести опасную родильницу, помочь нескольким больным бабам, присмотреть за выброшенными на улицу ребятишками...*[4: 316]), (*Он расположился было остаться присмотреть за тем, как будут снаряжать воз (на тройке же) с остальными припасами и винами, предчувствуя, что надуют и обсчитают Митю, но вдруг, сам на себя рассердившись, плюнул и пошёл в свой трактир играть на биллиарде.* [2]) — переводится сочетанием *look after* (глагол *look* — «смотреть», предлог *after* — «о, относительно») (указывает на объект внимания, заботы и других действий); дословный перевод — «смотреть за кем-л.»: англ.: *Who will look after the children while you go out to work?* — русск.: *Кто будет смотреть за детьми, пока ты будешь на работе?*

Глагол *присмотреться* (*присматриваться*) — «1. Пристально, внимательно всмотреться, чтобы увидеть, разглядеть кого-, что-л.; приглядеться. 2. Внимательно наблюдая, понять, изучить кого-, что-л. 3. Освоиться где-л., привыкнуть к кому-, чему-л.» [1: 989] (*Нет слов, что для Nadine Привалов самая выгодная партия, но ведь все-таки к нему необходимо присмотреться, — кто знает, чтобы не пожалеть после* [4: 46]) — переводится сочетанием *look closely* (не фразовый глагол) (глагол *look* — «смотреть», наречие *closely* — «близко, вплотную, внимательно»); дословный перевод — «смотреть внимательно, вплотную».

Таким образом, наука об ощущении и восприятии как междисциплинарная область знания [6: 30] предполагает и лингвистический аспект исследования этих психологических процессов, в частности, изучение особенности их обозначения в различных языках. В семантических полях перцепции русского и английского языков есть совпадающие зоны, для обозначения которых используются глаголы, которые можно считать кореферентными, но для которых характерна формальная асимметрия: в русском языке — это однословные лексемы, а в английском, как правило, — неоднословные (так называемые фразовые глаголы).

В дальнейшем предполагается исследование семантического объёма русских и английских глаголов физического восприятия и их словопорождающего потенциала. Кроме того, необходимо составление словообразовательного гнездового словаря семем, репрезентирующих соответствующие многозначные лексемы.

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.

2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0100.shtml

3. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с. [Электронная книга].
4. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Приваловские миллионы: [Роман]. — Минск: Вышэйшая школа, 1983. — 334 с.
5. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. Роман в восьми частях. Т. 1 — М.: Правда, 1986. — 496 с.
6. *Шиффман Х. Р.* Ощущение и восприятие. — 5-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 928 с.
7. *Macmillan Dictionary.* Толковый словарь английского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/look#look_4

О. В. Івасюк

МОВНЕ ВІДОБРАЖЕННЯ ОСОБЛИВОСТЕЙ СПРИЙНЯТТЯ (на матеріалі російських і англійських дієслівних візуалізмів)

У статті розглядаються особливості вираження перцептивної семантики за допомогою дієслів візуального сприйняття у російській і англійській мовах.

Ключові слова: дієслова фізичного сприйняття, візуалізми, міжмовна лексична кореляція, фразове дієслово.

O. V. Ivasiuk

LANGUAGE REFLECTION OF PERCEPTION (on material russian and english verbs of visual perception)

The peculiarities of perceptive semantics with the aid of the Russian and English verbs of visual perception are examined in the article.

Key words: verbs of perception, verbs of visual perception, interlingual lexical correlation, phrasal verb.

УДК 811.161.1'373.231:821.161.1'07(470.23-25)А. Н. Толстой

И. В. МУРАДЯН, Т. Ф. ШУМАРИНА

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМИНАЦИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ПЕТЕРБУРГ, В РОМАНЕ А. Н. ТОЛСТОГО «СЁСТРЫ»

В статье рассматриваются различные номинации персонажей, представляющих литературный Петербург перед Первой мировой войной. Отмечены способы зашифровки А. Н. Толстым прецедентных имён в номинации героев.

Ключевые слова: литературная антропонимия, номинация, прецедентные имена.

Работы Ю. А. Карпенко заложили прочный фундамент для анализа литературной ономастики в художественном тексте [2; 3]. Собственные имена обладают большим потенциалом. Включённые в ткань художественного произведения, они несут информацию не только о своих героях, но и о месте, времени, эпохе. Автор часто кодирует в именах определённую информацию, а процесс декодирования требует большой работы. А. А. Фомин пишет, что лингвист не должен ограничиваться «констатацией тех или других особенностей языкового материала произведения, а обращаться бы к анализу смыслообразования на образном и концептуальном уровнях» [7, с. 110].

Рассматривая собственные имена, исследователи отмечают их громадное значение для всего текста. П. Флоренский писал: «...В искусстве — внутренняя необходимость имён — порядка не меньшего, нежели таковая именуемых образов. Эти образы, впрочем, суть не что иное, как имена в развёрнутом виде. Полное развёртывание этих свитых в себе духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответствующих имён» [6, с. 41].

А. Н. Толстой относится к тем писателям, которые активно используют собственные имена в своём творчестве. В трилогии «Хождение по мукам» большое количество персонажей, и у всех есть имена. Номинации часто упоминаемых лиц и второстепенных персонажей писатель обычно использует для передачи колорита эпохи и кодировки необходимой для читателя информации. Рассмотрим, какой когнитивный потенциал заключается в именовании персонажей, представляющих Петербург, в первом романе трилогии «Сёстры».

В самом начале романа А. Н. Толстой описывает краткую историю Петербурга. Представляет он её через истории людей. И если о давних событиях Толстой рассказывает через жизнь

монархов, дворцовые перевороты и тому подобные события, то о современной жизни Петербурга 1914 года он пишет с использованием реальных именованных биржевых аферистов, желая передать дух современного капитализма и разрушения: «Дух разрушения был во всём, пропитывал смертельным ядом и грандиозные биржевые махинации знаменитого Сашки Сакельмана, и мрачную злобу рабочего на сталелитейном заводе, и вывихнутые мечты модной поэтессы, сидящей в пятом часу утра в артистическом подвале «Красные бубенцы...».

А. Н. Толстой представляет Петербург, в первую очередь, через различные философские и артистические группы, с которыми соприкасалась жизнь его главных героев. В начале романа мы встречаем Дашу на «Философских вечерах». А. Н. Толстой описывает этот кружок, используя много различных именованных людей. Часть этих номинаций создана писателем в соответствии с реальными фамилиями историков и писателей того времени. Там присутствуют: профессор-богослов Антоновский, философ Борский, историк Вельяминов (фамилия, очевидно, навеяна реальным историком В. В. Вельяминовым-Зерновым); писатель Сакунин (возможно, изменённая фамилия литературоведа П. Н. Сакулина). Как видим, А. Н. Толстой, подбирая данные номинации, стремился сохранить звучание реальных фамилий, отбросив вторую фамилию у историка и лишь слегка изменив один звук в фамилии писателя. Замена одного звука в известной фамилии — это художественный приём, применявшийся ещё в XIX веке Л. Н. Толстым в «Войне и мире» (Волконский — Болконский и др.).

Особый интерес для анализа представляет номинация писателя Акундина Ивана Аваакумовича. Очень редкое в русском именнике имя «Аваакум», да ещё с нехарактерным для русского языка удвоенным гласным, использовавшимся только в церковной форме имени, сигнализирует нам о том, что, давая персонажу отчество «Аваакумович», А. Н. Толстой, конечно, хотел вызвать в восприятии читателя прецедентное для русской истории и литературы имя протопопа Аваакума. Писатель Акундин, разумеется, хотел бы претендовать на значимую роль в истории, но до протопопа Аваакума ему очень далеко. Подобная номинация дана А. Н. Толстым скорее в ироническом ключе, чтобы показать несоответствие между притязаниями модного писателя и его реальным незначительным местом в литературе.

Далее А. Н. Толстой описывает «Центральную станцию по борьбе с бытом», которую создали на квартире Телегина. Это второстепенные персонажи разного социального статуса. Фамилии их разнообразнее и «проще»: Сапожков Сергей Сергеевич, Жиров Александр Иванович (фамилии образованы от обычных нарицательных слов: «сапожок» и «жир»). Художник Валет Василий Веняминович имеет псевдоним или прозвище «Валет». Именование журналиста «Антошка Арнольдов» похоже на псевдоним. Псевдонимы для молодых писателей и журналистов были в то время в моде, и Толстой намеренно использует подобные номинации, вызывающие в памяти читателя известные псевдонимы, например, «Антоша Чехонте».

По сюжету романа Антошка Арнольдов в начале Первой мировой войны берёт интервью у генерала Солнцева. Как отмечает А. В. Алпатов, в основе этого эпизода лежит автобиографический факт встречи корреспондента «Русских ведомостей» А. Н. Толстого с генералом Свечиным [1, с. 387]. Этот эпизод показывает, каким образом реальная фамилия генерала трансформировалась в вымышленную. С фонетической точки зрения, фамилия «Солнцев» начинается с того же звука, что и «Свечин». А вот семантическая мотивация сложнее: «свеча» и «солнце» имеют общую сему «источник света». Очевидно, в этом случае мы можем наблюдать глубокую ассоциативную мотивацию вымышленной фамилии. Так сплав биографических фактов и вымысла преобразуется в антропонимную номинацию. Для номинации журналистов Толстой вводит в текст две созвучные фамилии: старый журналист Белосветов и молодой журналист Семисветов.

В обрисовке артистического Петербурга у А. Н. Толстого встречается актриса с «говорящей» фамилией «Ниночка Чародеева». Для актрисы это очень привлекательная фамилия, ведь на сцене она очаровывает, чародействует; примечательно и созвучие: чародей — лицедей.

Центральным и самым сложным в представлении литературного Петербурга в тексте А. Н. Толстого, бесспорно, является именование поэта Алексея Алексеевича Бессонова. Т. М. Николаева отмечает, что «антропонимы в тексте могут служить некими ключами, намекающими на прецедентный текст или на прецедентную ситуацию» [4, с. 14]. Перед нами ключ, подводящий читателя к прецедентному не только для Петербурга, но и для всей русской поэзии начала 20 века имени Александра Александровича Блока. Первым и самым главным фактом является полное совпадение инициалов Бессонова и Блока. Второй пункт — это повторяющееся имя и отчество. Оба эти факта явно говорят о том, что А. Н. Толстой хотел, чтобы читатель декодировал это прецедентное имя. Но изобразил ли Толстой в своём произведении Блока?

Соотнесение Бессонова с Блоком имеет давнюю историю. Наверное, первым высказал такую догадку главный редактор журнала «Новый мир» В. П. Полонский. Известный исследователь творчества А. Н. Толстого литературовед А. В. Алпатов писал в духе своего времени: «В образе А. А. Бессонова... сконцентрированы черты мрачного индивидуализма, внутренней опустошенности, скепсиса — всего того, что характерно было для настроений декадентской среды предреволюционной поры» [1, с. 388]. Алпатов свидетельствовал, что Толстой решительно воз-

ражал против того, что Бессонов — это Блок, подчёркивая, что он «отнюдь не хотел писать Блока», что он стремился показать всего лишь собирательный тип жреца декадентского искусства, одного из эпигонов Блока. Но исследователи как бы не замечали это предельно ясное высказывание А. Н. Толстого. В 1980 году появляется статья В. И. Баранова с характерным названием «Загадка одного прототипа: Бессонов — Блок». Автор подробно пишет о сходстве именовании, ищет похожие образы в творчестве А. А. Блока и А. А. Бессонова, отмечает, что писатель должен отчётливо «видеть» своего героя. Нельзя согласиться с В. И. Барановым, что Блок — прототип Бессонова. А. Н. Толстой сам ответил на этот вопрос, но он, безусловно, хотел, чтобы именование Блока как бы «присутствовало» в изображении Петербурга, потому что целую эпоху начала XX века трудно представить без А. А. Блока. Думается, поэтому Толстой закодировал имя Блока в именовании Бессонова.

По сравнению с колоритными и разнообразными номинациями различных социальных групп Петербурга рабочие сталелитейного завода изображены традиционно. Петербург 1914 года, показанный в романе «Сёстры», — это заводы и большое количество рабочих, чьё недовольство и гнев ощутимы в передаче А. Н. Толстого. Много рабочих описано на сталелитейном заводе, где работал Телегин. В описании этих персонажей Толстой отображает социальное расслоение общества. Инженеры, упоминаемые вскользь, имеют трёхкомпонентную формулу именовании. Так же назван и мастер: Пунько Василий Степанович. Рабочие поименованы по двухкомпонентной формуле «имя + фамилия». Ни у кого из них нет в именовании отчества: *Филипп Шубин, Иван Орешников, Алексей Носов*. Фамилии рабочих образованы от апеллятивов с простой семантикой, которые, очевидно, в дофамильный период были прозвищами, например: *нос, рубль, шуба*. Так же названы отец и сын *Рублёвы: Иван Рублев и Василий Рублев*. Значит, возрастной фактор не имеет значения для этой социальной группы. По отношению к младшему *Рублёву* появляется уничижительная пейоративная форма имени «Васька». Таким образом через именование Толстой точно передал социальную приниженность рабочих в России того времени.

Сам А. Н. Толстой так писал о литературном творчестве и написании трилогии «Хождение по мукам»: «Кажется, нашёл стиль и форму для этого очень трудного романа. А стиль и форма — это тот самый реактив, в котором давно сгнившие предметы, клочки одежды, обрывки событий, пыль времени, ржавое железо, мысли... фразы, поцелуи, матерщина, пятна крови и прочее — вскипают и под некое непонятное, как бы колдовское, но по существу бессмысленное бормотание самого автора превращаются в животрепещущее создание, обладающее всеми признаками живого, убеждающего своим присутствием существа, хотя и бесплотного» [5, с. 594]. Далеко не последнюю роль в этом процессе играют у А. Н. Толстого собственные имена с заменой звуков, с использованием одной фамилии вместо двойной, с зашифровкой в именовании персонажа прецедентного имени целой литературной эпохи.

1. *Алпатов А. В.* Комментарий / А. В. Алпатов // Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. — М.: Худ. лит., 1984. — Т. 6. — С. 387—408.
2. *Карпенко Ю. О.* Литературна ономастика Ліни Костенко: Монографія / Ю. О. Карпенко, М. Р. Мельник. — Одеса: Астропринт, 2004. — 215 с.
3. *Карпенко Ю. А.* Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. — 1986. — № 4. — С. 34—40.
4. *Николаева Т. Н.* О «единстве ономастики» и/или новой ветви «антропонимики» / Т. Н. Николаева // Вопросы языкознания. — 2009. — № 3. — С. 3—8.
5. *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч.: в 15 т. / А. Н. Толстой. — М.: Наука, 1946—1953. — Т. 13. — 611 с.
6. *Флоренский П. А.* Имена / П. А. Флоренский. — М.: Эксмо, 2007. — 396 с.
7. *Фомин А. А.* Литературная ономастика в России: Итоги и перспективы / А. А. Фомин // Вопросы ономастики. — Екатеринбург. — 2004. — № 1. — С. 108—120.

I. V. Muradyan, T. F. Shumarina

КОГНІТИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ НОМІНАЦІЙ ПЕРСОНАЖІВ, УСОБЛЮЮЧИХ ПЕТЕРБУРГ, У РОМАНІ О. М. ТОЛСТОГО «СЕСТРИ»

Статтю присвячено розгляду різних номінацій персонажів, уособлюючих Петербург, на початку першої світової війни. Визначено засоби, за допомогою яких О. М. Толстой шифрував прецедентні прізвиська у номінації героїв.

Ключові слова: російська мова, літературні антропоніми, номінація, прецедентні імена.

I. V. Muradyan, T. F. Shumarina

COGNITIVE POTENTIAL OF PETERSBURG NOMINATION HEROES AT THE NOVEL BY A. N. TOLSTOY “THE SISTERS”

The article is devoted to the different use of personal names in the literary Petersburg before the World War I. In his trilogy A. N. Tolstoy coded precedent names in nomination of literary characters.

Key words: Russian, literature personal name, nomination.

УДК 811.161.1'04:003.0337'349.3'081.6"14"

Л. В. НЕНАШЕВА

СОЧЕТАННЯ РЕДУЦІРОВАННИХ С ПЛАВНИМИ
В СТАРОРУССКИХ ПАМ'ЯТНИКАХ XV ВЕКА

Написание букв О и Е на месте Ъ и Ь перед буквами плавных Р, Л является особенностью русской редакции памятников письменности XV века. В этот период после букв Р, Л часто пишутся Ъ, Ь или диакритический знак <>, что говорит об особом произношении плавных звуков в говорах писцов.

Ключевые слова: рукописи пятнадцатого века, буквы плавных, буквы редуцированных.

Яркой отличительной чертой русского извода являются сочетания редуцированных с плавными типа *tʔrt, *tʔrt, *tʔlt, когда буква редуцированного гласного предшествовала букве плавного. К XV веку процесс падения редуцированных гласных в языке закончился, поэтому в данных сочетаниях, где, как известно, редуцированные находились всегда в сильном положении, звук [ʔ] изменился в [o], а [ʔ] — в [ʔ], и на месте букв Ъ и Ь употребляются графемы О и Е. Однако почти во всех рукописях XV в. писцы ставят после плавного надстрочный знак — паерок, тем самым, на наш взгляд, показывая на письме букву плавного.

В первой трети XV века в сочетаниях *tʔrt, *tʔrt, *tʔlt встречается только русское написание: в ДФП — горгань, зеркало, волна; в АТАК — кормчин, гордыни, в зерцалѣ, волхвъ. В других исследуемых списках этого периода после буквы плавного часто пишется паерок или буква редуцированного гласного, причем если перед плавным пишется буква, обозначающая гласный переднего ряда, то после плавного ставится Ь, в сочетаниях оръ, олъ после плавного употребляется буква Ъ: в ОПФС — перстомъ и перьстни, скорвь и скорзь, долготер/пѣнїе и долъжнї, деръзници. В ряде случаев второй гласный, стоящий после буквы плавного, не пишется, а обозначается паерком: оумол'чи, дол'жни, пер'стомъ, дер'зновен'нѣ. Ту же картину написаний можно наблюдать в Парем.: горгань и гор'га/нѣ, сперва, на тверди, в долготѣ и вол'швени/а, дол'гомъ, стол'пъ, жер'твѣ. После буквы плавного встречаются Ъ, реже Ь в конце строки, согласно правилу: оудеръ/жю, жеръ/твѣ, оутверъ/ди, перь/сть. Как следы древнего протографа встречаются и написания с буквой редуцированного перед плавным: безмъльствѣ/ють, крмъчи/а. В списке ЧаСЛ: торжествѣ и тор'жество, должно и дол'готер'пѣнїа, жер'твѣ, жеръ/твѣ и жерътвѣ, исполню, холъ/ми и хол'ми, пер'стомъ, ѿверъстаа, ѿверъзъ/шю.

В рукописях середины XV в. можно наблюдать разнообразную картину. Так, например, в Л 1 и ТРФЛ в сочетаниях редуцированных с плавными встречается только русское написание, после буквы плавного пишутся буквы Ъ, Ь или паерок. В Л 1: гор'гань, дер'жимъ, оусердно, долгѣ, вол'къ. В конце строк после буквы плавного часто пишутся Ъ и Ь: деръ/зновению, оудеръ/жима, оусеръ/дно, wskоръ/блѣваахѣ, долъ/жно. Такое же буквосочетание встречается и в середине строки: долъжна, безмольствѣ/а, перъстомъ, коръмничемъ. В словах смерчь, желчь наблюдается переход [e] в [o]: жолчь, жолчи, сморчь и сморчь, сморъчевъ. Буква Ъ указывает на твердость последующего согласного. В рукописи ТРФЛ: столпъ, исполниса, оутверженїе, также встречаются примеры с Ь и Ё вместо Ѣ и Ѧ: прѣвѣ, върѣтѣ, волси и възси. В списке ПАЧ в сочетаниях типа *tʔrt, *tʔlt встречается русское написание как с буквами Ѧ, Ѣ, так и с буквами Ъ, Ь перед плавным, как в рукописях древнего периода, а также можно отметить многочисленные написания с паерком после буквы плавного: скорвѣть и wskор'блати, горгани и гър'гань, оумилосерди, первое, церквѣ, терпѣнни, свер'ша/ѣтьса, дер'жаи, пер'сти, ѿверъгше, възър'жати, безмольвѣмъ и безмольвнымъ, дол'годшїи. В ТОЦ в указанных сочетаниях встречается и русское, и южнославянское написание: wskорблѣа, wskорбит'са, скорвь и скръвѣть, прѣвѣшии^а и прѣвое, прѣвѣмъ, терпиши и потрѣпи, претрѣпѣти, дълго и долъгъ. Возможны оба варианта написания в сложных словах и в словах, находящихся рядом: долготрѣпѣливи, скръвна претерпѣти, оусрѣдно свершата, прѣвыи да молчѣть. Написаний с паерком после буквы плавного в данной рукописи немного: свер'шивъ, сзѣр'цати, тол'кнѣша, так же, как с буквой редуцированного после плавного в конце строки: шдеръ/жимѣ. Написания с буквами Ѧ и Ѣ перед плавным на месте редуцированных Ъ и Ь преобладают и в процентном отношении составляют 57 %, примеры с буквами Ъ и Ь после плавного составляют 43 %, причем в этих сочетаниях Ъ, Ь взаимозаменяемы. В Еванг. указанные сочетания написаны по-южнославянски и только с редуцированным Ь, но с шестого листа перед буквой плавного дописываются буквы Ѧ или Ѣ: нап'льниша, почръп'ше, прѣвѣ, въвѣръжеть. В рукописи Л 2 в указанных сочетаниях встречается только южнославянское написание — редуцированный всегда стоит после буквы плавного, причем смешение Ъ и Ь отражено чаще всего в корнях -моль-, -долъ- и -полъ-: крмъчїа, оусрѣдно, зрѣцало, жлъчь, дължни, безмольвно и безмольвникъ, исплъна/еть и исплъниса. На листах 1об, 2, 2об

первый писец в сочетаниях типа *tʏrt, *tʏrt на месте букв редуцированных пишет гласные **О**, **Є**. На листе 1об, где расположен рисунок лестницы с названием глав, первая ступень называется «**О** верженіи мѣр», двадцать седьмая ступень идет под названием «**Є** без молзвѣи». После плавного писец ставит **Ъ**. То же самое отмечается и в примерах на листах 2 и 2об, но после плавного ставится паерок: **сзвер'шеніа, се/р'дчнѣмъ, оутвер'жен'ноу, оутвер'жена, оусер'днемъ, ѿвер'женіе**.

В конце века в **СборСП** в указанных сочетаниях встречается и древнерусское, и южнославянское написание: **горды/на** и **гроздыни, пє/рваа** и **пръвое, исполненъ** и **напльненѣ, до/лжникъ** и **длзжника**. В данном списке встречаются также написания с гласными по обеим сторонам плавного, при этом один из них обязательно обозначается редуцированным: **черь/ницѣ, исполняемь, скорзвѣніа**. В ряде случаев второй гласный, стоящий после плавного, не пишется, не пишется, не пишется надстрочным знаком: **кор'мла, въздер'жаца/госа**. В **Л 3** из 750 исследуемых примеров 355 пишутся по-русски, то есть на месте букв **Ъ, Ъ** перед буквой плавного пишутся буквы **О** или **Є**: **скорь** и **скрзбаци, дерзнове/ніа** и **дрзновение, червь** и **чръвь, первое** и **пръвыа**. В сложном слове, образованном из двух основ, первый корень пишется по-южнославянски, второй — по-русски: **длзготерпѣніа**. В 12 примерах в указанных сочетаниях употребляется буква **Ъ**: **сзтрьпѣ, безмльвѣе, крымча, без'мльвие, оусрьдно, мльчаливъ, трьпить**. В остальных примерах, кроме корней **-молв-** и **-корм-**, буква **Ъ** пишется на своем этимологическом месте. В 22 примерах перед буквой плавного пишется гласный полного образования, после плавного стоит паерок: **мол'чи, стол'пы, пер'выи, вер'хѣ, зер'цало, жел'чь**, а в 7 примерах по обеим сторонам плавного пишутся гласные буквы: **твьрь/демь, корзмча, деръ/жиса**. Наибольшее количество слов с данными сочетаниями встречается в первых четырех главах рукописи. В списке **СВХ** в сочетаниях *tʏrt, *tʏrt, *tʏlt также встречаются 2 типа написаний: с буквами **О** и **Є** перед плавным (101 пример) и с буквами **Ъ, Ъ** после плавного (27 примеров): **мо/лньни** и **мльнїи, не скорби** и **вскрзби, де/рзновение** и **дрзновенїе — дрзновенїе, торжествовати — торъ/жествова** и **тръжествова/уще, сзвер'шаеѣса — сзвѣр'шаю/цимъ** и **сзвр'шивь**. Так же, как и в других рукописях XV в., в **СВХ** частыми являются написания с паерком или буквой редуцированного после буквы плавного: **це/ръкви, торъ/жествова, не деръзати, ѿвергшеса; дол'га, шпол'чениа, гор'даго, сзвер'шен'наго, стол'пе**.

Написания **зръ, злз, ьр** на месте исконных **зр, зл, ьр** в ранних рукописях эпохи до падения редуцированных А. А. Шахматов считал результатом взаимодействия графического признака старославянского письма и живого древнерусского произношения [3, с. 182], но, как отмечает В. В. Иванов, в «памятниках эпохи после падения редуцированных рассматриваемые написания связаны с фонетическим явлением второго полногласия, сохранившимся в русских диалектах в их последующей истории» [2, с. 148]. Л. П. Жуковская также отмечает, что написание буквы **Ъ** в таких словах, как **должна, должнымъ, до/лжни**, следует рассматривать «как отражение фонетического явления, но не следствие применения определенного графического приема». Она объясняет написание **Ъ** после плавного тем, что в древнерусском языке в эпоху до падения редуцированных группа согласных, которая состояла из «плавного + шумного + любого согласного», была не свойственна языку. Плавный в таких сочетаниях или примыкал к предыдущему слогу, или образовывал отдельный слог, приобретая слоговость. «Таким образом, в группе согласных «р (л) + группа шумных» создавались условия, способствующие сохранению редуцированных, что и нашло отражение в соответствующих написаниях» [1, с. 98]. По нашим наблюдениям, в большинстве исследуемых рукописей в сочетаниях типа *tʏrt, *tʏlt писцы следуют произносительной норме того времени: на месте букв редуцированных они пишут буквы **О**, **Є**, так как в этих сочетаниях редуцированные звуки всегда находились в сильном положении. Однако частые написания в указанных сочетаниях паерка или букв **Ъ, Ъ** после плавного говорят об особом произношении плавных звуков в говорах писцов, поэтому, ставя паерок или букву редуцированного после звуков [р], [л], писцы, на наш взгляд, таким образом выделяли на письме эти особые буквы, не смешивая их с буквами сонорных **Р, Л**.

1. Жуковская Л. П. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке (По материалам Галицкого евангелия 1357 года) // Л. П. Жуковская // Материалы и исследования по истории русского языка. — М., 1960. — С. 59—117.

2. Иванов В. В. Фонетика / В. В. Иванов // Древнерусская грамматика XII—XIII вв. — М., 1995. — С. 20—169.

3. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А. А. Шахматов // Энциклопедия славянской филологии. — Пг., 1915. — Вып. 11.

Список сокращений

Первая треть XV века

АтАк — Апокалипсис толковый Андрея Кесарийского. РГБ, ф. 304. I, собр. ТСЛ, № 6, пергамен, 1-я треть XV в.

ДФП — Диоптра Филиппа Пустынника. РГБ, ф. 242, собр. Прянишникова, № 103, бумага, 1415—1418 гг.

ОПФС — Огласительные поучения Феодора Студита. РГБ, ф. 178, Музейное собр., № 8460. Рукопись написана двумя писцами: первый писец — с 1 по 16 в/г листа и с 176 по 310 лист, второй писец — с 16г по 17а, бумага, 1410—1417 гг.

Парем. — Паремейник. РГБ, ф. 256. собр. Румянцева, № 304, пергамен, до 1430 г.

ЧаСЛ — Часослов. РГБ, ф. 304. I, собр. ТСЛ, № 16, пергамен, 1423 г.

Середина XV века

Еванг. — Евангелие. ГИМ, собр. Музейное, № 1072, бумага, 1455 г.

Л 1 — Лествица Иоанна Синайского. РГБ, ф. 178, Музейное собр., № 6611, бумага, до 1441 г.

Л 2 — Лествица Иоанна Синайского. РГБ, ф. 178, Музейное собр., № 8491. Рукопись написана двумя писцями: первый писец — 1–106 лл., второй писец — с 2 по 259 лл., бумага, 1436 г.

ПАЧ — Пандекты Антиоха черноризца. РГБ, ф. 304. I, собр. ТСЛ, № 154, бумага, 1444–1460 гг.

ТОЦ — Творения отцов церкви. РГБ, ф. 242, собр. Прянишникова, № 133, 1430 г.

ТРФЛ — Трефологий. ГИМ, собр. Синодальное, № 872, пергамен, 1445 г.

Последняя треть XV века

Л 3 — Лествица Иоанна Синайского. РГБ, ф. 178, Музейное собр., № 870, бумага, 80–90-е годы.

СборСП — Сборник слов, поучений, нравоучительных повестей и толкований. РГБ, ф. 466, собр. Егерева, № 9, бумага, 80–90-е годы — 10-е годы XVI в.

СВХ — Служба святому Варлааму Хутынскому. РГБ, ф. 304. I, собр. ТСЛ, № 631, бумага, 80–90-е годы.

Л. В. Ненашева

СПОЛУЧЕННЯ РЕДУКОВАНИХ З ПЛАВНИМИ У СТАРОРУСЬКИХ ПАМ'ЯТКАХ XV СТОЛІТТЯ

Написання літер О і Е на місці Ъ і Ь перед буквами плавних Р, Л є особливістю староруської редакції пам'яток писемності XV століття. В цей період після букв Р, Л часто пишуться Ъ, Ь або діакритичний знак <'>, що говорить про особливу вимову звуків плавних у говірках писарів.

Ключові слова: рукописи XV століття, літери плавних, літери редукованих.

L. V. Nenasheva

SEQUENCES OF THE REDUCED AND LATERAL SOUNDS IN THE OLD RUSSIAN FIFTEENTH-CENTURY MANUSCRIPTS

The tradition of writing <o> and <e> before letters <r> and <l> instead of <ъ> and <ь> is one of the peculiarities of the Russian fifteenth-century manuscripts. The spellings <ъ>, <ь> or a diacritic <'> after <r> or <l> testify to the peculiar articulation of the laterals in the dialect of the scribes.

Key words: the fifteenth-century manuscript, spellings of the reduced and the laterals.

УДК 811.161.2'282.2(477.83/.86)

О. І. БОНДАР

СЛОВНИК УКРАЇНСЬКИХ ГОВОРІВ ОДЕЩИНИ НА ТЛІ РОЗВИТКУ УКРАЇНСЬКОЇ ДІАЛЕКТНОЇ ЛЕКСИКОГРАФІЇ В ХХІ СТОЛІТТІ

У статті описано особливості Словника українських говорів Одещини та з'ясовано його місце у зв'язку з проблемами діалектного словництва в Україні ХХІ ст. Доведено, що словник заповнив собою лауну, яка склалася в українській діалектній лексикографії щодо опису західностепових та буджацьких говірок з досить вдалою спробою оптимізувати медіоструктуру словника та розмежувати різні конотативні семи лексеми.

Ключові слова: словник, українські говори, Одещина.

У травні 2011 року світ побачила нова лексикографічна праця — «Словник українських говорів Одещини» з загальним обсягом реєстрових слів близько 5000. Для діалектного словництва південного регіону наразі це найбільший словник, попри те що чимало інших діалектних словників, з інших регіонів України перевищують його обсягом удвічі, а деякі навіть утричі. Над ним понад десятиріччя працював колектив кафедри української мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Передумовами для його укладання стали напрацювання вчених-діалектологів за останні 60 років. Це стосується кандидатської дисертації «Українські говірки Нижнього Подністров'я» відомого українського діалектолога Й. О. Дзендзелівського, захищеної 1952 року, де розглянуто чимало лексичного матеріалу, який було використано вченим для видання 1958 року невеличкого «Словника специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я». Але чи не найбільше зробив для вивчення діалектної лексики українських говорів Одещини А. А. Москаленко.

Він видрукував ряд статей на цю тему і 1958 року видав невеликий «Словник діалектизмів українських говорів Одеської області». Дисертаційне дослідження, присвячене фонетиці говорів Одеської області, з більшим чи меншим залученням лексичних матеріалів, захистив 1980 року Т. Г. Шевченко, тоді — асистент кафедри української мови Одеського державного університету імені І. І. Мечникова. Значний лексичний матеріал подибуємо також у кандидатській дисертації П. Ю. Гриценка, що узагальнив своє вивчення лексики південно-західних говорів Одещини в монографії «Моделювання системи діалектної лексики» (К., 1984, 227 с.). Лексику регіону вивчав також такий видатний вчений як О. С. Мельничук та інші дослідники.

Матеріалом для словника послужили записи, зроблені у 133 населених пунктах Одеської області протягом 50—90-х рр. ХХ ст., а також протягом останнього десятиріччя.

До «Словника українських говорів Одещини» увійшли діалектні слова — загальні назви, зібрані на терені Одеської області. Це слова, які відрізняються від літературних на власне лексичному (**ПОФТА, ШПИНДИЛІК, ЯСІК**), лексико-семантичному (**БАЛАДА, ЗАМАХОРИТИ, КАМКА, ПАЛЯНИЦЯ**), словотвірному (**ДІДЕРА, ЛИЖУХ**), морфологічному (**БУКШІ, ЛЯДО, ПОЛУДРАБКИ**), фонетичному (**ГАХТОВУС, ЇСТИК, ЩИКАТУРКА**) рівнях, а також наголошенням (**ІЗДОВИЙ, ПРИСКРИНОК**) або комбінацією вказаних відмінностей (**ГАЛЯНДРА, ГЛЯДИНА, КЛЬОВАТИ**).

Обмежено представлена в словнику діалектна фразеологія, зважаючи на те, що в українській діалектографії й досі не опрацьовано належним чином засади подання фразеологізмів у діалектних словниках.

Словникова стаття побудована за такою схемою: реєстрове слово, стисла найнеобхідніша граматична інформація, стилістичні, почасти етимологічні позначки, тлумачення семантики, приклади-речення діалектного мовлення (за наявності ілюстративного матеріалу), назви населених пунктів, де записано дану лексему / перша назва села — джерело цього прикладу, в деяких випадках ідіоматика, а також перехресні посилання. Оскільки словник призначений не тільки для вчених, а для широкого кола користувачів — філологів, вчителів української мови та літератури, студентів філологічних факультетів університетів, істориків, етнографів, краєзнавців і всіх, хто цікавиться живим українським словом, то для передачі звуків у ілюстраціях використано спрощену фонетичну транскрипцію.

«Словник українських говорів Одещини» набуває також значення джерельного підґрунтя. Як відомо, на Одещині проходить межа між двома наріччями: південно-західним і південно-східним, конкретніше, між південноподільськими говірками південно-західного наріччя і західно-степовими говірками південно-східного наріччя. Південноподільські говірки в Одеській області представлені такими районами: Кодимський, Балтський, Савранський, більша частина Любашівського, північна і центральна частина Котовського і північна частина Ананівського районів, а також невеликий сектор на північному заході Красноокнянського району.

Запропоноване дослідження має на меті з'ясувати місце вищезазначеного словника у зв'язку з проблемами у діалектному словництві України ХХІ ст.

На інтенсивний розвиток української діалектної лексикографії за останнє десятиріччя вказує, насамперед, велика кількість видрукованих словників, що поширюються майже на увесь терен України, хоч і охоплені говори різною мірою. Усього, за нашими підрахунками, з 2000 до 2011 року вийшло 33 діалектні словники, словнички і матеріали, тобто в середньому майже по 3 лексикографічні праці у рік. За роками словникові видання розподіляються так: 2000 рік — 1, 2001 — 7, 2002 — 4, 2003 — 3, 2004 — 3, 2005 — 5, 2006 — 2, 2007 — 0, 2008 — 6, 2009 — 0, 2010 — 0, 2011 — 2.

Найповніше представлені говори південно-західного наріччя. Уже опубліковано словники гуцульських [7; 9; 10; 12; 15], бойківських [8; 21], буковинських [17], наддністрянських [4; 23] говірок. Продуктивно працює відділ української мови Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ. Тим не менше, і в ХХІ ст. лексикографічні праці, присвячені опису говорів південно-західного наріччя продовжують виразно домінувати. Так, за останнє десятиріччя їх, за нашими підрахунками, 21, тоді як у доробку лексикографів південно-східного наріччя лише 8, а поліського — 4. Найменше словників вийшло друком на матеріалі поліського наріччя: західнополіські — 3 позиції, середньополіські — 1 позиція, а східнополіські взагалі не представлені.

Серед південно-східного наріччя найбільше лексикографічних видань за згаданий період припадає на слобожанські говірки (5 позицій) [1; 11; 16; 19; 20] завдяки Харківському і Луганському діалектологічним центрам. Степовим говорам присвячено разом із «Словником українських говорів Одещини» 3 видання [14; 18; 22], а от середньонаддніпрянським говіркам не присвячено жодної лексикографічної праці, принаймні, ми з такими не знайомі.

Степовим говіркам присвячено «Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпрянщини», автор В. А. Чабаненко [22] і праця двох авторів З. Л. Омельченко, Н. Б. Клименко «Матеріали до словника східностепових українських говірок» [14]. Як бачимо, щодо лексикографічного

представлення західностепових та буджацьких говірок утворилася помітна лакуна, яку значною мірою і заповнив «Словник українських говорів Одещини» [18].

Діалектні словники, видані за останнє десятиліття, найчастіше присвячені одному говору, як, наприклад, «Словник буковинських говірок» за заг. ред. Н. В. Гуйванюк [17]; Петро Пиртей. Короткий словник лемківських говірок. — Івано-Франківськ: Сіверсія МВ, 2004. — 364 с. чи одній говірці, наприклад, Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району І. Сабадоша. — Ужгород: Ліра, 2008. — 408 с.; «Словник говірки села Грабовець Стрийського району Львівської області» І. С. Друля [8].

Особливістю розглядуваного словника є також і те, що він присвячений не окремому говору чи говірці, а ареалу адміністративної одиниці, якою є Одеська область, фактично двом говорам. З одного боку, це дещо ускладнює вченим використання словника як діалектної бази, через те що треба відділяти лексеми південно-східного наріччя від лексем південно-західного наріччя. З іншого боку, він дає яскраву картину поширення говірок в Одеській області, а також змогу точніше провести межу між ними.

Значного пріоритету у діалектологічних дослідженнях наразі надають вивченню тематичних груп діалектної лексики, що, безперечно, слугує надійним підґрунтям для укладання загальних діалектних словників. Це стосується лексикографічних праць І. Магрицької «Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область)» [11]; Н. Хібеби «Весільна лексика бойківського говору: Матеріали до словника» [21]; М. Никончука, О. Никончука, В. Мойсієнка «Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії» [13]; Г. І. Гримашевич «Словник назв одягу та взуття середньополіських і суміжних говірок» [5] та ін.

В «Словникові українських говорів Одещини» представлена лексика всіх тематичних груп, однак з різним їх охопленням. Так, найдетальніше подано рибальську, ткацьку лексику, назви одягу та взуття і предметів домашнього побуту.

Що більше діалектних словників з'являється друком, що детальніше лексикографи намагаються описати народне мовлення, то більше питань і проблем виникає щодо вірогідного й переконливого представлення діалектного матеріалу в лексикографічній праці.

Тоді як методологічне підґрунтя діалектної лексикографії в українському мовознавстві розроблено досить детально: вироблено і відшліфовано загальнонаукові і спеціальні методи та прийоми (карткування, тлумачення, абеткування, гніздування, підбір інформаторів, укладання питальників та ін.), то теоретичні аспекти діалектного словництва вимагають подальшого поглиблення. Основним питанням теорії діалектної лексикографії є оптимізація змісту словників і процесу їх укладання, що неможливо без детального вивчення середовища функціонування діалектних словників і з'ясування лексикографічних потреб користувачів. Одним із важливих питань теорії діалектної лексикографії є також розроблення критеріїв об'єктивного оцінювання діалектної лексикографічної продукції.

В «Словнику українських говорів Одещини» зроблено спробу оптимізувати насамперед медіоструктуру, що виявляється у відношеннях між словниковими статтями. Це здійснено через збільшення інтенсивності перехресних посилань різного типу. По-перше, всі назви, що повністю чи частково відрізняються в плані вираження (таке явище, коли слова в різних говірках є абсолютно тотожними за значенням, відрізняючись тільки у плані вираження (збіг плану змісту і незбіг плану вираження), пропонуємо назвати *полілексією*, за аналогією до полісемії, коли план вираження єдиний, але наявні різні семантики; полілексія може бути лексична, морфемна, морфологічна, фонетична тощо), об'єднано посиланнями, як правило, на перше слово за алфавітом (або на найчастотніше слово), подане у словнику з позначкою *див.* (дивись). Наприклад,

ЛУЖА́НЯ, -її ж. *див.* **ЛУЖА́НИ** *Наклáв т'іки шо пóвні йáсла лужáн'її в'івц'ám / нїхáй їйд'áт' і до вéчера нїчóго нї давáйте* (с. Лиман, Татарбунарський р-н);

ПАПУШО́ЙНЯ, -я с. *див.* **ЛУЖА́НИ** *Йá мáйу д'л'а корóви три гарбї папушóйн'а* (с. Михайлівка, Великомихайлівський р-н).

ЧИКЛÉЖИНЯ с. *див.* **ЛУЖА́НИ** *Підкїнув чиклéжин'а корóві / а через дéйакє врémїя напоїів* (с. Дивізія, Саратський р-н).

В даному разі всі варіанти слова, що трапляються в різних говірках, шляхом посилання пов'язано з реєстровим словом **ЛУЖА́НИ**. Якщо знайти у словнику це слово, то в цій же словниковій статті наведено всі його говіркові варіанти з позначкою *див. також*, наприклад:

ЛУЖА́НИ *мн.* Зрубáні кукурудзяні стебла без качанів, бадилля кукурудзи, кукурудзиння. (с. Шевченкове, Кілійський р-н) *див. також* **ЛУЖА́НЯ**, **ЛУЖДА́НЯ**, **ПАПУШО́ЙНЯ**, **ПАПШО́ЙНЯ**, **ПАПШО́ЙНЯ**, **ПАПУШО́ЙНЯ**, **ПАПШО́ЙНИСЬКО**, **ПУПУШО́ЙНЯ**, **ЧИКЛÉЖИНЯ**, **ЧИКЛÉЖ**, **ЧИКЛÉЖИ** *пор.* **ГЛУЖДА́НИ**.

По-друге, якщо говірковий варіант слова відрізняється значенням, тобто є в повному розумінні синонімом, то він теж наводиться у цій же статті з введенням позначки *пор.* (порів-

най). позначка *пор.* може об'єднувати синонімічний ряд і за відсутності діалектних варіантів, наприклад:

КАУРЦ, -а Вид жаби. *Кауриц у р'ічк'ї крич'їт' л'їтом рано і в'єч'їром* (м. Татарбунари)
пор. БРОСКАЙ, КНУР, КРАКАНИ, КРУК.

Таким чином, для дослідника діалектів, і особливо для ареальних досліджень діалектної лексики вже наявні всі лексеми, на підставі яких можна навіть інколи провести ізоглосу в даному регіоні або використати для проведення ізоглос в межах всієї України, використовуючи матеріали інших регіональних діалектних словників.

Є чимало випадків, коли збігається план вираження, а не збігається план змісту діалектної лексеми. Для літературної мови — це полісемія, але якщо така різниця в семантичній структурі стосується різних говірок чи, тим більше, говорів, то про полісемію йтися не може. Якщо синонімія в літературній мові протиставлена полілексії в різних діалектах, то як назвати вищеприписане явище? Г. І. Гримашевич пропонує назвати його гносеологічною полікомпонентною моделлю, чи матрицею [6, с. 163—167]. Це породжує інший необхідний аспект оптимізації медіоструктури діалектних словників — розрізнення полісемії і гносеологічної полікомпонентної моделі, чи матриці.

Так, наприклад, діалектна лексема *галатїн*, зафіксована в селі Гетьманівці Савранського району зі значенням «Нерозважлива, криклива людина», а в селі Концеба, цього ж району зі значенням «Дурний, недалекий розумом чоловік». Оскільки дані населені пункти розташовані неподалік один від одного, можна припустити, що мовці обох цих сіл знають обидва значення лексеми, а отже, наявна полісемія, що й відбито в словнику. А проте вже зафіксоване в селі Любопіль Комінтернівського району, яке репрезентує західностепові говірки, а не південно-подільські, як Савранський район, значення цієї лексеми «Здоровий, великий, міцний, але незграбний чоловік», не може трактуватися як полісемія, бо ці говірки не являють собою єдиної мовної системи. Те саме можна сказати і про лексему *косяк* із двома семантемами:

КОСЯК, -а ч. 1. Прибудова до хати, яка тягнеться вздовж тильного боку. *Хто не помістиць'а у хат'ї / то л'яже у кос'ак'ї* (с. Василівка, Миколаївський р-н; с. Обжили, Балтський р-н); 2. Кусок *мат'їли*, з якої виготовляють невід. *З кїл'к'ох кос'ак'їв ми виготовили невід* (м. Вилкове, Кілійський р-н).

Такі явища, як полісемія і гносеологічна полікомпонентна модель слід розрізняти і відповідним чином подавати і позначати у діалектних словниках; це не дає можливості побачити лексему в одній говірці з різними значеннями. Найпростішою традиційною формою подачі є моделювання семантичної структури лексем. Новіша — репрезентація семантичної структури у вигляді варіантів наддіалектної моделі, побудованої на основі амплітуди коливання значення опорної лексеми. Таким чином, користувачеві словника стане видно, чи це полікомпонентна лексема, чи лексема, яка має кілька значень в одній говірці.

Ще однією проблемою діалектного словникарства є розмежування різних конотативних сем лексеми. Це робиться шляхом введення до словника позначок на кшталт *лайливе, згрубіле, зневажливе, фамільярне, жартівливе, схвальне, несхвальне* і т. ін. Ситуативність суб'єктивної емоційної оцінки і розмитість її підстав утруднюють використання таких позначок. У «Словнику українських говорів Одещини» на підставі вивчення реалізації в діалектному мовленні семантичної категорії оцінки зроблено спробу послідовного розрізнення лексем. Наприклад, *байда* «велика скибка хліба» має тільки конотативну сему збільшеності, а *байдига*, крім того, ще й сему зневажливості; лексеми *вчовпати* «збагнути» притаманна конотативна сема фамільярності і т. д. Однак все ж цю проблему не можна вважати остаточно вирішеною через можливість синкретичної наявності конотативних сем в одній лексемі. Наприклад, лексема *гемба* «велика губа» найчастіше була зафіксована з конотативними семами *згрубіле/лайливе*, що й відбито в словниковій статті. Однак ситуативно тут можуть бути наявні й інші конотативні семи, наприклад, *зневажливе, фамільярне* тощо. Тому інколи доводилося вживати загальну позначку *експресивне*, наприклад: *баблятися* «ковирятися, перебирати, коверзувати», *балакер* «балакуча людина», *бамбурити* «бити кого-н.», *вговкати* «заспокоїти», *видзіг'орний* «дотепний», *гадючник* «буфет у лісі, де продають спиртні напої», *гицаки* «вибоїни на дорозі», *закецяти* «забруднити», *змимдити* «зіпсувати» і т. д.

І нарешті, в «Словнику українських говорів Одещини» подано не тільки список населених пунктів, у яких було зібрано матеріал (такі списки є в більшості діалектних словників), а й мапу Одеської області з вказівкою обстежених сіл, селищ та міст. Це дає змогу зрозуміти загальну картину розподілу обстежених пунктів і густоту мережі населених пунктів.

Отже, «Словник українських говорів Одещини» заповнив собою лауну, що склалася в українській діалектній лексикографії щодо опису західностепових та буджацьких говірок з досить вдалою спробою оптимізувати медіоструктуру словника та розмежувати різні конотативні семи лексеми. Звичайно, колектив укладачів і далі працюватиме над збільшенням його обсягу і над відшліфуванням його змісту.

1. Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. / М. Т. Авдеева. — Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. — Т. 1: А—М. — 228 с.
2. Аркушин Г. Л. Словник евфемізмів. — Луцьк, 2005. — 198 с.
3. Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок. — Луцьк: Вежа, 2000. — Т. 1—2 (354 с. і 456 с., 13 000 слів).
4. Бичко З. М. Наддністрянські говірки. Короткий словник. — Тернопіль, 2005. — 80 с.
5. Гримашевич Г. І. Словник назв одягу та взуття середньополіських і суміжних говірок. — Житомир, 2002. — 184 с.
6. Гримашевич Г. І. Структура полісемічних назв одягу в середньополіських говірках // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. — Житомир, 2004. — С. 163—167.
7. Грицак М. Скарби гуцульського говору: Росішка (вівчарство в текстах) / Микола Грицак. — Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. — 320 с. (Серія «Діалектологічна скриня»).
8. Друль І. С. Словник говірки села Грабовець Стрийського району Львівської області (на правах рукопису). — Луцьк: Волин. обл. друк., 2006. — 200 с.
9. Жегуц І., Піпаш Ю. Словник гуцульського говору в Закарпатті. — Мюнхен, 2001.
10. Лесюк Микола. Мовний світ сучасного галицького села (Ковалівка Коломийського району). — Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2008. — 328 с.
11. Магрицька І. Словник весільної лексики українських східно-слобожанських говірок (Луганська область). — Луганськ: Знання, 2003. — 172 с.
12. Негрич Микола. Скарби гуцульського говору: Березови. — Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008 (Серія «Діалектологічна скриня»). — 224 с.
13. Никончук М., Никончук О., Мойсієнко В. Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. — Житомир: Полісся, 2001. — 148 с.
14. Омельченко З. Л., Клименко Н. Б. Матеріали до словника східностепових українських говірок. — Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2006. — 114 с.
15. Піпаш Ю. О. Матеріали до словника гуцульських говірок (Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області) [Текст] / Ю. О. Піпаш, Б. К. Галас; Ужгородський національний ун-т. — Ужгород: [б. в.], 2005. — 266 с.
16. Сагаровський А. А. Фрагмент діалектного словника Харківщини / А. А. Сагаровський // Волинь-Житомирщина: іст.-філол. зб. з регіон. проблем. — Житомир: Північноукр. діалектол. центр Житомир. держ. пед. ун-ту ім. І. Франка, 2001. — № 6. — С. 249—254.
17. Словник буковинських говірок [Текст] / заг. ред. Н. В. Гуйванюк. — Чернівці: Рута, 2005. — 688 с.
18. Словник українських говорів Одещини / гол. редактор О. І. Бондар. — Одеса, 2011. — 223 с.
19. Словник українських східно-слобожанських говірок [Текст] / К. Глуховцева [та ін.]; Луганський держ. педагогічний ун-т ім. Тараса Шевченка. — Луганськ: [б. в.], 2002. — 233 с.
20. Ужченко В. Д. Фразеологічний словник східно-слобожанських і степових говірок Донбасу [Текст] / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. — Луганськ: Альма матер, 2002. — 263 с.
21. Хібеба Н. Весільна лексика бойківського говору: Матеріали до словника. Діалектологічні студії 5: Фонетика, морфологія, словотвір. — Львів, 2005.
22. Чабаненко В. А. Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпряни, 2001.
23. Шило Г. Наддністрянський регіональний словник. — Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008.

А. И. Бондарь

СЛОВАРЬ УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ НА ФОНЕ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В XXI ВЕКЕ

В статье описаны особенности Словаря украинских говоров Одещины и выяснено его место в связи с проблемами диалектной лексикографии в Украине XXI ст. Доказано, что словарь заполнил собой лауну, которая сложилась в украинской диалектной лексикографии относительно описания западностепных и буджацких говоров с достаточно удачной попыткой оптимизировать медиоструктуру словаря и разграничить разные коннотативные семы лексемы.

Ключевые слова: словарь, украинские говоры, Одещина.

A. I. Bondar

DICTIONARY OF UKRAINIAN ODESSA REGION DIALECTS ON A BACKGROUND OF DEVELOPMENT OF UKRAINIAN DIALECTAL LEXICOGRAPHY IN THE XXIst CENTURY

The article deals with features of the Dictionary of Ukrainian Odessa region dialects. Its place in connection with the problems of dialectal lexicography in Ukraine of the XXIst c. has been found out. The dictionary filled by itself the lacuna, which was formed in Ukrainian dialectal lexicography in relation to description of the west steppe and bujak dialects with a successful attempt to optimize mediostucture of the dictionary and to delimit different conotative semes of lexemes.

Key words: dictionary, Ukrainian dialects, Odessa region.

А. И. ШВЕЦ

**ДИАЛЕКТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ КАК МАРКЕРЫ
КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ****(на материале русских говоров Одесской области)**

В статье анализируется диалектная глагольная лексика, функционирующая в русских говорах Одесской области. Используется ареалогический принцип изучения говора с выделением противопоставленных и непротивопоставленных явлений. Основное внимание уделено диалектным различиям глагольной лексики, обусловленным внеязыковыми факторами.

Ключевые слова: переселенческие идиомы, диалектная глагольная лексика, ареальная оппозитивность, диалектные лексические различия, вербальное отражение культурных процессов.

В современной парадигме диалектологических исследований приоритетно системное изучение лексики как лингвистически и культурно информативного структурного уровня диалектного языка. Вопросы словарного состава говоров и сегментации лексической системы, способов и средств номинации, лексической семантики, уточнения её особенностей с учётом человеческого фактора в языке, пространственного размещения и ареальных изменений лексики относятся к кругу актуальных и требуют постоянного внимания. Об этом свидетельствуют исследования Н. И. Толстого, Е. Л. Березович, Т. И. Вендиной, В. Е. Гольдина, О. Г. Гецово́й, Г. П. Клепиково́й, О. Н. Мораховско́й, Е. А. Нефедовой, Г. А. Ракова, отечественных диалектологов П. Е. Гриценко, Ф. Д. Климчука, М. В. Никончука, В. Л. Конобродско́й, В. М. Бережняка, В. М. Куриленко, П. Ф. Романюка.

Наиболее значимо исследование взаимоотношений слова с соответствующими ему элементами лексики иных говоров как систем в составе всего языка, создающее широкий контекст для определения степени дифференциации говоров, для обнаружения корреляций между языком и отражаемым им реалемным планом.

Несмотря на многообразие научных трудов, на выработанный спектр методик анализа диалектного материала, степень разработанности разных классов лексической системы диалектов является неодинаковой: мало описанным остается глагольный ярус. Представляет лауну эта область диалектной лексикологии и в изучении лексики русских говоров Одесщины.

Сказанным объясняется выбор предмета исследования — глагольной диалектной лексики, а именно: её структурной организации, семантики, пространственного поведения с учетом особенностей бытования в разных частных диалектных системах — в говорах, носители которых исповедуют каноническое православие, и в говорах, носителями которых являются староверы.

В качестве опорных были выбраны четыре частных диалектных системы (ЧДС) русских сёл Одесщины: Троицкого Беляевского района (центральная часть области); Вознесенки Арцизского района (южная часть); Большого Плоского Великомихайловского района (северная часть; в конце 18 ст. слобода Плоское появилась как первый населённый пункт старообрядцев в Приднестровье; из слободы со временем образовалось семь близлежащих выселок); Старой Некрасовки Измаильского района (зона наиболее раннего появления приверженцев „древлеправославия” в устье Дуная, с конца 17 ст.).

Цель настоящей статьи — выявить, чем обусловлены диалектные различия глагольной лексики исследуемых говоров, осложнённые внеязыковыми факторами.

Для упорядочения обширного лексического материала, принадлежащего четырем частным диалектным системам, мы обратились к апробированной тезаурусной методике представления данных от значения (понятия, реалии) к его языковой реализации в говорах, взяв за основу фрагмент синоптической схемы словаря Халлига — Вартбурга «Человек».

Идеографическая классификация диалектной глагольной лексики осуществлялась через выделение предконечных множеств частеречного древа — конструктивных, наименее абстрактных и культурно-информативных лексико-семантических объединений слов, репрезентирующих разнообразные «кусочки действительности» — «картинки жизни» [1: с. 391—396]. Предконечные множества, отражающие одну языковую «картинку жизни», но принадлежащие разным частным диалектным системам, раскрывают многообразный характер представлений в лексике того или иного отрезка смыслового континуума.

«Картинка жизни» может совпадать с традиционным понятием синонимического ряда на последней ступени разбиения, чаще же предконечные множества представляют собой неоднородные по своей организации лексико-семантические парадигмы: в центре языковой «картинки жизни» находится слово

с опорним, наиболее общим значением, к нему по-разному обращены слова его ближайшего окружения. Сопоставлению и интерпретации подвергалась лексика, находящаяся в активном употреблении диалектоносителей, тесно связанная с бытом и культурой народа. Её репертуар, сгруппированный по челночному принципу, составил два идеографических подраздела «Человек как биологическое существо» и «Человек как социальное существо».

Классификационное поле составили 19 лексических множеств, дальнейший анализ которых осуществлялся с применением методики конфронтирования материала на единой основе. Такая форма семантического анализа позволила воспроизвести структурные и семантические особенности каждой номинативной единицы, её географию и послужила основой для построения структурно организованных сема-ономасиологических микросистем-моделей. Обращение к сема-ономасиологическим сеткам-моделям с дистрибуцией лексем показало, где наборы номинативных единиц не одинаковы и количественно, и формально, и противопоставлены элементами семантики. Реализаторами глагольной семантики выступили номинативные единицы разной структуры: универбы и их функциональные поликомпонентные альтернаты, которые были также введены в классификацию и подверглись интерпретации.

Среди диалектных глагольных соответствий, выделяющихся *тождеством семантики*, высокой частотностью определяются оппозиции, обусловленные лексическим варьированием (причем и внутрисистемно, и межсистемно). На сетках-моделях они выделяются как зоны особых лексических сгущений, которые обнаруживают центральные понятия в системе ценностей исследуемых этносоциумов. Таким противопоставленным поликомпонентным рядам свойственна яркая маркированность единиц, высокая коннотативность, частотность их употребления, полихрония, вскрываемая через спектр мотивологических признаков номинаций, структура различной сложности — от универбов до пропозитивных конструкций.

Так, в субсегменте глаголов биологического существования «Дать жизнь» наряду со стабильными элементами выделяются соотносительные номинации различной структуры и мотивации: *на'род'ит', нара'д'ит', пана'род'ит', панара'д'ит', пр'ив'ис'ит'и, абра'д'ицца, пры'ит'и пус'тој, с 'ола пры'ис'ит'и, пат ск'ир'дој нај'ит'и // на'род'ит', нара'д'ит', пана'род'ит', панара'д'ит', пр'ив'ис'ит'и, апрас'тацца, апрас'т'ицца, ула'в'ит', ула'в'ит' в 'оз'иры, ку'н'ит', быт' за'казанным, ф ка'пус'т'и нај'ит'и // на'род'ит', нара'д'ит', пана'род'ит', панара'д'ит', пр'ив'ис'ит'и, пр'ин'ис'ит'и, нај'ит'и ф ка'пус'т'и // на'род'ит', нара'д'ит', пана'род'ит', панара'д'ит', прыв'ис'ит'и, панада'ват', апус'т'ет', апараж'ицца, Бог дал (даст), нака'зат' св'ет, пус'т'ит' на св'ет, на 'в'ербач'к'и вз'ат', ф ка'пус'т'и вз'ат'.*

Противопоставленные элементы рядов — это индивидуальные в каждой ЧДС вторичные номены. Способы их образования — семантическая и аналитическая деривация с использованием общего мотивационного признака внешнего сходства либо архаического мотива «найденного ребёнка» (иногда с контаминацией мотива «ребёнок — дитя растений»).

Вторая словообразовательная модель оказалась более продуктивной в опорных говорах. Её производные дериваты дифференцируются как номинации, известные в говорах до переселения, и локальные инновации. Это знаки субститутивного характера. Появление первых обусловлено архаическим табуированием ситуации появления новой жизни. Однако со временем изменяется типичный контекст их использования: сохраняется звуковой комплекс, который еще ассоциируется с тем же рядом реалий, но без точного соотнесения с конкретным денотатом (вне совершения магических, береговых акций). Номинации второго типа — результат деактуализации реального плана. Появление их больше мотивировано необходимостью этикета, нежели планом боязни, опасности: *Д'ит'ам н'и паложына 'была знат'. Д'ет'и ж дур'ныји 'ран'шы 'был'и. Скажыш рад'ила... А как рад'ила? А так... на 'в'ербач'к'и вз'ал'и. А патом — ф ка'пус'т'и. А мы дур'ныји нај'дем на 'в'ербач'ку... Шу'кајим... Н'ур'д'е н'и'ма. В'из'д'е за'ул'идајим. Н'ур'д'е н'и'ма.*

Зоны лексических сгущений выделяются и в номинативных звеньях комплементарного субкомплекса «Прекратить существование»: *па'ун'ит', пр'ис'тав'ицца, л'еч', нак'рыцца, Бог забрал, скан'ч'ацца // ку'бырк'ицца, 'кон'ч'ицца, л'еч', п'ир'и'к'и'нуцца, пат'и'нут' язык, см'ерт' пат'и'нула, у'ит'и на 'клад'биш'и'е // из'н'и'ч'итожыцца, паук'ла'дацца, ит'т'и туд'а, нак'рыцца // быт' там, 'кон'ч'ицца, л'еч', л'и'жат' спа'којным, на тот св'ет нај'ит'и, п'ир'и'к'и'нуцца, пр'ис'тав'ицца, па'ун'ит', скан'ч'ацца, па'выт'и'нут' но'у'и.* Противопоставленные элементы рядов — также производные аналитической или семантической глагольной деривации (метафоризация или метонимия), осложненной аффиксацией, с использованием разноаспектных мотивационных признаков.

Среди индивидуальных обозначений этого участка действительности преобладают аналитические оппозиции, выраженные устойчивыми сочетаниями: *на тот св'ет ат'п'рав'ицца / пат'и'нут' язык, см'ерт' пат'и'нула, у'ит'и на 'клад'биш'и'е / ит'т'и туд'а / быт' там, л'и'жат' спа'којным, па'выт'и'нут' но'у'и, на тот св'ет нај'ит'и.* В основе формирования этих лексически противопоставленных номенов лежат доминирующие мотивы «дороги», «перехода», «ухода» в мир иной, обусловленные архаическими представлениями о смерти как продолжении

жизни в потусторонньому пространстві. Активний мотив називання по зовнішньому подобию. Возможна і архаїчна персоніфікація суб'єкта дії — смерті, — включеної в структуру глаголів аналітичних / пропозитивних номінацій, що також обумовлено древніми представленнями.

Продуктивним для деривації глагольних одиниць цього ж понятійного пространства okazaвся архаїчний мотив «оборотництва» (по міфопоетическим представленням древніх славян інверсія верх і низа — круговий оборот через себе, кувирок — веде до нової форми буття (мотив, відображений в народних казках)). Він використовувався в семантизації номінов *кыркнуща, курбыкнуща, кубыркнуща, акапырд'уща* — вторичних производних від *кувыркаща* (з лексикалізацією фонетических процесів) і *п'ир'и'к'инуща, пайт'и в'в'ерх на'уам'и*. Соотносясь з одним реалемним планом, номінації мають різну дистрибуцію на сетках-моделях, відображаючи динаміку семантики.

Так, глагол *кубыркнуща* номінує родовий поняття 'умереть' в одній з ЧДС нестарообрядцев, а *кыркнуща, акапырд'уща // пайт'и в'в'ерх но'уами, курбыкнуща*, зафіксовані тільки в ЧДС старообрядцев, використовують для позначення ситуації припинення існування, суб'єктом якої виступав похорий, грішний чоловік (переважно п'яниця). При цьому описальна стійка конструкція *пайт'и в'в'ерх но'уами* використовується в контексті ситуації прокляття: «Чтоб ты...». Восходить вона до архаїчного табу-імперативу, в семантиці якого було закладено не тільки табуоване позначення на денотат, а і ідея відходу, прокляття, оберега від шкідливих сил. Однак з часом (після прийняття християнства) зміна типового контексту використання цього номіна — поза здійснення оберегових дій — привело до деактуалізації реалемного плану, а саме: до використання в ситуації, дійсною особою якої є п'яний чоловік. В структурі інваріантної схеми ми відзначаємо індивідуальний номінативний звено, актуальний для діалектоносців-старообрядцев. Характерно і подальше розвиток в ЧДС старовірів протиположених позначень для протиположених ситуацій, де суб'єктом виступав добрий, безгрішний чоловік: *пашол на 'правду, пашол к 'Богу*. Наявність індивідуальних звеньїв в семантическій структурі мікрогруп — це результат вербального виділення ступеня важливості соціальної ситуації для діалектоносців, знак її ціннісної характеристики. Во багато це пояснюється більшою збереженістю конфесійної культури в силу її закритості, відстоюванням культурних бар'єрів.

Дистрибуція лексем на сетках-моделях показує, що в окремих випадках частотні соотнесительні лексическі ряди дублетів розповсюджують локальні опозити, в основі деривації яких закладено стара модель, але спостерігається варіювання в поверхневій мотивації, визначаючій сферу отождествлення, служачою джерелом номінативного матеріала. Це можуть бути фразеологізми (в рідких випадках — цілі оформлені лексеми), які містять символіку, розкриваючуся в обрядовій дії. Приклади подібних ситуацій відносять соотнесительні ряди мікросегмента 'Здіймати обряди до весілля': *дат' уарбуза, дат' ба'бышка* (спр. *ба'бышка* 'зелений хвіст від тикви'), *тара'куща пад'н'ис'т'и* (спр. *тара'кущ, тара'куща* 'невелика декоративна тиква') // *дат' каба'ка // дат' уарбуза // дат' каба'коф, да'р'ит' каба'ка* з загальним значенням 'відмовити при сватовстві, вручаючи тикву як образливий символ, підкреслюючий небажаність нареченого'. З'явлення інновації *тара'куща пад'н'ис'т'и* мотивовано контактами російських переселенців з місцевим різномовним населенням, в розмовах якого запозичене румунське *тартакуца* 'невелика декоративна тиква' перетворюється в адаптований регіоналізм *тара'куща* або *тара'кущ*.

В інших випадках лексическі опозити — це стійкі комбінації або універби, в семантиці яких включено лексическі варіюючийся актант (орудийний або локуса). Лексическа варіативність частотних номінативних частин може ускладнюватися зображенням ситуації з точки зору пасивності/активності, що відбивається і на структурі номіна — це полікомпонентна конструкція, або універб. Таке протиположення спостерігається, наприклад, в мікрогрупі 'Візувати в зборі молодіж': *хад'ит' на фат'ерах (фат'еры 'домашні зустрічі молодіж')* // *б'ис'еду саб'ират', б'ис'еда уул'аит', б'ис'едават' (б'ис'еда 'вечірнє домашнє зборі молодіж'), в'иш'арушк'и справл'ат' // хад'ит' на пас'ид'ел'к'и, хад'ит' на 'дос'итк'и* з загальним значенням 'ходити на домашні зустрічі молодіж'; *ул'ица саб'ираицца, ит'т'и на сала'н'ец, хад'ит' на сала'н'ец, сала'н'ецват' (сала'н'ец 'уличне зборі молодіж')*. Інформанти пояснили, що на *сала'н'цах* викопували в певних місцях ями, які використовували для сидіння (замість лавок) в них в час зустрічей // *'делат' ул'ицы, хад'ит' на ул'ицу // ул'ица саб'ираицца // с'ест саб'ират', с'ест сабрал'са (с'ест 'уличне зборі молодіж')* з загальним значенням 'ходити на уличні зустрічі молодіж'.

Окремі звеня сеток-модельїв є вербальними свідками згасання культурного процесу. При цьому в одній клітинці може спостерігатися скоплення найменувань, а опозити в соотнесительних клітинках уже представлені лексическим нулем, то єшли з використання, забути. Так, аналіз лексико-семантическої групи глаголів виявив в російській народ-

ной песенной культуре Одещини существовавшю до переселения из метрополии дифференциацию песен по жанрам (песни, частушки, страдания) и по манере исполнения (громко, речитативом, высоким голосом). Опрос информантов показал, что в народном пении присутствовало и распределение голосов. Наши материалы по глагольной лексике отразили это уже фрагментарно в отдельных ЧДС (лексические материалы были собраны преимущественно у информантов пожилого возраста.). Сема 'громко (петь)' актуализирована во всех ЧДС общим номеном *кр'и'ч'ат'*. В ЧДС с. Вознесенка её репертуар расширен: *г'аркнут'*, *д'ирба'нут'*, *выг'алашыват'*. Сема 'высоко' реализована в ЧДС с. Вознесенка номеном *в г'ору кр'и'ч'ат'* 'петь громко высоким голосом' (*Ja л'уч'и'е фсех в г'ору кр'и'ч'ала, н'ес'ил'н'ица была.*). Сема 'протяжно' актуализирована глаголом *зат'и'р'нут'* (*Ана уз'думала с'тару'ю н'ес'н'у зат'и'р'нут'*) в ЧДС с. Старая Некрасовка. В такой манере исполнялись народные песни-страдания. Сема 'речитативом' выделяется в семантической структуре глагола *пр'и'г'авар'иват'* — 'исполнять нараспев, приговаривая, частушки', где объектный актант 'частушки' является включённым.

Диалектные глагольные соответствия, основанные на тождестве материального облика, обнаруживают закономерности пространственного варьирования семантики в исследуемых ЧДС. Так, отличия в реалемном плане, связанные с обрядовой спецификой, а также с сохранением конфессиональных особенностей в совершении бытовых процессов, могут являться основанием семантического варьирования в пространстве, обуславливая формирование индивидуальных структурных звеньев. Например, номен *св'иват'* *мла'д'енца* в ЧДС нестарообрядцев используется с семантикой 'заворачивать новорожденного в пеленки (в свивальник)', а у староверов — 'свивать новорожденного свивальником вокруг по пеленкам крестообразно трижды'. Характерно противопоставлены по дифференциальному признаку орудийности (и частично формально) соотносительные выражения: *а'д'ет'* *на тот св'ет, абр'а'д'ит'* (*па'којнава*) 'одеть покойного в подготовленную на смерть одежду (преимущественно новую)' (в ЧДС с. Троицкое) и *а'д'ет'* *на тот св'ет, саб'рат'* *на тот св'ет, саб'рат'* *па'којн'ицу* (*па'којн'ица*) 'одеть умершего в специально подготовленную для него по старообрядческому чину одежду' (в старообрядческих селах). Признак 'конфессиональности' усложняет структуру субсегмента «Покрыть кого-(что-) либо одеждой» в звене 'покрыть головным убором'. У староверов Большого Плоского лексема *пак'рыт'* 'надеть платок для посещения богослужения, закрепив два его конца высоко на груди булавкой', внутрисистемно и межсистемно противопоставлена глаголам *пав'азыва'ца, пав'и'за'ца, пак'ры'ца, пак'рыт'*, *пак'рыт'*, *пак'ры'ца, запака'ва'ца/вы'в'азыва'ца/зап'и'на'ца* с семантикой 'надевать (надеть) платок, обвязав его концы вокруг шеи'. Информантки объясняли, что *пав'азыва'ю'ца* женщины для работы в доме или на огороде, а если идут в церковь, то *пак'рыва'ют'* *платок*. Особенности локального глагольного означивания эксплицирует семантика универбов *м'и'ша'ца* и *пам'и'ша'ца*, расширяя структуру инвариантной модели субсегмента «Вступать в брак»: для диалектоносителей с. Вознесенка актуальной оказывается семема 'вступать / вступить в брак с представителем другой национальности', а для диалектоносителей Старой Некрасовки — семема 'вступать в брак с иноверцем'.

Причиной формирования индивидуальных структурных звеньев может служить *варьирование элементов обозначаемой ситуации*. Так, в исследуемых сёлах фиксируется такой структурный фрагмент свадебного обряда как сбор обещанных подарков. Локально он осуществляется в разные дни после свадьбы: в Вознесенке сразу после свадьбы идут *стар'цы'ват'*. Нетрудно заметить явные следы влияния украинских говоров в формировании метафоры *стар'цы'ват'* (ср. с укр. *стар'цю'вати* 'побираться, нищенствовать, ходить по миру'). В Старой Некрасовке и Троицком на третий день свадьбы *једут'* *за да'рам'и* или *кур'еј'нос'ат'*. Перед нами глагольные номинативные средства, репрезентирующие причины непротиположенности диалектных различий.

Наблюдение над случаями лексического и семантического варьирования в пространстве глагольной лексики и её функциональных альтернатив, функционирующих в русских говорах Одещини, позволило обнаружить определённые закономерности в сегментации глагольной лексической системы и дало возможность утверждать, что «культурные» дифференциальные признаки 'конфессиональная принадлежность', 'обрядовая специфика', 'ценностная характеристика социальной ситуации' выступают важными конструктивными элементами глагольной семантики, транслирующими культурную информацию и влияющими на формирование конфигурации структуры микросистем диалектной глагольной лексики. Анализ диалектных различий на уровне глагольных номинаций, осложнённых внеязыковым планом, позволил говорить о таком процессе как культурная полихрония, вербально репрезентированная в говорах. Она связывается с изменением культурного контекста использования вербального знака, с деактуализацией реалемного плана. Подобные процессы обнаруживают, как в процессе деривации могут заполняться существующие ментальные ячейки матрицы уместными семантическими элементами, предоставляемыми данной культурной традицией. Важной причиной диалектных различий на уровне глагольных номинаций явились заимствования в русских говорах, обусловленные культурными контактами переселенцев с представителями соседних народов.

1. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Н. Ю. Шведова / Русский язык: Избранные работы. — М., 2005. — С. 391—396.

А. І. Швець

ДІАЛЕКТНІ ЛЕКСИЧНІ ВІДМІННОСТІ ЯК МАРКЕРИ КУЛЬТУРНИХ ПРОЦЕСІВ (на матеріалі російських говірок Одеської області)

У статті аналізується діалектна дієслівна лексика, що належить російським переселенським говіркам Одеської області. Проводиться ареалогічний принцип вивчення говірок із виділенням протиставних і непротиставних явищ, що дає змогу описати характер відмінностей між діалектними системами на лексичному рівні. Увага зосереджена на діалектних відмінностях дієслівної лексики, що зумовлені позамовними факторами.

Ключові слова: переселенські ідіоми, діалектна дієслівна лексика, ареальна опозитивність, діалектні лексичні відмінності, вербалізація культурних процесів.

A. I. Shvets

DIALECTAL LEXICAL DIFFERENCES AS MARKERS OF CULTURAL PROCESSES (on material of russian dialects of the Odessa region)

The article deals with the verbal basic vocabulary in the Russian migrant dialects of Odessa region. The author uses the principle of areal study of the dialects with the emphasizing of linguistic phenomena opposition. The attention is focused on dialect differences of verbs caused by extralinguistic factors.

Key words: migrant idioms, dialectal verbal lexicon, dialectal opposition, dialectal lexical differences, verbal reflection of cultural processes.

УДК 811.161.1'282(477.74)

Л. Ф. БАРАННИК

ТРАДИЦИОННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА ПРИДУНАЙСКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируется традиционная южнорусская лексика старообрядческих говоров Придунавья, определяется её семантика, этимология, «материнская» территориальная принадлежность.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, островные старообрядческие говоры, диалектные лексические архаизмы.

Одесская область, как и вся южная Украина, — пёстрая в этническом отношении территория, что объясняется особенностями заселения этого края. В настоящее время при явном преобладании украинцев здесь живут русские, болгары, молдаване, гагаузы и представители других народов, основные этнические массивы которых находятся за пределами Украины. Русские проживают на территории Одесской области компактно, составляя отдельные селения или группу селений, сходных по своим диалектным чертам. Основная (традиционная) диалектная лексика русских переселенческих говоров Одесской области относится к типично южнорусской и наиболее близка к лексике курско-орловской и донской. Русская национально-культурная специфика сохранилась в различных тематических и лексико-семантических группах словарного состава русских островных говоров, несмотря на почти 200-летнее существование в отрыве от основного языкового и материнского диалектного массива в полиязычном окружении.

Несомненно, исследование языка, материальной и духовной культуры сельских жителей, носителей русских говоров, в наши дни особенно актуально, так как в условиях урбанизации, промышленного развития и экономического кризиса ошутима острая необходимость и потребность в сохранении, изучении и переосмыслении богатого наследия традиционной народной культуры, базовой основы всякого национального возрождения. Язык и культура, язык и дух народа, язык и история неотделимы друг от друга. Жизнь каждого общества, каждого народа отражается в его языке. «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своём», — подчёркивал И. И. Срезневский ещё в 1848 году [20: 17]. Этнические, социальные, культурные, исторические, национальные особенности передаются непосредственно, чётко, ярко и объёмно прежде всего в лексике, ибо лексика — система открытая, подвижная, отражающая жизнь её носителей, раскрывающая взаимообусловленность языка и культуры народа, запечатленную в

слове. Значение слова сопровождаются коннотации, которые связывают слово с жизнью, бытом, менталитетом определённого языкового коллектива. Так возникает национальная специфика языков и диалектов и связанное с ней своеобразие формы выражения мысли, словесного искусства. В слове отражается и материальная, и духовная жизнь народа. А. А. Брагина отмечает: «Самая, казалось бы, очевидная связь языка с внешним миром — это «слово-вещь». Однако и в таких простых отношениях запечатлеваются история и жизнь народа во всем многообразии» [2: 11].

Значительный семантико-ментальный потенциал слов, характеризующих жизнь народа, заложен в обрядовой лексике, в тематических группах обозначений предметов материальной культуры: одежды, обуви, головных уборов, украшений, пищи, домашней утвари. Именно эта лексика русских островных говоров Одесской области передаёт национально-культурную специфику её носителей — потомков русских переселенцев из центральных и южных губерний России. И в наше время, несмотря на долговременное существование в отрыве от метрополии в разноречном (разнодиалектном) окружении, традиционная духовная и материальная культура русских переселенцев продолжает обнаруживать устойчивость своего этнического своеобразия. Стойко удерживается фонетико-морфологическая и лексическая основа русских говоров, сохраняются традиционные народные обряды, русский фольклор: сказки, пословицы, поговорки, прибаутки. Элементы русской культурной специфики ярко проявляются в интерьере современного жилища, его терминологии, в свадебных обрядах, типичных в своей основе для южных районов России, в старинных видах одежды, в наименованиях пищи, предметов домашнего обихода. Все явления духовной и материальной культуры, жизненного уклада, повседневного быта находят отражение в русской диалектной лексике.

Одним из ярких элементов материальной культуры является одежда. Наша цель — проанализировать традиционные наименования женской одежды в русских старообрядческих говорах Одесской области. Основная цель исследования определила ряд конкретных задач: 1) дать общую характеристику семантического поля «Одежда»; 2) определить территориальную принадлежность исследуемого лексемы, выявить их семантику; 3) по возможности, проследить исторический путь, этимологию, словообразование наименований женской одежды; 4) установить степень иноязычного влияния, выявить заимствованные названия одежды в старообрядческих говорах.

Материалом для статьи послужили записи живой диалектной речи, сделанные автором и студентами филологического факультета Одесского национального университета им. И. И. Мечникова во время диалектологических экспедиций в старообрядческие села Приднубья: Старую Некрасовку, Новую Некрасовку, Муравлёвку Измаильского района, Мирное, Васильевку, Приморское Кирилловского района, в г. Вилково.

Семантическое поле «Одежда» является многочисленным и разнообразным по своему составу, сложным по объёму и характеру структурно-семантических связей. Оно тесно связано с экстралингвистическими факторами, вследствие этого при исследовании наименований одежды очень важно учитывать этнографический аспект. Одежда непосредственно отражает историю народа, поэтому её плодотворно изучают историки, этнографы, археологи. В XIX веке этнографическому описанию одежды посвятили свои труды Н. Костомаров, А. Терещенко, А. Киркор, П. Шпилевский и др., в XX веке исследованием одежды занимались Б. Куфтин, Н. Лебедева, М. Е. Романов, П. Шейн, В. Бондарчик, Г. Маслова, Л. Молчанова и др. Большинство наименований одежды составляют значительную часть этнографической лексики, нашедшей детальное описание в трудах этнографов. Появившиеся в последние годы публикации лингвистов отражают некоторые особенности лексики, связанной с одеждой, в современных севернорусских говорах (В. Г. Долгушев, О. Н. Крылова и др.), в среднерусских диалектных группах (А. Ф. Войтенко, З. В. Жуковская, З. А. Петрова, Т. А. Пецкая), в южнорусских диалектах (О. Г. Борисова, В. Н. Гришанова, Л. Ю. Евтихиева, Л. К. Лыжова, М. В. Концова, Е. П. Осипова, Е. С. Обухова и др.).

Русские островные говоры юга Украины — Одесской области — в этом отношении мало изучены, хотя собран достаточно большой лексический материал, нашедший лексикографическое отражение в двухтомном «Словаре русских говоров Одесщины», изданном в 2000—2001 гг. при спонсорской поддержке японского профессора-лингвиста Сусумо Уэмуры.

Данная статья посвящена описанию общих названий и наименований женской одежды семантического поля «Одежда» в островных старообрядческих говорах Приднубья. Теория семантического поля, активно развивающаяся в XX веке, связана с именами таких крупных учёных, как А. Ф. Лосев, Ю. Н. Караулов, С. М. Прохорова, С. М. Щур и др. Профессор С. М. Прохорова отмечает, что «любое поле характеризуется наличием центра и периферии, соприкосновением и взаимодействием периферий смежных полей и разной степенью сцепления компонентов поля» [14: 18].

Исследуемое нами поле «Одежда» имеет центр и периферию. В центре находятся такие лексемы, как *одежда*, *одежа*, *убо'р*, *наря'д* и др., которые являются обобщающими словами, обозначающими мужскую, женскую и общую для мужчины и женщины одежду. На общей де-

ление поля накладываются микрополя, отражающие гендерный аспект: 1) общая для мужчин и женщин одежда; 2) женская одежда; 3) мужская одежда. Важными параметрами для выделения микрополей в пределах семантического поля «Одежда» являются оппозиции верхняя одежда — нижняя одежда, покрой, вид и качество ткани, из которой шьётся одежда.

Рассмотрим общие, обобщающие наименования одежды в говорах липован Придунавья. Это прежде всего слово *одежда* (старославянский вариант), употребляемый наряду с исконно русским *одёжа*, а также *одея'нье*, *обря'д*, *убо'р*, *наря'д*, *о'дяг*, отличающиеся друг от друга оттенками значений, коннотацией, сферой употребления. Наиболее распространено в исследуемых говорах слово *одёжа*; лексемы *обря'д*, *убо'р*, *наря'д* употребляются, как правило, в речи представителей старшего поколения, причём *обря'д* обозначает всякую одежду вообще, а *убо'р* — нарядную, чистую, хорошую одежду (преимущественно женскую): *Адёжу всю пананасили. Красивый у ней убор был. Адёжу шyla партная. Адежда стала типерь лучше*. Характерно, что подобная дифференциация общих наименований одежды свойственна и говорам материкового южнорусского диалектного массива [5: 108—109; 12: 142—143].

Займствованное из украинского языка *о'дяг* на русской почве сузило свою семантику, стало обозначать не всякую одежду вообще, а только готовую одежду фабричного производства.

Семема 'старая, плохая одежда' в русских островных говорах передаётся эмоционально-экспрессивными апеллятивами *тряп'ьё*, *лохмо'тья*, *рван'ьё*, *барахло'*, *луб'ё*, *гу'ни*, *ла'хи*, *вере'тье*. *Вире'тья — и настилка, и стар'ьё, барахло усякая, драная адёжа*. Слово *вере'тье* в значении 'полотнище, сшитое из грубого холста или рогожи; одежда, мешки, сшитые из них' фиксируется памятниками русской письменности с XVII века [1: 11]. Макс Фасмер считает, что слово *вере'тье* 'мешковина, грубая ткань' является производным от *вере'та* 'мешок из рогожи или грубого холста, грубая ткань' и проводит параллели с литовским *virtine* 'узелок, связка', *verin*, *verti* 'открывать, закрывать', греческим *αορτη* — 'мех, мешок', польским *worek* 'мешок, сумка' [22: 297]. Думается, что значение 'плохая, старая одежда' слово *вере'тье* получило в говорах в результате метафорического переноса по внешнему сходству: 'одежда из грубого холста' > 'плохая, старая одежда'.

Гу'ни. Только мн. — 'лохмотья, тряпки, обноски, старая, истрёпанная одежда'. (*Гу'ни — эта тряпки фсякиш, адёжа старая, парватая*.) Слово *гу'ня* — общеславянское, восходит к праславянскому *gyna / **gyn'a*, оно употребляется в восточно-, южно- и западославянских языках для обозначения разных видов ткани, одежды и т. п. Укр. *гуня*, *гуни* — 'верхняя суконная одежда'; белорус.: *гуня*, *гунька* — 'суконное лошадиное покрывало'; болгар.: *гуна*, *гуня* — обл. 'верхняя крестьянская одежда без рукавов из домотканой шерстяной материи'; сербскохорв.: *гуь*, *гуња* — 'крестьянская куртка из грубого сукна, шерстяное одеяло'; словен.: *ginja* — 'род верхней одежды'; чешск.: *goupě* — 'попона (для лошадей)'; словац.: *hуňa* — 1) 'тулуп', 2) 'тряпка'; польск. *gunia* — 'попона, покрывало, сермяга', 'плащ из грубой материи'. В значении 'ветхая одежда' лексема *гуня* фиксируется в русских письменных памятниках с XVII в. В церковнославянском языке *гуня* 'род армяка, верхняя одежда, рубище' [13: 135].

Единого мнения об этимологии слова *гуня* (*гуни*) не существует. О. Н. Трубочёв предполагает, что слово *гуня* имеет индоевропейские корни [24: 176]. М. Фасмер же полагает, что слово *гуня* заимствовано из латинского языка (ср. лат. *gynna*) [22: 297].

В настоящее время *гу'ня* — диалектное слово во многих русских говорах. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова слово *гу'нька* — 'старая, истрёпанная одежда, лохмотья' сопровождается пометой *простореч. обл.* [21: 345], в «Словаре русского языка» (1981 г.) *гу'ня* — 'старая, изношенная верхняя одежда, рубище' имеет пометы *устар.*, *народно-поэт. и обл.* [16, 2: 357]; в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах — *гу'ня* в этом же значении снабжена пометами *устар.* и *обл.* [17, 2: 486].

В ряде русских говоров слово *гу'ня* функционирует в единственном числе и во множественном — *гу'ни*. Только в форме мн. числа лексема *гуни* употребляется в воронежских, донских, ростовских, рязанских, самарских, вологодских и владимирских говорах [18, 7: 235].

Луб'ё и *лу'бье* 'старые, ненужные вещи'. *Луб'ье можна сказать на старые вещи, никаму не нужны*. В Старой Некрасовке *луб'ё* зафиксировано также в переносном, метафорическом значении 'немогущий человек': *Я уже луб'ё старая*. У Даля находим: *Луб'ё* 'что-либо залубенное, заскорузлое' [3, Т. II: 270]. В говорах русских старообрядцев Одесской области слово *луб'ё*, *лу'бье* сузило свою первоначальную семантику, стало употребляться в более конкретном значении — 'старые вещи', в речи жителей Старой Некрасовки оно получило дополнительное метафорическое значение: *лу'бье* употребляется не только в прямом значении 'старые вещи', но и в переносном, эмоционально-экспрессивном — 'старый, немогущий человек'.

В словарном составе старообрядческих говоров Одесской области до сих пор удерживаются старинные южнорусские названия женской одежды, обуви, головных уборов. Очевидно, немаловажную роль в этом сыграло бережное отношение липован к своей традиционной духовной и материальной культуре. Память о старинном типе одежды и обуви жива до сих пор. Старинный женский наряд южнорусского типа используется на свадьбах, гуляньях, концертах художе-

ственной самодеятельности. Все записанные нами южнорусские слова, обозначающие различные виды старинной женской одежды, обуви, головных уборов, употребляются в речи старообрядцев Придунавья с первоначальной семантикой.

Рассмотрим наименования верхней тёплой женской одежды. В русских сёлах Одесской области женщины носили и нередко носят и сейчас *куфа'йки, куфя'йки, кухва'йки*. Зимой *куфайки* *насили*. *Кухвайка* была *стёганая, длинная*. В СРНГ слово *куфа'йка* зафиксировано в значении 'фуфайка' и 'тёплая женская безрукавка' (18, 16: 180) и снабжено территориальными пометами *тульское, пензенское, калужское, воронежское, смоленское, тамбовское*. У Даля *куфайка* — 'род женской куртки, коротайки, фуфайки' [3, II: 228] имеет помету *нвг*. Исконно южнорусским в исследуемых старообрядческих говорах является слово *поддёвка* 'верхняя женская одежда в виде короткого полупальто с мелкими оборками сзади'. (*Паддёвка у мене была красивая, плисовая, с аборками*. Слово имеет прозрачную внутреннюю форму: *поддёвка* — то, что поддевали под какую-либо верхнюю одежду. Именно такое толкование этого слова находим в Далевом словаре — 'полукафтанье или безрукавный кафтанчик, поддеваемый под верхний кафтан' [3, III: 171].

Для наименования тёплого женского пальто в исследуемых говорах употребляется слово *сак* (от франц. *sac* 'мешок') и его дериват *сачо'к* (*Сак носят, када схалада ит. Сачки насили бра'виньким. Сак — длинна пальто, длинна*), известные на всей русской территории, а также местные образования от *сак*: *полтуса'к, полтиса'к, пальтиса'к*.

Старообрядцы употребляют слово *сак* для наименования длинного тёплого женского пальто. (*Сак у мене был длинный, на во'льне, харошый, тёплый* (Вас.). В современном русском литературном языке это слово обозначает верхнюю женскую одежду типа полупальто свободного покроя [17, 13: 56]. Полупальто липоване называют *палтиса'к, полтиса'к, полтуса'к*. (*Раньшы насили палтусак, широкая пальто бис пугавиц. Зимой жынки дитей ф пальтисак укутували, када в уости хадили*).

В русских сёлах Одесской области и сейчас старые женщины носят *бурму'з*. Это вид длинного тёплого пальто без застёжки, с расширенными книзу полукруглыми полами. (*Бурму'зы и сичас бакки носят. Раньшы все в бурму'зах хадили. Бурму'зы были на во'льне*). Диалектное *бурму'з* восходит к слову арабского происхождения *бурнус* (фр. *bournois* < араб. *burnus* 'широкий плащ'). А. В. Миртов включает *бурнус* 'пальто женское, с расшивкой' в свой «Донской словарь» [10: 32]. Производными от *бурму'з* в исследуемых липованских говорах являются *бурму'зик* и *полбурму'зик* 'тёплая зимняя женская одежда без застёжки, до бёдер' (*Шыли палбурму'зики тёплы на во'льне. Палбурму'зики типерича ни носят*). Эти слова в приведенном значении встречаем в «Записках о старом и новом быте» К. А. Авдеевой: «Зимой надевают коротенькую шубу (полбурмузик) или длинную (бурмузик), смотря по погоде» [1: 58].

В старообрядческих селениях Одесской области, основанных потомками донских казаков-некрасовцев, в рассказах о прошлом упоминается слово *шубка* (ласк. *шубочка*) для обозначения старинного широкополого сарафана. *Женщины насилили шубки на проймах с пазухай. Пазуха у шупки на учку'рику. Насилили шупки широ'ки на проймах. На шупку двинаццать аришин материи шло. Фе насилили шупки с аборками*. У А. С. Машкина находим: «Шубка — старинная русская одежда в роде сарафана, украшенная металлическими пуговицами от груди до подола в один ряд» [7: 50]. В этнографическом очерке «Об одежде и уборах женщин Курской губернии» читаем: «В Курске называют сарафан шубкою; в старину шубки делали стеганые на подкладке, а нарядные — из парчи, штофа, атласа травчатого и из тонкого сукна; обшивали их золотым или серебряным позументом» [8: 331]. Уже в 50—60-х гг. XIX в. *шубка* в Обоянском уезде считалась старинной одеждой. А. С. Машкин отмечает: «Во многих селениях некоторые пожилые женщины носят еще шубки в роде сарафанов, из волосени и суконные черного и темно-синего цвета, украшенные так же, как сарафаны и сукни, металлическими пуговицами; шубки считаются здесь самой старинной одеждой» [7: 11]. В XIX веке слово *шубка* было распространено в речи крестьян Курской, Орловской и Тульской губерний [6: 638]. В. Даль включает в свой словарь лексему *шубка* с локальной пометой *Кур.* в значении 'сарафан раскольниц с пуговицами водноряд' [3, IV: 647].

По мнению Ю. П. Чумаковой, слово *шубка* было образовано на основе уменьшительно-ласкательной формы к слову *шуба*. В XVII веке оно подверглось лексикализации и стало употребляться для обозначения особого вида женской одежды. Первоначально *шубки* изготавливались из плотных, тяжелых тканей, чем и объяснялась связь со словом *шуба*. В дальнейшем с изменением в покрое и материале этого предмета женской одежды название полностью деэтимологизировалось [23].

Верхняя часть старинной женской рубахи с отрезным подолом называлась у липован *че'хлик*. *Че'хлик к падста'вушки пришивался*. Слово *че'хлик* восходит к древнеславянскому *чехль*, которое, как указывает Л. Нидерле, в глубокой древности у славян обозначало верхнюю часть одежды [11: 229]. По данным Э. В. Рубцовой, *ше'хлик / ше'флик / че'хлик*, 'лиф' упоминают в рассказах о прошлом некрасовцы Москвы и Ставрополя [15: 104].

Для наименования передней верхней части сарафана (шубки), рубахи до талии употребляются в речи липован Придунавья слова *па'зух*, *па'зушка*, *па'зуха* (*Жэніцины насили шупки на проймах с пазухай. Шупку шыли с пазухам. Пазух у ниеь больна красивай — сама вышивала.* В «Словаре русских народных говоров» слово *пазух* в значении 'перёд (грудь) рубашки, сарафана' сопровождается территориальными пометами *рязанское*, *калужское*, *тамбовское*, *псковское* [18, 25: 148].

В русских говорах Одесщины в пассивном словаре сохраняются названия частей старинной длинной рубахи: *ста'н*, *ста'нушка* и *подста'вка*, *подста'вушка*. *Ста'н*, *ста'нушка* — верхняя часть женской рубашки, *подста'вка*, *подста'вушка* — нижняя её часть. У *рубахи стан был, а ат пояса патстава. К рубашки пришивали патставушку.* В словаре Даля *подставка* рубахи, *подстава* — 'исподняя часть от пояса, из более грубого холста' [3, III: 205]. О неодинаковом значении *ста'н*, *стануха* сообщают этнографы: «У южных великороссов станом, станушкой обычно называется верхняя часть рубахи (составленной из двух частей), а нижняя — подставкой, у северных великороссов — наоборот, станом чаще называется нижняя часть, а верхняя — рукавами воротушкой» [6: 602].

Для наименования старинного глухого тёмного платья русские употребляют заимствованное у соседей-болгар слово *ро'кля* (*ро'ття*). *Ро'ття* — *старынская платя, болгары насили ро'ттю.* Слово *ро'кля*, *ро'ття* бытует в речи представителей старшего поколения, причём, как правило, в рассказах о прошлом или о болгарах. В русских говорах болгарское *ро'кля* сузило, конкретизировало своё значение (ср. болг. *рокле* 'всякое женское платье вообще', в русских говорах *ро'кля*, *ро'ття* 'платье особого покроя, строгое, глухое. Обычно тёмного цвета'). Н. С. Державин отмечает наличие платья с лифом без рукавов (рокла) в болгарских говорах Таврической, Херсонской и Бессарабской губерний России [4: 85—90].

В исследуемых старообрядческих говорах встречается несколько наименований юбок: *панёва*, *кума'ч*, *лени'чка*, *подиспо'дник*, *спидни'ца*, *сподни'ца*. Из них только *панёва* 'женская клетчатая или полосатая юбка' фиксируется в словарях. Даль отмечает распространение *панёвы* «женской клетчатой или полосатой запашной юбки в губерниях акающих: *пен.*, *тмб.*, *вор.*, частью *кур.*, *орл.* » [3, III: 15]. *Кума'ч*, *лени'чка*, *подиспо'дник* являются узколокальными образованиями. *Кума'ч* 'нижняя юбка' и *лени'чка* 'юбка из льняного полотна' мотивированы наименованиями ткани, из которой сшиты. *Кумач* — 'простая бумажная ткань, обычно алого, иногда синего цвета на сарафаны' [3, II: 217]. *Лени'чка* — шьётся из льна. Лексемы *кума'ч* и *лени'чка* бытуют лишь в речи старшего поколения. Слова *сподни'ца*, *сподни'чка*, *подиспо'дник* — 'нижняя женская юбка' употребляются довольно широко. Внутренняя форма этих слов весьма прозрачна. А *над юпку адивали спадни'цу. Носили над юпкой спидни'чки.* Лексема *спидни'ца* 'юбка' проникла в русские говоры из соседних украинских. У мене была *бра'ва спидни'ца.* Поверх юбки издавна повязывался *передник (фартук)*, состоящий из одного или двух сшитых полотнищ — *по'лок*. Передник генетически связан с древней поясной одеждой, представлявшей собой одно или несколько полотнищ (*по'лок*), которые обёртывались вокруг бёдер и прикреплялись поясом. Слово *фа'ртук* упоминается в русских текстах с 1663 г.; в польском языке это слово известно с 1498 г. Лексема *фа'ртук* в значении 'передник' зафиксирована первоначально в западнорусских текстах. Этимологи считают, что слово *фа'ртук* заимствовано из немецкого языка через посредство польского (польск. *Fartuch* < нововерхненем. *Vortuch* 'передник'). В старообрядческих говорах Одесской области наряду с лексемой *фа'ртук* употребляется южнорусский фонетический вариант *хва'ртух*. Синонимом к слову *фа'ртух (хва'ртух)* в исследуемых старообрядческих говорах выступает *за'пон*, отличающийся большей частотностью употребления. *Пиредник у нас за пан называют. Была у мене кохтатка с кружавами и запан выгладиный.* У Даля слово *запон* зафиксировано в этом же значении с локальными пометами *нгв.*, *сиб.*, *кал.*, *орл.* [3, I: 615]. Вероятно, *за'пон* является дериватом от *запинать*.

Особый синонимический ряд в русских говорах Одесской области составляют диалектные названия кофты. В логико-понятийном отношении эту микрогруппу организуют семемные оппозиции «вид ткани» — «вид покроя» — «способ изготовления» — «предназначение»: *бабе'йка*, *бабе'шка* 'женская блузка с лифом в мелкие складочки-защипы', *ба'ска* 'короткая, в талию, женская кофта', *вя'занка*, *вя'заночка* 'вязаная кофта, обычно из шерстяных ниток', *плетёнка* 'вязаная кофта, то же что вязёнка' (*Плетёнка — вязаная кофта, плитёнку сами плели*), *бати'стовочка* 'блузочка из батиста', *бумазе'йка* 'лёгкая женская кофта из бумазеи' (У Даля *бумазе'я* 'бумажная ворсистая ткань' [3, I: 141], *разлета'йка* 'лёгкая широкая женская кофта до бёдер' (*Разлитайки, кохтатки шырокии и сийчас бабы носят и дефки.*), *ли'фик* 'летняя кофта без рукавов' (*Летам мы любили лифик адивать: лежка, ни жарка.*). Все эти наименования, за исключением слова *ба'ска*, которое фиксируется как в севернорусских, так и в южнорусских говорах [18, 2: 131], и *разлета'йка* [3, IV: 32], являются узколокальными. Они свидетельствуют о развитии лексики островных говоров за счёт своих, исконных, диалектных ресурсов, как словообразовательных, так и семантических. Показательно, что слово *ба'ска*,

помимо значения ‘женская кофта’, в старообрядческих говорах Одесской области Придунавья развило ряд других ЛСВ: ‘детская рубашка’ (*Есть децкии баски.*), ‘четырёхугольный женский платок’ (*Баски на галаве носят бабы.*), ‘мужская маленькая шапочка в виде тубетейки’ (*Баску мужык на галаве носить ат сонца.*).

Широко распространено в русских говорах Одесской области уменьшительно-ласкательное образование от *ба'ска* — *ба'сочка* в значении ‘женская блузочка’ (*Все бабы у басачках.*), а также в значении ‘мужская маленькая шапочка’: *Ваня, адень басачку, а то галаву' напекеш.* Как видно из примеров, в одной и той же частной лексико-семантической системе одного говора, длительное время функционирующего в отрыве от основного языкового и диалектного массива, возможно развитие нескольких новых значений у исконно русских лексем. Причём процесс возникновения инноваций, как словообразовательных, так и семантических, в русских островных говорах проходит очень активно, в качестве исходного материала выступают не только исконно русские слова, но и заимствованные.

Наблюдения показывают, что диалектные значения у литературного слова обычно возникают в говорах на базе общеизвестного значения, зачастую по принципу метафоризации или метонимии, и сосуществуют вместе с ним. Так рождаются диалектные семантические экспрессивы с ярко выраженной коннотацией. Примером метонимических местных инноваций могут служить слова *ба'ска* в значении ‘кофта’, *ли'фик* — ‘кофта без рукавов’, *жаке'т* (жукет) — ‘костюм’, *бахрома'*, *махры'* — ‘платок с кистями’, *клеёнка* — ‘плащ’ и др. Примером диалектных экспрессивов, возникших в результате метафоризации, являются записанные в речи старообрядцев Придунавья слова: *бара'шки* — ‘волнистые украшения на женском платье’, *грибы'* (*грибы*) — ‘круглые волнистые оборки на платье, по внешнему виду напоминающие грибы волнушки’, *ды'мка* ‘кружево’, *тру'бы* ‘штанины’ и др.

Ряд литературных слов в русских говорах Одесской области имеют лишь общее звучание с соответствующими диалектными и выступают по отношению к ним как омонимы. *Шу'бка* — ‘уменьш. к *шуба*: короткая и лёгкая шуба (обычно женская или детская)’, в исследуемых говорах — ‘старинный женский сарафан’. *Груди'нка* — ‘мясо из грудной части туши’, в говорах — ‘верхняя часть женского фартука’. *Плю'шка* — ‘небольшая сдобная булочка обычно плоской формы’, в говорах — ‘женское полупальто из плюша’.

Анализ наименований женской одежды в русских старообрядческих говорах Подунавья показывает, что лексико-семантическая система русских говоров, функционирующих в полиязычном окружении, весьма динамична. Уходят вместе со старыми реалиями многие слова, появляются в результате заимствования из русского литературного языка и соседних языков и говоров новые. Происходят всевозможные изменения диалектизмов, формальные и семантические, следствием чего является богатая вариативность в названиях женской одежды. Возникают многочисленные ряды синонимов, омонимов, появляются новые значения у общеизвестных, диалектных и заимствованных слов, в результате в островных говорах образуются полисемантические слова. На базе литературных, диалектных и заимствованных слов рождаются многочисленные инновации, локальные образования, как правило, эмоционально-экспрессивные. Всё это свидетельствует о жизненности, динамике лексико-семантической системы русских старообрядческих говоров, более двухсот лет функционирующих в полиязычном окружении.

1. Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте. — СПб., 1842.
2. Брагина А. А. Лексика языка и культура страны. — М.: Русский язык, 1986.
3. Даль В. И. Токовый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Русский язык, 1979.
4. Державин Н. С. Болгарскія колоніи в Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерніи) // Материалы по славянской этнографии. — София, 1914.
5. Лыжова Л. К. Лексико-семантическая характеристика группы слов со значением «одежда», «одеваться» в народных говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978.
6. Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX века // Восточно-славянский этнографический сборник. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: АН СССР, 1956. — Т. XXXI.
7. Машкин А. С. Обычаи и обряды простонародья в городе Обояни // Труды Курского статистического комитета. — Курск, 1863. — Вып. 1.
8. Машкин А. С. Об одежде и уборах женщин Курской губернии // Курские губернские ведомости. — 1853. — № 34.
9. Машкин А. С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. — СПб., 1862. — Вып. V.
10. Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. — Ростов-на-Дону, 1929.
11. Нидерле Л. Славянские древности. — М., 1956.
12. Обухова Е. С. Названия одежды в селе Старая Чигла Аннинского района Воронежской области // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Междунар. конф. 23—25 окт. 2006 г. — М., 2006.
13. Полный церковно-славянский словарь / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. — М., 2002.
14. Прохорова С. М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: ареально-типологическое исследование. — Минск: Изд-во БГУ, 1991.
15. Рубцова З. В. Одежда казачек-некрасовок // История и география русских старообрядческих говоров. — М., 1995.

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

---

16. *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1980—1984.
17. *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. — М.-Л., 1950—1965.
18. *Словарь русских народных говоров* / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. — М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—2003.
19. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* — М.: Наука, 1975. — Вып. 2.
20. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. — СПб., 1893.
21. *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940. — Т. 1.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М., 1964. — Т. 1.
23. *Чумакова Ю. П.* Об изменениях семантики в словаре одежды // Ученые записки Горьковского университета им. Н. И. Лобачевского. — Вып. 68. — Вопросы теории и вузовского преподавания русского языка. — Горький, 1964.
24. *Этимологический словарь славянских языков* / Под. ред. О. Н. Трубачёва. — М., 1976. — Вып. 4.

Л. Ф. Баранник

ТРАДИЦІЙНА ПІВДЕННОРОСІЙСЬКА ЛЕКСИКА ПРИДУНАЙСЬКИХ СТАРООБРЯДСЬКИХ ГОВІРОК ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

У статті аналізується традиційна південноросійська лексика старообрядських говірок Придунав'я, визначається її семантика, етимологія, «материнська» територіальна приналежність.

Ключові слова: російська діалектна лексика, острівні старообрядські говірки, діалектні лексичні архаїзми.

L. F. Barannik

TRADITIONAL SOUTH RUSSIAN VOCABULARY OF BOTTOM DANUBE OLD BELIEVER SUBDIALECTS IN ODESSA REGION

The author analyses traditional southern vocabulary of the Russian Old Believers living in estuary of the Danube river. The dialects' semantics, etymology and "maternal" territorial belongings are examined in the article.

Key words: Russian dialect vocabulary, island Old Believers' dialects, dialect lexical archaism.

А. В. ПЕТРОВ

ЭТИМОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МИКРОПОЛЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуется состав этимолого-семантического микрополя, сформированного лексическими единицами с исконными и заимствованными основами *би(ть)* и *-цид* [лат. *caedere* убивать] и вычлененного из семантического поля *лишить жизни кого*. Основы *би(ть)* и *цид-* являются вершинами гнезд — соответственно словообразовательного и корневого (смешанного). Внутри гнезд между отдельными его членами наблюдается семантическая соотносительность (напр., *самоубийство* — *суицид*), однако лексические единицы имеют разный индекс частотности. Образования на *-цид* взаимодействуют также и с другими конститuentами поля, прежде всего, с производными-прагмонимами, которые созданы при помощи тех или иных словообразовательных образцов.

Ключевые слова: семантическое поле, этимолого-семантическое микрополе, исконные и заимствованные основы, прагмонимы.

В лингвистике наименее изучено функциональное соответствие между иноязычными и русскими морфемами, а также основами слов. Факт такого соответствия неоднократно отмечался в дериватологии: «интернациональные знаменательные морфемы во многих отношениях сходны с русскими корневыми морфемами... или целыми основами слов»: *аква-*, *гидро-* и *водо-*; *термо-* и *тепло-*; *-мер* и *-метр*; *фоно-* и *звучо-*; *-фил* и *-люб*, *-навт* и *-плаватель* и др. [7, с. 198]. Тонкие наблюдения над корреляцией соотносительных с понятиями «земля», «воздух», «вода» исконных и заимствованных основ были сделаны на материале украинского языка [6]. Н. Ф. Клименко отмечала, что в сложных словах украинского языка встречаются четыре основы, соотносительные с понятием «вода» и разные по происхождению: *аква-* (лат.), *гидро-* (греч.), *ватер-* (герм.) и *водо-* (слав.) [6, с. 101]. По мнению исследователей, основы различаются сферой употребления и продуктивностью: заимствованные основы используются в терминологии, в научном стиле и не образуют больших гнезд аффиксальных слов [5, с. 74]. Актуальность такого направления в своё время отмечал А. А. Белецкий, который писал, что «сопоставительное, или параллельное, исследование лексики разных языков, как и сравнительно-историческое, должно заложить основы общей лексикологии (перевод наш. — А. П.» [1, с. 152]. Исследователь предложил термин идеоморфизм, который обозначает способы выражения основных понятий в разных языках.

Одной из проблем теоретической семантики является проблема поля, которое, по словам Л. А. Новикова, «становится одной из основных категорий и комплексных единиц, а также самим методом системного описания единиц разных уровней: лексики (семантическое поле), грамматики (функционально-семантическое поле) и словообразования (словообразовательное гнездо)» [8, с. 555]. Основой для построения семантических полей является понятие, которое выступает в качестве инварианта поля (В. П. Абрамов, Л. М. Васильев, В. Г. Гак, В. Н. Денисенко, П. Н. Денисов, Ю. Н. Караулов, Н. Ф. Клименко, А. М. Кузнецов, Л. А. Новиков, Э. Д. Попова, И. А. Стернин, С. Г. Шафиков, Г. С. Щур). Мы исследуем семантические поля, организуемые понятиями «жизнь» и «смерть» и представленными семантическими инвариантами *дать жизнь кому* и *лишить жизни кого*. Например, в поле с инвариантом *лишить жизни кого* входят: а) лексико-семантическая группа глаголов «уничтожение живого объекта» с доминантой *убить* и *уничтожить*; б) синонимический ряд с доминантой *убить*; в) устойчивые словосочетания и фраземы (*отнять жизнь, унести жизнь, принести смерть, причинить смерть; положить [уложить, оставить] на месте 'убить сразу, наповал'; книжн. повергнуть в прах кого 'умерщвлять, убивать'; под корень 'всех поголовно, не оставляя никого (убивать, резать и т. п.)'* и др.); г) фразовые номинанты, которые восполняют словообразовательные лакуны: (*тот*) *кто зарезал, (тот) кто застрелил*.

В границах семантического поля *лишить жизни кого* мы выделяем этимолого-семантические микрополя (термин В. Г. Гака), которые формируются лексическими единицами с исконными и заимствованными основами *би(ть)* и *-цид* [лат. *caedere* убивать], с одной стороны, и *есть* и *-фаг* [гр. *phagos* пожирающий], с другой.

В. Г. Гак подчёркивал, что словарный состав современных литературных языков «этимологически неоднороден и помимо исконных слов включает много лексических заимствований, этимоны которых нередко дублируют по своему значению существующие в языке коренные этимоны» [2, с. 692]. Имея общий этимон, основы *би-* и *-цид*, *есть* и *-фаг* различаются способностью продуцировать производные, относящиеся к тем или иным лексико-грамматическим классам. В этом отношении ограничения свойственны заимствованной основе *-цид*, которая порождает субстантивные корневые гнезда: *авициды* (от лат. *avis* — птица), *афициды* (от лат.

aphis — тля), *нематоциды* [гр. *nema* (*nematos*) нить — круглые черви] и др. Представители корневых гнезд могут сформировать словообразовательные гнезда.

Фактический материал свидетельствует о том, что с основой *-цид* непосредственно соотносится четвертое значение глагола *бить* ‘поражать, убивать выстрелом или ударом какого-л. оружия’ (*бить тюленей*), более отдалённая связь прослеживается между заимствованной основой и третьим ЛСВ ‘наносить поражение, побеждать’ (*бить врага*) (МАС).

В. Г. Гак отмечал, что основной задачей при анализе этимолого-семантического поля является выявление путей семантической и структурной деривации слов с общим этимологом. По мнению исследователя, развитие значения слова или его корня может проявляться в языке 1) в новых значениях самого слова, 2) в образовании производных слов, 3) в формировании фразеологических единиц, в состав которых входит данное слово [2, с. 694]. Применительно к рассматриваемому материалу актуальным является пункт второй, а также 1) исследование внутренней валентности исконных и заимствованных основ, 2) выявление случаев варьирования этимона в границах семантического инварианта поля, 3) установление взаимодействия лексических единиц, имеющих общий этимон, с другими конституентами семантического поля. Е. А. Карпиловская, исследовав семантико-прагматическую дифференциацию словообразовательных средств украинского языка, пришла к выводу о том, что исконные и заимствованные ресурсы могут находиться в состоянии 1) конкурирования, 2) мирного сосуществования в одном поле с различным семантико-прагматическим статусом и 3) параллельного существования в языке в результате разделения по разным сферам функционирования [4].

Анализ лексических единиц в составе гнезд с вершинами *бить* и *-цид* показал, что исконные и заимствованные ресурсы сосуществуют в языке благодаря разделению их по разным тематическим сферам. Глагол *бить* и его производные отражают различные темы — сферу охоты, войны, быта. Семемы с заимствованной основой *-цид* являются субстантивами, входят преимущественно в тематическую группу «Отравляющие химические вещества» и активно функционируют в подъязыке сельского хозяйства, поскольку восполняют существующий пробел в наименовании ядов. Таким образом, в гнезде доминируют единицы, называющие химические вещества, однако представлены и слова из других сфер, ср.: *геноцид*, *этноцид*, *лингвоцид*. Отдельную группу составляют единицы, называющие объект уничтожения — людей, ср.: *геноцид* ‘политика истребления отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам’, *стратоцид* ‘то же, что социальный геноцид’, *гомоцид*: «В судебной психиатрии убийство психиатрическим пациентом другого человека (*гомоцид*) рассматривается как результат некоторых острых форм психического расстройства» [<http://slovarnik.rulib.rus.ec>], а также неолексемы *русоцид*, *казакоцид*, *иудеоцид*, свидетельствующие о способности заимствованной основы *-цид* сочетаться и с исконными основами. Ср.: «*Большевики, осуществлявшие “казакоцид”, не могли переродиться и сменить свои принципы мировоззрения, свой менталитет*» [<http://getman.ru/kazaki/bibl/articles>]; «*Принстонский историк Арно Майер ввёл в употребление слово “иудеоцид”*» [<http://warrax.net/58/irving.html>].

Общезначимая семантика в производных глаголах, входящих в гнездо с вершиной *бить*, уточняется префиксами: *до-* (*добить пленного*), *за-* (*забить овцу*), *пере-* (*перебить пленных*), *по-* (*побить всех уток*), *у-* (*убить врага*). Отдельные префиксальные дериваты реализуют семантический инвариант поля посредством нескольких значений, ср.: *прирезать* ‘добить, умертвить окончательно режущим орудием’ (*прирезать раненого*), ‘убить, зарезав’ (*прирезать бандита*) и ‘убить на мясо, забить’ (*прирезать бычка*). В гнезде сформировались субстантивные парадигмы с компонентами *убийца* и *убийство*: *убийца* — *детоубийца*, *женоубийца*, *убийца-подрывник*, *каратель-убийца*, *наркоман-убийца*; *убийство* — *мужеубийство*, *матереубийство*, *тираноубийство*, *женоубийство*.

Корневое гнездо с вершиной *-цид* включает большинство терминов-субстантивов, в том числе и узкоспециальных. Интересно проследить становление гнезда. В Обратном словаре русского языка было зафиксировано 5 единиц с постпозитивным компонентом *-цид*, у двух из них отмечаются фонетические варианты: *гербицид*, *инсектофунгицид* (*инсектофунгисид*), *флицид*, *инсектицид* (*инсектисид*), *стрептоцид*. Образования на *-цид* характеризуются моносемией, исключением является субстантив *инсектисид*, который, согласно БАСу, развивает два значения: ‘ядовитое химическое вещество, применяемое для борьбы с вредными насекомыми’ и ‘растение — носитель вещества, применяемого для борьбы с насекомыми-вредителями’ (употребляется в составе приложения и в форме *инсектицид*): «*В том случае, когда вредителей немного, целесообразно применять не «химию», а растения-инсектициды*» [<http://limon-home.ru>].

С точки зрения назначения отравляющие химические вещества служат «для борьбы с вредителями и болезнями растений, сорняками, вредителями зерна и т. п., с эктопаразитами домашних животных, а также с переносчиками опасных заболеваний человека и животных». Гипонимом является единица *пестициды* [лат. *pestis* — зараза].

Сохраняя семантический инвариант поля *лишить жизни кого*, образования на *-цид* могут варьировать этимологический признак, о чём свидетельствуют функционально близкие метаком-

поненты словарных дефиниций, такие как: ‘для уничтожения’, ‘для борьбы (с вредными позвоночными/насекомыми)’, ‘против вредных насекомых’. Ср.: *ихтиоциды* ‘химические средства для избирательного уничтожения сорной рыбы’, *инсектициды* ‘химические средства борьбы с вредными насекомыми’, *акарофунгициды* ‘препараты против вредных насекомых, клещей и болезней растений’.

Лексическое множество построено по принципу гипонимической иерархии: *отравляющие вещества* — *пестициды* — *инсектициды*, *зооциды*. Согипонимы в свою очередь могут выступать гиперонимами. Так, гипероним *инсектициды* является таковым для единиц, называющих а) препараты, предназначенные для тех или иных видовых наименований насекомых: *инсектоакарицид*, *ларвициды* [лат. *larva* — личинка] ‘для уничтожения личинок и гусениц насекомых’, *афициды* [лат. *aphis* — тля] ‘химические вещества для уничтожения тлей’; б) химические вещества типа *карбофос*, *метафос*, *хлорофос*. Отдельные лексические единицы представлены и аббревиатурами: *ДХЭ* [дэ-ха-э] — дихлорэтан (инсектицид), *МНФ* [эм-эн-эф] — метилнитрофос (инсектицид), *ДХЗ* [дэ-ха-зэ] — дихлорэтан (инсектицид), *ДФДТ* [дэ-эф-дэ-тэ] — дифтордифенилтрихлорэтан (инсектицид), *ДДД* [дэ-дэ-дэ] — дихлордифенилдихлорэтан (инсектицид) и др.

К *зооцидам* относятся *авициды* [от лат. *avis* — птица], *акарициды* [гр. *akari* — клещ], *лимациды* [лат. *limax (limacis)* — слизень, улитка], *моллюскоциды* [лат. *molluskus* — мягкий, мягкотелый], *нематоциды* [гр. *nema (nematos)* — нить (круглые черви)], *ратициды* [фр. *rat* — крыса], *родентициды* [лат. *rodens (rodentis)* — грызущий (грызуны)]. Первым компонентом, как правило, является основа, называющая насекомых или животных. Эталонная модель (*убивать, уничтожать кого*) соответствует объектной валентности, замещаемой гипонимами и гиперонимами, ср. *лепидоцид* [гр. *lepis (lepidos)* — чешуя]: «*Лепидоцид* — биологический инсектицидный препарат, предназначенный для защиты лесных, сельскохозяйственных и парковых культур от гусениц чешуекрылых насекомых» [http://prom.inforico.com.ua/selskoe-hozyaystvoplepidocid].

В группу «отравляющие химические вещества» входят также «сортовые и фирменные названия» различных отравляющих препаратов. В лингвистике такого рода наименования составляют область прагмонимов, которая относится к периферии ономастической лексики. Как отмечает А. А. Исакова, «в последнее время периферия ономастики переживает наиболее бурное своё развитие в связи с формированием в России общества потребления. Рынок товаров и услуг стал стремительно развиваться, а вследствие этого стал расширяться и сам корпус онимических единиц» [3, с. 63]. Ср.: биологические препараты «*Лепидоцид*», крысиный яд «*Зерноцид*»: «*Средство для борьбы с колорадским жуком на картофеле “Колорцид”*» [http://www.vniiki.ru]; «*Описание продукции: Средство родентицидное “Бромоцид-приманка” — отравленная приманка против крыс и мышей*» [http://proizvoditel.by].

Сортовые наименования «*Бромоцид*», «*Зерноцид*» и «*Аквацид*» отличаются от проанализированных лексем с основой *-цид* функциональной направленностью первого компонента, который не является объектом действия. Расширение сочетаемости основы *-цид* приводит к изменению внутренней формы прагмонима; например, название крысиного яда «*Зерноцид*» отражает внутреннюю форму ‘убивать при помощи зерна’ (препарат изготавливается в виде зерновой приманки), название средства дератизации «*Зерацид*» (*зерновой ратицид*) отражает внутреннюю форму ‘убивать крыс при помощи зерна’, а название отравляющего средства «*Зерноцид*» — ‘поражать болезни зерновых культур’. Наименование таблеток «*Аквацид*» также отходит от эталонной внутренней формы композитов, основано на метонимии: ‘убивать, уничтожать болезнетворных микробов, находящихся в воде’.

Единицы гнезда с корнем *-цид*, вступающая в словообразовательные отношения, способны формировать смешанные гнезда. Например, для порождения словообразовательных цепочек активной является частеречная модель СП1С2: акарициды → акарицидный → акарицидность, инсектициды → инсектицидный → инсектицидность. В смешанных гнездах представлены композиты, которые объединяют в себе свойства разных препаратов: *инсектоакарициды*, *инсектофунгициды*, *акарофунгициды*; производные с усечённым препозитивным компонентом *бакт-* (от бактериальный): *бактоларвицид*, *бактороденцид*, *бактокулицид*; с префиксоидами *био-*: *биопестициды*, *биоинсектициды*, *биофунгициды*, *биороденциды* и *фито-*: *фитоинсектициды*, *фитопестициды*, *фитофунгициды*. Ср.: «*В Приамурье проводили испытания отваров и настоев трав в качестве фиторегуляторов и фитофунгицидов на картофеле и томате*» [http://kartofel.org/kartoiov/01_11.pdf].

Образования на *-цид* взаимодействуют с другими конституентами поля, представленными, прежде всего, производными-прагмонимами, которые созданы при помощи словообразовательных образцов, включающих префикс *анти-*: «приставка *анти-* + исконная основа сущ., называющая насекомых / животных»: препараты «*Антихрущ*», «*Антимышь*», «*Антитаракан*», «*Антимуравей*», инсектицидное средство «*Торнадо-антимуха*» и др. Ср.: «*Универсальное инсектицидное средство защиты от насекомых “Антимуравей” предназначено для уничтожения различных видов муравьёв, ос, а также синантропных насекомых*» [http://rogneda.ru];

«Антихрущ» контактно-кишечного действия поражает центральную нервную систему вредных насекомых, блокируя функции жизнедеятельности, что приводит к их быстрой гибели» [http://roundup.furs.com.ua]; реже: «приставка анти- + заимствованная основа сущ., называющая насекомых / животных»: средство «Антигельминт» (гр. *helmins (helminthos)* — червь, глист), установка «Антитермит»; «приставка анти- + основа сущ., называющая насекомых / животных + суффикс -ин-»: «Антитлин», «Антикрысин» или «основа сущ., называющая насекомых + суффикс -ин-»: препарат «Муравьин» (порошок), инсектин.

Варьируются наименования торговых марок инсектицидных препаратов, предназначенных для уничтожения колорадского жука. Деривационно активными являются оба компонента мотивирующего словосочетания, которые не имеют закреплённой позиции в слове: «Колорацид», «Колорадоцид», «Антиколорад», «Антижук», «Жукомор». Ср.: «Колорадоцид» применяются для защиты сельскохозяйственных, лесных и лекарственных культур от вредителей: колорадского жука, паутинного клеща, гусениц капустной совки» [http://85648.ua.all-biz.info]; «Антижук» — системный инсектицид контактно-кишечного действия для защиты картофеля от колорадского жука» [http://leda-agro.com/goods.aspx?partid=40]; «Жукомор» — быстродействующий инсектицид для надёжной и длительной защиты картофеля от колорадского жука» [sredstva.kiev.ua/plant/zhukomor.html].

Прагмонимы «Антижук» и «Противожук», несмотря на синонимичные препозитивные компоненты, являются разными номенклатурными единицами, поскольку опорные компоненты восходят к разным мотиваторам — словосочетанию *колорадский жук* и субстантиву разг. *жучок* 'насекомое, истачивающее деревянные части зданий, мебели': «Биоцидный состав «Противожук» предназначен для обработки деревянных поверхностей с целью уничтожения дереворажающих насекомых на всех стадиях их развития» [http://tandem-express.ru].

Пересекаются лексические единицы с общим этимологом 'крыса', которые входят в разные гнезда: *ратицид* — дератизатор, дератизация, дератизационный, дератизационно-дезинсектицидный (препарат), дератизационно-дезинфекционный (мероприятия), дератизатор, электродератизатор; *крысомор*, *крысодав*, *крысоед*, *растение-крысоед*, *крысолов*, *крысотрава* (М. Цветаева), дератизационное средство «Крысид» (порошок), родентицид «Крысин» (тесто-брикет). Ср.: «Родентицид «Крысин» — готовая отравленная приманка (тестообразная масса) в виде мягкого брикета розоватого цвета» [http://tenderer.ru]; «Крысид» применяются для истребления грызунов, опудривая норы или раскладывая отравленные кормовые приманки» [http://vetby.ru]; «Крысид-гель» добавляется в приманки для уничтожения крыс и мышей» [http://agroekohim.ru/kr-gel.htm].

Своей словообразовательной структурой выделяется прагмоним «Крысид». Формант *ид* может быть осмыслен как сокращённый вариант заимствованной связанной основы *-цид*, поскольку в русском языке суффикс *ид* имеет другие значения. Этот же формант выделяется и в прагмониме с общим этимологом «Ратид», который имеет торговые марки «Ратид-1», «Ратид-2» и «Ратид-3» (паста). Ср.: «Зооциды «Ратид-1» (сыпучая зерновая смесь) и «Ратид-2» (парафинированный зерновой брикет) предназначены для борьбы с крысами, мышами и мышевидными грызунами» [http://26559.ua.all-biz.info]. Словообразовательное средство *-ит* в наименовании родентицидного препарата «Грызунит» реализует нетипичное для этого суффикса значение: восковые брикеты «Грызунит-экстра», препарат «Грызунит-блок».

Разнообразием сочетающихся основ отличаются наименования-прагмонимы с *пре-* и *пост-*презитивным компонентом *-рат-*: «Ратобор», «Ратиндан», «Ратимор-концентрат» («Ратимор-К»), «Ратимор-приманка» («Ратимор-П»), «Биорат», «Броморат», «Морторат». Функциональная общность свойственна основе *-цид* и префиксу *dez-*, имеющему значение уничтожения, что проявляется в оппозиции с латинским корнем *insekta*: *инсектициды* — *дезинсекция* — *дезинсекталь* — *дезинсектор*.

В то же время наблюдается семантическая соотносительность единиц внутри анализируемых гнезд, например: *самоубийство* — *суицид*, *самоубийца* — *суицидент*, *человекоубийство* — *гомоцид*, *самоубийственный* — *суицидальный*, *цареубийство* — *регицид*, в паре *братоубийство* — *фратрицид* заимствование шире по объёму: «1. 1) братоубийство, 2) убийство сестры; 2. 1) братоубийца, 2) убийца сестры. 3. воен. «братоубийственный эффект»» [http://czudovo.info/what.php?what=fratricide&ln=en].

Лексические единицы имеют разный индекс частотности. Рассмотрим распределение семем по частотности согласно поисковой системе Яндекс: *самоубийство* (7 млн ответов) — *суицид* (6 млн ответов) — *суицизм* (1418 ответов); *самоубийца* (2 млн ответов) — *суицидент* (14 тыс. ответов) — *суицидист* (462 ответа), *самоубийственный* (385 тыс. ответов) — *суицидальный* (522 тыс. ответов), *братоубийство* (96 тыс. ответов без дифференциации по значению) — *фратрицид* (562 ответа), *цареубийство* (83 тыс. ответов) — *регицид* (980 ответов), *человекоубийство* (39 тыс. ответов) — *гомоцид* (611 ответов). Как следует из количественных данных, заимствования уступают по частотности употреблению образованиям с исконной основой, включение составляет прилагательное *суицидальный* 'относящийся к самоубийству, к способам

его осуществления», в лексическом значении которого, в отличие от исконного противочлена, сохраняется этимологический признак (ср.: *самоубийственный* ‘губительный, опасный для самого себя’). Анализ оппозиций с общим этимом свидетельствует о протекании различных семантических процессов. Так, противочлены *самоубийство* — *суицид*, дублируя друг друга по значению и употреблению, находятся в конкурентных отношениях; лексема *суицизм* уступает по частотности однокоренному слову; в оппозиции *самоубийца* — *суицидент* заимствование шире по объёму, поскольку включает дополнительную сему ‘способный к суициду’. Производное с исконным корнем относится к именам общего рода. Маркированность по полу у заимствования осуществляется при помощи исконной морфемы *-к-*: *суицидент* → *суицидентка*. Однако в паре однокоренных производных мужского пола (*суицидент* — *суицидист*) низкую частотность имеет гибридный субстантив. Аналогичная картина наблюдается в оппозиции *суицидировать* (875 ответов) — *суицидствовать* (99 ответов): большей частотностью обладает производное, морфемная структура которого состоит из заимствованных формантов.

Фазы *суицида* отражают производные слова и устойчивые сочетания: *пресуицид* (с исконным префиксоидом *предсуицид*), *постсуицид* (*острый пресуицид*, *хронический пресуицид*, *ближайший постсуицид*, *ранний постсуицид*, *поздний постсуицид*), *пресуицидальный* (*состояние*), *предсуицидальный* (*синдром*), *постсуицидальный* (*период*). В составе композитов представлены адекватная основа: *суицидально-фиксированный* (*состояние*), *суицидально-направленный* (*депрессия*, *личность*, *тип поведения*), *суицидально-депрессивный* (*мысли*, *синдром*), *суицидально-ориентированный* (*информация*, *поведение*) и субстантивная: *суицидологический* (*конфликт*), *суицидология*, *суицидомания*, *суицидоман*. Деривационная активность свойственна субстантиву *суицидолог*: *консультант-суицидолог*, *врач-суицидолог*, *психиатр-суицидолог*, *психотерапевт-суицидолог*, *эксперт-суицидолог*.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Этимолого-семантическое микрополе формируется лексическими единицами с исконными и заимствованными основами *би(ть)* и *-цид*, входящими в словообразовательное и корневое (смешанное) гнездо.

2. Между членами гнезд, имеющих общий этимон, наблюдаются процессы дополнения, уточнения и отчасти конкурирования и дублирования.

3. Наблюдается рост лексических единиц с компонентом *-цид*, которые являются «сортовыми и фирменными названиями» различных отравляющих препаратов.

4. Образования на *-цид* взаимодействуют с другими конститuentами поля, представленными, прежде всего, производными-прагмонимами.

1. Білецький А. О. Про співставне дослідження словотвору різних мов / А. О. Білецький // Науковий щорічник за 1957 рік. — К.: Вид-во КДУ, 1958. — С. 152—154.

2. Гак В. Г. Этимолого-семантические поля в лексике / В. Г. Гак // Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — С. 691—701.

3. Исакова А. А. Тенденции развития современной ономастики: механонимия / А. А. Исакова // Филологические науки. — М., 2006. — № 3. — С. 63—69.

4. Карпіловська Є. А. Семантико-прагматична диференціація словотворчих ресурсів мови: своє і засвоєне / Є. А. Карпіловська // Новые явления в славянском словообразовании: Система и функционирование. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 228—244.

5. Клименко Н. Ф. Словотвірна морфеміка сучасної української літературної мови / Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська. — К., 1998. — 162 с.

6. Клименко Н. Ф. Аглютинативність в українському словотворенні / Н. Ф. Клименко // Українське мовознавство. — Вип. 17. — К., 1990. — С. 96—104.

7. Лопатин В. В. О некоторых принципах морфемного анализа слов (К определению понятия сложного слова в современном русском языке) / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — Т. XXII. — Вып. 3. — М., 1963. — С. 190—203.

8. Новиков Л. А. Эскиз семантического поля / Л. А. Новиков // Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка / Л. А. Новиков. — М., 2001. — С. 554—570.

9. Харитончик З. А. О взаимодействии исконных и заимствованных семантически коррелятивных единиц / З. А. Харитончик // Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність. — К., 2009. — С. 267—275.

О. В. Петров

ЕТИМОЛОГО-СЕМАНТИЧНІ МІКРОПОЛЯ У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

У статті досліджується склад етимолого-семантичного мікрополя, сформованого лексичними одиницями зі споконвічними і запозиченими основами *би(ть)* і *-цид* [лат. *caedere* вбивати] і виокремленого з семантичного поля *позбавити життя кого*. Основи *би(ть)* і *-цид* є вершинами гнізд — відповідно словотвірного і кореневого (змішаного). У середині гнізд між окремими його членами спостерігається семантична співвідносність (*самогубство* — *суїцид*), проте лексичні одиниці мають різний індекс частотності. Утворення на *-цид* взаємодіють також і з іншими конститuentами поля, перш за все, з похідними-прагмонімами, які створені за допомогою тих чи інших словотворчих зразків.

Ключові слова: семантичне поле, етимолого-семантичне мікрополе, споконвічні і запозичені основи, прагмоніми.

A. V. Petrov

ETYMOLOGICAL AND SEMANTIC MICROFIELDS IN RUSSIAN

The article studies the structure of etymological and semantic microfield formed by lexical units with native and borrowed foundations *to beat* and *-cid* [lat. *caedere* to kill] and the isolated from the semantic field *to deprive of life anyone*. Foundations *to beat* and *-cid* are derivational and root (mixed) tops of nests. Inside the nests between their individual members there is semantic correlation (pop. *self-destruction* — *suicide*), but lexical items have different frequency index. Formations on *-cid* also interact with other constituents of the field, first of all, with derivative-pragmonims which are created with the help of some derivation samples.

Key words: semantic field, native and borrowed foundations, pragmonims.

УДК 811.161.2'367.332.7

Г. М. ТРУБА

СТРУКТУРА ФУНКЦІОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧНОЇ КАТЕГОРІЇ СТАНОВОСТІ

Стаття присвячена характеристиці функціонально-семантичної категорії становості та її мікрокатегорій. Розглянуто різні варіанти семантичної класифікації функціонально-семантичної категорії стану та запропоновано альтернативну класифікацію.

Ключові слова: функціонально-семантична категорія становості, мікрокатегорія.

У мовознавстві існує багато спроб класифікувати засоби, зокрема лексичні, функціонально-семантичної категорії (далі — ФСК) становості. Адже відомо, що ця категорія не становить монолітної структури, а складається з багатьох складників, які об'єднані загальною інтегральною семантикою становості. Базовим принципом для виокремлення загальної інтегральної категорійної семи є визначення спільної категорійної семантики ФСК становості, яка у своїй основі ґрунтується на філософському онтологічному понятті стану, на підставі якого можна визначити категорійну семантику ФСК становості з диференційними ознаками гомогенності та тимчасовості, а також граматичними зв'язками предиката із пасивним суб'єктом та відсутністю об'єкта.

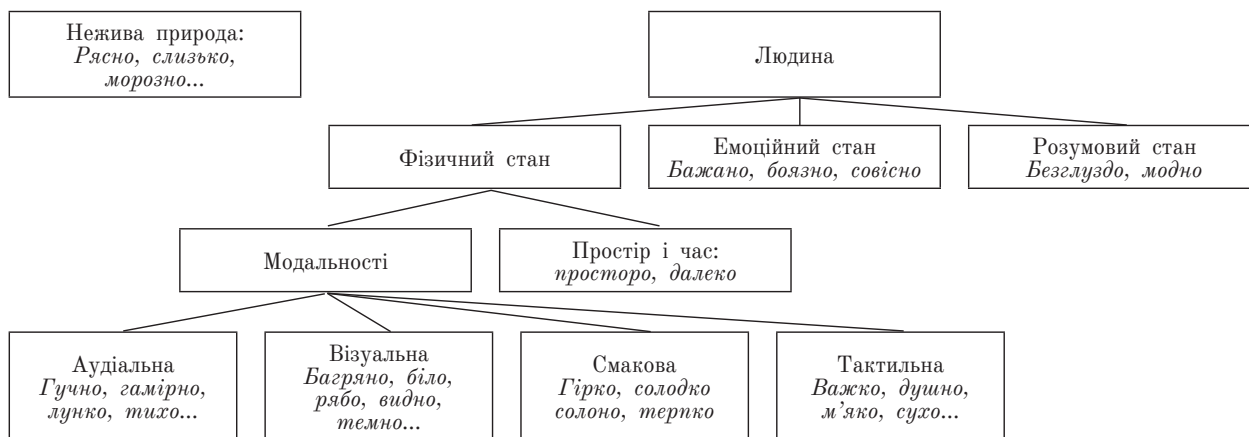
З тієї причини, що в межах речення простежуються інваріантні та варіантні реалізації морфологічних форм, відбувається закріплення системних значень цих варіантів та інваріантів. Тому базовою одиницею для аналізу в функціональній граматиці є речення, а точніше предикативність як основа речення [8: 9]. У даній статті досліджено семи та мікрокатегорії ФСК становості. Під мікрокатегорією ми розуміємо групу слів, яка ґрунтується на частковій функції нижчого рангу, що характеризується меншою абстрактністю.

Розглянемо семантику лексичних засобів ФСК і самі слова в нерозривній єдності з поняттям предикативності та в реченні / висловленні, тому що саме дискурс нерідко стає визначальним для виокремлення семантики становості.

Безперечно, лексичні засоби ФСК становості відбивають вплив дієслова, але динамічний розвиток мови спричинив поширення предикативних ідіом і фраз із граматичним значенням стану [6: 127].

Однією з перших спроб класифікувати значення ФСК становості була класифікація І. Р. Вихванця, який виділяє такі семи: 1) фізичний стан людини: *боляче, млясно, холодно*; 2) емоційний стан, психічні переживання людини: *весело, лячно, радісно*; 3) стан довкілля: *вогко, морозно, спекотно* [8: 128]. Ця класифікація не вичерпує всі функціональні значення категорії становості.

К. Пуганова розвиває концепцію антропоцентричності ФСП та ФСК, тобто концентрації фокусу семантичного поля на людині, і наголошує на тому, що природа концептуальної організації виникає із тілесного досвіду, і саме завдяки цьому виникають абстракції, які, у свою чергу, формують наше мислення, а разом з ним і мовлення. На підставі цієї концепції вона пропонує таку схему:

Розглядаючи ФСК становості як групу „фізичний стан”, що спирається на основні канали перцепції людини, дослідниця відносить до цієї групи такі лексеми: *бучно, лунко, тихо, багряно, біло, зелено, рожево, рябо, блискуче, видно, гірко, солono, солодко, важко, душно, холодно*. Відносно автономністю визначається, за словами К. Пуганової, група просторово-часова: *близько, рано, швидко*. До групи слів на позначення емоційного стану належать лексеми: *радісно, журно, совісно, смутно*. До групи слів на позначення розумового стану — *нерозсудливо, нелогічно* [9: 169—170].

Ця класифікація є досить вичерпною, але вона залишає поза увагою певні мікрокатегорії, про які докладніше йтиметься далі.

Китайська дослідниця Ду Ялі поділяє функціонально-семантичне поле становості на мікрополя:

- фізичний стан природи з центром іменником: *вітер*;
- фізичний стан людини з опозиціями здоровий/нездоровий, молодий/старий, голодний/ситий: *хворіти, лікуватися*;
- інтелектуальний стан особистості: *розум, голова, мрія, свідомість*;
- душевний стан: *страх, відвага, радість*;
- духовний стан (розрізнення духовного та душевного відбувається завдяки твердженню „дух визначає поведінку”): *дух, духовний, зібратися з духом*;
- соціальний стан (мікрополе побудоване на опозиції працюю / безробітний, одружений / неодружений): *багатий, бідний, бродяга, божж, як сир у маслі*;
- політичний стан: *війна, мир, партія, революція* [7: 14—64].

Поділ на мікрополя в цієї дослідниці є досить влучним, хоча приналежність лексем *голова, мрія* та подібних до ФСК становості вельми суперечливе та не відповідає нашій точці зору.

В. Б. Швелідзе у своїй праці виділяє такі групи за значенням:

- слова, які виражають психічний стан суб'єкта;
- слова, які відбивають певний стан розумової діяльності суб'єкта;
- слова, які характеризують фізичний стан суб'єкта;
- слова, які виражають стан руху, діяльності;
- слова, які характеризують положення суб'єкта у просторі, часовий стан [11: 6—7].

На нашу думку, такий розподіл на мікрокатегорії є досить вдалим, хоча знову ж таки він не відбиває всіх функцій ФСК становості.

О. І. Бондар пропонує розрізняти абсолютну становість (іманентну постійність глобальної множини характеристик для певного часового моменту матеріальної системи) та відносну становість (якісну постійність множини характеристик для певного часового інтервалу матеріальної системи за можливих кількісних змін) [3: 195]. Поняття «відносний стан» О. І. Бондар пояснює як безподієву ситуацію, яка може реалізуватися у невласне стані або гомогенній дії [4: 119]. Незалежно від цього поділу вчений пропонує розрізняти такі мікрополя ФСК становості:

- предикати просторового стану: *близько, висіти, людно*;
- предикати фізичного стану як предмета так і довкілля в цілому: *лампочка світиться, йому боляче, тут вогко, у залі тиша, сьогодні мороз*;
- предикати фізичного і психологічного стану, з розмежуванням підтипів фізіологічного: *спати, хворіти, дрижати*; та психологічного: *нервувати, сумно*;
- предикати соціального стану: *Андрій — інженер, Світлана — школярка* [2: 7—8].

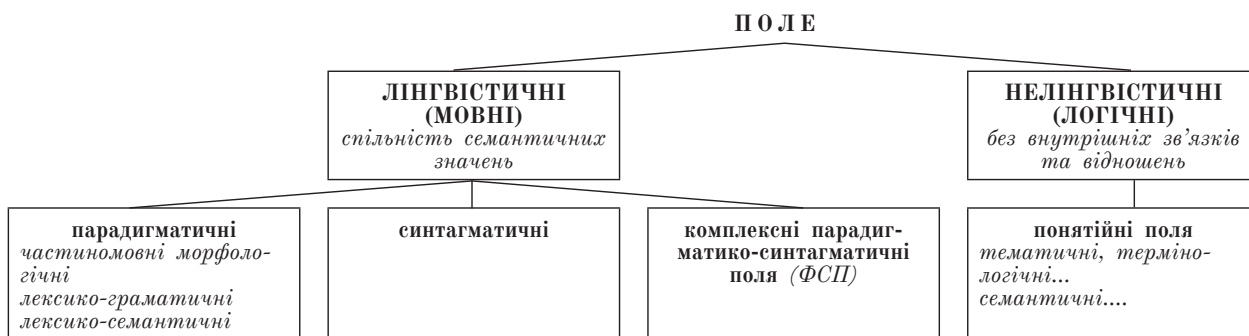
Зовсім іншу класифікацію подано Ф. С. Бацевичем, який вважає, що найзагальнішою опозицією є опозиція *діяльність (усвідомлена дія) / буттєвий стан (неусвідомлена дія)* [1: 11]. Через такий спосіб категоризації семантики слова, що за всіма диференційними ознаками

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ І ПРАГМАТИКИ

відносяться до ФСК становості, у його класифікації належать до різних семантичних мікрокатегорій.

Отже, існує багато спроб класифікувати ФСК становості, і ці класифікації є досить різними і, на нашу думку, не є вичерпними, якщо дивитися на ФСК становості з обраної нами точки зору.

У функціональній граматиці існує два типи побудови поля взагалі: побудова поля від мовних одиниць через їх семантичне значення до системи таких значень, а від них до семантичної структури мови, або вихідними при побудові ФСП (ФСК) є логічні понятійні категорії, які не мають відповідників у мові [5: 41]. Російська дослідниця С. В. Бондаренко зводить всі ці підходи до такої схеми:

Ми виходимо з того, що ФСК становості, як і інші функціонально-семантичні категорії, слід розуміти як двосторонню (змістовно-формальну) єдність, що формується граматичними (морфологічними і синтаксичними) засобами певної мови у поєднанні із лексичними, лексико-граматичними та словотворчими елементами, які відносяться до тієї ж семантичної зони [10: 40]. Отже, ФСК становості ми будемо розглядати як сукупність груп різних за своїм складом одиниць, які характеризуються наявністю спільних інваріантних семантичних функцій, а також структури з чітким членуванням „ядро” — „периферія”, та, безперечно, спільних сегментів досліджуваної категорії з іншими категоріями та полями.

Так, структурно-функціональний принцип будови ФСП (ФСК) дає змогу розглядати ту чи іншу сукупність елементів, незалежно від принципу їх об'єднання (зокрема, принцип інваріантності, функціональний принцип або їх поєднання), як сукупність, яка характеризується певною структурою і функціями [5: 42].

Отже, формальні засоби, що виражають категорійні значення у мисленнєвих інтенціях, перебувають між власне- та позамовними сутностями (понятійними категоріями) і формальними класифікаціями. І, звісно, система формально маркованих категорійних значень не вичерпує всього комплексу понятійних значень.

Одним із можливих підходів до аналізу мовної семантики на рівні висловлювання є аналіз, де головним об'єктом дослідження є категорійна ситуація. При такому підході предметом аналізу стають ФСП (ФСК), які базуються на змістовій структурі, а не на якійсь одній граматичній категорії [10: 100].

Це значить, що ФСК становості об'єднана загальною інтегральною семою стану і вирізняється диференційними ознаками тимчасової гомогенності денотата (або суб'єкта), а також граматичними зв'язками предиката із пасивним суб'єктом та відсутністю об'єкта.

Керуючись усіма принципами, зазначеними вище, пропонуємо виділяти такі мікрокатегорії у ФСК становості:

ФСК становості:

Абсолютний стан:

- 1) просторовий стан;
- 2) соціальний стан:
  - власне соціальний;
  - сімейний;
  - політичний;

Відносний стан:

- 1) фізичний стан людини або речі;
  - аудіальний;
  - візуальний;
  - смаковий;
  - тактильний.
- 2) хвороби;
- 3) інтелектуальний стан;
- 4) фізичний стан природи;
- 5) душевний та духовний стан людини;
- 6) стан внаслідок дії;
- 7) стан внаслідок процесу.

Таким чином, доцільно розрізняти абсолютний і відносний стан, бо хоча поняття становить і має диференційну ознаку 'тимчасовість', та все ж таки абсолютний стан — це, умовно кажучи, лише просторові відношення між речами, оскільки час перетворюється у точку моменту, тобто нуль. Тому до абсолютного стану буде доцільним відносити мікрокатегорію „просторовий стан”, який має ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта» та «просторовий стан»: *знайшовши її тут, у... закутку гігантського цеху, заповненого заіржавілими, схожими на кістяки доісторичних монстрів речами...* [12: 6], *стояли одне від одного страшенно близько, майже впритул і дивилися просто в очі* [12: 15], *мовчки вказав на бетонну трубу навпроти дверей* [12: 16], *дівчина, наче й не рушала з місця, стояла поруч, обличчям до нього, вона здавалась йому якоюсь нестерпно знайомою, знайомою аж до сліз, але усвідомив раптом, що рука в неї справді крижана* [12: 24], *а здавалося, наче вони йшли по коліна в воді проти течії* [12: 25], *неподалік — журнальний столик, стільниця якого вигиналась від пожовклих газет і журналів* [12: 26]. До абсолютного стану ми також відносимо „соціальний стан”, який має такі диференційні ознаки, як «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта» та «соціальний стан». У свою чергу, соціальний стан складається з підмікрокатегорії „власне соціальний стан”: *приготував капучіно, вилкнув радіо і поставив фірмовий диск кафе* [12: 34], *бармен зігнувся під прилавком* [12: 36], *...я стала тим, ким стала... королевою естетичної медицини* [12: 39], *але зараз — це наука краси, і я її покровителька* [12: 39], *амазонки нового часу* [12: 40], *я навіть не здогадувалася, що стану його правою рукою* [12: 41], *він вів групу з двадцяти дівчаток-модельок* [12: 41], *я стала ученицею* [12: 41]; „сімейний стан”: *як старе подружжя, призвичаєне до щоденних ритуалів* [12: 14], та всі назви сімейних та родинних відносин, „політичний стан”: *її короткий чорний плащ нагадав барменові про нацистів і майбутнє, як його зображають у японських манга* [12: 36].

Відносний стан — це не певна координата на часовій вісі, а інтервал, в якому абсолютний стан переходить у інші, за такої зміни міри попереднього стану, коли параметри ситуації залишаються приблизно тотожними: в будь-який момент існує безподієва ситуація [3: 195]. До відносного стану ми пропонуємо віднести мікрокатегорію „фізичний стан”, який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта» та «фізичний стан»: *жінка в чорних окулярах, симпатична смаглявка з перламутровими губами* [12: 35], *намагаючись подолати запаморочення, притиснувши зав'язані за спиною занімілі руки* [12: 6], *а тепер їсти хочеться* [12: 9], *її руки зовсім затерпли* [12: 16], *...руки безбожно боліли, наповнюючи болем усе тіло* [12: 16], *ця жива куля ворушилася і хрумтіла, час від часу відстрілюючи вбік* [12: 24]. Фізичний стан, у свою чергу, поділяється на підмікрокатегорії „аудіальний стан”, який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта» та «аудіальний стан»: *кілька хмарок диму в повній тиші* [12: 16], *бармен дав голосніше музику, щоб не слухати цокання годинника на стіні* [12: 36]; „візуальний стан”, який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта», «візуальний стан»: *волосся позлипалось... і моторошно блищало* [12: 6], *одразу помітив каламутно освітлене широке вікно першого поверху і сприйняв це за підказку ...* [12: 7], *він вів її, тримаючи за лікоть, довгим і темним коридором, підсвічуючи мобільником* [12: 17], *профіль, освітлений синюватим місячним світлом, наче припорошений інеєм* [12: 19]; „смаковий стан”, який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта», «смаковий стан»: *і точно знав, як від цього добре, як приємно [пити] дівчині, незважаючи на страх і біль, і на те, що від води лоскоче і пече поранену губу...* [12: 9], *тільки тонкий запах сигаретного диму в повітрі* [12: 14], *цікаво, вона солоні і гаряча...* [12: 20], *весіллям тут не пахло* [12: 35]; „тактильний стан”, який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта», «тактильний стан»: *...майка наскрізь промокла та липла до тіла...* [12: 13], *пишні чорні кучері, вологі від сирості, важко лягли на чорне кашемірове пальто* [12: 37], *чорнява взяла його долоню в руки. — Як лід* [12: 48]; „стан хвороби”, який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта», «фізичний стан хвороби»: *Він лежатице вже холодний, з фіолетовими, наче після інфаркту, губами (на яких замерло жіноче ім'я: він таки знав його, він його згадав)...* [12: 32], *...перемінні дощі, що тривають з ранку до ночі, — все це змушувало мешканців менше виходити на вулиці, залишаючись вдома наодинці з мігранню й телевізорами* [12: 55]; „стан довколишнього середовища”, який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «гра-

матичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта», «стан довколишнього середовища»: *Запалала тиша* [12: 13], *там, у коридорі, в повній темряві, за товстою заводською стіною він чітко бачив, як вона...почала зводитись на ноги* [12: 13], *зовсім тихо* [12: 14], *крізь вікна — здебільшого без шиб, частково зашиті фанерою — світив місяць* [12: 18], *протяги тут* [12: 18], *і чоловік рішуче протер рукою велике люстро, почорніле від часу* [12: 23], *туман на вулиці підсилював відчуття порожнечі* [12: 34]; «інтелектуальний стан», який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта», «інтелектуальний стан»: *...здивувався чоловік, мокрий і втомлений задухом* [12: 18], *проте зміни не надто сильно його здивували* [12: 21], *не пам'ятаю, — розгублено сказав він, відчувуючи кімнату не менш зацікавлено* [12: 23]; «душевний стан», який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта», «душевний стан»: *і точно знав, як від цього добре, як приємно [пити] дівчині, незважаючи на страх і біль, і на те, що від води лоскоче і пече поранену губу ...*[12: 9], *він ніжно стер слюзи з її щік великим пальцем руки, терпляче і добродушно чекаючи, поки вона заспокоїться* [12: 11], *у мене настрої такий сьогодні, меланхолійний чи що* [12: 11], *вони цокали звідусіль, то заспокоїливо, а то раптом погрозливо, тривожно* [12: 25]; «стан унаслідок дії»: *тоді сперлася плечима до стінки, притиснувши зав'язані за спиною занімілі руки* [12: 6], *...запитав він, розглядаючи її побите лице, розсічену брову і розбиту нижню губу, кров, що запеклась на чолі...* [12: 7], *вона затихла, напружилась і дивлячись на нього спідлоба, не кліпаючи* [12: 11], *він безсило присів на шматок залізяки, і обійняв голову руками і чекав, поки вона заспокоїться* [12: 12], *так вони стояли, не ворушачись, не відводячи поглядів* [12: 14], *від дівчини струменіє прохолода — блакитна така, як із відчиненого холодильника* [12: 18]; «стан унаслідок процесу», який має диференційні ознаки «тимчасова гомогенність денотата», «граматичні зв'язки предиката із пасивним суб'єктом», «відсутність об'єкта», «стан внаслідок процесу»: *знайшовши її тут, у... закутку гігантського цеху, заповненого заіржавілими, схожими на кістяки доісторичних монстрів речами...* [12: 6], *заввичай йому роботу залишали в крихітних тісних кімнатках на найвищому поверсі цього напівзруйнованого закинутого заводу...* [12: 6], *залізні перила, поїдені корозією, перейшли в чудернацькі бортики, наче витесані з мармуру* [12: 21], *...тривожність, що повисла у кафе з самого ранку* [12: 35], *неспокійний запах ладану і зів'ялих квітів* [12: 35].

Отже, у ФСК становості можливо виділити такі підкатегорії: абсолютний стан (та її підкатегорії другого плану: просторовий стан, соціальний стан: власне соціальний, сімейний, політичний) та відносний стан (з підкатегоріями другого плану: фізичний стан людини або речі: аудіальний стан, візуальний стан, смаковий стан, тактильний стан; стан хвороби; інтелектуальний стан; фізичний стан природи; душевний та духовний стан людини; стан унаслідок дії; стан унаслідок процесу).

1. Бацевич Ф. С. Функционально-ономастическая типология русских глагольных предикатов / Ф. С. Бацевич // Русское языкознание. — Киев, 1991. — № 22. — С. 9—16.
2. Бондар О. І. До виділення категорії становості в сучасній українській мові / О. І. Бондар // Записки з українського мовознавства. — Одеса: Одеський національний університет, 2009. — Вип. 18. — С. 3—9.
3. Бондар О. І. Когнітивні ситуації і функціонально-семантичні категорії у зв'язку з проблемою типології предикатів / О. І. Бондар // Науковий вісник Чернівецького університету, 2007. — Вип. 321—322. — С. 194—199.
4. Бондар О. І. Семантична класифікація предикатів на функціонально-когнітивній основі / О. І. Бондар // Мовознавство. — 2009. — № 3—4. — С. 118—125.
5. Бондаренко С. В. Функционально-семантическая категория изменения состояния: глагольные конструкции английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003. — 200 с.
6. Вихованець І. Р. Чи є слова категорії стану / Іван Романович Вихованець // Аспектуальні проблеми граматики. — 1997. — Вип. 2. — С. 127—129.
7. Ду Яли. Функционально-семантическое поле состояния в современных русском и китайском языках: Дис. ... канд. филолог. наук: 10.20.20 / Ду Яли. — Волгоград, 2006. — 176 с.
8. Загнітко А. П. Основи функціональної морфології української мови / А. П. Загнітко. — К.: Вища школа, 1991. — 76 с.
9. Пуганова К. Лексико-семантичне поле „стан” (на матеріалі предикатів української мови) / Катерина Пуганова // Наукові записки: [Кіровоградський держпедуніверситет ім. В. Винниченка]. — 2008. — Вип. 75 (1). — С. 167—170.
10. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. / А. В. Бондарко — Л.: Наука, 1987. — 348 с.
11. Швеллидзе В. Б. Функционально-семантическое поле категории состояния в научно-технической и публицистической литературе: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Швеллидзе Вадим Бидзинович. — Пятигорск, 2005. — 144 с.
12. Декамерон / [Андрухович С., Дереш Л., Дністровий А. та ін.]. — Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2010. — 318 с.

А. Труба

СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Статья посвящена классификации функционально-семантической категории состояния, выделению и описанию её микрокатегорий. В статье подробно рассмотрены разные варианты семантической классификации функционально-семантической категории состояния и предложена альтернативная классификация.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория состояния, микрокатегория.

H. Truba

STRUCTURE OF FUNCTIONAL SEMANTIC CATEGORY OF STATE

This article is devoted to the classification of the functional semantic category of state and description of the microcategories. Different semantic classifications are considered in details and another one is proposed.

Key words: functional semantic category of state, microcategory.

УДК [811.162.1+811.161.2]:373.42/.45:821.162.1(091)“18”(477+438)

Н. М. СОВТИС

РОЛЬ ПОЛЬСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ З ЕТНІЧНИХ УКРАЇНСЬКИХ ЗЕМЕЛЬ У ФОРМУВАННІ ЛЕКСИЧНОГО СКЛАДУ ПОЛЬСЬКОЇ МОВИ ХІХ ст.

У статті розглянуто питання запозичення української лексики до складу польської літературної мови ХІХ ст. Досліджено шляхи проникнення, а також особливості функціонування українізмів. Встановлена роль польських письменників з етнічних українських земель у формуванні словникового складу польської літературної мови.

Ключові слова: українізм, романтизм, лексичне запозичення, польська літературна мова.

З інтенсивним розвитком мовознавчої науки вивчення історично зумовлених взаємозв'язків між мовами слов'янських народів набуває дедалі більшої актуальності. Вчені неодноразово зверталися до проблеми взаємозв'язків між слов'янськими мовами. Однак, як правильно відзначив В. Ташицький, у цій галузі досліджень «нас чекає ще не одна несподіванка» [1, с. 86].

На особливу увагу в польській лінгвістиці заслуговують роботи, присвячені дослідженню мови творів тих польських письменників, які зазнали у своїй творчості впливу української мовної стихії. Серед них праці В. Дорошевського про мову творів Теодора Томаша Єжа, С. Грабця про окраїнні діалектні явища польських письменників ХVІ—ХVІІІ ст., які походили з етнічних українських територій, дослідження А. Болеського, М. Юрковського мови творів Ю. Словацького тощо. Дослідження такого плану мають велике значення, оскільки белетристичний стиль, як зазначав В. М. Русанівський [1, с. 88], був завжди провідним у формуванні національної літературної мови. Проте іншомовні елементи у художній літературі вживаються найчастіше зі стилістичною метою (для вираження відповідних позитивних чи негативних емоцій, для створення місцевого колориту). Разом з тим може зростати кількість слів з комунікативною функцією. За певних історичних умов взаємозв'язки між літературними мовами можуть набувати глибшого змісту, відбувається взаємопроникнення стилістично нейтральної лексики.

Нашою метою є виявлення та аналіз українізмів, які використовують у своїх творах польські письменники з етнічних українських земель, з'ясування особливостей проникнення запозичень та їх функціонування у словниковому складі польської літературної мови ХІХ ст.

Українізмами називаємо власне українські слова, а також запозичення, які проникли до польської мови через українське посередництво.

Протягом певних історичних періодів вплив української мови на польську зазнавав змін. До українського слова зверталися ще старопольські письменники. У їхніх творах виступають не раз українські селяни, козаки, міщани, які говорять цілі монологи українською мовою. Лексичні елементи українського походження інтенсивно використовуються спочатку в пасторальній поезії, де селянські елементи були природними, а згодом відіграють роль елементів високого стилю: *bohater, krynica, sielanka*. Це залишається сталою рисою польської мови до ХІХ ст. У ХІХ ст. носієм української культури в польській мові стає художня література (найбільш інтенсивно

цей процес відбувається у ХІХ ст.). У період романтизму, напевне, більшість читачів знала українську мову, оскільки автори не тільки вводять у текст запозичення з української мови, але й пишуть українською мовою. Слід згадати твори А. Шашкевича, Т. Падури, С. Осташевського, П. Свенціцького тощо. Ставлення до їхньої української творчості не є однозначним, але вони відіграли безсумнівну позитивну роль щодо популяризації української літератури серед польської громадськості.

Звертання польських літераторів до українського слова можна пояснити походженням багатьох письменників з України. Значна частина письменників належала до небагатої шляхти, отже, у спілкуванні з народом їх не відділяли певні бар'єри, і таким чином письменники мали змогу пізнати селянські звичаї, обряди. Багато хто з письменників трактував українську землю як рідну і намагався показати світові її природні та духовні багатства. За межі України також виходить захоплення українською піснею. Українські мелодії стали модними серед поляків і слугували темою для композиторів — таких як Козловський, Ясінський, Коморовський та Монюшко. Істотну роль у польському літературному українофільстві відіграв також політичний фактор. Загальним історіософічним завданням як письменників “української школи”, так і їх попередників періоду просвітництва та передромантизму було простежити причини падіння Польщі та прояснити темні сторінки польсько-українського, шляхетсько-козацького співіснування.

Щодо розвитку польської мови, то в ХІХ ст. польська літературна мова перебувала на такому рівні розвитку, була настільки незалежною від діалектів, що розвивалася, незважаючи на різноманітні політичні, а згодом територіальні перешкоди. Однак навіть у творчості А. Фредра, на думку Б. Залеського, спостерігаємо численні відхилення від загальнопольської норми у вигляді лексичних запозичень з української мови [10, с. 23]. А. Фредро був дуже освіченою людиною, знав кілька іноземних мов. Можна стверджувати, що автор свідомо використовував у прозових творах українізми. Щодо аналізу мови творів Теодора Томаша Єжа, то в 1949 році В. Дорошевський видав працю, в якій проаналізував українські запозичення у творах письменника. Всього було зафіксовано сорок три іменники: *basaman, chatyna, detyna, hładysz, sierotylna* та ін.; сім прикметників: *blahocgestywy, siromaszny, sumny* тощо; сім дієслів: *balakać, merezyc, poduzac* тощо; сім невідмінюваних слів [4, с. 19—27]. На думку В. Дорошевського, зважаючи на походження письменника, а також на значний літературний доробок, запозичень повинно було бути значно більше.

На особливу увагу заслуговує поняття “українська школа”, яке, як відомо, увійшло в історію польської культури. Творцями цієї школи вважають вихідців з Правобережної України: А. Мальчевського (1793—1886), Б. Залеського (1802—1886), С. Гошинського (1803—1876), Т. Падуру (1801—1872) та інших, котрі свого часу навчалися в Уманській школі базиліан та Кременецькому ліцеї. Джерелом написання творів для них були українські народні пісні, легенди, перекази, а також життя українського народу, серед якого письменники провели своє дитинство. Перші твори митців можна схарактеризувати як прагнення до зображення екзотики, регіоналізму, яке згодом переходить у захоплення цікавою і багатю культурою, фольклором сусіднього народу, подекуди навіть туги за втраченою землею. Інтерес до народної творчості, власної історії, а також до причин втрати власної незалежності особливого змісту набуває в час розподілу Польщі.

На підставі аналізу мови творів Б. Залеського Т. Лер-Сплавінський робить висновок, що саме завдяки Б. Залеському та іншим поетам — вихідцям з українських земель велика кількість українізмів отримала право на громадянство в польській мові. С. Гошинський, А. Мальчевський і навіть Ю. Словацький вважали за необхідне вживати українські лексичні елементи, коли зверталися до української тематики: *przyholubić, wyhodować, bajdużyc, porohy, hoże motodyce, czajki, burzany, kurhanu* [2, с. 67].

Значну роль у запозиченні українізмів у польській літературній мові відіграла творчість Ю. Словацького. Українські мотиви найкраще простежуються у творах «Срібний сон Саломеї», «Дума українська» (1826), «Дума про Вацлава Жевуського» (1832). Оригінальне розкриття української теми передбачало введення в художні тексти українських лексичних запозичень. А. Болеський у своїй праці “Słownictwo Juliusza Słowackiego” фіксує близько 120 українізмів: *hreczka, kozak, motodyca, niezabudka, oczeret, step, rozhowor, wataha, sotnik, wertep* і ін. [3, с. 139—140]. Лексема *step* використовується у творах поета 55 разів. Якщо порівняти з іншими письменниками, то у творах А. Міцкевича — 58, у Б. Залеського — 67, якщо порівняти з українською літературою, то у творах Т. Шевченка — 128 [3, с. 53]. Серед зафіксованих українізмів є назви зброї, рослин, транспортних засобів. Переважна більшість зафіксованих українських лексичних елементів увійшла до польської літературної мови: *ataman, burka, chata, dumka, hoży, jar, kozak, step* тощо. [3, 132—135]. М. Юрковський у монографії “Ukrainizmu w języku Juliusza Słowackiego”, звертає увагу на використання у мові творів низки суфіксів під впливом української мови: **-czuk** (*cyganczuk*), **-un** (*rzezun, widun*), **-ycha** (*guslarycha*), **-enka, -enko** (*lutenka, stworzenko, wiszenka*). Часто відбувається зміна роду

іменників: *błyszcz, cień, ciern, ptaszka* (ж. р.), *obrącz, chudzina* (ч. р.), *cudo, drewo* (с. р.) [7, 124—125].

Безумовно, якби українські елементи вживали лише письменники українсько-польського пограниччя, це б свідчило про певну маргінальність явища. Саме тому на особливу увагу заслуговує використання українізмів такими польськими авторами: А. Міцкевичем, М. Конопніцкою, Ю. І. Крашевським, В. Реймонтом, Е. Ожешковою, С. Виспянським тощо. Використання українізмів цими письменниками свідчить про значне поширення українських елементів, а також про більш пізнє запозичення окремих лексем. Деякі назви були введені, щоб надати певного колориту творам або підкреслити походження героїв: *kurzeń, słoboda, rohatyna, łuczyna, kuszcz*, інші — як стилістично нейтральна лексика: *tabun, chmyz*.

Якщо проаналізувати українські запозичення, які проникли до польської літературної мови саме в ХІХ ст., то В. Дорошевський у словнику польської мови [9] подає лексеми, які належать до різних тематичних груп: побутова лексика: *bundz, chołodziec, mataługa, korowaj, kuscja*; флористична та анімальна лексика: *bodiak, chmyz, kuszcz, chmyz, tabun, derkacz*; топографічні назви: *basztan, szahary, halawa, kotbań, lewada, step*; а також дієслівна лексика: *bajdykować, borykać się, buszować, czupurzyć się, czwanić się, haratać, hołubić, kałamucić, ochajtnąć, spatki*. Виділяємо також назви, пов'язані з культурою, звичаями українського народу: *hopak, korowód, kupała, batabajka, baraban, bohomas, widun* тощо. У словниковій статті В. Дорошевського більшість запозичень представлено прикладами з творів польських письменників. Найбільше цитат засвідчено з творів Ю. Словацького, Т. Єжа, деяких інших.

Щодо шляхів запозичення української флористичної та побутової лексики до польської літературної мови, на нашу думку, не слід відкидати ролі письменників, які використовували ці лексеми у своїх творах. Так, на значну увагу заслуговує творчість Б. Діаковського, роль якого у поширенні назв, пов'язаних з навколишнім середовищем, можна порівняти з роллю К. Клюки у більш ранній період.

У творах польських письменників фіксуємо українську лексику, спільнослов'янську, активізовану в польській літературній мові під впливом української: *bodiak, szerep, hataburda, halawa, hopak, kotbań*, а також слова, запозичені українською зі східних та інших мов: *jołop, szumak, basztan, tabun*. У деяких лексемах спостерігається зміна семантики в порівнянні з функціонуванням цього слова в українській мові. Наприклад, *chmyz* фіксується в польській мові з ХІХ ст. зі значенням 'кущі, зарості, гілки', а також 'малий коник, шкапа', 'малий чоловік, непомітний' [5, с. 215; 8, 1, с. 287]. Значну кількість запозичень становлять застарілі слова: *hajdawery, mereżka, hlak, koromysto, łuczyna, spatki*. Деякі називають реалії, які характерні лише для культури, життя та побуту українського народу, тобто їх використання в польській розмовній та писемній мові стилістично обмежене: *hopak, korowaj* та ін. Варто виділити лексеми, які не лише вкорінилися в польській мові, але функціонують у сучасній польській мові та її різновидах як власне польські слова, які у носіїв мови вже не асоціюються з українізмами: *borykać się, buszować, czupurzyć się, hulać, hołubić, korowód, mereżka, tabun, wataha*.

Отже, використання українських елементів польськими письменниками сприяло проникненню українізмів до лексичного складу польської літературної мови ХІХ ст. Деякі з цих слів назажди ввійшли до складу польської мови, інші зникли разом з епохою, що їх витворила. На нашу думку, вплив письменників-романтиків, які походили з етнічних українських територій, назажди залишив у польській літературній мові вагомий лексичний слід, який у поєднанні з більш ранніми українськими запозиченнями став одним із вагомих складових елементів польської мови. На жаль, це був останній період, коли можемо говорити про українську мову в польській літературі або про українські запозичення в польських творах. Лише незначну кількість нових запозичень фіксуємо в польській літературній мові ХХ ст.

1. Русанівський В. М. Польська ділова мова ХVІ—ХVІІ ст. як джерело вивчення її історії взаємин з українською / В. М. Русанівський // Славистичний збірник. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1963. — С. 86—96.
2. Лер-Сплавинский Т. Польский язык / Т. Лер-Сплавинский. — М.: Изд-во иностранной лит., 1954. — 356 с.
3. Boleski A. Słownictwo Juliusza Słowackiego (1825—1849) / A. Boleski. — Łódź, 1956. — 246 s.
4. Doroszewski W. Język Teodora Tomasza Jeża (Zygmunta Milkowskiego) / W. Doroszewski. — Warszawa, 1949. — 417 s.
5. Fałowski A. Wyrazy ukraińskie w najnowszej leksykografii polskiej / A. Fałowski // Krakowskie Zeszyty Ukrainoznawcze. — Kraków, 1995. — Т. III—IV. — S. 209—241.
6. Hrabec S. Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich ХVІ і ХVІІІ w. / S. Hrabec. — Toruń, 1949. — 159 s.
7. Jurkowski M. Ukrainizmy w języku Juliusza Słowackiego / M. Jurkowski // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich. — Wrocław: PAN, 1974. — S. 105—135.
8. Karłowicz J. Słownik języka polskiego / J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. — Warszawa, 1900—1927. — Т. I—VIII.
9. Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. — Warszawa: PWN, 1958—1969. — Т. I—XI.
10. Zaleski J. Język Aleksandra Fredry. / J. Zaleski. — Wrocław, Warszawa, Kraków: PAN, 1969. — 186 s.

Н. Н. Совтыс

**РОЛЬ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ ЭТНИЧЕСКИХ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА**

В статье рассматривается вопрос заимствования украинской лексики в состав польского литературного языка XIX в. Исследованы пути проникновения и особенности функционирования украинизмов. Установлена роль польских писателей из этнических украинских территорий в формировании словарного состава польского литературного языка.

Ключевые слова: украинизм, романтизм, лексическое заимствование, польский литературный язык.

N. Sovtis

**THE ROLE OF THE POLISH WRITERS FROM THE ETHNICAL UKRAINIAN TERRITORIES
IN SHAPING THE LEXICAL BODY OF THE POLISH LANGUAGE**

The article under the consideration deals with Ukrainian lexical borrowings as an inseparable part of Polish literary language in the 19th century. The penetration and peculiarities of ukrainisms are researched in this investigation. The role of the Polish writers from the ethnical Ukrainian territories in shaping the lexical body of the Polish language is being estimated.

Key words: ukrainism, romanticism, lexical borrowings, the Polish literary language.

УДК 811.161.1'[276.12+373.46]

Н. Л. ДРОБЫШЕВА

«ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ» В БЫТОВОЙ ЛЕКСИКЕ

Работа посвящена анализу лексики, описывающей специальные реалии в общей коммуникации. Показано, что для именовании специальных артефактов в общей речи используются многообразные лексические единицы, различия которых со специальной лексикой обусловлены прежде всего особенностями бытового и научного знания.

Ключевые слова: бытовая лексика, специальная лексика, консубстанциональные слова, неопределённые номинации.

В XX веке в специальной литературе активно вводится в оборот тема повседневности, происходит переосмысление значения и роли бытового, общеупотребительного языка. Повседневное знание становится равноправным объектом исследований, и всё чаще речь идёт о взаимодополняемости научного и повседневного знания. Широкую поддержку в различных направлениях гуманитарного знания получают идеи Э. Гуссерля (1859—1938), в соответствии с которыми, в частности, признаётся, что «в основе всех видов специализированной познавательной деятельности — науки — находится не прочный фундамент безусловного знания, но противоречивый «жизненный универсум»» [3, с. 453], являющийся смысловой опорой научного знания. Отмечается, что мир очевидностей повседневного знания взаимодействует с наукой, влиет на неё, являясь её предпосылочной базой.

Повседневное знание о мире — это представления людей о природе, условиях жизни, самих себе, обществе и т. д., складывающиеся в естественном жизненном процессе и общении. Для бытового знания характерны разрозненность, хаотичность, ситуативность, непосредственная очевидность восприятия, наивная картина мира, а также изначальная нерасчленённость. Реальное знание, которым обладают люди в повседневной жизни, составляет фоновое знание социума и используется его членами в качестве универсального знания, пригодного для различных сфер человеческой жизни. Бытовое знание первично в концептуальном отношении. В сфере предметов и явлений повседневного жизненного опыта сложился естественный общий язык, оформились основные понятия, в той или иной степени применимые и для абстрактных теоретических построений языков для специальных целей. Языки для специальных целей являются расширением естественного языка, прежде всего в части терминологии, и используют естественный язык в качестве готового ресурса. Специфика повседневного знания заключается в том, что оно приобретает в процессе обычной жизни и общения, равно как и естественный бытовый язык, представляющий собой вербальный «опыт мира», в который «погружён» человек. В общеупотребительной лексике фиксируется повседневное знание многих людей, отражается множественность картин мира и их интерпретаций.

Мир повседневности — это интересубъективно структурированный, типизированный мир, в котором смешиваются элементы разных смысловых сфер. В соответствии с современными представлениями повседневность и «конечные смысловые сферы», к которым относится и наука, связаны

процессами «оповседневнивания» и преодоления повседневности, а саму повседневность можно рассматривать, по мнению Б. Вандельфельса, «как плавильный тигль рациональности» [1].

Словарный состав обыденного языка отличен от языка науки и техники и в определённой степени противопоставлен ему. Актуальный вопрос, как соотносится общеупотребительная лексика со специальной, связан с проблемой взаимодействия повседневного знания с научно-техническим знанием и профессиональным опытом. В данной статье рассмотрены бытовые аналоги, используемые для именованя тех или иных научно-технических реалий в бытовой коммуникации. Здесь следует особо выделить так называемые консубстанциональные слова [5], которые в силу общности исходных представлений о предмете используются как в повседневной обыденной речи, так и в профессиональной коммуникации без изменения значения. Из повседневной речи в профессиональный язык были заимствованы многие основные лексические единицы, которые составили ядро отраслевой терминологии и явились базой для её дальнейшего расширения, например: *труба, отопление, опора, колодец, топливо, топка* и др. При научном, профессиональном употреблении консубстанциональных слов обнаруживается большая степень проникновения в сущность предмета, которая находит отражение в «скрытой» семантике терминов, при этом научное и обыденное знания интегрируются. Например, слово общеупотребительной лексики *накипь* в статусе термина репрезентирует собой целый ряд характеристик этого явления, неизвестных неспециалисту: *Растворённые в воде бикарбонаты кальция и магния разрушаются под влиянием тепла с выделением углекислого газа и образуют нерастворимых карбонатов, которые, осаждааясь на поверхности котла, образуют накипь. В состав накипи входят карбонаты кальция и магния, а также сульфаты и хлориды этих же катионов. Кроме того, в накипи присутствуют продукты коррозии железа и меди, а также силикаты кальция и магния. Состав накипи влияет на ее прочность. Один из самых трудноудаляемых видов отложений — накипь, в состав которой входят силикаты кремния и т. п.*

Следует отметить, что многие слова общеупотребительной лексики при переходе в профессиональное пространство языка для специальных целей используются в нём в качестве профессионализмов или полутерминов, например: *гнилая труба, ветхая труба, прохудившаяся труба, заплата на трубе* и т. д.; *Работа местных коммунальных служб сводится к латанию дыр; Проблема при эксплуатации старой системы отопления заключалась в том, что регулировочные краны прикипали и не проворачивались; Паркет в этой комнате живой.* В подобных случаях граница между общеупотребительной и профессиональной лексикой имеет размытый характер.

Другим способом пополнения пласта консубстанциональной лексики является процесс детерминологизации. Переход в массовое употребление единиц специальной лексики является мощным языковым явлением настоящего времени. Этому способствуют активные процессы интеллектуализации общества. Переходу единиц специальной лексики в общее пользование способствует наличие тесной связи между отраслевой деятельностью и повседневной жизнью людей, что особенно характерно для отраслей, приближенных к практическим потребностям общества. В результате часть специальных языковых единиц понимается и употребляется неспециалистами и входит в состав общей лексики в качестве общелитературных и обиходных слов, например *радиатор, водопровод, канализация* и др. Детерминологизация сопровождается редукцией, упрощением понятия, как бы приспособлением его к пониманию неспециалистом. Также ослабевают такие качества, как точность, однозначность, границы понятия становятся размытыми, а область применения может расширяться, сузиться или сместиться [6, с. 136]. Наименования технических объектов, представленные в узусе, могут отличаться от наименований, представленных в словарях и нормативных документах, поскольку неспециалисты не владеют всеми названиями разновидностей тех или иных технических объектов. Например, слово *кран* в повседневном употреблении может использоваться также для именованя вентиля, клапана, задвижки или смесителя.

Попадая в общее употребление, отдельные профессиональные слова могут изменить свое семантическое содержание, пополниться дополнительными смыслами, связанными с актуальными потребностями общества, и в итоге приобрести статус широко востребованных и модных общеупотребительных слов. Примерами таких языковых единиц являются слова *джакузи* и *спа* [2], а также гнезда слов, образованных с компонентами *евро-, эко-* и др.

Нередко оформление и интерпретация в общеупотребительном и профессиональном языках одних и тех же предметов и явлений отличается. Тем не менее, варианты таких обозначений сосуществуют и дополняют друг друга, способствуя более полному отражению картины мира: *В присутствии влаги и кислорода воздуха элементарное железо окисляется до трёхвалентного, образуя нерастворимый оксид Fe_2O_3 (процесс известный в быту под названием ржавление). Химики давно знали о том, что ржавчина может использоваться как поглотитель мышьяка. Но только сейчас учёные смогли разработать метод, который позволяет эффективно очищать от мышьяка воду оксидом железа (Fe_2O_3).* Как видно

из примеров, наименования общеупотребительной лексики в основном ориентированы на характерные признаки, определённые с помощью органов чувств, а специальные наименования — на системное видение тех же предметов и явлений.

Типичной представляется ситуация, описанная Л. П. Крысиным на примере из медицинской практики [4, с. 368]. Неспециалисты, сталкиваясь с конкретной профессиональной областью человеческой деятельности, при необходимости используют общеупотребительную лексику применительно к специальным понятиям. Такие ситуации нередки и в отношении к техническим реалиям, например: *Когда я увидел на выставке чёрную банку, через которую проходит изогнутый толстый медный стержень с двумя острыми жалами и рукояткой, то сначала и не понял для чего? Но ребята на выставке мне объяснили, что это — аппарат для контактной сварки.*

Нередко пользователи инженерного оборудования, не владея соответствующей терминологией, придумывают наименования тем или иным приборам и устройствам, которые на правах околопрофессиональной лексики попадают и в язык профессионалов. Например, слово *гармошка* используется в качестве названия конвектора и домохозяйками, и сантехниками, поскольку позволяет чётко идентифицировать данные отопительные приборы по их внешнему виду.

Новые информационные и другие высокие технологии сегодня не только наполняют сферу профессиональной деятельности, но и проникают в повседневную жизнь. Использование автоматки становится обыденным. Привычны и, можно сказать, вошли в обиход неологизмы: *интеллектуальный/умный дом, интеллектуальная/умная техника, интеллектуальный/умный котёл* и т. п. Однако обычный пользователь зачастую имеет смутное представление о том, как функционирует вся эта электроника, начиная от отопительных приборов и заканчивая коммуникационными устройствами. В повседневной разговорной речи по отношению к необходимым артефактам, точное наименование, назначение и устройство которых непонятно говорящему или вызывает у него удивление своей необычностью, могут употребляться слова с размытым и широким значением, слова-диффузы, характеризующиеся неопределённостью семантики. Такие слова могут выполнять различные функции: номинативную, дейктическую, эмотивную. Анализ особенностей языковых единиц с неопределённой семантикой проведён в работах А. Д. Шмелева [7]. В разговорной общей речи наиболее часто используются неопределённые номинации «универсального» типа, как то: *штука, вещь, вещица, дело, штуковина, нюанс* и др.; *Датчик устанавливается под вентилем на пол, и если на него накопало определённое количество воды, он просто перекрывает вентиль. Я сам бы с удовольствием установил в квартире такую штуку.* При употреблении подобных слов происходит их конкретизация с сохранением широкого значения в основе суженного. Группа оценочных неопределённых номинаций устной разговорной лексики (например, *навороты, прибабасы, выкрутасы, фитюля, фигня* и др.) выделяются наличием коннотативных и субъективно-модальных компонентов в семантике, которые могут быть как положительными, так и отрицательными: *Поскольку теплопотребление в доме регулируется собственной автоматикой квартирному теплосчётчика, котёл может быть весьма неприятным (одноконтурным, с простейшей автоматикой) и в несколько раз дешевле котла с программно-электронными наворотами. В конструкции современного модульного дымохода предусмотрены тройник-ревизия, различного рода заслонки и прочие прибабасы. В квартире были установлены окна с фурнитурными наворотами.* В высокой степени эмоционально-оценочными являются слова с размытым значением: *чудо техники, блага цивилизации, предмет мечтаний* и т. п. Такого рода неопределённые номинации не столько характеризуют объект номинации, сколько отражают эмоциональное отношение говорящего к предмету.

Таким образом, лексике, называющей необходимые артефакты в бытовой речи, присуще разнообразие лексических форм. Различия со специальной лексикой прежде всего обусловлены отличиями видов и типов знаний (обыденного и научного, специального знания и профессионального опыта), объективируемого лексическими единицами и особенностями коммуникации.

1. Вандельфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вандельфельс // Социо-логос. Вып. 1 (Социология, антропология, метафизика, общество и сферы смысла). — М., 1991.
2. Дробышева Н. Л. Джакузи или спа? // Русская речь. — 2009. — № 2. — С. 54—56.
3. Кириленко Г. Г. Философия. Высшее образование / Г. Г. Кириленко, Е. В. Шевцов. — М.: Филол. общество «Слово»: Эксмо, 2004.
4. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — М.: Языки славянских культур, 2004.
5. Сорокина Э. А. Консубстанциональные слова как предмет изучения в терминоведении / Э. А. Сорокина // Научно-техническая терминология. — 2007. — Вып. 1. — С. 55—57.
6. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Шмелёв А. Д. Общие слова / А. Д. Шмелёв // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. — М.: Языки славянских культур, 2000. — С. 266—280.

Н. Л. Дробішева

«ПРОФЕСІЙНЕ» В ПОБУТОВІЙ ЛЕКСИЦІ

Роботу присвячено аналізу лексики, що описує спеціальні реалії в загальній комунікації. Показано, що для називання спеціальних артефактів у загальному мовленні використовуються різноманітні лексичні одиниці, відмінності яких від спеціальної лексики зумовлені передусім особливостями буденного та наукового знання.

Ключові слова: побутова лексика, спеціальна лексика, консубстанціональні слова, неозначені номінації.

N. L. Drobysheva

“PROFESSIONAL” NOTIONS IN EVERYDAY SPEECH

The article is devoted to the analysis of the vocabulary describing special notions in communication. The author shows that different lexical units for special artifacts in scientific field are often borrowed from the every day life.

Key words: everyday vocabulary, indefinite nominations.

УДК 811.161.2:81'373.611

А. П. РОМАНЧЕНКО

СПОСТЕРЕЖЕННЯ НАД МОВОЮ «МИСЛИВСЬКИХ УСМІШОК»
ОСТАПА ВИШНІ

У статті проаналізовано окремі мовні засоби, використані Остапом Вишнею в мисливських нарисах, звернуто увагу на особливості метафори, синекдохи, лексичних повторів, іншомовної лексики, спотворення звукового комплексу слова, наголошено на комічному ефекті уживаних мовних одиниць.

Ключові слова: метафора, синекдоха, лексичний повтор, звуконаслідувальні слова, комічний ефект, гумор.

Цикл творів „Мисливські усмішки” неперевершений за своєю майстерністю, тонкістю відчуття рідної природи. Саме цей цикл є найбільш поетичним. І. М. Дузь називає „Мисливські усмішки” справжніми ліричними віршами в прозі і вважає, що вони стоять в одному ряду із „Записками мисливця” І. Тургенєва, пейзажно-мисливськими етюдами й оповіданнями М. Лескова й М. Пришвіна [3, с. 104]. Метою цієї статті є аналіз мовних засобів, за допомогою яких Остапу Вишні вдалося досягти синтезу ліризму та гумору в «Мисливських усмішках» [2].

Усмішка „Вальдшнеп” починається інтригуючим діалогом, суть якого — запрошення і відмова полювати вальдшнепів. Продовжує її автор своєрідною вставною новелою, у якій говорить про свої чисті почуття любові до природи. Ця новела просякнута ліризмом, простотою, щирістю. Остап Вишня використовує метафори, які відтворюють чарівні картини природи: *листя тихесеньку-потихесеньку шепотить; місяць ковшами золото сипле; соловей ридав над коханою, кожне його „люби”, кожне його „цілуй” обгорталося пахощами бузку і конвалій і віночком квітчали трепетне серце його коханої; струмочок із камінчиками грається: підбіжить, плюсне на камінчик, блисне сміхом і побіжить далі; верби думу думають.*

Картини природи, майстерно зображені письменником, слугують своєрідним тлом, на якому відбуваються життєві перипетії. Сама природа гармоніює з почуттями закоханого, який поспішає на побачення, вона доповнює, поглиблює, розкриває образ людини.

Чаруючу природу України змальовано в багатьох усмішках, у них використано поетичні метафори: *сонце вже сковзнуло з вечірнього пруга, минуло криваво-багряний горизонт, поспішало вам останній золотий привіт і пішло спати; рипить Віз, дишель свій униз спускаючи, блідне поволі Чумацький Шлях, а під ожередом плететься чудесне мереживо з мисливських оповідань („Як варити і їсти суп із дикої качки”); сумовито рипить дуб, замислився перед зимовим сном ясен, тяжко зітхає клен, і тільки берізка... білявим станом своїм кокетує; креслять тригонометричні фігури журавлі; річка Оскіл — чудесна річка... з луками, що дивляться на світ божий незчисленними очима-озерами, порослими зеленими-зеленими шовковими віями („Заєць”); застрибали по сліпучо-білій ковдрі мільярди діамантів („Лисиця”).*

Розрізняють метафори первинної і вторинної номінації. Метафори вторинної номінації є мовностилістичними зворотами, якими досягають певного виражально-зображального ефекту [1, с. 212]. Отже, метафора вторинної номінації є дієвим виражально-зображальним засобом в усмішках.

Переносне значення може творитися не тільки внаслідок метафоризації, а й внаслідок метонімізації, під час якої форма мовної одиниці переноситься з одного предмета, явища, дії чи ознаки на інший за суміжністю [1, с. 213], тобто на основі тісного внутрішнього чи зовнішнього зв'язку між зіставляваними поняттями [7, с. 45]. Різновидом метонімії є синекдоха, яка передбачає суміжність частини й цілого [5, с. 113]. Виокремлюють три основи для синекдохи [1, с. 214]. У мисливських оповіданнях Остапа Вишні зафіксовано такі приклади синекдохи, основою якої є істотність частини у структурі цілого об'єкта. Це пояснюється мисливською тематикою усмішок, оскільки тут фіксується суміжність цілого як об'єкта чи учасника полювання та його частини. Напр.: *...лисицю полюємо виключно через її знамените хутро, що має на жову назву — горжетка.... Покотила горжетка через яр, і ви бачите, як майнула біла китичка на її хвості у ліщині по той бік яру („Лисиця”); Ви уявляєте собі, коли ціла зграя гончаків іде слідом за зайцем, ніби якийсь оригінальний, ні в якій філармонії не бачений і не чуваний, оркестр. Заливається флейта, трубить з переливами трубач, рывкає бас, гуде баритон... (за голосами собак — „Заць”)*.

Підготовка до полювання або сам процес часто супроводжується ліричними відступами, у яких Остап Вишня описує місцевість, один із куточків рідної України. Це може бути ліс, поле, річка. В усмішці „Лось” письменник не може оминати чарівної природи лісу: *„А навкруги казкові шати — сніговим шаром уквітчані віти дерев, а пеньки з височенними на них сліпучо-блими шапками, мов зустрічають вас старовинні бояри у фантастичних володіннях царя Берендея”, в усмішці „Лебідь” звертає увагу читача на краєвиди Змієва, що на Харківщині:... лворуч зеленітимуть заливні луки, зелені вони, ті луки, зелені та запашині, уквітчані й ромашкою, і конюшиною, і дзвіночками, а іноді серед зеленої соковитої трави червоно горітиме квітка степового тюльпана або дикого маку.* Тематика пейзажів у гумориста-лірика різноманітна, але переважає лісовий, польовий і степовий пейзаж.

Природа в Остапа Вишні жива, динамічна. Птахи і звірі такі ж дотепні, як і мисливці. Їх мова, на якій чудово знається автор, створює яскраві слухові образи. Це і щебетання жовтобрюшки, підпадомкання перепела, стукіт дятла, і тівлікання щиглика, дирчання деркача, гра на флейті іволги. Чи не в кожній усмішці аналізованого циклу автор широко вживає звуконаслідувальні слова: *ках-ках-ках!* („З крякухою на озері”, „Сом”), *хор! хор! хор!* („Вальдшнеп”), *пать-падьом! сюр-сюр! ха-вав!* („Перепілка”), *фіть-фіть-фіть!* („Відкриття охоти”).

Звуконаслідувальні слова, які відтворюють звуки тварин, а також ті, які відтворюють звуки доквілля, є важливим стилістичним засобом для створення ефекту безпосередньої участі в подіях. Стилістичний прийом створення звукового фону за допомогою звуконаслідувальних слів використовується в будь-якому художньому творі як „додатковий до понятійно-предметної семантики тексту засіб звукової виразності, що конкретизує для акустичного сприймання якість одне явище або його ознаку, вже описану за допомогою інших мовних одиниць, і таким чином актуалізує її” [6, с. 383]. За допомогою майстерного використання гумористично забарвлених звуків тварин Остап Вишня створює узагальнений образ «усміхненої» природи.

У „Мисливських усмішках” звуконаслідувальні слова вживаються в розповідних або описово-розповідних частинах. Напр.: *В ці часи ви чуєте і над собою, і перед собою, і за собою, і праворуч, і лворуч шум — свист качиних крил. Ви і сюди — бах! і туди — бах! і отуди — бах! Ах, незабутні хвилини („Як варити і їсти суп із дикої качки”); Не ліс там у загонициків, а пекло. — Га-ла-ла! Тю! Го-го! Ух! Ох! Та-ра-ра-ра! („Вовк”); Коли хтось по потилиці мене як шарахне, так я своїм лобом об козинячий тільки — лусь! А в очах огники тільки — блись! Отямився, а переді мною лісничий („Дика коза”); Докучай, почувши зайця, спочатку дає легесеньке „скаву-скаву”, а потім спокійний „гав” і далі рівномірне „гав”, „гав”, „гав”... („Лисиця”);... і як у вас рогатина — трісь! — а ви хапаєте другу рогатину і прямо ведмедеві в груди! Аж тут друга рогатина — трісь! Ви тоді — за третю! („Ведмідь”); Я — смик! А волосінь — дзень! А я в воду з усіх ніг — ляс! І — по шию! („Лебідь”). Повторення звуконаслідувальних слів надає твору експресивності та підсилює гумористичне забарвлення.*

Звірі й птахи в Остапа Вишні можуть навіть розмовляти, напр.:... *поранений кабан — звір страшно лютий, він кидається на охотника, з розгоною всаджує йому своє страшне ікло прямо в пуп і з криком „Ага, попавсь!” поре мисливця по черевній білій лінії од пупа вгору до грудей („Дикий кабан, або Вепр”);... вона (крякуха) „кричить”, „крякає”, закликаючи літаючих своїх родичів присісти до неї познайомитися. — Ках! Ках! Ках! Пожалуйте до мене! Ках! Ках! Ках! Дуже вас прошу! Ках! Ках!* („З крякухою на озері”). Не тільки живих істот розуміє мисливець-письменник: *Перед вами стіна густого-прегустого комишу, який ніби посміхається з вас: — Ну, що — знайшов? Ш-ш-ш! — кепкуючи, шарудить очерет („З крякухою на озері”).*

Часто Остап Вишня вдається до повтору як стилістичного засобу. Напр.: *Собака в мене був, ох, і собака, гончий собака! Так він й ув'язався за гагарою! Гонить і гонить, гонить і гонить! А я на горбочку стою і все бачу! Вона не дуже й тікала. Стане, собака до неї*

не пригадую, чи після турецької війни, чи після гапонської („Дика гуска”); Щоб не збрехати, було це якраз тоді, як вишло замирення з Гапонією (Японію дід Круча уперто називав Гапонією, а японців — гапонцями). Почали в нас тоді, пам’ятаю, панські якономії палити („Шука”). До цього ж типу спотворень віднесемо й ті, що виникли внаслідок взаємодії українських і російських слів. Вони наявні чи не в кожній усмішці. В усмішці, що розпочинає аналізований цикл, Остап Вишня використовує слова *горлушко, донушко, болбьожка*. В усмішці „Дикий кабан, або Вепр” наявний такий монолог: — *Сікача вчора стріляв! Іду, знаєте, очеретом, коли чую, щось сопе! Дивлюсь, а воно, як гора! Я зразу думав, що паровик обтікаємої форми зійшов з рейок і болотом котить. Придививсь — а воно сікач! Я звичайно не розтерявся...*

В усмішці „Бенгальський тигр” йдеться про те, як потрібно полювати на тигра, що водиться в Бенгалії. Автор вводить читача в інший, незнайомий йому (читачеві) світ поступово, пояснюючи, як дістатися джунглів: *На Бенгалію з Києва треба їхати так. Як минете Мотовилівку, Васильків і Фастів, — беріть не на Бердичів, а на Жмеринку. Потім на Вапнярку, Роздільну і доїздить до Одеси. З Одеси на Дарданелли, потім на Суецький канал, звідти вже не так далеко до Індії. Приїхавши в Індію, питаєте, як вам пройти на Браманутру... Між Браманутрою і Гангом, у джунглях, найбільше плодиться бенгальських тигрів.*

Власне іншомовна лексика зрідка вклинюється в слов’янську тканину творів Остапа Вишні. Як правило, це слова з виразним іншомовним забарвленням, що контрастують із загальним рідномовним колоритом. У названій усмішці автор вживає варваризми *гуд бай! ієс!*, в усмішці „Дрохва” — *lege artis (по-мистецькому)* для надання колориту зображуваного середовища або для посилення експресії.

У своєрідній авторській обробці з’являються на сторінках творів слова *шокінг, дендя* („Дикий кабан, або Вепр”), *плед-рядно, сер Данило* („Реготуни”). Усі згадані вище іншомовні слова підпорядковуються гумористичному змалюванню полювання і всього, що з ним пов’язане. Засвоєння та власне іншомовна лексика як групи іншомовних слів не вступають у контраст із слов’янським тлом оповіді.

Важливу роль у творах Остапа Вишні відіграють неологізми та оніми, які викликають комічний ефект. Напр.: *кнур-індивідуаліст, кнур-поміщик, соменята, щученята, щупаченята, щупелята, пойнтереня, щуки-монстри, Кіндрат Калістратович Моргниоко, Каленик Тимофійович Триндипляшка, Максим Тудистрибни*.

Заворожує читача багатство ужитих фразеологічних одиниць, народних приповідок, каламбурів та висловів, які відзначаються неочікуваним авторським висновком. Про фразеологічні одиниці у творчості Остапа Вишні не раз уже згадували дослідники. Нашу увагу привернули приповідки, каламбури, парадокси, діалоги, що схожі на фразеологічні натяжки. Наведемо приклади: *Ні в його папи, ні в його мамі сетер у крові й не ночував* („Бекас”); *Юрій Васильович Шумський, чудесний артист і чудовий охотник, — дехто, приміром, каже, що він охотник кращий, ніж артист, дехто тої думки, що з нього, навпаки, артист далеко кращий, ніж охотник, а ми — такого погляду, що коли він такий охотник, як артист, то таки справді він прекрасний охотник...* („Дика коза”); *Оце вчора приїздила звідтам молодиця, так казала, що її свекрові кум казав, що кумова баба чула од свахи, що та сама бачила, як коноплі мочила, що нема куди через ту качву коноплини ткнути!* („Відкриття охоти”); *Собаки вони своїми іклами одним ударом січуть на бєфстроганов, а охотник, як побачить сікача, зразу бере на мушку або дуба, або грушу і сидить там тихий, як горличка* („Дикий кабан, або Вепр”); *Підкрадатися треба дуже обережно і дуже далеко.... Останні зусилля, це метр — і дрохви... здійснюються й летять!* („Дрохва”); *Заполював гуску мій приятель, бо в нього було більше набойів, а я свої гроші вдома забув* („Дика гуска”); — *Три роки дьку гуску полював!... — Три роки? Як це — „три роки”? — А так! — З рушницею? — Та де там!! — А з чим? — З ізоляцією!* („Дика гуска”).

Усі мовні засоби Остапа Вишні підпорядковуються літературному й життєвому кредо — „оберігати, пильнувати і любити все живе і корисне, все, що прикрашає людське життя”. У рядках усього мисливського циклу — безмежна любов до рідного краю, природи, у них — „поетична схвилюваність і романтична піднесеність оповіді, філософські роздуми і народна мудрість, дощепність і простота та щирість” [4, с. 144].

У наступних розвідках детальніше зупинимось на аналізі лексичного і фразеологічного багатства мови мисливських усмішок, на стилістичних прийомах та фігурах, використуваних письменником, адже вони сприяють створенню комізму, гумористичного ефекту в його творах.

1. Бондар О. І. Лексикологія / О. І. Бондар, Ю. О. Карпенко, М. Л. Микитин-Дружинець // Сучасна українська мова: Фонетика. Фонологія. Орфоєпія. Графіка. Орфографія. Лексикологія. Лексикографія: навч. посіб. — К.: Академія, 2006. — С. 195—294.

2. Вишня О. Твори: В 4 т. / Остап Вишня. — К.: Дніпро, 1989. — Т. 3: Усмішки, фейлетони, гуморески, 1944—1950. — 398 с.

3. Дузь І. М. Вивчення творчості Остапа Вишні в школі / І. М. Дузь. — К.: Рад. школа, 1970. — 127 с.

4. *Дузь І. М.* Остап Вишня: нарис про творчість / І. М. Дузь. — Київ — Одеса: Вища школа, 1989. — 184 с.
5. *Карпенко Ю. О.* Вступ до мовознавства: підруч. / Ю. О. Карпенко. — Київ — Одеса: Либідь, 1991. — 290 с.
6. *Мацько Л. І.* Стилїстика української мови: підручник / [за ред. Л. І. Мацько]; Л. І. Мацько, О. М. Сидоренко, О. М. Мацько. — К.: Вища школа, 2003. — 462 с.
7. *Пономарів О. Д.* Стилїстика сучасної української мови: підручник / О. Д. Пономарів. — К.: Либідь, 1993. — 248 с.
8. *Пришва Б. Г.* Прийоми словесного комізму в творах Остапа Вишні / Б. Г. Пришва // Мовознавство. — 1976. — № 1. — С. 69—72.

А. П. Романченко

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ «ОХОТНИЧЬИХ УЛЫБОК» ОСТАПА ВИШНИ

В статье анализируются некоторые языковые средства, используемые Остапом Вишней в охотничьих очерках. Обращается внимание на особенности метафоры, синекдохи, лексических повторов, иностранной лексики, искажения звукового комплекса слова, особое внимание уделено созданию комического эффекта языковыми средствами.

Ключевые слова: метафора, синекдоха, лексический повтор, звукоподражание, комический эффект, юмор.

A. P. Romanchenko

OSTAP VYSHNYA'S "HUNTING SMILES" LANGUAGE OBSERVATION

The article deals with the analysis of some linguistic means used by Ostap Vyshnya in hunting essays. The author of the article pays attention to the peculiarities of metaphor, synecdoche, lexical repetition, foreign words which help to make a comical effect of the essays.

Key words: metaphor, synecdoche, lexical repetitions, comical effect.

УДК [811.161.1+811.161.2+811.112.2]’373.222/612.2

Ю. С. ФЕДОТОВА

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗООНИМА ‘СОБАКА’ (на материале русского, украинского и немецкого языков)

В статье рассматриваются проблемы специфики выбора образного средства как особого вида номинации зооморфизмов. Показано, что в этой лексической группе обнаруживаются как универсальные черты, так и специфические, идиоэтнические.

Ключевые слова: зооморфная метафора, зооморфизм, национальная специфика, картина мира.

Язык исследуется сегодня не только в своей основной коммуникативной функции, но и как предмет познания человека и общества в целом. Он помогает раскрыть представления древних людей о мире, а также современную ментальность нации. Да и человек теперь рассматривается не только как носитель языка, но и как представитель национальной культуры, обладающий определенным менталитетом, субъект познающий и оценивающий. Таким образом, антропоцентризм стал ключевой тенденцией в развитии лингвистики XX и начала XXI вв.

В этом аспекте и зоонимическая лексика как неотъемлемая часть каждого языка представляет собой чрезвычайно интересный и самобытный лексический пласт. Для раскрытия культурного содержания зооморфизмов представляется интересным описание языковых символов, стереотипов, эталонов, включающих зоонимы.

Некоторые учёные, в частности Ф. Н. Гукетлова, рассматривая зоонимы в лингвокультурологическом и этнолингвистическом аспектах, говорят о «зооморфном коде»: «Так как все эти ментальные структуры представляют собой окультуренные объекты, они причастны к культуре и обозначены в языке. Окультуренные смыслы в своей совокупности и образуют коды культуры. Любой культурный код предполагает наличие определенной семантической нагрузки, наличие маркеров, которые не каждый раз дешифруются носителем языка, а усваиваются им не только на основе собственного опыта, но и как унаследованные общенациональным культурным опытом» [3: 10]. Эти коды в языке считают универсальными, что не отменяет национального своеобразия зоонимической лексики.

Животные на протяжении всей истории человечества являлись неотъемлемой частью жизни людей. В мифопоэтической картине мира животные выступают символами. Впитывая характери-

стики, которыми наделил их человек, животные в соответствии со своей символической ролью становятся эталонными носителями этих качеств и характеристик. Употребление зоонимической лексики повсеместно и частотно, так как зооморфизм очень ёмок, самодостаточен сам по себе и позволяет высказать одним словом своё отношение к человеку: «Баран!», «Осёл!», «Хрюша!» и т. д. При этом говорящий, «помещая» характеристику человека в зооморфизм, не даёт прямой оценки, что снимает с него определённую ответственность за высказывание. Поступки людей становятся абсолютно открытыми для моральных оценок. Это важное свойство зооморфизмов подметили ещё в глубокой древности. Им активно пользовались баснописцы (Эзоп, И. А. Крылов и др.).

Зоолексемы, описывающие человека, не раз становились предметом лингвистического исследования. В частности, в последние годы этот пласт лексики рассматривается в работах российских учёных А. А. Киприяновой, Ц. Ц. Огдоновой, О. В. Галимовой и др. Но, как отмечает О. Галимова, и до сегодняшнего дня нет единой точки зрения даже относительно терминологии [2: 12]. Наиболее употребительным в лингвистике является термин «зооним». Некоторые учёные используют его как обозначение животного, живого существа, относящегося к миру животных, к фауне. Другие считают, что вряд ли можно применять данный термин для наименования животных, так как он традиционно употребляется в значении «собственное имя (кличка) животного как объект лингвистического изучения» [10: 257]. Так, одними из разновидностей зоонимов являются кинонимы — клички собак — и фелинонимы — клички котов [15: 194].

В. В. Морковкин полагает, что термин *зооним* является не вполне удачным: помимо неоднозначности, у него есть и другой недостаток. Присвоение некоторому слову квалификации «зооним», по мнению этого лингвиста, заслуживает то обстоятельство, что данное слово, наряду с собственно анимальным значением, может соотноситься и с денотатами, которые животными не являются. Кроме того, *зооним* может выступать в качестве исходного лексико-семантического варианта многозначного слова, а может быть одним из производных лексико-семантических вариантов такого слова. Именно по этой причине В. В. Морковкин предлагает такие термины, как *зоолексема* и *зоонимосодержащая лексема*. *Зоолексемой* он называет лексическую единицу, которая в исходном значении выступает в качестве названия определённого животного (напр., *слон*) [6: 25]. Встречается также термин *зоосемизм* (А. А. Киприянова) [5: 261].

Под *зоонимом* (*зоолексемой*) мы понимаем слова, обозначающие представителей животного мира, в том числе *анимализмы* — слова, образованные от названий животных, и *зооморфизмы* — названия животных в образном, метафорическом переосмыслении, употребляемые для характеристики человека. Их значения реализуются в составе идиом. Зооморфизмы интересуют нас как многомерное явление, способное покрывать участки объективной действительности, связанные с характеристикой социальных и психологических особенностей человеческой личности.

В статье мы рассматриваем зоонимы — лексемы, извлечённые методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей русского, украинского и немецкого языков, причём к фразеологическим единицам вслед за Н. М. Шанским относим пословицы и поговорки.

Сопоставительное исследование зоонимов, употребляемых в переносном значении в составе устойчивых сочетаний, представляет несомненный научный интерес прежде всего для описания национальной языковой картины мира, так как любое сравнение языков приводит к установлению трёх основных свойств: всеобщих, сходных и отличительных. Как справедливо писал В. фон Гумбольдт, нельзя «...в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные отличия которых, с одной стороны, собственно и сформировали этот характер, а с другой стороны, единственно и позволяют полностью его понять...» [4: 319].

Метафора, универсальное средство познания и обобщения действительности в окружающем мире, является ключевой составляющей нашего исследования. Ведь рассмотренные нами зооморфизмы метафоричны по своей природе. Зооморфная метафора, моделируя языковую картину мира, прочно закрепляется в лексическом и фразеологическом фонде языка.

В. Г. Гак подчёркивает необходимость выявления «...закономерности переноса понятий из одной сферы в другую, отражающуюся в изменениях значений слов» [1: 18]. Например, названия животных при перенесении на людей обычно обозначают их внешний вид или черту характера (*лошадь*, *медведь*, *осёл*, *мокрая курица* (*о человеке*) и т. п.). Это, по мнению учёного, «чрезвычайно ценно для лингвистики, психологии, теории познания...» [1: 18]. Языковой материал, собранный методом сплошной выборки, показывает: наименование домашнего животного, живущего бок о бок, а порой и под одной крышей с человеком, встречается в речи наиболее часто как в номинативном, так и в переносном значении. По количеству переносных значений первое место занимает слово *собака*. Оно является объектом исследования в данной статье.

Образ **СОБАКИ** в русском языке многозначен. Он включает в себя как положительные, так и отрицательные характеристики человека. *Перен.*, *разг.* О злом, грубом человеке [Ож: 642]. *Прост.* Употребляется как бранное слово. *Прост.* Употребляется как выражение одобрения,

восхищения кем-либо [МАС, т. 4: 168]. По нашему мнению, неоднозначность образа *собаки* объясняется тем, что собака — одно из немногих животных, входящих в дом человека. Такое близкое соседство позволило носителю русского языка постоянно наблюдать за этим животным, подмечая в нем как положительные, так и отрицательные качества его характера. Из одобрительных характеристик *собаки* можно выделить такие семы, как *'разумный'*, *'верный'*, *'имеющий острый нюх'* и *'тонкий слух'*. Собака добрая и стережёт дом. Большинство таких переносных значений выступают в речи в форме компаративов: *верный как собака*, *как собака в глаза заглядывает*, — что свидетельствует о безоговорочной преданности этого животного. *Нюх как у собаки* — сверхострое обоняние. *Как побитая собака* — идти за кем-либо, уходить от кого-либо, возвращаться к кому-либо, смотреть на кого-либо с угнетённо-покорным, виноватым видом, с гнетущим чувством оскорблённого самолюбия. Кроме положительных характеристик, носитель русского языка подметил в животном и отрицательные качества. Г. М. Скляревская отмечает, что «гавкает» и «кусают» трансформировалось в переносное значение «злой», «жестокий» [7: 56]. Но это далеко не все негативные коннотации, встречающиеся в русском зоологизме *собака*. Можно выделить сему «ссора» в устойчивых словосочетаниях *лаяться как собака* — грубо разговаривать, ругаться; *рычать на кого-либо как собака* — грубо, зло говорить, выражать недовольство; *грызться как собаки* — ссориться, ругаться. Кроме того, в зооморфизме *собака* в русском языке очень чётко прослеживается концепт «недостойность» в устойчивых словосочетаниях *как собак нерезаных*, *всех собак вешать*, *голодный как собака*, *ни одна собака не посмотрит* (имеется в виду не то, что человек, а даже собака!). Противопоставление *человек — собака* вполне объяснимо. Ведь это животное должно подчиняться человеку. А это значит, что собственной воли у него нет. *Собака* ниже человека, несмотря на то, что живёт с ним под одной крышей. Ведь говорят же *ну что ты как собака привязался!* (ходишь за кем-либо и т. д.). Сема «недостойность» зафиксирована и в украинском языке. Ср.: *Не для пса ковбаса*. Тут *пес* — «человек, который не достоин чего-либо».

Как известно, важным для актуализации конкретного значения является конкретный контекст или конкретная коммуникативная ситуация. *Щенок* (рус.): «неопытный, незрелый в делах, ни на что не способный человек» — в одном контексте, в другом — «резвый, весёлый».

Отметим, что метафорические значения лексемы *собака* в русском и украинском языках практически совпадают. Это свидетельствует о схожести процессов восприятия и познания окружающей действительности русскими и украинцами. Причём чаще всего фразеологический образ «соотносится с зооморфным кодом культуры, т. е. совокупностью обусловленных культурой стереотипных представлениях о свойствах, характеристиках, особенностях поведения животного» [8: 297—298].

Слово *собака* в немецком языке также многозначно. Это и «домашнее животное» и зоометафорическое «человек». Идентичными являются и многие русско-немецкие фразеологизмы: *верный как собака* — *treu wie ein Hund*, *работать как собака* «точно, правильно, выполняя все поручения» — *ein scharfer H. sein*, и от такой работы (*собачьей работы*) «уставать», (смертельно) «уставать» — *müde wie ein (sein) H., tod müde sein*. Однако необходимо отметить, что в сравнении с русским и украинским немецкое *der Hund* не имеет в своём значении такой амбивалентности. образу собаки немцы приписывают скорее негативные характеристики. Ср. такие немецкие фразеологизмы: *ein scharfer Hund* «злой как собака», *ein dicker Hund* — разг. «грубая ошибка» *wie ein geprügelter Hund* «угнетённый, полный стыда», *j-d etw. geht vor die Hunde* «погибнуть пропасть, разориться». Собакой носители немецкого языка называют волны на море *wieße Hunde* и строгого судью *scharfer Hund*, чего нет ни в русском, ни в украинском языках. Среди выделенных негативных сем немецкого *der Hund* можно отметить следующие: «глупость» (*ein blöder H.*), «лживость» (*ein falscher H.*), «подлость» (*ein gemeiner H.*), «предательство» (*dieser H. von einem Verräter*), «трусливость» (*ein feiger H.*), «упрямство» (*ein sturer H.*).

Зооним *собака* входит во многие фразеологические единицы немецкого языка, имеющие русские соответствия: *wie H. und Katze leben* (*жить, как кошка с собакой*); *Hunde, du bellen, bleißen nicht* (*собака лает, но не кусает*); *er ist bekannt wie ein bunter [scheckiger] Hund* (*человека каждая собака знает*). Встречаются фразеологизмы, в которых зооним *собака* присутствует только в немецком: *getroffener Hund bellt* (*на воре и шапка горит*); *mit allen Hunden gehetzt sein* (*пройти огонь и воду (и медные трубы)*) — *быть стреляной птицей*). Нами обнаружены и такие русско-немецкие фразеологические соответствия, в которых лексема *собака* встречается только в русском: *er versteht sich darauf* (*на чём-либо собаку съест*) и др.

Мифологическое сознание этносов отражается в различного рода немецких и русских приметах, присказках: *Hunde, die bellen, beißen nicht; stumme Hunde beißen gern* (*не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой*); *тихая собака нуще кусает*; *der einsame Hund hüte sich, gegen die Wölfe zu bellen* (*не годится одинокой собаке лаять на волчью стаю*) и др. [Duden 1997: 1651—1653; Duden 1963: 376—379].

Образ *собаки* в немецком языке формируют такие семы как «глупость», «лживость», «подлость», «преданность», «предательство», «трусливость», «упрямство» (о человеке).

Наблюдения показывают, что признаки, которые формируют образ *собаки* в русском и немецком языках, в основном совпадают. Однако следует отметить, что немцы словом *собака* называют более широкий круг предметов, явлений окружающей действительности: не только животное и человека, но и, например, волны на море. Несомненно, совпадение признаков, формирующих стереотипные метафорические образы *собаки* в русском, украинском и немецком языках, объяснимо как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Среди них наиболее существенными являются родственные связи этих языков, принадлежность их к одной языковой семье; давняя прирученность, одомашнивание собаки; распространенность этого животного на территории России, Украины и Германии, а также общие сюжеты мифологических и фольклорных русских, украинских и немецких текстов.

1. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак. — М., 1988.
2. Галимова О. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О. В. Галимова. — Уфа, 2004. — 309 с.
3. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков) / Ф. Н. Гукетлова. — М., 2009.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры В. Гумбольдт. — М., 1985.
5. Киприянова А. А. Об ассоциативной семантической нагрузке зоосемизмов А. А. Киприянова // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. — М., 1998 — Т. 1. — С. 260—262.
6. Морковкин В. В. Русские зоонимы в комплексном лингвистическом рассмотрении / В. В. Морковкин, А. В. Бонифилд, Инкуй Чжан // Русистика сегодня. — 1999. — № 3—4.
7. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярская. — СПб., 1993.
8. Большой фразеологический словарь русского языка. Значения. Употребления. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2006.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1989—1991. — Т. 1—4.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М., 2001.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1991.
12. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой — М., 1985—1988.
13. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — М., 2004.
14. Словник української літературної мови. — К., 1972. — Т. 3.
15. Українська мова: Енциклопедія. — К., 2000.
16. Der Große DUDEN — Etymologie / Dr. phil. Habil Paul Grebe. — Mannheim, 1963. — Т. 7.
17. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. — Mannheim, 1997. — Band II.
18. Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Herausgeber prof- Dr. Dieter Götz, Günter Haensch, Hans Wellman- München, 2008.

Список сокращений

Ож. — Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1991.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985—1988.

Ю. С. Федотова

МЕТАФОРИЧНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ЗООНІМУ ‘СОБАКА’

(на матеріалі російської, української та німецької мов)

У статті розглядаються проблеми специфіки вибору образного засобу як особливого виду номінації зооморфізмів. Показано, що в цій лексичній групі можна виявити як універсальні властивості, так і специфічні, ідіотнічні.

Ключові слова: зооморфна метафора, зооморфізм, національна специфіка, картина світу.

Iu. S. Fedotova

METAPHORICAL POTENTIAL OF ZOOMORPHISM ‘DOG’

(on the basis of Russian, Ukrainian and German)

The author touches upon the problem of choosing expressive means specificity as a particular kind of zoomorphism nomination, and he shows that in this lexical group universal and specific, ethnic characteristic features can be found.

Key words: zoomorphism, national specificity, linguistic world picture.

УДК 811.161.1'44'373.21'374

Л. Н. ГУКОВА, Л. Ф. ФОМИНА

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СЛОВАРЯ «МНОГОАСПЕКТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОПОНИМОВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. С. ПУШКИНА»

В статье представлены типологические черты словаря «Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина», созданного одесскими исследователями Л. Н. Гуковой и Л. Ф. Фоминой. Словарь характеризуется как моноаспектный, интегративный (апеллятивно-ономастический), антропоцентрический, объяснительный, полный, принадлежащий к типу феноменологической лексикографии.

Ключевые слова: словарь, словари языка А. С. Пушкина, типы словарей, картина мира языковой личности.

Современный антропоцентрический подход к интерпретации лингвистического материала позволяет увидеть в лексикографическом описании воссоздание модели (картины, образа) мира, а в писательской лексикографии — художественную модель индивидуально-авторского мировидения [11: 112]. Лексикографическая Пушкиниана в настоящее время уже значительна и, кроме общего четырёхтомного «Словаря языка Пушкина», созданного под редакцией В. В. Виноградова по программе Г. О. Винокура (1956—1961; 2-е изд. — 2000), включает ряд моноаспектных словарей, представляющих отдельные стороны художественного мира и языка писателя, отдельные пласты индивидуальной лексической системы, в том числе ономастической (см. подробнее в: [2: 5—7; 8: 3—7]).

В 2008 году в Одессе увидел свет словарь «Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина», составленный Л. Н. Гуковой и Л. Ф. Фоминой [3], который представляем вниманию специалистов в данной статье и рассматриваем ряд его типологических особенностей.

Читателей и исследователей творчества Пушкина поражает необъятность и многовекторность познавательного пространства поэта. В 1958 г. в своём обзоре достижений пушкинистики Б. С. Мейлах писал: «Гений Пушкина исключительно многосторонен. Его энциклопедизм, поистине беспредельный диапазон его интересов освещался в ряде работ о его исторических, философских, экономических взглядах, но сделано пока мало. Широкое поле для исследования разнообразных интересов Пушкина открывается специалистам самых различных областей наук — гуманитариям и естествоиспытателям» [5: 562]. О географическом диапазоне творчества Пушкина, насколько нам известно, до сих пор отсутствует фундаментальное исследование, а между тем его творения содержат широчайшее географическое полотно, охватывающее не только древние страны и города, не только все континенты и множество разнообразных европейских геообъектов, не только обширную географию России — от двух столиц до «Камчатской земли», — но также большое количество мифологических топообъектов, внутригородских топографических объектов — улиц, площадей, районов, парков, различных строений; описания дорог, трактов, мест религиозного культа — церквей, соборов, монастырей... Ещё богаче палитра их характеристик, ставших основным объектом представления в нашем словаре. Несмотря на чрезвычайную ценность самих топонимов, выступающих в роли элементов хронотопа и отражающих картину мира писателя, нам показалось ещё более интересным выявить и лексикографировать способы и средства их авторской идентификации и многоаспектной характеристики. Проанализировав собранный в словаре материал, мы выделили следующие основные аспекты авторской характеристики географических объектов и их номинаций.

1. Художественно-определяющий, который содержит оценочный, эмоционально-экспрессивный, личностный подход (*Михайловское — селенье, лес и дикий садик мой и скромная семья моей обитель; проклятое; душное для меня*).

2. Пространственно-дифференцирующий, основанный на дискретизации пространственного континуума, уточнении местоположения объекта (*Болдино — нижегородское имение; Зимний дворец — что против Петропавловской крепости*).

3. Историко-дифференцирующий, связанный с презентацией пространства в исторических координатах (*Ижорская и Карельская земля — некогда нам принадлежавшие, отторгнутые у нас незаконно*).

4. Логико-дифференцирующий, отражающий включение топонима в класс объектов географического ландшафта (*Лапола — деревня; Мойка — речка*).

5. Когнитивно-выделительный, эксплицирующий ассоциативные связи в художественном сознании автора (*Дон — донское войско, донской жеребец, станция*).

6. Номинативно-интерпретирующий, связанный с интерпретацией самой геономинии (*Боровск — свиной городок*). В последнем примере, взятом из письма П. П. Каверину, как и во многих случаях у Пушкина, совмещаются несколько параметров характеристики. Поэт обыгрывает внутреннюю форму топонима для создания шутливой тональности, намеренно актуализируя в качестве ложного мотиватора *бóров* вместо подлинного *боровóй*; таким образом, наряду с номинативно-интерпретирующим и художественно-прагматическим, здесь имеет место и логико-дифференцирующий аспект (*городок*).

Основное внимание в данной статье уделено проблеме включённости нашей лексикографической работы в типологию словарных произведений. Классификация словарных трудов может базироваться на разных основаниях. И первым таким параметром служит ТИП ЛЕКСИКОГРАФИРУЕМЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ — апеллятивная или ономастическая лексика. С этой точки зрения наш словарь носит **интегративный** характер. По материалу словника, который составляют собственные имена — топонимы, он может быть отнесён к классу **ономастических словарей**. В то же время мы иначе сформулировали свою задачу: включить в словарь лишь такие топонимы, которые имеют ту или иную вербальную характеристику, иначе говоря, мы создали словарь не собственно топонимов, а их разноаспектных в лексико-семантическом и структурно-грамматическом отношении характеристик.

Топонимы — разряд онимов, которые называют разнообразными географические объекты, от сторон света и континентов до памятников, зданий, культовых сооружений и т. д. При этом поскольку топоним — имя существительное, то потенциально оно имеет позиции для выявления различных (в содержательном плане и с грамматической точки зрения) определений. В художественном тексте это прежде всего эпитеты, обладающие эстетическим зарядом; в плане выражения они представляют собой прилагательные, причастия или местоимения-прилагательные. Например: *От потрясенного Кремля До стен недвижимого Китая, Стальной щетиной сверкая, Не встанет русская земля?* (Клеветникам России); *Вот наша Русь: она твоя, царевич. Там ждут тебя сердца твоих людей; Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава* (Борис Годунов). Но в реальной речевой практике художественные определения могут иметь и другие способы выражения. Это могут быть:

— распространённые согласованные определения — адъективные и причастные обороты: *И мог ли он ожидать, что Малороссия, всегда беспокойная, не будет увлечена примером своего гетмана и не возмутится противу недавнего владычества Петра* (Полтава, Предисл. к 1-му изданию). *Невдалеке от тех прекрасных мест, Где дерзостный восстал Иван-великий, На голове златой носящий крест, В глуши лесов, В пустыне мрачной, дикой, Был монастырь* (Монах);

— одиночные и распространённые несогласованные определения: *В Коспорье, против Самары, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришёл в Симбирск в начале сентября* (История Пугачёва). *С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с её обитаемыми скалами, с её садами, с её светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента* (Путешествие в Арзрум, гл. 1);

— одиночные и распространённые приложения: *При входе в Валахию (Молдавию) сделать магазин при помощи господаря* (История Петра). *Приюти её и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи)* (Письма, 102. П. А. Вяземскому);

— перифразы: *Под небом Шиллера и Гёте Их поэтическим огнём Душа воспламенилась в нём* (Евгений Онегин, гл. 2, ст. IX); *И ты, Москва, страны родной глава, сияющая златом! И ты уже пред младшим братом Поникла в зависти немой* (Медный всадник, черн. рукопись; Цит. по: [1: 173]);

— составные именные сказуемые: *Фирска наполнил окрестности убийствами и грабежами. Верхний и Нижний Ломов были ограблены и сожжены другими злодеями* (История Пугачёва);

— определительные придаточные части: *Кавказ, Где пасмурный Бешту, пустынный величавый, аулов и полей властитель пятиглавый, Был новый для меня Парнас* (Кавказский пленник);

— самостоятельные, как правило, эмоционально окрашенные, предложения: *Все наводят Зевоту скуки — хоть не сон. Хорош российский Геликон!* (Евгений Онегин; Из ранних редакций). *Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездь верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает* (Письма, 357. П. А. Плетнёву. Из Болдино в Петербург).

Таким образом, в центре лексикографического описания в Словаре оказались апеллятивные лексические единицы в их комбинаторике, презентующие характерологические особенности ономастических лексем — топонимов. Такая презентация материала даёт возможность выявлять

и объективировать авторский подход к дискретизации пространственного континуума, идентификации его составляющих и способы их включения в дискурсивную ткань.

Исходя из ИСТОЧНИКА ЛЕКСИКОГРАФИРУЕМОГО МАТЕРИАЛА, наш словарь принадлежит к **феноменологической лексикографии** (словарям языка писателя, авторским словарям), которая представляет особенности текстов, принадлежащих отдельным, чаще всего выдающимся языковым личностям, каковым и является русский гений — Александр Сергеевич Пушкин. Во всём творческом наследии: поэзии и прозе, историко-художественных произведениях, очерках, статьях, письмах, заметках, черновых набросках (кроме написанного по-французски) — мы отыскали, собрали и представили в словарной форме художественные характеристики топонимов, что позволило нам показать стилистическую выразительность этих ономастических единиц. В. М. Калинин, один из рецензентов нашего словаря, писал в этой связи: «Нет никаких сомнений в том, что, интересные и сами по себе, топонимы как средство поэтической образности, как средство художественной локализации событий, как один из маркеров хронотопа художественного произведения, оказавшись в окружении средств художественной характеристики, открывают такие грани своих выразительных возможностей, которые доселе были скрыты от глаз наблюдателей» [4: 530—531]. Всё сказанное позволяет позиционировать наш словарь и как **стилистически направленный**, входящий в ряд словарей эпитетов, сравнений, метафор, экспрессивной лексики и под.

По ХАРАКТЕРУ АДРЕСАЦИИ словарь «Многоаспектная характеристика топонимов» следует рассматривать в качестве **антропоцентрического словаря**, поскольку он адресован, конечно и в первую очередь, широкому читателю, но также имеет и особое предназначение: он апеллирует к учителю русской словесности, а через него и к ученику, чтобы помочь ему увидеть и понять особенности художественного языка блистательного мастера русского слова.

В контексте антропоцентрической парадигмы современного языкознания типы лексикографических произведений различаются также в зависимости от СПОСОБА ОБНАРУЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ЧИТАТЕЛЕМ. Этим признаком определяется оппозиция объяснительный / демонстрирующий словарь. «Объяснительными называются словари, в которых соответствующая их жанру информация предъявляется с помощью вербальных семантизирующих отрезков (слов, словосочетаний и т. п.)» [6: 7], в отличие от демонстрирующих словарей, где информацией служит сам словник и порядок расположения лексических единиц в нём (обратный, орфографический, идеографический). В рамках этого противопоставления наш словарь является **объяснительным**, поскольку основным семантизирующим способом, эксплицирующим лексическое значение, в нём выступает дефиниция. Это связано с особенностью семантики ономастической единицы — топонима, в лексическом значении которого совмещаются лингвальные и экстралингвальные, энциклопедические компоненты значения. Мы исходили из аксиомы, что «истинный смысл имени собственного раскрывается только с познанием объекта, названного этим именем»: чем глубже знание объекта, тем яснее смысл имени [7: 10]. Поэтому мы даём краткую энциклопедическую справку о месте расположения географического объекта, его истории, фактах переименования, времени пребывания А. С. Пушкина в нём (если оно имело место). Например: «**Бессарабия**, *ист.* Название области между реками Днестром, Прутом и низовьями Дуная. В X—XI вв. входила в состав Киевской Руси. В 1513 г. попала под власть Турции. С 1918 по 1940 г. — в составе Румынии. В настоящее время часть Б. входит в состав Украины, часть — в составе Молдавии. В наследии А. С. Пушкина многократно упоминается как место его ссылки и предполагаемое место ссылки в античную эпоху римского поэта Овидия Назона» [3: 71]. Но и лингвистическая интерпретация географического названия также имеет место. Это осуществляется с помощью помет исторической перспективы (в данном случае — *историзм*), стилистических, в некоторых случаях грамматических помет, указания на переносное употребление топонимов для номинации народов, населяющих те или иные территории (например, *Кавказ* в контексте: *Кавказа гордые сыны, Сражались, гибли вы ужасно* — Кавказский пленник, эпилог). Кроме того, мы включили в качестве заголовочной единицы большой арсенал пушкинских топонимических перифраз и образных поэтических синонимов к нейтральным (официальным) геониминациям. Так, для поэтического языка XIX века характерно было называть страну или город по водному источнику, на котором они расположены, и Пушкин широко и успешно пользуется этим приёмом: *брегами Невы* он именует Петербург, *брегами Дуная* — Бессарабию, *брегами Енисея* — Сибирь.

Для составителей топонимического словаря чрезвычайно ответственно соотносить представленное в тексте имя (или его функциональные эквиваленты) с референтом. А интерес и затруднения читателя чаще всего связаны именно с семантизацией образных поэтических синонимов к топонимам, топонимических перифраз и нуждающихся в идентификации описательных картин. Например, А. С. Пушкин нигде не даёт прямой номинации тому *безвестному селенью*, которое описательно семантизирует в стихотворении «Кирджали»: *В степях зелёных Буджака, Где Прут, заветная река, Обходит русские владенья, При бедном устье ручейка Стоит безвестное селенье. Семействами болгары тут В беспечной дикости живут, Храня*

родительские нравы (Кирджали). Благодаря молдавскому краеведу В. В. Тымчишину [9: 56] мы восстанавливаем данный топоним: «<БОЛГРАД> Название города в Одесской области (Украина). Пушкин посетил Болград во время путешествия по Бессарабии в 1821 г. В Болграде находилось управление болгарскими колониями. Город строился стараниями Инзова как попечителя поселенцев. В то время у города было двойное название — Табак-Болград» [3: 77]. Презентованный нами в Словаре материал позволяет отметить, что данному *безвестному селенью* автором дана пространственно-конкретизирующая (*В степях зелёных Буджака, Где Прут, заветная река, Обходит русские владенья*), когнитивно-выделительная (*Семействами болгары тут В беспечной дикости живут*) и качественно-определяющая характеристика (*безвестное*); это и позволяет безошибочно декодировать данный локальный маркер.

Последняя лексикографическая характеристика нашего Словаря, которую мы здесь подчеркнём, — это **полный** словарь настолько, насколько позволило нам использованное малое академическое издание сочинений А. С. Пушкина в 10 томах [10]. Полнота словаря определяется стремлением авторов, во-первых, к максимальному отражению номенклатуры характерологических единиц и, во-вторых, цитатного материала, иллюстрирующего синтагматические отношения между топонимами и их разноаспектными атрибутами. В словаре 930 словарных статей.

Надеемся, что словарь авторской характеристики топонимического пространства творений А. С. Пушкина будет полезен в вузе и школе при изучении речевых средств художественной выразительности и образительности величайшего мастера русской словесности и сможет занять своё место в кругу лексикографической Пушкинианы.

1. Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 гг. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1978. — 231 с.
2. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя. — Одесса: Фотосинтетика, 2004. — 192 с.
3. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя. — Одесса: Астропринт, 2008. — 392 с.
4. Калинин В. М. Отклики и отражения (Вместо рецензии) // Восточнославянский лингвистический сборник: Сб. науч. трудов. — Вып. 9 / отв. ред. Е. С. Отин. — Донецк: Донеччина, 2004. — С. 530—534.
5. Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. — М.: ГИХЛ, 1958. — 698 с.
6. Морковкин В. В., Морковкина А. В. О типологическом разнообразии толкований // Vocabulum et vocabularium: Сб. науч. трудов по лексикографии / Отв. ред. В. В. Дубичинский. — Гродно, 1998. — Вып. 5. — С. 3—7.
7. Морозова М. Н. Имена собственные русского языка (географические названия). — М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. — Ч. 2. — 96 с.
8. Обухова Е. С. Ономастика лицейской лирики А. С. Пушкина. — Воронеж: ВГУ, 2005. — 208 с.
9. Тымчишин В. В. Пушкин в Молдавии. — Кишинёв: Тимпул, 1979. — 80 с.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1962—1966.
11. Шестакова Л. Л. Художественная модель мира в словаре поэтического языка: к интерпретации фрагментов // Проблемы русской лексикографии: Тезисы докл. междунар. конф. Шестые Шмелёвские чтения 24—26 февр. 2004 г. — С. 112—114.

Л. М. Гукова, Л. Ф. Фомина

ПРО ТИПОЛОГІЧНИЙ СТАТУС СЛОВНИКА «МНОГОАСПЕКТНА ХАРАКТЕРИСТИКА ТОПОНІМОВ В ТВОРЧЕСКОМУ НАСЛІДІ А. С. ПУШКІНА»

Словник, укладений одеськими науковцями Л. М. Гуковою і Л. Ф. Фоминою, охарактеризовано в типологічному плані як моноаспектний, інтегративний (апелятивно-ономастичний), антропоцентричний, пояснювальний, повний, а також такий, який належить до типу феноменологічної лексикографії.

Ключові слова: словник, словники мови О. С. Пушкіна, типи словників, картина світу мовної особистості.

L. N. Gukova, L. F. Fomina

ABOUT TYPOLOGICAL STATUS OF THE DICTIONARY CALLED «MULTIPLE CHARACTERISTICS OF PLACE-NAMES' STUDY IN THE A. S. PUSHKIN'S CREATIVE HERITAGE»

The article deals with some typological features of the dictionary called “Multiple characteristics of place-names’ study in A. S. Pushkin’s creative heritage”. The dictionary was produced by Odessa research workers L. N. Gukova and L. F. Fomina, and it is characterized as monoaspect, integrative, anthropocentric, explanatory and complete one, belonging to phenomenological lexicography type.

Key words: dictionary, dictionaries of A. S. Pushkin’s language, types of dictionaries, language personality’s world picture.

УДК 811.161.1:81'373'42:82—193.2 Пушкин

Н. Г. ИВАНОВА

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ НАИМЕНОВАНИЕ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. С. ПУШКИНА

В статье проанализированы особенности функционирования когнитивной метафоры в эпистолярных текстах А. С. Пушкина.

Ключевые слова: эпистолярный текст, когнитивная метафора, гештальт, постоянная метафора-следствие, А. С. Пушкин.

Для большинства представителей социума метафора — это прерогатива художественного творчества, один из аспектов изучения переносного значения слова в языке. Этот узкий взгляд на метафору в последние десятилетия постепенно преодолевается. На смену традиционному осмыслению метафоры как семантического преобразования по сходству на уровне ЛСВ слова-семемы приходит более глубокое её понимание: возникновение метафоры связано с концептуальным характером понятийной системы человека. «Суть метафоры, — приходят к выводу американские учёные Дж. Лакофф и М. Джонсон, — заключается в понимании и переживании сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [1, с. 128]. Когнитивный аспект механизма метафоры подчёркнут и в её дефиниции, помещённой в «Лингвистической энциклопедии» Е. А. Селивановой: «метафора — найпродуктивніший креативний засіб збагачення мови, вияв мовної економії, семіотична закономірність, що виявляється у використанні знаків однієї концептуальної сфери на позначення іншої, нерідко уподібненої їй у якомусь відношенні» [5, с. 388]. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчёркивают, что метафорическое понятие способно «структурировать наше восприятие, мышление и деятельность» [1, с. 127].

Эпистолярные тексты, в частности, письма А. С. Пушкина представляют уникальный материал, отражающий «определённый тип мышления — лингвокреативный, который порождает, с одной стороны, стереотипы, способствующие эффективной коммуникации», с другой — отражает в реальном континууме процесс формирования языковой личности автора, черты его идиостиля, «неординарность, языковой вкус и «преобразовательное» отношение к языку» [4, с. 64].

Эпистолярное наследие А. С. Пушкина представляет собой реализацию одной из конвенциональных метафор 'ЖИЗНЬ — ЭТО НЕКАЯ ИСТОРИЯ', определяющей «строение концептуальной системы нашего общества, которая отражается в повседневном употреблении языка» [1, с. 136]. Эта метафора пронизывает жизнь каждого члена общества. Ведь жизнь человека структурируется как повествование, начинающееся с детства, юности, затем зрелости и т. д. Поэтому связность всем событиям в жизни каждого придаёт некая структурированная форма, именуемая гештальтом, — «константний цілісний складник свідомості, що існує в вигляді фігур, структур, образів і формується через прагнення структурування поля сприйняття і його усвідомлення незалежно від зміни й варіювання ознак об'єкта» [5, с. 84]. Языковая система и речевая деятельность организованы с помощью специальных структур знаний — гештальтов, которые служат для актуализации соотношения глубинных и поверхностных структур высказываний. Между разными гештальтами устанавливаются связи, вследствие чего они способны приобретать новые качества [Там же]. Кроме того, конвенциональным метафорам присущи следствия метафорического/неметафорического характера.

Учитывая материал исследования (письма, где А. С. Пушкин «рассказывает» историю своей жизни), приходим к выводу, что следствием для конвенциональной метафоры 'ЖИЗНЬ — ЭТО НЕКАЯ ИСТОРИЯ' является образная метафора 'ЖИЗНЬ — ЭТО КЛЕТКА'. Эта метафора — одно из звеньев «разветвлённой и связной сети следствий» [1, с. 138], производящее другие следствия-метафоры, связывающие эпистолярное повествование о разных эпизодах — этапах гештальта, что позволяет придать связность жизненным событиям, описанным А. С. Пушкиным. Связность повествования предполагает категоризацию: высвечивание, актуализацию одних свойств, периферийность других — помещение их в ближнюю/дальнюю периферию. К актуализируемым событиям в гештальте 'ЖИЗНЬ — ЭТО КЛЕТКА' относятся периоды жизни А. С. Пушкина, когда он испытывал душевную дисгармонию: до окончания лицея остаётся ещё год; ссылка в Кишинёв; пребывание в Одессе; ссылка в Михайловское; нахождение в Болдино в период вспышки холеры, притеснения цензуры, перлюстрация почты поэта. Эти события охватывают большой временной отрезок — более 16 лет. Несмотря на то что они разного характера, временной протяжённости и локализованности, для них характерно одно состояние — состояние несвободы, обособленности, изолированности, состояние, которое угнетает и подавляет поэта

и в юные, и в зрелые годы. Наблюдаются различные связи между событиями-эпизодами в их временной последовательности.

Данный гештальт обладает сложной разветвлённой структурой, где метафорическое следствие подобно эху связывает каждый переживаемый в прошлом эпизод с последующим. Таким образом, можно говорить о постоянной метафоре-следствии. Например, такой понятийной метафорой является 'ЖИЗНЬ — ЭТО УЕДИНЕНИЕ' с яркой негативной коннотацией (эмоцией и оценкой), что сообщается синтагматическим контекстом: *Что сказать о нашем уединении? Никогда лицей (...) не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, назло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину* [2, с. 66].

В июле 1817 г. А. С. Пушкин уезжает в Михайловское: *...между тем как я скучал в псковском моём уединенье* [2, с. 70]. В стихотворении, которое А. С. Пушкин посылает в письме Н. И. Гнедичу из Кишинёва: *Твой глас достиг уединенья...* [2, с. 83].

Преппозитивные атрибутивы актуализируют принадлежность, локализованность состояния зависимости, несвободы: *моё чухонское уединенье* [2, с. 264]; *в болдинском уединении* [2, с. 373]; *моё уединение* [3, с. 154].

Уединение как обособленное состояние, необходимое для творчества, сопутствующее вдохновению, приобретает положительную коннотацию, семантику желательности лишь однажды в письме к близкому другу П. А. Плетнёву: *...мочи нет хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провёл я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей* [3, с. 17].

К постоянной метафоре-следствию относится и образная метафора 'ЖИЗНЬ — ЭТО ОСТРОВ', впервые появившаяся в письме кишинёвского периода к А. И. Тургеневу (в составе развёрнутой метафоры): *Вы, который сближены с жителями Каменного острова, не можете ли вы меня вытребовать всего на несколько дней (одного ж не более) с моего острова Памфоса? Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса...* [2, с. 84]. Через девять лет холера задерживает поэта в Болдино, и снова возникает потребность описать эту ситуацию вынужденной изоляции при помощи метафоры 'ЖИЗНЬ — ЭТО ОСТРОВ'. Вначале в письме к А. А. Дельвигу встречаем сравнение логического характера: *Я живу в деревне как в острове, окружённый карантинами* [2, с. 318]. А затем семантически близкую к этому сопоставлению метафору в группе ассоциативно связанных единиц — носителей образа — в письме к М. П. Погодину: *Дважды порывался я к вам, но карантинны опять отбрасывали меня на мой несносный островок...; Посылаю вам из моего Памфоса Апокалипсическую песнь* [2, с. 319].

Часть следствий гештальта 'ЖИЗНЬ — ЭТО КЛЕТКА' составляют пространственно-ориентационные глагольные метафоры. Они появляются в письмах А. С. Пушкина к близким людям из кишинёвской ссылки: *...удержите его* (кн. А. Лобанова — Н. И.) *по крайней мере до моего приезда — а я вынырну и явлюсь к вам* [2, с. 100]; *Я карабкаюсь и, может быть, явлюсь у вас* [2, с. 102]; *Я барахтаюсь в грязи молдавской, чёрт знает когда выкарабкаюсь* [2, с. 109]. В частях-этапах гештальта происходит корреляция между желанием обретения свободы поэтом и явлениями, зафиксированными в жизненном опыте членов социума.

Метафора-следствие может высвечивать какую-либо часть гештальта, например, его конечный этап — настоящее состояние. В письме к В. А. Жуковскому из ссылки в Михайловском: *Вот тебе человеческий ответ: мой аневризм носил я 10 лет и с божьей помощью могу проносить ещё года три. Следственно, дело не к спеху, но Михайловское душно для меня* [9, с. 179]. После перлюстрации письма А. С. Пушкин пишет жене из Петербурга в Полотняный завод, передавая своё душевное состояние ориентационной метафорой на амбивалентном уровне: *Ух, кабы мне удрать на чистый воздух* [3, с. 136].

Метафорическое наименование структурирует познавательную и коммуникативную деятельность человека и входит в виде определённых языковых единиц в его концептуальную систему. Метафора может иметь разветвлённую систему следствий, среди которых — постоянные метафоры-следствия; они помогают устанавливать связь между различными эпизодами-событиями в необратимом реальном континууме эпистолярного текста.

Творчество и эпистолярные тексты писателя — совокупность реализации взаимообусловленных гештальтов, в том числе и метафорических.

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия: [Сб. статей] / [Вступ. ст. В. М. Сергеева; Сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; Общ. ред. В. В. Петрова]. — М.: Прогресс, 1987. — С. 126—170.

2. Пушкин А. С. Собр. соч. в десяти томах / А. С. Пушкин. — М.: Правда, 1981. — Т. 9: Дневники. Воспоминания. Письма. — 448 с.

3. *Пушкин А. С.* Собр. соч. в десяти томах / А. С. Пушкин. — М.: Правда, 1981. — Т. 10: Письма. О Пушкине. — 447 с.
4. *Ремчукова Е. Н.* Креативный потенциал русской грамматики: монография / Е. Н. Ремчукова. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Книжн. дом «Либроком», 2011. — 224 с.
5. *Селіванова О. О.* Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава: Довкілля-К, 2010. — 844 с.

Н. Г. Іванова

МЕТАФОРИЧНЕ НАЙМЕНУВАННЯ В ЕПІСТОЛЯРНІЙ СПАДЩИНІ О. С. ПУШКІНА

Статтю присвячено аналізу особливостей функціонування когнітивної метафори в епістолярних текстах О. С. Пушкіна.

Ключові слова: епістолярний текст, когнітивна метафора, гештальт, постійна метафора-наслідок, О. С. Пушкін.

N. G. Ivanova

METAPHORICAL NAME IN PUSHKIN'S EPISTOLARY HERITAGE

Peculiarities of cognitive metaphor functioning in epistolary texts by A. S. Pushkin are under analysis in the article.
Key words: epistolary text, cognitive metaphor, gestalt, permanent metaphor-consequence, A. S. Pushkin.

УДК 811.161.2'373.2:114/115 Гончар

О. Ф. НЕМИРОВСЬКА

ЗАГОЛОВОК ЯК АКТУАЛІЗАТОР ХУДОЖНЬОГО ЧАСУ І ПРОСТОРУ (на матеріалі роману О. Т. Гончара „Собор”)

У статті, на основі аналізу поетики заголовка роману О. Т. Гончара „Собор”, визначено різні засоби взаємодії назви і тексту художнього твору, стилістичні функції заголовка і його роль як актуалізатора художнього часу і простору в романі.

Ключові слова: заголовок, власні назви, художній час, художній простір.

Онiмний простiр художнього твору є складною розгалуженою системою, до складу якої входять власні назви (ВН) різних розрядів і класів. Митець добирає їх з реального іменника або створює у своїй письменницькій майстерні з конкретною творчою настановою. Кожна ВН має своє місце і роль у художньому цілому. Особливе місце в цій системі посідає заголовок (бібліонім) [9: 42], що відіграє в художньому творі роль епіцентру, першого знаку, який містко й образно передає смисл усього твору і є стрижнем усього лексико-семантичного поля. Заголовок є ключем до осмислення художнього цілого, це „своєрідний складник тексту, його перша вирізнена, графічно виділена архітектонічна частина. Назва має сконцентрувати сенс мистецького твору, відобразити авторський задум, привернути увагу до домінантних складників твору” [7: 211].

Починаючи з назви, що першою виконує сюжетоутворюючу функцію, текст поступово розгортається в художню цілісність, де все підпорядковується єдиній меті — розкриттю авторської концепції твору, того задуму, заради якого він і береться за перо. „Назва (...) при всій своїй стислості є насамперед синтез, душа твору, і потрібне чимале вміння, щоб кристалізувати в двох-трьох словах цю душу. Назва (...) повинна бути точною, стислою, характерною, витікати з сюжету, з характерів або з основної ідеї твору” [6: 46]. Образний світ митця, по суті, позначається цією стислою формулою — назвою твору і розгорнутим художнім контекстом. Сильна позиція заголовка, що передує твору, позначає його особливу роль у текстовому просторі. Заголовок знаходиться „між зовнішнім світом і простором художнього тексту і перший бере на себе основне навантаження у подоланні цієї мети” [5: 167].

Усе вищезазначене ще раз доводить важливість послідовного вивчення онімного простору художнього твору взагалі і заголовків зокрема, яким сьогодні на матеріалі творів української класичної та сучасної літератури приділяється ще недостатньо уваги. Проте саме назва твору є тим ключовим, стрижневим елементом художнього цілого, що пронизує всі рівні тексту і є дешифруючим засобом, що сприяє глибинному розумінню справжнього смислу твору; в ній містяться „і інформаційний смисл (інформаційно-стилістична функція), і оцінний момент (емоційно-

стилістична функція). Але і те, і друге ускладнюється, працює на тему, ідею, художній задум, має декілька смислових шарів, які вказують на різні сторони твору, різні думки й оцінки письменника” [4: 218].

Отже, **актуальність** представленої розвідки зумовлюється наявністю лише поодиноких фрагментарних досліджень у сфері функціональних ознак і стилістичної ролі заголовків у художньому контексті [3; 5; 8]. **Об’єктом** дослідження є особливості художнього мовлення О. Гончара, **предметом** — заголовок як виразник ідейно-тематичної основи художнього твору, знакова природа заголовка та механізми актуалізації з його допомогою часо-просторового континууму. **Матеріалом** розвідки послужив роман О. Т. Гончара „Собор” [2], що є однією з перлин творчості митця і який потребує глибинного прочитання та інтерпретації. Виявлення специфічних особливостей структури і семантики заголовка роману, його зв’язку з художнім контекстом, його ролі у розгортанні сюжету і побудові часо-просторової текстологічної парадигми є **завданням** нашого дослідження.

Заголовна лексема (ЗЛ) роману пронизує весь твір від першої сторінки до останньої, різним чином варіюючись протягом розгортання оповіді. Промовистими є кількісні покажчики: лексема *собор* зустрічається у контексті 203 рази; багатократні дистантні повтори (ДП) ЗЛ зумовлені концентрацією подій, що відбуваються у романі, навколо *собору*, його трагічної долі в радянські часи і загрози цілковитого знищення. ДП утворюють виразний експліцитний зв’язок [5: 169], сприяють розгортанню сюжету й чіткому окресленню художнього простору — всі події в романі розгортаються навколо *собору*. Коло *собору* проходить усе життя зачіплянських металургів, які в єдинім пориві стають на його захист перед кар’єристом-висуванцем *Володимиром Лободю*, що за будь-яку ціну збирається зруйнувати „цей *бесхозний собор*”; з *собором* пов’язані мрії *Миколи Баглая*, поривання його неспокоїної душі та естетичне сприйняття навколишньої дійсності, в т. ч. і *собору*; за *собор* колись постраждав зачіплянський вчитель *Хома Романович*, що надто багато розповідав учням про нього; біля *собору* відбулася життєва драма *Єльки-Олени*, з *собором* пов’язана наукова діяльність професора *Яворницького*, який відважно й рішуче став свого часу на захист святині перед махновцями, а також пам’ять про воєнні роки; біля *собору* зароджується й розквітає любов *Миколи* та *Єльки*; наприкінці твору у *соборі* відбувається кривава трагедія, що ледь не коштувала життя *Миколі Баглаю*, коли він захищає храм від п’яних дикунів.

Отже, починаючи з другого абзацу роману, автор вибудовує художній простір, над яким панує *собор*; восьмикратне уживання заголовної лексеми у наступних початкових абзацах відразу концентрує увагу читача на назві твору: „З одного краю села сага блищить, з другого — облуплений собор біліє” [2: 6]; „...*собор стоїть над селищами в задумі один серед тиші, серед святої акацієвої ночі, що (...) мовби зачаклована видивом собору (...) собор ще повен далекою музикою, гримить обвалом літургій, перелунює православними месами*” [2: 6]; „*відлиски неба грають ночами на стінах собору, на його верхах (...) Микола Баглай (...) за звичкою послухає собор (...) в цей опівнічний час (...) панує тільки червона сторожкість неба та спокійна ясність собору (...) Вночі собор величавіший, ніж удень*” [2: 7]; „*височить над селищем собор*” [2: 8].

З перших же сторінок оповіді О. Гончар починає далекоюсяжну „гру” з заголовною лексемою, поступово, ненав’язливо нарощуючи тривожну експресію, що пов’язана із загрозою знищення шедевр у зодчества, і виразно окреслюючи при цьому простір дії. Наведемо відповідні мікроконтексти: „*Буде ж сюрприз: прийде братуха, а собору нема... (...) Носишся ти, Миколо, з мовою собором, як із писаною торбою*” [2: 12]; „*Виходило так, що собору вже ніби й нема*” [2: 55]; „*...якого сторіччя цей собор?*” [2, 56]; „*За два кроки від вас буде першокласний критий ринок (...) Де ж він буде? — А на майдані... На місці собору (...) А собор?*” [2: 59]; „*Чому б, скажімо (...) не зробити з цього собору справжній, модернізований (...) холодильник?*” [2: 60]; „*На мить Вірунька бачить зовсім зримо, як руйнують танками собор*” [2: 62]; „*Ось ти за собор переживаєш. Думаєш, усім він болить, як тобі? Он Шпачиха (...) запропонує їй на вибір: собор чи критий ринок? — обома руками буде за ринок. Що той собор для неї в житті?*” [2: 70]; „*...ідея шашичної таки явно ж перемагає ідею собору*” [2: 103].

Інші мікроконтексти створюють контрастну експресію — обурення, прагнення за будь-яку ціну захистити, відстояти святиню: „*Вкрадено таблицю з собору*” [2: 94]; „*І хоч раніше (...) їй не до собору було, він наче й не існував для неї, однак враз це неподобство обурило і Віруньку, собор і для неї враз якось ожив*” [2: 96]; „*Повернеться Іван з Індії — порожньо на майдані! Пустеча! Де ж собор? Вірунька, де ж собор наші...*” [2: 97]; „*Адже разом із таблицею тепер із собору було ніби знято якийсь покров охоронності, недоторканості, віднині собор став об’єктом ненадійним...*” [2: 100]; „*...очі його, задивлені на собор, пойнялися сльозою (...) за цей собор він свого часу на Магадані побував...*” [2: 101]; „*Не сподівався він, що доля собору так зачепить його Зачіплянку, собору, який перед цим був ніби в безнадійному забутті (...) Потреба собору, потреба краси, так*

само як і огида до руйнування, видно, завжди жевріла в цих людях...” [2: 104]; „Сьогодні люди помітили свій собор. Для них він не підлягає знесенню” [2: 105]; „...нібито й над цим козацьким собором піднято сокиру браконьєра...” [2: 132].

Чітко визначеним є художній простір у третьому розділі, де йдеться про життєву драму Ђльки-Олени, що відбувалася саме біля собору. ЗЛ утворює своєрідне „поле тяжіння”, поступово нарощуючи кресендо суму, жалю, покаяння: „Собор тоді вразив Ђльку тільки своєю суворістю, холодом і якимось величавим непривіттям” [2: 35]; „Собор позмуру плив у хмарах вечірніх” [2: 36]; „...собор виступав із темряви неба якось моторошно” [2: 37]; „...ця бадьорість ранку, пробудження весни (...) веселі голоси в глибині собору — все існувало якось поза нею, все сприймала Ђлька тепер ніби здалеки, із свого знеможеного, дотла спустошеного світу” [2: 38]; „Здавалось, тільки переступить, і станеться щось страшне, земля під нею трісне, все соборне склепіння обвалиться на неї...” [2: 38]; „Яним, не загидженим тільки й зоставсь отой острівець собору вгорі...” [2: 38]; „...обидва маленькі, миршаві, вовтузяться з цими лантухами перед собором, мов жуки, мов шашелі перед величчю його!” [2: 41]; „Першої ж ночі вдома собор їй приснився” [2: 41].

Численні, багатомірні, прямі й зворотні зв'язки між заголовком і твором, безпосередній чи опосередкований вплив назви на текст і, навпаки, нашарування тексту на заголовок скеровані на розкриття ідейної настанови автора, що її у згорнутому, стислому до мінімуму лексичному виразі митець вкладає у заголовок, пропонує його розкриття при уважному, глибинному прочитанні. ЗЛ „Собору” наскрізь пронизує усі текстові рівні, беручи також участь у характеристичній персонажів. Так, наступні мікроконтексти виразно протиставляють Миколу Баглая з його прагненням до краси й довершеності в усьому — „Микола Баглай (...) зупиниться на майдані і за звичкою послухає собор, його мовчання” [2: 7]; „Вірунько, що тобі собор наш говорить?” [2: 11]; „...стоїш ось перед нічним, незникаючим видом собору” [2: 17]; „Поєма трагізму, поєма нездоланності духу (...) як собор оцей, вікам донесла дух твого задимленого звитяжного часу” [2: 75]; „Співучий собор! — так про нього Баглай хотів би сказати” [2: 189], і Володимира Лободу з його кар'єризмом і підлістю — „Якраз на соборі висунувся” [2: 56]; „Рідного батька за кар'єру промінє, собор отой розвалить, аби тільки на шабелі вище піднялись” [2: 68]; „Ні, перед таким навряд чи вистойть собор...” [2: 80]; „Хтось, кажуть, з таблицею пожартував. Але ж собор наш від цього не захитався?” [2: 116]; „Ім би оцей собор — стояли б і вік на нього молились” [2: 110]; „...ніби все він робить для кращого: собор треба знести, бо заважає збудувати ринок для трудящих” [2: 255]; „...він вам не один собор знесе...” [2: 255]. Опозицію підсилює уживання ЗЛ та її заміників у мікроконтекстах з виразним негативним забарвленням у мовленні Лободи: „цей безхозний собор” [2: 81]; „той собор” [2: 57]; цей собор [2: 79]; „Собори... шаблі козацькі... курені! Та то ж усе реквізит історії, мотлох минулих віків” [2: 79]; „...не один собор у мене на плечах” [2: 98]; „цей пережиток минувщини” [2: 103]; „собор отой химерний” [2: 108]; „та облуплена кумирня” [2: 105].

Лободу дратує красень-собор, що панує над місцевістю і є своєрідним символом краю; велич храму протиставляється його бездушності й безпам'ятству: „...десь аж на обрії знову з'явився собор. Зуміли ж отак поставити! (...) З будь-якої точки видно собор, звідусіль! (...) Але ж красень, стервець!” [2: 107-108]; „А трохи правіше, по небокругу, знову... собор. Давні будівничі-козаки (...) свідомо, мабуть планували, щоб видно було весь час їм оте, що збудували вони для своїх святинь” [2: 117].

Крім прямого уживання ЗЛ, контекст роману насичений її варіантами — посесивними словосполученнями: соборна висота [2: 7]; соборні верхи [2: 37]; соборна сутінь [2: 38]; соборне склепіння [2: 38]; та соборна ніч [2: 43]; соборний майдан [2: 55, 74, 147]; майдан соборний [2: 102]; цей майдан соборний [2: 270]; соборна община [2: 59]; кажани соборні [2: 62]; соборна таблиця [2: 110, 205]; соборно-білі зачіплянські ночі [2: 76]; оте гроно соборних бань [2: 191]; ця соборна гойдалка [2: 267]; поріг соборний [2: 268]; компонентами синонімічного ряду, у складі якого знаходиться лексема собор: храм [2: 178]; храм краси, історії, храм зодчества козацького [2: 178]; оте високе, вершечок мрії дитячої [2: 27]; поєма степового козацького зодчества [2: 17]; оцей довершений архітектурний витвір, ця симфонія пластики [2: 18]; той храм святої краси [2: 27]; мовчазний зачіплянський гігант-старожил [2: 97]; цей пережиток минувщини [2: 103]; пам'ять козацька [2: 104]; це дивовижне творіння козацького барокко [2: 104]; ця облуплена кумирня [2: 105]; зодчеська цілісність з нерозчавленими куполами [2: 130]; цей витвір [2: 182]; ця споруда [2: 190]; дев'ятиглав цей [2: 191]; народний архітектурний пам'ятник [2: 227]. ЗЛ часто уживається у сполученні із займенниками та прикметниками-означеннями: цей собор [2: 18, 35, 55, 56, 60, 76, 79, 81, 94, 96, 97, 101, 102, 103, 109, 181, 190]; цей старовинний, ще козацьких часів, собор [2: 27]; цей бесхозний собор [2: 81]; цей козацький собор [2: 132]; цей наш собор [2: 193]; собор цей [2: 181, 182]; собор наш [2: 11, 97, 112, 227]; собор святий [2: 182]; собор зачіплянський

[2: 256]; *зачіплянський собор* [2: 261]; *якийсь вищий, невидимий собор* [2: 26]; *собор отой химерний* [2: 108]; *отой незрушній козацький собор* [2: 130]; *той козацький собор* [2: 34]; *в цьому соборі* [2: 39]; *оцей собор* [2: 110, 131]; *собор той* [2: 205]; *той собор* [2: 70, 261]; *той нещасний собор* [2: 204]; *собор отой* [2: 68, 129]; *собор оцей* [2: 75, 76]; *твій собор* [2: 195]; у сполученні з прикладкою: *собор-дев'ятиглавець* [2: 191]; у множині, часто у складі розгорнутих метафор: *собори* [2: 7, 79, 130-2, 181, 225, 226, 263]; *свої собори* [2: 226]; *кременівські собори* [2: 239]; *оті чорні індустріальні собори* [2: 50]; *чорні собори життя* [2: 258]; *собори душі* [2: 172-2]; *собори оці* [2: 182]; *оці собори* [2: 195]; *зелені собори Скарбного* [2: 229]; *ці лісові собори з зеленими банями* [2: 230]. Ці варіанти містять у собі згорнений, максімально сконцентрований письменницький задум — показати трагічну долю культових споруд у часи панування комуністичної ідеології, більшість з яких була приречена на знищення або на повільну, поступову руйнацію внаслідок занедбаності — „*Собор (...) викликав своєю обдертістю щось схоже на співчуття*” [2: 35]; „*В соборі було ще холодніше, ніж надворі, пустою, мишам смерділо*” [2: 39]; „*...стояла серед того захламленого храму, втопивши погляд у той небесно-блакитний вир*” [2: 39-40]; „*відтоді собор так і стоїть як безхозний*” [2: 59], та використання не за призначенням — „*Отам повен собор комбікорму!*” [2: 32]; „*Склад комбікорму був якраз у тому козацькому соборі...*” [2: 34]; „*...підїхали до собору одержувати комбікорм*” [2: 34]; „*...де-не-де зі стін, з-поміж облянялих мадонн шкірилися іклами вовчі та вепрячі морди (...)* *Посеред собору кучугура комбікорму, далі звалені цупкі паперові мішки з суперфосфатом...*” [2: 39]; „*...досі в соборі вепрячі його шедеври шкіряться*” [2: 137]. Цій меті підпорядковуються усі мовні, стилістичні засоби, що їх митець використовує у сполученні з ЗЛ та її варіантами.

Виразні асоціації утворює ЗЛ із еклезіонаімами *Василій Блаженний; собор Св. Петра в Римі; Тадж-Махал*; артіонаімами *фрески Софії, мадонни Рубльова*. Ці асоціації утворюють промовисте забарвлення — пересторогу руйнівникам: „*Собор — це витвір мистецтва (...)* *Був час, коли й Василія Блаженного (...)* *знести хотіли...*” [2: 139]; „*Йому в цій споруді (...)* *вчувається відгомін собору св. Петра в Римі*” [2: 190]; „*Яким звідти постане для тебе наш собор, і фрески Софії, і мадонни Рубльова...*” [2: 193]; „*собор (...) приїжджим би делегаціям його показувати, як (...) Тадж-Махал...*” [2: 205].

Час у романі здебільшого пов'язаний із сучасністю, ретроспекція вкраплюється лише у спогадах про історію виникнення і славне минуле *собору*: „*...облуплений собор біліє. Старовинний, козацький*” [2: 6]; „*...важко забути, чим був колись цей собор, найбільший, найпишніший в єпархії (...)* *Горіли свічки, півча — аж розлягвся собор — перелавився райськими голосами, виспівуючи людям небесне, вічне блаженство, а після відправ знову їх викидало з небес у реальний жорстокий світ...*” [2: 18]; „*Цей старовинний, ще козацьких часів, собор...*” [2: 27]; „*І вирішено було тоді на їхній сумовитій раді: збудуємо собор*” [2: 101]; „*Батько твій Изот ще парубком у цьому соборі співав*” [2: 109]; „*...серед цього світу руїни, безпритулля і болю під свинцево-набряклим небом осені забілів на узвишші військам отой незрушній козацький собор*” [2: 130]; „*...першим, що відродилося у спогаді, був якраз оцей собор на узвишші*” [2: 131]; „*Раніше, ще в княжі часи (...)* *собори найчастіше будували на честь перемог, а цей був збудований козаками на знак прощання зі зброєю, з Січчю*” [2: 181]; Зв'язок між минулим і сьогоденням демонструють наступні контексти: „*Як із міражу, виступає собор і бастіони заводів — дивовижний ансамбль віддалених між собою віків*” [2: 133]; „*...натомість собор святий вибудуєм, дух свій у небо пошлем, і він у віках сіятиме над степами...*” [2: 182].

В цілому заголовок мовби опоясує текст завдяки повтору ЗЛ на початку і в кінці твору, де поступово наростає сумна тональність, оскільки подальша доля *собору* залишається невизначеною. Ця козацька святиня у процесі розгортання оповіді поступово персоніфікується, перетворюючись на символ вічності, невмирущості мистецьких творінь та символ перестороги сучасним і прийдешнім поколінням: „*Мовчить собор. (...) Собор ніби має в собі щось від стихії (...)* *Німотна музика собору, музика отих гармонійно піднятих у небо бань-куполів — вона для тебе реально існує*” [2: 17—18]; „*Вночі собор молодіє*” [2: 66]; „*Собор завжди несе в собі певний настрій (...)* *собор стоїть серед такої видної ночі увесь якийсь наповнений, біліє фантастично*” [2: 76]; „*...двоє (...) неквапом зайшли в тінь собору, наблизились до його охоронної грамоти (...)* *Собор слухав, мовчав*” [2: 81]; „*Мовчазний зачіплянський гігант-старожил, що на роботу нас літо й зиму проводжає...*” [2: 97]; „*Собор (...) ніби вісь, ніби шпиль-наконечник над життям цілого краю*” [2: 109]; „*...козацькому підліткові в плавнях під час сну з'явився образ цього собору*” [2: 190]; „*Мовчить собор (...) в такий час од світла заводів враз виринає з темряви ночі й собор*” [2: 270—271].

Отже, текст і заголовок роману О. Гончара „Собор” взаємодіють між собою за принципом **еквівалентності** [8: 120], тобто повної взаємовідповідності. Заголовок є цілковитим виразником основної концепції роману, лінгвістичним символом [10: 131], він тісно пов’язаний із семантикою тексту і відіграє провідну роль у формуванні смислового і стилістичного змісту [1: 102].

Таким чином, дослідження семантичної і стилістичної специфіки заголовка роману О. Т. Гончара „Собор” демонструє тісний експліцитний зв’язок між заголовком і текстом. Будучи яскравою, виразною конотемою, ЗЛ бере активну участь у побудові сюжету, системи образів, сприяє розумінню читачем подальшого тексту й осмисленню ним ідейної спрямованості роману. Це свідчить про майстерність О. Гончара, своєрідність і неповторність його творчої письменницької манери, активну громадянську позицію, завдяки чому роман „Собор” є однією з перлин сучасної української прози.

1. *Адрианов И. Ю.* Семантический потенциал заглавий в поэзии И. А. Бунина / И. Ю. Адрианов // Филологические науки. — 1990. — № 5. — С. 100—103.
2. *Гончар О.* Твори: В 7 т. — Т. 7: Собор: Роман; Твоя зоря: Роман / О. Гончар. — К.: Дніпро, 1988. — 656 с.
3. *Желтоногова Т. В.* Заголовок як компонент структури українського поетичного тексту: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Т. В. Желтоногова. — Кіровоград, 2004. — 19 с.
4. *Карпенко Ю. О.* Літературна ономастика: Зб. наук. статей / Ю. О. Карпенко. — Одеса: Астропринт, 2008. — 328 с.
5. *Кожина М. Н.* Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии / М. Н. Кожина // Проблемы структурной лингвистики, 1984. — М.: Наука, 1988. — С. 167—183.
6. *Кочерга І. А.* Радість мистецтва: Зб. театральної публіцистики / І. А. Кочерга. — К.: Дніпро, 1973. — 187 с.
7. *Лексикон загального та порівняльного літературознавства* / [керівн. проекту: А. Волков]. — Чернівці: Золоті літаври, 2001. — 636 с.
8. *Немченко І.* Поетика заголовка у новелістиці М. Хвильового / І. Немченко // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія „Лінгвістика”: Зб. наук. праць. — Херсон: Вид-во ХДУ, 2006. — Вип. 3. — С. 119—122.
9. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1988. — 186 с.
10. *Ткачук Н. О.* Смісловий простір лінгвістичного символу / Н. О. Ткачук // Мова: Науково-теоретичний часопис. — Одеса: Астропринт, 2009. — № 14. — С. 131—135.

А. Ф. Немировская

ЗАГЛАВИЕ КАК АКТУАЛИЗАТОР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

В статье на основе анализа поэтики заголовка романа О. Гончара «Собор» определяются различные аспекты взаимодействия заглавия и художественного текста, стилистические функции заглавия и его роль в актуализации художественного времени и пространства в романе.

Ключевые слова: заглавие, имена собственные, художественное время, художественное пространство.

O. F. Niemirovskaia

THE HEADING AS THE ACTUALIZATION OF THE BELLE-LETTER TIME AND SPACE

The author of the article defines the ways of interaction between the heading and the feature text of O. Honchar's novel "The Cathedral" and the role of the heading in the actualization of the time and space in the novel.

Keywords: the heading, the proper names, the time, the space.

УДК 811.111'373.2

М. Ю. КАРПЕНКО

ВИОКРЕМЛЕННЯ БАЗОВОЇ ОДИНИЦІ ІНТЕРНЕТ-ОНОМАСТИКОНУ

Дослідження присвячено архітектурі Інтернет-ономастикону. Зроблено спробу виокремити базову одиницю цієї архітектури. Окреслено деякі характеристики сайтонімів.

Ключові слова: Інтернет, онім, онімичний простір, сайтонім.

Дослідження присвячено встановленню загальних закономірностей функціонування складових простору Інтернету. Цей напрямок дослідження видається актуальним, бо недовге існування

й бурхливий розвиток Всесвітньої павутини тільки починає викликати цікавість у науковців. Робиться спроба проаналізувати онімичний простір Інтернету, а саме виокремити та схарактеризувати його основні одиниці. Об'єкт дослідження складають власні назви на позначення складових Інтернету. Предмет дослідження становить мовна природа власних назв на позначення складових Інтернету. Матеріалом дослідження слугували різномовні сектори Інтернету, що надало можливість сформуванню базовий список прикладів власних назв, які називають Веб-сайти Інтернету. Основними методами дослідження були кількісний та описовий.

Перед тим, як перейти до спроб виокремлення базової одиниці ономастикону, потрібно дати чітке визначення цьому терміну. У працях провідних мовознавців немає його остаточного визначення, тому наведемо кілька варіацій з різних авторитетних джерел:

— Ономастикон — це репертуар власних імен певного етносу, соціуму або періоду [3: 98].

— Ономастикон — це сукупність усіх власних імен мови [8: 115].

— Ономастикон — сукупність онімів у певній мові, формі існування мови, функціональному стилі, сфері вживання мови, творчості мовної особистості, тексті, дискурсі, на певній території, у певний історичний період розвитку мови [4: 517].

У всіх цих визначеннях ми бачимо спільну думку: ономастикон — це сукупність онімів у певній сфері вживання, яка обмежена певними параметрами.

Дуже плідною сферою вживання мови протягом останніх десятиріч став Інтернет — “мережа мереж” [10]. Завдяки своїй рекурсивній конструкції Інтернет необмежений ані територією, ані етносом, ані мовою, ані історичним періодом розвитку мови. Це дає можливість виділити новий, фундаментально інший, Інтернет-ономастикон, який є сукупністю власних імен, що притаманні Інтернет-середовищу.

У класичних трудах з ономастики є зовсім неосвяченим ономастикон всесвітньої мережі Інтернет через новітність цієї царини. Тож є актуальним з'ясування, який його компонент можна вважати базовою одиницею цієї онімичної сфери. Для цього проведемо паралель з іншими ономастиконами, які існували ще задовго до створення Інтернету, внаслідок чого вони були ретельно описані. На думку О. В. Суперанської, “власна назва надається єдиному, спеціально обраному об'єкту, який входить до певного класу, для його виокремлення та ідентифікації” [6: 11]. Об'єктом, що найбільш повно відповідає цьому опису, є веб-сайт, а отже можна зробити припущення, що його назва і є базовою одиницею Інтернет-ономастикону.

Для поглиблення та розвитку нашої думки зробимо спробу дати визначення сайту, з'ясувавши тим самим місце його назви в ономастиці. Веб-сайт — це сукупність документів, створених спеціальним способом, що містять деяку інформацію або виконують деякі функції і об'єднані під однією адресою в Інтернеті. Виходячі з цієї дефініції, робимо висновок, що веб-сайт — це продукт інтелектуальної діяльності однієї людини або групи людей, який слугує певній меті. Шукаючи паралелі в класичній літературі з ономастики, знаходимо, що мовознавці вже виділяли назви класів об'єктів з подібними характеристиками. Наприклад, А. Бах окремим класом власних назв вважає заголовки літературних творів та планів (військових і т. п.) [9, т. 1, с. 4], а О. В. Суперанська виокремлює власні назви творів літератури та мистецтва [5: 203]. Чітке визначення цієї категорії онімів наведено у словнику Н. В. Подольської, яка надає онімам об'єктів цієї категорії назву ідеонімів, тобто категорій власних назв, які мають денотати в розумовій, ідеологічній та художній сферах людської діяльності [3: 61]. У новітніх наукових дослідженнях, які брали до уваги наявність Інтернет-ономастикону, окремим підрозділом ідеонімів було виокремлено віртуалоніми — власні назви віртуальних (комп'ютерних та інтернетівських) об'єктів, які підрозділяються на комп'ютероніми — власні назви денотатів, пов'язаних із роботою з комп'ютером, та інтернетоніми — власні назви об'єктів, пов'язаних з Інтернетом. Саме до складу останніх включено сайтоніми — власні назви сайтів [7: 133—134].

Кожен сайт має два унікальні ідентифікатори: IP-адресу (номерний ідентифікатор) та доменне ім'я (словесний ідентифікатор). Система доменних імен (DNS — Domain Name System) була розроблена для полегшення орієнтації у Всесвітній Павутині. Завдяки їй кожній IP-адресі було присвоєне власне доменне ім'я [1]. Наприклад, IP-адресі 74.125.87.104 відповідає доменне ім'я google.com. Домени можна класифікувати за специфікаторами схеми у префіксальній позиції, наприклад, http:, ftp:, та публічними суфіксами, наприклад, .com (позначає комерційну належність сайту), .co.uk (позначає географічну приналежність до Великобританії), .org (репрезентує певну організацію) [див. детальніше: 11]. Таким чином, структуру власної назви будь-якого Веб-сайту можна зобразити як сукупність трьох блоків: специфікатор схеми (http:) + сайтонім + публічний суфікс (.com, .org).

Необхідно уточнити, що саме слід відносити до сайтонімів, бо сюди відносимо, по-перше, ті власні назви, які знаходимо в адресному рядку (напр., www.google.com), по-друге, заголовок, що знаходиться на головній сторінці (напр., Google). Обидві ці назви є власними і називають той самий сайт. Тому вони обидві виявляються сайтонімами, що зазвичай знаходяться у певних ієрархічних стосунках, де гіперонім — назва порталу (Google), а гіпоніми — адреси сторінок сайту (www.google.com, www.google.ru). Подальший розподіл цього порталу на підрозділи при-

зводить до появи ще одного, нижчого рівню гіпонімів, наприклад: онлайн-календар <http://www.google.com/calendar/>, онлайн-новини <http://www.google.com/reader/>, електронна пошта <http://mail.google.com/>, онлайн-офіс <http://docs.google.com/>, онлайн-фотоальбоми <http://picasaweb.google.com/>.

Гадаємо, що до сайтонімів відносяться обидва типи власних назв, які можуть знаходитися в еквонімічних або гіперо-гіпонімічних відносинах. Схоже спостереження Є. С. Отіна стосується ергонімів, які можуть функціонувати у повній формі та як адресний або телеграфний варіант — аббревіатурне скорочення чи поодиноке «ключове» слово [2: 147], як, наприклад, Одеський національний університет та ОНУ. Варіативність сайтонімів є цілком логічною, бо автори сайтів намагаються зробити їх назви легкими для запам'ятовування: короткими і водночас змістовними, щоб сутність Веб-сайтів була зрозумілою користувачам уже в заголовку. Напр., сайт <http://lib.ru/> має назву на головній сторінці Библиотека Максима Мошкова.

Можемо висновувати, що дослідження мовної природи власних назв на позначення складових Інтернету, а саме виокремлення його основних одиниць — сайтонімів — дає змогу описати онімічний Інтернет-простір. У подальших розвідках ми плануємо скласти номінативно-денотатну класифікацію онімів Інтернет-ономастикону з оглядом на їх приналежність до певної функціональної зони. Практична вагомість цієї роботи полягає у створенні онімічних словників різномовних секторів Інтернету, що сприятиме, по-перше, встановленню універсальних лінгвальних особливостей сайтонімоторення, а по-друге, порівняльній структуризації мотиваційних витоків різномовних власних назв елементів Інтернет-простору.

1. Бройдо В. Л. Архитектура ЭВМ и систем. — 2-е изд. / В. Л. Бройдо, О. П. Ильина. — СПб: Питер, 2009. — 720 с.
2. Отин Е. С. Труды по языкознанию / Е. С. Отин. — Донецк: Юго-Восток, 2005. — 480 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд. / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
4. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава: Довкілля-К, 2010. — 844 с.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — 2-е изд. / А. В. Суперанская. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 368 с.
6. Суперанская А. В. Ономастика начала XXI века / А. В. Суперанская. — М.: Институт языкознания РАН, 2008. — 80 с.
7. Торчинський М. М. Структура, типологія і функціонування онімної лексики української мови: Дис. ... доктора філол. наук: спец: 10.02.01 «Українська мова» / М. М. Торчинський. — Київ, 2010. — 502 с.
8. Єрмоленко С. Я. Українська мова. Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів / С. Я. Єрмоленко, С. П. Бирик, О. Г. Тодор. — К.: Либідь, 2001. — 224 с.
9. Bach A. Deutsche Namenkunde / A. Bach. — Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1952. — Т. 1. — 331 S.
10. Internet (computer network) — Britannica Online Encyclopedia // Режим доступу: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/291494/Internet>
11. The Public Suffix List // Режим доступу: <http://publicsuffix.org/>

М. Ю. Карпенко

ВЫДЕЛЕНИЕ БАЗОВОЙ ЕДИНИЦЫ ИНТЕРНЕТ-ОНОМАСТИКОНА

Исследование посвящено архитектуре Интернет-ономастикона. Делается попытка выделить базовую единицу этой архитектуры. Описываются некоторые характеристики сайтонимов.

Ключевые слова: Интернет, оним, ономастическое пространство, сайтоним.

M. Yu. Karpenko

SINGLING OUT THE BASIC ELEMENT OF THE INTERNET ONOMASTICON

The research is dedicated to the architecture of the Internet onomasticon. An attempt to single out the basic element of this architecture is made. Some features of a siteonym are defined.

Key words: Internet, onym, onomastic space, siteonym.

О. М. СКЛЯРЕНКО

ГУМОРИСТИЧНО-КОНОТАТИВНІ ТА ІРОНІЧНІ УТВОРЕННЯ В ТОПОНІМНИХ СФЕРАХ УКРАЇНИ ТА США

Стаття присвячена типологічному зіставленню гумористично-конотативних утворень у топонімних сферах України та США. Відмінності обумовлені не лише специфічним характером та шляхами розвитку розглянутих мов, не лише різними географічними та історичними умовами їх існування, але й особливостями ономастичного менталітету та традицій народів, які творили ці назви.

Ключові слова: типологія, топонім, номінація, онімізація, гумор, конотація.

Сучасний офіційний ойконімікон України бідний на гумористично-конотативні найменування. Він видається значною мірою усталеним та упорядкованим з огляду на те, що упродовж значного часу владні інституції переймалися, зокрема, завданням вилучити з нього якомога більше нестандартних, своєрідних назв поселень або назв, що своєю внутрішньою формою не відповідали політико-ідеологічним настановам часу. Численні довідники адміністративно-територіального устрою, як окремих (усіх) областей країни, так і всієї України, функціонуючи як нормативні кодекси, замінювали всі назви гумористично-іронічної спрямованості на назви, позбавлені такої забарвленості. Проте в неофіційних назвах населених пунктів, особливо їх частин, зокрема в найменуваннях так званих «кутків», у неофіційних назвах вулиць повною мірою виявляється схильна до гумору вдача українського народу.

Своєрідний семантичний ряд становлять деякі народні назви хуторів, кутків, які пов'язані з гумористичним або незвичним способом номінації на позначення народних ремесел, професій, або видів діяльності людей, продуктів їх діяльності тощо. Гумор маніфестується як у доборі відповідних лексем, так і в структурно-словотвірній специфіці назв. Назва хутору **Горщок** с. Замшани (Вл) мотивована тим, що там жили гончари [2: 178, 187], а в кутку **Склянчуки** с. Куснице (Вл) виготовляли скло [3: 345]. Неофіційна назва району **Бекон** м. Дубно мотивована тим, що його населення працює на м'ясокомбінаті [2: 35]. Назву **Свиняча** мав куток с. Осівці, де в період дощів багато калюж [3: 321]. Назви кутків **Козодій**, **Козодійна** пов'язані з тим, що їх жителі тримали кіз [2: 350]. Кілька кутків, де розводили кур, мають назву **Курятник** [2: 400]. В хуторах **Звірикі** н. п. Гараджа та Новокотів знаходились звіроферми [2: 301].

В ряді населених пунктів існують вулиці із однаковою неофіційною назвою **Видумка**, де живуть хлопці, що видумували кожному жителеві прізвисько [2: 112]. Це свідчить про загальну традицію в селах наділяти кожного жителя прізвиском. Наведемо ще кілька прикладів неофіційних найменувань, в яких номінаційна функція переплітається із вираженням різних гумористично-емоційних нюансів. Куток с. Боровичі, де продають спиртні напої, має гумористичну назву **Аптека** [2: 17]. Куток с. Заболотинці має назву **Бойня**, бо там часто билися хлопці [2: 59]. В кутку **Брехалівка** с. Колки збиралися жінки попліткувати [2: 70], а на хуторі **Брехунові** с. Личин жили люди, які любили піддурювати людей [2: 70]. Район м. Радохів має назву **Бродвей**, бо там часто відпочиває молодь [2: 72]. Ліс, де після дощу дуже грузько і довго стоїть вода, отримав народну назву **Вимоклятина** [2: 11]. Назва кутка **Міндобривне Поле** с. Жабче мотивована тим, що там у полі нічого не росте, бо колись за багато удобрили його [3: 91]. Назва кутка **Мертвий Хрест** с. Дубове мотивована перехрестям вулиць, де часто трапляються аварії [3: 82]. Куток **Лисая Колонія** с. Колона має таку назву, бо там жив лисий парубок [3: 18]. Куток **Лежня** с. Заболотинці мав таку іронічну назву, бо там жили ліниві хазяї [3: 9]. Пор. численні неофіційні назви сел, кутків сел **Голопузівка**, де мешкали бідні родини.

Інший ономастично-номінаційний клімат спостерігається в топонімній сфері США, де значна кількість топонімів має гумористичну спрямованість. Ономастичні офіційні установи в США здебільше слідкували за тим, щоб назви не повторювались багато разів, не перебільшували певних розмірів (щоб їх можна було розмістити на конверті), або щоб вони були зручними для телеграфістів. Стосовно змісту назв, то місцеві громади навіть заохочувались для найменування об'єктів незвичними (але пристойними в широкому розумінні слова) лексемами.

Одним із механізмів реалізації гумору в американській топонімії виступають дескриптивні номінації, прикладом яких може слугувати назва річки **True Love Creek** (SC) «Річка справжнього кохання». Назву, мабуть, дав той, кому не пощастило в коханні, бо ця річка у своїй течії крива, непряма, плине нерівним потоком [9: 495]. Іншим прикладом гумористичної номінації є назви річок у двох штатах **Matrimony Creek** (NC, VA) «Шлюбна річка», «Річка одруження»

[9: 285]. Номінатори цих гідронімів, вочевидь, були невисокої думки про шлюбні узи, бо ці річки шумливі, галасливі, бурхливі та стрімкі. Долина **Shanghai** (WA) отримала таке найменування не за назвою відомого міста в Китаї, а як жартівлива, гумористична назва, мотивована тим, що у чоловіка і його дітей, що жили в цій долині, були довгі ноги, як у шанхайських курчат [9: 437]. Певний гумористичний відтінок відчувається у назві річки з подвійною дескрипцією **Rough and Tumbling Creek** (CO) «Бурхлива та буйна річка» [9: 411], пор. вираз *rough and tumble*: 1) 'звалище, бійка'; 2) 'плутанина', 'безладдя'. Іншу річку назвали з гумором **Tantalus Creek** (UT), бо вона спричиняла «Танталові муки» — пересихала в той час, коли її вода була вкрай потрібна [9: 473]. Місце хаотичного, безладного нагромодження скель отримало в 1887 р. гумористично-експресивну назву **Total Wreck** (AZ) «Цілковита катастрофа», «Повна загибель» [9: 490], а потім, по переносу, цю ж назву отримало поселення. Нічим не знані поселення невеликих розмірів отримали гумористичні назви **Micro** (NC) < від грецького слова із значенням 'малий', **Minimum** (MO) «Мінімальне» [9: 294, 297], а також **Iota** (LA) < від слова *iota* — назви найменшої букви грецького алфавіту, яка в англійській мові має значення 'дуже мала кількість' [6: 97]. Деякі гумористичні назви на позначення невеличкого за розмірами поселення мають метафорично-саркастичний характер. Колишня назва поселення **Hogeye** (AR) «Кабаняче око» підкреслює, що поселення за своїми розмірами було не набагато більше, ніж око кабана [6: 44]. Озеро незначних розмірів і кругле, як монета, отримало метафорично-гумористичну назву **Tencent Lake** (OR) «Десятицентове озеро» [9: 477]. Назва невеличкого поселення **Mole Hill** (WV) має гумористичне звучання, зважаючи на семантику його складових < *mole* 'кріт', *hill* 'пагорб' тобто «Кротовий пагорб». Продовжуючи традицію гумору, це крихітне поселення було перейменоване, і зараз це **Mountain** «Гора» [9: 302]. Певний гумор відчувається в метафоричних назвах, у яких позначення свійської тварини поєднується зі словом *neck* 'шия': **Bullock Neck** (RI) «Воляча шия», **Horse Neck Brook** (MA) «Ручай кінської ший», **Calf Neck** (RI) «Теляча шия» [9: 321]. На початку ХХ ст. деякі скелі отримали назву **Teddys Teeth** (CO) «Зуби Тедді», мотивовані карикатурними зображеннями тодішнього президента США Т. Рузвельта з виступаючими зубами [9: 476]. Пор. гумористично-метафоричну назву гірського піка **Blunose Peak** (CA) «Синеносий пік», мотивовану голубуватим кольором скель [9: 51]. Деякі гумористичні назви пов'язані з відчуттями людей під час номінації об'єктів. З гумором сприймається назва гори **Shivering Mountain** (AK) < *shiver* 'тремтіти від холоду', бо не гора тремтіла, а ті, хто на неї підіймався [9: 441]. Гумористична назва однієї річки **Temperance** (OR) мотивована тим, що у мандрівників закінчилась кава і вони змушені були пити воду (одне із значень слова *temperance* — 'стриманість, помірність у їжі та напоях', назва іншої річки **Temperance** (MN) мотивована тим, що першопрохідці, які вийшли до цієї річки, не знайшли там ніякого бару, щоб придбати алкогольних напоїв (інше значення слова *temperance* — 'тверезість' [9: 477]. Похмурий гумор вбачається в назвах кількох озер, якими «нагородили» їх втомлені та незадоволені учасники розвідницької експедиції, серед них: **Crazy Lake** (CA) «Божевільне озеро» (треба було бути божевільним, щоб сюди потрапити), **Foolish Lake** (CA) «Дурне озеро», бо 'дурним буде той, хто знову сюди навідається' [7: 95, 134]. Не завжди можна знайти мотивацію гумористичної номінації. Назва річки **Rubicon River** (CA) [9: 412] в жартівливій формі нагадує, мабуть, про якусь подію, що трапилась тут, а не про справжню річку Рубікон, яку свого часу вирішив перейти Юлій Цезар. Невеличку групу топонімів складають найменування, які своєю внутрішньою формою означають щось протилежне реальним фактам. Назва пагорба **Poverty Hill** (CA) — «Пагорб бідності» звучить іронічно на тлі того факту, що тут розташована багата шахта (в якій добувають золото) [9: 386]. Пор. кілька назв річок в тій же Каліфорнії **Poorman Creek** «Річка бідняка», золотоносні ділянки біля яких належали багатим людям [9: 383]. Пор. аналогічні гумористичні назви на Україні: куток **Багате** с. Береськ (Вл) жартівливо так названий, бо там живуть бідні люди, а в кутку **Бідне** с. Береськ, навпаки, живуть багаті люди [2: 22, 45]. З аналогічних мотивів поле називається **Америка**, бо там колись жили бідні родини [2: 14]. Дуже спекотна місцевість у Каліфорнії отримала назву **Siberia** — «Сибір», як прояв гумористичного *антидескриптивізму* [9: 443]. Назва міста **Frio Town** першим компонентом має слово *frio* (ісп. 'холодний') і сприймається як гумористична назва «Холодне місто» в спекотному Техасі, пор. ще назву поселення **Tundra** «Тундра» в тому ж штаті [8: 141, 348]. Словами **Little York** — «Маленький Йорк» називають (з гумористичним натяком) величезне місто **New York** [9: 259]. Пор. ще *гумористичні* або *іронічні дескриптиви* — назви, в яких внутрішня форма не відповідає, а часто й прямо протилежна реаліям, які отримують найменування. Назва річки на Алясці **Straight Creek** «Пряма річка» є проявом гумористичного дескриптивізму, бо вона дуже крива [10: 95]. Назва іншої ріки на Алясці **Happy River** «Щаслива ріка» була так названа в 1898 р. з іронією, бо експедиція мала чимало неприємностей, намагаючись пливати цією річкою [10: 95]. Поряд із кількома назвами на **Strawberry** «Полуниця», які пов'язані з присутністю цих ягід, назва піку **Strawberry Peak** (CA) жартівливо мотивована тим, що «на цій горі не знайшли жодної полуниці» [7: 377].

Деякі назви населених пунктів у США мають гумористично-дерогативний, принизливий при- смак. Таким є ойконім **Stumpy Point** (NC) < від слова *stump* 'пень' [9: 463], з імплікацією, або що будівлі міста зроблені із пнів, а не дерев чи цегли, або що там живуть 'пні', тобто тупі, малоосвічені люди. Внутрішня форма ойконіма **Sleepy Hollow** «Сонна лощина» з гумором на- тякає, що люди, які там живуть, не мають інших бажань, окрім спати якомога довше [9: 448]. Мешканцям поселення **Dreamer** (TN) не подобалась назва їх поселення, бо, на їх думку, вона показувала, що вони дуже люблять спати або бездумно мріяти про щось (пор. дієслово *dream* 'бачити сни, мріяти') і вони замінили цю назву на більш загадкову і унікальну — **Only** < від слова *only* 'тільки, виключно' [8: 241]. За цих же причин мешканці міста **Sleepyville** (OK) «Сонне місто» вимагали заміни його назви. Зараз це місто має назву **Okay** [6: 192].

Гумористично-презирливі (не співчуваючі!) конотації для віддзеркалення нужденних, злиден- них умов життя поселенців під час найменування відчуваються в назвах **Needy** (OR) «Нуж- денний», **Needville** (TX) «Місто, що нуждается». Вельми поширеною була гумористично-пре- зирлива назва поселення **Needmore** (GA, IN, KY, IL, TN) із значенням «Потребують ще більше». Пор. ще: в штаті Алабама було дві назви **Needmore**, в Техасі — п'ять [6: 249], у штаті Кентуккі — вісім [9: 321].

Ономастичному осміюванню підлягають такі людські риси як пияцтво, гра в карти тощо, пор. колишні народні назви шахтарських таборів на зразок **Whiskey Flat** (CA) «Квартира віскі», **Poker Flat** (CA) «Квартира покеру», **Tantrum Glade** (CA) щось на зразок «Поляна гніву», **Delirium Tremens** (CA) «Біла лихоманка» [6: 28]. Коли шахтарський табір **Whiskey Hill** (CA) «Пагорб віскі» перетворився на справжнє місто, його перейменували на **Freedom** «Свобода» [7: 137].

В неофіційних назвах поселень часто висміювались певні риси характеру людей, пор. ко- лишню назву поселення **Jackassville** (CA) < *jackass* 'осел, дурень, телепень', або назву населе- ного пункту **Humbug City** < від *humbug* 'обман, удавання', 'ошуканець, хвалько', або ойконім **Afterthought** < від *afterthought* 'думка, що прийшла в голову занадто пізно' [6: 28]. В назвах **Pumpkin Center** (OK, ID, SD), **Pumpkintown** (SD, TN) компонент **Pumpkin** походить від слова *pumpkin* 'гарбуз' із значенням «людина з гарбузом, а не з головою на плечах» [6: 44]. Пор. ще ойконім **Henpeck** (PA) < від слова *henpecked* 'той, що знаходиться під каблуком у дружини' [6: 54]. Гумористична назва **Cannibal Island** (CA) «Острів канібалів» мотивована тим, що там поселенці бились між собою, «як канібали» [7: 64]. Гумористично-принизливі значення мали повторювані неофіційні назви поселень на зразок **Bug Tussle**, **Bug Scuffle** < від *bug* 'клоп', *tussle* 'боротьба, бійка', *scuffle* 'бійка' із сенсом, що їх мешканцям постійно приходилось боро- тися з клопами [9: 64].

Інколи створені назви промовляють про їх номінаторів. Похмурий гумор практикуючого хірурга Е. Ф. Balle, який перейменував земельну ділянку з індіанською назвою **Sakalgomanos** з **Carne Humana** (CA) (ісп. «Людське м'ясо»), промовляє про вдачу номінатора (він, до речі, два рази сидів у в'язниці за хуліганські дії) [7: 67].

Як один із проявів гумору в ономастиці виступають *ономастичні каламбури*, під якими розуміємо ономастичну гру слів, основану на випадковій звуковій схожості пропріальних та апеліативних лексем, коли виникають нові, неочікувані асоціації, що призводить до гуморис- тичного ефекту. Гумористичним каламбуром виглядає переосмислення топонімної назви **Ocean View** «Вид на океан» як **O'Shean's View** «Вигляд людини на ім'я O'Shean» (зараз це місто має назву **Albany**) (CA) [7: 7]. Прикладом топонімного каламбуру може слугувати також назва поселення **Ravenna** (TX), бо ця назва, по-перше, є перенесеною назвою (пор. м. **Ravenna** в Іта- лії), а, по-друге, відбиває конкретні реалії — розташування міста між двома лощинами < англ. *ravine* 'ущелина', 'яр', 'лощина' [9: 400 — 401]. Назва місцевості **Rivera** (CA) пов'язана перш за все із іспанським прізвиськом Rivera, а також мотивована своїм розташуванням між двома річками — Rio Hondo та San Gabriel River [7: 318]. Назва поселення **Scenery Hill** (PA) мо- тивована не лише чудовим краєвидом (*scenery* 'пейзаж', *hill* 'пагорб'), а є своєрідним онімним каламбуром, грою слів із іменем мешканця поселення Stephen Hill [9: 429]. Ономастично ска- ламбуривав певний Bill Garner, котрий дав озеру назву **Bright Dot Lake** (CA) «Озеро яскравої крапки» — озеро здалеку має вигляд яскравої блакитної цяточки, а своєю назвою нагадує про імена його жінки — Dolly Dot Bright [7: 47]. Назва поселення **Cromberg** (CA) — американі- зована форма німецького прізвища місцевого жителя Krumberg (нім. «Крива гора»), яка своїм доонімним значенням вказує на розташування поселення на звивистій дорозі серед пагорбів [7: 97]. Назва поселення **Mount Ida** (AR) мотивована ім'ям дочки номінатора, а також від- лунням ороніма **Mount Ida**, відомого із грецької міфології [9: 217]. Назву поселення **Hi Wassie** (MO) гумористично тлумачили і як «Привіт, *Wassie*», і як «Високий *Wassie*» (однорічне *high* 'високий', а це потягнуло за собою появу назви **Low Wassie** «Низький (Невисокий) *Wassie*» [9: 266]. Іншим каламбуром виступає відантропонімний ойконім **Slocum** (TX), який інтерпре- тують як *Slow come* «Повільно, неквапливо приходити», з натяком на те, що населення міста збільшується дуже повільно [9: 449]. Ойконім **Styx** (TX, CA) асоціюється не лише з назвою

річки потойбічного світу із грецької міфології, а і з апелятивом *sticks* < від слова *stick*, одне із значень якого — ‘млява або тупувата людина; тупиця, недалеко або відстала людина’ [9: 463]. Каламбурна гідронімна назва **Heart Lake** (WY) мотиваційно пов’язана з іменем місцевого мисливця *Hart Hunney*, а метафорично — з серцеподібними обрисами озера, звідки цей лімніонім [9: 201]. Ойконім **Lotus** (CA) «Лотос» не лише мотивований назвою екзотичної рослини, а й, на думку номінаторів, відбиває легковажну та безтурботну вдачу мешканців поселення, подібно до тих, хто споживав лотос в «Одисеї» Гомера [9: 265] (пор. *lotus-eater* ‘безтурботний мрійник’, ‘людина, яка живе в своє задоволення’ [1: 569]). Назва озера **Moonshine Lake** (SD) не стільки пов’язана з місячним сяйвом, яке заливає озеро вночі, скільки із самогоном, який по ночам варили на його березі [9: 306] (*moonshine* — американське сленгове слово ‘самогонка, контрабандний спирт’ [1: 610]). Інше озеро **Moonshine Lake** (MN) спочатку мало називатися **Moon Lake** (за дівочим прізвиськом *Moon* жінки першопоселенця). Проте яскраве місячне сяйво впродовж їх перших побачень на березі озера примусили номінатора додати до назви кінцевий компонент [9: 306]. В іншому випадку скорочення прізвиська *Morgan* і часткова зміна в написанні кінця слова призвели до появи гідроніма і ойконіма **Morgue** (KY) [9: 308] — тополексеми, яка має корелятом апелятивну лексему *morgue* із значеннями ‘морг, покійницька’ та ‘гордовитість, зарозумілість’ [1: 612]. Ономастичний каламбур назви поселення **Coraopolis** (PA) міститься в тому, що, з одного боку, назва походить від грецьк. *koreopolis* ‘місто дівчини’, а, з іншого боку, пов’язана з іменем *Kora Watson*, дочки поважного мешканця міста [8: 98]. Фонетична форма річки **Coal Creek** (TN) містить згадку про першопоселенця на ім’я *Cole*, за чийм іменем була спочатку названа річка, і про *coal* ‘вугілля’, яке тут було пізніше знайдено в значній кількості [8: 89].

Інокли саме гумористичний, глузливий, іронічний, або просто незвичний підтекст назви гарантують йому довге життя. Мешканці міста **Whiskeytown** (CA) «Місто віскі» багато років боролись з урядом за ономастичну справедливість — влада країни не погоджувалась з питомою назвою міста і нав’язувала йому всілякі не достойні уваги назви, на зразок відантропонімних **Blair**, **Stella** або **Schilling**. Нарешті, в 1952 р. справедливість восторжествувала і місто залишилось при своїй назві **Whiskeytown** [8: 370].

Іншим ономастичним джерелом гумористичного потоку власних географічних назв у США є те, що ми б назвали *шарадною топонімією*. Як відомо, сучасні назви найчастіше сприймаються не на слух, а візуально. В порівнянні з минулою добою, в сьогоденні в США переважає не слухове, а зорове сприйняття назв. Топонімі позначення сприймаються оптично на автострадах і міських дорогах, на інформаційних таблицях, в туристичних буклетах, у розкладах руху морських і повітряних суден, поїздів, автобусів тощо. Цим скористалися американські гумористи від ономастики. Назва поселення **Gardi** (GA) являє собою напівшарадну передачу вислову *Guard eye!* «Бережи очі!», яку використовували при пересуванні через хащу чи зарості [9: 176]. Ойконім **Ty Ty** (GA) походить від вислову *tight — eye* (щось на зразок «щільно заплющені очі») в тому сенсі, що хащі настільки густі, що через них нічого не видно [6: 60]. Ойконім **Noti** (OR) походить від слів *no tie* із значенням ‘не прив’язана’, які немовби сказав індіанець, коли дістався до місця, де, за згодою з білим поселенцем, на нього чекав би прив’язаний до дерева кінь [6: 195].

Офіційними назвами в США можуть ставати сукупності різних звуків. Саме в їх етимологічній непердбачуваності криється певний гумор. В одному поселенні після тривалої перепалки щодо його назви, коли мешканці не могли дійти згоди, якийсь В. В. Dougherty піднявся із стільця, потягнувся і голосно позіхнув: *Aho*. Місцева громада сприйняла ці звуки достатньо привабливими для найменування їх комуни. Звідси ойконім **Aho** (BC) [5: 245]. Фонетично споріднена йому назва поселення **Ajo** (AZ) (читається як *ah-ho*) співпадає із іспанським словом, що означає ‘часник’ [5: 19]. Фонетично близьким до цієї назви є ойконім **Ho Ho** (**Village**) (NC), який сягає зовсім інших «ономастичних» витоків [5: 251]. Пор. іншу назву міста **Ho-Ho-Kus** (NJ) [6: 161]. Назва поселення **Pan** (AZ) нічого не значить в етимологічному сенсі (зате легко читається) [5: 21], на відміну від звучної назви **Kofa** (AZ), яка етимологічно розшифровується як скорочення ергоніму *King of Arizona Mining Company* [5: 21]. В ойконімі **Atco** (NJ) одні дослідники вбачають індіанську спадщину і етимологізують назву як таку, що походить від слів із значенням ‘багато оленів’, другі тлумачать її як похідну від слів із значенням ‘чиста вода’. Інші переконані, що ця назва має новітнє комерційне походження і є скороченням назв фірми **Atsion Transport Company**, а інші виводять її із ергоніма **Atlantic Transportation Company** [4: 3], пор. ще назву **Atco** (GA) < **American Textile Company** [8: 29].

Таким чином, деякі іронічні найменування через ряд причин (насамперед позалінгвістичних, соціально-політичних) можуть змінити свій випадковий характер і перетворитися на специфічні інноваційні моделі, що мають певну продуктивність. Численні оніми США пов’язані з гумористичними асоціаціями. Проте, на нашу думку, найгумористичнішими є не самі оніми, а їх етимологічні трактування. Різні інтерпретатори пропонують свої етимологічні рішення, своє етимологічне бачення одних і тих же власних назв, відхиляючи, прямо чи опосередковано, доброзичливо

чи не дуже, всі інші. Наявність різного роду іронічних та гумористично-конотативних утворень у топонімії США свідчить про динамічність даної топонімічної системи, про її молодість, схильність до змін, відбитих у власних географічних назвах, і є яскравим свідченням ономастичного менталітету народу, який дає назву місцям, де він мешкає.

1. *Великий англо-український словник* / Автор-укладач М. В. Адамчик [пер. І. А. Карбівничий, В. В. Людовинська, Г. І. Сидорук]. — Донецьк: Сталкер, 2002. — 1152 с.
2. *Словник мікротопонімів і мікрогідронімів північно-західної України та суміжних земель*: [у 2 т.] / Волинський держ. ун-т ім. Л. Українки. Філол. ф-т. Ономастико-діалектологічна лаб.: [упоряд. Г. Л. Аркушин]. — Луцьк, 2006. — Т. 1: А—К. — 408 с.
3. *Словник мікротопонімів і мікрогідронімів північно-західної України та суміжних земель*: [у 2 т.] / Волинський держ. ун-т ім. Л. Українки. Філол. ф-т. Ономастико-діалектологічна лаб.: [упоряд. Г. Л. Аркушин]. — Луцьк, 2007. — Т. 2: Л—Я. — 536 с.
4. *Allotta R. I. Signposts and Settlers. The History of Place Names in the Middle Atlantic States* / R. I. Allotta. — Chicago: Bonus Books, Inc., 1992. — 654 p.
5. *Blevins D. The Unusual Origins of More Than 3,000 American Place Names* / D. Blevins. — Tennessee, Nashville: Cumberland House, 2000. — 435 p.
6. *Gallant F. K. A Place Called Peculiar. Stories about Unusual American Place-Names* / F. K. Gallant. — Massachusetts, Springfield: Merriam-Webster, Incorporated, 1998. — 275 p.
7. *Gudde E. G. California Place Names. The Origin and Etymology of Current Geographical Names* / E. G. Gudde. — 4th ed., rev. and enl. — Berkley, Los Angeles, London: Univ. of California Press, 1998. — XXVI + 467 p.
8. *Quimby M. J. American Place Names and their Derivation* / M. J. Quimby. — NY: A. S. Barnes and Company, 1970. — 390 p.
9. *Stewart G. R. American Place-Names. A Concise and Selective Dictionary for the Continental United States of America* / G. R. Stewart. — NY: Oxford University Press, 1970. — 550 p.
10. *Stewart G. R. Names on the Globe* / G. R. Stewart. — 2nd ed. — NY: Oxford University Press, 1975. — 411 p.

О. Н. Скляренко

ЮМОРИСТИЧНО-КОННОТАТИВНЫЕ И ИРОНИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ТОПОНИМИИ УКРАИНЫ И США

В статье рассматриваются юмористично-коннотативные и иронические географические названия Украины и США. Различия обусловлены не только специфическим характером и путями развития рассматриваемых топонимических систем, но и разными географическими и историческими условиями их существования, но и особенностями ономастического менталитета и традиций народов, которые создавали эти названия.

Ключевые слова: типология, топоним, номинация, онимизация, юмор, коннотация.

O. N. Skliarenko

IRONIC AND HUMOROUS PLACE-NAMES WITH CONNOTATION OF UKRAINE AND THE U.S.A.

The article is devoted to the typological comparison of place-names with connotation of Ukraine and the U.S.A. in the sphere of toponymics. The differences are caused not only by the specificity of the given languages and their toponymic systems, not only by differences in the geographical and historical conditions of their existence and ways of developments, but also by peculiarities of onomastic mentality and traditions of people who created these names.

Key words: typology, toponym, nomination, humor, onymization, connotation.

УДК 811.161.1'373.21:159.937.513:659.13

В. В. ГОРЛАЧЁВА

ТОПОНИМЫ В РЕКЛАМНОЙ КОЛОРИСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В статье рассмотрены случаи использования топонимов в качестве рекламных цветообозначений, осуществлена попытка проанализировать механизм цветового определения рекламируемого с использованием географических названий, охарактеризовать семантические особенности указанных лексических единиц.

Ключевые слова: реклама, топоним, апелляция, цветообозначение, цветовая сема.

Современная лингвистика уделяет большое внимание особенностям функционирования ономастической лексики [1; 4; 6]. Исследователи обращаются к изучению процессов миграции онимов [2; 3]. Ярким примером функционирования имён собственных в новом статусе стало

их использование в качестве рекламных цветообозначений. Например, каждый цвет серии выключателей от компании Solo маркетологи определили с помощью оттопонимных цветообозначений: toscana — коричневый, attica — синий, davos — белый, manhattan — чёрный, samoa — зелёный. В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать механизм цветовой характеристики рекламируемого с помощью ресурсов топонимикона. Указанный аспект является малоизученным в современной лингвистике, что и определило актуальность нашей работы. Источниками фактического материала выступили рекламные сообщения текстильной продукции, лакокрасочных и отделочных материалов, каталоги декоративной косметики, интернет-реклама автотранспорта.

В современной лингвистике топонимы определяют как «(гр. *topos* — место, местность, опута — имя, название) названия населённых пунктов, улиц, проспектов и площадей, рек, озёр, болот, пещер, отдельных частей рельефа и т. д.» [5, с. 654—655]. Топонимы могут служить материалом для создания окказиональных цветообозначений в рекламе. В зависимости от характера объекта выделяют несколько видов топонимов: хоронимы (названия обширных географических областей), гидронимы (названия водных объектов), ойконимы (названия населённых пунктов), урбанонимы (названия объектов города), годонимы (названия улиц) и др. [6, с. 6]. Случаи создания цветообозначений от топонимов известны давно. Так, в одном из словарей [8] относительно заимствованного русским языком цветообозначения *бордо* указано: «Bordeaux. This term, as an English color name, arose during the nineteenth century. Its meaning is seemingly very much misunderstood, in fact, largely unknown. It's not the name of a special color, but it's merely a synonym for "Claret" ... The city of Bordeaux, in France, has been for centuries the great merchandising and shipping center for the beverage wines of the region, of which the red wines fall into the class called in English, claret...» [8, с. 150]. Ещё одним примером может послужить цветообозначение *маренго* «(итал. *marengo*) 1. Первоначально: ткань чёрного цвета с белыми нитями. Наименование происходит от географического названия деревни Маренго в Северной Италии, где впервые производилась ткань подобного оттенка. 2. неизм. О цвете: чёрный с серым отливом. Костюм цвета маренго» [7, с. 236]. Таким образом, семантическая трансформация происходит поэтапно: 1) перенос наименования с конкретной местности на предметы, производимые в этом районе; 2) перенос наименования с предмета, которому присущ определённый цвет, на собственно цветовой признак. Первый этап представляет собою процесс апеллятивации собственного имени (деонимизации) — перехода собственного имени в класс нарицательных. Лингвисты отмечают, что в большинстве случаев апеллятивация основана на метонимических переосмыслениях слова. Второй этап — реализация метафорического переноса. Рассмотренная модель образования рекламных цветообозначений остаётся актуальной, например: «*Чистые, шикарные и современные оттенки губной помады Rouge Allure от Chanel подчеркнут женственность и чувственность ваших губ. Доступны в цвете Божоле (тёмно-розовый оттенок)...*», где «Божоле — вино марки Божоле. Названо по имени региона в центре Франции ... — Beaujolais. На востоке этого региона выращивается виноград, производятся всемирно известные вина марки «Божоле» [7, с. 69]. Заслуживает внимания и тот факт, что деонимизированная лексическая единица в условиях функционирования в качестве рекламного названия цвета под влиянием манипулятивной сути рекламной коммуникации вновь приобретает свойства имени собственного. Для копирайтера в этом случае важно не столько классифицировать цвет, сколько индивидуализировать его для покупателя, выделив из класса подобных. Деонимизированная лексема вновь графически подаётся с заглавной буквы, выступает «именем» цвета, что подчёркивает единичность, исключительность предлагаемого товара.

Стремление разнообразить средства цветовой номинации в рекламе подталкивает копирайтеров использовать всё больше топонимов (например, *Осло, Берлин, Норвегия, Швеция* — названия оттенков-блонд перманентной краски для волос компании L'Oreal), *Granada Black, Casablanca White, Melbourne Green* — названия цветов кузова автомобилей марок Mitsubishi, Dodge, Opel. Данные географические названия процесс апеллятивации не проходили. По справедливому замечанию учёных, различие между собственным и нарицательным именем раскрыто в выполняемых ими функциях: индивидуализационной и классификационной. Выступая в качестве цветообозначений, топонимы *Kozzika* (оранжевый цвет кафеля), *Мексика* (коричневый цвет декоративной косметики), *Филадельфия* (розовый цвет декоративной косметики) не могут быть полноценными классификаторами цвета, так как цветовые семы в их семемах ассоциативны или отсутствуют, поэтому и выступают они как цветообозначения только в рамках рекламного текста.

Привлекая топонимы как цветообозначения, копирайтер пытается актуализировать коннотативную цветовую сему. Топонимы северных широт или высокогорных объектов определяют белые, серые и светло-голубые оттенки: *Арктика* — белый цвет лака для ногтей; *Скандинавия* — серебристый, название оттенка перманентной краски; *Северный полюс* — белый, блестящий, интерьерный цвет. Названия водных объектов вызывают у потребителя ассоциации

с сине-голубыми тонами: *Байкал* (интерьерный цвет), *Huagara* (голубовато-серый цвет средства декоративной косметики), *Нил* (цвет текстиля), *Atlantic Ocean* (цвет кузова автомобиля); названия пустынь должны ассоциироваться с жёлто-коричневой гаммой (цвет песка) — *Гоби* (цвет средства декоративной косметики), *Сахара* (цвет текстиля), *Sahara beige* (цвет кузова автомобиля). Чтобы выяснить, существует ли для носителя русского языка соответствие между анализируемыми цветообозначениями и цветом, который они именуют в рекламе, мы провели ассоциативный эксперимент. Его применение призвано дать информацию о мотивированности цветообозначений-топонимов. Тридцать четыре респондента в возрасте от 17 до 25 лет и двадцать четыре в возрасте от 40 до 55 приняли участие в эксперименте. Всем анкетированным были предложены цветообозначения-топонимы в качестве слов-стимулов. Респонденты указывали свои цветовые ассоциации. Молодёжная группа респондентов была сформирована из студентов ЗНУ (филологического факультета Запорожского национального университета) и ЗНТУ (экономического факультета Запорожского национального технического университета). Анкетированные старшей группы — носители русского языка с высшим образованием. Разделение опрашиваемых на данные группы продиктовано стремлением проследить особенности восприятия и цветового определения семантики окказиональных цветообозначений носителями русского языка различных возрастных групп. Оценивая случаи совпадения — несовпадения цветовых ассоциаций, мы можем охарактеризовать актуальность и мотивированность рассматриваемых рекламных цветообозначений.

Приведём некоторые результаты нашего исследования. Давая цветовые ассоциации на слово-стимул *Самоа* (рекламное название зелёного цвета), 5 % испытуемых молодёжной группы отказались отвечать, а реакция *зелёный* стала единичной. Представители старшей группы отметили наличие ассоциативной связи между названием маленького островного государства в Южной части Тихого океана и зелёным цветом (60 % — *зелёный*, *зелёно-жёлтый*, *зелёно-синий*, *ярко-зелёный*, *еле зелёный*). Однако, представив в качестве слова-стимула название широко известного курортного острова *Багамы* (название лака для ногтей ярко-зелёного оттенка), мы зафиксировали среди реакций представителей обеих групп 40 % — *зелёный*, *тёмно-зелёный*, *ярко-зелёный*, 29 % — *жёлтый*, *ярко-жёлтый*, 20 % — *голубой*, *светло-голубой*, *небесный*.

Швейцарский город *Давос*, получивший известность в современном медиа-пространстве как место проведения встреч на межгосударственном уровне, по мнению авторов рекламы, ассоциируется с белым цветом. Согласно результатам проведённого нами ассоциативного эксперимента, ни один из респондентов в возрасте от 17 до 25 лет не воспринимает лексему *davos* как название белого цвета. 60 % опрошенных соотносят эту лексему с оттенками синего цвета (*синий*, *светло-синий*, *светло-голубой*, *небесно-голубой*, *серо-голубой*). 5 % испытуемых отказались отвечать, мотивируя отсутствием ассоциаций. 20 % респондентов определяют обозначенное слово-стимул как *серый*, *светло-серый*, *серо-голубой*. Респонденты молодёжной группы классифицировали *davos* и как *тёмно-коричневый*, *коричневый*, *пастельный*, *сине-зелёный*, *красный*, *розовый* и др. Представители второй группы анкетированных (возраст опрашиваемых от 40 до 55 лет) на слово-стимул *davos* указали цветовые ассоциаты *серый* (20 %), *белый* (40 %), *светло-синий* (25 %), объясняя это наличием смысловой цепочки «горнолыжный курорт — снег — гамма белых, синих и серых оттенков». Возможно, это объяснимо большей компетентностью представителей старшей группы опрашиваемых в геополитических вопросах. Следовательно, «понятность» оттопонимного цветообозначения зависит от яркости ассоциативных цветовых сем в его первоначальном значении.

Употребление топонимов в качестве рекламных названий цвета — это эффективный манипулятивный приём рекламы. Материалом для создания рассматриваемых окказиональных цветообозначений становятся топонимы, объединённые семами «известный», «туристический», «экзотичный», например: *Сан-Тропе* (жёлтый, цвет декоративной косметики), *Шри-Ланка* (белый, интерьерный цвет), *Сансет-бич* (фиолетовый, цвет декоративной косметики); «столица» — *Лондон* (русый, название оттенка перманентной краски для волос), *Берлин* (светло-русый), *Каир* (коричневый; интерьерный цвет); «знаменитый район или улица» — *Бeverли Хилз* (светло-коричневый, цвет декоративной косметики), *Бродвей* (фиолетовый, цвет декоративной косметики), *Pink Fifth Avenue* — розовый, цвет декоративной косметики (Fifth Avenue (Пятая Авеню — феешенебельная улица Нью-Йорка). Принадлежность к чему-то иностранному однозначно трактуется как положительная характеристика, например: *Сосна Мичиган* (красно-бежевый цвет паркета), *Manhattan* (чёрный / розовый, цвет выключателя, декоративной косметики), *Дуб светлый Шервуд* (светло-коричневый, цвет ламината). Именно поэтому географические названия, именующие зарубежные объекты, наиболее частотны в русскоязычной рекламе.

Отсутствие или неясность цветового потенциала в семантике топонима может восполняться присоединением общеязыкового цветообозначения английского, русского или французского языков (*Красный Колорадо* — название оттенка краски для волос (штат в США), *Голубая Ривьера* — название средства декоративной косметики (область во Франции), *Atlanta Blue* (г. Атланта в США), *Doree Paris* (жёлтый, название цвета декоративной косметики).

Таким образом, употребление топонимов в качестве рекламных цветообозначений сопровождается рядом семантических изменений в структуре имени собственного. Манипулятивная направленность современного рекламного текста трансформирует общеязыковую модель образования цветообозначений от топонимов, а также способствует созданию новых оттопонимных рекламных цветообозначений, актуализируя ассоциативный потенциал названий географических объектов. Обозначенные в данной статье процессы требуют дальнейшего изучения.

1. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М.: Просвещение, 1983. — 224 с.
2. *Калинкин В. М.* К вопросу о динамическом характере семантики имени собственного / В. М. Калинкин // Вестник Донецкого ин-та соц. образования. Сер. «Филология. Журналистика». — Донецк, 2007. — Т. 3. № 3. — С. 33—37.
3. *Карпенко Ю. О.* Дещо про вивчення власних назв / Ю. О. Карпенко // Українська мова. — 2010. — № 1. — С. 39—45.
4. *Отин Е. С.* Из заметок к лекциям по топонимике // Восточноукраинский лингвистический сборник. — Донецк: Донеччина, 2000. — Вып. 6. — С. 37—54.
5. *Стариченок В. Д.* Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. — Ростов н/Д.: Феникс, 2008. — 811 с.
6. *Суперанская А. В.* Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1985. — 175 с.
7. *Успенская И. Д.* Современный словарь несклоняемых слов русского языка: около 3000 слов / И. Д. Успенская. — М.: Астрель; АСТ, 2009. — 474 с.
8. *Maerz A.* A Dictionary of color / A. Maerz, M. R. Paul. — New York, 1930. — 326 p.

В. В. Горлачова

ТОПОНІМИ В РЕКЛАМНІЙ КОЛОРИСТИЧНІЙ НОМІНАЦІЇ

У статті висвітлені випадки функціонування топонімів в якості рекламних кольоропозначень, здійснена спроба проаналізувати механізм колірного визначення рекламованого із застосуванням топонімів, охарактеризувати семантичні особливості зазначених лексичних одиниць.

Ключові слова: реклама, топонім, апелятивізація, кольоропозначення, колірна сема.

V. V. Gorlachova

TOPONYMS IN ADVERTISING COLOR NAMING

The article deals with cases of toponyms functioning as advertising color terms. There is an attempt to analyze color naming process of advertised product by toponyms. Semantic peculiarities of these lexical units are depicted.

Key words: advertisement, toponym, appellativation, color term, color seme.

УДК [811.161.2+811.111+811.112]’25’373.21:347.78.034

I. М. ДЕРІК

ДО ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ УКРАЇНСЬКИХ ТОПОНІМІВ НА ГЕРМАНСЬКІ МОВИ

(на матеріалі української, англійської та німецької мов)

Стаття ґрунтується на результатах дослідження, спрямованого на вивчення специфіки перекладу українських топонімів на німецьку та англійську мови. Визначено прийоми перекладу, що дозволяють найбільш адекватно відтворювати фонографічну та внутрішню форму українських топонімів різних видів. За результатами дослідження зроблено висновок про наявну фонографічну варіативність ономастичних відповідників українських топонімів у германських мовах.

Ключові слова: українські топоніми, німецька та англійська мови, прийоми перекладу, фонографічна та внутрішня форма, фонографічна варіативність, ономастичні відповідники.

Проблема перекладу онімів посідає важливе місце у парадигмі сучасного перекладознавства, що підтверджує актуальність дослідження особливостей відтворення змісту різних видів онімної лексики як для загальної теорії перекладу, так і для національних перекладацьких практик. Видатний український лінгвіст Ю. О. Карпенко [10] присвятив велику кількість своїх робіт вивченню актуальних питань ономастики: дослідженню семантичного процесу номінації одиничних реалій дійсності, розмежуванню окремих груп онімів за характером поійменованих об’єктів, опису закономірностей функціонування власних назв та визначенню їх етнічної специфіки у

різних мовах. Значний внесок у сучасну ономастику зробили такі видатні вчені, як Є. С. Отін [13], В. М. Калінкін [7], О. Ю. Карпенко [9], О. В. Суперанська [17; 18].

Проблеми перекладу власних назв знаходяться на периферії уваги багатьох мовознавців, дослідження яких присвячено висвітленню різних аспектів відтворення іншомовних онімів у рідній мові. Серед учених, що присвятили цій проблемі свої праці, А. Г. Гудманян [2] (фонографічна адаптація, фонетична та орфографічна варіативність, удосконалення правил кодифікації в українській мові іншомовних власних назв), Д. І. Єрмолович [3] (адекватне відтворення форми та змісту онімної лексики в типологічно різних мовах), І. В. Корунець [11] (фонемні відповідники, специфіка транскодування українських власних назв у англійській мові), В. І. Карабан [8] (засоби відтворення українських власних назв у англійській мові), Т. О. Казакова [6] (проблема пошуку повного перекладацького еквівалента), Т. В. Іваніна [5] (методи та принципи перекладу англійських хоронімів (назв країн) шляхом підбору українських ономастичних відповідників).

Актуальність дослідження визначається недостатнім вивченням проблеми фонетичної та орфографічної варіативності ономастичних відповідників українських топонімів при перекладі на німецьку та англійську мови. *Новизна дослідження* вбачається у тому, що вперше здійснюється аналіз українських топонімів із метою визначення прийомів перекладу, що дозволяють повною мірою відтворити фонографічну та внутрішню форму цих географічних назв у німецькій та англійській мовах з урахуванням типологічних відмінностей у цілових мовах.

У роботі вжито загальноприйняті терміни *топонім* та *мотивація* (*внутрішня форма*) у традиційному трактуванні. *Топонім* тлумачиться як факт мови, який закріплений територіально, є джерелом і неоціненим матеріалом для історії народу, його мови, та включає значний культурний компонент [3, с. 17]. *Мотивація* визначається як формальний і семантичний зв'язок між словами як знаками і їхніми позначуваними [15, с. 401]. Під час проведення дослідження було використано такі методи, як метод теоретичного аналізу для узагальнення результатів попередніх розвідок із проблематики дослідження, дескриптивний метод для опису досліджуваних лінгвістичних феноменів, зіставний метод для системного порівняння особливостей творення та функціонування топонімів у слов'янських (українська) та германських (англійська і німецька) мовах.

Об'єктом дослідження є українські та російські топоніми, а також їх перекладацькі відповідники, зафіксовані у двомовних словниках як їх повні еквіваленти. Предмет дослідження — фонографічна форма та змістова складова досліджуваних географічних назв, що вивчаються з метою визначення повноти відтворення оригінальних онімів у мові перекладу. Метою дослідження слід вважати вивчення основних труднощів здійснення адекватного перекладу автентичних українських топонімів на англійську та німецьку мови. Реалізація поставленої мети передбачає вирішення таких завдань:

- здійснити системний аналіз фонографічної структури українських географічних назв, їх англійських і німецьких відповідників;
- розкрити внутрішню форму досліджуваних топонімів слов'янського походження;
- визначити роль змістової складової топонімів, а також її вплив на вибір прийому перекладу досліджуваних одиниць мови оригіналу (української) на мову перекладу (англійську та німецьку мови).

Дослідження виконувалось на матеріалі топонімів, відібраних методом часткової вибірки з українсько-англійських і українсько-німецьких країнознавчих словників, загальною кількістю 1000 одиниць. Надалі під час здійснення дослідження топоніми розподілялись на одиничні та множинні за класифікацією Д. І. Єрмоловича [3]. Одиничними йменувалися топоніми, в назвах яких є інформація для всього мовного колективу, тобто вона кодифікується на рівні мови-системи: топонім *Київ* з такими ознаками як «велике місто, столиця України, у минулому Київської Русі».

Решта топонімів, які лише потенційно здатні отримати мовний статус з повнозначним індивідуалізуючим значенням через те, що обслуговують невелику комунікативну сферу, класифікувались як множинні: *Луцьк, Соколово, вул. Горького, вул. Пушкіна, Подол*.

Проблема перекладу топонімів розглядалась у роботах таких відомих науковців, як Д. І. Єрмолович [3], Т. О. Казакова [6], В. І. Карабан [8], І. В. Корунець [11], Ю. В. Піввуєва [14], В. С. Слепович [16]. Узагальнюючи надбання цих учених, можна визначити 4 можливі прийоми перекладу географічних назв:

1) транскодування: *Байкал* — *Lake Baikal* (англ.), *der Baikal* (нім.); *Карпати* — *the Carpathians* (англ.), *die Karpaten* (нім.); *Урал* — *the Urals* (англ.), *der Ural* (нім.); *Буг* — *the Bug* [bʊ:g] (англ.), *der Bug* (нім.); *Днепр* — *the Dnepr* (англ.), *der Dnepr* (нім.); *Дніпро* — *the Dnipro* (англ.), *der Dnipro* (нім.); *Дністр* — *the Dnestr* (англ.), *der Dnestr* (нім.); *Дністро* — *the Dniŝtro* (англ.), *der Dniŝtro* (нім.); *Києв* — *Kiev* (англ.), *Kiew* (нім.); *Київ* — *Kyiv* (англ.), *Kyiv* (нім.);

2) калькування: *Азовське море* — *the Azov Sea* (англ.), *das Asowsches Meer* (нім.); *Каспійське море* — *the Caspian Sea* (англ.), *das Kaspisches Meer, der Kaspisee* (нім.); *Чорне море* — *the Black Sea* (англ.), *das Schwarzes Meer* (нім.);

3) традиційна уніфікована форма написання: *Днепр — the Dnieper* [ˈni:pə] (англ.), *der Dnepr* (нім.); *Дністр — the Dniester* [ˈni:stə] (англ.), *der Dnestr* (нім.);

4) змішаний переклад (поєднання декількох засобів перекладу): *Південний Буг — the Southern Bug* (англ.), *der Südbug* (нім.).

Треба зауважити, що останнім часом транскодування є найбільш поширеним прийомом перекладу власних назв із української та російської на англійську та німецьку мови. У роботі І. В. Корунця [11, с. 92] наведено таблицю кодифікації українських літер кириличної абетки літерами латиниці, а також детально описано механізм відтворення фонематичної структури слова у мові перекладу.

Із визнанням України як незалежної, самостійної, культурно самобутньої держави проблема фонографічної варіативності перекладацьких еквівалентів топонімів слов'янського походження стала більш актуальною. Оригінальні українські географічні назви за останніми правилами треба відтворювати у інших мовах відповідно до їх фонематичної структури в українській мові, але у багатьох довідкових виданнях, у науковій та художній літературі, яку видано у 1990-х роках, трапляється чимало слів, що відтворюють у германських мовах звукову форму топонімів відповідно до їх вимови в російській мові часів СРСР (напр.: *Kiev* (англ.), *Kiew* (нім.); *the Dnieper* (англ.), *the Dnepr* (англ.), *der Dnepr* (нім.); *the Dniester* (англ.), *the Dnestr* (англ.), *der Dnestr* (нім.).

Методика дослідження особливостей перекладу українських топонімів на германські мови ґрунтувалась на формально-орієнтованих та системно-орієнтованих принципах відтворення власних назв [3, с. 115—167]. Ключовими критеріями відбору за цією методикою визнаються принцип відповідності та метод формування ономастичних відповідників. Підбір ономастичних відповідників здійснюється за принципом їхньої відповідності змістовим, стилістичним та прагматичним складовим тексту й умовам комунікації [3, с. 115]. Усі оригінальні українські та російські топоніми, а також їх перекладацькі еквіваленти, зафіксовані у словниках, розподілялись на 5 груп за такими критеріями, як принцип підбору ономастичного відповідника у мові перекладу та метод його реалізації, а саме:

1) принцип звукової подібності, який може реалізовуватися методом транскрипції, тобто шляхом використання графічних знаків (літер) мови перекладу з метою відтворення звукової форми мови оригіналу;

2) принцип графічної подібності, реалізація якого здійснюється методом транслітерації, що передбачає уживання графічних знаків (літер) мови перекладу при відтворенні графічної форми мови оригіналу;

3) принцип адаптації до граматичної системи мови перекладу, провідною ознакою якого є застосування методу морфограматичної модифікації, за яким передбачається адаптація власної назви до мови перекладу;

4) принцип урахування історичної традиції номінації певного об'єкта, реалізація якого здійснюється методом традиційного найменування;

5) принцип збереження внутрішньої форми, що характеризується застосуванням методу калькування.

Більшу частину вибірки топонімів за структурним аспектом класифікації Heikki Sarkka склали центральні топоніми, визначальною рисою яких є той факт, що їхня внутрішня синтаксична структура не піддається аналізу [20], тому що до їхнього індивідуалізуючого значення входить мінімальний набір найбільш суттєвих характеристик географічного об'єкта: *Kiiv* — *Kyiv* (англ.), *Kyiv* (нім.); *Іллічівськ — Illichivsk* (англ.), *Plitschivsk* (нім.).

Проте є незначна група топонімів, які в своїй структурі мають класифікувальний компонент: *Південний Буг — the Southern Bug* (англ.), *der Südbug* (нім.); *Запорізька Січ — Zaporizhian Sich* (англ.), *Zaporizhian Sich* (нім.); *Слобідська Україна — Sloboda Ukraine* (англ.), *die Sloboda Ukraine* (нім.).

За результатами дослідження було укладено таблицю, що репрезентує частотність уживання різних засобів перекладу українських топонімів на германські мови (табл. 1).

Аналіз одержаних результатів дозволив дійти таких висновків щодо розповсюдженості різних прийомів перекладу українських топонімів на англійську та німецьку мови з метою адекватного підбору їх ономастичних відповідників:

1. При перекладі 10 % топонімів на англійську та 15 % на німецьку мову було застосовано метод морфограматичної модифікації (додавання закінчення *-i* топоніму в англійській та німецькій мові, заміна прикметника на іменник, додавання артиклю) у поєднанні з прийомом транслітерації. Напр.: *Бабій Яр — Babii Yar* (англ.); *Слобідська Україна — Sloboda Ukraine* (англ.); *Майдан Незалежності — der Majdan Nesaleschnosti* (нім.).

2. Близько 35 % топонімів перекладались на англійську і 32 % на німецьку за принципом звукової подібності одиниці перекладу до цільової одиниці оригіналу, тобто за допомогою прийому транскрипції. Напр.: *Чорнівці — Chornivtsi* (англ.); *Kiiv — Kyiv* (англ.); *Хрещатик — Khreshchatyk* (англ.), *der Chreschtschatyk* (нім.); *Бесарабка — Besarabka* (англ.),

Розповеюденість різних прийомів перекладу українських топонімів у германських мовах, %

Прийоми перекладу топонімів	Частотність уживання прийомів перекладу			
	центральні		із класифікувальним компонентом	
	одиничні	множинні	одиничні	множинні
англійська мова				
транскрипція	9 %	8 %	8 %	10 %
транслітерація	8 %	5 %	5 %	4 %
калькування	3 %	3 %	7 %	5 %
традиційне найменування	10 %	2 %	1 %	2 %
морфограматична модифікація	3 %	2 %	4 %	1 %
німецька мова				
транскрипція	9 %	8 %	8 %	10 %
транслітерація	8 %	5 %	5 %	4 %
калькування	3 %	3 %	7 %	5 %
традиційне найменування	10 %	2 %	1 %	2 %
морфограматична модифікація	3 %	2 %	4 %	1 %

Молдаванка — *Moldavanka* (англ.); Подол — *Podol* (англ.); Річ Посполита — *Rich Pospolyta* (англ.); Запорізька Січ — *Zaporizhian Sich* (англ.); Дніпро — *the Dnipro* (англ.); Хортуця — *the Khortytsia* (англ.); Харків — *Kharkiv* (англ.); Ладозьське озеро — *Ladozhskoe Ozero* (англ.).

3. В основу перекладу 18 % досліджуваних топонімів на англійську мову та 17% на німецьку було покладено принцип урахування внутрішньої форми, що реалізовувався за допомогою прийому калькування. Наприклад: Чорне море — *the Black sea* (англ.), *das Schwarzes Meer* (нім.); Ладозьське озеро — *der Ladogasee* (нім.); Майдан Незалежності — *the Independence Square* (англ.), *der Platz der Unabhängigkeit* (нім.); Малоросія — *the Little Russia* (англ.); Лівобережна Україна — *Left-bank Ukraine* (англ.), *die Linksuferige Ukraine* (нім.).

4. Власне принцип графічної подібності (принцип транслітерації) лежить в основі перекладу 22 % на англійську та 23 % на німецьку: Буг — *the Bug* [bvg] (англ.), *der Bug* (нім.); Україна — *the Ukraine* (англ.), *die Ukraine* (нім.).

5. Принцип урахування історичної традиції номінації географічного місця (метод традиційного найменування) виявився більш характерним для перекладу одиничних центральних топонімів — відповідно 15 % топонімів перекладались таким чином на англійську та 13 % на німецьку. Напр.: Дунай — *the Danube* (англ.), *die Donau* (нім.); Москва — *Moscow* (англ.), *Moskau* (нім.); Дніпро — *the Dnieper* (англ.), *the Dnepr* (англ.), *der Dnepr* (нім.); Донбас — *Donbass* (англ.); Чудське озеро — *Chudskoe Ozero* (англ.); Харків — *Kharkov* (англ.), *Charkow* (нім.); Ладозьське озеро — *Ladoga* (англ.); Карпати — *the Carpathians* (англ.), *die Karpaten* (нім.); Крим — *the Crimea* (англ.), *die Krim* (нім.). Відповідник топоніма Донбас у німецькій мові було побудовано на ґрунті збереження внутрішньої форми (метод калькування) — *das Donezbecken* (нім.).

Найбільш характерними для перекладу одиничних центральних топонімів з української мови на англійську і німецьку виявились метод традиційного найменування та прийом транслітерації. Підбір ономастичних відповідників множинних центральних українських топонімів у німецькій і англійській мові здійснювався переважно за принципом звукової та/або графічної подібності (прийоми транскрипції і транслітерації). Переклад одиничних топонімів із класифікувальним компонентом з української на англійську і німецьку здійснювався головним чином за допомогою прийому калькування у поєднанні з транскрипцією, транслітерацією, а іноді морфограматичною транспозицією. Підбір німецьких і англійських ономастичних відповідників українських множинних топонімів із класифікувальним компонентом реалізовувався методом транслітерації чи транскрипції.

Особливість цього дослідження полягає в тому, що мова оригіналу (українська) та мови перекладу (англійська і німецька) належать до різних мовних типів за декількома параметрами. Українська мова є флективною, синтетичною, консонантичною, відмінковою. Англійська мова за

тими ж позиціями описується як флективна, аналітична, консонантична, невідмінкова. Однак за деякими своїми характеристиками вона наближується до аглютинативної та ізольованої, а саме: через відсутність чіткого протиставлення частин мови, категорії роду, наявність аглютинативного типу будови дієслова з прийменником (так звані «фразові дієслова»). Німецька мова класифікується як флективна, синтетична, консонантична, відмінкова. Однак ступінь відхилення від номінативності в українській мові є вищим, ніж у німецькій. Український мовознавець П. К. Ковальов вніс деякі корективи щодо місця української мови в типології О. В. Ісаченка, що зараховував українську мову до консонантичних. Зокрема, він акцентував на відмінностях української мови як значною мірою вокалічної від безперечно консонантичної російської мови [12, с. 73]. Під час здійснення дослідження враховувались типологічні відмінності мови оригіналу (української) від мов перекладу (англійської та німецької).

За результатами дослідження було зроблено висновок про наявну фонографічну варіативність ономастичних відповідників українських топонімів у англійській та німецькій мовах.

Починаючи з 1991 р. спостерігається процес «перейменування» українськомовних топонімів, що ґрунтується на збереженні звукової форми одиниці мови оригіналу у мові перекладу з метою адекватного відтворення автентичної вимови географічних власних назв. Так, перекладацьким відповідником українськомовного топоніма *Київ* слід вважати не *Kiev* (англ.), а *Kyiv* (англ.); Харків у перекладі, відповідно, не *Kharkov* (англ.), а *Kharkiv* (англ.); Львів — не *Lvov* (англ.), а *Lviv* (англ.) [3, с. 152].

З огляду на зазначене вище було б доцільним переглянути українські топонімічні назви, перекладені англійською та німецькою мовами до 1990 р., і адаптувати їх до нової системи транскрипції, дотримуючись принципу відображення національно-мовної приналежності українського етносу. Особливо складними для перекладу залишаються українські топоніми, що містять літеру *г*, яка увійшла до українського алфавіту у новій редакції 1990 року. У роботі І. В. Корунця [11] наведено універсальну таблицю літер-відповідників української абетки в англійській мові, послуговуючись якою, перекладачі можуть створювати адекватний переклад автентичних українських географічних назв англійською мовою.

Перспективою подальшого дослідження є опрацювання проблеми перекладу різних видів українських топонімів та варіативності їх ономастичних відповідників на матеріалі інших германських і романських мов.

1. *Великий сучасний німецько-український українсько-німецький словник* / [уклад. О. В. Чоботар, В. Д. Калішченко, В. В. Оліфіренко]. — Донецьк: БАО, 2009. — 944 с.
2. *Гудманян А. Г.* Воспроизведение собственных имён в переводе: Автореф. дис. ... докт. філол. наук: 10.02.16 «Перекладознавство» / А. Г. Гудманян. — Киев, 2000. — 29 с.
3. *Ермолович Д. И.* Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи / Д. И. Ермолович. — М.: Р. Валент, 2005. — 416 с.
4. *Закон України* Про географічні назви. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2604-15>
5. *Іваніна Т. В.* Методи формування ономастичних відповідників при перекладі топонімів (на матеріалі англо-українських словників) / Т. В. Іваніна // Філологічні трактати. — 2010. — № 1. — С. 118—120.
6. *Казакова Т. А.* Практические основы перевода. English—Russian / Т. А. Казакова. — СПб.: Союз, 2001. — 320 с. — (Серия: «Изучаем иностранные языки»).
7. *Калинкин В. М.* Поэтика онима / В. М. Калинкин. — Донецьк, 1999. — 408 с.
8. *Карабан В. І., Мейс Дж.* Переклад з української мови на англійську мову: Навч. посібник-довідник для студ. вищих закладів освіти / В. І. Карабан, Дж. Мейс. — Вінниця: Нова книга, 2003. — 608 с.
9. *Карпенко О. Ю.* Проблематика когнітивної ономастики: монографія / О. Ю. Карпенко. — Одеса: Астропринт, 2006. — 328 с.
10. *Карпенко Ю. А.* Русская антропонимика / Ю. А. Карпенко. — Одеса: Одес. гос. ун-т, 1970. — 42 с.
11. *Корунець І. В.* Теорія і практика перекладу (аспектний переклад): підручник / І. В. Корунець. — Вінниця: Нова Книга, 2000. — С. 98—128.
12. *Кочерган М. П.* Основи зіставного мовознавства: Підручник / М. П. Кочерган. — К.: Академія, 2006. — 424 с.
13. *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. — Донецьк: Юго-Восток, 2004. — 412 с.
14. *Пиввуева Ю. В.* Пособие по теории перевода (на английском материале) / Ю. В. Пиввуева, Е. В. Двойнина. — М.: Филоматис, 2004. — 304 с.
15. *Селіванова О. О.* Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава: Довкілля-К, 2006. — 716 с.
16. *Слепович В. С.* Курс перевода (английский — русский). Translation Course (English — Russian) — 3-е изд. / В. С. Слепович. — Минск: ТетраСистемс, 2003. — 320 с.
17. *Суперанская А. В.* Структура имени собственного. Фонология и морфология / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1969. — 206 с.
18. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1973. — 366 с.
19. *Українсько-англійський словник*: близько 200 000 слів / [уклад. проф. Гороть Є. І.] - Вінниця: Нова Книга, 2009. — 1040 с.
20. *Heikki Šarkka.* Translation of Proper Names in Non-fiction Texts / Heikki Sarkka // Translation Journal [Електронний журнал]. — Режим доступу: <http://accurapid.com/journal/39proper.htm>

И. М. Дерик

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА УКРАИНСКИХ ТОПОНИМОВ НА ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (на материале украинского, английского и немецкого языков)

В основу статьи положены результаты исследования, направленного на изучение специфики перевода украинских топонимов на немецкий и английский языки. Определены приёмы перевода, позволяющие наиболее адекватно воспроизвести фонографическую и внутреннюю форму украинских топонимов разных видов. По результатам исследования сделан вывод о фонографической вариативности ономастических соответствий украинских топонимов в германских языках.

Ключевые слова: украинские топонимы, немецкий и английский языки, приёмы перевода, фонографическая и внутренняя форма, фонографическая вариативность, ономастические соответствия.

I. M. Derik

ON THE PROBLEM OF TRANSLATING UKRAINIAN TOPONYMS INTO GERMANIC LANGUAGES (the Ukrainian, English and German languages)

The article is based on the outcome of the research aimed at studying the peculiarities of translating Ukrainian geographical names into the German and English languages. In the focus of the investigation there are translation means which allow to render the phonographical shape and inner form of the different kinds of Ukrainian toponyms in the target languages adequately. As a result reasonable phonographical variability of onomastic correspondences of Ukrainian toponyms in Germanic languages was revealed.

Key words: Ukrainian toponyms, the German and English languages, translation means, the phonographical shape and inner form, phonographical variability, onomastic correspondences.

УДК 811.161.2'373.222

К. Д. ДОЛБИНА

МОТИВАЦІЙНА СТРУКТУРА УКРАЇНОМОВНОГО ЗООНІМІКОНУ

Статтю присвячено проблемі мотивації зоонімів. Досліджуються результати вільного експерименту з установлення мотиваційної структури україномовного зоонімікону.

Ключові слова: зоонім, мотивація, онімізація, трансонімізація.

Мотиваційна типологія власних назв викликає зацікавленість вітчизняних дослідників досить давно. Так, М. М. Кордуба розробив структурно-семантичну класифікацію топонімів [1], В. В. Німчук — мотиваційну типологію ономастикону, а саме топонімів та антропонімів [2]. М. М. Торчинський пропонує мотиваційну класифікацію власних назв, що ґрунтується на тій основній ознаці денотата, яка покладена в основу його власної назви, що передбачає поділ онімів на 15 груп [6: 186-195].

Мотивованість зоонімів є проблемною зоною, бо для її розуміння часто необхідно отримати інформацію в людини, що генерує власну назву тварини, щодо витоків останньої. Наприклад, якщо не знати біографічних особливостей життя Г. Стерлігова, про його улюблену вівчарку *Алісу*, про те, що це саме ім'я на честь собаки отримала перша на пострадянському просторі біржа «*Аліса*», мотивація останньої назви — відзоонімного ергоніма — залишиться нез'ясованою.

У Польщі було проведено експеримент, під час якого респондентам було запропоновано надати ім'я сільськогосподарським тваринам та домашнім улюбленцям (на кшталт *корови* та *кішки*), а також пояснити, чому саме ці власні назви було обрано. Приблизно 30 % опитуваних не були у змозі пояснити свій вибір. Вони коментували так: «Тому що мені це подобається» (папуга отримала ім'я *Сара*), «Я не знаю» (собака отримав ім'я *Ардакс*). Тобто такі іменування є семантично немотивованими [7].

Мета нашого дослідження полягає у встановленні основних сучасних тенденцій номінації тварин носіями української мови, для чого було проведено вільний асоціативний експеримент. Кожному реципієнтові було запропоновано назвати п'ять будь-яких тварин, надати їм імена та пояснити, чому саме такий зоонім було обрано. Під час опитування було отримано 50 анкет, у кожній з яких респондентам запропонували навести по п'ять назв тварин, причому жодних обмежень не накладалося. Номенклатура тварин, що були обрані, складає 38 одиниць, серед яких є цілком зрозумілі *кіт, собака, папуга, рибка, хом'як, морська свинка, черепашка*, навіть модні тепер домашні улюбленці *змія, крокодил, миша, пацюк, шиншила, тушканчик* та

ящірка. Багато респондентів називали свійських тварин, інколи з віковими чи статевими уточненнями: *корова, зайченя, курка/півень, гуска, коза, віця, кінь/коняка, бик/бичок, баранчик, телля/корова, поросля/свиня/кабан*. До відповідей також увійшли дикі тварини *лев, тигр, гепард, слон, ведмідь* та досить несподівані *верблюд, горобець, їжак, равлик* та навіть *слимак*. Загальна кількість отриманих реакцій складає 249, бо в одному випадку респондент навів тільки 4 назви тварин із запропонованими зоонімами, а у 4 випадках поля для пояснення свого вибору респонденти залишили пустими, що дорівнюється відмові. У 25 випадках опитувані не змогли пояснити свій вибір, причому вони писали: «не можу пояснити/не можу пояснити, чому», у двох випадках навіть супроводжували відмову графічними позначками, які в електронній комунікації мають назву *смайлик* та позначають позитивні емоції: «не можу пояснити:»». В одному випадку респондент спочатку відмовився надати пояснення до свого вибору імені *Стен* для хом'яка, проте відразу ж його навів: «чому Стен — не можу пояснити, завжди асоціюється з товстими американцями, яких бачив в різних фільмах. Мабуть тому саме Стен...»

Результати експерименту дають змогу простежити основні тенденції щодо зоонімаційної русійної сили сучасних носіїв української мови. Так, співвідношення **онімізації** та **трансонімізації** складається не на користь першої: 113 та 137 випадків відповідно.

М. І. Сюсько вважає, що зоонімізація не визначає усієї суті зоонімікону, однак саме в цьому явищі треба шукати відповідь на питання про семантичну змістовність зоонімів: «Значна частина ключок виявляє... багато спільних рис з апелятивами: по-перше, ці ключки не втратили зв'язку з його значенням..., по-друге, завдяки саме йому, тобто значенню, вони й стали індивідуальними позначеннями тварин» [5: 18—19]. Онімізуються традиційно лексичні одиниці на позначення ознак тварин, за схожістю, за близькістю. На думку Н. Г. Рядченко, «у будь-якому переліку зоонімів будь-якого різновиду завжди переважають назви типу Чорниш» [3: 77], тобто мається на увазі кольорова ознака. Також дослідниця відмічає відапелятивні назви коней одеського іподрому, які мотивовані не тільки кольором, але й темпераментом тварини. Можливі іменування із значенням особи, терміни з царини мистецтв, флори, фауни, природних явищ [4: 60—61].

Наведемо кілька прикладів з нашого експерименту: *Шарик* (собака) — «тому що він кудлатий, як шарик», «асоціація з доброю дворнягою», *Рябчик* (собака) — «має попелястий колір шерсті», *Пуфік* (собака) — «тому що він пухнастий», *Голубка* (корова) — «тому що вона дуже спокійна і ніжна», *Мурка* (кішка) — «кішка ж мурчить», *Ласунка* (пацюк) — «полюбляє ласувати», *Дамка* (собака) — «вона завжди в дамках, активна, маленька, революційна», *Ковбас* (кіт) — «кіт дуже полюбляє ковбасу», *Булбашка* (рибка) — «навколишнє середовище життя». Цікавим є випадок помилкової асоціації: *Бомбра* (папуга) — «музичний інструмент». Зрозуміло, що мається на увазі «домбра», звуки якої схожі на цвірінкання папуги.

Оскільки реципієнтами виступали переважно студенти англійського відділення Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, знання іноземних мов впливало на процес номінації: *Фокс* (собака) — «тому що він схожий на лисицю», *Рей* (собака) — «тому що “Рей” з португальської “король”, а це означає, що він повинен бути мужнім».

В одному випадку було використано антропоніми за формою, які набули народного етимологічного значення: *Матільда* (коза) — «борода матилялася в різні боки», *Жора* (кіт) — «тому що він їсть усе підряд».

Щодо **антропонімів** (88 разів), які зазнали трансонімізації та перетворилися на зооніми, донорськими сферами тут виступили в рівних пропорціях узуальні та віртуальні, пор.: *Кеша* (папуга) — «тому що його подарував знайомий — Кеша (так його називають)», *Потан* (собака) — «названий на честь відомого співака Потапа», *Маша* (папуга) — «бо Маша — це моя дівчина, і папуга така ж красива, як вона»; *Мар'янка* (кішка) — «героїня телесеріалу “Мар'янка”», *Фіона* (морська свинка) — «через те, що схожа на дружину Шрека». У певній кількості випадків важко зрозуміти, чи анкетовані мали на увазі конкретну людину, наприклад, *Dj Fresh* (папуга) — «подобається музика» (то наймення реального диск-жокея чи індивідуально-авторське утворення); *Мейсон* (кабан) — «бо він крутий кабан і в нього англійський акцент» (на честь персонажу детективів адвокату Перрі Мейсона чи просто обрали щось англійське). П'ять разів обраними зоонімами були прізвиська: *Гурвіц* (собака) — «оригінальність», бо то прізвисько колишнього мера Одеси, *Пржевальський* (коняка) — «на честь виду коняки Пржевальського», *Тайсон* (хом'як) — «асоціація з боксером», *Юлія Дмитрівна Рижецька* (хом'ячок) — «це був подарунок подрузі від мене (Юля) і спільного друга (Дмитра), а Рижецька — тому, що рижа». Найпопулярнішою людиною виявився відомий актор Чарлі Чаплін, бо окремі частини його імені було обрано зоонімами: *Чаплін* (тушканчик) — «маленький та смішний», *Чарлік* (собака) — «названий на честь Чарлі Чапліна».

Трансонімізовані **зооніми** було виокремлено 31 раз, причому перевагу мають віртуальні донори, наприклад: *Леопольд* (кіт) — «асоціація з героєм мультфільму», *Санфіра* (ящірка) — «персонаж фільму», *Затворник* (півень) — на честь півня з книги «Затворник та Шостипалий», *Гарфілд* (кіт) — «він рижого масті і товстенький», *Стіч* (шиншила) — «як у мультику»; пор.

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ

Ада (собака) — «так як маму звали Лада», *Кардиган* (собака) — «схожий на породу улюбленця англійської королеви — коргі Кардиган», *Буцефал* (кінь) — «асоціація з конем Олександра Македонського».

Третє місце — 7 випадків — посідають **міфоперсоніми**, найпопулярнішим з яких виявився домовик Кузя з дитячого мультфільму: *Кузя* (папуга) — «тому що він гарний і лахматий, як домовик Кузя», *Кузя* (хом'як) — «асоціація з мультперсонажем», *Кузя* (собака) — «гном», це помилка, бо йдеться про домового. Крім того, в анкетах знаходимо реакції *Русалка* (рибка) — «на честь мультфільма “Русалонька”», *Шрек* (собака) — «асоціація з мультфільмом», *Добі* (морська свинка) — «не можу пояснити чому». Всі ці три варіанти зоонімів походять з кінематографу — дитячі та дорослі мультиплікаційні фільми та трилогія за книгами Дж. Р. Толкієна «Володар кілець». Саме тому остання реакція, яку реципієнт сам пояснити не зміг, не є таємничою для сторонніх, бо *Добі* — це хоббіт, що перетворився на потвору через володіння Кільцем.

Трансонімізованих **хрононімів** було виявлено 5: *Марта* (кішка) — «обрали таке ім'я тому, що кошка народилася саме в цей місяць», *Марта* (коза) — «народилася в марті місяці», *Марта* (корова) — «народилася в марті місяці», *Майор* (бичок) та *Майка* (корова) — «народились в місяці травні (рос. “май”)».

Трансонімізовані **ергоніми** й **ідеоніми** складають по 2 реакції. Ергонімами є пропонувані зооніми *Альфа* (собака) — «був підрозділ спецпризначення “Альфа”, який виконував завдання з забезпечення правопорядку» та *Гуччі* (кіт) — «назва популярних брендів», поіменованій за назвою компанії, що продукує елітний одяг. З ідеонімів на зооніми перетворилися такі назви: *Джуд* (кішка) — «назва, пісня гурту *The Beatles*» та *Щелепи* (крокодил) — «фільм “Щелепи”».

Лише один **хремотонім** зазнав трансформації в нашому експерименті: «Кемел» (верблюд) — «цигарки», причому зоонім було взято у лапки. Тут знову знання англійської мови впливає на вибір пропонованого зооніму, бо англійською *camel* — це верблюд. Знаходимо також один **теонім**: *Муза* (кішка) — «тому що вона дуже ніжна», як давньогрецька богиня-заступниця мистецтв.

Подвійні асоціації було наведено чотири рази: *Джулія або Джоллі* (собака) — «тому що мені подобається це ім'я», *Поля-Сірвожа* (свинка) — «названа на честь людей, які подарували цю тварину», *Рая і Петя* (кіт і кішка) — «на честь класної керівнички та її чоловіка», *Белка і Стрелка* (кози) — «на честь відомих двох собак». Всі ці випадки є різними за сутністю, бо для першої тварини наче пропонується обрати ім'я з двох наведених, у другому випадку один референт отримав подвійне ім'я, а у третьому та четвертому згадано по дві тварини, кожна з окремим іменем.

Отримані результати експерименту можемо узагальнити в наступній таблиці:

Таблиця

Співвідношення мотиваційних процесів у зоонімаційній діяльності (за результатами експерименту)

Онімізація	113
Трансонімізація	137
— Антропоніми	88
— Зооніми	31
— Міфоперсоніми	7
— Хрононіми	5
— Ергоніми	2
— Ідеоніми	2
— Хремотоніми	1
— Теоніми	1
Загальна кількість реакцій	249
Загальна кількість відмов	5

В цілому можна висновувати, що живі істоти значно частіше надихають номінаторів під час обрання власної назви тварини. Переважно це людина — відома, історична особа, особисті знайомі чи родичі. Імена інших тварин або поширені клички посідають друге місце, а міфологічні, казкові істоти — третє, до них також прилягає єдиний виокремлений теонім. Хрононіми, ергоніми та ідеоніми складають поодинокі випадки.

1. Кордуба М. Що скажуть нам назви осель? / М. Кордуба. — Львів: Наша Батьківщина, 1938. — 22 с.
2. Німчук В. В. Українська ономастична термінологія / В. В. Німчук // Повідомлення Української ономастичної комісії. — К.: Наукова думка, 1966. — Вип. 1. — С. 24—43.

3. *Рядченко Н. Г.* Зоонимика / Н. Г. Рядченко // Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. О. Н. Трубачёва. — М.: Школа-пресс, 1994. — С. 77—78.
4. *Рядченко Н. Г.* Из наблюдений за русской зоонимией / Н. Г. Рядченко // Русская ономастика: сб. научн. трудов. — Одесса, 1984. — С. 57—63.
5. *Сюсько М. І.* Взаємовідношення власних і загальних імен (зооніми і апелятиви) в українській мові. — Ужгород: УжДУ, 1985. — 63 с.
6. *Торчинський М. М.* Структура, типологія і функціонування онімної лексики української мови: Дис. ... докт. філол. наук: Спеціальність 10.02.01. — К., 2010. — 502 с.
7. *Frankowska-Kozak B.* Methods of Nominating in Animal Proper Names (Zoonyms) // *Respectus Philologicus*, 2002. — #1(6). — <http://filologija.vukhf.lt/102/kozak.htm>

К. Д. Долбина

МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА УКРАИНОЯЗЫЧНОГО ЗООНИМИКОНА

Статья посвящена проблеме мотивации зоонимов. Исследуются результаты свободного эксперимента по установлению мотивационной структуры украиноязычного зоонимикона.

Ключевые слова: зооним, мотивация, онимизация, трансонимизация.

K. D. Dolbina

MOTIVATIONAL STRUCTURE OF THE UKRAINIAN ZOONYMICON

The article is dedicated to the problem of the motivation of zoonyms. The results of the free experiment in the establishment of the Ukrainian zoonymicon motivational structure are analyzed.

Key words: zoonym, motivation, onymization, transonymization.

О. Л. АРИСКИНА, И. А. РЕБРУШКИНА

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых учёных (МК-2530.2011.6 «Терминологический аппарат учения о морфемике и словообразовании как показатель уровня развития русской лингвистической мысли (XVI—XVIII вв.)»).

В статье предложен и описан метод логико-семантического анализа терминологической ориентации. Показано применение данного метода в анализе терминов морфемике и словообразовании XVI—XVIII вв.

Ключевые слова: степени терминологической ориентации: правильно и ложно, полностью и частично ориентирующий термин; неориентирующий (нейтральный) термин; метод логико-семантического анализа.

Для эффективного исследования терминологических единиц в аспекте связи формы и содержания, как мы полагаем, необходимы новые инструменты. В качестве одного из них предлагаем понятие *терминологической ориентации* (ориентированности, ориентировки) — явления, обусловленного лингвистическими, психическими и социальными факторами и позволяющего носителю языка без обращения к дефиниции, по экспоненту определить закреплённое за термином понятие или место данной единицы в терминосистеме.

Ориентирующие свойства терминов как специфические признаки терминологического знака привлекают внимание учёных уже более полувека (см., напр.: Д. С. Лотте [12; 13], М. Г. Бергер [5], С. В. Гринёв-Гриневиц [7], А. В. Лемов [11], О. Л. Арискина [2; 3; 4], И. А. Ребрушкина [14; 15; 16; 17]), однако вопрос об ориентации как атрибуте термина до сих пор нуждается в тщательном исследовании таких аспектов, как её сущность, виды, методы изучения.

Цель нашей работы — предложить логико-семантический анализ как новый метод исследования ориентационных свойств термина и описать его применение к терминологии учения о морфемике и словообразовании XVI—XVIII вв.

Актуальность работы обусловлена необходимостью учёта ориентационных свойств термина как при анализе уже существующих единиц языков для специальных целей (термин В. М. Лейчика [10]), так и при создании новых слов в научном дискурсе.

Терминологическая ориентация возможна в двух плоскостях: 1) авторской, в которой все термины изначально правильно ориентированы; 2) «читательской», в которой термины ориентированы, «читаемы», прозрачны в зависимости от индивидуальных (психических, социальных) качеств адресата: т. е. созданный автором термин «погружается в стихию субъектности мыслящей (познающей) личности, которая в свою очередь трактуется как проявление более общих (в детерминологическом аспекте — глубинных) детерминант, многие из которых находятся за пределами материалистической модели сущности бытия» [6, с. 7].

Первая плоскость получила название *абсолютной* ориентации, вторая — *относительной*.

Нам доступна для анализа лишь *относительная ориентация* термина, которая может изучаться в двух аспектах:

1) ориентация «для себя» как для представителя определённого исторического периода, общественного строя, социально-культурной среды, человека с определённым уровнем знания, образования, с набором индивидуальных психических и языковых особенностей (особенностей логического, образного мышления, специфики языковой личности и т. д.). Рассматривая ориентацию в этом аспекте, носитель языка отвечает на вопрос: «Как меня здесь и сейчас ориентирует этот термин?»;

2) ориентация «для другого» с учётом всех перечисленных факторов (кроме, полагаем, психических особенностей личности другого, которые недоступны для познания в полной мере). Рассматривая ориентацию в этом аспекте, носитель языка отвечает на вопрос: «Как другого человека (“здесь и сейчас” или “там и тогда”) ориентирует этот термин?»

Термины в сознании адресата наделены различными качественными характеристиками ориентации (наличие — отсутствие, правильность — неправильность ориентации) и разной *степенью ориентации* (количественный показатель того, насколько полно экспонент может отражать признаки сигнификата или денотата).

В связи с этим все термины в относительной плоскости подразделяются на: 1) ориентирующие и неориентирующие (нейтральные); 2) правильно ориентирующие и ложно ориентирующие; 3) полностью ориентирующие и частично ориентирующие (эти три классификации, выполненные по разным основаниям, могут быть совмещены). Очевидно, что наличие ложно ориентирующих и

неориентирующих терминов — результат серьёзных помех в научной коммуникации, свидетельство конфликта автора термина и адресата, конфликта абсолютной правильной и относительной ложной или нейтральной ориентации.

При квалифицированном учёте всех необходимых параметров анализ ориентации «для себя» (если она точна) и особенно ориентации «для другого» (а именно для автора термина) может позволить приблизиться к абсолютной ориентации, к первичной авторской правильной ориентации термина. Сделать это можно при помощи *метода логико-семантического анализа*. Проиллюстрируем данную процедуру.

Так, для большинства современных языковедов термин *господственное слово*, функционирующий в грамматике «Адельфотис» 1591 г. [1] без дефиниции, полагаем, является неориентирующим. Однако если ученый задается целью выяснить его ориентацию «для другого» как для автора термина, то есть попытается понять, почему был выбран данный экспонент, то он сможет это сделать, используя метод логико-семантического анализа. Из контекста лингвистического труда понятно, что областью функционирования термина является учение о словообразовании; слово *господственное* здесь имеет значение «главное». Проанализируем параллельно обе единицы. Обратимся к лингво-историческим особенностям. Для этого проведём словообразовательный анализ на синхронном срезе XVI—XVII вв.: 1) господственный ← господство ← господин ← господь; 2) главный ← глава. Привлекаем данные истории и лингвокультурологии: в XVI в. словом «господин» и словом «глава» называли хозяина. Получаем *первое ориентационное пересечение: господин — хозяин — глава*. Лексема «хозяин» (как и лексема «глава») имела также значение «отец». Обращаемся к свойствам языковой личности авторов грамматики «Адельфотис»: известно, что автором выступает коллективная языковая личность — монашеское братство «Адельфотис» (букв. с греческого 'братство'). Следовательно, необходимо обратиться к пласту религиозных знаний. В теологии «отец» — одно из наименований Бога, ср. также «господь». Это второе ориентационное пересечение. Бог — это *первообраз*, Бог-отец и просто отец — *производящее* начало. Анализ окончен: из неизвестного современному носителю языка термина «господственное слово», употреблённого в «Адельфотисе» без дефиниции, благодаря фиксации двух ориентационных пересечений мы пришли к известным терминам словообразования: «первообразное» и «производящее» — и тем самым точно определили правильную ориентацию «для себя», приблизившись к познанию абсолютной ориентации термина.

Таким образом, для логико-семантического анализа характерно использование данных различных наук: логики, языкознания, истории, культурологии, философии, психологии и др., что зависит от субъективных индивидуальных особенностей автора термина, а также от объективных особенностей научного контекста, в котором термин функционирует, так как справедливо замечено: «Образ, лежащий в основе значения или употребления слова, может быть уяснён только на фоне той материальной и духовной культуры, в контексте которой оно возникло» [8, с. 9].

В данной статье мы попытались охарактеризовать предложенный нами метод исследования терминологической ориентации. Безусловно, научная эффективность этого метода должна пройти проверку исторической практикой, однако на сегодняшний день данный метод является необходимой составляющей анализа терминологических наименований прошлого.

1. *Адельфотис*: Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. — Львов: Братская тип., 1591. — 160 с.

2. *Арискина О. Л.* О некоторых проблемах лингвистической терминологии на рубеже XX—XXI вв.: дихотомия *мотивация — ориентация* / О. Л. Арискина // Русский язык и литература рубежа XX—XXI веков: специфика функционирования: Всероссийская научная конференция языковедов и литературоведов (5—7 мая 2005 года). — Самара, 2005. — С. 27—30.

3. *Арискина О. Л.* Ориентирующие свойства словообразовательных терминов в «Грамматике» М. Смотрицкого / О. Л. Арискина // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. — Челябинск, 21—22 октября 2003 г. Челябинск, 2003. — С. 188—192.

4. *Арискина О. Л.* Терминологическая ориентация: взаимодействие знака и сознания / О. Л. Арискина // Семиозис и культура: от реальности к тексту — от текста к реальности: сборник научных статей (выпуск 7). — Сыктывкар, 2011. — С. 44—49.

5. *Бергер М. Г.* Лингвистические требования к термину / М. Г. Бергер // Рус. яз. в шк., 1965. — № 3. — С. 64—68.

6. *Голев Н. Д.* От редактора. Посвящается памяти проф. Л. Н. Мурзина / Н. Д. Голев // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: Коллективная монография / Под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул, 1998. — С. 3—12.

7. *Гринёв-Гриневиц С. В.* Терминоведение: учеб. пособие для студентов вузов / С. В. Гринёв-Гриневиц. — М.: Изд. центр «Академия», 2008. — 304 с.

8. *Катермина В. В.* Номинация человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков): монография. — Краснодар: КубГУ, 2004. — 250 с.

9. *Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русского языка, с семью присовокуплениями разных полезных учебных и полезноразбавных вещей. — СПб.: Тип. Морского шляхетского кадетского корпуса, 1769. — 424 с.

10. Лейчик В. М. Общая типология и многоаспектные классификации специальной лексики / В. М. Лейчик // Терминология и знание. Мат-лы I Международного симпозиума (Москва, 23–24 мая 2008 г.). — М., 2009. — С. 28–48.
11. Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии) / А. В. Лемов. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. — 192 с.
12. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. — М.: Наука, 1982. — 150 с.
13. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Лотте Д. С. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 160 с.
14. Ребрушкіна І. А. Классификация терминов по степени ориентации // Материалы докладов VIII научной конференции молодых ученых Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. — Саранск, 2003. — С. 140–143.
15. Ребрушкіна І. А. Об ориентирующих свойствах термина / И. А. Ребрушкіна // Актуальные проблемы функционирования лингвистической терминологии в условиях мордовско-русского двуязычия: монография / Под ред. Н. Д. Десяевой. — Саранск, 2008. — С. 68–84.
16. Ребрушкіна І. А. О некоторых типах лингвистических терминов (ориентирующий аспект) / И. А. Ребрушкіна // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. — М., 2004. — С. 170–171.
17. Ребрушкіна І. А. Системно ориентирующие термины лингвистики / И. А. Ребрушкіна // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 4-й Всероссийской научной конференции (Пенза, 12–15 мая 2004 г.). — М.; Пенза, 2004. — С. 70–73.

О. Л. Аріскіна, І. А. Ребрушкіна

ЛОГІКО-СЕМАНТИЧНИЙ МЕТОД ДОСЛІДЖЕННЯ ТЕРМІНОЛОГІЧНОЇ ОРІЄНТАЦІЇ

У статті запропоновано й описано метод логіко-семантичного аналізу термінологічної орієнтації. Показано застосування цього методу при аналізі термінів морфеміки і словотвору XVI–XVIII ст.

Ключові слова: ступені термінологічної орієнтації; правильно та помилково, повністю та частково орієнтуючий термін; неорієнтуючий (нейтральний) термін; метод логіко-семантичного аналізу.

O. L. Ariskina, I. A. Rebrushkina

LOGICAL AND SEMANTIC METHOD OF THE TERMINOLOGY ORIENTATION ANALYSIS

This article describes the author's method of the terminology orientation, i. e. the method of logical and semantic analysis. It is used in the analysis of morphemica and word-building terms of XVI–XVIII centuries.

Key words: term, orientation, the degree of orientation, orientive, non-orientive (neutral), true orientive, false orientive, full orientive, partial orientive, the method of logical and semantic analysis.

УДК 811.161.2'32'373.46/.611:004

Л. М. ФІЛЮК

ФУНКЦІОНАЛЬНІ ПАРАМЕТРИ ТЕРМІНІВ ІНФОРМАТИКИ В НАУКОВОМУ СТИЛІ

У статті на матеріалі текстів наукового стилю розглянуто та проаналізовано основні функціональні параметри термінів інформатики — продуктивність і вживаність словотвірних способів та типів.

Ключові слова: словотвірний спосіб, словотвірний тип, продуктивність, частотність.

Під функціональними параметрами розуміємо імовірно-статистичні характеристики, пов'язані з функціонуванням термінів у тексті. Оскільки природним середовищем їх функціонування є науковий стиль, доцільно розглянути детальніше функціональні параметри термінів інформатики у науковому стилі.

Основним функціональним параметром є вживаність українських термінів інформатики (далі УТІ) в текстах. При цьому важливо розглядати вживаність як словотвірних способів у цілому, так і окремих словотвірних типів (далі СТ) або словотвірних моделей (далі СМ) в межах кожного способу. Показники вживаності є важливими через свій опосередкований зв'язок із продуктивністю і помітно впливають на регулярність СТ [2, с. 38]. З одного боку, ступінь вживаності СТ є наслідком їх продуктивності, з іншого боку, вживаність СТ за певних умов стає, у свою чергу, причиною підвищення або зниження продуктивності СТ. В. П. Даниленко вказує на головну умову подібного впливу — наявність синонімічних, конкуруючих моделей

[2, с. 38], що цілком слушно стосовно окремих СТ. Але продуктивність може зростати також і за відсутності синонімічних СТ. Другою умовою впливу вживаності на продуктивність СТ є великий ступінь уживаності такого СТ, внаслідок чого СТ стає зразком для активного творення інших термінів. Таким чином, встановивши вживаність СТ (СМ або цілих словотвірних способів), можна прогнозувати ступінь активності як СТ (СМ), так і цілого словотвірного способу, тобто розвиток системи СТ в майбутньому (звичайно, в межах певної терміносистеми). Показник великої вживаності разом із творенням нових дериватів на власне українському ґрунті свідчить про процес інтенсивного входження як запозичених термінів, так і калькованих термінів-неологізмів [3, с. 7].

Спочатку було зроблено 10 вибірок по 10 000 слів кожна, проте після підрахунків виявилося, що їхня сукупність має недостатній ступінь репрезентативності, коли середнє квадратичне відхилення (σ) частот УТІ, утворених, наприклад, шляхом суфіксації, дорівнювало 36,8, дисперсія (σ^2) $\approx 1351,5$ і імовірнісна похибка у визначенні середньої частоти $\bar{x}$ становила 1,23, що виходить за межі допустимих показників.

Після цього кількість вибірок k було збільшено до 60, чим і було досягнуто необхідного ступеня репрезентативності.

Середня частота $\bar{x}$ визначалася за формулою $\bar{x} = \sum x_i/k$ [1, с. 22], де x_i — вибіркові частоти, k — загальна кількість вибірок, простіше (у нашому випадку) $\bar{x} = x_1 + x_2 + x_3 + x_4 + x_5 + x_6 + x_7 + x_8 + x_9 + x_{10} \dots x_{60}/60$. Імовірнісну похибку L у визначенні середньої частоти дістаємо за формулою $L = \frac{t\sigma}{\sqrt{k}}$, де t спеціальний коефіцієнт, що залежить від кількості спостережень (вибірок) і береться з таблиці [1, с. 26]. Далі обраховуємо відхилення випадкової величини від середньої ($x_i - \bar{x}$), після чого можна знайти середнє квадратичне відхилення (σ) за формулою $\sigma = \sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2/k}$ [42, с. 23] і дисперсію (σ^2). Статистичне оцінювання суттєвих розходжень між вибірковими частотами встановлювали за допомогою критерію хі-квадрат: $\chi^2 = \sum (x_i - \bar{x})^2/\bar{x}$ [4, с. 94].

Імовірність появи термінів УТІ в наукових текстах визначали за формулою $P(A) = F/N$, де F — кількість появи термінів певного СТ (словотвірного способу), N — загальна кількість слів у тексті [5, с. 117].

Розгляд показників уживаності здійснимо в порядку зменшення ймовірності появи їх у текстах наукового стилю.

Для прикладу оберемо УТІ, утворені лексико-семантичним способом, що творяться за трьома СТ. Вибіркові частоти СТ зі значенням ‘подібний за функцією’ є такими:

$k_1 - 391, k_2 - 61, k_3 - 82, k_4 - 119, k_5 - 143, k_6 - 33, k_7 - 240, k_8 - 31, k_9 - 186, k_{10} - 41, k_{11} - 209, k_{12} - 452, k_{13} - 80, k_{14} - 110, k_{15} - 315, k_{16} - 220, k_{17} - 143, k_{18} - 42, k_{19} - 60, k_{20} - 23, k_{21} - 19, k_{22} - 185, k_{23} - 113, k_{24} - 212, k_{25} - 129, k_{26} - 47, k_{27} - 185, k_{28} - 167, k_{29} - 81, k_{30} - 240, k_{31} - 74, k_{32} - 227, k_{33} - 97, k_{34} - 206, k_{35} - 344, k_{36} - 119, k_{37} - 439, k_{38} - 72, k_{39} - 419, k_{40} - 143, k_{41} - 23, k_{42} - 49, k_{43} - 63, k_{44} - 298, k_{45} - 124, k_{46} - 28, k_{47} - 82, k_{48} - 13, k_{49} - 65, k_{50} - 341, k_{51} - 111, k_{52} - 62, k_{53} - 179, k_{54} - 144, k_{55} - 299, k_{56} - 27, k_{57} - 147, k_{58} - 16, k_{59} - 316, k_{60} - 64.$

Отже, розкид частот становить інтервал у межах 13–452, середня частота $\bar{x} \approx 149$, середнє квадратичне відхилення $\sigma = \sqrt{(x_1 - \bar{x}) + (x_2 - \bar{x}) + (x_3 - \bar{x}) + (x_4 - \bar{x}) + (x_5 - \bar{x}) + (x_6 - \bar{x}) + (x_7 - \bar{x}) + (x_8 - \bar{x}) + (x_9 - \bar{x}) + (x_{10} - \bar{x}) \dots (x_{60} - \bar{x})/60} = \sqrt{796112/60} \approx 892/60 \approx 14,9$, дисперсія $\sigma^2 = 222,0$.

Величина критерію χ^2 показує, що розходження між вибірковими частотами є суттєвими, бо $\chi^2 = 796112/149 \approx 5343,0$.

Нас зацікавив цей результат, адже, як показали попередні розрахунки, обсяг і кількість вибірок мають бути достатні, а збільшення кількості вибірок не давало бажаного результату. Яких же термінів і у яких випадках стосується значне перевищення очікуваної середньої частоти? У даному разі суттєве відхилення від середньої частоти $\bar{x}$ стосується частоти термінів у вибірках $k_1, k_{12}, k_{15}, k_{35}, k_{37}, k_{50}, k_{59}$. Не всім частотам термінів у вказаних вибірках притаманне аномальне відхилення. Воно фіксується для термінів (відповідно до номера вибірки) *пам'ять* (k_1), *вірус* (k_{12}), *програма* (k_{35}, k_{50}, k_{59}), *каталог* (k_{37}). З'ясуємо, які тексти взято для вказаних вибірок. Це тексти k_1 — Основи комп'ютерної техніки: Компоненти, системи, мережі / С. О. Кравчук, В. О. Шохін. — К.: ІВЦ, 2005; k_{12} — Коваленко М. М. Комп'ютерні віруси і захист інформації. — К.: Наук. думка, 1999; k_{15} — Руденко В. Д., Макаруч О. М., Патланжоглу М. О. Комп'ютер та його програмне забезпечення. Курс інформатики (частина 1). — К.: Фенікс, 2001; k_{35} — Глушаков С. В., Сурядний О. С. Персональний комп'ютер. — Харків: Фоліо, 2005; k_{37} — Ковтунець В. В. Комп'ютер без проблем. — К.: Вид-во „Криниця”, 2001, k_{50} — Меженний О. О. Microsoft Windows XP. Стислий курс. — М.: ВД „Вільямс”, 2004; k_{59} — Ставровський А. Б., Карнаух Т. О. Програмування. Перші кроки. — М.: Видавничий дім „Вільямс”, 2005. Отже, можна зробити висновок, що суттєве відхилення від $\bar{x}$ притаманне найбільш загальним для даної галузі (в даному разі інформатики) термінам *програма, каталог*,

ПИТАННЯ ТЕРМІНОЗНАВСТВА

папка, пам'ять та ін., частоти яких є аномально високими, насамперед для книжок загальної тематики, що стосується інформатики і комп'ютерної техніки взагалі (див. тексти вибірок k_{15} , k_{35} , k_{37} , k_{50} , k_{59}). І лише зрідка аномально частотними можуть бути і порівняно вузькоспеціальні терміни, як, наприклад, *вірус*, однак при цьому це можливо лише в тексті, присвяченому спеціально цій тематиці (див. книжку вибірки k_{12}). Таким чином, порушувати загальну статистичну закономірність будуть лише терміни найзагальнішого характеру в текстах загальної тематики та відносно вузькоспеціальні терміни в текстах на дану тематику. Для коригування одержаної величини ймовірності слід укласти список аномально частотних термінів інформатики для текстів загальної тематики, а щодо відносно вузькоспеціальних термінів таке коригування слід робити, зіставляючи досліджуваний термін з тематикою книжки (див. Таблиця 1).

Таблиця 1

Список аномально частотних УТІ

Способи словотворення		Аномально частотні слова
Лексико-семантичний	Подібний за функцією	<i>каталог, пам'ять, папка, програма</i>
	Подібний за структурою	<i>поле, меню, панель, пакет, протокол</i>
	Подібний за формою	<i>вікно, миша</i>
Суфіксальний		<i>програмування, операційний, оператор</i>
Абревіація	Ініціална	<i>ОС, ПК, БД, СУБД</i>
	Складноскорочення	<i>компакт-диск, модем</i>
Словоскладання		<i>кеш-пам'ять, файл-посилання</i>
Префіксальний		<i>метадані, підменю, підпрограма, гіперзв'язок, гіперпосилання</i>
Префіксоїдний		<i>відеокарта, мікрокоманда, мікроархітектура, відеопам'ять, відеоплата</i>
Композитно-суфіксальний		<i>дисковод</i>
Основоскладання		<i>мережеметрія, машинно-незалежний</i>
Префіксально-суфіксальний		<i>міжмережевий, міжмережний</i>
Безафікський		<i>рознім</i>
Композитно-суфіксоїдний		—

Величина ймовірності появи термінів, утворених лексико-семантичним способом за СТ 'подібний за функцією' дорівнює: $P_{\text{лексем функція}} = 8950/600\,000 \approx 0,0149$ (або 1,49 %).

Статистичні параметри СТ зі значенням 'подібний за структурою': $\bar{x}_{\text{лекс структура}} = 5157/60 \approx 86$; $\sigma = \sqrt{387077/60} \approx 622/60 \approx 10,4$; $\sigma^2 = 107,8$.

У вибірках k_{13} , k_{15} , k_{19} , k_{21} , k_{29} , k_{40} , k_{53} частоти суттєво відрізняються від $\bar{x}$, що пояснюється аномально частотними термінами *поле* (k_{13} , k_{40}), *меню, панель* (k_{15} , k_{29} , k_{53}), *пакет* (k_{19} , k_{21}), *протокол* (k_{19} , k_{21} , k_{40}). Це теж терміни з загальним значенням, які функціонують у текстах загальної тематики. $P_{\text{лексем структура}} = 5157/600\,000 \approx 0,0086$ (або 0,86 %).

Статистичні параметри СТ зі значенням 'подібний за формою': $\bar{x}_{\text{лекс форма}} = 2993/60 \approx 50$; $\sigma = \sqrt{260463/60} \approx 510/60 \approx 8,5$; $\sigma^2 = 72,3$.

У вибірках k_7 , k_{15} , k_{23} , k_{29} , k_{50} частоти суттєво відрізняються від $\bar{x}$, що пояснюється аномально частотними термінами *вікно* (k_7 , k_{15} , k_{23} , k_{29} , k_{50}), *миша* (k_{15}). Особливо широку вживаність має термін *вікно*, що пов'язаний із загальною засадою побудови операційної системи "Windows". $P_{\text{лекс форма}} = 2993/600\,000 \approx 0,0050$ (або 0,5 %).

Порівняльні дані розкиду частот, середньої частоти, середнього квадратичного відхилення та ймовірність появи термінів УТІ в наукових текстах подано у зведеній таблиці (див. Таблиця 2).

При порівнянні даних уживаності з продуктивністю словотвірних способів УТІ виявляється значною мірою асиметрична картина щодо рангів обох вказаних характеристик. Із 11 способів словотворення УТІ лише у лексико-семантичного, суфіксального, абревіації, префіксально-суфіксального, безафіксного і композитно-суфіксоїдного ранги вживаності і продуктивності однакові. Проте і ця „однаковість” не є симетричною, адже якщо найуживаніший і найпродуктивніший лексико-семантичний спосіб прийняти за 100 % і врахувати відсотки інших способів словотворення УТІ стосовно нього, то виявиться, що тільки лексико-семантичний і суфіксальний способи є не тільки однаковими а й приблизно симетричними — ранговий % продуктивності 69, а вживаності 71 (див. Таблиця 3). Таким чином, лексико-семантичний і суфіксальний способи набагато більше випереджають решту способів словотворення за показниками вживаності, ніж за показниками продуктивності. Вже ранговий відсоток абревіації за продуктивністю і жи-

Зведена статистична таблиця

Словотвірні способи, СТ	Характеристики	Розкид частот	$\bar{x}$	σ	P
Лексико-семантичний спосіб, СТ 'подібний за функцією'		13—452	149	14,9	0,0149 (1,49 %)
Лексико-семантичний спосіб, СТ 'подібний за структурою'		1—307	86	10,4	0,0086 (0,86 %)
Лексико-семантичний спосіб, СТ 'подібний за формою'		0—518	50	8,5	0,0050 (0,5 %)
Лексико-семантичний спосіб у цілому		0—518	95	11,3	0,0095 (0,95 %)
Суфіксальний спосіб		13—319	70	6,5	0,0068 (0,68 %)
Ініціальна абревіація		0—126	21	3,8	0,0021 (0,21 %)
Складноскорочена абревіація		0—127	6	2,4	0,00062 (0,062 %)
Абревіація в цілому		0—127	13,5	3,1	0,00136 (0,136 %)
Словоскладання		0—123	15	3,1	0,0015 (0,15 %)
Префіксальний спосіб		0—73	9,0	1	0,00090 (0,09 %)
Префіксоїдний спосіб		0—69	5	1,5	0,00053 (0,053 %)
Композитно-суфіксальний спосіб		0—55	4,5	1,2	0,0004 (0,04 %)
Основоскладання		0—13	1,0	0,32	0,00010 (0,01 %)
Префіксально-суфіксальний спосіб		0—13	0,9	0,3	0,00009 (0,009 %)
Безафіксний спосіб		0—39	0,7	0,6	0,00007 (0,007 %)
Композитно-суфіксоїдний спосіб		0—2	0,07	0,046	0,000007 (0,0007 %)

Таблиця 3

Порівняльна таблиця словотвірних способів за рангами продуктивності та вживаності

Способи словотворення	Ранг продуктивності	Ранговий %	Ранг уживаності	Ранговий %
Лексико-семантичний	1	100 %	1	100 %
Суфіксальний	2	69 %	2	71 %
Словоскладання	3	54 %	3	16 %
Абревіація	4	47 %	4	14 %
Префіксоїдний	5	39 %	6	6 %
Основоскладання	6	37 %	8	1 %
Префіксальний	7	29 %	5	9 %
Композитно-суфіксальний	8	28 %	7	4 %
Префіксально-суфіксальний	9	12 %	9	0,9 %
Безафіксний	10	5 %	10	0,7 %
Композитно-суфіксоїдний	11	3 %	11	0,07 %

ваністю дуже відрізняються — відповідно 47 % і 14 %, словоскладання — відповідно 54 % і 16 %. Спостерігається загальна стійка тенденція до збереження великої різниці між ранговими відсотками і для менш продуктивних словотвірних типів. Так, різниця між ранговими відсотками продуктивності і вживаності у префіксального і композитно-суфіксального способів творення УТІ залишається значною — відповідно 29 % і 9 % та 28 % і 4 %, а в префіксоїдного способу навіть збільшується — відповідно 39 % і 6 %.

Ранги продуктивності і вживаності малопродуктивного словотвірного способу (префіксально-суфіксального) і непродуктивних словотвірних способів (безафіксного та композитно-суфіксоїд-

ПИТАННЯ ТЕРМІНОЗНАВСТВА

ного) однакові (відповідно 9, 10, 11), проте яскрава асиметрія рангового відсотка продуктивності та вживаності залишається: префіксально-суфіксальний — 12 % і 0,9 %, безафікський — 4 % і 0,7 %, композитно-суфіксоїдний — 3 % і 0,07 %.

Такий стан вказує на можливе подальше зростання продуктивності лексико-семантичного і суфіксального способів. Однак остаточний висновок тільки на підставі різниці рангових відсотків роботи не варто. Для вірогідніших висновків слід звернути увагу на невідповідність високого ступеня продуктивності і відносно низького рівня вживаності. Такі факти свідчать, що продуктивність не завжди є прямою причиною рівня вживаності. Але такий факт може мати зворотній вплив — уживаності на продуктивність, що своєю чергою зумовлює той чи інший ступінь регулярності і активності СТ. Якщо вживаність СТ відносно низька за високої продуктивності, то з великою ймовірністю слід очікувати зниження активності такого СТ.

Розглянемо асиметрію рангів продуктивності і вживаності словотвірних типів УТІ. Префіксоїдний спосіб має ранг продуктивності 5, а ранг уживаності 6, основоскладання, відповідно, 6 і 8, натомість префіксальному способу притаманний ранг продуктивності 7, а ранг уживаності 5. Продуктивність, звичайно, залишається важливою умовою вживаності, адже ранг уживаності префіксоїдного способу вищий, ніж основоскладання, композитно-суфіксального та ін. способів словотворення з нижчим рівнем рангу продуктивності, проте він все ж нижчий від сподіваного. Тобто перевищення рангу вживаності префіксального способу не визначається його продуктивністю. Підвищення рангів уживаності на противагу рангові продуктивності властиве префіксальному і композитно-суфіксальному (ранг продуктивності 8 — ранг уживаності 7) способам. Пониження рангів характерне для префіксоїдного способу (5 і 6) та основоскладання (6 і 8).

Чим же зумовлена асиметрія між рангами продуктивності і вживаності словотвірних способів? Ми висуваємо гіпотезу, що таку асиметрію зумовлює комплекс причин, одна з них — охоплення дериватами того чи іншого словотвірного способу певних тематичних груп. Тематичні групи УТІ за продуктивністю розподілені таким чином (див. Таблиця 4). Отже, найпродуктивнішими тематичними групами УТІ є „Оброблення інформації в комп'ютері”, „Операційна система”, „Внутрішня будова комп'ютера”.

Дані розподілу дериватів різних словотвірних способів за тематичними групами подано в таблиці 4. Ці результати зумовлюють розподіл дериватів за тематичними групами в межах словотвірних способів, поданий у таблиці 5. Тенденція зрозуміла: чим більше охоплення тематичних груп словотвірними способами УТІ, тим більший ранг уживаності властивий даному словотвірному способу. Цим пояснюється вищий ранг уживаності префіксального способу порівняно з очікуваним (див. Таблиця 5).

Таблиця 4

Продуктивність тематичних груп УТІ

№ п/п	Тематична група	Кількість дериватів
1	Оброблення інформації в комп'ютері	83
2	Операційна система	75
3	Внутрішня будова комп'ютера та периферії	57
4	Програмування	46
5	Комп'ютерні мережі та Інтернет	45
6	Програмне забезпечення	23
7	Загальні терміни	21
8	Захист інформації	4

Таблиця 5

Відповідність рангу вживаності словотвірних способів та охоплення ними тематичних груп УТІ

№ п/п	Способи словотворення	Охоплення тематичних груп	Ранг уживаності
1	Лексико-семантичний	8	1
2	Суфіксальний	8	2
3	Словоскладання	7	3
4	Абревіація	7	4
5	Префіксоїдний	6	6
6	Основоскладання	6	8
7	Префіксальний	7	5
8	Композитно-суфіксальний	4	7
9	Префіксально-суфіксальний	6	9
10	Безафікський	3	10
11.	Композитно-суфіксоїдний	3	11

А проте й характеристикою охоплення тематичних груп неможливо пояснити всі відхилення від очікуваних результатів. Звичайно, вельми важливою характеристикою тут виявляється відсоток охоплення тематичних груп, насамперед трьох продуктивних тематичних груп (1. Оброблення інформації в комп'ютері, 2. Внутрішня будова комп'ютера та периферії, 3. Операційна

система). І такий відсоток найбільший у лексико-семантичного способу творення УТІ. За цією характеристикою словотвірні способи розташувалися так (див. Таблиця 6):

Таблиця 6

Розподіл дериватів різних словотвірних способів за тематичними групами з урахуванням відсотка їх охоплення

Тематичні групи УТІ	Способи словотворення											
	Лексико-семантичний	Суфіксальний	Абревіація	Слово-складання	Префіксальний	Осново-складання	Префіксальний	Композитно-суфіксальний	Префіксаль-но-суфіксальний	Безафіксний	Композитно-суфіксальний	
1. Програмування	5	17	1,5	18	22	22	13	—	3	1,5	—	
2. Програмне забезпечення	19	22	22	11	8	10	5	—	3	—	—	
3. Операційна система	75	11	2	—	—	—	8	—	2	2	—	
4. Оброблення інформації	30	22	10	8	11	2	7	7	3	—	—	
5. Будова та периферія	12	15	19	9	4	9	1,5	22	4	3	1,5	
6. Мережі та Інтернет	8	8	16	40	—	8	4	8	4	—	4	
7. Захист інформації	22	11	—	22	11	34	—	—	—	—	—	
8. Загальні терміни	7	13	27	20	13	—	7	7	—	—	6	

Найвищий ранг вживаності лексико-семантичного способу пояснюється максимальним охопленням найбільшої за обсягом тематичної групи 4 «Оброблення інформації» (30 %) та великим відсотком охоплення середньої за обсягом тематичної групи 3 «Операційна система» (75 %). Суфіксальний спосіб має другий ранг уживаності, бо охоплення тематичної групи 4 — 22 %, а також групи 2 «Програмне забезпечення» — 22 % та 1 «Програмування» — 17 %. Абревіація має третій ранг уживаності, тому що охоплює на 19 % одну з найпродуктивніших тематичних груп 5 «Будова та периферія». Префіксальному і композитно-суфіксальному способам словотворення теж притаманний великий ступінь охоплення продуктивних тематичних груп: для префіксального — тематична група 1 (13 %), а для композитно-суфіксального — група 5 (22 %).

І, нарешті, остання характеристика, що визначає ранг вживаності похідних термінів — це частотність самих тематичних груп. Найчастотнішими тематичними групами виявляються такі тематичні групи: 3 — «Операційна система»; 4 — «Оброблення інформації»; 5 — «Будова та периферія». Префіксальний спосіб має вищий від очікуваного ранг уживаності у порівнянні до рангу продуктивності у зв'язку зі значним охопленням високочастотної тематичної групи 3 «Операційна система», посідає третє місце після лексико-семантичного і суфіксального способів (8 %), а композитно-суфіксальний спосіб перевищує розрахунковий ранг уживаності стосовно рангу продуктивності через значне охоплення високочастотної тематичної групи 5 «Будова та периферія» і становить 22 %, посідаючи перше місце серед усіх способів словотворення УТІ.

1. Головин Б. Н. Язык и статистика / Б. Н. Головин. — М.: Просвещение, 1971. — 191 с.

2. Даниленко В. П. Влияет ли употребительность слов на продуктивность словообразовательной модели? / В. П. Даниленко // Развитие словообразования современного русского языка. — М.: Наука, 1966. — С. 38—44.

3. Мазурик Д. В. Інноваційні процеси в лексиці сучасної української літературної мови (90-і рр. ХХ ст.): Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Д. В. Мазурик. — Львів, 2002. — 20 с.

4. Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов / И. А. Носенко. — М.: Высш. школа, 1981. — 158 с.

5. Пиотровский Р. Г. Математическая лингвистика / Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев, А. А. Пиотровская. — М.: Высш. школа, 1977. — 384 с.

Л. Н. Филук

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТЕРМИНОВ ИНФОРМАТИКИ В НАУЧНОМ СТИЛЕ

В статье на материале текстов научного стиля рассматриваются и анализируются основные функциональные параметры терминов информатики — продуктивность и употребительность словообразовательных способов и типов.

Ключевые слова: словообразовательный способ, словообразовательный тип, продуктивность, частотность.

L. N. Filiuk

THE FUNCTIONAL PARAMETERS OF INFORMATION SCIENCE TERMS IN A SCIENTIFIC STYLE

The given article deals with productivity and frequency of use of word-formation ways and word-formation types as the main functional parameters of information science terms.

Key words: way of word-formation, word-formation type, productivity, frequency of use.

Я. Г. МАР'ЯНКО

ОСОБЛИВОСТІ АФІКСАЛЬНОГО ТВОРЕННЯ УКРАЇНСЬКИХ ТЕРМІНІВ ДИЗАЙНУ

Стаття продовжує цикл наукових публікацій із вивчення малодослідженого шару української лексики — термінології дизайну. Розглянуто і визначено актуальні питання української термінології дизайну: словотвірні особливості сучасних термінів дизайну.

Ключові слова: термін, продуктивна модель, термінотворення, суфіксація.

Структура і семантика сучасної української термінології дизайну (далі — УТД) не відзначається однорідністю, що зумовлено історичними процесами зародження та поповнення системи галузі дизайну і різноманітністю способів термінологічної номінації. В УТД як частині української мови функціонують ті ж самі способи найменування, за допомогою яких постійно поповнюється термінологічна лексика, однак вони відрізняються від способів у загальнолітературній мові, оскільки призначені для творення термінів. Одним із найважливіших завдань дослідження є встановлення активно діючих тенденцій, завдяки яким утворюються нові спеціальні лексичні одиниці.

Актуальність статті полягає у вивченні й систематизації словотвірної організації українських термінів дизайну, утворених за допомогою афіксації. Такий спосіб словотворення є найбільш продуктивним для термінології, «у морфологічній структурі термінів, утворених шляхом афіксації, органічно закладені основи структурної систематизації, що має першочергове значення для термінології» [7: 120].

Ми приєднуємося до думки Т. І. Панько, яка вважає, що нові терміни творяться за загальними законами словотвору, постійно підпорядковуючись «тенденції термінології до чіткої системи». Ці закони виявляються у використанні наявних у мові елементів з їх семантичним навантаженням, асиміляцією дериватів, утворених на іншому національному ґрунті, створенням нових термінів на національній основі словотвірних ресурсів мови [6: 109].

Суфіксальний спосіб словотворення — найпродуктивніший спосіб утворення термінів дизайну. Вони утворюються за допомогою таких словотвірних моделей: $S + \text{суфікси}$; $V + \text{суфікси}$; $Ad + \text{суфікси}$.

За допомогою словотвірної моделі (далі — СТ) із суфіксом **-ок** в досліджуваній термінології утворюються іменники з конкретно-предметним значенням, що слугують для позначення назв переважно предметів малого розміру. Утворюються вони за моделлю $S + \text{-ок}$ (*каблучок, навушок*). Суфікс **-ок** може використовуватися й у віддієслівних утвореннях, хоч тут він малопродуктивний (відбити > *відбиток*).

У розвитку українського словотворення з'явилася тенденція до зменшення кількості термінів із суфіксом **-к/а**. Він замінюється власне українським **-н'н'**, за допомогою якого утворюються терміни на позначення предметної дії, процесу або абстрактного поняття за назвою дії: *гравіровка — гравірування, макетовка — макетування*. СТ із суфіксом **-к/а** так само має значення предметної дії, але відрізняється від дериватів СТ на **-нн/я** більшим ступенем втрати дієслівної ознаки. В українській мові обидва ці СТ існують паралельно, проте СТ з **-нн/я** більш продуктивний, а значна частина утворень з суфіксом **-к/а** належить до розмовного шару лексики.

За допомогою словотвірної моделі « $V + \text{-к-}$ » утворено терміни — іменники жіночого роду, мотивовані дієсловами, основним значенням для яких є «процес дії, предметна дія, наслідок дії» (*насічка, оживка*). Серед похідних термінів з суфіксом **-к-** виділяємо спеціальні назви: на позначення **результату** (*чеканка*), **матеріалів** (*вибійка*), **орнаментів** (*заставка*), **декору** (*вкрутка*), **назв інструментів** (*розтушовка*).

Продуктивним в УТД є суфікс **-ник** (**-льник**), який приєднується до S , має предметне значення «будівля» (*батонник, слізник*) і «ландшафтний дизайн» (*квітник, палисадник*).

Суфікс **-н'н'** використовується для творення іменників від дієслів, в тому числі й від префіксальних: розкрити > *розкріплення*, відлити > *відливання*.

Деперсоніфікувався суфікс **-ач**; у сучасній УТД він не використовується для творення назв осіб за родом діяльності, проте зберігає свою продуктивність при деривації лексем на позначення **предметів, інструментів, матеріалів**, що мають певне призначення (*обвертач*).

Деривати із суфіксом **-ин/а** позначають утворення, що мають конкретне предметне значення, загальну назву (*хатина*). Суфікс **-н-** в УТД, приєднуючись до мотивуючої основи, утворює назви **споруд, абстрактні поняття**, що використовуються в галузі дизайну (*городня, ліхтарня*).

Утворення від іменників/числівників шляхом додавання питомого суфікса **-ик** представлено групами назв, які позначають **частини будівлі** (*восьмерик*), **елементи ландшафтного дизайну** (*вусик*) і **види декору** (*кутасик*).

Серед термінів дизайну виділяється група термінів з іншомовними суфіксами. Питання про вхідження запозиченого афікса в словотвірну систему будь-якої національної мови належить до невирішених проблем сучасного мовознавства. Таке становище пов'язане із змішуванням синхронічного і діахронічного підходів до явищ словотворення, нерозрізненням морфемного і словотвірного аналізу [4: 131].

Моделі з суфіксами **-тор/-атор/-ятор-** продукують назви **приладів**, за допомогою яких відбуваються певні процеси, дії: *резонатор* (лат. *resono, resonans* — «відгукуватися»), а також використовуються для називання **осіб: декоратор** (фр. *décor*, лат. *decoro* — «прикрашати»).

На словотвірному рівні може досліджуватися співвідношення національного та інтернаціонального в мові, зокрема у спеціальній лексиці спостерігається активна взаємодія національних та інтернаціональних словотвірних компонентів. Саме в термінології функціонує велика кількість греко-латинських за походженням терміноелементів [5: 176].

Вживання афіксів іншомовного походження в системі УТД не зумовило істотного розширення семантичного потенціалу префіксів і суфіксів як словотвірних засобів, адже «переважна більшість подібних афіксів вступила в кореляційні або конкурентні відношення з питомими слов'янськими афіксами в межах існуючих функціонально-семантичних полів, ставши, таким чином, їхніми семантичними дублетами, тобто виразниками спільних семантичних функцій. Функціонуючи паралельно, семантично адекватні, але генетично неоднорідні афікси диференціювали свої структурно-комбінаторні або стильові характеристики» [1: 20].

Віддієслівні терміни-іменники, утворені за допомогою суфікса **-аці(я)** переважно від іншомовних дієслівних основ, вживаються в УТД для позначення **опредметненої дії, процесу, явища, способів декорації**: декорувати > *декорація* (< лат. *decoro*), модернізувати > *модернізація* (< фр. *moderne*).

За допомогою суфікса **-ни(я)**, якому властиве загальне словотвірне значення **опредметненої дії**, від дієслів творяться терміни на позначення **процесу дизайну** (*декорування, ілюмінування*). Г. Й. Винокур наголошує на тому, що абстрактні віддієслівні іменники на -ни(я) є «ідеальними термінами для визначення технічних процесів» [2: 14] у складі технічної термінології.

Для вираження різноманітних процесів в УТД використовуються іменники, реформовані на основі словотвірних типів із суфіксами **-ій-, -цій-, -ацій-**: *атрибуція* < лат. *attributum* — «додане», *інталія* < іт. *intaglio* — «різьблення», *монохромія* < гр. *μονόχρωμος* — «один, єдиний» і «колір, фарба».

Усі вищезазвані приклади — іменники жіночого роду з закінченням -а. Вважати їх непохідними, запозиченими разом із суфіксом **-ій/а** з західноєвропейських чи класичних мов заважає, на нашу думку, те, що -ій- з'явився на слов'янському мовному ґрунті як вставка між голосними звуками. Втім, з погляду синхронічного словотвору деякі з них можна розглядати як віддієслівні утворення української мови: *копіювати* — -ува- > копія; *модифікувати* — -ацій- > модифікація. У деяких слів такого типу мотивуюче слово вже містило префікс (*асиметрія* < гр. *α-* — «без» і *συμμετροια* — «розмірність») чи два корені (кваліметрія < лат. *qualis* — «який, якої якості» і гр. *μετρον* — «міра»).

Продуктивним для українських термінів дизайну є суфікс спільнослов'янського походження **-ість**, за допомогою якого від дієслівних основ утворюються іменники жіночого роду «для вираження ознаки абстрагованості від предмета або властивості чого-небудь» [3: 45]. У цих термінологізованих лексемах репрезентоване основне словотвірне значення «*о п р е д м е т н е н а о з н а к а*» з іншими семами аналізованої термінології. Похідною базою для творення термінів-іменників такого типу є якісні прикметники, від основ яких за допомогою суфікса **-ість** утворюються іменники жіночого роду (словотвірна модель *прикметникова твірна основа + суфікс -ість*, де абстрагування ознаки здійснюється шляхом суфіксації прикметникових основ). Ця словотвірна модель відзначається значною продуктивністю: атектонічний > *атектонічність*, пастозний > *пастозність*, пластичний > *пластичність*.

На позначення процесу дії або абстрактного поняття за назвою дії від дієслівних основ утворюються терміни-іменники. Як зазначив Г. Й. Винокур, «дієслівність як граматична категорія в технічній термінології виступає не у формі самих дієслів, які не можуть бути виразниками логічного суб'єкта, а у формі абстрактних іменників, що зберігають значення дії, але поєднують його із значенням абстрактної предметності» [2: 13].

За продуктивністю творення українських термінів дизайну друге місце займає префіксація. Префікси як носії додаткового конкретизуючого значення передають різноманітні логіко-семантичні взаємовідношення понять. Префіксація всіх частин мови посідає у словотворі проміжне місце між афіксальним словотвором і словоскладанням, префікси відіграють помітну роль у сучасному українському словотворі, захоплюючи частково й сфери словозміни [9: 56; 9: 228].

Для УТД характерні словотворчі моделі із власне українськими та іншомовного походження префіксами і префіксоїдами: **під-, ви-, пере-, при-, на-, роз-, пів-, напів-, мікро-, де-, ре-, анти-, дис-**. Вони служать для творення термінів зі спільним предметним значенням, характеризуючи науковий стиль, і з аналогічним значенням функціонують як в загальнолітературному, так і в науковому мовленні. Дери́вація термінів дизайну, що творяться за допомогою префіксальних формантів, відбувається за словотвірними моделями: *під- + S; роз- + S; де- + S; мікро- + S; пів- + S; де- + S; напів + S*.

З-поміж префіксів — виразників неповноти виробу або частини від цілого — у ТД слід виділити морфеми **пів-/напів-**, які вказують на **неповноту того, що названо твірною основою, або на елемент декору**, що не має логічного завершення (*напіврозетка, напівтеламон*). Термін *півбезконечна* утворено таким чином: *безконечна > напівбезконечна* (прикметник) > *напівбезконечна* (іменник). Отже, приєднання префікса було лише початковим етапом дери́вації, а завершив творення нової номінативної одиниці перехід прикметника в іменник, тобто морфолого-синтаксичний спосіб творення. За участю **пів-/напів-** творяться терміни таких тематичних груп: **назви орнаментів, елементів декору, малих архітектурних форм**.

Іншомовний префікс **де-** (лат. *de* — «через»), що виражає заперечення, ліквідацію, порушення, розлад, є малопродуктивним словотворчим засобом у досліджуваній термінології. Терміни з цим формантом набувають значення «виконувати дію, протилежну дії мотивувального дієслова, анулювати дію, яку називає мотивувальне дієслово» [9: 226], отже виражають «заперечення».

Для вираження загального словотвірного значення «повторний» у ТД характерним є вживання іншомовного префікса **ре-**, який відображає найрізноманітніші значення, конкретизує і уточнює **додаткові характеристики дизайну** (*рекультивація*).

Непродуктивною у творенні термінів дизайну є морфема **мікро-**, яка походить з грецької мови (гр. *μικρός* — «мало») і має значення «дуже малий, найдрібніший» (*мікромініатюра, мікрорайон*). Іншомовний префікс **анти-**, приєднуючись до іменникових основ, функціонує із домінантною семою «невідповідність чому-небудь» (*антидизайн, антикамера*). Префікс **дис-**, малопоширений в ТД, указує на *якісну характеристику* — «відхилення від норми» (*дисгармонія, дискомфортність*). Конфіксальний спосіб творення нових слів посідає важливе місце серед інших типів афіксального словотворення. Провідну семантичну роль у ньому відіграють префікси, визначальною рисою семантичної структури яких є функціонально-семантична спеціалізація, а суфікс містить досить високий ступінь узагальненості і оформляє похідну основу [8: 100].

У складі УТД є незначна кількість термінів, утворених за допомогою комбінованого способу — одночасного приєднання префікса і суфікса, які мають різне смислове значення, до твірної основи. До складу найбільш поширених словотвірних моделей належать утворення із префіксами **за-, на-, під-, при-** та суфіксами **-ник, -ин-**. Серед термінів дизайну цей спосіб словотвору продуктивний для творення назв **малих архітектурних форм** (*піддашина*), **мистецтвознавчих термінів** (*викружка*), **дизайнерських термінів на позначення видів декору** (*налавники, наличник*).

Терміни *підбанник, підрамник* утворено на базі прийменниково-іменникового сполучення, в яких прийменник **під** став префіксом і реалізував свої словотворчі можливості у поєднанні із суфіксом **-ник**, надавши похідній лексемі значення «предмет, призначений знаходитися під тим, на що вказує твірна іменникова основа» [9: 295].

В аналізованій нами термінології кількісно переважають однослівні терміни, найпродуктивнішим способом творення яких є морфологічний. Серед морфологічних способів творення перевага належить суфіксальному, що передбачає приєднання питомих українських та запозичених суфіксів до термінологічних лексем. Друге місце за частотністю належить префіксації: префікси як носії додаткового конкретизуючого значення передають різноманітні логіко-семантичні взаємовідношення понять. Конфіксальний спосіб творення нових слів посідає важливе місце серед інших типів афіксального словотворення.

1. Безпояско О. К. Граматика української мови: Морфологія: підруч. [для студ. філол. фак.] / О. К. Безпояско, К. Г. Городенська, В. М. Русанівський. — К.: Либідь, 1993. — 336 с.

2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. — М., 1939. — Т. 5. — С. 3—54.

3. Ковалик І. І. Словотворча категорія назв абстрактних понять у східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами / І. І. Ковалик // Питання слов'янського мовознавства. — Л., 1963. — Кн. 7, 8. — 81 с.

4. Кочан І. М. Іншомовні слова в сучасній технічній термінології / І. М. Кочан // Український правопис і наукова термінологія: історія, концепції та реалії сьогодення. — Л., 1996. — С. 129—135.

5. Національні та інтернаціональні компоненти в сучасних терміносистемах / Л. О. Симоненко, С. О. Соколова, І. В. Коропенко, М. П. Годована, В. С. Марченко. — К.: Наук. думка, 1993. — 237 с.

6. Панько Т. І. Від терміна до системи / Т. І. Панько. — Львів: Вища шк., 1979. — 148 с.

7. *Панько Т. І.* Українське термінознавство: [підручник] / Т. І. Панько, І. М. Кочан, Г. П. Мацюк. — Львів: Світ, 1994. — 216 с.

8. *Симоненко Л. О.* Формування української біологічної термінології / Л. О. Симоненко; [відп. ред. М. М. Пещак]. — К.: Наук. думка, 1991. — 152 с.

9. *Словотвір сучасної української літературної мови* / відп. ред. М. А. Жовтобрюх. — К.: Наук. думка, 1979. — 406 с.

Я. Г. Марьянко

ОСОБЕННОСТИ АФФИКСАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНСКИХ ТЕРМИНОВ ДИЗАЙНА

Статья продолжает цикл научных публикаций по исследованию малоизученного слоя украинской лексики — терминологии дизайна. Рассмотрены актуальные вопросы украинской терминологии дизайна: словообразовательные особенности терминов дизайна на современном этапе.

Ключевые слова: термин, суффиксация, продуктивная модель, терминообразование.

Ya. G. Maryanko

THE AFFIX WORD FORMATION PECULIARITIES OF DESIGN TERMS IN UKRAINIAN

The article continues the series of scientific work in the research of little-studied layer of the Ukrainian lexis — design terminology. The pressing questions of design terminology in the Ukrainian language are analyzed: the word building peculiarities of modern design terms.

Key words: term, terminology nomination, suffix word formation, productive model.

Н. В. ДЬЯЧОК

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯВЛЕНИЯ УНИВЕРБАЦИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Явление универбации является довольно актуальным в современном лингвистическом контексте. Это связано с факторами как языкового, так и внеязыкового характера. В статье описываются причины и тенденции, способствующие возникновению большого количества универбов в современном русском языке и на протяжении всей истории его развития. Выделяются этапы развития исследуемого явления.

Ключевые слова: универбация, номинатема, универб, словосочетание.

Цель данной статьи — описание этимологического характера явления универбации, установление границ возникновения универбов исследуемого типа и, в связи с этим, определение этапов формирования данного явления.

В узком понимании универбация — «образование слова на базе наименования, представляющего собой сочетание слов» [6, с. 74—75]. На наш взгляд, даже при рассмотрении данного явления как деривационного, вышеуказанное определение нечётко: оно может быть приложимо и к широкому пониманию, где исследуемый процесс понимается как проявление синтетизма в словообразовании, т. е. выражение «одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, выражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов» [2, с. 451]. Универбацией можно назвать процесс возникновения слова на базе словосочетания определённой сложности с тождественным лексическим значением: *неотложка* — *неотложная помощь*, *короткометражка* — *короткометражный фильм*, *молодёжка* — *молодёжная газета* и т. п. В этом значении используются и другие термины. Авторы монографии «Русская разговорная речь» относят подобные образования к явлениям семантического стяжения, или семантической конденсации, понимая под этим процессы, связанные с утратой семантической расчленённости комплексных наименований, состоящих из двух или более лексем [10, с. 408]: *вечёрка* — *вечерняя газета*, *подсобка* — *подсобное помещение* и т. п. В. Н. Немченко образование производных слов в результате эллипсиса производящего словосочетания с одновременной суффиксацией называет стяжением [7, с. 241]: *читалка* — *читальный зал* и т. п. При таком понимании универбация представляет собой «сжатие мотивирующего словосочетания, в том числе и фразеологизма, сопровождающееся включением семантики в исходном варианте, полученном в результате аффиксальной деривации, то есть суффиксальная универбация является частью общего процесса универбации» [3, с. 11]. Данное явление обязательно должно сопровождаться наличием в языке двух форм обозначения одной и той же — общей для них — семантики: расчленённой (аналитической) и нерасчленённой (синтетической).

Термин «универбаты» используется как предмет изучения в книге Т. Д. Соколовской «Нормативные сокращения в современном русском языке». Под термином «универбаты» понимаются однословные наименования, производные от опорного атрибута с помощью наиболее употребительного суффикса *-к(а)*, сохраняющие стилевую связь со сферой своего появления (с разговорной речью), а также синонимическую связь с производящими сложными наименованиями. Сочетания указанной структуры, имеющие характер номинации, легко могут быть «свёрнуты» в существительные на *-к(а)*, *-уик(а)* т. п.: *двухкопеечная монета* — *двушка*, *девятиэтажный дом* — *девятиэтажка*, *«Комсомольская правда»* — *«Комсомолка»*, *маршрутное такси* — *маршрутка*, *платёжная ведомость* — *платёжка*, *раскладная кровать* — *раскладушка*.

Говоря о том, что в науке не упорядочена сама терминология и поэтому наряду с термином «универб» могут использоваться синонимичные ему «конденсат», «компрессив», Л. В. Копоть предлагает следующую дефиницию результатов процесса универбации: «лексем, возникшие на базе словосочетания путём сжатия его компонентов до опорнозначимого со сгущением /конденсацией/ семантики развёрнутого наименования» [5]. Она также утверждает, что универбы возникают в непринуждённой разговорной речи, активно употребляются в ней и лишь спустя определённое время немногие из них кодифицируются.

В. И. Теркулов, например, рассматривает такие единицы как универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания, «то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию» [13, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу эллиптической универбации. В целом же каждая конкретная исследуемая нами единица носит название номинатемы типа «словосочетание + уни-

верб», входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является семантически тождественной единицей, которая отождествляется на уровне словосочетания. Номинатема вообще — это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (гlossах, вариантах), причём в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово: *капитальный ремонт* и *капиталка*, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *дочь царя* и *царевна*, *настойка валерианы* и *валерьянка*, *что-либо объёмом в триста единиц* и *трёхсотка*, *заметка информационного характера* и *информашка*, *укладывать асфальт* и *асфальтировать*, *делать массаж* и *массажировать* и т. п.

Итак, под универбом нами понимается семантически и грамматически тождественное определённое словосочетанию слово, могущее стилистически отличаться от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости либо стилистически совпадать с ним, являющееся наряду со словосочетанием дублетом одной номинатемы.

Прототип явления универбации отмечается ещё в древнерусском языке. Обратившись к его фактам, мы можем наблюдать исследуемые соответствия: *белка* — *белая веверица* (общее название пушных зверьков — белки, горносталя, соболя — в древнерусском языке); *копейка* — *копейная денъга*; *варежки* — *варяжские рукавицы*; *перчатки* — *перстяные (перчатые) рукавицы*.

В XVI—XVII веках, по свидетельству источников, существовали слова, напоминающие вербализованные эквиваленты словосочетаний. Значение главного слова такого словосочетания воплощалось в значении суффикса универба. Естественно, что такие образования исследователями того периода развития русского языка называются дериватами.

Материал публицистических произведений XVI века позволяет предположить наличие следующих классов универбов, которые ориентированы на специфику суффикса слов той или иной части речи.

1. Универбы-существительные мужского рода с суффиксом *-ец*. Данный суффикс является рефлексом праиндоевропейского суффикса *-ik* и фонетическим результатом III (прогрессивной, переменной) палатализации заднеязычных. В XVI веке он был многозначен, но только некоторые его значения могут свидетельствовать о его использовании в составе исторического универба, имевшего в своё время эквивалентное словосочетание с тождественным значением. Это «названия лиц по месту жительства» (*крымец* — *житель Крыма*, *аглинец* — *житель Англии*); «названия лиц по характерным признакам» (*беглец* — *беглый человек*, *скупец* — *скупой человек*); значение уменьшительности (*сыновец* — *маленький сын*). В. Н. Рогова отмечает, что «активнее в тот период был суффикс, выступающий в первом значении» [9, с. 28].

2. Универбы-существительные мужского рода с суффиксами *-ик* и *-ник*. Данный класс вполне обоснованно можно было бы объединить с предыдущим на основании этимологического тождества суффикса. «Часть анализируемых существительных образованы при помощи суффикса *-ик* от прилагательного и причастия» [9, с. 28]: *бедник* (*бедный человек*), *безмолвник* (*безмолвный человек*), *наёмник* (*наёмный работник*), *праведник* (*праведный человек*), *осужденник* (*осужденный преступник*); «некоторые — от глагола путём присоединения суффикса *-ник* <...>, а также суффикса *-льник*» [9, с. 28], хотя, на наш взгляд, в данном случае очевиден исторический факт соотношения данных существительных не с глаголами, а с причастиями или прилагательными, в основе которых уже есть суффикс *-н-* или *-(ль)н-*, а — точнее — со словосочетаниями, основы зависимых компонентов которых стали основами универбов-существительных: *блудник* (*блудный человек*), *грешник* (*грешный человек*), *наследник* (*наследный потомок*), *начальник* (*главный человек*) и т. п.

3. Универбы-существительные мужского рода с суффиксом *-ок*. Этот суффикс со значением названия лиц (*инок* — *иной человек*, *потомок* — *родственник*, *живущий потом*, *предок* — *родственник*, *живущий перед младшим поколением* и т. д.) также является одним из фонетических вариантов суффикса *-ик*. В. Н. Рогова пишет о суффиксе *-ок(-ек)*, обозначающем лиц, что он в общеславянском языке участвовал в образовании слов, некоторые из которых сохранились до настоящего времени. Затем в восточнославянских и южнославянских языках он стал менее продуктивным, а в западнославянских — наоборот — более продуктивным. «И в русском языке XVI в., где данный словообразовательный тип был, очевидно, непродуктивным, а в деловом языке XVII в. не отмечается, такие слова, как *потомок*, *предок*, возможно, появились в результате взаимоотношений с польским языком» [9, с. 31].

4. Универбы-существительные мужского рода с суффиксом *-ич-* были малоупотребительны в русском языке XVI века. Данный суффикс является рефлексом праиндоевропейского суффикса *-ik-*; таким образом, он этимологически родственен суффиксу *-ик*, например: *царевич* (*сын царя*), *королевич* (*сын короля*).

5. Универбы-глаголы с суффиксами *-ова-* и, как указывает В. Н. Рогова, *-ствова-*, хотя последний, на наш взгляд, является составным суффиксом существительного (*-ств-*) и глагола (*-ова-*): *милосердовати* (*быть милосердным*), *доброхотствовати* (*обладать доброхотством*), *малодушествовати* (*обладать малодушеством*).

В. Н. Рогова резюмирует, что «словообразовательная система русского языка XVI в. в своих основных чертах совпадает с современной: в языке XVI в. мы находим словообразовательные модели, сохранившие в большинстве своём степень активности и распространённости в современном русском языке» [9, с. 76].

В языке XVIII — начала XIX века «словообразовательный тип с суфф. *-анин (-ане)* был наиболее активным средством образования слов данной семантики» [11, с. 119]. Здесь имеется в виду значение лиц, относящихся к кому-то или чему-то, например, к географическому наименованию, названию учреждения и т. д. Но в то же время на рубеже веков начинается «активное словообразование имён существительных с суфф. *-(ов)ец*, обозначающих лиц по месту жительства или рождения, причём образуются и новые слова, и дублеты к уже существующим словам с суфф. *-анин (-ане)*» [11, с. 119—120]: *карфагеняне — карфагенцы (жители Карфагена), ионяне — ионийцы, сирияне — сирийцы (жители Сирии)*. Напомним, что данный суффикс с указанным значением был продуктивен ещё в XVI веке.

Ю. С. Сорокин, анализируя лексику русского языка 30—90-х годов XIX в., не отмечает случаев трансформации словосочетаний с прилагательным и развития на его основе универба на *-к(а)* [12, с. 219]. А. В. Зеленин пишет, что «уже в 40-е годы XIX в. в петербургском театральном лексиконе бытовали разговорные номинации *Мариинка* (Мариинский оперный театр), *Александринка* (Александринский драматический театр)» [4, с. 119]. В профессиональном просторечии (арго) использовалось слово *кредитка* — «общество взаимного кредита» (у Чехова), в городском просторечии — презрительно-ироническое *квартишка* — «квартирный надзиратель» (у Достоевского)» [4, с. 119].

С другой стороны, иной источник («Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века») фиксирует возникновение глагольных образований именно в первой половине XIX века, которые, по нашему мнению, являются универбами: *аристократничать — быть аристократом, педантствовать — быть педантом, роскошествовать — жить в роскоши, ловеласничать — поступать, вести себя как ловелас, быть ловеласом*.

С конца XIX — начала XX века отмечается активное развитие, по крайней мере, существительных на *-к(а)*, которые воспринимались в качестве разговорных дублетов атрибутивных и некоторых других типов словосочетаний.

В. А. Гиляровский в цикле очерков «Москва и москвичи», описывая Москву 80—90-х годов XIX века, приводит некоторые примеры универбов на *-к(а)*: *толкучка — толкучий рынок, обжорка — обжорный ряд, меблирашки — меблированные комнаты, Хитровка — Хитров рынок*.

Следует отметить, что «на протяжении XIX в. и особенно в языке нашего времени, когда появилась большая потребность в словах данного типа (названий лиц по месту жительства или рождения. — Н. Д.), суфф. *-(ов)ец* окончательно утверждается в этой семантической группе слов, образуя имена лиц от основ заимствованных и отечественных географических имён» [11, с. 120]: *мельбурцы (жители Мельбурна), гватемальцы (жители Гватемалы), нигерийцы (жители Нигерии), суданцы (жители Судана); джамбульцы (жители Джамбула), днепродзержинцы (жители Днепродзержинска), оленегорцы (жители Оленегорска)*. Суффиксы *-анин (-ане)* также остаются продуктивными с единственной поправкой: в ряде случаев наряду с каждым из указанных суффиксов используется интерфикс *-ч-*: *тамбовцы — тамбовчане (жители Тамбова), кемеровцы — кемеровчане (жители Кемерово), тернопольцы — тернопольчане (жители Тернополя), тираспольцы — тираспольчане (жители Тирасполя)* и т. п. Этот суффикс (*-(ч)анин-*) окончательно закрепил за собой значение «житель определённой местности или населённого пункта».

Коллектив авторов книги «Словообразование современного русского литературного языка» (1968) считает, что растущая «продуктивность имён лиц на *-(ов)ец* со значением членов коллектива (типа *калибровцы — рабочие завода «Калибр», мхатовцы — артисты МХАТ, горьковцы — рабочие завода им. А. М. Горького* и т. п.) породила омонимичные ряды образований: *горьковцы — рабочие завода, воспитанники колонии им. А. М. Горького, жители города Горького, свердловцы — рабочие завода, слушатели академии, жители города*» [11, с. 120]. Поэтому для выделения класса названий жителей определённых населённых пунктов снова используется однозначный суффикс *-анин*.

В годы революции и постреволюционного периода XX века возникают образования, обусловленные общественной потребностью в словах со значением членов групп, коллективов, организаций. «Внутриязыковым фактором, способствующим активному образованию слов с суфф. *-(ов)ец*, можно считать лёгкость соединения основ разной структуры с этим суффиксом благодаря интерфиксальному элементу *-ов-*» [11, с. 121]. Как правило, словосочетания, соответствующие данным словам, которые, по нашему мнению, являются универбами, содержат имена собственные. А. М. Селищев отмечал следующие: *корниловцы (последователи Корнилова), махновцы (последователи Махно), капелевцы (сподвижники Капеля), петлюровцы (последователи Петлюры), врангелевцы (сподвижники Врангеля)*. Вместе с тем, это и такие образования, как *баррикадовцы (участники боевых действий на баррикадах), уралмашевцы (рабочие завода*

«Уралмаш»), *автоприборовцы* (работчие завода «Автоприбор»), *электросиловцы* (работчие завода «Электросила»), *динамовцы* (работчие завода «Динамо») и т. п.

В 20-е годы XX века возникают в разговорной речи и «проникают в литературный язык немало слов с суффиксами *-щик (-чик)* — очень актуальных для того времени имён лиц, названных по учреждению, организации (фактически соответствующие тому или иному словосочетанию. — Н. Д.)» [11, с. 124]. Например: *аппаратчик* — *работник государственного аппарата*, *орготделщик* — *работник организационного отдела*, *студкомщик* — *член студенческого комитета*, *сельсоветчик* — *служащий сельсовета*.

Наконец, лингвисты отмечают возникновение большого количества суффиксальных универбов, мотивированных двучленным словосочетанием или же, согласно принятой нами терминологии, слов, тождественных исходному словосочетанию (вербальных эквивалентов словосочетаний, вербальных реализаций номинатом типа «словосочетание + универб») в XX веке, особенно в последние его десятилетия.

В связи с этим можно выделить такие этапы (периоды) развития явления универбации в истории русского языка.

1. Древнерусский период.
2. Старорусский период.
3. Период становления и развития русского языка эпохи формирования русской нации (XVII—XVIII вв.).
4. Период становления и развития русского языка (30—90-е гг. XIX в.).
5. Период развития русского языка конца XIX — нач. XX в.
6. Советский период развития русского языка (20—80-е гг. XX в.).
7. Постсоветский период развития русского языка (конец XX — начало XXI в.).

Существует четыре основные причины возникновения универбов. Во-первых, компрессия объясняется действием общеязыковой тенденции экономии речевых средств (есопому of speech — термин О. Есперсена), особенно сильно проявляющегося в разговорной речи. Во-вторых, существует частная тенденция сближения книжной и разговорной стихий и проникновения разговорно-просторечных элементов в литературное употребление [4, с. 118]. В-третьих, «неожиданно возникают новые явления, нуждающиеся в именах. В-четвёртых, могут иметься причины для изменения имени уже существующего явления. За такими изменениями имён могут стоять факторы из области политики, экономики, престижа, коммуникации и т. п.» [1, с. 105].

Кроме того, «явление универбации свидетельствует не только об экономии речевых усилий, но и о стремлении языка к «словности», о тенденции к синтетизму или, по крайней мере, к уравновешиванию аналитизма и синтетизма» [3, с. 10].

Непрерывное пополнение лексико-фразеологического состава русского языка последних десятилетий обусловлено различными тенденциями, среди которых преобладают следующие:

- 1) тенденция к экономии языковых средств и усилий;
- 2) тенденция к экспрессивности и варьированию способов обозначения при тождестве обозначаемого.

В 70—80-е годы XX века, как утверждает Л. И. Осипова, наблюдается бурный рост универбов с суффиксом *-к-* и широкое использование их в языке прессы. «Это не случайно, если принять во внимание положение о языковом существовании человека и социально-психологическую обстановку того времени. Во многих словах возникла своеобразная энантиосемия, взаимоотталкивание референциальной функции и ассоциативного компонента, лексического значения производящей основы и разговорно-просторечной окраски суффикса *-к-*» [8, с. 64]. Ср.: *нетленка* — *нетленное произведение*, *глобалка* — *глобальное произведение*, *Всемирка* — многотомное издание «*Всемирная литература*». К данной семантической группе можно отнести также универбы с суффиксом *-и-*: *генеральша* — *жена генерала*, *прокурорша* — *жена прокурора*.

Эти универбы — не просто разговорные эквиваленты двусловных наименований, «сжатая характеристика» или «слова-квалификаторы», отмечает Л. И. Осипова. Она считает, что их роль и значение выходят за рамки чисто лингвистического анализа: подобные дериваты появлялись и продолжают возникать в результате внутреннего неприятия демагогического официоза и т. п.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что, во-первых, универбы являются альтернативными формами номинатом исследуемого типа и, во-вторых, являются их речевыми реализациями. В связи с этим также было бы некорректным считать универбы (универбаты) результатом деривационного процесса, а процесс их возникновения — деривационным. Кроме того, исследуемый материал позволяет выделить семь этапов становления явления универбации, а также определить основные и второстепенные причины возникновения универбов.

1. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар. — М.: Прогресс, 1987. — 182 с.

2. Большой энциклопедический словарь. Языковедение / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая российская энциклопедия, 2000. — 686 с.

3. Гафарова Р. И. Суффиксальные универбы русского языка: семантика, деривационные отношения: Дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Русский язык» / Р. И. Гафарова. — Харьков, 2009. — 178 с.
4. Зеленин А. В. Компрессионное словообразование в эмигрантской прессе (1919—1939 гг.) / А. В. Зеленин // Вопросы языкознания. — 2007. — № 4. — С. 98—128.
5. Копоть Л. В. Универбация как вид компрессионного словообразования в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. В. Копоть. — Майкоп, 2005. — 210 с.
6. Лопатин В. В. Новое в русском языке советской эпохи / В. В. Лопатин // Русский язык в школе. — 1987. — № 5. — С. 77—79.
7. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. — М.: Высшая школа, 1984. — 256 с.
8. Осипова Л. И. Суффиксальные универбы с непредметной семантикой в русском языке / Л. И. Осипова // Филологические науки. — 1991. — № 5. — С. 61—69.
9. Рогова В. Н. Словообразовательная система русского языка в XVI веке (по материалам публицистических произведений) / В. Н. Рогова. — Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1972.
10. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. — М.: Наука, 1973. — 232 с.
11. Словообразование современного русского языка. — М.: Наука, 1968.
12. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30—90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. — М.-Л., 1965.
13. Теркулов В. И. Ещё раз об основной единице языка // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Г. Шевченка. — Луганськ, 2006. — № 11 (106). — С. 127—136.

Н. В. Дьячок

ЭТАПИ ФОРМУВАННЯ ЯВИЩА УНІВЕРБАЦІЇ У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Явище універбації є досить актуальним у сучасному лінгвістичному контексті. Це пов'язане з факторами як суто мовного, так і позамовного характеру. У статті описуються причини й тенденції, що сприяють виникненню великої кількості універбів у сучасній російській мові та протягом всієї її історії. Виділяються етапи розвитку досліджуваного явища.

Ключові слова: універбація, номінатема, універб, словосполучення.

N. V. Dyachok

STAGES OF UNIVERBATION'S EVOLUTION IN RUSSIAN

Univerbation is an actual phenomenon in modern linguistics. It depends on intralinguistic and extralinguistic factors. Causes of univerbs' evolution are described. Stages of univerbation's development are shown.

Key words: univerbation, nominatheaam, univerb, word combination.

УДК 811.161.1'367.625'373.611/612'276.3-053.6

И. Б. ИРЛИЦЫНА

О НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ МОЛОДЁЖНОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются разные группы глаголов в речи современной молодежи: единицы литературного языка, просторечные формы, собственно молодежные образования. Показаны их семантические и словообразовательные особенности — основа яркости, нестандартности, новизны молодежной речи.

Ключевые слова: русская речь молодёжи, способы словообразования, семантика, образные выражения, глаголы литературного языка, просторечные глаголы, собственно молодежные глаголы.

Интереснейшим явлением наших дней, явлением, которое исследовалось не одним поколением учёных-филологов (А. М. Селищев, В. М. Жирмунский, Л. В. Щерба, А. Д. Швейцер, В. Д. Бондалетов и др.) и которое достаточно изучено в социолингвистике (социальные предпосылки возникновения и распространения, условия и сферы функционирования, социально-профессиональная принадлежность носителей и т. д.), является молодёжный сленг, молодёжный жаргон, наконец, язык современной молодёжи.

В настоящее время практические исследования, анализирующие данный феномен в свете решения задач культуры речи, особенно актуальны.

Тенденция говорить по-своему, не как все, ведёт к постоянному пополнению словаря молодёжи новыми единицами, здесь максимально распространено языковое экспериментирование и игровое словотворчество. Образные выражения молодых всегда свежи, неожиданны, юмористичны, часто грубоваты, а иногда парадоксальны. Речь молодёжи, отражая высокий темп современной жизни, мобильность молодых людей, как правило, динамична, и важную роль в ней играет глагол.

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение некоторых групп глагольного корпуса русской речи молодёжи, выявление их специфики.

Наблюдения показали, что в речи молодых употребляются глагольные единицы разных языковых систем: глаголам литературного языка противопоставлены образования из компьютерного подъязыка, студенческого жаргона, воровского арго, просторечия. Кроме того, здесь функционируют собственно молодёжные единицы: глаголы, образованные в рамках языка молодёжи. Указанные группы слов обладают своей спецификой, которая, наверное, в большей степени присуща заимствованиям из литературного языка. Глаголы литературного языка, употребляясь в речи молодежи, могут изменять лексическое значение либо приобретать новое.

В некоторых случаях происходит **расширение** значения общеупотребительного слова. Например, одно из кодифицированных значений глагола *загреться*: «сразу лишиться высокого положения, должности» [7, 1, с. 507]. В молодёжном сленге *загреться* — «потерпеть неудачу». Причём имеется в виду неудача в широком смысле. Глагол *качаться* в литературном языке означает «двигаться из стороны в сторону или колебаться, то поднимаясь, то опускаясь» [6, 1, с. 15]. В речи молодых частотно *качаться* в значении «заниматься атлетической гимнастикой». В обоих случаях наблюдаем расширение значения слова.

Гораздо чаще происходит **сужение** значения литературного слова. Так, *выкинуть* в литературном языке обозначает «бросая, удалить, освободиться от чего-либо» [6, 1, с. 259]. В молодёжной речи одно из частотных значений глагола *выкинуть* — «отчислить (из учебного заведения)».

Зацепить кодифицировано как — «задеть, поддеть, чтобы притянуть к себе или соединить с чем-нибудь» [6, 1, с. 593]. В молодёжной речи это слово часто употребляется в значении «вызвать реакцию, понравиться».

В русском литературном языке глагол *кинуть* обозначает реальное физическое действие: «выпустив из руки, заставить или дать полететь» [6, 1, с. 49]. Из речи молодёжи в общее употребление проникает *кинуть* из сферы виртуального общения в значении «передать SMS по сотовому телефону». Заметим, что однокоренные, близкие по значению глаголы литературного языка *кинуть* и *выкинуть* в молодёжном сленге имеют совершенно разную семантику: соответственно — «отправить SMS» и «отчислить из учебного заведения».

Существенно сузилось значение глагола *заклеить* (ср. лит. «заделать, закрыть, скрепить чем-то клейким» [6, 1, с. 562] и молодёжное «познакомиться с лицом противоположного пола»). Ещё в большей степени наблюдаем сужение значения глагола *вписать* (ср. лит. «написав, внести, включить куда-либо» [6, 1, с. 228] и молодёжное «пустить переночевать»). Активизируется сема введения, включения.

Наконец, существуют глаголы, полностью изменившие значение. В одних случаях можно усмотреть развитие метафорического значения слова:

— *задымиться* — «согрешить», в литературном языке — «потемнеть от дыма, закоптиться» [6, 1, с. 518];

— *оттянуться* — «отдохнуть, расслабиться (иногда с помощью алкоголя)», в литературном языке — «отойти (назад, в сторону), стать отвислым от тяжести» [6, 1, с. 718];

— *рубить* — «разбираться в чём-либо», в литературном языке — «ударяя, разделять на части, отсекав, измельчать» [6, 3, с. 735].

В других случаях в основе нового значения скрытая метафора. Напр., *достать* — «рассердить, утомить, надоесть». Ни одно из четырёх значений этого слова в литературном языке (1. «взять что-либо, находящееся на расстоянии, извлечь, вынуть»; 2. «коснуться, дотронуться»; 3. «приобрести, получить, раздобыть»; 4. «оказаться в достаточном количестве, хватить» [6, 1, с. 436—437]) не является в полной мере основой для развития нового значения в рамках молодёжного сленга.

Литературным единицам противопоставляются глаголы просторечные, обозначающие бытовые действия (*упасть* — «сесть», *опрокинуться* — «лечь спать»), трудовую деятельность (*вкалывать*, *пахать*, *ишачить*, *долбаться* — «усердно работать»), «неверные» действия человека, приводящие к нежелательному результату (*обломаться* — «совершить ошибку, промах»; *промухать*, *проваландаться* — «упустить возможность»; *влипнуть*, *вляпаться*, *впутаться*, *залететь*, *загреться* — «неосторожно связаться с чем-либо» и др.).

Просторечные формы, употребляясь в речи молодёжи, могут сохранять лексическое значение, видоизменять его либо развивать новое. Так, глагол *вздёрнуть*, имеющий в просторечии значение «наказать», в молодёжной речи имеет конкретизацию «сильно избить». Простореч-

ный глагол *маяться* — «бездельничать», кроме указанного, имеет в речи молодёжи значение «интересоваться».

Наконец, в качестве составной части всей глагольной лексики в речи молодёжи выступают собственно молодёжные англо-русские гибриды. Среди суффиксальных наиболее частотными являются единицы с суффиксами *-а-*, *-и-*, которые присоединяются к основе английских глаголов. Лексическое значение при этом чаще всего не меняется: *йтать* (от *to eat* — «есть»), *кáмать* (от *to come* — «прийти»), *стóпать* (от *to stop* — «останавливать»), *ангрéйдить* (от *to upgrade* — «увеличить»), *дáнсить* (от *to dance* — «танцевать») и др. Реже встречаются глаголы, изменяющие семантику, чаще в сторону её конкретизации. Так, английский глагол *спрай* означает «распылять», а образованная от него лексема молодёжной речи *спрéить* имеет значение «распыляя, рисовать на стене». Некоторые глаголы способны развивать новые значения. Напр., лексема *áскать* — «спрашивать» наряду с имеющимся приобретает значение «просить деньги, попрошайничать». Глаголы, оформленные суффиксом *-ова-*, образуются не только от английских глаголов, но и от английских имён существительных, видимо, поэтому «сдвиг» значения у них гораздо больше: от незначительных, до весьма существенных. Так, жаргонизм *прайсовать* (от англ. *price* — «цена») означает «платить»; *шейковать* (от англ. *to shake* — «трясти») имеет значение «танцевать», наконец, *фейсовать* (от англ. *face* — «лицо») в молодёжной речи приобретает значение «бить по лицу». Любопытно, что среди глаголов с суффиксом *-ова-* встречаются случаи межъязыковой омонимии. Жаргонизм *ворковать* — «работать», образованный от английской лексемы *to work*, является омонимом по отношению к литературному *ворковать* — «издавать переливчатые звуки (о голубях)» [6, 1, с. 212]. Лексемы с суффиксом *-ну-* наименее частотны. Образованные от основ английских глаголов, они обозначают мгновенность, однократность действия. Возможны случаи изменения значения. Например, молодёжный глагол *искейпнуть* (от англ. *to escape* — «избегать») означает «сбежать». Глагольные единицы с суффиксом *-ну-* могут формировать в рамках языка молодёжи видовые пары: *лукать* («смотреть») — *лукнуть* («посмотреть»).

Кроме суффиксального способа собственно молодёжные англо-русские глагольные гибриды могут оформляться префиксально-суффиксально, чаще путем присоединения к основе английского прилагательного приставки *про-* и суффикса *-и-*. Так, от английского прилагательного *up-to-date* («современный, новейший») формируется глагол *проандейтить*, имеющий в молодёжной речи значение «обновить программу обеспечения компьютера». По аналогии от английского прилагательного *flex* («гибкий») образуется глагол *профлексить* («изменить настройку мобильного телефона благодаря специальным программам»). Во всех случаях у глаголов этой группы происходит сужение, конкретизация лексического значения по сравнению с английской основой, причём мотивировка такого «сдвига» достаточно слабая.

Молодёжные глагольные гибриды могут образовываться и суффиксально-постфиксальным путём. К основе английского существительного присоединяется обычно суффикс *-ова-* и постфикс *-ся*. Например, от англ. *meeting* («встреча») образуется молодёжное *митинговаться* («встречаться»). Изменение лексического значения при этом не фиксируется.

Особенностью префиксально-постфиксального способа создания лексем является то, что присоединение аффиксов (чаще приставки *с-* и постфикса *-ся*) происходит к русскому глаголу, образованному в своё время от английской основы. Так, например, уже русский жаргонизм *дринкать* (от англ. *to drink* — «пить») лёг в основу глагола *сдринчатся* («умереть от алкоголя»). В данном случае семантика последнего глагола представляет собой результат действия, обозначенного производящей основой.

Наконец, молодёжные англо-русские глагольные гибриды могут быть образованы префиксально-суффиксальным способом с постфиксацией. Типичная модель: к производящей основе (в этой роли выступает английский глагол) прибавляется префикс *по-*, суффикс *-и-* и постфикс *-ся*. Таким путём, например, от англ. глагола *to slam* («хлопать») образуется глагол *по-слэмиться* со значением «повеселиться». Сдвиг в семантике очевиден.

В результате проведённого исследования приходим к следующим выводам:

1. Язык молодёжи — феномен, обладающий ярко выраженной спецификой.
2. Глагольный корпус молодёжной речи представлен единицами разных систем.
3. Глаголы литературного языка и просторечные формы в молодёжной речи могут расширять, сужать или полностью изменять лексическое значение.
4. Значительную группу современных собственно молодёжных слов представляют англо-русские глагольные гибриды. Наиболее частотны при этом русские суффиксы *-а-*, *-и-*, *-ова-*. Кроме суффиксации, используются другие способы образования глагольных гибридов: префиксально-суффиксальный, суффиксально-постфиксальный и другие. При этом наблюдаются сдвиги в лексических значениях.

1. Грачёв М. А. Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачёв. — М.: Эксмо, 2006.
2. Елистратов В. С. Словарь московского арго / В. С. Елистратов. — М.: Русские словари, 1994.

3. *Никитина Т. Г.* Словарь молодёжного сленга / Т. Г. Никитина. — СПб., 2003.
4. *Никитина Т. Г.* Молодёжный сленг / Т. Г. Никитина. — М., 2009.
5. *Романов А. Ю.* Современный русский молодёжный сленг / А. Ю. Романов. — Мюнхен, 2004.
6. *Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР / Под ред. А. П. Евгеньевой.* — М.: Русский язык, 1981—1984.

I. Б. Ірліцина

ПРО ДЕЯКІ СЛОВОТВІРНІ ТА СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ДІЄСЛІВ У СУЧАСНОМУ РОСІЙСЬКОМУ МОЛОДІЖНОМУ МОВЛЕННІ

У статті розглянуто різні групи дієслів у мовленні сучасної молоді: одиниці літературної мови, просторічні форми, власне молодіжні утворення. Показано їх семантичні і словотвірні особливості — основа яскравості, нестандартності, новизни молодіжного мовлення.

Ключові слова: російське молодіжне мовлення, способи словотвору, семантика, образні вирази, дієслова літературної мови, просторічні дієслова, власне молодіжні дієслова.

I. B. Irlitsyna

WORD-FORMATIVE AND SEMANTIC PECULIARITIES OF MODERN RUSSIAN YOUTH'S SPEECH VERBS

The author describes various groups of verbs in the speech of modern youth: literary language units, low colloquial forms, youth's formations proper. The semantic and word-formative peculiarities of these units as the basis of originality and novelty are shown.

Key words: Russian youth's speech, word-formation, semantics, figurative phrases, literary language verbs, youth's verbs proper.

А. Н. ЛАНИНА

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ С ЗООСЕМИЗМАМИ В РУССКОМ
И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье описаны результаты семантического анализа устойчивых сравнительных оборотов с зоосемизмами, характеризующих человека, в русском и немецком языках. Определены общие признаки и национальное своеобразие сравниваемых единиц в указанных языках, исследованы источники культурной мотивации эталонов сравнения.

Ключевые слова: семантический анализ, фразеологизм, устойчивый сравнительный оборот, зоосемизм, национально-культурная специфика.

Современный антропологический подход к языку как к уникальной человеческой способности определил новый взгляд на его сущность, проявившийся в отказе от подхода к языку только как к статичной знаковой системе. Лингвисты обращаются как к когнитивному, так и к деятельностно-динамическому аспекту языка, к вопросам его речевого функционирования, к психолингвистическим, лингвокультурологическим и прагматическим феноменам.

Устойчивые сравнительные обороты оказываются включёнными в новые парадигмы научного знания, поскольку в них, как и в других традиционно воспроизводимых единицах языка, не только концептуализированы «знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к её фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [14, с. 9].

Фактический материал показывает, что наряду с фразеологизмами, возникшими на основе метафорического переноса, релевантное место в анималистической фразеологии отводится устойчивым сравнительным оборотам.

Особенностью устойчивого сравнительного оборота является сохранение прямого значения его компонентами, которые не представляют семантического единства во фразеологическом смысле, их лексические значения не подвергаются десемантизации. Устойчивые сравнения (далее УС) обладают полной логической мотивированностью выраженных в них компаративных отношений, но одновременно с этим не теряют образности внутренней формы, лежащей в основе сигнификативного значения.

Русским и немцам известны в основном одни и те же виды животных, поэтому оказывается интересным проанализировать систему эталонов и стереотипов в сравниваемых языках, обнаружить ряд признаков, обуславливающих общность семасиологических явлений и процессов в появлении переносных значений, а также выявить различия в образовании национально-специфических приращённых смыслов. В связи с присущей людям привычкой наделять животных человеческими качествами (*хитрый как лиса, трусливый как заяц* и т. д.) в данной статье ставится цель определить, какова ассоциативно-символическая связь поведения того или иного животного с определёнными чертами характера, особенностями поведения человека в сознании русского и немца.

Сравнительно-сопоставительный анализ компаративных оборотов с зоосемизмами в русском и немецком языках показывает, что в сопоставляемых языковых картинах мира содержатся одинаковые знания об одних и тех же сторонах действительности. Это проявляется в существовании полных межъязыковых структурно-семантических эквивалентов, совпадающих по всем компонентам. В них содержатся знания о животном мире, полученные человеком в процессе жизнедеятельности и не противоречащие объективной действительности.

Ассоциативные связи, навеянные самой природой обозначаемого словом объекта и имеющие тот же онтологический статус, что и само обозначаемое, называют «ингерентными», или «однопорядковыми» со свойствами реалии, т. е. принадлежащими к тому же внеязыковому ряду, к которому относится обозначаемое слово [15, с. 228]. Ассоциативные признаки, лежащие в основе устойчивых сравнительных оборотов данной группы, нередко входят в номинативное значение при лексикографировании исходного слова в обоих языках. Рассмотрим следующие примеры: *яркий/пёстрый как попугай* [7, с. 42] — *bunt wie ein Parakei* [18] в значении 'очень пёстрый; ярко, безвкусно одетый'. В Большом толковом словаре современного русского языка читаем: «попугай — лесная птица тропических стран, обычно с *ярким и пёстрым оперением* (легко выучивающаяся путём подражания произносить слова)» [16, с. 746]. В немецком тол-

ковом словаре находим такое толкование: «Paragei, der — (in zahlreichen Arten vorkommender) bunt gefiederter tropischer Vogel mit kurzem, abwärts gebogenem Schnabel, der die Fähigkeit hat, Wörter nachzusprechen» [18] [(встречающаяся во многих видах) *нёстрая* пернатая тропическая птица с коротким, вниз изогнутым клювом, обладающая способностью повторять слова]; *петь как соловей* [7, с. 78; 10, с. 163] — *singen wie eine Nachtigall* [17; 18] в значении ‘очень красиво петь’, в русском языке: «соловей — птица из отряда воробьиных, с серым оперением, отличающаяся *необыкновенно красивым пением*» [16, с. 988] — в немецком: «Nachtigall, die — (bes. in Laubwäldern u. dichtem Gebüsch versteckt lebender) unscheinbar rötlich brauner Singvogel, dessen besonders nachts ertönder Gesang sehr melodisch klingt» [18] [(живущая в основном в лиственных лесах и густых кустарниках) невзрачная рыжевато-коричневая певчая птица, ночное *пение которой особенно мелодично звучит*].

Наблюдения человека за поведением животного, его физическим состоянием, внешним видом, а также отношениями между животными, которые легли в основу формирования компаративных конструкций, находят свои подтверждения в соответствующих энциклопедических источниках о жизни животных.

Рассмотрим следующие примеры: *сильный как медведь* [9, с. 243] — *stark wie ein Bär* [18; 2, с. 129; 1, с. 64; 17] в значении ‘очень сильный’. В энциклопедии животных Альфреда Брема читаем: «всего того, что лисица старается достигнуть умом, орёл — стремительностью, медведь добивается прямой, открытой силой [3, с. 1236]. Раз осмелившись, медведь подходит к хлевам, старается взломать дверь.... Необыкновенная сила позволяет ему даже уносить с собой больших животных» [3, с. 1247]; *плодиться как кролики* [9, с. 200] — *sich vermehren wie die Kaninchen* [17], то есть ‘интенсивно плодиться’, «если принять, что каждая самка рождает в год семь раз и каждый раз по 8 детенышей, то потомство одной пары за 4 года может достигнуть громадной цифры (1 274 840 штук)... Однако исследования показали, смертность молодняка в первые недели может достигать 40 % и более» [3, с. 3947]; *нем как рыба* [10, с. 148; 9, с. 374] — *stumm wie ein Fisch* [17] в значении ‘молчать, не говорить ни слова’; «необходимое следствие жаберного дыхания то, что ни одна рыба не может производить звука. Правда, многие виды издают тоны, правильнее шумы, а именно трещанье или ворчанье. Но как ворчанье, так и трещанье, во всяком случае, нельзя сравнить со звуком голоса, высших позвоночных животных...» [3, с. 8435].

Г. Н. Складарская объясняет сущность зоосемизмов наличием в семантической структуре слова, кроме денотативного, эмпирического компонента значения, понимаемого как «обобщённый чувственно-наглядный образ предмета номинации», который позволяет носителю языка «пользоваться чисто внешними признаками, не прибегая к логическому осмыслению предмета, выявлению его сущности» [12, с. 73—74]. В соответствии с мировоззренческим принципом антропоморфизма животные, не обладающие природой человека, наделяются человеческими качествами, физическими и психическими, им приписывается способность чувствовать, испытывать переживания и эмоции, разговаривать, думать, совершать осмысленные человеческие действия.

Исследованный материал показывает, что общность устойчивых сравнительных оборотов с зоосемизмами в русском и немецком языках проявляется также и там, где характерна усложнённость и опосредованность ассоциативных признаков. Например: *хитрый как лиса* [7, с. 55; 9, с. 220] — *schlau wie ein Fuchs* [19, с. 481; 1, с. 192; 2, с. 338] в значении ‘очень хитрый’; *трусливый как заяц* [9, с. 134; 7, с. 58] — *furchtsam wie ein Hase* [18], то есть ‘очень трусливый’; *голодный как волк* [9, с. 68; 7, с. 40] — *hungrig wie ein Wolf* [18; 2, с. 970; 17; 1, с. 628] ‘очень голодный’; *неуклюжий как медведь* [9, с. 242; 7, с. 43] — *plump wie ein Bär* [1, с. 64; 2, с. 129; 17] ‘очень неуклюжий’; *упрямый как козёл* [9, с. 174; 7, с. 55] — *stumm wie ein Bock* ‘очень упрямый’ [18; 19, с. 226; 1, с. 96; 2, с. 179] и др.

По мнению В. И. Зимина, эти значения «не стоит рассматривать как переосмысления исходных, прямых значений слов на основе какого-либо признака, объединяющего исходное и переносное значения слова: признаки ‘грязный’ у слова *свинья* и ‘хитрый’ у слова *лиса* «напрямую» не выводятся из исходных значений слов» [5, с. 103]. В. Н. Телия называет ассоциации такого рода «адгерентными», переключающими ассоциативные связи в иноприродную сферу. «Стремление одухотворить вещное и овеществовать психическое, вдохнуть жизнь в предметы и наградить предметными свойствами абстрактные сущности лежит в основе языкового мифотворчества, моделирующего непредметную действительность как наглядно и чувственно воспринимаемый мир.... Адгерентные ассоциации, устанавливая связи на основе подобия, служат делу создания признаковой лексики невидимых миров. Значения, возникшие на основе таких ассоциаций, нуждаются в реальной опоре, в прослеживании реальности через инобытие» [15, с. 231].

Остановимся подробнее на рассмотрении устойчивого сравнительного оборота *хитрый как лиса* [7, с. 55; 9, с. 220] — *schlau wie ein Fuchs* [19, с. 481; 1, с. 192; 2, с. 338]

в значенні 'очень хитрий'. В Лінгвокультурологічному словарі читаємо: «Лиса відноситься к числу типових російських міфологічних образів, виступає як стереотипний образ, може використовуватися для характеристики людини. В російських казках і авторських баснях Лиса представляється хитрою, коварною і льстивою, постійно обманювальною як тих, хто сильніше її («Лиса і вовк»), так і тих, хто слабше (казки «Заячья избушка», «Колобок», басня І. А. Кривоноса «Ворона і лисиця»). В власне російському фольклорі Лис (муж. рід) не зустрічається, лиса завжди жіночого статі, у неї може бути ім'я (отчество) — Патрикеевна. Однак під впливом європейської культурної традиції у російських склалося уявлення про лису, який може мати не тільки хитростю, але і мудрістю» [10, с. 114]. В німецькій культурі лиса виступає популярним персонажем в поезії (казки, басні, епос), під її маскою ховається язвительна критика закоренелих соціальних і моральних порядків, починаючи з Середньовіччя і до наших днів. В казках лиса виконує роль умного радника, іноді навіть готового допомогти (наприклад, в казках Братів Гримм). Однак зазвичай зустрічається в протилежному образі, як символ хитрості і лукавства, як, наприклад, в баснях Езопа, послуживши в подальшому основою для виникнення фразеологізмів: *dem Fuchs sind die Trauben zu sauer / Er macht das wie der Fuchs mit den Trauben* [лиса виноград надто солодкий / він це робить як лиса з виноградом], тобто 'er verschleiert eine Niederlage' [18; 19, с. 482] [він ховає поразку]. Ср. в російському *смотреть как лиса на виноград* [7, с. 33] в значенні 'смотреть ограниченно, не имея возможности при этом что-л. сделать'. Или *Fuchs und Kranich laden einander zu Gast* [лиса і журавль запрошують друг друга в гості] 'sie betrügen einander wechselseitig' [18] [вони обманюють друг друга взаємно].

Образ *лисицы*, зустрічаючись в народних казаннях і поезії, відрізняється від дійсності. По спостереженням охотників, у цього тваринного немає в такій сильній ступені розвинутих розумових, хитрості і витівки, які їй приписує народна мова; у лисиці навіть не помічається особливо хорошого розвитку зовнішніх почуттів. Пробудившись в лисиці невдоволеною кровожадністю або сильним голодом здатні ці, в загальному обережливі, тваринні зробити і глухим, і слепим, не помічаючим небезпечності йому небезпечності [3, с. 1160]. Справедливо помітити, однак, що в свої «кращі часи» лисиця все-таки здатна на лукавство. В записках охотників згадуються різні види хитрості в поведінці тваринного. Коли лисиця, бажаючи прогретися на сонці, лягає, розтягнувшись на лузі, к ній літають цілі стає ворон, які сунуться і лізуть к самій голові мертвою, по їх думці, тваринного. Нездвигливо лежача лисиця підпускає їх на найближче відстань, потім раптово сміливим стрибком кидається на птахів, і одна з них неодмінно робиться жертвою ловкої притворщиці [3, с. 1163]. Не менш помітна охота лисиці на їжак. Як відомо, їжак при наступаючій небезпечності згинається в клубок і залишається в цьому положенні, що б з ним ні робили. Заставити розпрямитися їжак може тільки вода або дим. Хитра лисиця скатює їжак в воду або обдає своєю мочою, в результаті чого тваринне розкривається і піддається нападінню [3, с. 1164].

Вісисто справедливим є зауваження Е. А. Селиванової про «подвійну аналогізацію» таких одиниць: спочатку людські якості приписувалися тваринним (*собаке* — вірність, *зайцу* — трусость і т. д.), а внаслідок цього ці «фіксовані ознаки, можливо, підкріплені фольклором як символи, закріпилися за певним видом тварин, знаки яких використовувалися вже для позначення людини на основі приведених стереотипів» [11, с. 147].

Компромиссним рішенням в даному питанні виступає розгляд поняття «вторичний» ознак у Е. А. Гутман і М. І. Черемисинової. Річ йде про ознаку, виражену «стійкою характеристикою», який накладається на основне номінаційне значення, додається к тем семантичним ознакам, які відрізняють значення даного слова як імені певного виду тваринних від названь інших тваринних. Інакше кажучи, він не є дифференціальним ознакою цієї лексики як елемента лексико-семантичного поля «тваринні». «Однак якщо дана характеристика регулярно використовується носителями мови, цей додатковий ознак виявляється в їх свідомості надійно пов'язаним з уявленням про дану тваринну і регулярно впливає в свідомості при промові (сприйнятті) цього слова. Поетому, коли слово використовується в порівнянні, його значення, строго номінаційне в своїй основі, включає в себе і відповідний «вторичний» ознак» [4, с. 255].

Фактичний матеріал показує, що повне сходство компаративних оборотів з зоосеміями в російській і німецькій мовах зустрічається і в тих випадках, коли спостерігається ускладнення семантичної структури стійких порівнянь міфологічним, релігійним і символічним переосмисленням, внаслідок чого вони набувають додатковими коннотаціями. Наприклад, *УС мудрий як змея* [10, с. 82; 7, с. 51] — *klug wie eine Schlange* [18; 17; 2, с. 736] характеризує людину, відрізняючись розумом і володінням особливими знаннями», виходить к біблійським текстам: «Будьте мудрі, як змії, і прості, як голуби», Лук. Х: 16; *кроткий як голуб* [9, с. 85; 7, с. 58] — *sanft wie eine Taube* [18; 17], тобто 'очень кроткий'

связано с библейским восприятием голубя как символа искренности и невинности, являющегося также зримым символом Святого Духа и символом свободы. В библейской легенде именно голубка приносит Ною счастливую весть о том, что Бог сменил гнев на милость и что потоп закончился.

Все вышеприведённые примеры в очередной раз доказывают, что изучение понятийного содержания слова не может ограничиваться только односторонней логической трактовкой языковых форм. «Из такого рассмотрения совершенно выпадают художественное мышление, использующее слово для образного воспроизведения действительности, а также обыденное мышление, в котором деловая информация и прагматическое использование языка играют большую роль, чем отвлечённое рассуждение» [6, с. 15].

Частичное сходство в видении мира русским и немецким этносами обнаруживается и на более глубинном уровне семантики при неполном совпадении плана выражения сравнительной конструкции. Речь идёт об устойчивых сравнительных оборотах с зоосемизмами, сходных по своему смысловому содержанию, но различающихся в выборе образов, которые впоследствии становятся эталонами измерения определённых качеств и оценок человеческого поведения в исследуемых языках, заключая в себе культурную коннотацию. Например, качество «похотливость» в русскоязычной культуре традиционно связывается с образом *кобель*; ср.: *похотливый как кобель* [9, с. 172; 7, с. 41], а в немецкоязычной — с образом *козёл*, например *geil wie ein Bock* [19, с. 226; 1, с. 96; 17]. С точки зрения зоологии, похотливыми являются оба животных, *кобель*, который проявляет безрассудную настойчивость по отношению к противоположному полу в период течки, и *козёл*, способный во всякое время к оплодотворению сотен коз [3, с. 3297]. Следует отметить, что в русском языке слово *козёл* употребляется как порицающее или бранное слово для характеристики человека, чаще мужчины [17]. А в разговорной речи широко используется выражение *похотливый козёл*.

Интересен вопрос о причинах и источниках культурной мотивации эталона сравнения в русском и немецком языках, ответить на который с полной определённой оказывается затруднительно по причине большой разнородности факторов (как объективных, так и субъективных), лежащих в основе мотивации.

Роль **объективного исторического фактора** говорит в пользу выбора зоообраза *кобель* в русском языке, так как именно в старой России имели необыкновенную популярность псовые охоты, значимость которых была велика и с политической точки зрения. В это время появляются огромные псарни, общее количество собак в которых измеряется тысячами. Выбор немцами зоообраза *козёл* может быть обусловлен географическим фактором. В ландшафте Германии много гор: Средневысотный горный порог, Югозападно-Германское среднегорье складчатого фундамента, Южно-Германское предальпийское плоскогорье, Баварские Альпы. Такая природа способствует разведению коз, неприхотливых к еде и физически приспособленных для гор.

Выбор животного в качестве эталона может быть обусловлен таким **субъективным фактором** как **произвольность**. Многовековой опыт наблюдения за животными, непрерывное общение с ними не могло пройти бесследно для людей. Поиск человеком в другом человеке черт, сходных с чертами окружающих его живых существ, часто осуществлялся на уровне интуиции и произвольности. Например, в равной степени такие стройные животные, как *лань*, *косуля* и *газель*, избирательно выступают эталонами «стройности» в русской и немецкой культурах: *стройная как лань* [17] в русском языке и *schlank wie eine Gazelle / wie eine Reh* [стройная как газель / косуля] [17; 18] в немецком. Отметим, что в русском языке есть переносное наименование слова *газель*, означающее «стройную, грациозную девушку» [17].

В. Н. Телия отмечает, что «оперирование с образными сущностями не может не привести в метафоризацию субъективности их восприятия, не внести в новое значение следов того вспомогательного образа, который ассоциируется с «буквальным» значением» переосмысливаемого слова или сочетания» [13, с. 181].

И, наконец, языковые и культурные стереотипы, возникшие на основе наименований животных, были сформированы, очевидно, под влиянием **мифологического фактора**, который указывает на мифологическую подоплёку того или иного устойчивого сочетания: «анимализм всегда остаётся тем смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культурные стереотипы, поэтические образы и т. п.» [8, с. 122—123].

Таким образом, проведённый сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов с зоосемизмами в русском и немецком языках показывает, что большая часть полных структурно-семантических эквивалентов приходится на устойчивые сравнительные обороты. Исследование фактического материала показывает, что сходство русско-немецких компаративов с зоосемизмами обусловлено, в первую очередь, одинаковыми онтологическими знаниями о жизни животных. Огромную роль в получении таких знаний сыграла любовь русских и немцев к охоте. В процессе знакомства человека с животным, изучения его полезности как для людей, так и для природы, выделялся наиболее типичный признак данного животного, который объективно или в силу установившейся языковой традиции оказывался преобладающим. Большин-

ство устойчивых сравнительных оборотов с зоосемизмами обладает прозрачностью структуры и образного содержания в сравнении с фразеологизмами, созданными на основе метафорического переноса. Устойчивые сравнительные конструкции конкретизируют отдельные качества животного, которые в своей совокупности могут участвовать в создании метафорического образа, «насыщенного» данными смыслами. Следующим этапом нашего исследования как раз и станет изучение механизмов создания метафорических образов животных в русских и немецких фразеологизмах.

1. *Бинович Л. Э.* Немецко-русский фразеологический словарь. — 2-е изд., испр. и доп. / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. — М., 1975.
2. *Большой немецко-русский словарь.* — 7-е изд. — М., 2000. — 1040 с.
3. Брем Альфред. Жизнь животных. — М.: Изд-во «Директмедиа Паблшинг», 2004.
4. *Гутман Е. А.* Названия животных в составе сравнений (на материале русского и французского языков) / Е. А. Гутман, М. И. Черемисина // Вопросы языка и литературы. — Новосибирск, 1970. — Вып. IV. — Ч. 1. — С. 253—266.
5. *Зимин В. И.* О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений / В. И. Зимин, Пак Сон Гу // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: Языки слав. культуры, 2004. — С. 102—113.
6. *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. — М.-Л.: Наука, 1965. — 112 с.
7. *Козлова Т. В.* Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т. В. Козлова. — М., 2001.
8. *Маслова В. А.* Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие / В. А. Маслова. — М., 1997. — 495 с.
9. *Мокиенко В. М.* Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. — М., 2003. — 608 с.
10. *Русское культурное пространство:* Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / Под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. О. Гудкова. — М., 2004.
11. *Селіванова О.* Нариси з української фразеології (психогнітивний та етнокультурний аспекти): Монографія / О. Селіванова. — К.-Черкаси, 2004. — 276 с.
12. *Склярєвська Г. Н.* Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики (на материале русского языка). Ч. I, разд. 1: Языковая метафора как категория лексикологии / Г. Н. Склярєвська. — М., 1988.
13. *Телия В. Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М., 1988. — С. 173—203.
14. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 288 с.
15. *Телия В. Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. — М.: Наука, 1981. — 269 с.
16. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. — М.: «Альта-Принт», 2007. — VIII. — 1239 с.
17. *АВВУУ Lingvo x3:* многоязычный электронный словарь — 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
18. *Duden.* Das große Wörterbuch der deutschen Sprache Idiomatik. — 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
19. *Röhrich Lutz.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: in 4 Bänden. — Bd. 1. — Herder — Freiburg — Basel — Wien, 1991.

Г. М. Ланіна

СЕМАНТИЧНИЙ АНАЛІЗ УСТАЛЕНИХ ПОРІВНЯЛЬНИХ ЗВОРОТІВ ІЗ ЗООСЕМІЗМАМИ В РОСІЙСЬКІЙ І НІМЕЦЬКІЙ МОВАХ

У статті описано результати семантичного аналізу усталених порівняльних зворотів з зоосемізмами, які характеризують людину, в російській і німецькій мовах. Визначено спільні ознаки та національну своєрідність порівнюваних одиниць, досліджено джерела культурної мотивації еталонів порівняння.

Ключові слова: семантичний аналіз, фразеологізм, усталений порівняльний зворот, зоосемізм, національно-культурна специфіка.

A. N. Lanina

SEMANTIC ANALYSIS OF SIMILES WITH ZOOSEMIZMES IN RUSSIAN AND GERMAN

The article deals with the semantic analysis of similes with zoosemizm of a person on the basis of the Russian and the German languages. The general and national peculiarity and sources of cultural motivation are analyzed.

Key words: semantic analysis, phraseological unit, simile, zoosemizm, the national-culture specificity.

Т. О. АНТОНЮК

«ВКЛИНИВАНИЕ» КАК ПРИЁМ АВТОРСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ (на материале русскоязычной прозы В. В. Набокова)

В статье рассмотрены авторские преобразования устойчивых сравнений, извлечённых из прозаических текстов В. В. Набокова. Представлен их семантический анализ, выделены наиболее характерные способы структурно-семантических трансформаций устойчивых компаративных структур.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, преобразованные сравнения, образ сравнения, основание сравнения.

Категория сравнения представляет собой основу мыслительной и познавательной деятельности человека. В то же время сравнение является уникальным образным средством языка, которое может предоставить ключ к разгадке тайн творчества писателя.

Традиционно сравнения делятся на языковые (устойчивые) и индивидуально-авторские (окказиональные).

Устойчивые сравнения (УС) анализировались в работах Н. Д. Арутюновой, Д. У. Ащуровой, А. И. Бурлак, Я. Г. Биренбаум, В. В. Виноградова, Р. Кунгурова, А. В. Кунина, Л. А. Лебедевой, В. С. Мезенина, В. М. Мокиенко, В. М. Огольцева, Л. И. Ройзензона, А. А. Рыженковой, Н. М. Сидяковой, Н. А. Снопковой, А. Н. Тихонова, З. А. Шугуровой, Е. А. Юриной. Большинство из перечисленных исследователей относит устойчивые сравнения к компаративной фразеологии, и мы солидарны с их мнением.

УС представляют собой фразеологические единицы, содержащие образ, нагруженный определенными коннотациями. Они выполняют аксиологическую функцию, отражают основополагающие ценности народа, его менталитет и самосознание, поскольку основаны на культурно-национальном видении мира [4]. Это общеупотребительные, воспроизводимые, стабильные в лексико-грамматическом отношении языковые конструкции.

Окказиональные сравнения не воспроизводятся, а создаются автором. В таких сравнениях особенно ярко отражается присущее писателю восприятие действительности, его мировидение. Индивидуально-авторские сравнения всегда непредсказуемы, неожиданны, поскольку базируются на нетривиальных образах, и поэтому сильнее воздействуют на читателя.

Особым видом окказиональных сравнений являются сравнения преобразованные — единицы индивидуально-авторского словотворчества, которые создаются писателем на основе уже существующих УС путем частичного видоизменения последних. При этом сравнительные конструкции не теряют своей фразеологичности. Она лишь нарушается вследствие деформаций языковых норм, что способствует более детальному и более образному описанию персонажей и изображению событий.

А. А. Рыженкова выделяет следующие структурно-семантические типы авторских преобразований УС:

- вклинивание (термин А. В. Кунина) в компонентный состав УС определенных элементов;
- добавление компонентов в конец УС;
- замена компонента УС;
- контаминация;
- смешанный тип преобразования [4].

Виртуозный мастер изысканных, неожиданных окказиональных сравнений, В. В. Набоков достаточно часто вводит в художественную ткань своих произведений УС, сохраняя их эталонную структуру и исходные основания: *Для меня все ясно, как день; Я вас искал, как безумный, никто не знал вашего адреса...; Он выпрямился, бледный, как воск, отшвырнул платок в угол; — Что с тобой, Антон Петрович? Морда у тебя, как мел; Впрочем, повторяю: я плохо разбираюсь в том, что государству полезно, что вредно, и почему случается, что кровь с него сходит, как с гуся вода* и др.

Однако особый интерес для семантического анализа представляют авторские преобразования УС, которые являются одной из составляющих, определяющих своеобразие идиостиля писателя.

Мы рассмотрим первый из перечисленных выше типов авторских преобразований — вклинивание. Материалом исследования послужили преобразованные сравнения, представленные в рус-

скоязычных сборниках рассказов В. В. Набокова «Возвращение Чорба», «Весна в Фиальте», «Соглядатай».

В рассмотренных нами рассказах чаще всего встречаются конструкции, образованные путём трансформации лексического состава УС посредством вклинивания уточняющих прилагательных. Такие структурные вставки выполняют функции расширения, сужения либо трансформации семантики сравнения, а также градуальную (усилительную) функцию.

В предложениях *...дальняя моя родственница, старая дева, безобразная, с жёлтым, как церковный воск, лицом, но одержимая таким могучим, упоительно-полным голосом, что он как огненное облако поглощал ее всю, как только она начинала...; А через двенадцать часов я уже сидел в вагоне, глядел в окно на туманное, зимнее небо, на воспаленный глазок солнца, не отстающий от поезда, на белые поля, которые без конца раскрывались, как исполинский лебяжий веер* имена прилагательные, присоединяемые к эталонной структуре УС, уточняют образ сравнения. Фразеологичность конструкции при этом не нарушается, основание сравнения не изменяется (как воск — «1. Разг. Неодобр. О жёлтоватом, болезненного цвета лице, коже» [2, с. 120], как веер — «О развёртывании, распускании, разворачивании чего-л. равномерным полукругом» [2, с. 86], происходит лишь сужение семантики образа сравнения, что способствует более яркому и точному изображению художественного образа. Так, именно церковный воск имеет характерный желто-бурый оттенок, лебединые перья отличаются особой воздушностью и белизной.

Интересна роль прилагательного в следующем сравнительном обороте: *Сам он был коротконог, кругловат и носил монокль, который в свободное время, когда не был ввинчен в глазницу, висел на черной ленточке, а когда Антон Петрович сидел развалиясь, блестел, как глупый глаз, у него на брюшке*. В данном контексте словарное значение *блестеть как глаз* («Прост. 1. О чем-л. начищенном до ослепительного блеска» [2, с. 133]) с помощью прилагательного *глупый* наполняется коннотациями 'нелепый', 'несуразный', то есть монокль не просто блестел, а выглядел при этом бессмысленно, не будучи использованным по назначению.

С помощью «вклиненного» прилагательного коннотативными значениями наполняется сравнительный оборот и в следующем примере: *Ее подтушёванные глаза, как яркие поддельные камни, блестели равнодушно и твёрдо, под ними взбухали тёмные мешочки*. В словаре зафиксировано следующее традиционное значение образа *камень* — «сиять (сверкать) как драгоценный камень — Книжн. О чём-л. ослепительно ярком, блестящем, переливающимся» [2, с. 243]. В. В. Набоков вводит в данную конструкцию прилагательное *поддельный*, в результате чего в ней актуализируются семы 'неискренность', 'неестественность', 'фальшивость'. Таким образом, автор подчёркивает лицемерие и двуличность героини.

Иную роль играют уточняющие прилагательные, введённые в состав УС, в следующих примерах: *Был Берг плечист, строен, чисто выбрит, и сам про себя говорил, что похож на мускулистого ангела; Виктор Иванович изучил его досконально, — заострённый нос, козырьки век, след фурункула на шее, волосы, как светлый пух, широкоплечий покрой чёрного пиджака; Онегин скидывал плащ, Ленский, как чёрный мешок, падал на подмости; Светлая белая эстрада, с лепными украшениями по бокам в виде органичных труб, и блестящий чёрный рояль, поднявший крыло, и скромный гриб стула ожидали в торжественной праздности человека с мокрыми мягкими руками, который сейчас наполнит ураганом звуков и рояль, и эстраду, огромный зал, где, как бледные черви, двигались, лоснились женские плечи и мужские лысины; ...среди крыш бронзовым арбузом вздымался дальний купол* и др. Выделенные адъективы также не нарушают фразеологичности устойчивых сравнений (как ангел — «Книжн. Одобр. 1. О нежном и миловидном (обычно молодом) человеке (мужчине или женщине)» [2, с. 19]; как пух — «О чьих-л. негустых, мягких, пушистых волосах» [2, с. 553]; как мешок: «1. Падать, сваливаться — грузно, инертно. О человеке» [3, с. 355]; как червяк — «1. Об очень медленно движущемся человеке или животном» [2, с. 739]), однако, в отличие от рассмотренных выше, характеризуют не столько образ, сколько предмет сравнения. Так, лексема *мускулистый* характеризует физическое здоровье, силу и красоту героя, прилагательное *чёрный* — цвет одежды Ленского, *бронзовый* — цвет (либо материал) церковного купола, *бледный* — цвет человеческой кожи и т. п.

Наиболее ярко данная функция «вклиненных» прилагательных проявляется в примерах с идентичными образами сравнения: *Огромные жаркие облака белыми куполами вздымались и теснили друг друга; Быстроглазая, легкая, прыгала на диван и сразу поджимала ноги, и юбка кругом вздымалась шелковым куполом и спадала опять*. Здесь прилагательное *белый* называет цвет облаков, а адъектив *шелковый* — материал ткани юбки, при этом в обоих случаях основанием сравнения выступает форма предметов.

Отметим, что в некоторых случаях имеет место грамматическое преобразование образа: в словаре зафиксированы именные конструкции *как арбуз, как купол* и т. п., а В. В. Набоков

использует творительный сравнения *арбузом, куполом* и т. п., параллельно вводя уточняющие имена прилагательные.

Особо выделим сравнительную конструкцию с «вклиненным» наречием: *...и почему-то так хорошо и грустно делается мне, когда в поздний час пролетает, визжа на повороте, трамвайный вагон — пустой: отчетливо видны сквозь окна освещенные коричневые лавки, меж которых проходит против движенья, пошатываясь, одинокий, словно слегка пьяный, кондуктор с чёрным кошелем на боку.* Посредством введения наречия меры и степени *слегка* в выделенной конструкции выражается градуальное значение. Необходимость использования уточняющего наречия обусловлена семантикой предмета сравнения: *УС идти/прийти (ходить) как пьяный* имеет значение «Разг. Неодобр. 1. О чьей-л. шатающейся (здесь и далее выделено нами — Т. А.), неуверенной, очень медленной походке (от усталости, болезни, слабости и т. п.)» [2, с. 556], а деепричастие *пошатываясь* образовано от глагола *пошатываться* — «слегка шататься». Как и в описанных выше примерах, фразеологичность конструкции при этом не нарушается.

Отдельную группу образуют сравнения, основания которых трансформируются вследствие вклинивания тех или иных компонентов в их эталонную структуру.

Рассмотрим следующий пример: *Ежели снизу смотреть на вершины берёз, они напоминали пропитанный светом, прозрачный виноград.* Традиционно при сравнении с виноградом основанием выступают его форма и цвет («*глазки как виноград* — О круглых, тёмных глазах; *как виноград* — О каких-л. круглых и зелёных плодах, ягодах; (*серьги, бусы*) *как виноград* — О круглых, шарикообразных предметах, украшениях, (*ягоды*) *что виноград* — О крупных круглых ягодах» [2, с. 96]), а также сладкий вкус («*сладкий как виноград* — О приятном вкусе приготовленного блюда» [там же]). Для В. В. Набокова вершины берёз подобны кистям винограда не только по форме и цвету их веток и листочков. Они напоминают виноград своей прозрачностью, способностью пропускать свет. Следует также отметить тот факт, что автор использует нетривиальный предмет сравнения *вершины берёз* по отношению к образу *виноград*, что также способствует обыгрыванию семантики УС.

Преобразование основания сравнения наблюдается в компаративной конструкции, представленной в предложении *...отдыхавший каменщик смотрел, подбоченясь, на легкую, как блеклый лист, барышню, плясавшую с лопаткой в поднятой руке.* В словаре представлены такие значения образа *лист*: «*как (словно, точно) <осиновый> лист* — 1.1. Дрожать, трястись, трепетать. От холода. О человеке. 1.2. Дрожать, трястись, трепетать от страха. 1.3. Дрожать, трястись, трепетать — от сильного волнения, от гнева, негодования; *как (словно, точно) банный лист* — 1.1. Приставать, привязываться, липнуть к кому-л. (человеку). Неотступно ходить вслед за кем-л. О человеке. 1.2. Приставать, привязываться, липнуть к кому-л. Назойливо доносить вопросы, просьбы, советами или рассуждениями» [3, с. 322—323]. Однако в приведённом примере актуализируется иное значение — «невесомый, воздушный», чему способствует использование прилагательного *блеклый* («1. Утративший свежесть, яркость, увядший» [1, с. 83]), в котором актуализируется периферийное значение «высохший». Сухой лист легок, невесом, поэтому писатель сравнивает с ним свою героиню, подчеркивая воздушность и изящество ее движений.

Переосмысливается писателем и образ звезды в контексте *В памяти у него пронеслось что-то, как сорвавшаяся звезда, — и забыв о пиве, он завернул за ней в чёрный, блестящий переулок.* В отличие от традиционных значений, например, «*блестеть как звезда, сиять как звезда, яркий как звезда*» и т. п. [2, с. 215], в анализируемом обороте основанием сравнения выступает молниеносная скорость движения «падающих звезд» (как в народе называют метеоры). Так же мгновенно в человеческой памяти проносятся воспоминания.

Градуальное значение актуализируется в компаративной конструкции, представленной в следующем предложении: *...и Пильграму показалось, что есть даже что-то страшное в его счастье, — это изумительное счастье наваливалось, как тяжёлая гора.* Следует отметить, что в приведенном примере имеет место языковая избыточность, так как определяемое существительное *гора* само по себе содержит в семантической структуре квантитативные семы «огромный», «тяжелый», поскольку представляет собой громоздкое, большое образование (*гора* — «1. Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью» [1, с. 218]). Таким образом, словосочетание *тяжелая гора* можно квалифицировать как плеоназм. На первый взгляд, основание сравнения в данном примере не нарушается (*счастье тяжелое, как гора*). Однако трансформация семантики все же имеет место: персонаж воспринимает свое небывалое счастье как нечто обременительное и даже ощущает страх перед ним.

Как видно из вышесказанного, В. В. Набоков активно использует в своих произведениях устойчивые сравнения, но при этом умело обновляет их образную структуру путем различных структурно-семантических трансформаций. Наиболее характерным приемом авторских преобразований УС является вклинивание в их структуру дополнительных компонентов, каковыми в

большинстве случаев являются имена прилагательные, иногда — наречия. При этом основание сравнения может оставаться неизменным, но может и преобразовываться. Несоответствие между традиционным основанием сравнения и его преобразованным вариантом создает определенный стилистический эффект, способствует более глубокому раскрытию образа.

Следует отметить, что с помощью вклинивания может уточняться не только образ, но и предмет сравнения, при этом УС приобретает дополнительные семантические оттенки, усиливается экспрессивность художественного текста.

Иными словами, УС в произведениях В. В. Набокова имеют динамический характер, характеризуются открытостью к различным структурно-семантическим изменениям.

Перспективу исследования составляет изучение семантики других структурно-семантических типов авторских преобразований УС в русскоязычных произведениях писателя.

1. *Большой толковый словарь русского языка* / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. — СПб.: Норинт, 2006. — 1536 с.
2. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. — 799 с.
3. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический) / В. М. Огольцев — М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2001. — 800 с.
4. *Рыженкова А. А.* Авторские преобразования устойчивых сравнений как объект перевода: Дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.04, 10.02.20 / А. А. Рыженкова. — СПб., 2009. — 220 с.

Т. О. Антонюк

«ВКЛИНЮВАННЯ» ЯК ПРИЙОМ АВТОРСЬКОГО ПЕРЕТВОРЕННЯ СТІЙКИХ ПОРІВНЯНЬ (на матеріалі російськомовної прози В. В. Набокова)

У статті розглянуто авторські перетворення стійких порівнянь, вилучених з прозаїчних текстів В. В. Набокова. Представлено їх семантичний аналіз, виділено найбільш характерні способи структурно-семантичних трансформацій усталених компаративних структур.

Ключові слова: усталені порівняння, перетворені порівняння, образ порівняння, основа порівняння.

T. O. Antoniuk

«WEDGING-IN» AS A TECHNIQUE OF THE AUTHOR'S STABLE COMPARISONS' TRANSFORMATION (based on the Russian language V. V. Nabokov's prose)

The author's transformation of stable comparisons in V. V. Nabokov's prose is examined. The semantic analysis and typical methods of structural transformation are presented.

Key words: stable comparisons, transformed comparisons, image of comparison, base of comparison.

УДК 811.161.1'373.74:[070+087.6](477)

М. С. ПЕРЕПЕЛИЦА

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ГЛЯНЦЕВОЙ ПРЕССЕ В УКРАИНЕ

В статье анализируются структурно-семантические, композиционно-стилевые и прагматические особенности фразеологизмов, разнообразные способы их трансформации в глянцевах русскоязычных СМИ в Украине.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформация, гляцевая пресса.

Современный рынок печатной прессы представлен огромным количеством разнообразных журналов и газет. Но, как показывают наблюдения, на сегодняшний день одними из самых популярных печатных масс-медиа являются глянцевые журналы. Читая и исследуя в лингвистическом аспекте данные издания, наблюдаем непрерывное изменение языка и стиля журналов, ведь современные средства массовой информации можно рассматривать как «своеобразный полигон для формирования новых языковых процессов, новых тенденций в современном русском языке, которые вызваны различными экстралингвистическими факторами» [10, с. 112].

Среди выразительных средств языка гляцевой прессы особое место занимают фразеологизмы и их трансформированные варианты. Фразеологизмы обладают особыми свойствами, которые

позволяют широко использовать их на страницах современной печатной прессы: во-первых, фразеологизмы знакомы большинству людей, поэтому статьи, построенные на их основе, легко воспринимаются; во-вторых, фразеологизмы в большей мере, чем единицы других уровней языка, «вбирают в себя национальную специфику и ценностную ориентацию их носителей» [1, с. 12]; в-третьих, образность фразеологизмов, их метафоричность оказывают довольно сильное эмоциональное воздействие на читателя; в-четвертых, трансформация узуальных ФЕ неизбежно привлекает внимание читателя, выполняя главную функцию текстов глянцевого журналов — рекламную, в основе которой «умение предвосхищать ответную реакцию потребителя» [7, с. 159].

Целью данной статьи является выявление и описание структурно-семантических, композиционно-стилевых и прагматических особенностей трансформированных фразеологизмов, а также выделение наиболее частотных способов трансформации ФЕ в глянцевой русскоязычной прессе в Украине.

Необходимо уточнить, что относительно фразеологического состава русского языка мы придерживаемся точки зрения В. Л. Архангельского, О. С. Ахмановой, Л. А. Булаховского, А. И. Ефимова, А. А. Реформатского, В. Н. Телия, Н. М. Шанского и других учёных, которые относят к фразеологизмам не только идиомы, но и пословицы, поговорки, фразеологические сочетания и крылатые слова — фразеологические выражения по терминологии Н. М. Шанского [11, с. 44].

Зачастую в поисках ярких экспрессивных средств выражения журналисты стремятся расширить эмоционально-воздействующие возможности фразеологизмов и усилить их функционально-стилистическую функцию. Это влечёт за собой различные преобразования и новации устойчивых сочетаний всех типов. Трансформация устойчивых выражений оправдана как лингвистически, так и психологически: ввиду ограниченности человеческой памяти формирование новых названий и терминов не может быть бесконечным. Наиболее рациональным при этом является преобразование привычных устойчивых выражений, которое делает речь более разнообразной, выразительной и эмоциональной. В нашем исследовании мы придерживаемся определения Т. С. Гусейновой, которая под трансформацией понимает «любое отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [5, с. 7].

Трансформация фразеологизмов рассматривается в работах многих исследователей фразеологии: В. В. Виноградова [2], Н. М. Шанского [11], А. И. Молоткова [8], Т. С. Гусейновой [5], Э. Д. Головиной [3], В. В. Горлова [4], Л. И. Житеневой [6] и др. Способность фразеологизмов трансформироваться ученые-лингвисты усматривают в структурной разнообразности принятых оборотов и относительной семантической целостности фразеологического значения, актуализация которых лежит в основе практически всех изменений фразеологических единиц. Большинство исследователей выделяют два типа индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц: семантические и аналитические (структурные). Аналитическая (структурная) трансформация, в отличие от семантической, вносит изменения в словесный состав фразеологизма. Она более разнообразна по своим приёмам и, как показывают наши наблюдения, на страницах русскоязычных глянцевого журналов в Украине сводится к нескольким основным типам: **замене одного или нескольких лексических компонентов фразеологической единицы (субституции), фразеологической паронимии, изменению количества компонентов, контаминации.**

Трансформированные в результате **субституции** компонентов фразеологические обороты могут находиться с узуальными ФЕ в разных системно-лингвистических отношениях: синонимичных, антонимичных, свободных. Чаще всего журналисты, изменяя структуру ФЕ, используют синонимичные отношения коррелятов. При замене узуальных компонентов общеязыковыми синонимами происходят качественные изменения в семантике ФЕ, обновляется их традиционный образ. Приведём примеры **синонимичной субституции**: *Шутки ради* (Elle, ноябрь 2009, с. 213) — статья о греческой деревне Плака, название которой переводится с греческого языка как *шутка*. В узуальной ФЕ произошла замена узуального компонента *смех* на близкий ему по значению *шутка*: удачная шутка обычно вызывает смех. *Знаменитые тоже плачут* (MINI, сентябрь 2007, с. 36) — статья о нелегкой жизни знаменитостей: автором произведена замена компонента *богатые* на окказиональный синоним *знаменитые* (ср.: *богатые тоже плачут*). Примерами **антонимичной субституции** могут служить такие заголовки: *Время бездействовать* (MINI, июнь 2008, с. 63) — так названа психологическая статья о тех ситуациях, в которых не стоит предпринимать никаких радикальных решений. *Луковое счастье* (Elle, февраль 2009, с. 188) — речь идёт о полезных качествах лука-порея, использован приём антонимии (ср.: *горе луковое*). *Бессонное царство* (Elle, ноябрь 2009, с. 80) — автор заменяет в узуальной ФЕ слово *сонное* на противоположное ему по значению — *бессонное*. *О вкусах спорят* (MINI, июнь 2008, с. 90) — так названа статья о негативном отношении дизайнера Джорджо Армани к немецкой модели Клаудии Шифер (ср.: *о вкусах не спорят*). В глянцевых изданиях немало

примеров **свободной субституции** членов узуальных ФЕ: *Куда уходит роскошь?* (Gazzetta, № 29, 2010, с. 94) — статья об автомобильных компаниях Rolls Roys, Bentley, Aston Martin, которые вынуждены за основу дизайна автомобилей класса «люкс» брать образцы недорогих моделей авто. В основе индивидуально-авторской трансформации лежит устойчивое выражение из известной песни «Куда уходит детство?». *Красота требует солнца* (Cosmopolitan, май 2008, с. 97) — название статьи о косметических солнцезащитных средствах. За основу автор взял общеизвестное выражение *красота требует жертв*. *Уволить нельзя помиловать* (MINI, ноябрь 2011, с. 74) — так названа статья о карьерной ситуации, когда нет сил уволиться, но и работать тоже (ср.: *казнить нельзя помиловать*). *iPhone от iPod'a недалеко падает* (Gazzetta, февраль 2007, с. 14) — (ср.: *яблоко от яблони недалеко падает*) — в данном случае автор опирается на схожесть описываемых предметов: символом компании Apple (от англ. — *яблоко*), которая выпускает такие предметы, как iPhone (телефон), и iPod (медиа-проигрыватель), является *яблоко*. Этот символ присутствует на каждом выпускаемом данной фирмой предмете. *Черный по-новому* (Elle, ноябрь 2009, с. 162) — статья о новой лимитированной коллекции «Noris Obscurs» от Chanel: в данном примере субституция происходит не только на семантическом, но и на синтаксическом уровне — сравним с узуальным фразеологизмом *черным по белому* («ясно») — компонент *черным* используется не в узуальной форме винительного падежа, а в именительном (*черный*). Косвенное дополнение *по белому* заменено на обстоятельство образа действия *по-новому*. *В семье не без концепта* (Gazzetta, № 29, 2010, с. 21) — статья о новом, неудавшемся, по мнению автора статьи, концептуальном автомобиле от Aston Martin и Toyota (сравним с общеизвестной поговоркой *в семье не без урода*).

С точки зрения эффекта обманутого ожидания, при субституции особо важна позиция заменяемого компонента. Замена конечного компонента узуального ФЕ имеет большую воздействующую силу, чем замена срединного или начального компонента. Это можно объяснить тем, что читатель стремится спрогнозировать конец фразы, а не начало, поэтому субституция конца фразеологизма является более неожиданной и потому более эффективной с точки зрения воздействия на адресата статьи. Проведённый нами количественный анализ показал, что в процентном соотношении субституция **конечного компонента** ФЕ составляет 79 %, **начального компонента** — 14 %, **срединного компонента** — 7 %.

Одним из наиболее частотных приёмов фразеологической трансформации на страницах печатных СМИ в Украине является **парономазия** — стилистическая фигура, заключающаяся в постановке рядом созвучных, но не одинаковых по значению слов. Такая трансформация обычно приводит к юмористическому эффекту. Например: *Уже некуда* (Elle, февраль 2009, с. 61) — статья о популярности узких джинсов (ср.: *хуже некуда*). *Пить или не пить?* (Elle, ноябрь 2009, с. 174) — статья о том, нужно ли пить во время спортивных тренировок (ср.: *Быть или не быть?*). *Машу маслом не испортишь* (Cosmopolitan, май 2008, с. 212) — статья о парфюмерии на масляной основе (ср.: *Кашу маслом не испортишь*). *Лей до дна* (Vogue, февраль 2009, с. 56) — название статьи-обзора самых популярных платьев в форме бокала (ср.: *пей до дна*). *Сеть да сеть кругом* (Maxim, январь 2009, с. 130) — в данном случае при написании статьи о популярности сетевых компьютерных игр автор опирается на созвучие слов *стен* и *сеть*, взяв за основу название общеизвестной песни «*Стень да стень кругом*», которые мы рассматриваем как фразеологизм. Каждое из таких авторских фразеологических новообразований, имея в основе своей семантики содержание общеизвестного ФЕ, приобретает по замыслу автора дополнительные ярко выраженные стилистические коннотации: юмористические, комические, шутливые, иронически-юмористические и т. п.

С целью актуализации фразеологизма автор может **сокращать** или **расширять** его **компонентный состав**: *Не было бы счастья* (Joy, январь 2009, с. 34) — происходит усечение второй части общеизвестного устойчивого выражения *не было бы счастья, да несчастье помогло*. *Всё с собой* (Gazzetta, № 29, 2010, с. 44) — статья о новых усовершенствованных моделях телефонов, которые сочетают в себе функции многих других технических устройств (ср.: *Всё своё ношу с собой*). *Страшная сила* (Cosmopolitan, март 2009, с. 283) — название статьи-совета о том, как правильно пользоваться своей красотой. Автор преднамеренно усекает первую часть пословицы *красота — страшная сила*, полагаясь на главное свойство фразеологизмов — воспроизводимость в готовом виде. *Френк Синатра и Ава Гарднер: одного поля ягоды* (MINI, июль 2008, с. 74) — в данном случае наблюдается расширение узуальной ФЕ «*одного поля ягоды*» за счёт «привязывания» её к известным персонам. *Солнце тебе к лицу!* (Cosmopolitan, июль-август 2009, с. 168) — название статьи о декоративной косметике с бронзовым оттенком: узуальная ФЕ *к лицу* расширяется за счёт уточняющих, конкретизирующих компонентов *солнце* и *тебе*.

Примеры **контаминации** как способа трансформации ФЕ (соединение в новом выражении частей разных фразеологизмов) на страницах глянцевого русскоязычного прессы в Украине встре-

чаются редко, что связано, скорее всего, с двуплановостью и «нагромождением» смысловых сем. Например: *Классический случай, когда и волки сыты, и овцы целы* (Elle, декабрь 2008, с. 200).

Кроме структурных преобразований, публицисты зачастую прибегают к **семантической трансформации**, не затрагивающей лексико-грамматические особенности фразеологических единиц. Следует отметить, что определяющее значение при выявлении семантических преобразований имеет контекст. Говорить о семантических трансформациях фразеологизмов вне контекста невозможно. При семантической трансформации структурный состав фразеологизма остаётся неизменным: в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определённый экспрессивный эффект. Приведём отдельные примеры семантической трансформации: *По рукам* (Cosmopolitan, октябрь 2009, с. 40) — название психологической статьи об определении отношений между молодыми людьми по тому, как они держатся за руки. *Время — деньги* (Dress Code, № 11, 2008, с. 62) — заголовок метонимичен, статья посвящена описанию самых дорогих новинок продукции часовых заводов Швейцарии. *Не щадя живота своего* (Harper's Bazaar, ноябрь 2006, с. 216) — такое название дал автор своей статье о комплексе физических упражнений, позволяющих женщинам сделать свой живот плоским. *Мягко говоря* (Покупай, № 11, 2009, с. 36) — название статьи о меховых шубах. *До посинения* (Vogue, февраль 2009, с. 100) — статья о популярности синей джинсы в предстоящем сезоне.

Журналисты русскоязычных «глянцевых» изданий обращаются к фразеологизмам не только для того, чтобы в краткой, ёмкой и выразительной форме передать основную идею новости, но и для того, чтобы привлечь внимание читателя к статье. Это позволяет избегать штампов и повысить интерес читательской аудитории. Проанализировав тенденции использования фразеологизмов на страницах русскоязычных глянцевых журналов в Украине, можно сделать вывод о том, что с 2008 года употребление журналистами узуальных фразеологизмов заметно сокращается, в то время как количество трансформированных ФЕ активно увеличивается. Авторская переработка узуальных ФЕ, их трансформация в пределах или за пределами сохранения общего образа либо структуры придаёт им ярко выраженную остроту и новизну. Трансформированные ФЕ помогают быстрее установить контакт с читателем, которого привлекают выразительность и образность, содержащиеся в трансформе. Изменение структуры и лексического состава фразеологического оборота усиливает прагматическую функцию журнальной статьи, так, трансформация ФЕ осуществляется с целью экспрессивного воздействия на интеллект, эмоции и понимание адресата статьи. Семантическая и аналитическая трансформации как самые продуктивные типы индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов на страницах «глянца» помогают быстрее установить контакт с читателем, который (ввиду постоянного дефицита времени) отбирает лишь близкое, образное и яркое. Наиболее продуктивные способы **аналитической трансформации** ФЕ (такими способами в глянцевых журналах 2008—2011 годов образовано, по нашим подсчётам, 68 % индивидуально-авторских ФЕ); менее продуктивны способы **семантической трансформации** ФЕ (по нашим подсчётам, представлено 32 % таких индивидуально-авторских ФЕ).

Приведённые примеры разнообразных авторских фразеологических новаций на страницах русскоязычных глянцевых журналов свидетельствуют о том, что они являются активным и действенным средством создания выразительности и эмоциональности, тонкой ироничности, юмористичности и шутливости, что, несомненно, привлекает читателя «глянца».

1. Буянова Л. Ю. Фразеологизм как этноментальная единица кода культуры / Л. Ю. Буянова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2011. — Т. 24. — № 2. — Ч. 3. — С. 10—14. (Сер. «Филология. Социальные коммуникации»).
2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — 312 с.
3. Головина Э. Д. Виснет ли брань на воротах? Как мы коверкаем фразеологизмы / Э. Д. Головина // Русская речь. — 2003. — № 5. — С. 61—65.
4. Горлов В. В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет / В. В. Горлов // Русский язык в школе. — 1992. — № 5/6. — С. 35—37.
5. Гусейнова Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Т. С. Гусейнова. — Махачкала, 1997. — 188 с.
6. Житенева Л. И. Фразеологизмы — средство газетной выразительности / Л. И. Житенева // Русская речь, 1984. — № 5. — С. 69—73.
7. Зирка В. В. Реклама: манипулятивная игра с потребителем / В. В. Зирка // Вісник Дніпропетровського університету економіки та права ім. А. Нобеля. — Дніпропетровськ, 2011. — № 1. — С. 158—163. — (Сер. Філологічні науки).
8. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. — М.: Наука, 1977. — 284 с.
9. Перепелица М. С. Функционирование фразеологизмов в заголовках статей русскоязычных печатных СМИ (по материалам глянцевых журналов) / М. С. Перепелица // Студентські філологічні студії початку ХХІ ст.: Збірник матеріалів ІV всеукраїнської студентської наук.-практ. конф. студентів, аспірантів і молодих учених. 15.04.2010 р. — Донецьк: ДІСО, 2010. — С. 176—179.

ПИТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ

---

10. *Турута И. И.* Сложные новообразования в русскоязычных масс-медийных текстах / И. И. Турута // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: сб. науч. трудов. — ТНУ: Симферополь, 2010. — С. 112—115.

11. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. — М.: Высшая школа, 1969. — 159 с.

М. С. Перепелиця

ОСНОВНІ СПОСОБИ ТРАНСФОРМАЦІЇ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У РОСІЙСЬКОМОВНІЙ ГЛЯНЦЕВІЙ ПРЕСІ В УКРАЇНІ

У статті аналізуються структурно-семантичні, композиційно-стильові та прагматичні особливості фразеологізмів, різноманітні способи їх трансформації у глянцевої російськомовної пресі в Україні.

Ключові слова: фразеологізм, трансформація, глянцева преса.

M. S. Perepelitsa

THE BASIC WAYS OF PHRASEOLOGICAL UNITS' TRANSFORMATION IN RUSSIAN-SPEAKING GLOSSY PRESS IN UKRAINE

The author analyses the structural and semantic, compositional and stylistic feature of phraseological units and the ways of their transformation in the Russian-speaking glossy press in Ukraine.

Key words: phraseological unit, transformation, glossy press.

Т. В. ТЕЛЕЦКАЯ, И. В. ПАНЧЕНКО

НЕДИСКРЕТНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье представлены результаты исследования лексико-грамматических средств выражения объективной возможности и объективной необходимости с учётом взаимодействия объекта и субъекта отражения, а также предпринята попытка сопоставления структурных особенностей рассматриваемой категории в русском и украинском языках.

Ключевые слова: модальность, объективная возможность, объективная необходимость, субъект речи, субъект действия, инфинитивная конструкция.

Проблемы описания модальности как одной из важнейших языковых категорий до настоящего времени вызывают множество дискуссий. Изучение языковой категории модальности ставит важнейшую гносеологическую проблему языкознания: взаимодействие объекта и субъекта отражения и преломление этого взаимодействия в языковых фактах. Существующие разногласия, а также неполнота описаний средств выражения отдельных модальных значений делают необходимым дальнейшее изучение этой сложнейшей как по семантическому наполнению, так и по структуре языковой категории.

Целью нашего исследования является анализ средств выражения модальности объективной возможности и объективной необходимости на материале украинского и русского языков, что позволит установить характер универсальности данной категории на структурном уровне.

Анализ семантики и структуры микрополя объективной возможности на материале украинского, русского, французского и английского языков позволил выделить три вида средств выражения возможности, принадлежащих к различным уровням: 1) лексические — модальные глаголы и предикативы (для всех языков); 2) морфологические — видо-временные формы в изъявительном наклонении и видовые формы в сослагательном (для украинского и русского языков); 3) синтаксические — отрицательные инфинитивные конструкции (для украинского и русского языков). Возможность может быть выражена дискретно и недискретно. В первом случае возможность представляет собой самостоятельное значение определенной языковой единицы, тогда как во втором случае она является значением или семантическим элементом (оттенком значения), сопряжённым с другим значением или другим несамостоятельным элементом в составе того или иного семантического комплекса.

Недискретное выражение значения возможности представлено при реализации потенциальных разновидностей употребления видовых форм глагола. Выделяются несколько типов таких ситуаций [5: 606—610, 2: 41—45]:

а) конкретно-фактическое употребление глаголов совершенного вида (СВ) в форме простого будущего (когда значение возможности сопрягается со значением единичного целостного факта): *Заперечувати обвинувачення він міг лише словами, а не фактами. А хто повірить словам?* [7: 49]; — *Хлопця прив'язать! Та міцніше! Щеня прудке — ще втече по дорозі!..* [9: 51]; *Нет уж той физической силы, нет ловкости, нет выносливости, которой я щеголял когда-то, бодрствуя несколько ночей подряд и выпивая количество, которое я теперь едва ли подниму* [15: 159]; *Описал картину? Да разве опишешь?* [12: 16];

б) потенциально-качественное употребление глаголов несовершенного вида (НСВ) в форме настоящего, реже — прошедшего времени (когда значение возможности совмещается со значением качественной характеристики субъекта): — *Спокійно! Згадайте, майоре, — не підвищуючи тону, попередив Гольдрінг, — я стріляю краще за вас...* [7: 47]; — *... Курдинские красоти стреляют не хуже своих мужей. Это у них в крови-с!* [14: 16];

в) наглядно-примерное употребление глаголов СВ в форме простого будущего (когда выделяется одно из постоянно возможных проявлений некоторого действия, представленного как ограниченный пределом целостный факт): *При підтримці Гімmlера він далеко піде!* [7: 68]; — *...Зверь, он такой ...Понятия слабого: ему што генерал, што казак, што барыня. Он всё сожрет...* [14: 37].

Значение невозможности может быть выражено недискретно в отрицательных высказываниях с глаголами СВ в наглядно-примерном употреблении в планах настоящего неактуального и будущего времени: *Но — нет: здесь не напоят солдата водой, не всплакнут по его судьбине, доведя до околицы, старая бабка не сунет в ранец печеных яичек. Не дадут глотнуть*

молочка [14: 60]; — *Свинец на дороге не найдешь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки и не находить...* [15: 171]; — *...Ну, я много читал, участвовал в студенческих кружках, где не услышишь пошлостей* [4: 74, 79]; а также в высказываниях с формами простого будущего СВ в конкретно-фактическом употреблении: *Вдав, що спить, хоч насправді не спав і знав, що вже не засне до самого ранку* [8: 10]; — *Боже мой, — вздохнула женщина, — я никак не пойму: радоваться мне или огорчаться* [14: 42].

В обобщённо-личных конструкциях с глаголами СВ [2: 45] значение невозможности совмещается с эмоциональным оттенком недовольства: *Тікати? Куди? Всі двері зачинені, ворота на замках... Вступи з барсом в єдиноборство? Та що це дасть? Голими руками звіра не візьмеш* [11: 89]; — *... Все надіявся — утечу... А дзуськи! Куди, до біса, втечеш? Куди підеши, коли до моря два тижні ходу і на кожному кроці тебе можуть піймати!* [11: 63].

Модальность невозможности представлена в широком плане настоящего как признак субъекта или его состояние, длительность которого подчёркивается наречными сочетаниями *всё не, всё ещё не, никак не*, обстоятельствами длительности *всю ночь, целый день, битый час* и т. п.: *Вот целое утро денег не сочту* (А. Островский) [3: 17].

Ситуация невозможности регулярно передаётся отрицательными конструкциями с инфинитивом СВ, в особенности при выражении значения отсутствия возможности, обусловленного обстоятельствами: *Написав, он подумал, что в Баязет этой даме не попасть. Там сидят курды, черкесы и турки. И точат сабли. И режут армян. И грабят аулы* [14: 8].

Ситуации невозможности, выраженные инфинитивными конструкциями, соотносятся с временными планами настоящего узувального (*Всех дел не переделать, — Иди-ка ты... никогда вам порядков не навести!* [14: 101]), настоящего актуального, сопряжённого с ближайшим будущим (*Сейчас нам не договориться, — Вы, поручик, свежий человек в этих краях, и поначалу многого вам будет просто не понять.* [14: 15]). Связь субъекта и признака в инфинитивных конструкциях представлена как следствие действия объективных законов или обстоятельств, мыслимых как неизбежные, в силу чего высказывание приобретает категорический характер (например, *Будет ещё много ночей впереди, но уже никогда не вернуть очарования этой, вот именно этой — темной, тревожной, сегодняшней. Андрей полюбил в эту ночь самого себя, ощутил красоту человека в самом себе, и в трепете своей необстрелянной души было для него что-то новое, необыкновенно радостное...* [14: 49]. *Карabanов рассмеялся, но прежней беспечности было уже не вернуть. Еще всецело находясь под впечатлением первой встречи с полковником на плацу, такой неловкой и несколько унижительной, поручик не был готов к этому визиту* (а визит был неизбежен) [14: 26]). Ср. пословицы типа *Кто долго спит, тому денег не скопить* (В. Даль). То же можно сказать и о конструкциях с формами простого будущего СВ и обобщенно-личным субъектом (*Суженого конём не объедешь, ср. не объехать*), которые легко трансформируются в инфинитивные конструкции.

Значение невозможности может получать косвенное метафорическое выражение в форме риторического вопроса с модальным модификатором возможности. Вопрос в этом случае выполняет функцию эмоционального утверждения невозможности: *А только и Дениска, ваши благородия, уж не умен больно: рази ж можно в жильє к зверю сигать?* [14: 37], ср.: нельзя в жильє к зверю сигать. *Я знал, как ненавидел он графа и какие слухи пускал он по уезду про того, у которого теперь ел с таким аппетитом язык с горошком и пил десятилетнюю наливку. Как мог порядочный человек объяснить этот его визит?* [15: 70], ср.: порядочный человек не мог объяснить. *Хіба можна скорити надовго волелюбний народ, народ з такою славною історією?* [7: 71], ср.: не можна скорити волелюбний народ. *Чи міг я спокійно дивитися на ці знущання, утиски, вбивства і грабунки? Чи могло моє серце миритися з чорною несправедливістю?* [11: 76—77], ср.: я не міг дивитися, моє серце не могло миритися.

Модальная семантика объективной необходимости может быть выражена различными средствами. Это: а) конструкции с модальными лексемами; б) конструкции с независимым инфинитивом (инфинитивные предложения); в) конструкции с формами повелительного наклонения в неимперативном употреблении; г) предложения, содержащие формы настоящего времени, употребленные в значении “предписания”. К недискретным средствам выражения объективной необходимости относятся три последних конструкции.

Под инфинитивными предложениями понимают обычно предложения, имеющие в качестве конструктивного центра независимый инфинитив: *Мне ещё с собакой гулять; Вы гостей созвали, а принимать их мне; Скоро мне в командировку ехать; Мені скоро додому повертатися; Ви насмітили, а мені прибирати; Мені ще в кімнаті прибирати.* Субъект действия представлен в них дательным падежом, возможен и его актуальный эллипсис: *Завтра экзамен по физике сдавать* (говорящий имеет в виду себя, субъект речи совпадает с субъектом действия). Анализ языкового материала показал, что конструкции с независимым инфинитивом как средство выражения объективной необходимости характерны для русского и украинского языков и отсутствуют в английском и французском языках. Инфинитивные предложения ярко окрашены в экспрессивном плане и стилистически ограничены в своём употреблении сферой

разговорной речи. Их временная парадигма является неполной — включает лишь формы настоящего времени, причём всегда отчётливо ощущается футуральная перспектива. Отенок облигаторности, представленный в инфинитивных предложениях, можно назвать значением предначертанности, предопределённости. Действие, как правило, представлено как предполагаемое в будущем, но при этом связанное с настоящим, т. е. налицо своеобразная “актуальность предшествования” факта.

Характерно использование обстоятельств *теперь, сейчас* и т. п., подчёркивающих значение ближайшего будущего. Впрочем, “актуальность предшествования” может выявляться и при значительном временном разрыве между моментом речи и временем предполагаемого события: *Тебе через год в институт поступать* (имеется в виду, что уже сейчас нужно думать об этом). Предначертанность событий может и не предполагать обязательной связи с настоящим: *Саду — цвєсть!* (В. Маяковский).

В большинстве случаев действие представлено как нежелательное для субъекта, т. е. вынужденное, что, впрочем, не является строго обязательным. Встречаются и предложения, которые не предполагают отрицательного отношения субъекта действия к действию, например: *Нам теперь плясать до утра*. Специально подчёркиваемое значение отсутствия желания субъекта выполнять действие особенно четко выявляется в конструкциях сопоставительно-противительного типа: *Вы пировали, а убираюь мне*.

Инфинитивные предложения как способ выражения необходимости располагаются на периферии данного функционально-семантического поля, поскольку волюнтаривное начало представлено в описываемых ими ситуациях слабо — значение предначертанности факта, его предопределённости, предстояния относится, в сущности, к зоне пересечения объективной и субъективной модальности. Значение предопределённости той или иной ситуации предполагает и субъективную уверенность говорящего в её осуществлении.

Подобно конструкциям с независимым инфинитивом конструкции с формами повелительного наклонения в неимперативном употреблении также характерны только для русского и украинского языков. Употребление данных конструкций для описания ситуаций необходимости чаще всего является синтагматически связанным: обычно передаётся ряд однородных действий одного субъекта: *Так с утра до вечера: и посуду мой, и ребенка корми, и в огороде возись!* — или двух действий разных субъектов, находящихся в отношениях контраста: *Опять будете от него в пьяном безобразии приезжать и в озере купаться, как есть, во всем костюме... Чисть потом!* [15: 12]. В особых контекстных условиях возможно описание отдельного действия единичного субъекта: — *А ти волочись по світах, не бачачи кінця- краю своїй мандрівці...* [10: 46].

Категориальное (императивное) значение форм повелительного наклонения в некоторой степени проявляется в каждом случае необычного, неимперативного употребления, обуславливая особый оттенок облигаторности — оттенок вынужденности, предполагающий негативное отношение субъекта к действию (например, *Сиди цілий вік в кухні, бабрайся у помиях і ніколи тобі ні приємності, ні розваги...* [10: 102]). Н. Ю. Шведова, посвятившая анализу императивных предложений отдельную статью [6], выделяет две семантические разновидности внутри данного типа: предложения, имеющие значение долженствования, вынужденного единичной ситуацией (например, *Сегодня проложат через Волгу полевой кабель, а завтра, глядишь, меньшей снова: изоляция уже намочла и сдала...* [14: 400]), и предложения, имеющие значение долженствования, диктуемого обычаем (“так положено”), (например, *Трандалєв: Нарешті: чи виграв, чи програв, а грошики дай!* [9: 26]). Во втором случае отношение субъекта к совершению действия остается невыявленным.

С помощью императивных конструкций описываются как реализованные, так и нереализованные ситуации: Ср.: — *Да, папаша, кашу заварили, теперь от дома отрекайся* [13: 18], *Они ушли, а я сиди тут и мучайся!* (реализация налицо) и — *Скажіть, будь ласка, які ніжності! Обов'язково давай друге блюдо...* (т. е. его еще не дали), *Ты отец, ты и воспитывай!* — скрытый упрек, связанный с тем, что действие не осуществляется.

Значение необходимости могут передавать конструкции, содержащие глагольные формы настоящего времени: мы имеем в виду особый семантический оттенок необходимости — “настоящее предписания” [1: 72]. “Настоящее предписания” является разновидностью так называемого абстрактного настоящего. Глагольные формы используются для передачи необходимости чаще всего в текстах инструктивного характера, где, как правило, четко выявляется некая “модальная доминанта” облигаторности, распространяющаяся на весь текст. Ср., например, из “Правил по технике безопасности при борьбе с лесными пожарами”: *Во время грозы дежурный спускается с пожарной вышки на землю и возвращается на нее тотчас после окончания грозы* (ср. “должен спуститься”, “обязан вернуться”); из “Правил надання пасажирських послуг таксі”: *У разі виявлення фактів порушення цих Правил з боку перевізника (водія або інших працівників) контролер складає акт про порушення* (ср. “зобов'язаний скласти акт”).

Анализ средств выражения категории объективной возможности в исследуемых языках позволяет сделать вывод о том, что морфологические и синтаксические средства выражения объ-

ективной возможности представлены как в украинском, так и в русском языках. Именно эти средства выражения выводят функционально-семантическое поле модальности на пересечение с функционально-семантическими полями аспектуальности и темпоральности.

В обобщенно-личных конструкциях с глаголами совершенного вида, а также в риторических вопросах с модальным модификатором в украинском и русском языках значение объективной возможности совмещается с эмоциональностью, а помимо лексических модальных модификаторов в поле входят недискретные средства выражения объективной необходимости.

1. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола: значение и употребление: Пособие для студентов / А. В. Бондарко — М.: Просвещение, 1971. — 239 с.
2. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика / А. В. Бондарко — Л.: Наука, 1984. — 136 с.
3. *Калабухова Т. А.* Употребление вида глагола при отрицании в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... к. ф. н. / Т. А. Калабухова. — Л., 1975. — 24 с.
4. *Калабухова Т. А.* Потенциальное значение высказываний с формами совершенного вида при отрицании / Т. А. Калабухова // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. — Л., 1985. С. 67—89.
5. *Русская грамматика:* В 2 т. — М.: Наука, 1980. — Т. I. — 783 с.
6. *Шведова Н. Ю.* О должествительном наклонении / Н. Ю. Шведова // Синтаксис и норма. — М., 1974. — С. 84—102.
7. *Дольд-Михайлик Ю. П.* І один у полі воїн / Ю. П. Дольд-Михайлик. — К.: Веселка, 1989. — 479 с.
8. *Загребельний П. А.* Юлія, або Запрошення до самовбивства: Роман / П. А. Загребельний. — Харків: Фолио, 2002. — 351 с.
9. *Карпенко-Карий І.* П'єси: Мартин Боруля; Сто тисяч; Хазяїн / І. Карпенко-Карий. — К.: Мистецтво, 1982. — 207 с.
10. *Коцюбинський М. М.* Подарунок на іменини: Оповідання, новели, повісті. — 2-ге вид. — К.: Веселка, 1990. — 335 с.
11. *Малик В. К.* Вибрані твори: У 2 т. Т. 1: Таємний посол: Роман. Кн. 1: Посол Урус-шайтана. Кн. 2: Фірман султана / В. К. Малик. — К.: Дніпро, 1991. — 461 с.
12. *Некрасов В. П.* По обе стороны океана; Записки зеваки; Саперлипопет, или Если б да кабы, да во рту росли грибы... / В. П. Некрасов. — М.: Худож. лит., 1991. — 400 с.
13. *Островский Н. А.* Как закалялась сталь / Н. А. Островский. — М.: Худож. лит., 1985. — 476 с.
14. *Пикуль В. С.* Баязет. Миниатюры / В. С. Пикуль. — М.: Вече, АСТ, 2001. — 640 с.
15. *Чехов А. П.* Избранное / А. П. Чехов. — К., 1989.

Т. В. Телецька, І. В. Панченко

НЕДИСКРЕТНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ОБ'ЄКТИВНОЇ МОДАЛЬНОСТІ В СУЧАСНИХ УКРАЇНСЬКІЙ І РОСІЙСЬКІЙ МОВАХ

У даній статті представлені результати дослідження лексико-граматичних засобів вираження об'єктивної можливості та об'єктивної необхідності з урахуванням взаємодії об'єкта і суб'єкта відображення, а також зроблена спроба порівняльного аналізу зазначених типів модальності у російській та українській мовах.

Ключові слова: модальність, об'єктивна можливість, об'єктивна необхідність, суб'єкт мовлення, суб'єкт дії, інфінітивна конструкція.

T. Teletska, I. Pantchenko

NON-DISCRET MEANS OF EXPRESSING OF THE OBJECTIVE MODALITY IN CONTEMPORARY UKRAINIAN AND RUSSIAN

This article presents the results of lexical and grammatical means of expressing the objective possibility and the objective need for taking into account the interaction between the subject and the object of reflection, as well as an attempt to compare structural features of the category under consideration in the Russian and the Ukrainian languages.

Key words: modality, the objective possibility, the objective need, the subject of speech, the subject of action, the infinitive construction.

А. О. КОЛЕСНИКОВ

КОЕФІЦІЄНТ НЕКОМПЛЕКТНОСТІ ЯК СПОСІБ ВИМІРУ ПАРАДИГМАТИЧНОЇ ДЕФЕКТНОСТІ

У статті розглядається явище неповноти морфологічної парадигми в сучасній українській мові, обґрунтовується необхідність його системного і функціонального опису, з-поміж якісних та кількісних параметрів, за якими можна класифікувати парадигматичну дефектність, виокремлено коефіцієнт некомплектності.

Ключові слова: неповна, некомплектна, дефектна, функціонально лакунарна парадигма; граматична категорія; коефіцієнт некомплектності.

Необхідність здійснити класифікацію некомплектних парадигм української мови в межах парадигмологічних досліджень зумовлена поширеністю морфологічної неповноти у мові, її невивченістю попри чималу кількість праць, що з'явилися останнім часом, об'єктом яких є парадигматика української мови [1; 12; 13; 14; 2 та ін.], асиметрія (диспропорція), що розглядається в контексті категорій, а не парадигм [9]. Потреба такого аналізу обґрунтована тим, що парадигма, хоча і є основним об'єктом граматики, але досі недостатньо вивчена [10: 119]; переважна більшість праць з парадигматики — суто формальні описи; парадигму розглядають як систему форм, але вона за суттю білатеральна — система форм у ній невідривно пов'язана із системою значень, а прийом зіставлення системи форм і значень у парадигмології має набути методологічного статусу [7: 131]. Отже, парадигма, незважаючи на усталену думку, є об'єктом не тільки формальної граматики.

Функціональний підхід до парадигми уможливить відповідь на ряд актуальних і складних питань парадигмології і граматики взагалі, як-от: про сутність поняття морфологічної парадигматичної неповноти; співвідношення понять «морфологічна некомплектність», «неповнота», «дефектність», «морфологічна недостатність», «надлишковість», «лакунарність»; про причини появи некомплектності та близьких до неї явищ, поширеність їх у мові; обсяг мовних явищ, які пов'язані з парадигматичною неповнотою та суміжними явищами, типовість/нетиповість, аномальність їх щодо системи мови; про особливості вияву парадигматичної некомплектності в різних стратах української мови (незмінюваність числівників у діалектному і розмовному мовленні, з одного боку, і складна система парадигматичних типів у літературній мові — з іншого); про статус певних парадигматичних класів щодо морфологічної неповноти, наприклад, незмінюваних іменників, усталений погляд на які презентує функціонально-формальний підхід, коротких форм прикметників тощо; статус і обсяг морфологічних класів — лексико-граматичних розрядів та частин мови.

Таким чином, неповнота морфологічної парадигми — одне з найцікавіших явищ у граматиці, що досі недостатньо вивчене. Аналіз дефініцій некомплектності морфологічної парадигми та близьких до неї явищ [8; 1] дає такий набір основних диференційних ознак: відсутність або непередставленість, небажаність форми, форм чи часткової парадигми, що наявна у моделі-зразку певного парадигматичного класу, але немає в окремого слова чи слів, які представляють підклас цього класу; незаповненість клітинок таблиці; аномальність такої незаповненості, відсутності [10; 8].

Терміни «неповнота», «некомплектність» парадигми вказують на відсутність форм, форми чи підпарадигми, що з тією чи іншою обов'язковістю мають бути, оскільки вони представлені у «повній», «комплектній» таблиці-зразку. Термін «дефектність» (пор. рос. ущербность) підкреслює аномальність відсутності форм, форми чи підпарадигми. Крім того, у слові «дефектність» не акцентується те, що форми власне немає і, якщо немає, то саме форми (а не значення), отже дефектністю можна називати і лакунарність — різного ступеня непередставленість форм. Про таку семантику терміна «дефектність» свідчить і те, що її кваліфікують навіть як варіативність [4]. До того ж, за розгляду парадигми як білатеральної сутності, у межах дефектності можна розглядати і парадигматичну диспропорцію — відсутність чи непередставленість форми чи форм за наявності значень — морфологічну недостатність та відсутність (непередставленість) значення чи значень за наявності форм — надлишковість.

Серед парадигмологічних студій базовими були формальні дослідження А. А. Залізняка, але вже він відзначав у передмові до «Грамматичного словника російської мови», як одне з найскладніших, питання про невизначеність межі між відсутністю і непередставленістю, неуживаністю, небажаністю форм, називаючи його «складною проблемою» для словника: «Складну проблему для граматичного словника становить відображення потенційних форм, тобто форм,

які фактично майже ніколи не зустрічаються, але за необхідності все ж можуть бути утворені за загальними правилами ... словозміни» [5: 7]. І цю проблему він розв'язує на користь «фактично неживаних форм» — він фіксує їх у словнику, за винятком тих випадків, коли «при оказіональному творенні таких потенційних форм» виникає «якась морфологічна трудність чи морфологічна неоднозначність». В таких випадках А. А. Залізник супроводжує слова вказівками на те, що відповідні форми «найбільш імовірні (з точки зору укладача)», що вони мають характер «припущення» (пор., напр., *борьба* / одн. — *борьбы* / мн.) [5: 8]. До речі, у науково-навчальних джерелах з літературної російської та української мов такі форми взагалі, як правило, виступають як заборонені.

У випадках, коли «...спосіб творення потенційної форми є однозначним, проте утворена таким чином форма сприймається як небажана...», бо носії літературної мови «...в тих випадках, коли їм у мовленні потрібна за змістом така форма, звичайно відчують труднощі і часто намагаються взагалі обійтися без цієї форми, замінивши слово синонімом, чи перебудувавши синтаксичну конструкцію» [5: 8], А. А. Залізник використовує позначку «трудн.» (рос. — «затрудн.»), тобто використання такої форми викликає труднощі. Наприклад, при слові *башка*, як і *брюзга*, *мечта* тощо подано вказівку «Р. мн. трудн.», при словах *дудеть*, *галдеть* — «теп. 1. одн. трудн.». Причини таких труднощів можуть бути різними: наголос чи вид основи дуже відрізняється від решти форм парадигми (насамперед, від вихідної форми) або дуже незвичним є утворення форм від основ з певним суфіксом, інколи ж «джерело труднощів не зовсім зрозуміле» [5: 8]. Труднощі в утворенні форми чи її ймовірніший характер завжди означає, що ця форма маловживана, проте не про будь-яку маловживану форму даються такі вказівки [5: 8].

Крім того, автор граматичного словника використовує й позначку «такої-то форми немає», коли у слова відсутня одна чи кілька форм, що «...викликано фонологічними чи морфологічними труднощами (або якимись випадковими причинами)... Такою, наприклад, є відсутність форми Р. мн. у слів *мгла*, *мзда*, *хна*, відсутність короткої форми ч. р. у слів *голубой*, *озорной*, відсутність прийнятної для літературної мови форми наказового способу у слова *ехать* тощо» [5: 5]. До кола таких «трудних проблем» він відносить і ряд інших питань, що стосуються некомплектності парадигми та вибору форм парадигми: належність деяких іменників до назв істот чи неістот, наявність видових пар в окремих дієслів (*засорить*, *очухаться*, *намусорить*) тощо.

А. А. Залізник доходить висновку: «...між труднощами в утворенні форми (позначка «трудн.») та її відсутністю (позначка «немає...») насправді немає чіткої межі; тому в перехідних випадках вибір тієї чи іншої позначки певною мірою є умовним» [5: 8]. Те ж саме, на нашу думку, зрештою, стосується і форм, які мають характер «припущення». Щодо ряду інших проблем він також відзначає, що прийняте у словнику «рішення містить певний елемент умовності». Зауважимо, що й у деяких сучасних працях обгрунтовується думка, що багато явищ, які називають дефектністю, насправді лише лакуни [11].

Отже, спроби класифікації некомплектності як мовного явища присутні вже у працях А. А. Залізника, який визначає власне некомплектність та ще 2 різновиди лакунарності (форми, що мають характер припущення, і форми, що викликають труднощі), констатує водночас, що між ними немає чіткої межі. Далі у статті використовуємо терміни «неповнота», «некомплектність», «дефектність» парадигми, часто з урахуванням того, що між відсутністю і непередставленістю тощо «немає чіткої межі».

Уважаємо, що основним критерієм класифікації неповноти морфологічної парадигми в українській мові може бути рівень аномальності щодо структури мови, який залежить, на нашу думку, від характеру категорії, неповноту часткової парадигми якої розглядаємо, а саме — її тип за семантикою (номінативна, структурна, синтаксична), за ступенем граматичності, регулярністю форм (словозмінна, класифікаційна, формотворча, дериваційна), за кількістю грамем. При класифікації неповноти має бути ураховано тип парадигми за обсягом (велика, часткова) та кількість відсутніх форм і значень (відсутність всієї парадигми (великої)/ часткової парадигми/ однієї форми/ кількох форм); наявність диспропорції (відсутність форми/ форм за наявності значення, відсутність значення за наявності форми, відсутність форми і значення, відсутність форми/ форм для структурних монологічних категорій).

Номінативність категорії щодо певного лексико-граматичного класу зумовлює білатеральність її парадигми, і відсутність форми, що має виражати певне граматичне значення, сприймається як аномальна. Структурність категорії зумовлює монологічність її парадигми, і відсутність кореляції форм в структурі такої парадигми (особливо за умови її несловозмінності) — менш аномальна. Зауважимо, що парадигму не тільки номінативної категорії можна вважати білатеральною у широкому розумінні, бо, наприклад, синтаксичним парадигмам категорій роду, числа і відмінка прикметника також властиве співвідношення з системою функцій. Тобто словозмінним структурним категоріям притаманна кореляція форм з хоч і не позамовними значеннями, але функціями, натомість у категорії роду назв неістот ніякої системи значень немає — вона структурно несловозмінна, хоча, а може й тому, не має вона й парадигми.

Крім того, номінативність категорій, детермінуючи білатеральність їх парадигм, зумовлює й можливість диспропорції форм і значень як неповних, так і повних парадигм. Будь-яка неповна парадигма номінативної категорії стосовно відповідного морфологічного класу може характеризуватися диспропорцією — морфологічною недостатністю або надлишковістю, які також впливають на сприйняття неповної парадигми як аномальної. Уважаємо, що відсутність морфологічної форми за наявності значення (морфологічна недостатність) зумовлює високий ступінь аномальності такої неповноти.

Синтаксичними називають два типи категорій за значенням — номінативні (відмінок іменника) і структурні (рід, число, відмінок прикметника). Синтаксичність часто свідчить про високу аномальність неповноти, оскільки багато синтаксичних категорій є словозмінними, бо саме синтаксичний критерій часто зумовлює словозмінність. Проте синтаксичними називають і несловозмінні категорії, такі, як стан дієслів, некомплектність яких характеризує невисокий рівень аномальності. Таким чином, аномальність визначається не синтаксичністю, а регулярністю.

Регулярність форм, тобто ступінь граматичності морфологічних категорій, також відображає рівень аномальності неповноти парадигми: словозмінна категорія має більший ступінь граматичності порівняно з формотвірною, а формотвірна характеризується більшою регулярністю форм порівняно зі словотвірною. Відсутність форм категорії, яка характеризується більшою регулярністю, буде дуже помітною (незмінювані прикметники, множинні обчислювані іменники, безособові та третьособові дієслова), а відсутність менш регулярних форм (наприклад, виду, ступенів порівняння) може залишитися непоміченою.

На аномальність неповної парадигми, силу дефектності, впливають і кількісні показники — кількість граем у категорії, кількість відсутніх форм та коефіцієнт співвідношення кількості відсутніх форм з наявними у таблиці-зразку (коефіцієнт некомплектності). Відзначимо, що чим менше граем, тим помітніше відсутність форми якоїсь з них, тобто важлива навіть не кількість граем чи відсутніх форм окремо, а саме коефіцієнт співвідношення кількості відсутніх форм з наявними у таблиці-зразку.

Детермінує аномальність неповної парадигми й функціональне навантаження граем у мові. Наприклад, неповнота багатограемної категорії відмінка в українській мові, що виражається у відсутності однієї-двох форм, є відносно непомітною (нетиповість кличного відмінка для неістот), натомість важко не помітити відсутності форм однини у лексеми *штани*, як і відсутності усіх морфологічних відмінково-числових форм у слова *таксі*. Інколи навіть функціональна лакунарність (коли форма є, але у мовленні майже не представлена), така, наприклад, як у слова *туфлі*, може здаватися більш аномальною, ніж повна відсутність форми у парадигмі (*дудити*), через те, що коефіцієнт співвідношення кількості рідко реалізованих форм з наявними у таблиці-зразку переважає цей показник щодо відсутніх форм.

У слів *туфлі*, *кеди*, *тапочки* і под. форми однини функціонально не навантажені, натомість навантаженими є форми множини, через це й констатуємо їхню функціональну лакунарність у бік множинності. Форми однини таких слів уживаються рідко, бо потреба виникає нечасто, проте, якщо вона виникає, мовець, знайомий з існуванням мовної норми, зустрічається з проблемою вибору форми (*тапочка* чи *тапочок*) — мовець замислюється, підшуковуючи форму. Постає питання, як правильно сказати або як уникнути сумнівної форми, який знайти замітник? Подібне питання виникає, наприклад, при потребі вжити слово *шаурма* у множині. Як сказати: *п'ять шаурм* чи *шаурмів*? Можна уникнути уживання проблемної форми, замінивши її, сказати: *п'ять порцій шаурми, чотири шаурми і ще одна*. Така ситуація, коли форма потрібна, але виникають труднощі з її доборою, — ще один з критеріїв аномальності, який, проте, важче піддається виміру. Ймовірно, у зв'язку з цим аномальність можна обчислити, врахувавши період пошуку форми (затримку у мовленні), зафіксувавши наявність варіантів форм, висловлювань-замінників. Отже, як бачимо, у сприйнятті морфологічної неповноти та подібних до неї явищ як аномальної, фактор функціональної навантаженості (потрібності) також має велике значення. З одного боку, непотрібність форм зумовлює лакунарність, а з іншого, потрібність форми збільшує ефект аномальності парадигматичної неповноти, і чим більше виникає ситуацій, коли форма потрібна, а її немає або вона лакунарна, тим сильніше цей ефект.

Серед чинників аномальності парадигматичної неповноти визначальну роль відіграють номінативність та словозмінність категорій, коефіцієнт некомплектності та функціональне навантаження форм. При поєднанні словозмінності з номінативністю, відсутність якоїсь форми сприймається більш аномально, при поєднанні ж зі структурністю — менш (див. рис. 1). Номінативність категорії зумовлює білатеральність, а відтак і можливу диспропорцію неповної парадигми; морфологічна недостатність як різновид диспропорції детермінує збільшення ефекту аномальності. Шкали номінативності і рівня граматичності взаємодіють, до того ж, перша здійснює помітний вплив на другу: якщо категорія класифікаційна, то в неї й парадигми немає, проте, якщо така категорія є номінативною, то вона збільшує свій ступінь граматичності та її будова стає схожою на парадигматичну. Наприклад, при вираженні категорії роду в іменників лексико-граматичного розряду осіб та істот на тлі словотвірно-словозмінних (флексив-

них) парадигм *кум* — *кума*, *раб* — *раба*, *працівник* — *працівниця*, *розробник* — *розробниця*, *постраждалий* — *постраждала* та словотвірньо-формотвірних (суфіксальних) парадигм типу *студент* — *студентка*, *учень* — *учениця*,

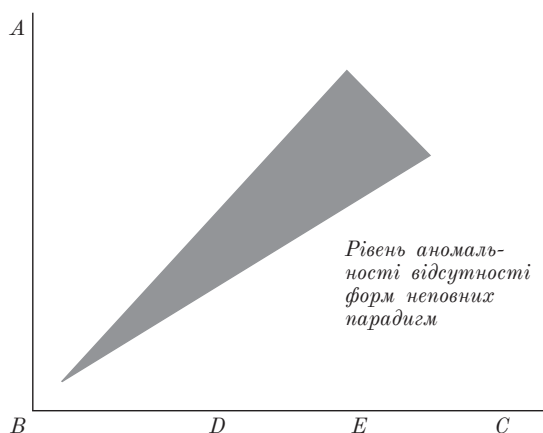

Рис. 1. Залежність рівня аномальності неповних парадигм від типу категорій: Вісь А—В — шкала номінативності. Точка В — номінативна ГК, точка А — структурна ГК. Вісь А—С — шкала рівня граматичності. Точка С — словозмінна ГК, точка Е — формотворча ГК, точка D — дериваційна ГК, точка А — класифікаційна ГК

чи навіть *робот* — *роботеса*, *агент* — *агентеса*, як слова з неповними парадигми роду можна схарактеризувати лексеми *нотаріус*, *адвокат*, *водолаз*, *машиністка*, *русалка* тощо.

Парадигматична лакунарність (функціональна лакунарність), яку можна розглядати як різновид парадигматичної неповноти, дефектності чи як явище суміжне з нею, так само піддається класифікації за ознакою аномальності. Виокремлення лакунарності актуалізується у зв'язку з аналізом текстової реалізації діалектного різновиду загальнонародної мови, де вона має специфіку порівняно з літературним. Якщо в літературній мові на певній парадигмі все ж таки можна поставити «тавро» неповноти, то в діалектній це зробити важче. В останній послаблені стилістичні обмеження, норма менш директивна і сприймається передусім крізь призму категорії свій/чужий. У більшості випадків не можна сказати, що певної форми у говірці немає (бо те, чого «немає» в літературній мові, як свідчать тексти, легко з'являється в діалектній), але можемо констатувати, що певна форма в досить великому текстовому масиві не реалізується, незважаючи на те, що контекст (якщо його подати літературною мовою) її вимагає.

Наприклад, діалектні тексти ареалу межиріччя Дністра і Дунаю засвідчують багато фактів власне лакунарності парадигм та інших парадигматичних невідповідностей з тим, що є у моделі літературного стандарту. Зокрема, вирівнювання парадигматики реалізується у набутті словами з неповними в літературній мові парадигмами повноти: утворення корелятивних числових форм одинними та множинними іменниками (*т'ранспорт* — *транспорт'и*), відмінювання незмінюваних іменників (*к'іло* — *к'іла*), послідовніший характер творення видових протиставлень (*прибо'л'іти* — *прибал'увати*), що дає підстави сумніватися в їх неповноті. Натомість парадигматично комплектні в літературній мові слова у говірці нерідко є функціонально лакунарними, що актуалізує необхідність перевірки їхньої неповноти додатковими прийомами.

Функціональна лакунарність, становлячи особливий маркер діалектної граматики, реалізується на рівні частин мови та їх форм (лакунарність дієприслівників та активних дієприкметників), на рівні словозмінних класів (непредставленість специфічних форм з суфіксом *-ен-* іменників IV відміни), на рівні граем, де урахування співвідношення лакунарності в системі значень і в системі форм дає два її різновиди: перший пов'язаний з наявністю значення граєми, але заміною її форм іншими (Р. в. простих та деяких складних числівників, Кл. в. прикметників); другий позначений відсутністю реалізації у текстах наявних у літературному стандарті відмінкових значень і відповідних форм (Кл. в. іменників, що не належать до істот, граєм непрямих відмінків числових назв *п'ятде'с'ат* — *в'іс'імде'с'ат*, *дв'іс'т'і* — *дев'я'ц'от*) [3].

В діалектних текстах південнобессарабської говірці літературно незмінювані субстантиви на *-о* (*рад'іво*) відмінюються за зразком II відміни як *се'ло* (*ми_й_не'бачили_і_не'знали_ц'ого_к'і'на*; *по_к'і'лу_моло'ка_на_х'верм'і_брат'*; *в_с'і'л'ні*), виявляючи лакунарність Д. в. та О. в. однини і непрямих відмінків множини. Є випадки функціонування форм множини літературно одинних необчислюваних іменників (*на_о'ц'і'х_транспорт'ах*; *у_о'ц'і_гул'ні'і_по'куда_пере'гул'ай'імо*; *л'уди_/_бо'л'ій'ут'_о'цими_х'і'м'і'ями*; *заби'ра'ю_же'н'і'х_з_у'с'і'ми_п'ридан'ими_н'е'в'есту_до'дому*). Жіночі прізвиська на *-о* (*Кова'ленко*, *Бонда'ренко*) та на приголосний (*Слобод'ен'ук*) у текстах є тільки у формі Н. в. Діалектоносії уникають вживання їх у непрямих відмінках, замінюючи на похідні (*О'лу_Га'луш'чи'ху*). Синтетичні форми найвищого ступеня, що є результатом додавання до простої форми компаратива префікса *най-* (*най'стар'иий*), у текстах зустрічаються значно рідше, ніж аналітичні, представлені сполукою слова *самий* і форми звичайного ступеня прикметника (*самий_к'рай'ній*). Використовується й особливий різновид аналітичного суперлатива, що є поєднанням синтетичного компаратива зі словом *самий*, напр.: *сама_круп'ні'ша*, *сама_б'ідн'іша*. Числівникові займенники *с'т'іл'ки* (*с'т'і'ки*, *с'т'і'ко*), *с'к'і'ки* (*с'к'іл'ки*, *с'к'і'ко*), що у літературній мові відмінюються як числівники (*два*, *три*, *чотири*), у текстах не змінюються, наближаючись до прислівникових. Дієслова майбутнього часу недоконаного виду в окремих текстах характеризують виключно аналітичні форми, що складаються з дієслова *бути* та основного дієслова у формі інфінітива (*ше_бу'ду*

росказуват'; л'уди будуть' см. і'йац'а), а синтетичних форм типу *сміятимуться* немає [3]. І це далеко не повний перелік явищ, пов'язаних з некомплектністю парадигми, які дають діалектні тексти.

Якщо поглянути на ці явища крізь призму неповноти (у широкому розумінні) парадигм, то складається враження, що її у мові більше, ніж повноти, і «нетипове» явище виявляється типовим. Можна порівняти сприйняття парадигми із зоровим сприйняттям. Відомо, що людина бачить не все, оскільки в оці існує «сліпа пляма» — місце виходу з ока зорового нерва, де немає фоторецепторів, але не помічає відсутньої частини картини. Мозок добудовує її так, що вона не бачить дефектів, він корегує сприймане зображення. Мабуть, так само домислюємо й парадигму, тому й думаємо, що повна парадигма — явище типове, а неповна — нетипове (це стереотип сприйняття, пов'язаний з властивістю мислення — узагальненням), і тільки науковий аналіз уможливує бачення «сліпих плям» у парадигматиці.

Повертаючись до кількісних параметрів виміру аномальності парадигматичної неповноти — обчислення коефіцієнта некомплектності (співвідношення кількості відсутніх форм з наявними у таблиці-зразку), слід відзначити, що обчислити можна неповноту великих парадигм конкретних парадигматичних типів, груп слів, окремих слів і неповноту часткових парадигм. Проілюструємо відображення аномальності коефіцієнтом некомплектності на прикладі деяких великих власне словозмінних парадигм лексико-граматичних розрядів, інших груп слів, окремих слів сучасної української літературної мови. Щоправда, під час застосування підрахунків актуалізується ряд проблемних питань морфології, зокрема, питання про обсяг парадигми — диференціацію форм одного слова і окремих лексем, поєднуваність у велику парадигму часткових, входження окремих граем у парадигму. Зауважимо, що парадигму дієслів подаємо за інтегрованою лексико-графічною системою «Словники України» [6], хоча далеко не в усьому з нею погоджуємося, бо, наприклад, некомплектність парадигми часу в дієслів доконаного виду ніяк не відображена в таблицях словозміни, водночас за таблицями всі дієслова української мови характеризуються некомплектністю, адже незаповненою залишається клітинка на перетині таких параметрів, як однина, перша особа, наказовий спосіб. Багато форм, поданих у цій лексикографічній системі, мають ймовірніший характер, водночас багато форм такого ж плану просто не внесено в ці таблиці. Отже, у цих парадигмах рахуємо тільки словозмінні форми особи, числа, часу, способу, оскільки для вірогідності даних, форми, які аналізуємо, повинні мати відносно ідентичний статус щодо ступеня граматичності.

Для обчислення коефіцієнта (показника) некомплектності нами розроблено формулу

$$P_n = F_v / G_s \cdot 100 \%,$$

де P_n — показник некомплектності, F_v — форми, відсутні у парадигмі, G_s — граемами, наявні у парадигмі-зразку. Так, непередставленість кличного відмінка неістот типу *стілець, парта* у відмінково-числовій парадигмі кількісно характеризуємо таким чином: таблиця-зразок має 7 відмінкових граем однини і 7 відмінкових граем множини — всього 14; з 14 немає 2 форм; коефіцієнт некомплектності — $2/14 \cdot 100 = 14,28 \%$.

Парадигматична неповнота множинних іменників типу *ножиці, двері* та одинних іменників типу *молоко, жіноцтво* у відмінково-числовій парадигмі має такий вигляд: таблиця-зразок має 14 граем; з них 7 форм немає; коефіцієнт некомплектності — $7/14 \cdot 100 = 50 \%$.

Таблиця-зразок незмінюваних іменників типу *таксі, депо* щодо відмінково-числової парадигми має 14 граем; з них 14 форм немає; коефіцієнт некомплектності — $14/14 \cdot 100 = 100 \%$.

У великій парадигми роду, числа і відмінка незмінюваних прикметників (*хакі, беж*) коефіцієнт некомплектності становитиме $24/24 \cdot 100 = 100 \%$. Велика ж парадигма коротких прикметників (*рад, зелен*) дає коефіцієнт некомплектності $23/24 \cdot 100 = 95,8 \%$.

Парадигма третьоособових дієслів типу *колоситися, проростати, боліти*, де неповною є особово-числова підпарадигма часу і способу, з 20-ти граем таблиці-зразку не реалізує 12 (всі форми наказового способу, форми 1-ї та 2-ї особи однини і множини майбутнього і теперішнього часу); коефіцієнт некомплектності — $12/20 \cdot 100 = 60 \%$.

Парадигма безособових дієслів типу *смеркає, вечоріє* з 20 граем таблиці-зразку не реалізує 17 (є тільки 3 форми: 3 одн. майбутнього часу *смеркатиме*, 3 одн. теперішнього часу *смеркає*, сер. роду, одн. минулого часу *смеркало*); коефіцієнт некомплектності — $17/20 \cdot 100 = 85 \%$.

Множинні дієслова *поприходити, порозбігатися*, маючи в таблиці словозмінної парадигми 14 граем, реалізують у своїх формах лише 10; відсутні 1 і 2 особи однини майбутнього часу та наказового способу; коефіцієнт некомплектності — $4/14 \cdot 100 = 28,57 \%$.

Неповнота парадигми дієслова *дудіти* полягає у відсутності однієї необхідної форми — І особи однини теперішнього часу: таблиця-зразок має 20 граем; з них 2 немає; коефіцієнт некомплектності — $2/20 \cdot 100 = 10 \%$.

Як бачимо, неповнота третьоособових дієслів та множинних іменників за коефіцієнтом некомплектності співвідносна (60 % та 50 %), натомість аномальність некомплектності незмінюваних іменників щодо цього параметру більша (100 %), до неї наближається неповнота безособових дієслів, яка має показник 85 %, утім, якщо зважати на традиційну точку зору, у незмінюваних іменників взагалі немає парадигматичної неповноти. Серед дієслів максимальний кількісний показник аномальності буде в безособових дієслів — 85 %, на другому місці — третьоособові дієслова — 60 %, на третьому місці — множинні дієслова з показником 28,57 %, а некомплектність дієслова *дудіти* — на 4-му місці — 10 %.

Коефіцієнт некомплектності можна розглянути на прикладі як часткових, так і максимально великих парадигм. Щодо різних типів парадигм метод кількісного аналізу неповноти наштовхується на проблемні питання граматики і парадигматики, дає різні результати, але безперечно те, що він є показовим для виміру рівня аномальності парадигматичної неповноти слова, розряду слів, частини мови, граматичної категорії.

Так само кількісному виміру підлягає співвідношення не тільки наявних форм, але й значень, тобто можна встановити пропорцію між двома сторонами некомплектної білатеральної парадигми — системою форм і системою значень. Так, наприклад, неповнота незмінюваних іменників різних лексико-граматичних розрядів буде мати різну силу, оскільки характеризуватиметься різним ступенем морфологічної недостатності: необчислювані неістоти типу *юре* виявляють морфологічну недостатність тільки щодо 7 (або навіть 6) відмінкових градем однини, обчислювані неістоти типу *таксі* — по відношенню до 14 (чи 12) відмінкових градем однини і множини, а деякі обчислювані істоти типу *кенгуру*, *поні* виявлятимуть ще й недостатність щодо парадигматично організованих значень роду (кількісний показник недостатності — 28).

З проаналізованого випливають такі висновки:

1. Явище некомплектності парадигм у граматиці української мови потребує подальшого, функціонального, більш докладного вивчення, а одним з основних критеріїв класифікації парадигматичної неповноти може бути рівень аномальності щодо структури мови.

2. Відсутність форм номінативних категорій (морфологічна недостатність) зумовлює аномальність некомплектності парадигми. Взагалі, диспропорції між системою форм і значень, що можливі в номінативних категоріях, посилюють ефект аномальності. Некомплектність, зумовлена ЛГР належністю, звичайно менш аномальна, ніж та, що не зумовлена нею.

3. Чим вищий ступінь граматичності некомплектної парадигми, тим більша аномальність. Відсутність форми словозмінної категорії сприймається як більш аномальне явище, ніж відсутність форми формотворчої, а відсутність форми формотворчої категорії більш аномальна, ніж словотвірної.

4. Співвідносність категорій за значенням і ступенем граматичності дає можливість застосовувати щодо них з метою виміру рівня аномальності коефіцієнт некомплектності (хоча, звичайно, можна зіставляти за коефіцієнтом некомплектності і неспіввідносні за вказаними параметрами категорії). Чим більше коефіцієнт некомплектності — співвідношення кількості відсутніх форм з наявними у таблиці-зразку — тим вище аномальність.

5. Аномальність парадигматичної неповноти залежить також від обсягу словникового матеріалу, який охоплює цей вид некомплектності (неповнота великої за обсягом групи слів і меншої групи чи окремого слова); від того, чи належить слово, що характеризується парадигматичною неповнотою, до активного словникового запасу; від функціональної навантаженості відсутньої чи непередставленої форми чи форм (наскільки часто в мові натрапляємо на цю лауну, або навіть і рідко, але ця форма може бути потрібною); від того, чи існують заміники, як довго доводиться їх добирати, чи компенсується взагалі і як компенсується відсутня форма у системі мови.

Але питання, чи дійсно форми немає, чи вона просто не представлена чи не рекомендована мовною нормою — складне і може бути об'єктом подальших досліджень.

1. Авдєєва С. Основні критерії визначення морфологічних парадигм сучасної української літературної мови // Наукові записки [Кіровоград. держ. пед. ун-т ім. В. Винниченка]. Сер. Філологічні науки (мовознавство). — Кіровоград, 2000. — Вип. 22. — Ч. I. — С. 3—15.

2. Алтицева Л. Ю. Функціонально-семантичні параметри іменників з неповною числовою парадигмою: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 українська мова. — К., 2003.

3. Делюсто М. С. Граматика говірки у світлі тексту: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 українська мова. — К., 2010.

4. Дешеулина Л. Н. Дефектные парадигмы склонения существительных в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 русский язык. — СПб., 2009.

5. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — М., Русский язык, 1977.

6. Інтегрована лексикографічна система «Словники України» / В. А. Широков, О. Г. Рабулець, І. В. Шевченко та ін. — К.: Український мовно-інформаційний фонд; вид-во «Довіра», 2001—2007.

7. Колесников А. А. Семантическое обеспечение грамматических форм имён существительных русского языка. — Киев, 1988.

8. Колесников А. О. Парадигматична некомплектність та прийоми її вивчення // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2010. — Вип. 28. — С. 112—117.
9. Мороз Т. Явище семантико-граматичної асиметрії на рівні граматичної категорії роду незмінюваних іменників // Наукові записки [Кіровоград. держ. пед. ун-т ім. В. Винниченка]. Сер. Філологічні науки (мовознавство): у 4 ч. — Кіровоград, 2009. — Вип. 81. — Ч. 2. — С. 27—32.
10. Плузган В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М., 2000.
11. Танасова Т. Г. Слова с неполным набором грамматических форм и словообразовательных коррелятов и их элимантемы в художественных текстах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. — Краснодар, 2005.
12. Фурса В. Словозмінна парадигматика іншомовних невідмінюваних іменників // Мовознавчий вісник Черкаського національного університету. — Черкаси, 2009. — Вип. 8. — С. 65—70.
13. Фурса В. М. Особливості морфологічного освоєння іншомовних невідмінюваних іменників у сучасній українській мові // Науковий часопис Національного пед. ун-ту ім. М. П. Драгоманова. Сер. 10. Проблеми граматики і лексикології української мови: зб. наук. праць. — К.: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2009. — Вип. 5. — С. 172—175.
14. Юносова В. Зміни в кореляційних формах числа іменників сучасної української мови // Мовознавчий вісник Черкаського національного університету. — Черкаси, 2009. — Вип. 8. — С. 58—64.

А. А. Колесников

КОЭФИЦИЕНТ НЕКОМПЛЕКТНОСТИ КАК СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ ДЕФЕКТНОСТИ

В статье рассматривается явление неполноты морфологической парадигмы в современном украинском языке, обосновывается необходимость его системного и функционального описания, среди количественных и качественных параметров, по которым можно классифицировать парадигматическую дефектность, выделен коэффициент некомплектности.

Ключевые слова: неполная, некомплектная, дефектная, ущербная, функционально лакунарная парадигма, грамматическая категория, коэффициент некомплектности.

A. A. Kolesnykov

INCOMPLETENESS COEFFICIENT AS A SOURCE OF MEASUREMENT OF PARADIGMATIC DEFECTIVENESS

The author of the following article considers phenomena of morphological paradigm incompleteness in the modern Ukrainian language, proves its systematic and functional exposition necessity, determines qualitative and quantitative parameters, which make possible to classify paradigmatic defectiveness.

Key words: morphological paradigm incompleteness, defectiveness, functional lacunarity, grammatical category, incompleteness coefficient.

УДК: 811.161.1'367.626.6

И. В. БРОВКИНА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РАССКАЗЕ В. Г. КОРОЛЕНКО «БЕЗ ЯЗЫКА»

В статье рассматриваются особенности употребления неопределённых местоимений и наречий в рассказе В. Г. Короленко «Без языка», важность их в воплощении авторского замысла. Выявлена высокая частотность использования этих единиц в тексте рассказа. Имея богатый семантический потенциал, названные единицы функционально значимы в художественном тексте.

Ключевые слова: неопределённые местоимения, неопределённые наречия, семантика, функционирование, идиостиль В. Г. Короленко, рассказ «Без языка».

Основным средством выражения неопределённости в русском языке являются местоименные слова с аффиксами *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *кое-*, *не-*, например: *кто-то*, *какой-либо*, *некий*, *когда-нибудь*, *кое-где* и др. (Далее, придерживаясь широкого понимания термина «местоимение», включающего и местоименные наречия, будем использовать аббревиатуры НМ и НМН или выражение «неопределённые единицы»).

В русистике разработаны различные аспекты изучения неопределённых местоимений. Так, в трудах отечественных языковедов М. В. Ломоносова, Ф. И. Бушлаева, Г. П. Павского, И. И. Давыдова рассматривались черты сходства и различия внутри НМ как грамматического разряда слов, имеющих разные аффиксы. В. В. Виноградов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский описали семантические и синтаксические особенности неопределённых местоимений. НМ как сред-

ство выражения категории неопределённости представлены в работах Е. М. Галкиной-Федорук, Т. М. Николаевой, А. Д. Шмелёва. Одним из средств формирования базовых смысловых категорий называет местоимение Н. Ю. Шведова. Исследования С. М. Кузьминой, Т. М. Николаевой, М. А. Шелякина, А. Б. Пеньковского посвящены семантике местоимений как многозначных единиц.

В последние десятилетия внимание языковедов акцентируется на проблеме употребления единиц неопределённости в тексте художественных произведений. Наблюдения показывают, что писатели по-разному используют эти единицы: в чьих-то текстах они занимают весьма скромное место, в других НМ не только высокочастотны, но и значимы функционально. В научных исследованиях убедительно доказывается, что категория неопределённости является концептообразующим, стилеобразующим фактором. Рассмотрено функционирование языковых единиц неопределённости в произведениях Н. В. Гоголя (Л. И. Ерёмкина, 1987; Е. В. Падучева, 1997; Е. П. Сеничкина, 2001; Н. А. Давыдкина, 2004), в романах Ф. М. Достоевского (В. В. Виноградов, 1976; Ю. Н. Караулов, 1996; Н. Д. Арутюнова, 1999), Л. Н. Толстого (Л. И. Ерёмкина, 1983). Важную роль неопределённые местоименные слова выполняют в рассказах А. П. Чехова (А. Чудаков, 1986; И. Н. Левина, 1988; С. А. Лишаев, 2000), в прозе Н. Г. Гарина-Михайловского (И. В. Зборовец, 1984), Б. К. Зайцева (Л. А. Горшкова, 2005), А. Платонова (И. В. Бровкина, 2009). Например, Н. В. Гоголь использовал неопределённые единицы для создания комического эффекта. Ф. М. Достоевский создавал с помощью неопределённых местоимений атмосферу таинственных полунамёков, тревожного ожидания. В романах А. Платонова НМ являются одним из инструментов выражения концептуально важного контраста жизни-мечты и жизни-реальности, антиномии жизнь—смерть. При этом другие писатели (напр., И. А. Бунин, А. И. Куприн) неопределённые единицы в качестве особого средства выразительности практически не использовали.

Изучение НМ в данном аспекте пребывает на стадии накопления материала и представляется актуальным. Язык прозы В. Г. Короленко в означенном аспекте не анализировался, в этом новизна нашего исследования.

Произведение В. Г. Короленко «Без языка» (в авторском подзаголовке *рассказ*) привлекло внимание чрезвычайной насыщенностью текста неопределёнными местоимениями и наречиями. По нашим статистическим данным, 26 неопределённых местоимений и наречий, употреблённых писателем, в тексте встречаются 403 раза. Нередко используется несколько единиц в пределах небольшого фрагмента и даже одного предложения. Напр.: «*Да, вот и Америка! Ещё вчера ночью она лежала перед ним, как какое-нибудь облако, и он не знал, что-то явится, когда это облако расступится... Но всё ждал чего-то чудесного и хорошего...*»

В рамках статьи ограничимся рассмотрением функционирования местоимений, значительно преобладающих по количеству: *что-то* (95 словоупотреблений), *какой-то* (65 словоупотреблений).

НМ, будучи единицами многозначными, способны выражать значение не только неопределённости, но и неизвестности. Значение неизвестности свойственно только НМ и НМН с аффиксом *-то*, причём, как показывает анализ, именно первому лексико-семантическому варианту (ЛСВ) полисеманта, в словарях обозначенному цифрой 1: *кто-то*¹ «неизвестно какой человек», *что-то*¹ «неизвестно какой предмет, явление», *какой-то*¹ «неизвестно, неясно какой». Значение неопределённости реализуется местоименными дериватами с разными аффиксами: *-то*, *-нибудь*, *-либо*, *не-*. ЛСВ, передающий значение неопределённости, в толковых словарях обозначается как «до некоторой степени сходный, напоминающий кого-нибудь, что-нибудь», «о ком-нибудь, точно не известном»; «употребляется при затруднении вполне точно определить качество, свойство, характер чего-либо; неизвестно, неясно». Нами учтены варианты дефиниций НМ, представленные в словарях русского языка [1], [3], [4], [6] и в работе С. М. Кузьминой [2].

Задача нашего исследования — рассмотреть то, как и с какой целью реализуются НМ со значениями неизвестности и неопределённости в тексте В. Г. Короленко.

Основой произведения послужил рассказ, поведанный В. Г. Короленко русским эмигрантом в Чикаго. Речь идёт о судьбе бедолаги-крестьянина с западной окраины России, покинувшего родину в поисках лучшей доли и много пережившего на американской земле.

Америка завершила XIX век в ореоле «обетованной земли» с невиданными возможностями для любого бедняка, «царства свободы» для всех. Не случайно одна из ключевых тем рассказа — свобода, а также попытка разных персонажей определить это понятие.

О «большой свободе» рассказал в письме из Америки эмигрант — бывший житель Лозиц Вольнской губернии Лозинский, и это очень взволновало лозищан. В корчме и шинке зазвучало слово «свобода», заговорили, заспорили о ней. «...*Не всякий из лозищан понимал хорошенько, что оно значит. Но...звучало в нём что-то такое, от чего человек будто прибавлялся в росте и что-то будто вспоминалось неясное, но приятное... Что-то такое, о чём как будто бы знали когда-то в той стороне старые люди...*». Мысль о свободе сидит

в голове и у главного героя Матвея, отправившегося в Америку. На вопрос, что это за свобода в Америке, он получает от гамбургского кабатчика исчерпывающий ответ: «А, рвут друг другу горла, — вот и свобода...»... «Что люди всюду рвут друг друга, — это, конечно, может быть, и правда, но свободой, — думали они [Матвей и Дыма], — наверное, называется что-нибудь другое».

Проанализировав приведённые фрагменты, видим, что основным языковым средством выражения понятия «свобода» в восприятии персонажей являются неопределённые местоимения *что-то* и *что-нибудь*. Употребляются они в контексте ирреального плана, включающем модальные элементы высказывания: настойчивый повтор частицы *будто*, вводных *может быть*, *наверное*, а также прилагательное с семантикой неопределённости *неясное*. (Заметим попутно, что экспериментальное изъятие неопределённых единиц привело бы к грамматическому нарушению и смысловому искажению текста.)

При помощи НМ со значением неопределённости рассказчик передаёт попытку персонажей найти более точную характеристику непонятного для них явления.

Ещё одно объяснение получают плывущие на корабле в Америку лозищане: свобода — медная фигура женщины с факелом в руке, который «светит далеко в море». И им кажется, что «это опять не то»... «А Матвею почему-то вспоминался всё старый дед Лозинский-Шуляк... ему вспоминались какие-то смутные рассказы деда о старине, о войнах, о Запорожье, где-то в степях на Днепре... И теперь, как память о странном сне ... рисовалась эта старина и какой-то простор, и какая-то дикая воля... Потом он вспоминал, что была над народом панская «неволя». Потом пришла «воля»... Но свободы всё как будто не было... Мысли туманились, а в душе оставался всё-таки нерешённый вопрос».

В характеристике отвлечённых явлений НМ *какой-то* со значением неопределённости наиболее часто употребляется в сочетании с последующим прилагательным-определением (*какие-то смутные рассказы, какая-то дикая воля*). В данном случае НМ не является конструктивно необходимым, но использование его автором позволяет придать описываемым явлениям нечёткость, размытость, показать отдалённость их от реального времени. Неопределённые местоимения и наречия, используемые автором, создают картину запорожской вольницы в «генетической», выражаясь современным языком, памяти Матвея — внука лихого гайдамака, восклицавшего: «Гей-гей! Было когда-то наше время... Была у нас свобода!»

Таким образом, в авторском подтексте соотносятся понятия «воля» и «свобода». Читателю предоставляется также возможность соотнести понятия «свобода» и «деньги». «Здесь [в Америке] свобода: все равные, кто за себя платит деньги» — мысль, чётко сформулированная одним из персонажей-эмигрантов.

Остановимся на ещё одной важной функции единиц неопределённости в художественном повествовании Короленко. С помощью НМ и НМН актуализируется значение неизвестности в восприятии героями реалий чужой, незнакомой американской жизни. Это касается и объектов предметного мира, и, главное, человеческих отношений. Перед впервые покинувшими родное село лозищанами открывается огромный неизвестный мир. Вот, например, каким видят Матвей и Дыма предмет, хорошо знакомый жителям портового города, — трап корабля: «...Он [пароходик] пристал к одному кораблю ...и что-то протянулось с него на корабль, точно тонкая жердочка, по которой, как муравьи, поползли люди и вещи». В Америке лозищан пугает «какая-то машина», несущаяся по подвесной дороге — поезд: «Что-то вдруг хлестнуло в окно резкой струёй воздуха, и мимо, совсем близко... пронеслась какая-то стена с окнами».

Анализ фрагментов текста повести, связанных с «открытием» неизвестного мира эмигрантами «без языка», показывает, что в контексте количественно преобладают НМ *что-то*, сочетающиеся с глаголами речи. Это, безусловно, связано с одной из основных тем произведения: отчуждённость и даже враждебность нового мира в восприятии главного героя. «Правду говорят — без языка человек как слепой или малый ребёнок», — с грустью думает Матвей. Действительно, без языка нет общения, а значит, нет понимания. Значение неизвестности содержания речи, как правило, раскрывается с точки зрения главного персонажа — Матвея. В порту Гамбурга «...немец монету не бросил и даже сказал что-то довольно приветливо...», однако тут же Матвей, совершенно не понимая почему, был отброшен матросами с парохода на мостки. Таким образом, он теряет уплывающую в Америку родную сестру, которую уже никогда не найдёт.

Непонимание чужой речи, чужих обычаев приводит в отчаяние Матвея, заблудившегося в огромном городе Нью-Йорке. «Дверь открыла незнакомая женщина... Она что-то сердито спросила — и захлопнула дверь»... «Когда он шёл по людной улице, кто-то тронул его за рукав тихо и ласково. Рядом с ним стоял негр и что-то говорил ему, указывая рукой на стул...» Матвей не понимает, что это просто чистильщик обуви, предлагающий свои услуги. Его наивная надежда на помощь в поисках нужного дома рушится.

Автор с сочувствием рисует, как всё сильнее охватывает героя усталость и горечь одиночества. «На углу Бродвея и како-то переулка он вошёл в булочную и, указав на огромный кусок белого хлеба, протянул руку с деньгами на ладони. Он говорил что-то продавцу-немец и даже, когда тот отдавал сдачу, старался схватить его за руку и тянулся к ней губами. Немец вырвал руки и занялся другими покупателями. Человек постоял, посмотрел на булочника грустными глазами, пытался ещё говорить что-то и вышел на улицу».

В данном фрагменте значение неизвестности раскрывается с точки зрения сторонних персонажей: окружающим неизвестны слова Матвея (*что-то говорил*) и непонятны поступки («ди-каря», как назван был Матвей газетчиком (*тянулся к руке продавца губами*)).

Ночью обессилевший Матвей попадает в зоопарк. «...Откуда-то из тени человеческий голос сказал что-то по-английски резко и сердито. Матвею этот крик показался хуже ворчания лесного зверя. Он вздрогнул и пугливо пошёл опять к опушке. Тут он остановился и погрозил кулаком. Кому? Неизвестно, но человек без языка чувствовал, что и в нём про-сытается что-то волчье...»

НМ *что-то*, сочетаясь с глаголами речи, передаёт значение неизвестности содержания речи говорящего, возникает состояние отчуждённости лица, воспринимающего речь. Неопределённые местоимения становятся необходимым элементом в описании трудных, драматических, порой нелепых ситуаций, в которые попадает герой «без языка» в чужой стране.

Проведённый языковой анализ произведения В. Г. Короленко позволил прийти к следующим выводам: 1) неопределённые местоимения и наречия в тексте рассказа — высокочастотная единица; по показателю частотности преобладает НМ *что-то*; 2) в процессе раскрытия художественного замысла писателя в многозначных НМ актуализируется семантика неопределённости или неизвестности; 3) НМ функционально значимы, являясь средством выражения ряда ключевых тем и идей рассказа.

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Изд. 4-е. — М.: URSS, 2007. — 569 с.
2. Кузьмина С. М. Семантика и стилистика неопределённых местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. — М., 1989. — С. 158—231.

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2008. — 944 с.

4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. — М.: Азбуковник, 1998. — 800 с.

5. Сеничкина Е. П. Специфика категории неопределённости в русском языке: Учеб. пособие к спецкурсу для студентов филологических и нефилологических специальностей вузов / Е. П. Сеничкина. — М., 2004.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981—1984.

I. V. Brovkina

ФУНКЦІОНУВАННЯ НЕОЗНАЧЕНИХ ЗАЙМЕННИКІВ В ОПОВІДАННІ В. Г. КОРОЛЕНКА «БЕЗ МОВИ»

У статті розглянуто особливості вживання неозначених займенників і прислівників в оповіданні В. Г. Короленка «Без мови», важливість їх у втіленні авторського задуму. Виявлено високу частотність використання неозначених займенників і прислівників у тексті оповідання. Маючи багатий семантичний потенціал, названі мовні одиниці здатні бути функціонально значущими в художньому тексті.

Ключові слова: неозначені займенники, неозначені прислівники, семантика, функціонування, В. Г. Короленко, оповідання «Без мови».

I. V. Brovkina

FUNCTIONING OF INDEFINITE PRONOUNS IN V. G. KOROLENKO'S STORY "BEZ YAZYKA" ("WITHOUT LANGUAGE")

The author of the article reveals the peculiarities of indefinite pronouns and adverbs in the story "Bez Yazyka" ("Without Language") written by V. G. Korolenko. These units with rich semantic potential and high frequency have a functional meaning in the literary text.

Key words: indefinite pronouns, indefinite adverbs, semantics, functioning, V. G. Korolenko, the story "Bez Yazyka" ("Without Language").

М. Ф. ШАЦКАЯ

ДИКТЕМА — ЕДИНИЦА ТЕКСТА ИЛИ ДИСКУРСА?

В статье рассматриваются *текст* и *дискурс* в пространстве языковой системы, а также предпринята попытка определения категориального статуса такой единицы коммуникативного уровня языка, как *диктема*; описываются ее основные признаки и структурные особенности.

Ключевые слова: диктема, дискурс, коммуникативный уровень языка, текст, текстама.

В теории текста и дискурса, несмотря на десятилетия научных разработок этих двух понятий, до сих пор имеются лакуны. Одной из таких лагун является вопрос о единицах дискурса. Но вначале скажем о том, что понимается нами под такими терминами, как *текст* и *дискурс*.

В лингвистике существует несколько точек зрения относительно статуса *текста*. Как отмечает Ю. А. Сорокин [18, с. 132], существует около 250 различных определений этого понятия, что связано как со сложностью самого понятия, так и с многообразными аспектами его рассмотрения в различных областях знания.

Отнесённость текста к языковым или речевым единицам — до сих пор вопрос спорный. Одним из самых распространённых представлений о тексте является понимание его как продукта речетворческого процесса (см. [4], [9], [11] и др.). М. Я. Дымарский в книге «Проблемы текстообразования и художественный текст» посвящает целый параграф полемике — «Является ли текст (языковым) знаком?» [11, с. 26–35]. По мнению М. В. Всеволодовой, текст, исходя из современных лингвистических критериев, нельзя отнести к единицам языка [7, с. 337]; текст — «речевое коммуникативное образование, функционально направленное на реализацию внеязыковых задач» [13, с. 14].

Положение о том, что текст является высшим уровнем языковой системы, долгое время ставилось под сомнение лингвистами XX века, и под влиянием опыта структуралистов учёные решились включить литературный текст в сферу интересов языкознания. Сделать этот шаг они смогли, взглянув на пирамиду языковых уровней «сверху вниз» и заметив, что с этого ракурса между «текстом» и «предложением» особой разницы нет. «Специфика лингвистического подхода к тексту заключается в изучении его содержания через призму составляющих его лингвистических знаков, представляемых в виде многоуровневой системы, в которой знаки более низких уровней, соединяясь, превращаются в знаки более высоких уровней: из фонем формируются морфемы, из морфем — лексемы и т. д.» [16, с. 29]. Мы остановились именно на этой точке зрения: *текст — это языковой знак коммуникативного уровня языка*. Как пишет М. В. Всеволодова, этот уровень реализации и функционирования речевых образований наименее разработан в нашей лингвистике. «Идёт накопление фактов, их осмысление, выявление связей с другими уровнями и языковых механизмов, обеспечивающих оптимальное функционирование высказываний как составляющих текста». Ещё далеко не во всей полноте представляется структура и функции этого уровня. «Они гораздо шире, а средства этого уровня гораздо многообразнее, нежели мы сейчас в состоянии себе это представить». По мнению исследователя, «сейчас можно сказать одно: основная единица этого уровня — текст в широком понимании этого слова: монолог, диалог или полилог, устный и письменный. <...> Текст есть образованное категориальное» [8, с. 246].

Тексту как языковой единице присущи признаки, характерные для всех языковых единиц (см. [17], [19] и др.). Но текст — знак особого рода, имеющий свою специфику. Зарождение его идёт на уровне коммуникации, что даёт повод некоторым лингвистам называть его речезыковым произведением (см. [2], [21]). Поэтому мы не исключаем того факта, что текст создаётся на коммуникативном уровне с использованием всех языковых средств. Н. С. Валгина считает, что свести понятие текста «только к категориям языкового плана невозможно — из-за его многоаспектности. Поэтому определения типа «единица выше предложения», «последовательность предложений» и подобные всегда оказываются некорректными, поскольку подчёркивают лишь «строевое» качество текста, его материальную структуру, оставляя без внимания его экстралингвистические показатели, в том числе роли участников коммуникации. Более того, если «не забыть» смысловой компонент текста, то необходимо признать верной мысль о том, что текст не состоит из предложений, а реализуется в них. Кроме того, смысл текста определяется мотивом его создания» [5, с. 11].

Структура текста может быть как сложно организованным языковым знаком (ср. текст романа), так и равен предложению и слову (текст телеграммы) и даже букве (ср. условный знак).

Открытым остаётся вопрос о том, как развести этический и этический уровни. И. А. Ильина предлагает языковую единицу обозначить термином *текстема*, а речевую — *текст* (см. [12]). (Термин *текстема* предлагался и Г. В. Колшанским, но в другом понятийном объёме, о чём мы скажем позже.)

Итак, текст определяется как коммуникативная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется общение. Однако, как отмечает В. Е. Чернявская, «текст — важный элемент коммуникативной системы, но не единственный, он сам существует в системе дискурса» [22, с. 12]. Дискурс мы представляем в соответствии с дефиницией Н. Д. Арутюновой: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [15, с. 136—137].

Поскольку дискурс — это, по сути, тоже текст, только более сложной информационной организации, то и он может быть отнесён к коммуникативному уровню языка. Его соотносённость с внелингвальной информацией позволяет именно его, на наш взгляд, назвать речезыковой единицей.

В рамках лингвистического подхода единицы текста делят на «несобственно-текстовые»: *фонема, морф, слово, словосочетание, предложение/высказывание* — и «собственно-текстовые»: *сложное синтаксическое целое, межфразовое (сверхфразовое) единство, абзац*. Минимальную единицу текста, «которая включает в себя некоторую весьма ограниченную группу высказываний и частично грамматически оформленную вроде абзаца или периода» [14, с. 106], Г. В. Колшанский обозначил термином *текстема*. В начале XXI века в связи с полемикой относительно коммуникативных репрезентантов текста М. Я. Блох предложил считать наименьшей текстовой единицей *диктему* [3]. Этот конституент, по мнению учёного, развивает и преобразует понятие сверхфразового единства, выработанное в отечественном языкознании в 1940-х годах. «Принципиальное различие между указанными понятиями (при их закономерной исторической связи) состоит в том, что сверхфразовое единство в контексте выделивших его работ не имеет уровнеструктурного определения, а диктема, напротив, раскрывает свои свойства в качестве естественной части реверсивно-определённой уровневой структуры языка. Как составная часть этой структуры..., она строго отвечает принципу построения из одной или нескольких единиц непосредственно нижележащего уровня, т. е. из одного или нескольких предложений. Как составная часть этой структуры, она выделяется своей чёткой функцией, не сводимой к функциям нижележащих единиц, но вбирающей в себя эти функции в рамках своего собственного, интегративно-текстового назначения выражать определённую тему. Это значит, что вне диктемы... текст как непосредственный продукт речевой деятельности не существует и существовать не может» [3, с. 61—62].

Итак, М. Я. Блох выделяет *диктему* как единицу текста. Однако диктему, на наш взгляд, следует признать единицей дискурса (*дискурс* включается в понятие *текст*, но *дискурс* и *текст* — взаимопроницающие, а не тождественные понятия) на основании следующих двух доводов. Во-первых, обращаясь к определению дискурса, мы сосредоточиваем внимание на словах «речь, „погружённая в жизнь“». Речь — это языковые средства в действии. Диктема — это элементарная единица, поставленная в положение особой информационной значимости; она универсальна: являясь репрезентантом и устного, и письменного текстов, она позволяет наблюдать и квалифицировать единицы как языка, так и речи. Во-вторых, мы считаем, что одной из функций диктемы является акцентирование внимания на определённой, важной информации. А весь блок информации (и лингвальной, и экстралингвальной) находится именно в дискурсе. По нашему мнению, *диктема* — единица этического уровня, которая в речи (по аналогии фонема — звук, морфема — морф и т. д.) реализуется *аллодиктемой* — единицей этического уровня. Выбор термина *аллодиктема* обусловлен следующим. Мы считаем, что между собой диктемы противопоставлены функционально, на основе характера заключённой в них лингвальной и экстралингвальной информации. Следовательно, между этими единицами в речи устанавливаются отношения дополнительной дистрибуции, чем и обусловлено использование форманта *алло-*. *Диктема* — это единица, имеющая полевую структуру, *ядром* которой является *информационный компонент* (слово, словосочетание, краткая фраза). На нём и делается акцент. *Околоядерную зону* формируют компоненты пропозиции, *периферию* составляют *эксплицитированные препозиционные и постпозиционные элементы*, а вся *имплицитная информация* (разные виды пресуппозиций, скрытые категории и т. д.) воздействует как на ядро, так и на периферию диктемы. Диктема может быть равна тексту (ср. текст анекдота) или быть частью его (ср. большие прозаические жанры художественной литературы), соответственно, может состоять из всех выше названных текстовых единиц.

Продемонструємо всі вищесказанне на прикладі мовної гри як одного з лінгвокреативних феноменів дискурсу. *Інтелектуальність* (P) *мене шкодила* (Q), *еще коли я займався боксом* [10, 3, с. 407]. Ядро диктеми закладено в словах *інтелектуальність мене шкодила*. Околядерну зону складає весь блок пропозицій — ‘наліччя у суб’єкта визначеної якості’, ‘володіння визначеною якістю приносить шкоду суб’єкту’, ‘хтось шкодив і шкодить суб’єкту’, ‘суб’єкт займався боксом’ і т. д. Периферія (експліцитовані препозиційні і постпозиційні елементи): позитивна оцінка, закладена в слові *інтелектуальність* (‘властивість по прикметному *інтелектуальний*’ [20, 1, с. 671], *інтелектуальний* — ‘образований, культурний’ [20, 1, с. 671]), протипоставляється наслідку, який неоправданно, на перший погляд, витікає з вказаної причини. Імпліцитна інформація: однак людський досвід, на жаль, часто показує протилежне, а саме: вихованість, висока культура і моральність стають вразливими сторонами особистості при спілкуванні з людьми, поважливими культурою грубої сили.

Ітак, *диктема* — це мінімальна мовна одиниця дискурсу, яка має полеву структуру і належить комунікативному рівню мови. В дискурсі (на етичному рівні) диктема представлена *аллодиктемою*. Вибір такої номінації обумовлено функціональною специфікою цих одиниць в дискурсі: диктеми знаходяться в відносинах додаткової дистрибуції.

1. *Бабайцева В. В.* Два підходи до дослідження одиниць синтаксису / В. В. Бабайцева // Філологічні науки. — 2007. — № 2. — С. 99—106.
2. *Бабенко Л. Г.* Філологічний аналіз тексту. Основи теорії, принципи і аспекти аналізу / Л. Г. Бабенко. — М.: Академічний проєкт; Єкатеринбург: Ділова книга, 2004. — 464 с.
3. *Блох М. Я.* Диктема в рівневій структурі мови / М. Я. Блох // Проблеми мовознавства. — 2000. — № 4. — С. 57—67.
4. *Болотнова Н. С.* Філологічний аналіз тексту: Учеб. посібник / Н. С. Болотнова. — М.: Флінта: Наука, 2007. — 520 с.
5. *Валгіна Н. С.* Теорія тексту: Учеб. посібник / Н. С. Валгіна. — М.: Логос, 2004. — 280 с.
6. *Всеволодова М. В.* О ключових проблемах категоризації тексту / М. В. Всеволодова. — Вестник Московського університету. — Сер. 9. Філологія. — 2007. — № 2. — С. 7—31.
7. *Всеволодова М. В.* Теорія функціонально-комунікативного синтаксису: Фрагмент прикладної (педагогічної) моделі мови: учебник / М. В. Всеволодова. — М.: МГУ, 2000. — 502 с.
8. *Всеволодова М.* Текст як категоріальна одиниця комунікативного рівня мови (о деяких проблемах прикладної лінгвістики) / М. Всеволодова // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць / Укл.: А. Загнітко та ін. — Донецьк: ДонНУ, 2008. — Вип. 16. — С. 245—251.
9. *Гальперин І. Р.* Текст як об’єкт лінгвістичного дослідження / І. Р. Гальперин. — М.: КомКнига, 2007. — 144 с.
10. *Довлатов С.* Збірка творів: в 4 т. / С. Довлатов. — СПб.: Азбука-класика, 2005.
11. *Дымарский М. Я.* Проблеми текстотворення і художественний текст: на матеріалі російської прози XIX—XX вв. / М. Я. Дымарский. — М.: КомКнига, 2006. — 296 с.
12. *Ільїна І. А.* Структурна варіативність тексту / І. А. Ільїна. // Журнал наукових публікацій аспірантів і докторантів. — Курск, 2007. — № 9. — Січень. — С. 138—141.
13. *Каримова Р. А.* Семантико-структурна організація тексту (на матеріалі усних спонтанних і письмових текстів) / Р. А. Каримова. — Уфа: Наука, 1991. — 140 с.
14. *Колшанский Г. В.* Комунікативна функція і структура мови / Г. В. Колшанский. — М.: КомКнига, 2005. — 176 с.
15. *Лінгвістичний енциклопедичний словар* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. енциклопедія, 1990. — 685 с.
16. *Михайлов Н. Н.* Теорія художественного тексту: Учеб. посібник / Н. Н. Михайлов. — М.: ІІЦ «Академія», 2006. — 224 с.
17. *Откупщикова М. И.* Синтаксис зв’язного тексту / М. И. Откупщикова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. — 106 с.
18. *Психонаративіка і психопоезіка: фрагменти концептуального апарату і інтерпретативних процедур* // В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокін. Введення в психопоезіку. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. — 209 с.
19. *Серкова Н. И.* Передумовки членення тексту на надфразовому рівні / Н. И. Серкова // Проблеми мовознавства. — 1978. — № 3. — С. 75—82.
20. *Словарь русского языка: в 4 т.* / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.
21. *Современный русский язык: учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис* / Под общ. ред. Л. А. Новикова. — СПб.: Изд-во «Лань», 2003. — 864 с.
22. *Чернявская В. Е.* Лінгвістика тексту: Полікодовість, інтертекстуальність, інтердискурсивність / В. Е. Чернявская. — М.: Книжний дім «ЛІБРОКОМ», 2009. — 248 с.

М. Ф. Шацька

ДИКТЕМА Є ОДИНИЦЕЮ ТЕКСТУ ЧИ ДИСКУРСУ?

У статті розглянуто *текст* і *дискурс* у просторі мовної системи, а також зроблено спробу визначити категоріальний статус такої одиниці комунікативного рівня мови, як *диктема*; описано її основні ознаки та структурні особливості.

Ключові слова: диктема, дискурс, комунікативний рівень мови, текст, текстема.

M. F. Shatskaya

DICTEME — IS IT A TEXT UNIT OR A DISCOURSE UNIT?

The paper deals with *text* and *discourse* in the language system. It also presents the attempt to define the categorical state of *dicteme* — a linguistic unit of the communicative language level; its major features and structural peculiarities are analyzed.

Key words: dicteme, discourse, communicative language level, text, texteme.

УДК 811.161.1'367'42:070.41

В. Н. АБАШИНА

**СПЕЦИФИКА ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПАРЦЕЛЛЯЦИЕЙ
(на материале газет)**

Автор проводит наблюдения над одним типом заголовочных конструкций, получающим все большее распространение в языке газетных публикаций, — над конструкциями (заголовками) с парцелляцией. Анализируются возможности таких синтаксических конструкций в процессах толкования последующего текста. Автор рассматривает создание заголовка как особый вид речевой деятельности. Высказываются соображения о перспективах дальнейшего исследования заголовков с парцелляцией.

Ключевые слова: заголовочная конструкция, парцелляция, текст, речевая деятельность, язык газеты.

Изучение заголовков имеет свою историю. Первоначально будучи ориентированным в большей степени на синтаксический подход, исследование получило новый импульс в связи с активизацией внимания к тексту, его структуре и содержанию, а затем и к его параметрам как когнитивного образования. Заголовок как текстовый знак, являющийся обязательной частью текста и имеющий в нем фиксированную позицию, получил статус сильной позиции любого текста [10, с. 59]. Не менее важным оказался анализ, проводимый в рамках получившего в последнее время широкую поддержку деятельностного направления исследования языковых фактов. Подход с теоретических позиций неизбежно дополняется размышлениями над реальной практикой языковой организации и использования заголовков, которую удобнее всего наблюдать в средствах массовой коммуникации. Языковые ресурсы средств массовой информации — тема, интересующая многих в настоящих условиях и нередко вызывающая споры. Особое внимание в газетной или журнальной публикации заслуживает заголовок, поскольку именно он является её своеобразной квинтэссенцией.

Толкование текста начинается с прочтения его заголовка, который, по словам Т. А. ван Дейка, выступает инициатором процесса понимания текста. Газетный заголовок, который знаменует собой и начало восприятия текста, и обобщение смысла этого еще не познанного текста, играет весьма существенную роль в осуществлении процесса понимания текста. Поэтому естественен вопрос о том, какую языковую форму должен иметь заголовок, чтобы он смог как можно успешнее достичь своей прагматической цели. Как известно, каких-либо общеобязательных установок по этому поводу не существует. Свидетельством тому факты публикаций в средствах массовой коммуникации. Анализ представленных в них текстов показал, что языковая форма (структура) заголовка практически не имеет ограничений: от отдельной словоформы до микротекста. И это при том, что Т. А. ван Дейк констатирует: «...категория Заголовка в тексте имеет строго определенную форму» [6, с. 252], хотя и не сопровождает сделанное заключение какими-либо комментариями. Из этого логически вытекает, что автор публикации, давая своему материалу название-заголовок, должен самостоятельно решать немалотрудную задачу выбора структурных параметров заголовка, руководствуясь стремлением, с одной стороны, избежать установившихся стереотипов, а с другой, придать публикации выразительность уже на первой стадии её организации, давая ей название.

Газетно-публицистический жанр речи, практикуемый в средствах массовой коммуникации, в значительной степени детерминирован некоторыми объективно существующими факторами. Главные из них, во-первых, установка на облегчение восприятия текста уже при первом и одноразовом его прочтении, во-вторых, эффективность воздействия на читателя. Это обусловлено, по сути дела, теми функциями, которые выполняет этот вид речи. Информативная функция rea-

лизуется за счет первого фактора, экспрессивно-воздействующая — второго. Важно заметить, что названные функции осуществляются не только через собственно текст, но и посредством его неотъемлемого структурного компонента — заголовка. Также следует принять во внимание то категориальное свойство заголовочных конструкций средств массовой коммуникации, на которое обратил внимание Х. Вайнрих: «Но почему заголовок привлекает наше внимание? Каким способом он соблазняет нас прочесть остальное? Ведь заголовок действительно обладает такой силой» [3, с. 380].

Отмеченное позволяет прийти к заключению о том, что в правильности выбора формы заголовочной конструкции уже заложена потенциальная успешность коммуникативного взаимодействия адресанта (журналиста) и адресата (потенциального читателя). Необходимо особо подчеркнуть, что в этом плане прагматическая ценность заголовка в публицистике, а именно в газете, значительно отличается от прагматики заглавий в других функциональных стилях речи, в частности в художественной речи. Трудно допустить, что Л. Н. Толстой, называя свой роман «Война и мир», в первую очередь преследовал цель привлечь к нему внимание читателей. Это было осознано С. Е. Никитиной и Н. В. Васильевой — составителями Экспериментального системного толкового словаря стилистических терминов [11], в результате чего словарь содержит две отдельные словарные статьи, где четко разграничиваются заглавие как обязательный элемент текстов, принадлежащих к художественной речи, и заголовок как конструкт газетно-публицистических публикаций. На эту специфику обращает внимание также Е. А. Земская, отмечая, что «...газетный заголовок отличается от заглавия художественного произведения, так как он соотнесен не только с текстом статьи, но и с внешним миром: этим объясняется и его большая автономность по сравнению с заглавием художественного произведения» [7, с. 167—168]. Однако идею такого последовательного разграничения разделяют не все исследователи, доказательством чему служит словарная статья в Энциклопедическом словаре-справочнике по культуре русской речи, где рассматриваемые понятия поданы как синонимические [9, с. 188].

Какой же должна быть конкретная форма заголовка, которая, по мнению автора газетной публикации, на современном этапе развития газетно-публицистического стиля речи заслуживает того, чтобы, отвечая требованиям, предъявляемым к языку средств массовой коммуникации как профессионалами-журналистами, так и требовательными по отношению к уровню языкового вкуса читателями, *стать ведущей*? Наблюдения над материалом, извлеченным из современных публикаций средств массовой коммуникации, показали, что на страницах газет достаточно регулярно стали использоваться заголовки типа: *В Мадриде было жарко. От горячих споров* (Киев. вед.); *Мадонна умеет не только петь, но и считать. Денежки* (Комс. пр.); *В Ровно стригут бесплатно. Но налысо* (Комс. пр.). Внимание к языку печатных изданий средств массовой информации много дает исследователям в плане диагностирования современной речевой практики, такие наблюдения могут даже выступать в качестве своеобразного барометра, фиксирующего происходящие в языке изменения.

Облегчить прочтение и понимание заголовка газетной публикации, придать ему дополнительную экспрессивность можно, если использовать при его организации особую синтаксическую конструкцию, известную под наименованием парцеллированной. Явление парцелляции, относящееся к нарочито экспрессивным стилистическим приемам, хорошо известно исследователям и основательно описано в грамматической и стилистической парадигмах. И неслучайно, что это явление, обладая особой экспрессивно-выделительной функцией, переместилось из газетно-публицистического дискурса, где оно зафиксировано уже достаточно давно, в заголовочные конструкции и стало занимать там устойчивые позиции: *Дом пока не рухнул, но людей отселяют. На всякий случай* (Киев. вед.); *Хотя я был Холмсом, режиссеры меня не боялись. Снимать* (Комс. пр.); *Тов. Зюганов, век бы не видеть вашего лица. Доверенного* (Комс. пр.).

Как отмечал Г. В. Колшанский, «...стратическое и таксическое построение коммуникации (как диалога, так и монолога) с соответствующей сегментацией и делимитацией текста» [8, с. 98] есть привилегия человека в использовании языка. Из этого вытекает, что анализируемые построения рождаются в процессе поиска автором газетной публикации не столько конкретного способа номинации, сколько приемлемой формы синтаксического структурирования. Такой формой оказывается та, с помощью которой наиболее важное в последующем газетном тексте можно вынести в заголовке в отдельный компонент — в парцеллят. Парцеллят, тем самым, заключает в себе содержательно значимое начало не только собственно для заголовочной конструкции, но и для текста в целом. Наглядным примером может служить опубликованная в газете «Киевские ведомости» статья, имеющая заголовок «*К Кубку. Через тернии*». В ней журналист ведёт речь о подготовке спортивной команды к важному соревнованию за престижный кубок, но не в этом заключена суть публикации. Этой подготовке всячески препятствуют различные обстоятельства, создаваемые как спортивными чиновниками, так и проблемами внутриспортивной конкуренции. И об этом, собственно, имел намерения сообщить заинтересованной общественности автор ста-

ть. Парцеллированная часть заголовочной конструкции «*Через тернии*» выполняет, таким образом, текстовую роль, поскольку именно в ней заключается наиболее важная для данного текста содержательно-фактуальная и содержательно-подтекстовая, по определению И. Р. Гальперина, информация [4, с. 27—28].

Как уже отмечалось, заголовочные конструкции, являя собой первый этап восприятия текста, задавая его тему, одновременно в сконцентрированной, обобщенной форме передают основную содержательную идею осуществляемой публикации. В силу этого свойства заголовки представляют собой, в понимании И. Р. Гальперина, имплицитную максимально сжатую содержательно-концептуальную информацию, «причем, как все сжатое, она стремится к развертыванию, распрямлению» [4, с. 134]. Характерно, что в заголовках, структурированных парцелляцией, эти функции строго закреплены за разными структурными частями. Тема текстовой публикации передается так называемой базовой частью, в то время как то, на чем делается акцент, что собственно попадает в интенциональный фокус автора и становится поводом для создания данного текста, вербально зафиксировано в отчленном отрезке. В заголовочных конструкциях с парцелляцией, таким образом, представлен весь текст, но как бы в свернутом виде, чем, безусловно, значительно облегчается его толкование. Объяснение и необходимое обоснование этому можно найти, обратившись к исследованиям в области психолингвистики, с помощью которых в последнее время весьма эффективно корректируются знания о явлениях языка и особенно речи. Так, в частности, в психолингвистике известен эксперимент по выявлению минимального инвариантного значения текста посредством выделения так называемых ключевых слов. В результате такого эксперимента получается скомпрессированный текст, в котором, по словам Л. В. Сахарного, «отражаются два момента: основная тема...и самое главное в тексте» [12, с. 111]. Этой дескрипции полностью отвечают заголовки с парцелляцией: *Низовьям Днестра угрожает наводок. Преждевременный* (Киев. вед.). В связи с этим важным оказывается мнение В. П. Григорьева, который констатировал: «...текст, вообще говоря, выступает как индивидуальная, предельно распространенная «перифраза» заглавия, заглавие в свою очередь представляет собой если не перифразу (например, в случае односложного заглавия), то некоторую, «чудовищно уплотненную» аббревиатуру текста» [5, с. 194]. Важно подчеркнуть, что отмеченное В. П. Григорьевым в значительной мере применимо к заголовочным конструкциям, обладающим рассматриваемой структурой. Что же касается заголовков типа *Опасные сюрпризы и симптомы* (Газ. 2000); *Первое невоспитанное поколение* (Нов. газ.), то эти конструкции такой потенцией наделены в значительно меньшей степени. В них, по сути дела, подается только заявка на тему обсуждения, а разрешение содержательного напряжения в заголовке не фиксируется. Вполне естественным и объяснимым в связи с этим оказывается появление так называемых подзаголовков, назначение которых и заключается в экспликации содержательной сути публикуемого текста. Такая организация заголовочных конструкций практикуется в целом ряде газет, в том числе и в «Новой газете», где за приведенным выше заголовком *Первое невоспитанное поколение* подается подзаголовок *Оно жует, галдит и болтает по телефону на занятиях и совершенно не смущается своей дикости, принимая ее за свободу*.

Признавая создание заголовка особым видом речевой деятельности, необходимо подчеркнуть, что, как и вообще речевая деятельность, этот вид организации вербального материала в речевом потоке призван быть не только целенаправленным, социально-детерминированным, но и определенным образом структурированным, а также обладающим собственными средствами осуществления (реализации). Задача структурирования газетного заголовка в свете обозначенного направления успешно решается только в том случае, когда механизмы номинации (дать название) и предикации (определить сущность коммуникативного акта) действуют совместно. При этом если механизмы номинации работают на экспликацию прагматической установки заголовка — представить в обобщенном, свернутом виде анонсируемый текст, его основное содержание, или, как упоминалось, его квинтэссенцию, то предикация неразрывно связана с процессом синтаксирования. Эти процессы управляют прежде всего созданием линейной схемы развертывания синтаксической конструкции, определяют распределение синтаксических ролей, их функциональную нагрузку при осуществлении, в частности, актуального членения. Характерно, что рассмотрение анализируемых конструкций в плане актуального членения, то есть исходя из выделения в вербальном комплексе коммуникативно-прагматических его частей, показывает, что такие синтаксические построения призваны выражать это членение собственно в эксплицитном виде. Принимая во внимание, что концептуально определяющим звеном всего аспекта актуального членения в синтаксическом смысле является его ремовыделяющая функция, ибо высказывание строится именно для того, чтобы передать информацию, приуроченную к его центральной содержательной части, то есть к реме, можно констатировать следующее. Отчленный отрезок конструкции — парцеллят всегда выступает в таком построении ремой, причём такой, которая становится как бы ремой всей публикации, всего текста. Это приводит к вычленению в таких случаях ремы в отдельный вербальный комплекс, что, в принципе, не

свойственно автоматизированному механизму построения высказывания в дискурсивной речи. Там, как известно, тема и рема обычно разграничиваются в пределах единой синтаксической конструкции. Что же касается базовой части заголовка, то здесь, отвечая универсальному языковому принципу организации вербального материала, о чем писал М. А. К. Хэллидей, констатируя: «...семиотическая система без ФПП (функциональной перспективы предложения. — В. А.) не была бы языком» [13, с. 139], выделяются и тема, и рема. Однако обозначенная в базовой части заголовочной конструкции рема, согласно интенциональной установке автора, нуждается в дальнейшей конкретизации, что и осуществляется в реме, представленной парцеллятом: *В Греции (тема) есть все (рема). Даже это (рема) (Изв.)*.

Коммуникативно-прагматические функции темы и ремы не закреплены жестко за определенными синтаксическими членами предложения. Это объясняется Н. Д. Арутюновой тем, что «устоявшиеся грамматические формы и формулы косны и «неповоротливы» и язык вынужден развивать более эластичные механизмы, чтобы компенсировать неподатливость грамматики» [2, с. 5]. Из этого вытекает, что парцеллятом-ремой может стать практически любой член синтаксической конструкции. Но в коммуникативно актуализированную позицию ремы в первую очередь выносятся компоненты синтаксической структуры, не входящие в предикативную и логическую основу предложения. Такими являются объектные и атрибутивно-обстоятельственные распространители. В составе синтаксической конструкции, построенной без парцелляции, такие компоненты не имеют достаточных условий для того, чтобы оказаться в коммуникативном фокусе без специальной, особо подчеркнутой говорящим интенциональной установки. Причиной тому — их пониженная информативная насыщенность. Повысить в коммуникативном акте свою значимость они могут лишь за счет вычленения в отдельный коммуникативно охарактеризованный компонент — рему: *Нинішнє покоління житиме без паспортів. Паперових (Експрес)*. Отмеченное свойство присуще не только синтаксическим членам простого предложения при организации синтаксической конструкции через парцелляцию, но в равной мере применимо и к частям сложного предложения. Так, известно, что придаточные условные части, как и другие части с обстоятельственной семантикой, в коммуникативной организации сложноподчиненных предложений призваны выполнять функцию темы [1]. Такая их коммуникативная роль логически объясняется тем, что в них вербализована информация о сопутствующих некоторому коммуникативно релевантному событию обстоятельствах. Эти обстоятельства представляют собой пресуппозитивную часть высказывания, а значит, в коммуникативном акте не являются самым важным. При структурировании заголовка с парцелляцией отмеченное коммуникативное свойство придаточных частей сложноподчиненного предложения принимается во внимание автором, создающим заголовочную конструкцию. Чтобы кардинально изменить их коммуникативный статус, а значит указать, что вербализованная в них информация актуальна для последующего текста, автор выводит их в позицию ремы, для синтаксического оформления которой избирается надлежащая форма — парцеллят. Следующие примеры служат наглядной иллюстрацией: *В прозрачном муслинном платье можно пойти далеко. Если милиция не остановит (Комс. пр.); Доверие к анонимным валютным счетам может подорвать парламент. Если утверждает закон... (Киев. вед.); Слоны теж плачуть. Коли залишаються без хобота (Тижд.).* Как показали проведенные наблюдения, из всех многочисленных типов придаточных частей, наделенных обстоятельственной семантикой, абсолютно преобладают в таких случаях условные придаточные части. Что же касается других структурно-семантических типов сложных предложений, то материалом для реализации рассматриваемого явления без каких-либо затруднений становятся сложносочиненные предложения, обладающие в плане актуального членения некоторым отличием: в парцеллированной части наряду с обязательно ремой эксплицитно может быть представлена и тема: *Я трижды был президентом США. И однажды — Юлием Цезарем (Комс. пр.); Роберт Де Ніро дуже сором'язливий. А Демі Мур — не дуже... (Висок. зам.)*.

Рассмотренные заголовочные конструкции нуждаются в дальнейшем изучении, поскольку представляют собой эффективную форму анонсирования текста. Содержащаяся в парцелляте информация ориентирует читателя, указывая на то в публикации, что автор считает ключевым. Внимание к ним необходимо еще и в силу того обстоятельства, что заголовочные конструкции с парцелляцией все-таки ещё недостаточно известны широкой масс-медийной общественности, о чем свидетельствует, в частности, их отсутствие в интернет-ресурсе www.zagolovki.ru на момент подготовки статьи.

В качестве заключения необходимо отметить, во-первых, то, что выбор адекватной языковой формы для заголовочной конструкции оказывается релевантным не только сам по себе, но и для успешной реализации процесса понимания текста в целом. Во-вторых, появление новых форм заголовочных конструкций в газетной публицистике и, что принципиально важно, активное их использование может быть рассмотрено с достаточной на то степенью уверенности как реальный знак происходящих в настоящее время изменений в направлениях использования языковых ресурсов.

1. *Абашина В. Н.* Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения. — Львів: ВЦ ЛНУ ім. І. Франко, 2006. — 344 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 895 с.
3. *Вайнрих Х.* Текстовая функция французского артикля / Х. Вайнрих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. — М.: Прогресс, 1978. — С. 370—387.
4. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 144 с.
5. *Григорьев В. П.* Поэтика слова / В. П. Григорьев. — М.: Наука, 1979. — 343 с.
6. *Дейк ван Т. А.* Структура новостей в прессе / Т. А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — С. 228—267.
7. *Земская Е. А.* Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. — М.: Наука, 1996. — С. 157—168.
8. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. — М.: Наука, 1990. — 108 с.
9. *Культура* русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 840 с.
10. *Лукин В. А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. — М.: «Ось-89», 1999. — 192 с.
11. *Никитина С. Е.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. — 171 с.
12. *Сахарный Л. В.* Введение в психолингвистику. Курс лекций / Л. В. Сахарный. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. — 184 с.
13. *Хэллидей М. А. К.* Место «функциональной перспективы предложения» (ФПП) в системе лингвистического описания / М. А. К. Хэллидей // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. — М.: Прогресс, 1978. — С. 138—148.

В. М. Абашина

СПЕЦИФІКА ЗАГОЛОВНИХ КОНСТРУКЦІЙ З ПАРЦЕЛЯЦІЄЮ (на матеріалі газет)

Автор проводить спостереження над одним типом заголовних конструкцій, що отримує все більше поширення в мові газетних публікацій, — над конструкціями (заголовками) з парцеляцією. Аналізуються можливості таких синтаксичних конструкцій в процесах тлумачення подальшого тексту. Автор розглядає створення заголовку як особливий вид мовленнєвої діяльності. Висловлюються міркування про перспективи подальшого дослідження заголовків з парцеляцією.

Ключові слова: заголовна конструкція, парцеляція, текст, мовленнєва діяльність, мова газети.

V. N. Abashyna

SPECIFIC NATURE OF HEADINGS WITH PARCELING CONSTRUCTIONS (on material of newspapers)

The author analyses newspaper headings with parceling constructions in the process of text interpretation. The author considers the creation of a heading as a special type of speech.

Key words: construction of heading, parceling, text, speech, language of the newspaper.

УДК 811.161.1'42-115:001.85(470+55)

Алиреза ВАЛИПУР

СТРУКТУРА ТЕКСТА В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируется влияние эстетической теории М. М. Бахтина на современную литературу и на развитие концепции интертекстуальности. Рассматривается соотношение текста с другими текстами или группами текстов в рамках диалогического единства.

Изложены результаты проводившихся в Тегеранском университете исследований по научной теме «Анализ и критическое исследование источника основных лингвистических и литературных теорий Михаила Михайловича Бахтина» (проект № 460-5009.1.9).

Ключевые слова: Бахтин, диалог, структура текста, семиотика.

Бывший президент Ирана Сейд Мохеммед Хатами, инициатор проекта «Диалог между цивилизациями» (امن‌دمت‌ي‌وگت‌فگ), полагает, что руководители всех стран могут достигнуть мира при помощи диалога. С этим нельзя не согласиться, но признать, что идеи заимствованы у М. М. Бахтина, нельзя. Учение о диалоге у М. М. Бахтина относится к художественному тек-

сту. Видимо, Хатами хотел таким образом приблизить мыслителей Ирана к теориям российских учёных.

М. М. Бахтин пишет о тесной связи между текстом и его культурным и идеологическим фоном. Заметим, что некоторые мыслители под понятие «идеология», в первую очередь, подводят систему определяющих мировоззрение человека ценностей и идей и лишь во вторую — те факторы, которые эту систему обуславливают. Однако мы считаем необходимым различать «идеологическое» и «идейное», что, как нам кажется, будет оправдано ввиду последующих рассуждений.

Теория диалога в тексте бурно развивалась в течение последних пятидесяти лет. Она оказала большую помощь в установлении отношений и связей литературных текстов с другими текстами или группами других текстов. Сегодня мы знаем, что каждый текст связан в диалоге с другими текстами. Текст появляется как место обмена между многократными голосами, обусловленными различными социальными учреждениями сообщества.

М. М. Бахтин впервые заговорил о диалоге в глубинной полости слова и текста: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу. Подчеркиваем, что этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями), а не механический контакт «оппозиций», возможный только в пределах одного текста (но не текста и контекстов) между абстрактными элементами (*знаками* внутри текста) и необходимый только на первом этапе понимания (понимания значения, а не смысла)» [2, с. 385]. Таким образом, любой текст, с учётом идей интертекстуальности, включает в себя бесконечное поле иных текстов, которые могут быть с ним соотнесены в рамках некоторой смысловой сферы.

На основе философии Михаила Бахтина построена теория межсмысловой структуры. По определению некоторых лингвистов, каждый текст можно рассматривать как главную форму межискусства или межтекста. Исходя из этого, любое произведение искусства не появляется из небытия, а взаимодействует и перекликается с другими, ранее созданными текстами. Парадоксальным образом само понятие «текст» становится поводом к непреодолимому противоречию, при котором выбор темы, идеи и формы препятствует возможности его написания.

В языкознании XIX века считалось, что коммуникативная функция языка не является первостепенной, первичной признавалась «функция независимого от общения становления мысли» (теория В. Гумбольдта). Если и учитывалась роль собеседника, то лишь как пассивного слушателя. Сегодня это мнение уже не так популярно, структура текста рассматривается как один из критических вопросов современной лингвистики. Тексты не появляются изолированно от других текстов. Иными словами, текст не является закрытой системой — он вовлекается в диалог и находится во взаимосвязи с другими текстами.

Некоторые критики считают, что большое влияние на развитие теоретических основ текста оказала книга Юлии Кристевой «Семиотика», в которой исследовательница рассмотрела использование гротеска в произведении «Петит Джен де Саинт» с целью проанализировать структуру интертекстуальности в данном романе [4, с. 67]. В результате стало понятно, что многочисленные нити, связывающие текст с другими текстами, отражают не факты их влияния друг на друга, а скорее демонстрируют бесконечное множество индексов, делающих текст значимым.

В литературной теории понятие смысловой структуры часто связывают с французскими структуралистами. Для них смысловая структура — «способ организации текста, построенного из составляющих элементов согласно определённым литературным соглашениям и кодексам. Эти факты могут производить иллюзию действительности, но не имеют никакой ценности правды, даже не соотносятся непосредственно с действительностью, существующей вне литературной системы» [10, с. 301]. Совершенно справедливо можно утверждать, что достижения таких французских теоретиков, как Юлия Кристева и Цветан Тодоров, являются самыми важными в расширении этой концепции. Цветан Тодоров считает, что М. Бахтин является самым крупным мыслителем в области гуманитарных наук во времена существования Советского Союза, а также самым крупным теоретиком в сфере литературы XX века [11, с. 93].

Некоторые ученые, работающие в области теории текста, считают, что тексты существуют, чтобы выступать как элементы строительства других текстов. Согласно Ю. Кристевой, чистый текст не существует, а новый текст, который автор пытается создать, происходит из его предыдущих чтений и заимствован из других текстов. Новый текст поэтому становится «перестановкой предыдущих, которые взаимно пересекают и нейтрализуют друг друга» [9, с. 34]. Подобно М. Бахтину, Ю. Кристева утверждает, что все тексты культурно и идеологически обусловлены. В этом отношении тексты не существуют в изоляции, а пересекаются друг с другом, так как они происходят из тех же самых текстовых и культурных условий и состояний. Текст не линия слов, имеющих единственное, отдельное теологическое значение. Ни один из них не является оригиналом. Текст — это ткань из цитат, извлечённых из бесчисленных источников культуры. Автор может только подражать жесту, который никогда не является оригиналом. Его единственная власть состоит в том, чтобы смешивать тексты и противопоставлять один другому

таким образом, чтобы никогда не опираться на любой из них. Значение текста не является раз и навсегда установленной данностью, но постоянно переосмысливается во взаимодействии традиции и новации, авторской интенции и читательского отклика.

Диалоговые и монологические эпизоды произведений используются для выяснения философских и идеологических позиций в тексте. Потому правильное понимание диалога может улучшить восприятие как на уровне отдельного индивидуума, так и на уровне коллектива. Как читатели, мы можем обратить больше внимания на структурные связи, используемые автором для определённых целей. Цель скрытого или явного использования диалога в художественном тексте состоит в том, чтобы объяснить процесс, позволяющий воспринимать любой текст как ассимиляцию и преобразование другого текста или группы других текстов.

В этом межтекстовом пространстве читатель занимает важное место, поскольку он осмысливает текст с точки зрения ожиданий, сформированных им из предыдущих прочтений. Это означает, что нет такого текста, который существовал бы в изоляции, но все тексты — межтекстовые, связанные друг с другом.

Каждое слово расширяет и оживляет историю. Мы можем создать формулу для точного описания цитаты в тексте: полная история повтора цитаты каждого слова равняется количеству интертекстуальности. Но поскольку мы не можем определить историю цитаты, наша искусственно выведенная формула бесполезна.

Таким образом, текст становится местом, где встречаются многократные голоса и взаимодействуют различные писания. Текст характеризуется Бартесом как беспорядочный словарь, где слова фиксируются в последовательности подписей и признаков, которые автор должен уважать. По мнению Бартеса, экспресс-информация происходит не от самого автора, а от лингвистической и культурной системы. Ученый считает, что нет творца текста, поэтому он снижает роль автора до сборщика и организатора уже существующих форм в пределах специфической лингвистической системы. Эта идея ведёт к смерти автора и рождению межсмысловой структуры.

Гарольд Блум, известный исследованиями по интертекстуальности, в теории под названием «влияние беспокойства» доказывает, что каждый поэт страдает от беспокойства, вызванного чувством своего появления после поэтов-предшественников. В этом смысле отношения между поэтом и литературной традицией определяются как антагонистические. Чувство беспокойства, которое характеризует отношения между новыми и старыми поэтами, приводит к тому, что художник заимствует, ассимилирует, даёт иное толкование, переоценивает и пересматривает работы, написанные ранее. Блум верит, что эти действия совершаются поэтами, чтобы возвыситься над беспокойством влияния предшественников и преодолеть чувство запоздалости. Понятие сопротивления и борьбы против влияния предшественников подразумевает неизбежное присутствие последних в текстах, произведенных новыми поэтами. Индивидуальное измерение играет существенную роль в теории Блума. Он описывает традиционную историю поэзии как борьбу творческих людей. По мнению ученого, интертекстуальная структура связана не с отношениями, которые существуют между текстами, а скорее, с принципами, которые вызывают новый образ в тексте [8, с. 117].

Сегодня интерес к уточнению сущности текста и диалога актуален и для лингвистики. Тексты не имеют отдельного теологического значения, поскольку ни один из них не является первичным. Все они — смесь с другими текстами. Автор может только подражать жесту, который никогда не является оригинальным. Поэтому нельзя не согласиться с идеей М. М. Бахтина о том, что «монологизованное творческое сознание часто объединяет и персонифицирует чужие слова, ставшие анонимными чужие голоса в особые символы: «голос самой жизни», «голос природы», «голос народа», «голос Бога» и т. п.», однако «роль в этом процессе *авторитетного слова*, которое обычно не утрачивает своего носителя, не становится анонимным» [2, с. 387].

М. Бахтин полагает, что каждое слово направлено к ответу и не может избежать глубокого влияния отвечающего слова. Безусловно, теория о диалогической сущности текста помогает читателям углубить понимание художественного произведения. Поэтому можно предложить всем мыслителям в области культуры и литературы, чтобы они изменили направление изучения от парадигмы структурализма к постструктурализму — к диалогу и полифону.

1. *Аверинцев С. С.* М. М. Бахтин как философ: Сб. статей / Рос. академия наук, Институт философии / С. С. Аверинцев. — М.: Наука, 1992. — С. 111—115.

2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Худож. лит., 1979. — 412 с.

3. *Лотман Ю. М.* Заметки о структуре художественного текста: 1. О двуступенчатости исследовательских моделей художественного текста; 2. О принципах художественной фантастики / Ю. М. Лотман // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. — 1971. — Вып. 284. — С. 281—287.

4. *Graham A.* A poetics of conflict, Harvester Wheatsheaf, Hemel Hempstead / Allen Graham, Harold Bloom. — London: Gardiner; SAGE, 1994.

5. *Арнольд И. В.* Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд. — СПб.: СПбГУ; Просвещение, 1999.

6. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. — Л., 1929. (Eng. trans.: *Bakhtin M. M.* Problems of Dostoyevsky's Poetics. — М.: Progress, 1973).
7. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М.: Худож. лит., 1979.
8. *Bloom H.* The Anxiety of Influence: a theory of poetry / Harold Bloom. — Oxford: Oxford University Press, 1973.
9. *Kristeva J.* Word, Dialogue and the Novel. In *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art* / [Edited by Leon Roudiez; translated by Thomas Gora, Alice Jardine and Leon Roudiez] / Julia Kristeva. — New York: Columbia University Press, 1980.
10. *Пальчик Ю. В.* Взаимодействие эпических жанров в прозе Виктора Пелевина: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 — русская литература / Ю. В. Пальчик. — Самара, 2003. — 181 с.
11. *Todorov T.* Mikhail Bakhtin: The Dialogical Principle / Tzvetan Todorov. — University of Minnesota Press, 2002.

Аліреза Валіпур

СТРУКТУРА ТЕКСТУ В ДІАЛОГІЧНОМУ ПРОСТОРІ

У статті аналізується вплив естетичної теорії М. М. Бахтіна на сучасну літературу та на розвиток концепції інтертекстуальності. Розглянуто співвідношення тексту з іншими текстами або групами текстів у рамках діалогічної єдності.

Викладені у статті положення є результатом досліджень, що фінансувалися Тегеранським університетом і проводилися в ньому, з наукової теми «Аналіз і критичне дослідження джерела основних лінгвістичних і літературних теорій Михайла Михайловича Бахтіна» (проект № 460-5009.1.9).

Ключові слова: Бахтін, діалог, структура тексту, семіотика.

Alireza Valipour

STRUCTURE OF TEXT IN DIALOGICAL SPACE

The influence of M. M. Bakhtin's esthetic theory on development of intertextual conception in contemporary literature is analyzed in the article. Correlation of any text with other texts and combinations of texts is represented in borders of dialogical units.

The author represents the results of the research plan "Analysis and critical research of the source of the fundamental linguistic and literary theories of Michael Mikhailovich Bakhtin" (project № 460-5009.1.9), financed by the University of Tehran.

Key words: Bakhtin, dialogue, structure of text, semiotics.

УДК 811.161.1'367.334

И. И. МЕНЬШИКОВ

ЭЛЛИПСИС В РЕСПОНСИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Эллиптические конструкции в речи — нормативное и широко распространённое явление, особенно характерное в системе респонсивных предложений, представляющих собой лингвистические фигуры, содержащие вербальную реакцию участника акта коммуникации на заданный ему вопрос. Характер же и степень неполноты соответствующих предложений предопределён типом респонсива, если этот респонсив содержателен, а восполнение образовавшихся в нём семантических и структурных лакун в общем случае осуществляется в зависимости не столько от формы и лексики вопроса, сколько от ситуации общения, а также от прагматических установок лица, владеющего или не владеющего запрашиваемой у него информацией.

Ключевые слова: эллиipsis, респонсивное предложение, содержательный респонсив, прагматическая установка.

Предложение как конструкт и предложение как реальную единицу речи можно противопоставить друг другу по целому ряду их структурных и функциональных параметров, но главное, чем эти единицы принципиально различаются в субстанциональном плане, — это, на наш взгляд, синтаксический статус их редуцированных вариаций, возможность и пределы эллиптирования соответствующих конструкций. Так, речевая цепь *Студенты успешно сдали все экзамены* и такие её редукции, как *Студенты успешно сдали экзамены*; *Студенты сдали все экзамены* и *Студенты сдали экзамены*, могут быть квалифицированы и в качестве единиц языка, и в качестве единиц речи. Эллиптированные же конструкции типа *Студенты сдали*;

Успешно сдали; Сдали экзамены; Студенты успешно; Успешно все и т. п. сами по себе предложениями как языковыми единицами не являются, но в речи функционировать могут и на метаязыковом уровне определяются как неполные предложения.

Эллипсис в речевой цепи, а особенно в диалоге, зачастую не только предпочтительнее нередуцированным конструкциям, но и обязателен в качестве стилистической, по крайней мере, нормы, и вряд ли на такой, скажем, вопрос, как *А кого это ты вчера вечером так долго ждал, сидя рядом с нашим вахтёром на картонной коробке из-под бананов?*, последует ответ типа *А это я вчера вечером так долго ждал, сидя рядом с нашим вахтёром на картонной коробке из-под бананов, свою жену*. Скорее всего можно будет услышать что-нибудь вроде *Свою жену; Никого или А тебе какое дело?*

Обычно эллипсис толкуется как некая лакуна, недостающее место в тексте. В словаре О. С. Ахмановой, например, это пропуск (выкидка) элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации [1, с. 525], и В. Д. Стариченок определяет эллипсис как пропуск в речи слов, которые легко подразумеваются или восстанавливаются из контекста, определённой речевой ситуации [8, с. 708-709]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре эллипсис тоже толкуется как пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, но это ещё и структурная неполнота синтаксической конструкции [2, с. 592]. Есть и иные элементы. По А. М. Ломову, например, эллипсис — это явление речевой редукции формального элемента высказывания с опорой на зависящие от него словоформы, благодаря которым его содержание легко восстанавливается нашим сознанием. И иллюстрация: *Здесь проходила в беличьей шубке* [3, с. 409]. Ю. А. Бельчиков же толкует эллипсис как стилистическую фигуру, характеризующуюся тем, что один из компонентов высказывания в речи не упоминается, опускается с целью придать тексту большую динамичность, выразительность. Иллюстрации: *Ему он говорит одно, а мне — другое; Петрову — пять, а Иванову — три* [7, с. 404]. Суть, однако, везде одна и та же, и под эллипсисом понимается нечто в силу тех или иных причин не сказанное, но домысливаемое в соответствующих коммуникативных обстоятельствах с той или иной степенью адекватности. Здесь и семантика, и структура, и стилистика.

Непререкаемой нормой является эллипсис в системах **вопрос — ответ**, что вполне закономерно не только потому, что в соответствующих конструкциях какие-то свои отношения между их компонентами [5], во многом предопределяющие редуцированный характер ответа, но и в силу того, что уже сама формулировка вопроса, коммуникативным заданием которого является, как замечает Е. А. Брызгунова, выяснение неизвестного [6, с. 397], предполагает актуализацию той, а зачастую только той части ответа, которая даёт/не даёт возможность как-то определиться с этим неизвестным. Значит, и весь ответ может состоять и, как правило, состоит лишь из актуализированного фрагмента соответствующих ответных, как их называет О. С. Ахманова, предложений и реплик, определяемых предыдущим членом сверхфразового единства [1, с. 298]. Приведём простой пример.

Коммуникативное задание вопросительного предложения *Ты закончил ремонт?* может состоять не только в том, чтобы выяснить, завершён ли ремонт, скажем, квартиры, но и в том, например, чтобы узнать, кем закончен ремонт. И именно характер соответствующего коммуникативного задания, прагматическая установка спрашивающего обусловит ту или иную серию ответов, а также степень их редукции. Приемлемы, в частности, ответные предложения типа *Закончил; Не закончил; Ещё нет; А как же* или *Я; Не я; А кто же* и т. п. Ни *Да*, ни *Нет* в качестве ответов ни при какой из двух указанных целевых установок приняты быть не могут, поскольку такого рода респонсивы не дадут спрашивающему нужной информации. Останутся в неведении спрашивающий и при неэллиптированном ответе *Я закончил ремонт*, если интонационно или каким-либо иным способом не выделены его фрагменты *я* или *закончил*, не говоря уже о том, что реакцией на заданный вопрос может быть и что-нибудь вроде *А как ты думаешь? Спрашиваешь; Ну вот; Не твоё дело* и т. п.

Ответное предложение, таким образом, может и не оказаться собственно ответом, поэтому мы в такого рода ситуации предпочитаем использовать термины *респонсив* и *респонсивное предложение* (от английского слова *response*, означающего ответ, ответное чувство, отклик, реакция и синонимичного словам *answer* и *reply* в их первом значении) и соотносим эти термины, естественно, только с вопросительными предложениями в их первичной функции.

Респонсивные предложения имеют свою типологию [4] и подразделяются на функционирующие, т. е. так или иначе отвечающие на поставленный вопрос, и нефункционирующие, игнорирующие целевую установку собеседника. Функционирующий респонсив может в свою очередь быть формальным, не привязанным к лексике вопроса (*Да; Конечно; Нет; Ни в коем случае* и под.), и содержательным, наполненным лексикой, связанной с предметным знанием и отражающей всё разнообразие реальных коммуникативных ситуаций. Редукция именно содержательного респонсива — явление чрезвычайно интересное и лингвистически значимое как в силу обилия в респонсивных предложениях самых разнообразных конструкций с тем или иным эллипсисом, так и в силу того, что эллипс, в системе **вопрос — ответ**, как правило, связан

с определённой модификацией речевой цепи, в том числе и такой, которая репрезентирует суть респонсива как особого типа предложения со своими функциями и своей коммуникативной установкой.

По характеру лексического наполнения содержательный респонсив можно подразделить на три основных типа: тавтологический, эвристический и латентный. Первый из них строится на базе только предметной лексики вопроса (*— Ты купил билеты? — Купил*) и представляет собой в общем случае контекстуально неполное предложение. Второй, будучи тоже контекстуально неполным предложением, отличается от первого тем, что включает в себя новую предметную лексику, вводимую отвечающим и обязательно соотносящуюся с характером вопроса (*— Кто эта женщина? — Моя сестра*). Лексика латентного респонсива может быть не только новой, но и вообще формально не соотносящейся с лексикой вопроса. Так, например, на вопрос *Включить вентилятор?* могут последовать ответы типа *Обойдёмся; Мне не жарко; Делать тебе нечего* (скрыт отрицательный ответ) или *А как же; Давно пора; Ты и сам бы мог догадаться* (неявный положительный ответ), т. е. латентные аналоги респонсивов *Нет* или *Да*, которые могут оказаться вербальной реакцией на вопрос практически о чём угодно. При этом соответствующие предложения далеко не всегда представляют собой эллиптированные, во всяком случае структурно эллиптированные, конструкции, и это вносит определённую интригу в проблему редуцирования респонсивных предложений вообще, не только латентных, но вслед за ними эвристических (*— Что ты делал сегодня на вокзале? — Я нашего шефа в Киев привожал*) и даже тавтологических, например, в таком диалоге: *— Как ты думаешь, уже светает? — Светает*. Рассмотрим подробнее наиболее типичные варианты эллипсиса в каждом из указанных типов респонсива.

Итак, обычная коммуникативная ситуация, и задан, скажем, уже прозвучавший выше вопрос *Ты закончил ремонт?*, в котором может быть актуализирована любая его часть.

При тавтологической реакции на поставленный вопрос эллипсис, по-видимому, просто необходим, поскольку ответ типа *Я закончил ремонт* явно или неявно будет скрывать какую-то недоговорку, претензию, намёк, может быть, даже и раздражение со стороны чем-то неудовлетворённого исполнителя работы. При этом и формальный респонсив типа *Да* или *Нет* тоже, как уже было отмечено, может не дать спрашивающему нужной информации. Функциональной нормой будут здесь скорее всего только две эллиптированные синтаксические фигуры: 1) минимальная конструкция без дополнительной лексики (*Закончил / Не закончил; Я / Не я*) или с таковой (*Закончил и уже мебель расставил; Конечно же я*) и 2) конструкция расширенная, тоже без дополнения (*Ремонт закончен; Не я закончил*) или с дополнением (*Ремонт закончится ещё нескоро; Не мог я один закончить*). На подобного рода вопросы возможны, разумеется, и ответы, вообще не включающие в себя лексику нашего вопросительного предложения. Но это уже будет и иной тип рассматриваемого нами содержательного респонсива, т. е. эвристический или же латентный.

Самый простой и, пожалуй, наиболее распространённый тип эллиптированного эвристического респонсива — это прямой ответ, затребованный частновопросительным предложением, да ещё и с вопросительными словами типа *что, где, когда*, своего рода анафорическим компонентом вопроса. И тут те же варианты редуцированных конструкций, что и в тавтологическом респонсивном предложении. На вопрос *Когда ты вернёшься?* могут прозвучать ответы *Завтра; Ещё сегодня; Вернусь завтра; Постараюсь вернуться сегодня*. Лексика вопроса при этом, в отличие от тавтологического респонсива, в котором невозможен абсолютный эллипсис, зачастую вообще не воспроизводится, а если и воспроизводится, то лишь частично, без вопросительного слова. Вся нужная спрашивающему информация содержится, как правило, только в том, что непосредственно соотносится с соответствующим вопросительным словом или каким-то иным antecedентом. На уровне же синтаксиса соотнести с указанными компонентами вопросительного предложения можно, по-видимому, любые конструкции, и на вопрос о времени возвращения ответом в рамках эвристического респонсива вполне возможно и такое полное предложение: *Это будет очень скоро*, — а в латентной форме ответ в виде полного предложение может прозвучать и иначе: *Я больше не доставлю тебе этого удовольствия*. Таким образом, эллипсис в эвристическом респонсиве — фигура преимущественно (если не сугубо) семантическая, факультативная в качестве составляющей плана выражения. Та же в этом плане, но, пожалуй, ещё чётче выраженная ситуация в латентном респонсивном предложении с очень широким диапазоном средств и возможностей у отвечающего завуалировать свой ответ, будь он положительным или отрицательным, наводящим или саботирующим, а у спрашивающего так или иначе интерпретировать полученное сообщение. И вот несколько иллюстраций.

— Твой компьютер в порядке? — Я только что закончил свою работу или *— Мастер в нём ещё копается*.

— Шеф ещё у себя? — Просил подождать или *— Сигнализация отключена*.

— У тебя денег много? — Могу одолжить или *— Много денег не бывает*.

— Вы к кому? — Слышал, что шеф ищет себе водителя или *— Вас это не касается*.

— *Нам изверг уже на работе? — Это ты о шефе? или — Считайте, что я вас не слышал.*
— *Что же ты ему ответил? — А ты будто не догадываешься или — А что бы ответил ты?*

Для всех приведённых нами и подобных им латентных респонсивов характерна в силу наличия в них семантического эллипсиса некая неопределённость их смыслового содержания. Точно не выяснено, в рабочем ли состоянии компьютер, у себя ли шеф, много ли у отвечающего денег и т. д. Что же касается структурной неполноты ответных предложений и реплик, то соответствующий эллипсис здесь по существу ничем не затребован, а значит, факультативен и связан, надо полагать, только с характером запрашиваемой информации, а также с тем, что отвечающий считает нужным или возможным сообщить спрашивающему и, в определённой мере, каковы у каждого из них соответствующие лингвистические и социальные предпочтения.

Семантический эллипсис — это общий параметр всех респонсивных предложений, как, впрочем, и любых иных составляющих диалогической речи. Эллипсис структурный в системах **вопрос — ответ** избирателен. Так, в тавтологических респонсивах он нормативен, в ряде ситуаций даже обязателен, но не может быть абсолютным. В эвристических респонсивных предложениях коммуникативно значима главным образом новая предметная лексика. Структурный эллипсис в них вплоть до исключения всех знаменательных слов вопроса тоже нормативен, но обязателен касательно лишь отдельных компонентов вербальной реакции. Лексика латентного респонсива вообще может быть не связанной с лексикой вопроса, а структурный эллипсис в нём сугубо прагматичен и, соответственно, факультативен, как и в любом предложении с каким-то иным коммуникативным заданием.

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 608 с.
2. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 685 с.
3. *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 414 с.
4. *Меньшиков И. И.* Типология респонсивных предложений в современном русском языке (к постановке вопроса) / И. И. Меньшиков // *Вісник Дніпропетр. ун-ту.* — 2010. — Вип. 16. — № 11. — С. 221—230.
5. *Половинко Е. А.* Типы отношений между репликами вопросно-ответных конструкций / Е. А. Половинко // *Вісник Дніпропетр. ун-ту.* — 2007. — Вип. — 10. — № 4/1. — С. 238—244.
6. *Русская грамматика:* в 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — Т. 2. — 710 с.
7. *Русский язык.* Энциклопедия / Под ред. Ф. П. Филина. — М.: Сов. энцикл., 1979. — 432 с.
8. *Стариченок В. Д.* Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 811 с.

I. I. Меншиков

ЕЛІПСИС У РЕСПОНСИВНИХ РЕЧЕННЯХ СУЧАСНОЇ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

Еліптичні конструкції в мовленні — нормативне й широко розповсюджене явище, особливо характерне системи респонсивних речень, які являють собою лінгвістичні фігури, що репрезентують вербальну реакцію учасника комунікативного акту на поставлене йому запитання. Характер і ступінь неповноти відповідних речень визначаються типом респонсива, якщо він є змістовним, а заповнення лакун, які утворилися в ньому, залежить не стільки від форми й лексики питання, скільки від ситуації спілкування та прагматичних установок особи, яка володіє або не володіє потрібною інформацією.

Ключові слова: еліпсис, респонсивне речення, змістовний респонсив, прагматична установка.

I. I. Menshikov

ELLIPSIS IN RESPONSIVE SENTENCES IN CONTEMPORARY RUSSIAN

Ellipsis speech constructions are normative and widespread phenomenon typical for responsive sentence system. The character and degree of non-completeness are defined by the type of the responsive. The completion of semantic and structural lacunas depends on the situation of communication and pragmatic purpose of the person who owns or does not own the information demanded.

Key words: ellipsis, responsive sentence, meaningful responsive, pragmatic purpose.

А. М. ПРИХОДЬКО, О. А. ЛИМАРЕНКО

СИНТАКСИЧНА ДЕРИВАЦІЯ В КОНТРАДИКТОРНОМУ РЕЧЕННІ: ІНТЕНСИВНИЙ ТИП

У статті описано синтаксичні процеси інтенсивної деривації контрадикторного речення сучасної англійської мови. З'ясовано функціонально-когнітивну природу кожного з різновидів спрощення поверхневої структури речення, також встановлено частотність їхнього вживання щодо семантичних типів КР.

Ключові слова: контрадикторне речення, протиставний паратак西斯, допустовий гіпотак西斯, спрощення, кумуляція, сепаратизація, англійська мова.

Об'єктом уваги цієї статті виступає контрадикторне речення (КР) сучасної англійської мови, функціональне призначення якого полягає у втіленні суперечливих суджень, що фіксують порушення зв'язків, відношень і смислів у позамовному світі. Предметом аналізу є синтаксичні процеси деривації КР за патерном інтенсивності, що зумовлюють основну мету статті — з'ясування шляхів і способів спрощення структурно-семантичної організації КР.

Синтаксична деривація — це трансформаційно зумовлена похідність одних синтаксичних одиниць від інших (ядерних), ізоморфізм вихідної та похідної конструкцій [1: 225, 2: 28, 3: 113, 4: 15], за якими стоять ідентичні денотативні ситуації, але несхожі формально-граматичні структури, бо останні відбивають різні “пакувальні” техніки для відтворення певного пропозиційного змісту.

Результатом дериваційного процесу спрощення є вилучення певного конструктивного ланцюжку з поверхневої структури речення. До цього процесу належать власне спрощення (еліпсис, редукція, компресія, асиндезація), синкретизація (контамінація, субституція) і парцеляція. На думку А. С. Кібріка, перші дві групи є кумулятивною модифікацією структури речення, остання (парцеляція) — сепаратною [3: 114]. В екстраполяції на КР, яке маніфестується протиставним паратак西斯ом і допустовим гіпотак西斯ом, кумулятивними техніками є еліпсис, асиндезація, компресія, а сепаратними — парцеляція.

Нижче наведено дані щодо кількісного співвідношення типів інтенсивної модифікації контрадикторного речення в сучасній англійській мові (табл. 1).

Продуктивність процесів спрощення КР сучасної англійської мови

Таблиця 1

Типи спрощення \ Типи КР	Протиставні ССР		Допустові ССР		Разом	
	Число	Відсоток	Число	Відсоток	Число	Відсоток
Еліпсис	570	40 %	477	65 %	1047	49 %
Асиндезація	71	5 %	—	—	71	3 %
Компресія	257	18 %	90	12 %	347	16 %
Парцеляція	526	37 %	167	23 %	693	32 %
Разом	1424	66 %	734	34 %	2158	100 %
		100 %		100 %		

Еліпс/ис (Ø) є “синтаксичною універсалією, що базується на операції скорочення компонентів речення в межах загальної тенденції до спрощення мовленнєвих повідомлень” [5: 67]. Таке скорочення полягає в опущенні конструктивно повторюваних компонентів [6—10]. У КР можна виділити прогресивний (постпозиція “усіченої” клаузи відносно повноскладової), регресивний (препозиція еліпсованої клаузи) і паралельний еліпсиси (в обох клаузах) (див. табл. 2).

Прогресивний еліпсис переважає в паратак西斯них КР (79%), де значущим є одномісний еліпс, пов'язаний з пропуском підмета у правому кон'юнкті. У таких КР повідомляється про суперечливий стан того самого суб'єкта (1) або його вчинків (2). Пор.: (1) She was in her mid-thirties but Ø appeared to be older /P. Walker/; (2) He divides me, yet Ø needs me united /Ch. Eagle/. При двомісному еліпсі перевага віддається опущенню предиката і його компонента, вже представлених у лівому кон'юнкті: (3) I don't know how we're going to beat'em, but we will Ø Ø /Ch. Eagle/. Зрозуміло, що еліпсис тут викликаний необхідністю усунення

ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ, ТЕКСТИКИ, ДИСКУРСОЛОГІЇ

рекурентності, оскільки повтор дії та її пацієнса був би ергономічно недоцільним і стилістично зайвим.

Таблиця 2

Продуктивність позиційних типів еліпсису в КР

Типи еліпсису	Протиставні ССР		Допустові СПР		Разом	
	Кількість	Відсоток	Кількість	Відсоток	Кількість	Відсоток
Прогресивний	449	79 %	371	78 %	820	78 %
Регресивний	47	8 %	102	21 %	149	14 %
Паралельний	74	13 %	4	1 %	78	8 %
Разом	570	54 %	477	46 %	1047	100 %

Одномісний еліпсис підмета характерний і для протиставних КР, у яких протиставлення фокусується на предикатах або на їхніх обов'язкових актантах, що вказують на компенсаційні відношення між першою та другою клаузами протилежної аксіології: (4) *Police have no suspects, but ∅ do have clues* /P. Walker/. Якщо ж таке КР повідомляє про несхожі властивості суб'єкта, то використовується двомісний еліпсис, який знімає необхідність повтору підмета й дієсловозв'язки у другій клаузі: (5) *He felt smooth, but ∅ ∅ like a rock at the same time* /P. Lee/.

Решта паратаксісних типів вирізняється більшим розмаїттям номенклатури елементів, що опускаються. Частіше за все «нульові місця» фіксуються у другому кон'юнкції лімітативно-протиставних складносурядних речень (ССР), де може зустрічатися навіть чотиримісний еліпсис: (6) *You can thank Haddo, yet ∅ ∅ ∅ another time* /M. Brenner/. Збільшення кількості опущених членів пов'язано з прагненням до емпатизації протиріччя, яка уможливується, з одного боку, максимальним звільненням реченнєвої матерії від тих елементів, які вже відіграли свою інформативну роль у першому кон'юнкції, а з іншого, — акцентуванням елементів, що вказують на причину або обставини, які перешкодили здійсненню дії у лівому кон'юнкції.

Еліптовані КР з контрастивно- і корективно-протиставними відношеннями, незважаючи на низьку частотність й обмежену можливість елімінації (1—2 елементи), не виявляють будь-яких переваг щодо кількості та якості елімінованих компонентів: (7) *'He'll know who it's from.'* *The secretary, however, didn't ∅ ∅* /Ch. Eagle/. Експлікованими залишаються лише ті елементи, які містять інформацію щодо суперечливого стану речей.

Прогресивний еліпсис є дуже продуктивним і серед допустових складнопідрядних речень (СПР) (78 %), де він трапляється насамперед у постпозитивній підрядній клаузі та не виявляє вибірковості щодо типу допустового СПР, а розподіляється між ними рівномірно. Пор.: (8) *She was a sensuous woman, although ∅ ∅ unaware of her sensuality* /E. Savin/. Як і у випадку з паратаксісом, тут має місце пропуск одного або двох реченнєвих компонентів (підмета і/або дієслівної зв'язки), бо саме вони виявляються найменш інформативними для конституювання протиріччя.

Регресивний еліпсис є серед КР менш поширеним (14 %). Він зустрічається серед КР з власне- і корективно-протиставними відношеннями, ліва частина яких не супротивиться парному опущенню підмета і допоміжної частини присудка: (9) *I'm trying to think of an effective suicide. ∅ ∅ Not the kind where your body dies. On the contrary, I want my body to go on and live a very long, successful, and rewarding life* /P. Juser/. Внаслідок регресивного опущення відбувається анафорична відсилка до попереднього блоку інформації. Унікаючи в такий спосіб повтору певних елементів, мовцю вдається привернути увагу саме до тієї інформації, що є, на його думку, хибною. У правому кон'юнкції він пропонує альтернативу сказаному раніше, яка на тлі певної новизни інформації, що подається, оформляється повноскладовою клаузою.

У СПР регресивний еліпсис зустрічається, порівняно з ССР, значно частіше (21%: 8%). Він тяжіє до власне- (10), рідше — узагальнено-допустових (11) КР, де у підрядній частині може опускатися не лише підмет, але й предикат з його правосторонніми актантами. Пор.: (10) *Though ∅ ∅ nervous of what might develop, she had a polish which had been hard-won* /Ch. Eagle/; (11) *Whenever I could ∅ ∅ ∅, I slipped away to the mountains* /Ch. Eagle/.

Паралельний еліпсис найменш продуктивний серед КР (8 %). Його особливістю є неможливість ані анафоричної, ані катафоричної відсилки до внутрішньореченнєвої інформації. Цей еліпсис характеризується ізоморфізмом елементів, що опускаються, кількість яких варіюється від одного до чотирьох. Проте найтипівіший його вияв — двомісний еліпсис в обох клаузах: (12) *Good God, she was alive. ∅ ∅ Hurt badly, but still ∅ ∅ breathing* /P. Walker/. У рідких випадках можливе й повне опущення елементів предикативного ядра: (13) *People want to read something cheerful, upbeat. — ∅ ∅ ∅ ∅ Upbeat, sure. ∅ ∅ ∅ ∅ Cheerful, maybe — but also ∅ ∅ ∅ ∅ real* /P. Walker/.

Паралельний еліпсис трапляється серед усіх типів протиставних речень з незначною перевагою у власне- (12) й компенсаційно-протиставних (13). Іноді він використовується і в допустових СПР. Зокрема, у (14) *Who was this? — ∅ ∅ Some writer. ∅ ∅ Not like you, though /P. Walker/* опущено підмет і дієслово-зв'язка, а експліковано тільки елементи, що підкреслюють когнітивний дисонанс між частинами СПР, де задля уникнення інформативно зайвого повторення якраз і використовується паралельний еліпсис.

Асиндезація — інший різновид еліпсису, специфіка якого полягає в опущенні сполучного засобу (релятива) [11: 72, 12: 18]. Асиндезація з її 3 % частотності використання є слабкопродуктивним синтаксичним процесом спрощення серед КР сучасної англійської мови (див. табл. 1).

Спостереження над матеріалом і субституційні трансформації показали, що асиндезація чітко корелює з паратаксісними типами КР: лімітативно-, зіставно- і корективно-протиставними. У більшості випадків вона пов'язана із зіставно-протиставними конструкціями, в яких рівною мірою можлива підстановка двох аморфних сполучників: протиставного *but* і копулятивного *and* (15). Решта ж асиндетичних конструкцій дозволяє експлікацію свого смислу лише через *but* (16, 17). Пор.: (15) *My tone was low, my anger was rising /P. Walker/ → (15a) ..., but/and my anger was rising;* (16) *Racquetball didn't have bizarre scoring like tennis. It was more like Ping-Pong /A. Konrath/ → (16a) ... But/and it was more like Ping-Pong;* (17) *He tried to mount her — she whispered to him to lie down /Ch. Eagle/ → (17a) ..., but/and she whispered to him to lie down.* Структура зіставно-протиставних КР (15) характеризується зворотністю клауз, чого не можна сказати про корективні й лімітативні ССР (16, 17), у яких такого роду перетворення призводять до порушення структурно-семантичної симетрії вихідної та трансформованої конструкцій.

Процеси асиндезації часто супроводжуються спорідненим з нею явищем — наприклад, еліпсацією конструктивних компонентів частин КР: (18) *After dinner ∅ sleep a while, {but/and} after supper ∅ walk a mile;* (19) *Suddenly we were on Park Avenue, {but} ∅ ∅ not ∅ Tombstone /P. Walker/.* Еліпсис на фоні асиндезації корелює з одномісним симетричним опущенням підметів в обох кон'юнктах (18), а іноді й з тримісністю, коли одночасно елімінуються підмет, присудок і частина обставини (19). Таким чином, відсутність сполучника не порушує пропозиційний зміст КР, а ніби ще міцніше пов'язує репрезентовані в ньому ситуації вузами протиріччя, яке нюансується як лімітативність, зіставність чи корективність.

Компресія (звуження) є одним із різновидів спрощення, покликаних оптимізувати й укомпактнувати пропозиційну інформацію, внаслідок чого структурно складне речення перетворюється на формально просте [13: 146, 1: 231], при цьому пропозиційна структура такого речення «не зазнає змін» [14: 39]. Компресія КР припускає таке перетворення форми, при якому стиску / конденсації піддаються його інформаційно нерелевантні елементи або частини, про що свідчить можливість відмічених трансформацій з *but / though*: (20) *Every window was fastened except that one there → (20a) Every window was fastened but that one there was not fastened;* (21) *In spite of brave thoughts tears were threatening again → (21a) Though he had brave thoughts, tears were threatening again.*

Компресія є менш поширеним способом спрощення синтаксичної структури КР (16 %, табл. 1). При цьому компресії піддаються лише синдетичні клаузи КР, що уможливується через здатність відповідного релятива конвертуватися у прийменник.

Отже, тут має місце вибірковість окремих релятивів щодо можливості компресування введених ними клауз. Зокрема, це правило діє серед лімітативно-протиставних ССР з однокореновими релятивами *except (for), with the exception of, excepting*, які сполучаються з номінативною фразою (22) або з нефінітною формою дієслова (23). Пор.: (22) *With the exception of pauses to eat or use the bathroom, I read his books one right after the other /P. Walker/;* (23) *I can't help him now except by trying to understand him /P. Walker/.*

У зіставно-протиставних ССР компресія можлива при релятивах *in/by contrast to* і *by comparison with* у сполученні з номінативною фразою: (24) *In contrast to the rest of the class, her head was rolled back /K. Hansen/.* Подібний процес спостерігається і в корективно-протиставних ССР з *instead of* і *rather than*, які сполучаються з іменником (25) або з неособовою формою (26): (25) *Instead of pancakes she made herself some buttered toast /J. Konrath/;* (26) *She squatted in front of the fridge, rather than bending down /A. Starling/.*

У власне-допустових СПР компресії піддається синдетично оформлена підрядна клауза, яка може займати пре-, пост- і навіть інтерпозицію стосовно головної і яка зберігає у своїй структурі тільки ті компоненти, що релевантні для сигналізування протиріччя на тлі головної клаузи, структура якої не підлягає спрощенню. Підрядна частина власне-допустових СПР може допускати компресію за наявності таких релятивів, як *despite, in spite of, for all, notwithstanding*, а також *though*, що здатні вводити номінативні фрази, всупереч змісту яких має місце непередбачувана ситуація, репрезентована в конструктивно повній головній частині (21).

Сепаратизація (при- і роз'єднання) структури КР належить до процесів і/або технік синтаксичної деривації, покликаних розвантажувати реченнєву матерію [15; 16]. Парцельоване КР

являє собою двокомпонентну конструкцію, що складається з базової та відокремленої частин. Однією з основних функцій парцеляції є реверсивне досилання («навздогін») нового кластеру інформації задля усунення громіздкості мовленнєвих повідомлень і полегшення процесу їхнього сприйняття [12: 19].

Як «синтаксична універсалия мовлення» [17: 449] парцеляція складає 32% (див. табл. 1). Вона може бути синдетичною і асиндетичною, пост- і препозитивною, простою і складною, одно- і багатоланцюговою. На відміну від інших типів складних речень, які можуть реалізувати майже всю палітру типів і видів парцеляції [18: 7], для КР парцелятом може бути лише правий кон'юкт паратаксису (27) і правий, підрядний суб'юкт гіпотаксису (28), бо визначально тут є постпозиція (права позиція) тієї клаузи, що містить релятив. Ця закономірність спричиняє й подальші специфічні властивості парцеляції у КР: синдетичність, постпозитивність, одноланцюговість (парцелят дорівнює одній предикативній одиниці), контактність (між базою і парцелятом не вклинюється якась інша структура). Пор.: (27) *There was no sound. Nevertheless, Robbert understood the sign /J. Moleman/;* (28) *They continued in Norwegian, a language I don't master. I can mimic the sounds though /J. Moleman/.*

Синдетичний характер парцеляції в КР засвідчує наявність певних кореляцій між нею і релятивами. Так, у протиставних ССР парцелят найчастіше вводиться релятивами *actually, and yet, however, instead, nevertheless, only, on the other hand, still*. У власне-допустових СПР парцельований суб'юкт тяжіє до свого оформлення релятивами *though* і *although*. А ось клаузи, що вводяться релятивами *despite* та *in spite of*, як правило, не піддаються відокремленню, мабуть, тому, що вони передбачають більш тісний смисловий зв'язок з головною частиною КР, який більше узгоджується з компресією, ніж з парцеляцією. При парцеляції релятив виявляється майже єдиним засобом, що сигналізує про взаємозв'язок ситуацій.

Зрозуміло, що парцелят з'являється в КР з певним запізненням: мовець не збирався висловлювати відповідну думку, а потім ніби схаменувся і здійснив акт «досилання». За рахунок цього один кластер інформації, що мав би бути упакованим у форму простого речення, перетворюється у складне речення з двома й більше пропозиціями, між якими встановлюються контрадикторні відношення. Отже, неவிпадково парцеляція розглядається як симбіоз процесу і його наслідків, де процесуальною її стороною визнаються когнітивно-семантичні засади породження думки, а результуючою — її сумбурне і, можливо, хаотичне аранжування в реальних умовах спілкування [19: 6].

Висновки:

1. Інтенсивна модифікація є спрощенням структури шляхом скорочення / кумуляції або сепаратизації. В першій групі релевантними для КР є еліпсація, асиндезація, компресія; в другій — парцеляція. Найактивнішими виявилися еліпсис і парцеляція, що разом складають майже третю частину від загальної кількості інтенсивно модифікованих КР.

2. Найуживанішим є прогресивний двомісний еліпсис підмета і дієслова присудка як найменш інформативних реченнєвих компонентів для конституювання протиріччя. Одно- та багатомісний пропуск конститuentів КР зустрічається також у регресивному та паралельному типах еліпсису, де експлікованими є тільки ті елементи, що підкреслюють когнітивний дисонанс між частинами складної конструкції.

3. Уникненню інформативно зайвого повтору сприяє й компресія синдетично оформленої клаузи КР, яка може займати пре-, пост- і навіть інтерпозицію стосовно повноскладової і яка зберігає у своїй структурі тільки ті компоненти, що релевантні для сигналізування про протиріччя на тлі другої, асиндетичної, клаузи.

4. Асиндезація як інший різновид еліпсису полягає в опущенні релятива. Цей різновид спрощення було зафіксовано лише в паратаксисних конструкціях, у яких протиріччя нюансується як лімітативність, зіставність та корективність і які корелюють з одно- або багатомісним еліпсисом інших конститuentів КР. Як виявилось, це ніяк не порушує пропозиціональний зміст ССР, навпаки — ще сильніше підкреслює суперечливість репрезентованих у ньому ситуацій.

5. Особливе місце серед дериваційних процесів у контрадикторному реченні належить парцеляції, оскільки вона, по-перше, сприяє переборенню когнітивної ентропії — дійсної чи уявної недоінформованості адресата щодо фіксованого мовцем протиріччя, а по-друге, є важливим засобом трансформації неконтрадикторних висловлень у контрадикторні. Додаючи новий кластер інформації у вигляді синдетично оформленої клаузи шляхом реверсивного досилання, мовець перетворює його в складне синтаксичне ціле, що сигналізує протиріччя.

Перспективним для подальших розвідок є вивчення специфіки мовленнєвих модифікацій контрадикторного речення у складі надфразових єдностей, тексту і дискурсу.

1. Почепцов Г. Г. Избранные труды по лингвистике / Г. Г. Почепцов. — Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. — 556 с.

2. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. — М.: КомКнига, 2005. — 352 с.

3. *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. — СПб.: Алетейя, 2003. — 720 с.
4. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. — М.: КомКнига, 2007. — 296 с.
5. *Александрова В. Г.* Когнітивно-комунікативний потенціал еліптичного речення в сучасній англійській мові: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 — германські мови / В. Г. Александрова. — Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2008. — 234 с.
6. *Dik S. C.* The Theory of Funktional Grammar. Complex and Derived Constructions / S. C. Dik — В./N. Y.: Mouton de Gruyter, 1997. — 477 p.
7. *Höhle T.* Assumptions about asymmetric coordination in German / T. Höhle // Grammar in Progress. — Dordrecht: Foris, 1990. — P. 221—235.
8. *Oirsovou R. R., van.* The Syntax of Coordination / R. R. van Oirsovou. — L./N. Y./Sydney: Croom Helm, 1987. — 295 p.
9. *Steedman M. J.* Gapping as constituent coordination / M. J. Steedman // Linguistics and Philosophy. — 1990. — Vol. 13. — P. 207—263.
10. *Wilder Ch.* Some Properties of Ellipsis / Ch. Wilder // Geneva Generative Papers. — 1995. — No. 2. — P. 23—61.
11. *Конькова И. П.* Сложносочиненное союзное предложение в современном английском языке / И. П. Конькова. — Душанбе: Душанбинский госуд. пед. ин-т им. Т. Г. Шевченко, 1969. — 243 с.
12. *Приходько А. М.* Складносурядне речення в сучасній німецькій мові / А. М. Приходько. — Запоріжжя: ЗДУ, 2002. — 292 с.
13. *Ковальчук Н. С.* Система нереальных условно-следственных периодов в английском языке: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 германские языки / Н. С. Ковальчук. — Одесса: ОНУ им. И. И. Мечникова, 2008. — 202 с.
14. *Снісаренко І. С.* До питання про предикативність в інфінітивному реченні / І. С. Снісаренко // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). — Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2008. — Вип. 75(2). — С. 38—40.
15. *Дмитренко В. А.* Структурно-семантические особенности и функции сложных предложений и присоединительных конструкций с сочинительной связью (на материале английских диалогических текстов) / В. А. Дмитренко // Вісник Харківськ. нац. ун-ту. — 1999. — № 461. — С. 56—60.
16. *Парамонова М. И.* Функционирование конструкций с присоединительным компонентом в английском нарративе: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 германские языки / М. И. Парамонова. — СПб., 2002. — 18 с.
17. *Селіванова О. О.* Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава: Довкілля-К, 2006. — 716 с.
18. *Богдан В. В.* Синтактика, семантика, прагматика англомовних приєднувальних конструкцій і складних речень з підрядним зв'язком: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 германські мови / В. В. Богдан. — Харків, 2006. — 242 с.
19. *Пустовар О. В.* Номінативний і комунікативний аспекти парцеляції в сучасній німецькій мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / О. В. Пустовар. — Донецьк: ДонНУ, 2006. — 20 с.

А. Н. Приходько, Е. А. Лымаренко

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В КОНТРАДИКТОРНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ: ИНТЕНСИВНЫЙ ТИП

В статье описаны синтаксические процессы интенсивной деривации противоречительного предложения в современном английском языке. Выявлена функционально-когнитивная природа каждой из разновидностей упрощения поверхностной структуры предложения, а также установлена частотность их употребления с разными семантическими группами противоречительного предложения.

Ключевые слова: противоречительное предложение, противительный паратаксис, уступительный гипотаксис, упрощение, кумуляция, сепаратизация.

A. N. Prykhodko, E. A. Lymarenko

SYNTACTIC DERIVATION IN THE CONTRADICTIONARY SENTENCE: INTENSIVE TYPE

This article deals with syntactic processes of intensive derivation in the contradictory sentence in modern English. The cognitive-functional nature of each type of the structural simplification is revealed, as well as their frequency within semantic types of the contradictory sentence.

Key words: contradictory sentence, adversative parataxis, concessive hypotaxis, simplification, cumulation, separation.

Н. А. ХОМУЛА**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ АРГУМЕНТНЫХ СУБСТАНТИВОВ С ФОРМАНТАМИ *МИКРО-* И *МИНИ-* В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Статья посвящена анализу семантических позиций аргументных субстантивов, содержащих форманты микро- и мини-, в смысловой структуре предложения. Исследуются функции семантического субъекта и семантического объекта, рассматриваются свойства, необходимые для их реализации в предложении, определяются их типы.

Ключевые слова: смысловая структура предложения, аргументные субстантивы, формант, семантические позиции, субъект, объект, денотат.

Постановка проблемы. В центре внимания современных синтаксических исследований продолжает оставаться семантическая структура предложения, под которой понимается структура его смысла и его мыслительное содержание.

С содержательной точки зрения, предложение передаёт строение обозначаемой им ситуации, которая образуется в языке в результате абстрагирования от множества конкретных денотативных ситуаций.

В предложении представляется конкретная ситуация действительности, которая получает отражение в семантической организации предложения в виде набора определенных смысловых компонентов, называющих участников (субъект, объект) конкретного события, обстоятельства этого события (причина, время, место и т. д.), и компонента, указывающего на характер связывающего их отношения (предикативный признак).

Семантический субъект, выступающий как носитель предикативного признака, занимает в структуре смысла предложения зависимую от предиката позицию. Субъект предложения — субстанциальный компонент субъектно-предикатной структуры. Субстанциальность субъекта предполагает выражение его формами имени существительного денотативного значения.

Семантический объект также зависит от семантического предиката и представляет собой субстанцию, которая подвергается действию, адресат действия, предмет заинтересованности, тот предмет, одушевленный или неодушевленный, к которому непосредственно обращено чье-либо отношение.

Анализ исследований и публикаций. Аргументные субстантивы, содержащие препозитивные форманты микро- и мини-, занимают в предложении семантические позиции субъекта и объекта. В современной лингвистике определению субъекта предложения уделено значительное внимание, «ходом развития лингвистической теории понятие субъекта поставлено в положение одного из самых дискуссионных понятий» [2, с. 133].

Под денотативным субъектом понимается один из реальных актантов отображаемой предложением ситуации. При этом, как считает Н. Ю. Шведова, субъект понимается широко, не только как агенс (деятель): «Субъект — это тот (то), от которого (чего) исходит действие, состояние, восприятие, отношение в широком смысле, включая обладание или признак» [7, с. 464]. В денотативном плане определяется семантический субъект П. Адамец: как субстанцию, «которой приписывается определенная активность, состояние или характеристика» [1, с. 2]. Денотативное понимание семантического субъекта представляется в работах Н. Н. Арват, С. И. Кокориной, В. А. Белашапковой, В. В. Богданова. В концепции С. Д. Кацнельсона семантический субъект — это прежде всего «синтаксическая функция, обусловленная содержательной валентностью глагола» [3, с. 63]. Наиболее последовательной как с грамматической, так и с семантической точки зрения является концепция, согласно которой семантический субъект как носитель предмета или предикативного признака предстаёт реальным актантом семантической структуры предложения, зависящим от глагольного предиката. Эта концепция положена в основу настоящей статьи.

Семантический объект определяется как зависимый компонент смысловой структуры предложения, обозначающий предмет, при помощи или при участии, посредством, наличии которого проявляется предикативный признак субъекта. В основе определения семантического объекта Н. Ю. Шведовой лежат смысловые критерии: «Объект — это тот (то), на кого (что) направлено чье-либо действие, состояние, восприятие или отношение» [7, с. 464]. Позиция объекта является реализацией правой (объектной) валентности глагольного предиката. Характер семантического объекта зависит от типа семантического предиката и лексического значения субстантива с формантами микро- и мини-, выступающего в объектной позиции.

Цель исследования — проанализировать семантические позиции аргументных субстантивов с формантами *микро-* и *мини-*, реализующиеся в смысловой структуре предложения, определить семантические функции и типы семантического субъекта и семантического объекта.

Изложение основного материала. Аргументные субстантивы с формантами *микро-* и *мини-* характеризуются соотносительностью словоформы и определенного явления. Предметность имплицирована денотативным компонентом значения в отличие от сигнификативного, который имплицитно подразумевает понятийный признак.

Функция репрезентации денотата у аргументных субстантивов с формантами *микро-* и *мини-* совмещена с его описанием, например: *Большое количество микро-рынок в мини-универмагах, возникших в спальных районах, позволяет сэкономить время, затраченное на приобретение необходимых товаров и продуктов.* При описании субстантивов *микро-рынок* и *мини-универмаг* в смысловой структуре предложения осуществляются синтагматические свойства словоформ, реализуется сема «величина».

Аргументные субстантивы с формантами *микро-* и *мини-* одновременно указывают на предмет и сообщают о нём некоторую информацию, то есть осуществляют идентификацию предметов речи: *Он вынул из портфеля миниатюрный диктофончик, работающий на микрокассетах. По мнению этой же толпы, он был добропорядочным хозяином, не допускавшим ни стриптиза, ни мини-юбок, ни эротических фильмов... (Евтушенко. Фуку).* Форманты *микро-* и *мини-* несут новую информацию о предмете, отождествляют существующие объекты действительности (кассеты, юбки), входящие в фонд знаний адресата, с ранее неизвестными предметами, представленными в процессе коммуникативного акта. Коммуникативная функция приведённых референтных выражений заключается прежде всего в указании на предметы, о которых делается сообщение. Идентифицирующая роль субстантивов с формантами *микро-* и *мини-* состоит в идентификации предметов по отношению к тексту.

Идентифицирующие субстантивы с указанными формантами, выступающие в позиции субъекта или объекта, имеют тенденцию к обогащению денотативными признаками. Денотат призван идентифицировать соответствующие ему экспоненты в конкретных речевых ситуациях, предполагая возможность говорящего и слушающего воспроизвести соответствующий предмет по какому-либо чувственно воспринимаемому «параметрическому» признаку: по размеру, объёму, весу, величине, количеству и т. д.

На роль субъекта выбирается компонент, обладающий семантическими признаками активности, намерения, инициативы в совершении действия, например: *Юркие микроавтобусы, оживлённо снующие по улицам, призваны решить транспортную проблему города.* Субстантив *микроавтобус*, которому предписан признак активности, выступает в предложении в качестве аргумента, использующегося в позиции семантического субъекта, тип которого предопределяет характер предиката.

Семантическим субъектом в предложении с многостепенным предикатом может быть аргумент (актант), обладающий следующими свойствами: 1) определённой семантикой — значением носителя предикативного признака; 2) положением в начале предложения (при отсутствии актуализации формы с субъектным значением); 3) способностью к преобразованию в винительный падеж того же значения при определённых синтаксико-смысловых преобразованиях предложения.

Субстантив *микроавтобус* в роли семантического субъекта обладает такими свойствами:

1. Имеет значение носителя предикативного признака *призваны решить*.

2. Находится в начале предложения, предшествуя предикату.

3. Может быть легко перемещён из позиции подлежащего в позицию дополнения: *Транспортная проблема города может быть решена с помощью микроавтобусов, оживлённо снующих по улицам.*

Субъектную функцию в предложении выполняют как субстантивы с указанными формантами, имеющие сему «одушевлённость», так и субстантивы с формантами *микро-* и *мини-*, реализующие в своём значении сему «неодушевлённость»: *Микропедиатр исчез, превратился в детского врача широкого профиля. Появились миникары и сразу облегчили уборочные работы.* При семантической характеристике одушевленного субъекта действия, выраженного субстантивом с формантами *микро-* и *мини-*, выделяются признаки, соотносительные со значением глагольного предиката: 1) признак агентивности; 2) признак антропонимичности; 3) признак активности, инициативы в совершении действия. Семы агентивности и антропонимичности погашаются, если субъект выражен неодушевленным субстантивом с анализируемыми формантами. Субстантив *миникары* выступает в позиции субъекта действия, но смысловая структура предложения подразумевает наличие ещё одного субъекта-агенса (например, дворника), который осуществляет действие. В подобных случаях в одной смысловой структуре предложения возможно наличие нескольких субъектных компонентов, среди которых выделяются первый и вторые, имеющие объектные или атрибутивные значения.

Семантический субъект в русском языке может быть выражен формой любого падежа имени существительного, независимо от характера его грамматических отношений с предикатом.

Форма косвенного падежа в субъектній позиції являється незалежною, але обумовленою, для якої характерна здатність виступати в якості компонентів, організуючих модель речення.

В двусоставних реченнях суб'єкт-субстантив з досліджуваними формантами як носитель предикативного признака виступає переважно в граматическій позиції підлежачого, вираженого формою іменительного падежа єдиного або множинного числа. Однак він може знаходитися в реченні і в граматическій позиції доповнення, вираженого формою одного з косвенних падежів імені іменительного: *При сгущении сыворотки повышается кислотность и прекращается размножение в ней микроорганизмов, что обеспечивает сохранение всех ценных качеств.* В цьому реченні суб'єкт-субстантив з формантом *микро-* хоча і виражений формою косвенного падежа, являється єдиним суб'єктом речення. Семантическа структура даного речення містить необхідні для реалізації його значення семантическі компоненти, які відображають реальні відносини між предметами дійсності. Синтаксическа структура речення може бути трансформована в іншу синтаксическу структуру, де семантический суб'єкт представлений субстантивом з *микро-* в формі іменительного, а не родительного падежа: *При сгущении молочной сыворотки микроорганизмы в ней прекращают размножение (размножаться), что обеспечивает сохранение всех ценных качеств.* Синтаксическа структура трансформовується, а семантическа структура речення залишається незмінною.

Міня місць аргументів при синтаксическій трансформації веде до зміні «семантическої орієнтації». Словоформа з об'єктним значенням, перемістившись в позицію підлежачого, отримує додаткове суб'єктне значення, наприклад: *Атомы кальция и кремния интенсивно движутся в расплаве и, сталкиваясь, порождают микрородыши и кристаллов, которые служат центрами кристаллизации. — Микрородыши и кристаллов, которые служат центрами кристаллизации, порождаются интенсивно движущимися в расплаве и сталкивающимися атомами кальция и кремния.* Ім'я об'єкта дії — субстантив *микрородыши* — отримує суб'єктне значення і займає позицію першого аргумента по відношенню до глагольному предикату. Як підкріплює Т. А. Туліна, ім'я суб'єкта в складному підлежачому «займає граматическі залежну, але семантическі головуючу позицію, а його зміст має два входження в різні предикатні структури: в ролі агента і кількісно визначеного предмета» [6, с. 102].

Семантический суб'єкт і семантический предикат являються поняттями, відображуваними розчленуванням на «визначене» і «визначаюче» такої семантическої структури речення, яка співвіднесена з судженням. Суб'єкт судження, за думкою С. І. Кокориної, представляє семантический суб'єкт трьох типів: агент, детермінант і пацієнт [4, с. 35]. Для субстантивів з формантами *микро-* і *мини-*, виступаючих в реченні в суб'єктній позиції, роль суб'єкта-детермінанта не характерна в силу признакової природи форманта з кількісним значенням. Субстантиви з подібними формантами можуть виступати лише суб'єктом модальної характеристики і суб'єктом отождествлення: *Мини-дисплей — отличный помощник водителя.*

Субстантиви з досліджуваними формантами виступають в реченні в позиції суб'єкта-агента і суб'єкта-пацієнта: *Мини-колонна из двух машин и прицепа мерно пошла по распадку. Подводится микропипетка, в неё втягивается ядро клетки.* Суб'єкт-субстантив *мини-колонна* взаємодіє з акціональним предикатом, вираженим глаголом руху. Денотатом предметної групи *две машины и прицеп* являється субстантив *мини-колонна*, який в умовах іншого контекста може бути приложим до назви групи інших предметів. Дане речення розглядається як полісуб'єктне, так як дія відбувається не *мини-колонною*, а людьми. Субстантив *микропипетка* виступає в реченні в ролі суб'єкта-пацієнта, так як відчуває вплив з боку деяких осіб. Реалізуючи ліву валентність предиката, субстантиви-суб'єкти з формантами *микро-* і *мини-* виконують ідентифікуючу функцію. Однак, називаючи предмет, вони, в силу наявності признакового форманта, характеризують його з точки зору величини і довжини. Субстантив *мини-колонна* являється предикатним субстантивом, займаючим в семантическій структурі речення позицію агента (дійсуючого лица, істоти або предмета). Їм властива функція характеристики реальної субстанції, володаючої сигніфікативно-денотативним типом значення, на яку в умовах визначеного контекста може накладуватися функція негативної або позитивної оцінки.

Субстантиви з формантами *микро-* і *мини-*, виступаючі в реченні в об'єктній позиції і являючіся другим або третім аргументом предиката, позначають не тільки предмети дійсності, що містять сенс «вещность», але і внутрішні, мислимі об'єкти, відповідні поняттю, а також цілі події, тобто представляють визначену ситуацію, яка сформувалася в свідомості шляхом відволічання від множини конкретних денотативних ситуацій. В мові така абстрактна ситуація втілюється в формі конфігурації — семанти-

ческой структуры, состоящей из предиката и нескольких аргументов, которые задаются данным предикатом. Он служит выражением события, а аргументы соответствуют участникам ситуации, например: *Однажды я провел такой мини-опрос. Интересовался у ребят: какой первый вопрос задают вам родители, когда приходят домой с работы.* Субстантив *мини-опрос*, являясь аргументом семантической структуры предложения, представлен в качестве объекта содержания, поскольку уточняет, характеризует основное содержание действия, выраженного предикатом отношения.

Позиция семантического объекта, выраженного субстантивом с формантами *микро-* и *мини-*, репрезентирует непосредственный объект, на который направлено действие, и опосредованный объект определения. Объект-субстантив, на который направлено действие, является целевой субстанцией, имеющей пассивное отношение к действию. Он занимает облигаторную позицию в предложении по отношению к глагольному предикату. Глагол-предикат, открывающий для объекта-субстантива с анализируемыми формантами позицию «справа», представлен переходным глаголом, например: *На зависть всему селу он сделал из инвалидной коляски мини-трактор.*

Информативное содержание предложения сопоставляется не с грамматической семантикой, обусловленной формальной организацией предложения, а с его семантической структурой. В смысловой структуре предложения соотносятся грамматическое значение и его информативное содержание, которое, как утверждает В. И. Кононенко, зависит от лексических значений словоформ, заполняющих основные позиции в предложении [5, с. 17]. Ведущим компонентом семантической структуры предложений с объектом-субстантивом, содержащим названные форманты, на который непосредственно направлено действие, является акциональный предикат, а семантический субъект предложения представлен определённым или неопределённым лицом (лицами), находящим в предложении имплицитное или эксплицитное выражение, например: *Пользуясь кредитами, фермер купил трактор и микрогрузовик.*

Функционирование в предложении опосредованного объекта определения, выраженного исследуемыми субстантивами, предусматривает представление его формами имени, обозначающими предмет, в родительном падеже. Субъект-агенса в таких предложениях выражен имплицитно: *Высказывается предположение, что разгадать «тайну века» можно будет, сравнив состав найденных в тунгусской тайге микрообразований космического происхождения с результатами анализа химического состава ядра кометы Галлея.* Исходный объект определения, репрезентированный субстантивом *микрообразования* в форме родительного падежа, является опосредованным участником ситуации, для которого характерно отношение к ситуации через посредство другой субстанции.

Объекты — это компоненты структуры предложения, являющиеся как предметными, мыслимыми, так и событийными объектами содержания информации, при помощи и участии которых раскрывается направленная на них физическая и психическая деятельность субъекта. В зависимости от того, какими субстантивами выражены объекты, предметными или понятийными, они выполняют в предложении функцию идентификации или характеристики. Однако идентифицирующие объекты-субстантивы с исследуемыми формантами, имея признаковые семы, также характеризуют предметы действительности с количественной, «параметрической» точки зрения. В таком случае идентифицирующая функция является первичной, а характеризующая отходит на второй план, например: *Каждый раздел, как правило, включает... «микромнографии» о... мастерах прозы, поэзии, драматургии.* Объект-субстантив *микромнографии* имеет положительную оценочную сему, поскольку раздел, названный *микромнографией*, вмещает в себя информацию большого объёма о мастерах художественного слова.

Выводы. Таким образом, для аргументных субстантивов, содержащих форманты *микро-* и *мини-*, которые выступают в субъектной позиции, наиболее характерна роль субъекта-пациенса и функция идентификации предметов речи. Субстантивы, которые выступают в предикатной позиции, представлены как непосредственные объекты действия и опосредованные объекты определения. В зависимости от морфологического содержания они выполняют идентифицирующую или характеризующую функции и могут иметь оценочное значение.

1. Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка / П. Адамец. — Прага, 1973. — 136 с.

2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — М., 2010. — 368 с.

3. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. — М., 2009. — 218 с.

4. Кожарина С. И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке / С. И. Кожарина. — М., 1979. — 78 с.

5. Кононенко В. И. Системно-семантические связи в синтаксисе русского и украинского языков / В. И. Кононенко. — К., 1976. — 209 с.

6. Тулина Т. А. Функционирование словоформ с субъектным значением в его чистом и диффузном выражении / Т. А. Тулина // Исследования по семантике. — Уфа, 1988. — С. 101—108.

7. Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения / Н. Ю. Шведова // Славянское языкознание. — М., 1973. — С. 458—483.

Н. А. Хомула

СЕМАНТИЧНІ ПОЗИЦІЇ АРГУМЕНТНИХ СУБСТАНТИВІВ З ФОРМАНТАМИ МІКРО- ТА МІНІ-У СМИСЛОВІЙ СТРУКТУРІ РЕЧЕННЯ

Статтю присвячено аналізу семантичних позицій аргументних субстантивів, що містять форманти мікро- та міні-, у смисловій структурі речення. Досліджуються функції семантичного суб'єкта та семантичного об'єкта, розглядаються ознаки, необхідні для їх реалізації в реченні, визначаються їх типи.

Ключові слова: смислова структура речення, аргументні субстантиви, формант, семантичні позиції, суб'єкт, об'єкт, денотат.

N. A. Khomula

THE SEMANTIC POSITIONS OF ARGUMENT SUBSTANTIVES WHICH CONTAIN MICRO- AND MINI-FORMANTS IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE SENTENCE

The article is dedicated to the analysis of the semantic positions of argument substantives which contain micro- and mini-formants in the semantic structure of the sentence.

The functions of the semantic subject and the semantic object are investigated, the properties necessary for their implementation in a sentence are studied and their types are determined.

Key words: the semantic structure of the sentence, argument substantives, formant, the semantic positions, subject, object, denotate.

УДК 811.161.1'38:801.7:003:82-65

Е. К. КУВАРОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ РУССКОГО ПИСЬМА

В статье выделены и описаны функционально-семантические типы заключительных этикетных формул, предшествующих подписи в письме. Показано, что варьирование лексического наполнения эпистолярных формул, построенных по одной модели, определяется содержанием письма и коммуникативными интенциями адресанта.

Ключевые слова: письмо, речевой этикет, заключительная этикетная формула, адресант, адресат.

Письмо как речевое произведение представляет собой особый тип текста, обладающий рядом присущих ему структурных компонентов, к которым относятся обращение к адресату, подпись адресанта, индекс времени и места написания, этикетные формулы, обрамляющие текст, а также постскрипtum. Некоторые из этих компонентов, а иногда даже и все они могут отсутствовать в письме, однако их постановка всегда возможна, а отсутствие обращения, подписи, формул приветствия и прощания, как можно предположить, коммуникативно значимо и несёт информацию о ситуации общения, скажем, о дефиците времени у адресанта, а также о характере взаимоотношений пишущего с адресатом, степени их близости, эмоциях, которые испытывает автор письма [1]. Существуют и такие ситуации, которые предполагают выполнение всех этикетных норм, причём любое их нарушение может повлечь жёсткие санкции вплоть до разрыва отношений. Особенно значимы в этом плане формулы речевого этикета, традиция использования которых уходит в античность и через византийскую письменную культуру проникает в древнерусские эпистолярные тексты [7]. Формулы вежливости, употребляемые в письмах, неоднократно становились объектом изучения в контексте исследований русского речевого этикета [2; 4; 15]. Нередко, включая формулы речевого этикета в число дифференциальных признаков письма как документа, исследователи указывают на их культуроспецифичность, изменчивость, отмечая, что эпистолярные тексты обладают стереотипной композицией и реализуют систему принятых в данное время и данным коллективом коммуникативных формул [8, с. 137]. В. Г. Гак квалифицирует формулы этикета как неинформативные речевые акты [6, с. 775], однако следует заметить, что соответствующие высказывания (и даже их отсутствие) в письме, как и в устном общении, чрезвычайно информативны в отношении интенций адресанта, выбранной им коммуникативной стратегии и т. п.

В любом акте коммуникации успешность взаимодействия во многом зависит от того, как начать и закончить общение, поэтому, хотя формулы речевого этикета, реализующие такие социальные акты, как поздравление, благодарность, соболезнование, обязательство и т. п., могут располагаться в разных частях письма, наиболее регулярно они присутствуют в начале и в конце текста, и по данному признаку различают вводную и заключительную формулы письма [12, с. 63]. Были попытки описать и систематизировать вводные этикетные формулы, сопутствующие обращению [11]; мы же рассматриваем заключительные эпистолярные формулы, предшествующие подписи, на материале опубликованных писем А. П. Сумарокова, В. К. Третьяковского, И. И. Дмитриева, М. Н. Муравьева, И. Ф. Богдановича, Н. И. Новикова, А. В. Суворова, Л. Н. Толстого, П. В. Анненкова, А. П. Чехова, М. Горького, М. А. Булгакова и некоторых их корреспондентов. В задачи данной работы входит уточнение места формул речевого этикета в системе речевых действий, анализ структурных и функционально-семантических признаков заключительных этикетных формул русского письма.

В собранном нами материале заключительные этикетные формулы (ЭФ) представлены следующими функционально-семантическими типами высказываний:

1. ЭФ, сигнализирующие о прекращении контакта, выполняют фатическую функцию, обеспечивая «выход из письма»: *Прощайте, Принц! Поручаю себя Вашей дружеской памяти и пребываю безгранично...* [13, с. 316], *Прости, мой благодетель!* [17, с. 48], *Прощай* [14, с. 344], *До свиданья* [14, с. 401], *Прощайте, вам истинно преданный гр. Л. Толстой* [14, с. 416], *Прощайте, милая барышня, Христос с вами* [14, с. 428], *Прощайте, дорогой Василий Петрович, извините за нелепость письма, я нынче совсем больнѣшенек* [14, с. 473], *До свиданья!* [9, с. 206], *Пока — до свиданья!* [9, с. 224], *А впрочем — до свиданья!* [9, с. 189], *Ну, до свиданья скорого!* [9, с. 154]

2. ЭФ, обозначающие перспективу дальнейшего взаимодействия участников общения. Адресант выражает ожидание получить ответ, просьбу писать чаще и т. п. Подобные просьбы часто сочетаются с этикетными формулами предыдущей группы, и это вполне естественно, поскольку «выход из письма» посредством любой этикетной формулы уже предполагает не прекращение отношений, а продолжение контакта спустя некоторое время: *Прощайте, милый Василий Петрович, пожалуйста, будем переписываться* [14, с. 461]; *Прощайте, любезный друг, пожалуйста, напишите словечко, я отвечать буду аккуратно* [14, с. 471]; *Покамест прощайте и пишите по-прежнему ко мне* [3, с. 26]; *Жду скорого ответа* [3, с. 34]; *С нетерпением буду ждать ответа* [3, с. 38]; *Затем Adieu, пишите же, ленивый* [3, с. 32]; *Ваши письма мне отрада — пишите* [3, с. 126]; *Отвечайте мне немедленно* [3, с. 140]; *До первого слова* [3, с. 154]; *Прощайте. Напишите строку, какого вы мнения обо всем этом* [3, с. 158]; *Пишите, умоляю* [16, с. 86]; *Пишите мне ради небес* [16, с. 247]; *До следующего письма* [5, с. 462]; *Порадуй письмом* [5, с. 472]; *Жду Вашей карточки* [9, с. 52]; *Собрались бы вы, ребята, сюда однажды, право!* [9, с. 195]; *Как здоровье? Отвечайте скорее* [9, с. 111].

3. Перформативные высказывания, замещающие жесты и таким образом восполняющие невозможность физического контакта между участниками эпистолярного диалога. Предикативным центром таких высказываний являются глаголы *целую, обнимаю, жму (руку), кланяюсь* — обычно в форме первого лица единственного числа настоящего времени: *Обнимаю вас с Грушею!* [13, с. 304]; *Целую вашу родительскую руку и остаюсь навеки ваш нижайший сын и слуга Михайло Муравьев* [10, с. 267]; *Между тем заочно вас обнимаю* [10, с. 437]; *Жду письма, жму руку, целую Вас* [3, с. 124]; *Миллион поцелуев!!! А. Чехов* [16, с. 80]; *Низко кланяюсь Вам, крепко жму Вашу руку. Ваш А. Пешков* [9, с. 131]; *Руку жму и обнимаю. А. П.* [9, с. 204]; *Крепко жму лапу. Твой Леонид* [9, с. 241]; *Ещё раз кланяюсь низко. Ваш А. Чехов* [9, с. 218]; *Целую. Твой Михаил* [5, с. 55]; *Тася и я целуем тебя крепко* [5, с. 14]; *Целую тебя* [5, с. 21]; *Целую тебя, дорогая Надя* [5, с. 30]; *Целую всех. Михаил* [5, с. 31]; *Крепко целую Вас. Михаил Булгаков* [5, с. 172]. Адресант может иногда говорить о себе в третьем лице, в таком случае глагол ставится в соответствующей форме: *Всем сердцем обнимает вас преданный вам Дмитриев* [10, с. 433].

4. ЭФ, выполняющие функцию самопрезентации и характеризующие адресанта в его отношении к адресату: *Вашего превосходительства, милостивый государь, всепокорнейший, нижайший и нещастнейший слуга А. С.* [10, с. 78]; *Истинные же признаки вы всегда найдете, что я емь с почтением и дружбою, государь мой, ваш покорнейший слуга Ипполит Богданович* [10, с. 248]; *Пребуду всегда с искреннею любовью верным твоим другом Н. Новиков* [10, с. 406]; *Искренний ваш почитатель и преданный слуга И. Дмитриев* [10, с. 430]; *Милостивый Государь мой! Вашего Высочородия покорнейший слуга Александр Суворов* [13, с. 67]; *Весь Ваш П. Анненков* [3, с. 107]; *Преданный и готовый к услугам по гроб жизни А. Чехов* [16, с. 42]; *Твой благодетель А. Чехов* [16, с. 68]; *Ваш виноватый кающийся chef maître А. Чехов* [16, с. 99]; *Ваш добрый сосед А. Чехов* [16, с. 245]; *Ваш А. Пешков* [9, с. 46]; *Сердцем Ваш А. Пешков* [9, с. 119]; *Твой Михаил* [5, с. 46].

5. ЭФ, выполняющие эмотивную функцию и характеризующие чувства автора письма к адресату: *Прощайте, друг. Не забывайте меня, точно вас любящего* [3, с. 176]; *Примите уверения в моём уважении и привет* [5, с. 380]; *С душевным почтением преданный вам Дмитрий* [10, с. 426]; *Любящий и уважающий Вас М. Булгаков* [5, с. 319]; *Любящий Михаил* [5, с. 32]; *Искренно Вас уважающий А. Чехов* [16, с. 12]; *Имею честь быть с почтением А. Чехов* [16, с. 270]; *Преданный А. Чехов* [16, с. 76]; *Уважающий Вас Алексей Пешков* [9, с. 35]; *С почтением к Вам Алексей Пешков* [9, с. 44]; *Свидетельствую моё искреннее почтение* [9, с. 86]; *Крепко Вас любящий Леонид Андреев* [9, с. 191]; *Верьте искренней преданности* [9, с. 121].

6. ЭФ, расширяющие круг адресатов или отправителей письма: *Наташе божие благословение с дражайшими домашними* [13, с. 251]; *Кланяюсь семейству Виардо и напоминаю ему о себе* [3, с. 164]; *Ну, прощайте. Напомните обо мне вашей дочери* [3, с. 83]; *Прощайте, кланяйтесь Панаеву и всем знакомым* [14, с. 500]; *Тёте, сёстрам и о. Владимиру низжайший поклон. Тарабрину тоже. Обнимаю тебя. Твой А. Чехов* [16, с. 8]; *Обнимаю тебя, а Елена шлёт тебе привет. Твой Михаил* [5, с. 388]; *Люся передаёт вам искренний привет, а я тебя обнимаю. Твой М.* [5, с. 410]; *Поклон почтительный Вашему семейству и знакомым* [9, с. 56]; *Кланяюсь маме, поцелуй её за меня. То же Шуру. Кланяйся всем знакомым* [9, с. 63]; *А жене Вашей — поклон* [9, с. 106]; *Ольге Леонардовне — поклон! Если видите Льва Николаевича — передайте ему моё сердечное пожелание здоровья!* [9, с. 185].

7. Формулы пожелания: *Христос с тобою!* [13, с. 213]; *Христа Спасителя благословение с тобою* [13, с. 185]; *Благослови вас Господь Бог с Грушею и дитятью во всех предприятиях* [13, с. 311]; *Господь Бог с тобою!* [13, с. 328]; *Истина, да правит ваш дух* [13, с. 330]; *А до тех пор будьте здоровы, друг мой* [3, с. 35]; *Будьте здоровы, бесхолерны и беспечальны, да напишите, что вы делаете* [3, с. 45]; *Прощайте — выздоравливайте* [3, с. 145]; *Да хранят Вас светлые небеса!* [16, с. 27]; *Желаю Вам земных и небесных благ, хорошего сна и хорошего аппетита* [16, с. 252]; *Желаю тебе жить счастливо!* [5, с. 270]; *Обнимая Вас, желаю плодотворной работы* [5, с. 542]; *Желаю Вам всего лучшего* [14, с. 47]; *Желаю здоровья!* [9, с. 141]; *Всего доброго!* [9, с. 323].

7. Формулы поздравления: *При сем как тебе, так и матушке, низжайшее приношу почтение, а братцу и сестрицам с учтивостью объявляю поздравление* [10, с. 224]; *С Новым годом, с новым счастьем! Ваш А. Чехов* [16, с. 113]; *С праздником имею честь поздравить. Твой А. Чехов* [16, с. 133].

8. Формулы извинения: *Простите моё чистосердечие* [13, с. 343]; *Простите мне, что Вы были затруднены по обстоятельствам* [13, с. 340]; *Простите, что я так часто надоедаю Вам. Ваш А. Чехов* [16, с. 142]; *Очень крепко обнимаю Вас, очень люблю и прошу простить за безалаберность. А. Пешков* [9, с. 180].

9. Формулы приветствия: *Итак, приветствуем Вас оба дружески и крепко!* [5, с. 447]; *Итак, ещё раз приветствую тебя* [5, с. 451]; *Примите мой лучший привет* [5, с. 506]; *С товарищеским приветом М. Булгаков* [5, с. 587]; *Приветствую всех. Твой Фёдор Шалапин* [9, с. 188].

10. Формулы благодарности: *Жене — низко кланяюсь! Спасибо ей, спасибо! А. Пешков* [9, с. 160].

11. ЭФ, удостоверяющие подлинность подписи адресанта: *Доношение писал я Василей Тредиаковский, и руку приложил* [10, с. 61]; *Сей дубликатный репорт писал я Василей Тредиаковский и руку приложил* [10, с. 61]; *К тому доношению действительный статский советник и кавалер Александр Петров сын Сумароков руку приложил* [10, с. 160].

Варьирование лексического наполнения этикетных формул, построенных по одной модели, определяется содержанием письма и коммуникативными интенциями адресанта. Так, обычные частно-деловые письма А. П. Сумарокова с просьбами относительно публикации его произведений и выделения средств для развития русского театра заканчиваются стандартными этикетными формулами: *На что ожидаю вашего сиятельства милостивого повеления, пребывая с крайним моим почтением вашего сиятельства вернейшим и покорнейшим слугою, Александр Сумароков* [10, с. 68]; *Ваш, государя моего, покорный слуга Александр Сумароков* [10, с. 69]; *Я в прочем вашего высокоблагородия также готовый слуга А. Сумароков* [10, с. 69]; *А я всегда вашего превосходительства всепокорнейший слуга А. С.* [10, с. 70]. Доведённый до отчаяния безденежьем, клеветой, оскорблениями и угрозами недоброжелателей, Сумароков пишет письма с жалобами И. И. Шувалову, расширяя этикетные формулы: *Вашего превосходительства всепокорнейший и несчастнейший слуга А. Сумароков* [10, с. 74]; *Вашего превосходительства, милостивый государь, всепокорнейший, низжайший и несчастнейший слуга А. С.* [10, с. 78]; *Вашего превос<одительства> низжайший, всепокорнейший и отчаянный слуга А. Сумароков* [10, с. 89]. То же в письмах Г. А. Потёмкину: *Покорнейший и ищущий с стенанием вашего вспоможения слуга А. Сумароков* [10, с. 171];

Ваше высокопревосходительство, со слезами вас просящий всепокорный слуга А. Сумароков [10, с. 172].

Таким образом, заключительные этикетные формулы в письме представляют собой высказывания, которые строятся по определённым моделям с использованием языковых клише и широкими возможностями лексического варьирования. Они реализуют полный спектр средств фатической коммуникации, играют важную роль в регулировании отношений между корреспондентами и разнообразны по своим функционально-семантическим свойствам.

1. *Акимова Т. П.* Тенденции использования эпистолярных формул приветствия и прощания в бытовых письмах русских писателей XIX—XX веков / Т. П. Акимова. — Режим доступа: http://linguaconf2009.flybb.ru/archive/o_t/t_35/start_0/index.html
2. *Акишина А. А.* Этикет русского письма / А. А. Акишина, Н. И. Формановская. — М.: Ленанд, 2008. — 208 с.
3. *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. Книга 1. 1852—1874 / [сост. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Желудин] / П. В. Анненков. — СПб.: Наука, 2005. — 532 с.
4. *Балакай А. Г.* Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания / А. Г. Балакай. — Новокузнецк, 2002. — 228 с.
5. *Булгаков М. А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Жизнеописание в документах / [Сост., подготовка текста В. И. Лосева] / М. А. Булгаков. — СПб., 2002. — 736 с.
6. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. — М.: Добросвет, 2004. — 862 с.
7. *Зуева О. В.* Византийские и древнерусские эпистолярные формулы: опыт сопоставления / О. В. Зуева // Язык и межкультурные коммуникации: Сб. науч. ст. — Минск: Изд-во БГПУ им. М. Танка, 2007. — С. 36—38.
8. *Зуева О. В.* О проблемах лингвистического изучения эпистолярных текстов Средневековой Руси / О. В. Зуева // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. — Т. 1. — С. 137—139.
9. *Переписка М. Горького:* В 2 т. Т. 1 / [Подгот. текста и коммент. М. Семашкиной и Л. Евстигнеевой] / М. Горький. — М.: Худож. лит., 1986. — 479 с.
10. *Письма русских писателей XVIII века:* [сборник] / АН СССР, Ин-т рус. лит.; [Отв. ред. Г. П. Макогоненко]. — Л.: Наука, 1980. — 472 с.
11. *Серый Н. П.* Структурные типы обращений в украинском эпистолярном стиле (Дооктябрьский период) / Н. П. Серый // Вопросы прикладной лингвистики: Сб. науч. ст. — Д.: ДГУ, 1976. — Вып. 6. — С. 169—174.
12. *Сметанин В. А.* Теоретическая часть эпистолологии и конкретно-исторический эфармосис поздней Византии / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1979. — [Вып. 16]: Социальное развитие Византии. — С. 58—93.
13. *Суворов А. В.* Письма / [Отв. ред. А. М. Самсонов] / А. В. Суворов. — М.: Наука, 1986. — 808 с.
14. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: в 22 т. Т. 18. Письма. 1842—1881 гг. / [Коммент. С. Розановой]; Л. Н. Толстой. — М.: Худож. лит., 1984. — С. 297—911.
15. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. — М.: Рус. язык, 1982. — 126 с.
16. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. Т. 6. Январь 1895 — май 1897 / Ред. Л. Д. Опульская. — М.: Наука, 1978. — 774 с.

О. К. Куварова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧНІ ТИПИ ЗАКЛЮЧНИХ ЕТИКЕТНИХ ФОРМУЛ РОСІЙСЬКОГО ЛИСТА

У статті виділено й описано функціонально-семантичні типи заключних етикетних формул, що передують підпису в листі. Показано, що варіювання лексичного наповнення епістолярних формул, побудованих за однією моделлю, визначається змістом листа і комунікативними інтенціями адресанта.

Ключові слова: лист, мовний етикет, заключна етикетна формула, адресант, адресат.

O. K. Kuvarova

FUNCTIONALLY-SEMANTIC TYPES OF FINAL ETIQUETTE FORMULAS IN THE RUSSIAN LETTER

Functionally-semantic types of final etiquette formulas, preceding a signature in a letter, are selected and described. The author shows that varying of the lexical filling of epistolary formulas, built on one model, is determined by the content of the letter and communicative intentions of the sender.

Key words: letter, speech etiquette, final etiquette formula, sender, addressee.

О. В. ЯКОВЛЄВА**СПЕЦИФІКА ОБРЯДОВОГО ТЕКСТУ ЯК ОБ'ЄКТА ФІЛОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ**

У статті розглядається синкретизм обрядового тексту, особливості обряду як гіпертексту. Пропонується комплексний аналіз усіх ланок, що виділяються у такому тексті: вербальної, акціональної, предметної. Символи — це основні одиниці, які репрезентують кожен з цих частин. Аналізується багатозначна символіка води у сімейних обрядах.

Ключові слова: обрядовий текст; синкретизм; гіпертекст; вербальні, акціональні, предметні символи.

На сучасному етапі розвитку науки декларується міждисциплінарний рівень дослідження як єдиний можливий і необхідний, оскільки нові перспективні проблеми і ситуації виникають на стику наук, на стику різнорідних компонентів і матеріалів, на стику жанрів і структур. Отже, жодна дисципліна не може існувати тільки в собі і виключно для себе [16: 25]. Філологія як сукупність гуманітарних наук (мається на увазі мовознавство, літературознавство і текстологія), що вивчають мову, літературу і культуру того чи іншого народу через різноаспектний аналіз текстів, не є винятком. Сучасний світ високих технологій переживає кризу гуманітарних ідей, і, як наслідок, люди, дійсно, стали жити комфортніше, але вони, на жаль, не стали щасливішими. Бездуховність пронизує наскрізь не тільки наше суспільство, а й заможні країни Заходу. XXI ст. або буде століттям духовності, або його зовсім не буде [11: 6].

В такій ситуації, перш за все, життєво необхідним є **злиття науки і духовності**. З цього треба починати. Але „антидуховність” стала прихованою передумовою будь-якого наукового дослідження, що, зрештою, несе загрозу не лише кризи в науці, але і занепаду всієї цивілізації [3: 5]. Вихід, з нашої точки зору, треба шукати у духовності предків, в етнокультурі, потрібна реконструкція прадавньої моделі світу, фундаментом якої був інший тип свідомості (в літературі його називають міфологічним, або міфопоетичним). Ми пропонуємо традиційне питання загального мовознавства про взаємозв'язки мови і мислення розширити і розглядати як триаду: „мова — духовність — мислення” [18].

Джерело духовності українців, як і всіх інших народів, не лежить на поверхні: його треба віднайти, відшукати у багатьох текстах: фольклорних, етнографічних, у національних віруваннях і традиціях, забобонах тощо. У такому разі не обійтись без інтеграції зусиль представників різних гуманітарних наук, у першу чергу філологів. У мовознавстві XXI ст. явно проступає тенденція до інтеграції етнолінгвістики і лінгвокультурології [12: 3]; актуальними є проблеми взаємодії етнолінгвістики і фольклору [15: 37—47].

Але, як констатує, В. А. Конобродська, в Україні ще немає власної етнолінгвістичної школи, хоча індивідуальні різноаспектні розвідки етнолінгвістичного матеріалу є плідними, корисними і надзвичайно цікавими (див. роботи Л. Ф. Артюх, Н. К. Гаврилюк, Ю. О. Карпенка, Н. Слухай, В. Таранця та інших). Мова традиційної духовної і матеріальної культури, як і мова етносу, була і залишається безцінним джерелом для глибокого аналізу особливостей національної ментальності і духу [9: 104—114].

Враховуючи вищезазначене, обряди й ритуали є, у першу чергу, об'єктами дослідження етнолінгвістики, комплексної дисципліни, що сформувалася на стику мовознавства, фольклористики, міфології, бо має спільний з цими науками об'єкт вивчення, зокрема мову обрядів та ритуалів.

Позитивним моментом сучасних міждисциплінарних досліджень є те, що визначилась чітка тенденція до перетину інтересів представників двох напрямків у межах філології: фольклористів та етнолінгвістів. При цьому «міждисциплінарні відношення етнолінгвістики і фольклористики однаково не передбачають поглинання ні фольклористики етнолінгвістикою, ні етнолінгвістики фольклористикою» [2: 14]. Але і досі залишається актуальною проблема взаємовідношень між міфом, фольклором і ритуалом при вивченні джерел духовної культури. Обговорюється питання про первинність / вторинність міфу та ритуалу (наприклад, Леві-Стросс наполягав на первинності міфу; С. Неклюдов висловлює протилежну точку зору [13: 11—22]). Найважливіше при цьому: фольклорний матеріал, як і етнографічний, — це матеріал народної духовної культури, а міфологія є базовою сферою давніх народних культур [16: 31].

Отже, обряд можна розглядати як фольклорний текст. У широкому значенні фольклорний текст — це сукупність лінгвістичних та екстралінгвістичних факторів; це текст, узятий у подієвому аспекті; це мовлення, яке розглядається як цілеспрямована соціальна дія [8: 7]. Такий

погляд на фольклор викристалізувався під впливом теорій, що виникли в останні десятиліття в літературознавстві, етнології та лінгвістиці, зокрема теорії комунікації, лінгвістики тексту, прагматики, усної теорії, «етнографії мовлення» тощо [4: 7]. З іншого боку, в лінгвістиці обрядовий текст характеризується як синкретичний, або як гіпертекст. Щодо синкретизму творів усної культури, заслуговує на увагу думка Л. Копаниці, яка вважає, що його слід розуміти не тільки як збагачення одних видів творчості засобами вираження інших або як неможливість відмежувати факти вербальної творчості від інших способів художнього вираження. Синкретизм слід розглядати «як проблему світоглядну, як вираження універсальної природи творчості людини» [10: 31].

Особливості гіпертексту в широкому сенсі, зокрема обрядового гіпертексту, описані у дисертаційному дослідженні Н. Алатиревої. Абсолютно справедливими є думки автора про те, що обрядовий гіпертекст первісно існував в усній формі, але як матеріал для аналізу, наданий у розпорядження лінгвістів, існує у писемному вигляді [1: 28]. Важливим для розуміння обрядового тексту є поняття першодії, від точного відтворення якої залежить успішність сучасного обрядового дійства, а від точного повторення обрядового тексту залежить його ефективність [там само: 29].

Як відомо, в обряді виділяють три коди, три складові частини, або ланки: вербальну, акціональну, предметну, — які взаємодіють і доповнюють одна одну. Слід також пам'ятати, що обряд для наших предків — це не свято і не відпочинок у нашому розумінні, це — важливий соціальний акт, спрямований на захист і забезпечення виживання первісного колективу. Кожне обрядове дійство репрезентує сукупність нерозчленованих виконавцями мотивів, що виникають унаслідок домінування у міфологічній свідомості («все існує в усьому»), тобто репрезентують зв'язок усього з усім в оточуючому світі. Саме тому у весільному обряді зустрічаються мотиви врожайності, плідності землі. В той же час, урожай залежить від покровителів сім'ї-роду — померлих предків, звідси — похоронні мотиви у весіллі (експліцитне звертання до предків про допомогу), що посилюються необхідністю підтримки рівноваги соціальної системи. Саме тому наречена проходить стадію вмирання, «відчуження» [1: 32]. Це підтверджують етимологічні розвідки сучасних лінгвістів, які довели, що лексема «невістка» пов'язана і з поняттям «невідома» і з поняттям «невидима», тобто така, що пройшла ініціацію — відродилася після символічного вмирання, яке символізує темрява [18].

У зазначеному вище дослідженні обрядового гіпертексту Н. Алатиревої детально розглядається номінативна ланка у його складі, що є природним для суто лінгвістичного дослідження. На наш погляд, декодування обрядового гіпертексту передбачає описання не тільки вербальної частини, а й двох інших кодів, зокрема акціонального (дієвого) і предметного. Основними одиницями кожного з трьох кодів є символи, які так само називаємо вербальними (функціонують у текстах обрядових пісень), акціональними і предметними, що описані в етнографічних текстах. Покажемо на конкретному прикладі синкретизм обрядового тексту і проаналізуємо символічні коди води у родинному, весільному і поховальному обрядах, бо вода широко застосовується в обрядах переходу з одного стану в інший: мається на увазі перша купіль немовляти, хрещення, весілля та ритуальне обмивання перед похороном [14: 78].

В українській міфології вода — це дар неба матері-землі; вона оживлює землю і робить її плодючою. Також вода виступає як спосіб магічного очищення. Води, за первісними уявленнями, поділяються на чоловічі і жіночі: перші — це дощові й снігові, тобто „небесні” води; жіночі — „земні”: води криниць, колодязів, джерел. Небесні води здатні запліднити землю. Вода нетерпима до всякої нечистої сили: вона змиває і топить напасті злих духів. Вода обожнювалася предками. У народі кажуть: „Будь багатий, як земля, а здоровий, як вода!” Вода очищує від гріхів. Вода, як і вогонь, може бути „доброю” і „злою”. Щоб задобрити воду при повенях, їй приносили жертву: в річку кидали курку чи півня або хоча б мишу. У сиву давнину топили коней, іншу домашню худобу. Водним демонам кидали хліб, грудкову сіль, варену рибу, мертворождалих дітей, здохлих тварин. Бджолярі топили перший рій у жертву водяному. У велику посуху виконувався ритуал викликання дощу [5: 83—84].

Символіку води у слов'янській народній поезії дослідив О. О. Потебня у магістерській дисертації (1860 р.). Серед сучасних досліджень необхідно виділити статті Л. Горошко про значення символу води [6: 521—524] і В. В. Жайворонка про етносимвольні асоціативні паралелі в українських народних піснях (під кутом зору О. О. Потебні) [7: 23—31].

Повінь, розлив води — символ печалі, горя. Отже, той, хто народився у повінь, буде, за народною прикметою, нещасним. Вода — символ жіночого начала. Свою воду — дівочу вроду — дівчата пильно охороняли. Коли хлопець передчасно нап'ється води або розб'ється посудина, де зберігається чарівна рідина, буде дівчині лихо [14: 79]. На заручинах дівчата співають: «Моя водиця дорога — дорожка меду і вина» [17: 164].

З водою пов'язане життя людини від народження до смерті. На Галичині кажуть: «Вода — наша мама», — бо вода є джерелом усякого органічного життя. У народі вважають, що вода буда від початку світу [7: 23-24] або ще навіть до створення світу — у вигляді первісного

«синього моря». Саме з неї з'явилися, за волею богів, земля, сонце і все живе. Тому вода є символом вічності й заодно плинності часу [14: 75].

Обливання водою — магичний народний обряд посилення щастя-долі, тому що дощ у міфологічній свідомості співвідносився з їжею, що наповнює, живить тіло. Дощ — це сім'я, яке запліднює землю, людину, тварину. Саме тому плідність землі асоціюється із плідністю жінки і тварини. Так, наприклад, у колядках та щедрівках водночас прославляють, тобто бажають плодочості дружині хазяїна, худобі, саду, полям. Існує паралель між символічними діями обливання та обсипання. Напередодні весілля мати нареченої обсипає майбутнього зятя зерном перед тим, як він увійде до хати. Дружки при цьому співають: «Ой сип, матінко, овесець, щоб наш овесець рясен був, щоб наш Юрасько красен був. Ой сип, матінко, пшеничку, щоб наша пшеничка рясна була, щоб наша Маруся красна була». В цьому контексті обсипання має подвійне значення: щоб хліб уродився колосистий і щоб зберігалась краса та здоров'я молодят [14: 100—101].

На Галичині обливали молодих перед виїздом до вінця, й дотепер є звичай лити воду під ноги нареченому і нареченій. Обливання як акціональний символ передає очищувальну, оздоровчу і запліднювальну силу дощу. Благословляючи молоду, батько проголошував: «Будь здорова, як вода, будь весела, як весна, будь родюча, як земля» [7: 24—25]. Доброю і зараз вважається прикмета, коли в день вінчання йде дощ. Для того, щоб молода пара могла побратися, хлопцеві й дівчині потрібно переправитися одне до одного через річку. Дунай у весільних піснях є межею, що відділяє дівчину від рідної сім'ї: «Тихая в Дунаю вода, добрая наша згода: то ж ми ся годили, вкупоньци посадили голуба з голубкою — Івася з Мариською» [17: 165].

У міфологічній свідомості існувало стійке уявлення про вододіл між цим і тим світами. Вода — це посередник між білим світом і світом померлих. Отже, вода була шляхом на той світ, і це вірування відобразилось у стародавньому обряді поховання, коли мерців клали в човен, який пускали на воду, або спалювали. Це повинно було прискорити і полегшити переправу душі на „той світ”. Сльози, як і вода, очищують. Вони також є посередниками між світами: щиро плачучи, людина ніби підноситься до небес. Але не можна дуже побиватись і плакати за померлим, бо слези можуть потривожити його [14: 76—77].

Проливання води в обряді пологів символізувало розкриття джерел. Після пологів баба-повитуха обмиває „родильницю”, яку потім називають „породілля”, а також новонароджену дитину. У першу купіль хлопчику кладуть щось залізне, щоб був міцним і здоровим, а дівчині — квіти, щоб її любили хлопці. До води звертаються, як до живої істоти, із проханням очистити дитину, або дорослу людину (хвору, зурочену): «Добрідень, водо Тетяно (Уляно)»; «Водице-кринице! Ти обмиваєш луги-береги, коріння, кремення, біле каміння, умий рожденного, хрещеного (ім'я) від усякої нечисті, від усякого бруду!» [там само].

Вода з давніх-давен має власні характеристики, наприклад, вода „Єлена” (за ім'ям своєї винахідниці) очищає від усього злого; *непочата вода* (джерельна) — та, що взята з криниці, річки, інших водойм до сходу сонця. Саме цю воду брали для ритуалу „зливки”, коли породілля обливала руки баби-повитухи. Є вода *купальська, правдива, свята, зоряна* тощо [5: 84—85].

Чиста вода символізує дівчину вірну, гарну, милу, любу; нечиста вода — невірну. Кроплення водою як магичний ритуал здійснюється свяченою водою, з одного боку, з побажанням щастя, долі, добробуту, а з другого, — з обереговою метою, щоб відвернути нечисту силу. Насамперед це здійснює баба-сповитуха. Бризкаючи породіллі воду на голову, вона примовляє: «Обливаю тебе від усякої дряховиці, полижної лихо виці... Всю біду, чари і бісниці вигоню геть з хати за двері... Тьфу, хай усе іще зає, пропадає геть далеко в безвісті страшні» [7: 29].

Ми розглянули тільки незначну частину акціональних і вербальних символів, пов'язаних з водою в текстах сімейних обрядів. Вода як елемент первісної віри належала до культу природи, якій поклонялися, бо вважали сильнішою за людину [7: 30]. Багато з того, у що вірили наші пращури, загубилося, але багато чого й залишилося, і ми маємо це обов'язково дослідити, зберегти і передати нащадкам.

1. Алатирева Н. Б. Номінативна ланка у середовищі українського обрядового гіпертексту: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Алатирева Наталя Борисівна. — Одеса, 2002. — 179 с.

2. Аникин В. О двух лингвистических направлениях в фольклористике / В. Аникин // Филологические науки. — 2004. — № 1. — С. 5—15.

3. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания / Н. В. Бардина. — Одесса, 1997. — 272 с.

4. Бріцина О. Ю. Українська усна традиційна проза: Питання текстології та виконавства / О. Ю. Бріцина. — К.: Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України, 2006. — 400 с.

5. Войтович В. М. Українська міфологія. — 2-ге вид. / В. М. Войтович — К.: Либідь, 2005. — 664 с.

6. Горошко Л. Знаковість символу води / Л. Горошко // Народознавчі зошити. — 2003. — № 3—4. — С. 521—524.

7. Жайворонок В. В. Етносимвольні асоціативні паралелі в українських народних піснях (під кутом зору О. О. Потебні) / В. В. Жайворонок // Мовознавство. — 2010. — № 6. — С. 23—31.

8. Іванівська О. П. Український фольклор як функціонально-образна система суб'єктності: Монографія / О. В. Іванівська. — К.: ТОВ УВПК „ЕксОб”, 2005. — 228 с.

9. Конобродская В. Л. Украинская этнолингвистика: направления развития, проблемы и задачи / В. Л. Конобродская // Славяноведение. — 2008. — № 4. — С. 104—114.
10. Копаниця Л. М. Поетичний текст в усній і книжній традиції: Питання поетики та художньої семантики: навч. Посібник / Л. М. Копаниця. — К.: ВПЦ „Київський університет”, 2010. — 397 с.
11. Кримський С. Б. Заклики духовності XXI століття / С. Б. Кримський. — К., 2003. — 32 с.
12. Мусієнко В. П. Методологічні проблеми моделювання картини світу / В. П. Мусієнко // Актуальні проблеми металінгвістики: Збірник статей за матеріалами IV Міжнародної наук. конф. — Черкаси, 2005. — С. 3—5.
13. Неклюдов С. Ю. К вопросу о фольклоре и обряде / С. Ю. Неклюдов // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. — М.: РГГУ, 2008. — С. 11—22.
14. Сто найвідоміших образів української міфології. — К.: Орфей, 2002. — 448 с.
15. Толстая С. М. Этнолингвистика и фольклор / С. М. Толстая // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия / К 70-летию юбилею Ф. М. Селиванова / Тезисы Международной науч. конф. (Москва, 29—31 октября 1997 г.). — М.: Диалог МГУ, 1997. — С. 37—38.
16. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — М.: Индрик, 1995. — 512 с.
17. Українські народні пісні в записках Зоріана Доленги-Ходаковського. — К.: Наук. думка, 1974. — 782 с.
18. Яковлева О. В. До проблеми відродження духовності в Україні / О. В. Яковлева // Вісник Львівського ун-ту. Серія філологічна, 2007. — Вип. 40. — Ч. 1. — С. 251—258.
19. Яковлева О. В. Символіка покривання голови нареченої у весільному обряді: етнолінгвістичне дослідження / О. В. Яковлева // Слов'янський збірник: Зб. наук. праць. — Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2011. — Вип. XIV—XV. — С. 421—427.

О. В. Яковлева

СПЕЦИФИКА ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Обрядовый текст филологи рассматривают как синкретический или как гипертекст. Предлагается комплексное исследование трёх кодов: акционального, предметного и вербального, — которые одновременно функционируют в рамках обрядового текста. Символы рассматриваются как основные единицы каждого из трёх кодов. Анализируется многозначность символа воды в украинских семейных обрядах.

Ключевые слова: обрядовый текст; синкретизм; гипертекст; вербальный, акциональный, предметный символы.

O. V. Yakovleva

SPECIFIC NATURE OF RITUAL TEXT AS AN OBJECT OF PHILOLOGICAL RESEARCH

The ritual texts and their peculiarities as hypertext are analyzed in the article. The author suggests the complex analysis of three codes of the ritual text: verb, action and subject. Symbols are the main units of each code, for example the symbol of water in family ceremonies.

Key words: ritual text; syncretism; hypertext; verbal, action, subject symbols.

УДК 811.161.1'367.332

О. В. ГЕЙНА

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена функционально-семантическому анализу моносемных детерминантов с объектным значением на материале русского и украинского языков. Представлена классификация данной подгруппы моносемных детерминантов, описаны модели предположно-падежных детерминирующих конструкций, передающих объектные значения, их лексико-грамматические заполнители, указаны способы распространения.

Ключевые слова: моносемный детерминант, объектный детерминант, модель детерминирующей конструкции.

В современной синтаксической науке при понимании предложения как такой единицы, в которой связи между словами не располагаются в одной плоскости, закономерно стремление выяснить виды синтаксической зависимости, возникающие именно в предложении и не поддающиеся описанию с точки зрения правил распространения слов в структуре словосочетания. К таким видам синтаксической зависимости можно отнести связь детерминирующих членов, в частности субъектно-объектных детерминантов, с предикативной основой предложения.

Нами выделено два основных, наиболее продуктивных в современном русском и украинском языках типа субъектно-объектных детерминантов: 1) моносемные детерминанты и 2) дисемные детерминанты. Эта классификация, думается, наиболее точно отражает семантико-синтаксический подход к изучению названной категории в простом предложении русского и украинского языков, так как учитывает главные семантические признаки самостоятельных распространителей предложения в целом.

В современном русском и украинском языках, как показывают наблюдения, много простых предложений с субъектными и объектными детерминантами, которые могут быть объединены в группу моносемных детерминантов. Основанием для такого объединения служит количество семантических компонентов в одном детерминирующем члене предложения. Моносемный детерминант включает один семантический компонент. В данном случае это либо субъект, либо объект.

Цель данной статьи — функционально-семантический анализ моносемных детерминантов с объектным значением на материале русского и украинского языков.

Моносемные детерминанты с объектным значением выражают семантический объект, то есть тот(то), на кого(что) направлено действие, к кому(чему) обращено отношение, эмоциональное, интеллектуальное состояние либо вся ситуация в целом. Объектные моносемные детерминанты по семантике делятся на несколько ситуативных групп, указывающих на:

а) объект-адресат, например: *Музею отдан большой дом, который сейчас перестраивается и приспособляется к своему назначению (М. Алигер); Ем у даже дали немного денег (А. Гончар); Мне дали место в салоне на облезлом клеенчатом диване (К. Паустовский); Живущей родней небогата, чужие скликаю миры, ты мне не оставила брата и не подарила сестры (Л. Васильева) // І так було радісно від того, що мені, кволій жінці, випала аж така щаслива доля — йти разом з вами в безсмертя (Р. Іваничук);*

б) объект-адресат, входящий во множество: *Всем будет хорошо: рабочим, крестьянам, интеллигенции (В. Астафьев); Никто на фельдшерлицу не охотился, она ни на кого не охотилась, в годах уже была и, как положено равноправной женщине, в услужу использовала воскресный день — стирала, мыла, прибиралась (В. Астафьев); «Я на всех беру молочные, Люда на всех — колбасу, Матильда Викуловна — мясо» (В. Баязин) // Хто прийде, сяде за стіл, місця для всіх вистачить (З. Легкий);*

в) объект мысли, знания, речи, отношения: *Всё уже давно с книгой Сошнина решено (В. Астафьев); С остальными ребятами было попроще (Ю. Бондарев); В обиходе люди стали о пустяках говорить сложными словами, а о важных делах — пустяковыми (В. Владимиров); Возвращаюсь и слышу упрек сатаны. — Как, увы, беспринципные люди сильны, могут все, что угодно, они сотворить, чтобы стали о них хорошо говорить (Л. Васильева); Потом некоторое время об Эрenburgе ничего не было известно, и злые языки уже не прочь были посудачить о том, что он вообще не вернётся (М. Алигер); И это не обо мне сказано, Акредов (В. Баязин) // Йї, виявляється, ну просто необхідно подивитись на ту сенсаційну слов'янську Мадонну, що про неї тут зараз стільки розмов (О. Гончар);*

г) объект, к которому обращено требование, желание: *От тех женщин, которые с её сыновьями сегодня рядом, требует только одного — любить ее мальчиков и жалеть, потому что у них очень тяжелая работа (Н. Федорова); — Режиссеру знать полагается все, — сказал Эйзенштейн. — И для всего находить зрительное выражение (К. Паустовский) // Від нього (вимагає праці), може, особливо винахідливої (Н. Ковалик); Нехай ще трохи відпочине, їй довго доведеться мені служити (В. Дрозд);*

д) объект непосредственного приложения деятельности: *С ней работать достаточно легко (П. Улитин); Совхозники с кооперацией тоже нынче не в дреме, зевать нельзя (В. Владимиров); — Ну и что мне теперь с этим делать? (С. Задереев); С тобой уже неинтересно работать (Н. Омельченко) // Чого з дітьми тільки не буває (А. Морговський); Треба вміти з ними боротися, тримати себе за будь-яких обставин (Н. Ковалик);*

е) объект, к которому обращено отношение или относительно которого совершён поступок, выявляющий отношение: *А Карп Иванович, напротив, услышав это, укоризненно покачал головой, не одобрил некорректного поведения по отношению к отсутствующему коллеге, который в силу последнего обстоятельства не мог защитить собственной репутации (В. Баязин); И вот тогда его посетила странная мысль о возможном прикрытии этой одобрительностью — чего-то другого, явно недоброго по отношению к нему, допущенного Лидией Викторовной (В. Владимиров); Человеку всегда приятнее, если с ним на равных советуются (В. Владимиров); Со стихами Чуковского связано для меня первое в жизни соприкосновение со славой (М. Алигер); Коновалову стало неловко перед собой, когда он вспомнил про табличку, но он любил эту табличку, в чем, правда, никому не признался бы никогда (В. Владимиров); Жён твоих по пальцам перечла, перед каждой странно виновата, что тебя у них не отняла, а случайно увела куда-то (Л. Васильева)*

// *Ой діточки мої, що ж із вами зробила та турецька неволя! (Л. Забашта); Перед сусідами навіть соромно (Б. Харчук).*

Объектные детерминанты в современном русском и украинском языках представлены следующими моделями падежных и предложно-падежных конструкций:

1) *ДляN2 (Pron2)*, *OmN2 (Pron2)* — в русском языке, *ДляN2 (Pron2)*, *ВідN2 (Pron2)* — в украинском языке. Родительный с предлогами в детерминирующей позиции выражает следующие значения объектных детерминантов: объект-адресат, входящий во множество (*ДляN2 (Pron2) // ДляN2 (Pron2)*), объект, к которому обращено требование, желание (*OmN2 (Pron2) // ВідN2 (Pron2)*);

2) *По отношению кN3 (Pron3)*, *N3 (Pron3)* — в русском языке, *N3 (Pron3)* — в украинском языке. Дательный беспредложный и предложная форма данного падежа используются для передачи таких значений: объект-адресат (*N3 (Pron3) // N3 (Pron3)*), объект-адресат, входящий во множество (*N3 (Pron3) // N3 (Pron3)*), объект, к которому обращено требование, желание (*N3 (Pron3) // N3 (Pron3)*), объект, к которому обращено отношение или относительно которого совершён поступок, выявляющий отношение (*По отношению кN3 (Pron3)* — в русском языке);

3) *НаN4 (Pron4)* — в русском языке, *НаN4 (Pron4)* — в украинском языке. Винительным с предлогом выражаются значения: объект-адресат, входящий во множество; объект непосредственного приложения деятельности;

4) *CN5 (Pron5)*, *ПередN5 (Pron5)* — в русском языке, *ЗN5 (Pron5)*, *ПередN5 (Pron5)* — в украинском языке. Творительный с предлогами в детерминирующей позиции включает конструкции, называющие: объект, к которому обращено отношение или по отношению к которому совершён поступок, выявляющий отношение (*CN5 (Pron5) // ЗN5 (Pron5)*; *ПередN5 (Pron5) // ПередN5 (Pron5)*); объект касательства, мысли, знания, речи, отношения (*CN5 (Pron5) // ЗN5 (Pron5)*), объект непосредственного приложения деятельности (*CN5 (Pron5) // ЗN5 (Pron5)*);

5) *ON6 (Pron6)* — в русском языке, *ПроN6 (Pron6)* — в украинском языке. Данной предложно-падежной формой передается значение объекта мысли, знания, речи, отношения.

Наиболее употребительными формами для выражения значений объектных детерминантов являются: *CN5 (Pron5) // ЗN5 (Pron5)*; *N3 (Pron3) // N3 (Pron3)*; *НаN4 (Pron4) // НаN4 (Pron4)*. Модели с предложным родительным падежом (*ДляN2 (Pron2) // ДляN2 (Pron2)*; *OmN2 (Pron2) // ВідN2 (Pron2)*) используются в гораздо меньшем количестве для выражения объектных значений детерминантов (в отличие от субъектных детерминантов, где они являются продуктивными формами). Предложно-падежные формы *ПередN5 (Pron5) // ПередN5 (Pron5)*, *По отношению кN3 (Pron3)* также мало употребительны. Конструкция *ON6 (Pron6) // ПроN6 (Pron6)* может быть названа «противоречивой», так как, являясь наименее продуктивной формой выражения значений объектных детерминантов, она используется для передачи одного из продуктивных значений данной группы детерминирующих членов.

Основными лексическими заполнителями данных моделей являются имена существительные (конкретные и абстрактные), местоимения (личные, отрицательные, неопределенные), а также субстантивированные лексемы. Например: *О ноге не беспокойся, новую выдадут, в казённом месте и за счёт казны (В. Астафьев); Я ничего о счастье не слыхала, пока оно ко мне не подошло и не повисло цепью на заборе, на шее гирей, пауком в окне — в нем столько было горечи и горя, что я в него поверила вполне (Л. Васильева); Недаром о них существовала старая поговорка: «Кромы — всем ворах хоромы, Ливны — ворами дивны, а Елец — всем ворах отец» (К. Паустовский); Это про неё Пушкин сочинил: «Кабы я была царица, — говорит одна девица, — то на весь крещённый мир приготовила б я пир» (В. Астафьев); Мысль мелькнула: «Он о том, что будет, я о том, что было и что есть» (Л. Васильева); Обо всём он говорил по-своему и так, что это запоминалось на всю жизнь (К. Паустовский); С этим всё ясно (В. Сологуб) // Данилові ж випала така фортуна, що Мономахові їй снитися не могла: немає нині місця милосердю, весь народ мусить бути зібраний до купи міцною десницею володаря, щоб міг вистояти перед страшним силою ї жорстокістю ворогом, і хто не коритиметься цій руці, буде скараний — така воля часу, а не князевя (Р. Іваничук).*

Представленные модели предложных форм и предложно-падежных сочетаний на основе при словных связей могут распространяться именами прилагательными, существительными, местоимениями. Например: *О памяти и вездесущности Корнеева ходили легенды (В. Владимиров); Как водится, начал Коновалов издавека, вспомнив только что приключившуюся с Биндой историю в окраинном Дворце культуры — о реплике известного поэта Коновалову уже успели поведать невзначай (В. Владимиров); Об устранении вышеуказанных недостатков сообщите срочно и лично мне (В. Владимиров) // Недарма ж кожному небіжчику кладуть у рот монету (І. Немирович); З тим*

ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ, ТЕКСТИКИ, ДИСКУРСОЛОГІЇ

питанням зупинила яюсь струнку лікарку, від якої завше пахло ліками й домашнім теплом (Н. Ковалик).

Таким образом, объектные детерминанты представляют собой группу моносемных детерминантов, свободно функционирующих в простом предложении современных русского и украинского языков.

В процессе дальнейшего анализа данного вида детерминирующих членов предложения возможно изучение вопроса о сходстве и различии семантико-синтаксических форм, выражающих субъектно-обстоятельственные отношения в современных русском и украинском языках. Это будет способствовать решению ряда проблем в области сопоставительного синтаксиса двух близкородственных языков.

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. — М.: Высшая школа, 1990. — 166 с.
2. Брицин М. А. та ін. Порівняльна граматики російської і української мов. — К.: Вища школа, 1987. — 262 с.
3. Вихованець І. Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови. — К.: Наукова думка, 1992. — 224 с.
4. Русская грамматика: Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — Т. 2. — 709 с.
5. Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. — 1964. — № 6. — С. 77—93.

О. В. Гейна

ПРО КЛАСИФІКАЦІЮ СУБ'ЄКТНО-ОБ'ЄКТНИХ ДЕТЕРМІНАНТІВ У СУЧАСНИХ РОСІЙСЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

Статтю присвячено функціонально-семантичному аналізу моносемних детермінантів з об'єктивним значенням на матеріалі сучасних російської та української мов. Надано класифікацію даної підгрупи моносемних детермінантів, моделі детермінуючих конструкцій, що передають об'єктивні значення, засоби їх поширення.

Ключові слова: моносемні детермінанти, об'єктивні детермінанти, модель детермінуючої конструкції.

О. V. Geyna

THE MONOSEMOUS DETERMINANTS IN THE STRUCTURE OF SIMPLE SENTENCE IN MODERN RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES

The article is dedicated to the functional semantic analysis of monosemous determinants with objective meaning in the Russian and Ukrainian languages. The author suggests a classification of the monosemous determinants and describes models of the prepositional and case determinant constructions.

Key words: monosemous determinant, objective determinant, determinant construction model.

Р. ГРЕНАРОВА

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье описан опыт использования новых образовательных информационных технологий в обучении русскому языку в Чехии, высказан новый взгляд на перспективы функционирования информационных технологий в сфере образования. Продемонстрированы возможности имплементации системы e-learning обучения, on-line и of-line курсов и PowerPoint презентации в систему иноязычного образования.

Ключевые слова: обучение русскому языку как иностранному, информационные технологии, инновации в обучении, e-learning обучение, on-line и of-line курсы, PowerPoint презентации.

Основная цель преподавания иностранных языков — помочь учащимся овладеть иностранным языком не только как системой, но и как средством коммуникации, усвоить интеркультурные и кросскультурные компетенции, лингвореалии, новые умения и знания о жизни народа данной языковой области и государства, о географических, экономических, политических, социальных, культурных и других условиях того или иного народа — носителя иностранного языка. Кроме того, учитель, преподаватель на занятиях развивает у учеников и студентов ключевые компетенции: коммуникативные, социальные, персональные, гражданские и рабочие, компетенции к обучению, к решению проблем. Деятельность современного учителя стала более напряжённой и трудной.

1) Система образования и обучение иностранным языкам в Чешской республике. Цели *Национальной программы развития образования* исходят из так называемой *Белой книги*, обучение русскому языку осуществляется сегодня в Чехии по программе *Общая образовательная программа для основного образования* (далее — ООП ОО) — это комплексный педагогический документ, в котором определены представления государства о направлении, содержании и результатах общего школьного образования. ООП ОО определяет, кроме ключевых компетенций, образовательные области основного образования и его основные темы, методы и приёмы. Ожидаемые результаты носят практический характер, т. е. они ориентированы на практическую деятельность и используются в повседневной жизни.

Русский язык в ООП ОО включён в образовательную область *Язык и языковая коммуникация*. Задача обучения иностранному языку — это создание подходящих условий для будущего участия учащихся во взаимокommunikации в мировом пространстве и подготовка учащихся к практическому использованию иностранного языка в повседневных ситуациях.

2) Новые образовательные информационные стратегии и технологии обучения русскому языку как иностранному. При обучении русскому языку реализуются три основные цели — коммуникативная, информационная и формативная. Основной задачей коммуникативной цели является развитие комплексной речевой грамотности и овладение языковыми средствами. Для достижения теоретических или практических целей необходимо правильно подобрать подходящие методы и приёмы, соответствующие возрастным особенностям и знаниям учеников. Выбор методов зависит от следующих факторов:

- возраста учеников или студентов;
- изучаемого учебного материала;
- количества учеников в классе или студентов в группе;
- предшествующего опыта, связанного с изучением иностранных языков;
- возможности работать на основе родного языка учеников или студентов;
- актуальной ситуации на каждом уроке.

Выбор метода — очень важный процесс, являющийся гарантией успешных результатов обучения. Качество обучения зависит от выбора соответствующих форм и приёмов обучения. Это средства и способы организации обучения, которое может осуществляться в классе, в языковой лаборатории, в компьютеризированном кабинете. Имеется также возможность практически использовать на уроке иностранного языка разнообразные средства — «классические словари», научную литературу и различную новейшую технику — обучающее CD, DVD, компьютер, Интернет, on-line или of-line (онлайн/офлайн) языковые курсы, on-line электронные словари иностранных языков, электронную почту, презентации PowerPoint, интерактивную электронную доску и др.

3) Образовательные информационные технологии в обучении русскому языку. В последнее время учитель имеет возможность пользоваться новыми образовательными компьютерными

технологиями в обучении русскому языку. Эти технологии помогают ученикам и студентам познавать жизнь людей в других странах. Ученики и студенты при помощи фрагментов фильмов, текстов, аудиозаписей, газет и журналов, реклам и в рамках on-line и of-line курсов русского языка как иностранного знакомятся с культурой, традициями, привычками и бытом иностранцев — носителей изучаемого иностранного языка, а также углубляют сознание международного взаимопонимания, уважения, сочувствия, эмпатии и толерантности.

Образовательные информационные технологии в обучении русскому языку обеспечивают контакт с иноязычной средой, быструю передачу словесного, образного и музыкального материала. К их самым важным функциям относятся:

— посредничество и презентация нового учебного материала, так как образовательные информационные технологии участвуют в его презентации;

— возможность индивидуальной работы и самостоятельного обучения, занятие иностранным языком в домашних условиях или под руководством учителя (это касается не только учеников и студентов с особыми или специфическими образовательными потребностями, недостатками или затруднениями, вызванными отклонениями в развитии, но и с ограничением возможностей и способностей физической или психической сферы);

— стимулирование мышления, общего уровня интеллекта и быстроту мысли, критического мышления, самостоятельной работы с полученной информацией;

— быстрое восприятие информации, если она подана в интересных современных и новейших формах;

— приближение вне языковой деятельности (ученик или студент, не имея прямых контактов с носителями языка, может посредством этих технологий ознакомиться с историей, традициями, культурой, достижениями науки и техники, с географией и политикой конкретного народа или государства).

По способу употребления и по форме работы можно определить две основные группы компьютерных образовательных технологий обучения русскому языку: системы on-line и of-line.

4) On-line компьютерные образовательные технологии обучения русскому языку — e-learning и on-line курсы. У нас накоплен личный опыт разработки, составления, организации, администрирования и реализации on-line и e-learning курсов русского языка (прежде всего для начинающих). Этими интерактивными курсами ученики и студенты могут пользоваться ежедневно:

1) курс *Основы русского языка* на сайте кафедры русского языка и литературы Университета им. Масарика в Брно: www.ped.muni.cz/wrus;

2) курс *Русский язык* на сайте педагогического факультета Университета им. Масарика в Брно: www.ped.muni.cz;

3) курс *Курс русского языка* на сайте Университета им. Масарика: www.is.muni.cz;

4) курс *Moodl-linka — русский язык для начинающих* на сайте MOODLE: www.moodle.com.

Опишем коротко on-line курс *Moodl-linka — русский язык для начинающих* на сайте MOODLE. Курс русского языка для начинающих является неотъемлемой частью проекта создания сети поддержки инновационных форм непрерывного образования учеников, студентов, учителей и школьных администраторов посредством электронного обучения Moodle системы — подробнее сайт MOODLE: www.moodle.com. Наш курс состоит из 25 уроков, разработанных на базе учебника *Русский язык не только для самостоятельного обучения* [6: 8—258]. Курс предназначен для начального этапа (с 1 до 15-го уроков) и для продвинутого этапа обучения русскому языку (с 15 до 25-го уроков). Ученик или студент постепенно достигает степеней и уровней, соответствующих *Общим Европейским Стандартам преподавания иностранных языков*, конкретно A1, A2 (уроки 1—15) и B1 (уроки 15—25).

У первых семи уроков отсутствует определение конкретной темы, потому что главной целью этих уроков является изучение азбуки в письменном и устном виде и практическое усвоение правильных навыков произношения и интонирования с помощью так называемого «вводного аудио-орального курса». Сначала студент может только прослушать новые слова, словосочетания и коротенькие предложения, потом повторяет их вместе с диктором и работает с фонетическими упражнениями, стихами, языколомками, стихами, скороговорками, пословицами и др.

С восьмого урока материал каждого урока подготовлен в соответствии с тематическим принципом, т. е. студент проходит постепенно такие темы, как Речевой этикет; О себе (имя, фамилия, возраст); Мои друзья; Моя семья (родители, брат, сестра, бабушка, дедушка); Наш дом, наша квартира; Мой день рождения; Наша школа. Предметы, которые я изучаю. Иностранные языки. Обычный школьный день; Свободное время; Каникулы; Моя любимая книга; Телевизор в жизни человека; Мой любимый фильм; Музыка; Виды спорта. Спортсмены; Какие люди мне нравятся; Черты характера; Семейные отношения. Семейные праздники; Что бы я хотел изменить в моем характере?; Почему я выбрал русский язык? Чем он меня привлекает?; Мой

любимый учитель. Как можно улучшить школьное обучение?; Моя страна. Столица. Интересные места; Город, в котором я живу; Какие увлечения есть у меня и моих друзей; Что бы я хотел увидеть в России?; Популярные личности моей страны, России; Олимпийские игры. Спорт в жизни нашей страны; Природа. Как связан человек с природой. Надо ли охранять природу?; Искусство и молодёжь. Виды искусства. Роль искусства в моей жизни; Национальные сувениры.

Постоянно развиваются коммуникативные компетенции, личность ученика или студента, учитывается родной язык обучаемого, чешско-русская интерференция близкородственных славянских языков. Учитель пользуется индивидуальным подходом к ученику или студенту, поддерживает его автономию и укрепляет взаимосотрудничество и взаимопонимание. Урок всегда начинается с вводного текста, который служит средством мотивации обучения. Затем учитель объясняет новые слова и термины, выполняет с учащимися лексические и лексико-грамматические упражнения, интерпретирует и комментирует внеязыковые явления, с которыми сталкиваются ученики. Выполняются ситуационные упражнения. Впоследствии на уроке объясняется коммуникативная грамматика: особенности русской орфографии, морфологии, лексики и синтаксиса. В каждом уроке учащийся найдёт ссылку на другие ресурсы и сайты, рекомендуемую литературу, рубрики «Это интересно», «Для развлечения», «Важно — неважно», а также вопросы для самоконтроля и языковой тест по пройденному материалу.

Каковы «сильные стороны» и преимущества электронного обучения иностранному языку? Результаты зависят прежде всего от студента. Плюсы — это индивидуальный темп работы, устранение стресса и страха неудачи, возможность обучать учащихся со специфическими образовательными потребностями, дистанционная форма обучения, выбор стратегий, прослушивание и чтение аутентичных текстов, дополнение и укрепление междисциплинарных связей, эстетические и эмоциональные аспекты обучения иностранному языку только по выбору обучаемого. Тесты и мониторинг позволяют участникам процесса обучения постоянно контролировать уровень своих знаний и умений, повышать свою совместную ответственность за результаты, право выбора, ученик укрепляет свою автономию.

В чём «минусы и недостатки» электронного обучения иностранному языку? Коротко: Кандидаты должны иметь достаточную мотивацию и сильную волю. После первоначального энтузиазма и успеха приходит «кризис». Необходимо преодолеть этот кризисный этап с помощью автора курса, учителя, других учащихся.

В чём состоит наш опыт? При работе над курсом мы, разумеется, сталкивались с разными техническими проблемами, часто обусловленными различиями графики (латиница и кириллица), требованиями к СМИ, к системе обработки изображений, рисунков, видеозаписи и т. п. Первый год работы было очень трудно получить любую аудиозапись в формате MP3, не говоря уже о мультимедийных пособиях. Все графические материалы должны быть оцифрованы в формате, который ограничивает технические возможности участия в процессе обучения некоторых кандидатов. Возникло также ограничение с точки зрения основной скорости доступа в Интернет: 2 Мбит/с. С другой стороны, положительным стал тот факт, что, например, RUNET.RU, RAMBLER.RU, по сравнению с 2006 годом, развивается беспрецедентными темпами. Вот в этом и заключается огромный потенциал электронного on-line обучения русскому языку. Ведь русский язык является родным языком почти 140 миллионов человек. Очень быстро повышается техническое качество конкретных услуг: распределение аутентичных материалов и сообщений, аудио- и видеозаписей, а также другие интересные связи и новые формы письменного общения: форумы, блоги, чаты, SMS и электронная почта.

5) Of-line компьютерные образовательные технологии обучения русскому языку — обучающее CD и презентация PowerPoint. Обучающее CD и презентацию PowerPoint мы можем использовать в качестве дополнения — например, в форме рабочих листов и дополнительных упражнений, или самостоятельно, независимо от других упражнений. Учащиеся с самого раннего возраста пребывают в повседневном контакте с компьютером, большинство школ оборудовано языковыми кабинетами, в которых предусмотрена одновременная работа большого количества учащихся. Составными частями этих обучающих CD программ и презентаций PowerPoint являются тесты, викторины, языковые игры, песни, картинки, тексты, загадки, языколомки и другие интересные задания.

Во время работы с программой обучающего CD и с презентацией PowerPoint необходимо придерживаться следующих правил:

1. Программа реагирует на щелчок мыши.
2. Выбираем подходящее окно, нажимаем на него с помощью мыши.
3. Окно раскроется, мы увидим его на мониторе.
4. В нижнем левом углу нажимаем на символ «презентация» (Кубок).
5. На мониторе появится пустой экран, после каждого щелчка появляются соответствующие предложения и слова.
6. Презентацию заканчиваем нажатием клавиши Esc.

В рамках роботи с образовательными информационными технологиями необходимо применять следующие принципы и правила:

1. Точная формулировка задания. Учащимся необходимо сообщить цель урока, т. е. чего хотим достигнуть и зачем.

2. Пояснение критериев, требований, по которым будет оцениваться работа ученика. Учащийся должен быть ознакомлен с точными правилами выполнения задания. Ему должно быть понятно, чего от него ожидает учитель в той или иной деятельности. В первую очередь, положительно оценивается то, что все учащиеся справились с поставленной задачей, а затем уже оценивается качество выполненного в целом и каждым из учащихся. Тем самым даём возможность испытать чувство успеха и менее талантливым ученикам. Контрольные тесты нам служат для оценки знаний, при которой на первое место ставим качество выполнения поставленной задачи.

3. Подведение итогов в конце каждого вида деятельности (и в конце урока): оценка деятельности, анализ хода урока и деятельности, комментарии и наблюдения учеников.

Обучающее CD и презентация PowerPoint составляют совокупность практических упражнений, применение которых должно научить обучаемого употреблять конкретный языковой материал в своей речи, а главное, преодолевать языковой барьер при общении с иностранцем. Рабочие листы и практические упражнения предоставляют возможность самостоятельно закреплять и тренировать знания различных фонетических, лексико-грамматических или стилистических явлений на основе изученного языкового материала. Потому рабочие листы в рамках обучающего CD и презентации PowerPoint созданы таким образом, чтобы учащиеся имели возможность сами выбрать скорость, темп и способ работы, которые их устраивают и способствуют антистрессовой стратегии обучения.

Обучающее CD и презентации PowerPoint содержат в себе как прямые конкретные упражнения для закрепления того или иного языкового материала при помощи дополнительных упражнений, так и не прямое косвенное закрепление материала посредством выполнения заданий на рабочих листах и с помощью дидактических игр, которые предназначены и для так называемых «развлекательных минуток» во время занятий.

6) Роль учителя русского языка как иностранного. Одним из самых важных факторов образования и воспитания является личность учителя. От учителя многое требуется. Он должен владеть знаниями философии, педагогики и психологии, истории, методики преподавания данного предмета, специальными знаниями по данному предмету и используемым техническим средствам. Кроме того, необходимо, чтобы учитель русского языка умел привлечь внимание учеников к своему предмету с целью преодолеть первые языковые трудности. Восприимчивый и ласковый подход учителя к ученикам играет важную роль в обучении русскому языку. Новейшие средства и технологии учителю только помогают, они являются дополнением или его помощниками. При разработке on-line или of-line компьютерных образовательных технологий обучения русскому языку мы должны учитывать, что возможен «Первый блин комом», а поэтому продумывать каждую мелочь при подготовке к работе. И, наконец, разрешите пожелать потенциальным кандидатам этих курсов терпеливости, воли, целенаправленности, короче «Ни пуха, ни пера! (— К черту!)» или на чешском „Zlom vaz!“.

1. Гренарова Р. Преподавание русского языка на начальном этапе в чешской школе (стили обучения, средства мотивации, стратегии, методы) // Традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного. — М., 2006. — С. 54—56.

2. Grenarová, R. Jazykový kurs ruštiny // Moodle v síti. — Brno, 2008. — S. 24—25.

3. Grenarová, R. Styly učení a jejich využití v jazykovém vyučování na 2. stupni ZŠ // Autonomie a cizojazyčná výuka. Autonomie v teorii, edukační praxi a lingvodidaktickém výzkumu. — Brno, 2006. — S. 93—99.

4. Grenarová R. K využití multimediálních programů a Internetu ve výuce jazyků // Nové technologie ve výuce jazyků. — Praha, 2001. — S. 27—30.

5. Grenarová, R. Vyučovací proces, Internet a moderní komunikační prostředky // XVIII. Mezinárodní kolokvium o řízení osvojovacího procesu. — Vyškov, 2000. — S. 73—149.

6. Nekolová, V. Ruština nejen pro samouky. — Praha, 2007.

7. Váňová, T. Moodle v síti. — Brno, 2008.

Р. Гренарова

НОВІ ОСВІТНІ ІНФОРМАЦІЙНІ ТЕХНОЛОГІЇ У НАВЧАННІ РОСІЙСЬКІЙ МОВИ

У статті описано досвід використання нових освітніх інформаційних технологій у навчанні російській мові у Чехії, показано можливості, висловлено новий погляд на перспективи функціонування інформаційних технологій в освітній сфері. Продемонстровано можливості імплементації системи e-learning навчання, on-line й of-line курсів і PowerPoint презентації до системи іншомовної освіти.

Ключові слова: навчання російській мові як іноземній, інформаційні технології, інновації в освіті, e-learning навчання, on-line і of-line курси, PowerPoint презентації.

R. Grenarová

NEW EDUCATIONAL INFORMATION TECHNOLOGIES IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

The paper deals with the use of new Educational information technologies in teaching the Russian language, new possibilities of using informational technologies in education, the technology of education and also the technology itself. This article demonstrates the possibilities of implementation of e-learning courses, on-line and of-line educational courses and PowerPoint presentation in the foreign language education.

Key words: New educational information technologies, learning the Russian language, education, e-learning courses, on-line and of-line educational courses, PowerPoint presentation.

УДК 811.161.1'81'367.625.431/.432/.433:(510)

МЭН СЯ

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ВИДОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

В статье представлены эффективные лингводидактические методы и приёмы обучения китайцев правильному использованию форм совершенного и несовершенного вида, прошедшего и будущего времени в русском языке.

Ключевые слова: лингводидактические методы и приёмы, русский язык в Китае, вид глагола, время глагола.

Академик В. Виноградов называл в своих трудах русский глагол «солнцем русской грамматики». Столь яркое определение имеет серьёзные основания. Именно глубокое знание глагольной системы определяет способность восприятия, понимания и воспроизводства русской речи языковой личностью. Это обстоятельство связано с предикативным характером русского языка и активным употреблением видовременных глагольных форм в качестве предиката. Исходя из этого положения и руководствуясь практическими задачами обучения РКИ, мы увидели серьёзную необходимость в разработке вопроса о категориях вида и времени русского глагола в китайской аудитории обучающихся русскому языку.

В морфологии глагол является одной из наиболее сложных частей речи с точки зрения образования и функционирования. Глаголы обозначают действия, процессы, состояния и обладают категориями наклонения, вида, времени, залога, а также числа, лица, рода. Только перечисленные категории свидетельствуют о многообразии глагольных форм и, разумеется, о трудностях в изучении русского языка китайцами.

Известно, что изучение грамматики имеет общеобразовательное значение, помогает осознать устройство языка, уяснить законы его функционирования и роль в обществе, поэтому мы считаем, что изучение грамматики должно лежать в основе общелингвистического образования студентов. Изучение иностранного языка развивает лингвистическое чутьё учащихся, помогает им внимательнее присмотреться к особенностям родного языка, осознать специфику его строя в сравнении с изучаемым языком. По этой причине сравнительный метод мы часто используем на занятиях по русской грамматике.

В современном Китае почти все студенты-русисты до начала изучения русского языка обучались английскому языку в школе как первому иностранному. С категорией наклонения они уже знакомы из курса английского языка. И поэтому из всех указанных категорий наклонение — несложная для понимания китайскими студентами-русистами категория. Более сложной и важной для понимания системы русского глагола является категория вида. Вид — уникальное понятие славянского глагола; китайские студенты до начала изучения русского языка не сталкиваются с этой категорией при изучении китайского, английского, испанского, французского языков в школе. Нередко китайские учащиеся продвинутого этапа и даже преподаватели русского языка ошибаются в употреблении СВ и НСВ. В связи с этим необходимо найти эффективные методы объяснения и обучения правильному употреблению глагольных форм СВ и НСВ, чтобы учащиеся понимали эту категорию и правильно употребляли [3, с. 375].

Приступая к изучению категории вида, следует указать, что она тесно связана в русском языке с категорией времени. Система глагольных времён в русском языке достаточно проста. Время глагола показывает, **когда**, но не объясняет, **как** происходило, происходит или будет происходить действие: один или много раз, в определённое время или по обыкновению, было действие протяжённым или мгновенным, являлось ли оно законченным и сохраняется ли ре-

зультат этого действия к настоящему моменту. В германских и романских языках система глагольных времён намного сложнее, чем в русском, однако эти языки не имеют категории вида. Информация, заложенная в категории вида в русском языке, в других европейских языках, популярных в Китае, передаётся различными временными формами. Так, в английском языке существует сложная система времён, где есть, например, несколько форм прошедшего времени (Past Simple, Past Continues, Past Perfect), каждая из которых даёт информацию не только о том, когда происходило действие, но и как оно происходило. В родном же для студентов китайском языке отсутствуют грамматические категории и вида, и времени, а передаваемые ими значения выражаются лексически. Опыт нашей работы показывает, что на уроках русского языка в китайской аудитории следует уделять серьёзное внимание работе, связанной с выработкой навыков подбора лексических эквивалентов русских видовых и временных значений при переводе на китайский и китайских лексико-синтаксических моделей, эквивалентных русским грамматическим формам вида и времени глагола. Это значительно облегчит трудности китайских студентов при изучении русского вида и времени.

В китайской аудитории объяснение русской видовойременной системы начинается с формы настоящего времени несовершенного вида. Значение этой формы наиболее понятно носителям китайского языка. В настоящем времени употребляются глаголы только несовершенного вида, который указывает на неограниченность действия в момент речи. В китайском языке существуют слова, лексически передающие данное грамматическое значение русского глагола. Например, служебные слова: *zai, zhe, zheng* и др.; знаменательные слова: *jianjian* и *manman* — постепенно; *jintian* — сегодня; *xianzai* — сейчас; *meitian* — ежедневно; *riqi* — с каждым днём; *jiangchang* — часто; *changchang* — постоянно; *bushi, shishi* — изредка; *buduan* — непрерывно; *lvc* — много раз; *yongquan* — всегда; *tongchang* — обычно; *youshihou* — иногда; *henshao* — редко; *yongjiu* — вечно; *yizhi* — всё время и др.; временные обороты *meitianwanshang* — каждый вечер; *yitianliangci* — дважды в день; *yizhouyici* — раз в неделю; *lianggeyue* — два месяца; *yizhengtian* — целый день; *meizhouli* — каждую субботу; *meifengxingqitia* — по воскресеньям и др. Перечисление лексических эквивалентов помогает учащимся понять видовое значение глаголов настоящего времени.

Намного сложнее китайским учащимся определить видовое значение в формах будущего и особенно прошедшего времени. Изучение мы рекомендуем начинать с демонстрации таблиц (см. табл. 1, 2), в которых сравниваются формы глаголов несовершенного и совершенного вида в прошедшем и будущем времени.

Наряду с методом наглядности, при изучении форм и значений НСВ и СВ прошедшего и будущего времени активно используется эвристический метод. При этом большинство заданий, как и при изучении форм и значений настоящего времени, основано на определении лексико-синтаксических эквивалентов китайского языка к словоформам русского языка, морфологически выражающим значения вида и времени, и наоборот. Так, чаще всего значение СВ прошедшего времени русских глаголов в китайском языке передаётся с помощью следующих лексических единиц:

1. Завершённость действия выражается лексическими единицами со значением результата, которые следуют, как правило, за глаголами действия. Напр.: *xiewan, bandao, shoushijiao, tinghao, xuehao, anpaotingdang, shengchanchu, yizhizhu* и др.

2. Единичность действия выражается китайским количественным словом «*yi*», напр.: *kanleyiyan, bajiaoyiduo, shouyihui, dahanyisheng* и др.

3. Краткость действия выражается редуplikатами односложных глаголов (напр.: *kankan, tingting, shuoshuou* и др.), редуplikатами двусложных глаголов (напр.: *xiuxixixi, jieshaojieshao, zhichizhichi, guliguli* и др.) либо редуplikатами односложных глаголов с интерфиксом «*le*» между повторяющимися корнями (напр.: *kanlekan, tingleting, shuoleshuo* и др.).

Значения предельности, ограниченности, убеждённости действия СВ будущего времени русских глаголов в китайском языке чаще всего передаётся с помощью следующих лексических единиц: *dingjiang, yidingyao, neng, hui* и ряда других.

Практика показывает, что сопоставление русских глагольных словоформ с морфологически выраженными значениями вида и времени и их китайских лексико-синтаксических эквивалентов является эффективным методическим приёмом. Он помогает китайским учащимся правильно понять значения вида и времени русских глаголов, передающихся в китайском языке, как было сказано выше, аналитически: лексико-синтаксическим способом. Однако в ряде случаев эквиваленты узуса русских словоформ в китайской речи отсутствуют. Одной из таких моделей является сложное предложение, в разных частях которого могут употребляться разные формы вида и времени. Например: *На ветках защебетали птички, и люди ощутили, что наступают весна.* В первых двух частях, соединённых сочинительной связью, сказуемые выражены глаголами совершенного вида прошедшего времени, а в третьей части, которая является придаточной изъяснительной по отношению ко второй, глагол-сказуемое имеет форму несовершенного вида настоящего времени. Если сравнивать с китайским языком, то здесь сле-

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ І МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

Таблиця 1

Значения СВ и НСВ в формах прошедшего времени

Прошедшее время НСВ	Прошедшее время СВ
<i>Процессуальность действия</i>	<i>Завершённость действия</i>
— Ты <i>смотрела</i> этот фильм? (Ni kanguo zhege dianying- lema?) — Я ещё <i>не переводил</i> этот текст. (Wo hai meiyou fanyi zhe pian wen zhang.)	— Да, я его уже <i>посмотрела</i> . (Shi, woyijing kanguo.) А я уже <i>перевёл</i> весь текст. (Er wo yijing ba zhengpian wenzhang fanyi wan le.)
<i>Повторяемость действия</i>	<i>Единичность действия</i>
Она много раз <i>приезжала</i> в этот город. (Ta dao zheg- chengshi laiguo henduotang.)	Я <i>встретилась</i> с ним вчера. (Zuotian women jianleta yi- mian.)
<i>Длительность действия</i>	<i>Завершённость действия за определённый отрезок времени</i>
Виктор <i>писал</i> доклад три часа. (Weikeduo xie baogao xiele sangexiaoshi.)	Виктор <i>написал</i> доклад за три часа. (Weikeduo sangexi- aoshi jiu xiehaole baogao.)
<i>Аннулированность действия</i>	<i>Перфектность действия</i>
Кто <i>открывал</i> окно? (Shui ba shuanghu dakaiguo?)	Кто <i>открыл</i> окно? (Shui ba shuanghua dakaile?)
<i>Одновременность действий</i>	<i>Последовательность действий</i>
Он <i>отдыхал</i> и <i>слушал</i> музыку. (Ta yibian xiuxi yibian ting yinyue.)	Он немного <i>отдохнул</i> , а потом <i>послушал</i> музыку. (Ta shaoweixiule yixia, ranhou ting le hui'er yinyue.)

Таблиця 2

Значения СВ и НСВ в формах будущего времени

Будущее время НСВ	Будущее время СВ
<i>Повторяемость действия</i>	<i>Предельность действия</i>
Я часто <i>буду</i> вам <i>звонить</i> . (Wo hui jingchang gei nin dadiahua.)	Завтра обязательно вам <i>позвоню</i> . (Mingtian wo yiding gei nin dadiahua.)
<i>Неограниченность действия</i>	<i>Ограниченность действия</i>
Всё лето Антон <i>будет готовиться</i> к поступлению в уни- верситет. (Zhengge xiatian Andong dou jiang wei kao da- xue zuo zhenbei.)	За лето Антон <i>подготовится</i> к поступлению в универ- ситет. (Andong haohao zhenbei yi xiatian, yiding hui shunli tongguo daxue kaoshi.)
<i>Неуверенность в совершении действия</i>	<i>Уверенность в совершении действия</i>
Надеюсь, что Виктор <i>будет помогать</i> мне в эту трудную минуту. (Wo xiwang Weikeduo zai zhege kunnande shike gei wo yi bangzhu.)	Виктор всегда <i>поможет</i> мне в трудную минуту. (Weike- duo zonghuizai kunnande shike gei wo yi anzhu.)

довало бы использовать слова *zhengzai*, *daolaozhe*. Однако в этом контексте такое в китайском языке невозможно, поскольку фактически весна наступила. Подобные безэквивалентные модели необходимо изучать отдельно как особые модели.

Таким образом, в данной статье мы попытались представить основные особенности обучения китайских учащихся правильному использованию форм вида и времени русского глагола. Основная трудность усвоения данных категорий китайскими учащимися заключается в разноуровневой эквивалентности выражаемых этими категориями значений в русском и китайском языках: русским глагольным словоформам со значениями вида и времени соответствуют китайские лексико-синтаксические модели. В практике преподавания русского языка в Китае выработан ряд методических приёмов, основанных на сопоставлении русского языка с китайским языком, которые способствуют успешному усвоению учащимися указанной трудности.

1. Бондарко А. В. Вид и время русского языка / А. В. Бондарко. — М., 1971.
2. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — М., 1986.
3. Дэн Ин. К вопросу об учёте интерференции родного языка при употреблении китайскими учащимися русских глаголов СВ и НСВ в формах прошедшего времени // Материалы международной конференции «Триста лет русскому языку в Китае». — Шанхай, 2011. — С. 375—378.
4. Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — Т. 1.

Мен Ся

ЛІНГВОДИДАКТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ НАВЧАННЯ РОСІЙСЬКОЇ ЧАСО-ВИДОВОЇ СИСТЕМИ В КИТАЙСЬКІЙ АУДИТОРІЇ

У статті наведено ефективні лінгводидактичні методи та прийоми навчання китайців правильному використанню форм доконаного та недоконаного виду, минулого та майбутнього часу в російській мові.

Ключові слова: лінгводидактичні методи та прийоми, російська мова в Китаї, вид дієслова, час дієслова.

Xia Meng

FEATURES OF LINGUISTIC DIDACTICS IN TEACHING RUSSIAN ASPECT-TENSE SYSTEM FOR THE CHINESE AUDIENCE

In this essay author presented effective methods and techniques in teaching chinese of proper use of perfect and imperfect forms, past and future tenses in Russian.

Key words: methods and techniques of linguistic didactics, Russian language in China, verb aspect, verb tense.

УДК 811.161.1'271.1'35:376.68(510)

ЦЗЯ ЮННИН

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ И ПУНКТУАЦИОННАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

В статье проанализированы стилистические и пунктуационные ошибки китайских студентов в русской письменной речи, а именно те ошибки, основной причиной которых является интерферентное влияние родного для студентов китайского языка.

Ключевые слова: русский язык в Китае, письменная речь, китайско-русская языковая интерференция, стилистика, пунктуационная норма, актуальное членение.

В обучении русской письменной речи китайские студенты часто встречаются со многими проблемами. Одними из основных являются проблемы в использовании стилей и пунктуационной нормы. Причины возникновения проблем связаны со специфическими традициями русского и китайского языков. В данной статье проблемы рассматриваются на основе сопоставительного анализа двух языков.

В письменной речи значительное внимание должно уделяться языку и стилю изложения. Для литературного языка характерны смысловая законченность, целостность и связность текста, то есть логичность речи. Точность, ясность и краткость изложения являются необходимыми и обязательными показателями качества письменной речи.

Логичность речи предполагает умение последовательно, непротиворечиво и аргументированно оформлять выражаемое содержание. Существуют разные средства выражения логической связи русской речи. Среди наиболее важных мы отмечаем специальные функционально-синтаксические структуры (модели), указывающие на последовательность развития мысли автора, и актуальное членение (АЧ) высказывания. Для китайских студентов особенно трудными представляются правила АЧ. Это связано, в первую очередь, с разницей в интонациях и порядке слов русского и китайского языков.

Логика развития мысли требует движения от известного к неизвестному, новому. В русской речи данная логическая закономерность проявляется в **актуальном членении** высказывания на два компонента: тему (исходный пункт высказывания, данное, известное из предыдущего контекста или ситуации) и рему (коммуникативный центр высказывания, сообщающий что-то новое). Тема и рема располагаются в названном порядке (в экспрессивно нейтральных высказываниях тема обычно в начале, а рема — в конце), независимо от того, какими членами предложения являются их компоненты. Это говорит о сравнительно свободном порядке расположения компонентов русской грамматической структуры.

По сравнению с более подвижной русской структурой, в китайском языке сохраняется строго фиксированный порядок: подлежащее — сказуемое — дополнение. В связи с этим выражение АЧ высказывания часто осуществляется не порядком слов, а конструкцией с лексическим давлением. Сравните:

На каникулах Люба ездила в Пигу. — Liu ba jia qi qu le yi tang li jia.

*В Ригу Люба ездила на каникулах. — Liu ba shi zai jia qi qu le yi tang li jia.
На каникулах в Ригу ездила Люба. — Jia qi shi Liu ba qu le yi tang li jia.*

Люба на каникулах в Ригу ездила. — Liu ba jia qi cheng che qu le yi tang li jia.

В каждом высказывании выделена рема. Сопоставим русские высказывания с китайскими. Отметим, что рема в русских высказываниях находится в конце. В китайском высказывании тема-рематическая структура совпадает со структурой русского высказывания, когда структура русского предложения совпадает со структурой китайского предложения: подлежащее — сказуемое — дополнение. В остальных же случаях рема при переводе русского высказывания на китайский должна располагаться не в конце, а в середине. Для логического подчёркивания ремы используется глагол *shi*. Данная особенность китайского языка оказывает влияние на развитие письменной русской речи китайских студентов. Распространённой ошибкой в их письменных работах на русском языке является отсутствие строгой логической связи в тексте из-за неправильного порядка слов в каждом из предложений текста.

Культуру русской письменной речи определяют такие важные качества, как точность, ясность и краткость изложения. На практике достаточно часто встречаются случаи, когда китайские студенты совершают ошибки, лишаящие текст точности и ясности. Довольно распространённым является нарушение краткости изложения тавтологиями и повторами, например: *спросить вопрос вместо задать вопрос; сторонники этого метода объединились воедино* вместо *сторонники этого метода объединились; наряду с достижениями был отмечен ряд недостатков* вместо *наряду с достижениями были отмечены недостатки; добиваясь высокой производительности труда, новаторы производства одновременно добиваются значительной экономии издержек производства* вместо *добиваясь высокой производительности труда, новаторы одновременно достигают значительной экономии издержек* и т. д.

Возникновение тавтологии в русской речи китайцев объясняется **разными стилистическими предпочтениями** русского и китайского языков: русские стремятся разнообразить свою речь неоднокоренными синонимами, это определяет интонационная особенность русской речи. Для русского языка характерны многосложные слова, а тавтология может быть представлена даже слоговым повтором. В китайском же языке каждый иероглиф обозначает отдельный слог, понятие «однокоренное слово» в связи с этим в китайском языке отсутствует. Повтор слога — это и есть повтор слова, который часто используется как языковое средство для усиления экспрессивности выражения и придания красоты языку. Китайские студенты, не разобравшись в различиях слоговой структуры русского и китайского слова, часто в русских текстах стремятся к тавтологии, а не избегают её.

Большой проблемой китайских студентов являются **нарушения в стилистике изложения** материала на русском языке. Наиболее частой ошибкой является использование элементов разговорного стиля там, где их следовало бы заменить элементами других функциональных стилей речи. Так, в студенческих квалификационных научных работах отмечается синтаксическая запутанность, небрежность, неограниченное использование местоимений, употребление экспрессивно окрашенной разговорной лексики, вводных слов, междометий, модальных частиц. Этим проблемам способствуют, в основном, следующие 3 фактора:

— нечёткое деление разговорного и книжно-письменного стилей в китайском языке, поскольку в китайской письменности базовой единицей является иероглиф, а не буква; иероглифы же соответствуют слогам / словам устной разговорной речи;

— отсутствие учебных пособий, которые бы в полной мере давали представление о специфике русской стилистической системы, особенно об отличиях научного стиля от разговорного, художественного и публицистического, с учётом существующей нечёткости стилистических различий в китайском языке;

— недостаточное количество занятий по практической стилистике в курсе РКИ.

Учёт вышеуказанных факторов необходим для улучшения письменной речи китайских студентов.

Проблема неправильного применения китайскими студентами **правил русской пунктуации** связана, в первую очередь, с переносом основ китайской пунктуации на русский язык. Так, базовыми для обеих пунктуационных систем являются структурно-синтаксический, смысловый и интонационный принципы. Но если для русской пунктуационной системы основным является структурно-синтаксический принцип, то для китайской — смысловой и интонационный принципы.

Наиболее частыми являются ошибки в постановке запятой при однородных и обособленных членах, при вводных конструкциях в осложнённом предложении, а также при выделении придаточных частей сложноподчинённого предложения. Станным для русских является неправильная постановка запятых в предложениях с обстоятельственными детерминантами. Сравните:

1) Неправильный вариант: *Весной, цветут цветы, и поют птицы.* Правильный вариант: *Весной цветут цветы и поют птицы.*

2) Неправильный вариант: *После начала реформы, Китай добился больших успехов.* Правильный вариант: *После начала реформы Китай добился больших успехов.*

В ошибочных вариантах выделен темпоральный детерминант, а в первом примере вторая запятая отделяет первую часть от второй в сложносочинённом предложении, хотя при наличии общего второстепенного члена (детерминанта) запятая перед отделяющим союзом *и* в русском языке не должна ставиться. Причина ошибок в том, что, в соответствии со смысловым и интонационным принципами китайской пунктуации, в этих позициях нужно ставить запяты. Четыре тона в интонации китайской речи определяют наличие структур, состоящих из множества коротких фраз, отделяющихся друг от друга на письме запятыми.

В предложениях с вводными конструкциями и особенно в сложноподчинённых с придаточными определительными китайские студенты часто забывают поставить вторую запятую. Сравните: Неправильный вариант: *Народ, руками которого созданы все ценности должен быть хозяином земли.* Правильный вариант: *Народ, руками которого созданы все ценности, должен быть хозяином земли.* Определительное придаточное предложение, находящееся после определяемого, широко употребляется в русском языке, но китайский синтаксис характеризуется номинативным строем, относительно фиксированным порядком слов. Определение всегда предшествует определяемому, чем бы оно (определение) ни выражалось: от одного слова до целого предложения. Поэтому запятая в китайском предложении обычно не отделяет подлежащее от последующих членов предложения.

В данной статье мы попытались обозначить основные ошибки в русской письменной речи китайских студентов и определить причины появления этих ошибок. Пути их устранения разнообразны, однако главным в этом процессе нам представляется целенаправленная работа над учебными пособиями, учитывающими специфику коммуникативно-синтаксических, пунктуационных, структурно-стилистических различий русского и китайского языков.

1. Ларионова Л. Г. Методика преподавания русского языка / Л. Г. Ларионова. — М.: Просвещение, 2010.
2. Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. — М.: Цитадель-трейд, Лада, 2005.
3. Плещенко Т. П., Федотова Н. В., Четвет Р. Г. Стилистика и культура речи. — 2001.
4. Прияткина А. Ф. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005.
5. Шечко В. Ф., Яковлев Г. Ю. Китайский язык. Полный курс перевода: учебник. — М.: Восточная книга, 2009.
6. Шечко В. Ф., Китайский язык. Теория и практика перевода: учеб. пособие. — М.: Восток-Запад, 2004.

Цзя Юннiн

СТИЛІСТИЧНА ТА ПУНКТУАЦІЙНА ІНТЕРФЕРЕНЦІЯ У РОСІЙСЬКОМУ ПИСЬМОВОМУ МОВЛЕННІ КИТАЙСЬКИХ СТУДЕНТІВ

У статті проаналізовано стилістичні та пунктуаційні помилки китайських студентів у російському письмовому мовленні, а саме ті помилки, головною причиною яких є інтерферентний вплив рідної для студентів китайської мови.

Ключові слова: російська мова в Китаї, письмове мовлення, китайсько-російська мовна інтерференція, стилістика, пунктуаційна норма, актуальне членування.

Yongning Jia

STYLISTIC AND PUNCTUATION INTERFERENCES IN RUSSIAN WRITING OF CHINESE STUDENTS

In this essay author analyzed stylistic and punctuation errors of Chinese students in Russian writing, especially those errors, which are caused by interferential influence of native for students Chinese language.

Key words: Russian language in China, written language, the Sino-Russian language interference, stylistics, punctuation rule, actual division.

С. Ю. ЮХИМЕЦЬ

**ПІДГОТОВКА МАЙБУТНІХ ВИКЛАДАЧІВ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ
ДО ПРОСОДИЧНОГО ОФОРМЛЕННЯ МОДАЛЬНИХ ЗНАЧЕНЬ**

Стаття присвячена проблемі коректності просодичного оформлення модальних значень в усному англійському мовленні майбутніми викладачами англійської мови. В статті представлені результати наукового спостереження щодо стану вищезазначеної проблеми.

Ключові слова: просодія, модальні значення, іншомовна комунікативна компетенція, наукове спостереження.

Процеси інтеграції, що відбуваються у сфері економіки, політики й суспільних відносин на сучасному етапі розвитку світової спільноти, сприяють розвитку людського спілкування. Велика кількість різних мов і культур у Європі та світі потребує перетворення цієї різноманітності на джерело взаєморозуміння й взаємозбагачення при спілкуванні представників різних національностей. Отже, зрозуміло, що тільки шляхом удосконалення рівня володіння іноземними мовами можна покращити співпрацю між індивідами з різними рідними мовами. Відомо, що за останні десятиліття англійська мова стала найвагомішою та найпоширенішою робочою мовою міжнародного суспільства. Проблема якості підготовки викладачів англійської мови — одна з найважливіших на сучасному етапі розвитку системи вищої освіти в Україні.

Результати аналізу сучасних програм з підготовки викладачів та навчальних посібників для вищих навчальних закладів дозволили зробити висновок, що сьогодні стан роботи з майбутніми викладачами не відповідає сучасним потребам і вимогам до розвитку англомовних просодичних навичок. Згаданий недолік стає особливо помітним у сфері підготовки викладачів англійської мови до оформлення модальних значень засобами просодії в англомовному висловлюванні.

При формуванні комунікативної іншомовної компетенції слід передбачити створення можливостей для особистісного самовираження студентів просодичними мовними засобами. Відомо, що з дидактичною метою рекомендовано працювати з позитивними емоціями, які покращують психологічний стан тих, хто навчається, і сприяють успішному вирішенню прагматичних завдань навчального процесу. При цьому необхідно враховувати, що досягненню бажаного результату заважають занадто сильні емоції [6, с. 7—8]. Однак негативні оцінно-модальні конотації досить часто вживаються в мовленні будь-якою мовою, отже, їх не можна не враховувати при навчанні студентів коректному оформленню модально-емоційних значень в іншомовному мовленні.

У сучасній методиці викладання ІМ для вирішення проблеми розвитку іншомовного мовлення широко використовуються різноманітні види роботи над такими аспектами мовлення, як лексико-граматичний, фонетико-інтонаційний, стилістичний [1; 3; 8], а також паралінгвістичний [4]. У методичних посібниках описані вимоги до лексико-граматичного, стилістичного та інтонаційного оформлення мовлення фахівців з іноземної мови [2; 5; 6; 7; 9]. Проте вивчення ролі просодії в оформленні модальних значень і засобів реалізації модальних значень за рахунок вживання просодичних параметрів та розроблення ефективних шляхів формування навичок студентів до актуалізації конотативного змісту іншомовного висловлювання за допомогою просодичних засобів залишаються питанням, якому приділено недостатньо уваги при навчанні у ВНЗ. Таке положення призводить до зниження якості навчального процесу, неповноти знань майбутніх фахівців у галузі іноземної філології та їх неспроможності користуватися функціями таких мовних засобів. Зі сказаного вище зрозуміло, що цей аспект навчання іноземним мовам потребує подальшого вдосконалення.

Аналіз сучасних наукових праць з лінгводидактики продемонстрував, що при вивченні проблеми формування комунікативної іншомовної компетенції навіть не поставлені спеціальні завдання щодо підготовки майбутніх викладачів англійської мови до коректного просодичного оформлення модальних значень в іншомовному мовленні.

Комунікативна спрямованість освіти під час навчання іноземним мовам та вироблення у студентів навичок актуалізувати конотативний зміст англомовного висловлювання за допомогою просодичних засобів потребує комплексного підходу до навчання студентів використанню та варіюванню просодичних засобів у мовленні.

З метою виявлення сучасного стану підготовки майбутніх викладачів англійської мови до застосування просодичних засобів реалізації модальних значень в англомовній мовленнєвій ко-

мунікації було здійснено наукове спостереження щодо стану проблеми коректності просодичного оформлення модальних значень в усному англійському мовленні майбутніми викладачами англійської мови, яке проводилося на базі Південноукраїнського національного педагогічного університету (ПНПУ) імені К. Д. Ушинського та Чорноморського державного університету (ЧДУ) імені Петра Могили. Спостереження характеризувалося як пряме, невиключене, польове (в умовах заняття) та формалізоване, оскільки проводилося за попередньо підготовленою програмою і складалося з декількох етапів:

- бесіди з викладачами англійської мови та їхнє анкетування;
- анкетування студентів — майбутніх викладачів англійської мови;
- письмове та усне тестування студентів — майбутніх викладачів англійської мови.

Метою спостереження стало виявлення стану проблеми підготовки майбутніх викладачів англійської мови до коректного просодичного оформлення модальних значень в іншомовній комунікації. Завдання, що постали перед спостереженням:

- виявити ставлення викладачів та студентів-випускників щодо доцільності запровадження експериментального навчання;
- виявити рівень володіння майбутніми викладачами навичками просодичного оформлення модальних значень в англійському мовленні;
- сформулювати робочу гіпотезу наступного педагогічного дослідження.

Об'єкт спостереження — усне мовлення викладачів англійської мови; *предмет* — формування навичок коректного використання просодичних засобів оформлення модальних значень в усному нерідному англійському мовленні.

Для виявлення того, наскільки важливе з точки зору фахівців і студентів формування у майбутніх викладачів англійської мови іншомовної комунікативної компетенції мовленнєвого спілкування, зокрема навчання коректного просодичного оформлення модальних конотації в іншомовних висловлюваннях, проведено опитування 26 викладачів іноземних мов і 55 студентів ПНПУ ім. К. Д. Ушинського (13 осіб) та ЧДУ ім. П. Могили (42 особи). Анкетування проходило у квітні-травні 2006 року на кафедрах іноземних мов та серед студентів четвертих курсів факультетів іноземних мов.

Розроблені нами анкети призначалися для виявлення найпоширеніших сфер і типових ситуацій міжкультурного професійного спілкування, в яких для успішного спілкування важливо не лише адекватно актуалізувати логіко-змістові аспекти висловлювання, але й коректно сприйняти або репродукувати в конкретній комунікативній ситуації його емоційно-модальні відтінки; комунікативних та прагматичних завдань, які доводиться при цьому вирішувати; труднощів, які найчастіше виникають у процесі іншомовного спілкування в емоційних ситуаціях.

Проаналізувавши відповіді респондентів — викладачів англійської мови, ми виявили наступне: 95 % сповіщають, що досліджуваній нами проблемі приділяється вкрай мало уваги на практичних заняттях з англійської мови, 85 % вважають доцільним створення системи вправ для ретельного вивчення інтонації модальності. При цьому 80 % респондентів підкреслили необхідність формування таких знань і навичок для фахового спілкування майбутніх викладачів, 70 % вважають, що ці навички потрібні їм для міжкультурного спілкування, а 65 % — для самоосвіти.

Аналіз відповідей респондентів-студентів дозволив нам констатувати, що 90 % з них вважають за необхідне формування вмій і навичок коректно просодично оформлювати модальні конотації в іншомовних висловлюваннях (серед них 65 % опитаних підкреслили необхідність використання цих навичок у всіх окреслених різновидах професійної діяльності, 25 % — тільки при здійсненні фахового усного спілкування, 20 % — для самоосвіти, 10 % обмежуються одним видом професійної діяльності — усним спілкуванням із закордонними партнерами). Свій рівень сформованості вмій і навичок коректно просодично оформляти модальні значення в іншомовних висловлюваннях для подальшого використання в майбутній професійній діяльності вважають недостатнім 70 % студентів, 30 % студентів дають відповідь «важко відповісти».

Отримані внаслідок опитування дані дозволили дійти висновку, що міжкультурне спілкування сучасних фахівців — викладачів англійської мови більшість респондентів відносить переважно до професійної сфери. З урахуванням результатів проведеного опитування можна констатувати, що основним завданням, яке покликана вирішити розроблювана нами методика, стане формування у студентів — майбутніх викладачів умій коректно просодично оформлювати модальні конотації в іншомовних висловлюваннях з метою компетентного міжкультурного спілкування у професійній сфері.

Для виявлення у студентів рівня розвитку навичок коректного просодичного оформлення модальних значень в іншомовних висловлюваннях було проведено тестування, в ході якого студенти виконували практичні письмове й усне завдання. У тестуванні взяли участь 47 осіб: 22 студенти ПНПУ ім. К. Д. Ушинського та 25 студентів ЧДУ ім. П. Могили. Об'єктом оцінювання досліджуваних знань, навичок та вмій при тестуванні стали:

1) декларативні знання студентів про просодичні засоби передавання модальних значень в англійській мові;

2) мовленнєві навички та вміння їх коректного застосування в різних типах мовленнєвої діяльності.

Результати письмової перевірки декларативних знань фіксувалися на відповідних бланках. Фіксація результатів усного тестування відбувалася за коректністю використання таких просодичних засобів оформлення модальних значень в усному англійському мовленні, як мелодика, ритм, гучність, темп, паузація, тембр та акцентуація. Оцінювання рівня володіння вказаними показниками відбувалося за такими критеріями:

— здатність майбутніх викладачів англійської мови (МВАМ) виділяти в іншомовному висловлюванні раціональну й конотативну інформацію просодичними засобами;

— здатність МВАМ оформляти конотативний зміст мовленнєвих відрізків просодичними засобами відповідно до норм англійської мови;

— здатність МВАМ відтворювати просодичними засобами адекватний ступінь модально-емоційного ставлення до змісту висловлювання;

— здатність МВАМ використовувати в процесі комунікації іноземною мовою просодичні засоби для посилення значення лексико-граматичних засобів та навпаки — для реалізації змісту, протилежного семантиці лексико-граматичних одиниць;

— здатність МВАМ варіювати інтонаційну структуру висловлювання при спільній реалізації в ньому поряд з модальною й інших функцій інтонації;

— здатність МВАМ актуалізувати в одній фразі декілька емоційно-модальних значень.

Аналіз одержаних даних свідчить, що 15 % студентів показали низький рівень (сума балів за всіма критеріями тестування нижче 50), а 85 % — середній (сума балів від 50 до 69). Ніхто зі студентів, які брали участь у тестуванні, не досяг високого або достатнього рівнів розвитку досліджуваних навичок.

Згідно з результатами тестування, можна дійти висновку, що майбутні викладачі англійської мови недостатньо підготовлені до використання просодичних засобів реалізації модальних значень в іншомовних висловлюваннях, оскільки спостерігається неадекватність використання ними зазначених мовних засобів та невідповідність ужитих засобів нормам сучасної англійської мови. Рівень сформованості навичок майбутніх викладачів англійської мови коректно просодично оформлювати модальні значення в іншомовних висловлюваннях недостатній, у зв'язку з чим можна стверджувати, що комунікативна компетенція майбутніх викладачів англійської мови також розвинена недостатньо і цей аспект навчання є методичною проблемою, яка ще мало вивчена у вітчизняній лінгводидактиці.

Таким чином, сучасний стан викладання іноземних мов майбутнім викладачам у ВНЗ характеризується як позитивними тенденціями, так і досі невирішеними проблемами. Позитивними тенденціями процесу навчання іноземним мовам студентів є пильна увага вчених України до проблеми розробки нових методик і вдосконалення змісту процесу навчання в контексті загальноєвропейських рекомендацій з мовної освіти [6].

У контексті концептуальних положень навчання іноземним мовам актуальними для вирішення в межах даного дослідження є такі питання: аналіз професійних потреб студентів — майбутніх викладачів щодо формування навичок і вмінь коректної реалізації модальних значень в англійському фаховому мовленні; створення спеціальної методики професійно орієнтованого навчання студентів коректному передаванню модальних значень в англійському мовленні з метою формування комунікативної компетенції в межах сфер і ситуацій професійного фахового спілкування.

1. *Бабич Н. Д.* Основи культури мовлення / Н. Д. Бабич. — Львів: Світ, 1990. — 232 с.

2. *Бігич О. Б.* Теоретичні основи формування методичної компетенції майбутнього викладача іноземної мови початкової школи: Автореф. дис. ... доктора пед. наук: спец. 13.00.02 / О. Б. Бігич. — К., 2005. — 36 с.

3. *Бобьрь С. Л.* Обучение логическому ударению как компонент профессионально-речевой подготовки учителя иностранного языка: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / С. Л. Бобьрь. — К., 1990. — 227 с.

4. *Боднар С. В.* Методика использования языковых и неязыковых средств коммуникации в процессе обучения английскому языку детей старшего дошкольного возраста: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / С. В. Боднар. — Одесса, 1996. — 189 с.

5. *Виробничі функції, типові задачі діяльності та вміння учителя іноземної мови (спеціаліста) / [кол. авторів під керівн. С. Ю. Ніколаєвої]. — К.: Ленвіт, 1999. — Вип. 4. — 96 с.*

6. *Загальноєвропейські рекомендації з мовної освіти: вивчення, викладання, оцінювання / [наук. ред. укр. вид. С. Ю. Ніколаєва]. — К.: Ленвіт, 2003. — 273 с.*

7. *Зильберман А. И.* Лингвистика текста и обучение чтению научной литературы / А. И. Зильберман. — М.: Наука, 1988. — 161 с.

8. *Ніколаєва С. Ю.* Рівні оволодіння іншомовним мовленням / С. Ю. Ніколаєва, О. М. Шерстюк // *Іноземні мови.* — 2000. — № 2. — С. 69—72.

9. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment.* — Cambridge, C-ge University Press, 2001. — 260 p.

С. Ю. Юхимец

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА К ПРОСОДИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Статья посвящена проблеме корректности просодического оформления модальных значений будущими преподавателями английского языка. В статье представлены результаты научного наблюдения по обозначенной проблеме.

Ключевые слова: просодия, модальные значения, иноязычная коммуникативная компетенция, научное наблюдение.

S. Yu. Yukhimets

THE BECOMING ENGLISH TEACHERS' PRACTICAL SKILLS IN CONVEYING CORRECT ATTITUDINAL MEANINGS IN ENGLISH SPEECH

This article is devoted to the problem of conveying the correct attitudinal meanings in English speech of the becoming English language teachers. On the basis of observations some results related to above-mentioned problem are described.

Key words: prosody, attitudinal meanings, communicative competence, pedagogical observations.

УДК 376.68'06.044:378.041

И. Г. МИРАКЬЯН, Л. Г. ОВЧАРЕНКО, Н. П. ЗМИЕВСКАЯ

РОЛЬ КУРАТОРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются функциональные способности и компетенции куратора учебной группы иностранных студентов подготовительного факультета, необходимые для эффективной организации учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: куратор, учебно-воспитательный процесс; функции, способности, компетенции.

Отсутствие необходимой научно-теоретической базы исследований роли и значения преподавателя неродного языка как куратора учебной группы на подготовительном факультете для иностранных граждан определило тему данной статьи.

Кураторство как часть деятельности преподавателя, не найдя должного отражения в каких-либо официальных документах, считается общественной обязанностью. Осуществление кураторской работы, в основном, возможно во второй половине дня. Современный куратор учебной группы иностранных студентов не имеет научно обоснованных ориентиров воспитания в виде четко оформленных целей, содержания, приёмов воздействия и т. п. Он может рассчитывать только на педагогическую интуицию и личностные качества, которые вряд ли можно считать единственными критериями эффективности учебно-воспитательного процесса.

Если рассматривать деятельность куратора как «процесс решения многообразных, разноплановых, следующих друг за другом профессиональных задач» [1: 354—357], где каждая задача связана с максимальным развитием индивидуальных качеств студента в новых педагогических условиях, то можно всё же сформулировать задачи для практического пользования.

К числу таких задач можно отнести:

— помощь иностранным студентам в адаптации к системе обучения; быту; социально-культурной среде; правилам внутреннего распорядка и традициям учебного заведения (подготовительного факультета);

— формирование коллектива группы через организацию совместной аудиторной и внеаудиторной деятельности в процессе межкультурного общения студентов;

— поощрение толерантного взаимодействия иностранных студентов внутри и вне учебной группы и с другим окружением через формирование позитивных взаимоотношений (деловых, личностных, гуманистических);

— формирование у обучаемых такого «образа» страны носителей языка, который повышал бы мотивацию к изучению неродного языка и способствовал бы в условиях поликультурной коммуникации восприятию иных жизненных ценностей и ориентиров;

— профилактику дезадаптации студентов и связанных с ней различных форм отклонений от норм поведения;

— выполнение роли посредника между администрацией учебно-воспитательной системы и студентами группы, создание условий для адекватного реагирования на требования с одной стороны и запросы — с другой.

Кажда из выделенных нами педагогических задач была конкретизирована в «Перечне обязанностей куратора учебной группы», «Основных правилах обучения и поведения иностранных студентов», «Перечне видов организационных, научно-методических и культурно-воспитательных мероприятий», методических рекомендациях по организации и проведению внеаудиторных мероприятий и профориентационной работы с иностранными студентами, разработанных на подготовительном факультете для иностранных граждан Одесского национального политехнического университета (ОНПУ).

Осуществляя организацию взаимодействия студентов в группе, формируя позитивные деловые, личностные и гуманистические отношения, куратор выполняет следующие функции:

— *аналитико-диагностическую*: изучает национально-психологические и культурные особенности студентов группы с целью определения их социального статуса и предполагаемого лидерства;

— *организационно-коммуникативную*: включает студентов в социальное пространство группы, факультета, университета, окружающей среды в целом, обеспечивая освоение ими новой роли «студент»; способствует принятию требований и правил жизнедеятельности в новой социально-культурной среде, построению межличностных отношений с преподавательским составом и сотрудниками факультета и общежитий;

— *координационно-профилактическую*: обеспечивает коррекцию и профилактику отклонений от норм поведения, принятых в данной педагогической системе и стране обучения;

— *планово-прогностическую*: планирует деятельность группы и прогнозирует изменения в знаниях, умениях, личностных качествах студентов;

— *рефлексивную*: анализирует развитие взаимоотношений в группе и собственную роль; определяет перспективы с учётом факторов негативного и позитивного влияния на процесс становления группы и каждого студента в социально-профессиональной адаптации.

Куратор строит свою работу на основе индивидуального подхода к обучающимся, опираясь на педагогические принципы систематичности и последовательности; планомерности в выборе содержания, форм и методов воздействия; креативности; комплексного видения развития студентов через все виды деятельности в организованном общении [2; 3; 4].

Современные условия обучения иностранных студентов отражаются на объективных требованиях к преподавателю-куратору, организующему этот процесс. Из обязательных компонентов профессиональной компетенции преподавателя-куратора следует выделить такие: владение современными технологиями обучения и воспитания; умение адаптировать их к конкретным условиям и формам организации деятельности студентов; гибкость в применении новых технологий в конкретной группе.

Поиски путей совершенствования воспитательного процесса привели сотрудников кафедры лингводидактики ОНПУ и кураторов учебных групп к активному внедрению личностно-ориентированной технологии (ЛОТ). В отличие от традиционной, где обучаемый выступает в качестве «сосуда, который следует наполнить», а содержание воспитания рассматривается как конечный результат, ЛОТ ориентирована на уже имеющийся социально-культурный опыт, моральные и психологические качества, жизненные ценности студентов.

При постановке воспитательных задач куратор выступает партнёром, консультантом, предлагает несколько вариантов решения проблемы, чтобы студент в новых условиях мог сделать выбор, соответствующий его собственному опыту и личностным качествам; обучает умениям самостоятельно корректировать, оценивать собственное участие в деятельности, творчески осмысливая результат по отношению к поставленной преподавателем цели.

Исходя из концепции ЛОТ, на кафедре разработана методика обучения иностранных студентов кооперативным умениям [5: 104—107]. Обучение в сотрудничестве очень точно отвечает целям куратора по формированию взаимоотношений в группе, которые возникают в процессе совместной деятельности, и предполагает следующее: позитивную взаимозависимость; персональную и коллективную ответственность; стимулирование общения; формирование социально-культурных навыков; коллективные действия.

Как показывает практика, использование куратором современных технологий (личностно-ориентированного обучения, педагогики сотрудничества, методики по формированию кооперативных умений в учебное и внеучебное время) способствует успешности в формировании коммуникативных умений в межличностном общении, выработке навыков толерантного отношения к представителям иной культуры, а самое главное — удовлетворяет индивидуальные потребности студентов в признании собственной значимости, принадлежности к социальной общности.

Совершенно очевидно, что для эффективного формирования позитивных отношений в группе: деловых, основанных на общих для всей группы целей; личных, характеризующихся симпатией/антипатией; гуманистических, основанных на взаимопонимании и взаимоприятии [23], — преподавателю-куратору необходимо, прежде всего, повышать уровень собственной поликультурной и коммуникативной компетентности. *Поликультурная компетентность* преподавателя-куратора выражается в его способностях на практике применять знания о националь-

но-психологических, социокультурных особенностях иностранных студентов. *Коммуникативная компетентность* характеризуется способностью куратора строить взаимоотношения с учётом национальных поведенческих стереотипов; оценивать речеповеденческую ситуацию не с личностных позиций, а в соответствии с традициями чужой культуры; педагогически ориентированно выстраивать своё поведение с учащимися, повышая степень доверия к себе, к своему мнению.

При организации взаимодействия иностранных студентов в учебных группах, которое можно рассматривать как «...процесс взаимного влияния, воздействия объектов друг на друга», «...универсальную форму изменения состояний...» [6: 65], преподаватель-куратор руководствуется следующими педагогическими принципами: добровольного участия в деятельности; её социально-культурной направленности; опоры на инициативность и самостоятельность; чёткой организации процесса, отражённой в целях, содержании, формах и методах деятельности; учёта личностных национально-психологических особенностей студентов группы.

Основной целью организации взаимодействия студентов учебных групп для куратора является включение их в совместную деятельность, которая на ПФ проявляется в следующих сферах: учебно-познавательной, социально-культурной, спортивной, трудовой, развлекательной, учитывая, что развитие личностных качеств, усвоение социально-культурного опыта, расширение круга общения осуществляется именно в процессе деятельности.

Выявление закономерностей межкультурного взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса на подготовительном факультете для иностранных граждан — *задача будущих исследований*. С практической же точки зрения мы определили проблемы, решение которых, на наш взгляд, способствует эффективности взаимодействия куратора и студентов, что, в свою очередь, влияет на успешность адаптации иностранных учащихся.

Организуя деятельность студентов, выстраивая взаимоотношения, стимулируя межкультурное общение, куратор решает задачи, которые можно определить следующими императивами: «познавай других!», «познавай себя!», «ты — член коллектива!», «ты — будущий студент!». Их можно считать ключевыми во взаимодействии студентов, осуществляемом под влиянием и контролем преподавателя-куратора.

«Познавай других!» — куратор объективно информирует об особенностях учебно-воспитательного процесса на ПФ, о требованиях и трудностях, с которыми может столкнуться иностранный студент; о социально-бытовых и культурных особенностях страны обучения; о способах преодоления конфликтных ситуаций. «Познавай себя!» — куратор помогает студенту осознать своё место в коллективе; проявить свои личностные качества; научиться оценивать себя и других. «Ты — член коллектива!» — означает, что куратор не только разъясняет нормы взаимоотношений, но и формирует взаимответственность, взаимоуважение, умение подчиняться требованиям коллектива и аргументировать свою позицию; развивает партнёрские качества. «Ты — будущий студент!» — куратор развивает умения опираться на полученный опыт взаимодействия на практике; творчески подходить к любому виду деятельности; использовать полученные знания во всех сферах своей жизнедеятельности.

Как показывает практика, среди принципов взаимодействия куратора со студентами, способствующих успешной адаптации, можно выделить:

- заинтересованность в партнёре как одно из решающих условий дальнейшего взаимодействия; ориентировка на его социально-личностный опыт;
- общность ценностных ориентаций: единство целей и мотивов; одобрение способов достижения результатов;
- неформальное лидерство куратора как члена коллектива учебной группы;
- партнёрство на основе взаимоуважения и доверия друг к другу.

Рассматривая адаптацию иностранных студентов как результат приспособленности к требованиям новой педагогической системы, к социально-культурной среде обитания, к иным формам, методам и способам организации жизнедеятельности, к языку общения, к новому климату, физическим нагрузкам и т. п., мы пришли к выводу, что для эффективного адаптационного взаимодействия куратору необходим ряд способностей. *Аттенционные* способности позволяют концентрировать, оптимально распределять, организовывать внимание своё и студентов при взаимодействии: «Я слышу каждого из вас. Услышьте меня». *Перцептивные* способности дают возможность объективно воспринимать студента с позиций чужой культуры; сопереживать, понимая его состояние, сочувствовать; быть искренним и открытым; проявлять наблюдательность. *Имажинативные* способности особенно нужны куратору для педагогического прогнозирования и предвидения ситуации, промежуточного и конечного результатов воздействия и взаимодействия. *Коммуникативно-экспрессивные* способности выражаются в высоком уровне знания языка, его выразительно-эмоциональных возможностей, способов убеждения; во владении культурой общения; в умении использовать мимику, пантомиму для привлечения внимания. *Суггестивные* способности позволяют осуществить волевое воздействие.

Задачу преподавателя-куратора можно считать выполненной, если в результате организованного взаимодействия у студентов наблюдаются: позитивная устойчивость настроения; со-

ответствие нормам поведения в данной педагогической системе; уважение по отношению к преподавателям и обслуживающему персоналу, к членам коллектива; желание и стремление к сотрудничеству; проявление взаимопомощи, поддержки слабых, одобрения и доброжелательной критики и адекватного восприятия окружающего мира [7: 221—224].

Анализ педагогической деятельности преподавателей-кураторов ПФ позволяет сделать выводы, что основными факторами, влияющими на формирование позитивной устойчивой мотивации иностранных студентов в межкультурном коммуникативном взаимодействии, являются:

— обеспечение естественности общения за счёт тщательного отбора содержания учебно-воспитательных материалов;

— возможность выбора собственных стратегий коммуникации в рамках предлагаемой речевой поведенческой этики;

— обоснованный отбор форм деятельности коллектива учебной группы, позволяющих активизировать взаимодействие студентов в межкультурной коммуникации, проявить возможность и способности каждого (достичь успеха и самоутвердиться);

— обучение умениям оценки степени участия каждого члена группы и собственного в деятельности коллектива.

При правильной организации межкультурного взаимодействия иностранных обучаемых в учебной группе активизируются и более высокие мотивы, такие, как потребность в углублённом изучении культуры носителей языка и стран членов группы; в стремлении к самопознанию и самореализации в будущем; в самоутверждении в профессии.

1. *Лысакова И. П.* Профессиональная подготовка учителя РКИ как преподавателя межкультурной коммуникации / И. П. Лысакова // Мир русского слова и русское слово в мире: Матер. XI Конгресса МАПРЯЛ. — София: Heron Press, 2007. — Т. 6 (1).

2. *Потапов В. Е.* Организация внеаудиторной работы в процессе преподавания русского языка студентам-филологам на этапе включенного обучения / В. Е. Потапов // Русский язык за рубежом. — 1987. — № 5. — С. 40—43.

3. *Чеботарёв П. Г.* Роль преподавателя: социально-психологический взгляд на его деятельность / П. Г. Чеботарёв // Русский язык за рубежом. — 1982. — № 5. — С. 64—66.

4. *Молчановский В. В.* Преподаватель русского языка как иностранного. Опыт системно-функционального анализа / В. В. Молчановский. — М., 1988.

5. *Богачёва Т. А.* Кооперантный подход к учебно-воспитательному процессу при обучении русскому языку как иностранному / Т. А. Богачёва // Русистика и современность: Мат-лы X Межд. науч.-практ. конф. — СПб: ИД «МИРС», 2007. — Т. 2.

6. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — 11-е изд. / С. И. Ожегов. — М.: Русский язык, 1977.

7. *Богачёва Т. А., Овчаренко Л. Г.* Проблема формирования мотивации межкультурной коммуникации у иностранных студентов подготовительного факультета / Т. А. Богачёва, Л. Г. Овчаренко // Мова: Наук.-теор. часопис з мовознавства. — Одеса: Астропринт, 2011. — № 16. — С. 221—224.

Л. Г. Овчаренко, І. Г. Мірак'ян, Н. П. Змієвська

РОЛЬ КУРАТОРА У СУЧАСНИХ УМОВАХ НАВЧАННЯ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ

У статті розглядаються функціональні здібності та компетенції куратора навчальної групи іноземних студентів підготовчого факультету, необхідні для ефективної організації навчально-виховного процесу.

Ключові слова: куратор, навчально-виховний процес, функції, здібності, компетенції.

L. G. Ovcharenko, I. G. Mirakjan, N. P. Zmievskaya

TUTOR'S ROLE IN MODERN TEACHING CONDITIONS

The authors investigate functional abilities and competence of the tutor necessary for organizing the effective training and educational process in the foreign students' groups on the preparatory course.

Key words: tutor, training and educational process, functions, ability, competence.

НАШІ АВТОРИ

АБАШИНА Вікторія Миколаївна, д. ф. н., професор каф. російської філології Львівського національного ун-ту ім. І. Я. Франка (Україна, Львів)

АНТОНЕНКО Юлія Михайлівна, аспірант каф. російської філології Львівського національного ун-ту ім. І. Я. Франка (Україна, Львів)

АНТОНЮК Тетяна Олегівна, аспірант каф. російської мови Національного педагогічного ун-ту ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ)

АРІСКІНА Ольга Леонідівна, к. ф. н., доцент, ст. наук. співробітник каф. стилістики, риторики та культури мовлення Мордовського державного ун-ту ім. М. П. Огарьова (Росія, Саранськ)

БАРАННИК Людмила Федорівна, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

БГЛОУСОВА Наталія Борисівна, к. ф. н., доцент каф. міжнародної інформації Ін-ту міжнародних відносин Київського національного ун-ту ім. Т. Г. Шевченка (Україна, Київ)

БІГУНОВА Наталія Олександрівна, к. ф. н., доцент каф. теоретичної та прикладної фонетики англійської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

БОНДАР Олександр Іванович, д. ф. н., професор, зав. каф. української мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

БРОВКІНА Ірина Василівна, к. ф. н., доцент каф. російської мови, культури мовлення та методики їх викладання Поволзької державної соціально-гуманітарної академії (Росія, Самара)

ВАЛШУР Аліреза (Alireza Valipour), к. ф. н., доцент каф. російської мови, заступник декана ф-ту літератури й іноземних мов Тегеранського університету (Іран, Тегеран)

ГАВДУЛЛІНА Алла Рашатівна, д. ф. н., професор кафедри мовознавства та російської мови Горлівського держпедінституту іноземних мов (Україна, Горлівка)

ГЕЙНА Оксана Володимирівна, к. ф. н., доцент каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського національного економічного ун-ту (Україна, Одеса)

ГОРЛАЧОВА Вікторія Володимирівна, к. ф. н., ст. викладач каф. іноземної мови професійного спілкування Запорізького національного технічного ун-ту (Україна, Запоріжжя)

ГРЕНАРОВА Ренеє (Renée Grenarová), д. пед. н., (ReadDr), зав. каф. російської мови та літератури педагогічного ф-ту Університету ім. Т. Масарика (Чехія, Брно)

ГУКОВА Ліна Миколаївна, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ДЕРІК Ілона Морисівна, к. ф. н., доцент каф. перекладу, теоретичної та прикладної лінгвістики Південноукраїнського національного педагогічного ун-ту ім. К. Д. Ушинського (Україна, Одеса)

ДМИТРИВ Сергій Вікторович, викладач каф. загального та слов'янського мовознавства Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ДОЛБІНА Каріне Давидівна, викладач каф. іноземних мов природничих факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ДРОБИШЕВА Наталія Львівна, здобувач Інституту російської мови ім. В. В. Виноградова РАН (Росія, Москва)

ДЬЯЧОК Наталія Василівна, к. ф. н., доцент каф. мовознавства та російської мови Горлівського державного інституту іноземних мов (Україна, Горлівка)

ЄВДОКИМОВА Інна Олександрівна, ст. викладач каф. теоретичної та прикладної фонетики англійської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ЗМІГВСЬКА Наталія Павлівна, ст. викладач каф. лінгводидактики Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)

ІВАНОВА Наталія Георгіївна, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ІВАСЮК Оксана Василівна, викладач каф. англійської мови технічного спрямування № 1 Національного технічного університету «КПІ» (Україна, Київ)

ІРЛІЦІНА Ірина Борисівна, к. ф. н., доцент каф. російської мови, культури мовлення та методики їх викладання Поволзької державної соціально-гуманітарної академії (Росія, Самара)

ІЩЕНКО Дмитро Семенович, к. ф. н., професор каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

КАЇРЖАНОВ Абай Каїржанович, д. ф. н., професор, зав. каф. світових мов Казахського ун-ту економіки, фінансів і міжнародної торгівлі (Казахстан, Астана)

КАРПЕНКО Максим Юрійович, студент 3 курсу ф-ту романо-германської філології Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

КОЛЕСНИКОВ Андрій Олександрович, к. ф. н., доцент, докторант Інституту української мови НАН України (Україна, Київ)

КУВАРОВА Олена Костянтинівна, к. ф. н., доцент каф. загального та російського мовознавства Дніпропетровського національного ун-ту ім. О. Гончара (Україна, Дніпропетровськ)

ЛАНІНА Ганна Миколаївна, викладач каф. перекладу та мовознавства Міжнародного гуманітарного університету (Україна, Одеса)

ЛИМАРЕНКО Олена Анатоліївна, к. ф. н., доцент каф. граматики англійської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

МАР'ЯНКО Яніна Григорівна, ст. викладач Одеської державної академії будівництва й архітектури (Україна, Одеса)

МЕНЬШИКОВ Ігор Іванович, д. ф. н., професор каф. загального та російського мовознавства Дніпропетровського національного ун-ту ім. О. Гончара (Україна, Дніпропетровськ)

МІРАКЬЯН Ірина Георгіївна, к. ф. н., доцент, директор Інституту підготовки іноземних громадян Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)

МОРОЗОВА Ірина Борисівна, д. ф. н., професор каф. граматики англійської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

МУРАДЯН Ірина Володимирівна, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

МЕН СЯ, к. ф. н., доцент, декан факультету російської мови Інституту іноземних мов Шеньсійського педагогічного ун-ту (Китай, Сіань)

НЕМИРОВСЬКА Олександра Федорівна, к. ф. н., доцент каф. української філології та методики викладання фахових дисциплін Південноукраїнського національного педагогічного ун-ту ім. К. Д. Ушинського (Україна, Одеса)

НЕНАШЕВА Лариса Вікторівна, к. ф. н., доцент каф. історії російської мови та діалектології Поморського державного університету ім. М. В. Ломоносова (Росія, Архангельськ)

ОВЧАРЕНКО Лариса Григорівна, к. пед. н., доцент, зав. каф. лінгводидактики Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)

ПАНЧЕНКО Інна Володимирівна, к. ф. н., доцент каф. французької філології Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ПЕРЕПЕЛИЦЯ Марія Сергіївна, аспірант каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ПЕТРОВ Олександр Володимирович, к. ф. н., доцент каф. російського, слов'янського та загального мовознавства Таврійського національного ун-ту ім. В. І. Вернадського (Україна, Сімферополь)

ПЛОТНИЦЬКА Світлана Валеріївна, к. пед. н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ПРИХОДЬКО Анатолій Миколайович, д. ф. н., професор, зав. каф. іноземних мов Запорізького юридичного ін-ту Дніпропетровського держуніверситету внутрішніх справ (Україна, Запоріжжя)

РЕБРУШКІНА Ірина Анатоліївна, к. ф. н., доцент, ст. наук. співробітник каф. стилістики, риторики та культури мовлення Мордовського державного ун-ту ім. М. П. Огарьова (Росія, Саранськ)

РОМАНЧЕНКО Алла Петрівна, к. ф. н., доцент каф. української мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

СЄННИКОВ Артур Олегович, студент 4 курсу ф-ту міжнародної інформації Ін-ту міжнародних відносин Київського національного ун-ту ім. Т. Г. Шевченка (Україна, Київ)

СКЛЯРЕНКО Ольга Миколаївна, к. ф. н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

СОВТИС Наталія Миколаївна, к. ф. н., доцент каф. індоєвропейських мов Національного університету «Острозька академія» (Україна, Острог)

СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ТЕЛЕЦЬКА Тетяна Володимирівна, к. ф. н., доцент каф. французької філології Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ТРУБА Ганна Миколаївна, аспірант каф. української мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ФЕДОТОВА Юлія Станіславівна, аспірант каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ФІЛЮК Лілія Миколаївна, к. ф. н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ФОМІНА Людмила Федорівна, к. ф. н., доцент каф. прикладної лінгвістики Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

ХОМУЛА Ніна Андріївна, к. ф. н., доцент каф. мовної підготовки іноземних громадян Сумського державного ун-ту (Україна, Суми)

ЦЗЯ ЮННІН, магістр, ст. викладач ф-ту іноземних мов Сіаньського університету (Китай, Сіань)

ШАЦЬКА Марина Федорівна, д. ф. н., доцент каф. загального та слов'яно-російського мовознавства Волгоградського державного педуніверситету (Росія, Волгоград)

ШВЕЦЬ Альона Іванівна, к. ф. н., ст. викладач каф. культурології та мистецтвознавства Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)

ШУМАРІНА Тетяна Федорівна, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

НАШІ АВТОРИ

ЮХИМЕЦЬ Світлана Юрїївна, к. ф. н., доцент каф. перекладу, теоретичної та прикладної лінгвістики Південно-українського національного педагогічного ун-ту ім. К. Д. Ушинського (Україна, Одеса)

ЯКОВЛЕВА Ольга Василівна, к. ф. н., доцент каф. загального та слов'янського мовознавства Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

НАШИ АВТОРЫ

АБАШИНА Виктория Николаевна, д. ф. н., профессор каф. русской филологии Львовского национального ун-та им. И. Я. Франко (Украина, Львов)

АНТОНЕНКО Юлия Михайловна, аспирант каф. русской филологии Львовского национального ун-та им. И. Я. Франко (Украина, Львов)

АНТОНЮК Татьяна Олеговна, аспирант каф. русского языка Национального педагогического ун-та им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев)

АРИСКИНА Ольга Леонидовна, к. ф. н., доцент, ст. науч. сотрудник каф. стилистики, риторики и культуры речи Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Россия, Саранск)

БАРАННИК Людмила Фёдоровна, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

БЕЛОУСОВА Наталья Борисовна, к. ф. н., доцент каф. международной информации Ин-та международных отношений Киевского национального ун-та им. Т. Г. Шевченко (Украина, Киев)

БИГУНОВА Наталья Александровна, к. ф. н., доцент каф. теоретической и прикладной фонетики английского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

БОНДАРЬ Александр Иванович, д. ф. н., профессор, зав. каф. украинского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

БРОВКИНА Ирина Васильевна, к. ф. н., доцент каф. русского языка, культуры речи и методики их преподавания Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Россия, Самара)

ВАЛИПУР Алиреза (Alireza Valipour), к. ф. н., доцент каф. русского языка, зам. декана ф-та литературы и иностранных языков Тегеранского университета (Иран, Тегеран)

ГАБИДУЛЛИНА Алла Рашатовна, д. ф. н., профессор каф. языкознания и русского языка Горловского государственного института иностранных языков (Украина, Горловка)

ГЕЙНА Оксана Владимировна, к. ф. н., доцент каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического ун-та (Украина, Одесса)

ГОРЛАЧЁВА Виктория Владимировна, к. ф. н., ст. преподаватель каф. иностранного языка профессионального образования Запорожского национального технического ун-та (Украина, Запорожье)

ГРЕНАРОВА Рене (Renée Grenarová), д. пед. н., (ReadDr), зав. каф. русского языка и литературы педагогического ф-та Университета им. Т. Масарика (Чехия, Брно)

ГУКОВА Лина Николаевна, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ДЕРИК Илона Морисовна, к. ф. н., доцент каф. перевода, теоретической и прикладной лингвистики Южноукраинского национального педагогического ун-та им. К. Д. Ушинского (Украина, Одесса)

ДМИТРИЕВ Сергей Викторович, преподаватель каф. общего и славянского языкознания Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ДОЛБИНА Каринэ Давидовна, преподаватель каф. иностранных языков естественных факультетов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ДРОБЫШЕВА Наталья Львовна, стажёр Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

ДЬЯЧОК Наталья Васильевна, к. ф. н., доцент каф. языкознания и русского языка Горловского государственного института иностранных языков (Украина, Горловка)

ЕВДОКИМОВА Инна Александровна, ст. преподаватель каф. теоретической и прикладной фонетики английского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ЗМИЕВСКАЯ Наталья Павловна, ст. преподаватель каф. лингводидактики Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)

ИВАНОВА Наталья Георгиевна, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ИВАСЮК Оксана Васильевна, преподаватель каф. английского языка технической направленности № 1 Национального технического университета «КПИ» (Украина, Киев)

ИРЛИЦЫНА Ирина Борисовна, к. ф. н., доцент каф. русского языка, культуры речи и методики их преподавания Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Россия, Самара)

ИШЕНКО Дмитрий Семёнович, к. ф. н., профессор каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

КАИРЖАНОВ Абай Каиржанович, д. ф. н., профессор, зав. каф. мировых языков Казахского ун-та экономики, финансов и международной торговли (Казахстан, Астана)

КАРПЕНКО Максим Юрьевич, студент 3 курса ф-та романо-германской филологии Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

КОЛЕСНИКОВ Андрей Александрович, к. ф. н., доцент, докторант Института украинского языка НАН Украины (Украина, Киев)

КУВАРОВА Елена Константиновна, к. ф. н., доцент каф. общего и русского языкознания Днепропетровского национального ун-та им. О. Гончара (Украина, Днепропетровск)

ЛАНИНА Анна Николаевна, преподаватель каф. перевода и языкознания Международного гуманитарного университета (Украина, Одесса)

ЛЫМАРЕНКО Елена Анатольевна, к. ф. н., доцент каф. грамматики английского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

МАРЬЯНКО Янина Григорьевна, ст. преподаватель Одесской государственной академии строительства и архитектуры (Украина, Одесса)

МЕНЬШИКОВ Игорь Иванович, д. ф. н., профессор каф. общего и русского языкознания Днепропетровского национального ун-та им. О. Гончара (Украина, Днепропетровск)

МИРАКЪЯН Ирина Георгиевна, к. ф. н., доцент, директор Института подготовки иностранных граждан Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)

МОРОЗОВА Ирина Борисовна, д. ф. н., профессор каф. грамматики английского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

МУРАДЯН Ирина Владимировна, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

МЭН СЯ, к. ф. н., доцент, декан факультета русского языка Института иностранных языков Шеньсийского педагогического ун-та (Китай, Сиань)

НЕМИРОВСКАЯ Александра Фёдоровна, к. ф. н., доцент каф. украинской филологии и методики преподавания специальных дисциплин Южноукраинского национального педуниверситета им. К. Д. Ушинского (Украина, Одесса)

НЕНАШЕВА Лариса Викторовна, к. ф. н., доцент каф. истории русского языка и диалектологии Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Архангельск)

ОВЧАРЕНКО Лариса Григорьевна, к. пед. н., доцент, зав. каф. лингводидактики Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)

ПАНЧЕНКО Инна Владимировна, к. ф. н., доцент каф. французской филологии Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ПЕРЕПЕЛИЦА Мария Сергеевна, аспирант каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ПЕТРОВ Александр Владимирович, к. ф. н., доцент каф. русского, славянского и общего языкознания Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского (Украина, Симферополь)

ПЛОТНИЦКАЯ Светлана Валерьевна, к. пед. н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ПРИХОДЬКО Анатолий Николаевич, д. ф. н., профессор, зав. каф. иностранных языков Запорожского юридического ин-та Днепропетровского госуниверситета внутренних дел (Украина, Запорожье)

РЕБРУШКИНА Ирина Анатольевна, к. ф. н., доцент, ст. научный сотр. каф. стилистики, риторики и культуры речи Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Россия, Саранск)

РОМАНЧЕНКО Алла Петровна, к. ф. н., доцент каф. украинского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

СЕННИКОВ Артур Олегович, студент 4 курса ф-та международной информации Ин-та международных отношений Киевского национального ун-та им. Т. Г. Шевченко (Украина, Киев)

СКЛЯРЕНКО Ольга Николаевна, к. ф. н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

СОВТЫС Наталья Николаевна, к. ф. н., доцент каф. индоевропейских языков Национального университета «Острожская академия» (Украина, Острог)

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ТЕЛЕЦКАЯ Татьяна Владимировна, к. ф. н., доцент каф. французской филологии Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ТРУБА Анна Николаевна, аспирант каф. украинского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ФЕДОТОВА Юлия Станиславовна, аспирант каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ФИЛЮК Лилия Николаевна, к. ф. н., преподаватель каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ФОМИНА Людмила Фёдоровна, к. ф. н., доцент каф. прикладной лингвистики Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ХОМУЛА Нина Андреевна, к. ф. н., доцент каф. языковой подготовки иностранных граждан Сумского государственного университета (Украина, Сумы)

ЦЗЯ ЮННИН, магистр, ст. преподаватель ф-та иностранных языков Сианьского университета (Китай, Сиань)

НАШИ АВТОРЫ

ШАЦКАЯ Марина Фёдоровна, д. ф. н., доцент каф. общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного университета (Россия, Волгоград)

ШВЕЦ Алёна Ивановна, к. ф. н., ст. преподаватель каф. культурологии и искусствоведения Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)

ШУМАРИНА Татьяна Фёдоровна, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ЮХИМЕЦ Светлана Юрьевна, к. ф. н., доцент каф. перевода, теоретической и прикладной лингвистики Южно-украинского национального педагогического ун-та им. К. Д. Ушинского (Украина, Одесса)

ЯКОВЛЕВА Ольга Васильевна, к. ф. н., доцент каф. общего и славянского языкознания Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

Наукове видання

М О В А

**НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНИЙ ЧАСОПИС
З МОВОЗНАВСТВА**

№ 17

2012

Українською та російською мовами

Зав. редакції *Т. М. Забанова*
Технічний редактор *Д. М. Островеров*

Здано у виробництво 08.02.2012. Підп. до друку 02.04.2012. Формат 60×84 ½.
Папір офсетний. Гарнітура «New Standard». Друк офсетний. Ум. друк. арк. 27,44.
Тираж 300 прим. Вид. № 32. Зам. № 76.

Видавництво і друкарня «Астропринт». 65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855

www.astroprint.odessa.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.